

ИСА КАПАЕВ

Саманта

ИСА КАПАЕВ

САМАҶМА

Роман онкамер

МОСКВА
Голос-Пресс
2020

Иллюстрации А. Койлакаева
Дизайн, вёрстка А. Я. Алимовой

Иса Капаев — известный ногойский писатель, автор более тридцати книг. Печатался в таких российских журналах, как «Юность», «Дружба народов», «Знамя», «Дон», «Дон новый», «Берега», «Литерра» и др. Книги писателя издавались в Черкесске, Махачкале, Москве, Ставрополе, Алматы, Нур-султানে, Стамбуле. Произведения включались в различные российские антологии последних лет. И. Капаев является лауреатом ряда литературных премий. В новом романе «Саманта» писатель рассматривает жизнь современного аула и города, его волнует соотношение традиционного и нового в жизни, интересуется тема преемственности поколений и сохранения национальной культуры.

Автор благодарит издательство
«Голос-Пресс» за оказанное содействие
в издании книги

Если исходить из наших морально-этических традиций, то тема этой истории – весьма неблагоприятна. Конечно, об этих событиях можно было и не рассказывать. Но!.. Если не расскажешь, то не будет полной картины нашей распрекрасной действительности. Какое же тогда литература — зеркало народной жизни? Что скажут потомки! Что ни возьми — сплошная идиллия. Не будут они читать наши слащавые описания. Такие истории не типичны для всего народа, но вещи такие всё же происходят. И происходят они среди любого народа. Однако весь народ характеризовать ими нельзя. В стране, где редко встретишь счастливого человека, к сожалению, бедствия, беда, негатив, разочарования — довольно частые отклонения от норм поведения. Такое может происходить всюду, но типичным это никак не назовёшь. Власть, да и общественность такого не позволят. Распространяется подобное невидимыми путями. Можно сказать, посредством нашего быта. Невозможно всё свалить на ящик, вот мол, он показывает всякие безнравственные штучки, это и претворяется в жизнь и катится по всей нашей необъятной Родине, распространяя заразу. Нет. Скорее подобное зарождается в каком-либо семействе, в глубинке, среди людей, стоящих на самой низкой ступени социального развития... Вообще-то, это может возникнуть на любом уровне — в среде более-менее благополучных слоёв, затем расширяется, но ещё не становится характерным. Когда писатели, журналисты начинают видеть это характерное, тогда оно может попасть на экран, в печать, и только после этого становится глобальной проблемой. В обществе начинается брожение. На дыбы становятся обыватели, требуют бороться. Одни обращаются к уже существующим рычагам: традициям, религии. Другие настаивают, что надо повысить уровень воспитания новыми накрученными программами, начинают читать лекции в школах и учебных заведениях, усиливают воздействие на средства массовой информации. Третьи — это происходит чаще всего — направляют удар на тех, кто дал ход обнародованию таких фактов, обвиняют во лжи и распространении негатива в нашем идеальном обществе. Но вопрос к авторам требовательно всплывает на поверхность: зачем надо об этом писать?! Ответ один: затем, что подобное имеет место в нашей действительности, его нельзя утаивать, тем самым усугубляя его проникновение в нашу жизнь. Да и само оно просится, чтобы его обнародовали.

I

Кельдиевы

Братья были из малочисленного рода Кельдиевых. Кроме них, двух братьев, Кельдиевых в ауле Май-тогай не было. У них были родственники по материнской линии, но они тоже мало общались с ними. Внешне братья были очень похожи друг на друга. Оба смуглолицые, с очень узкими синими глазами, с крючкообразными носами, с жёсткими чёрными усами, волосы на головах торчали ёжиком и у обоих серебрились от седины. Только старший брат был на голову выше младшего. И, конечно, характеры у них были разные, даже можно сказать, что противоположные. Хотя они были из малоизвестного рода, братьев знали все, знали и за пределами родного аула. Всё из-за того, что за ними водились довольно странные клички. Старшего брата имя было Умар, но все его звали Информацией, младшего Маульта называли Гондурасом. Клички прилипли к ним, когда они уже были взрослыми. Каждая кличка была со своей историей. Разобраться было трудно, почему у братьев разные характеры. Даже если заглянуть в их недалёкое прошлое. Об их детстве никто не помнил, сами братья тоже не помнили. Бывает же так. Отец у них был небольшого роста, здоровье у него было хилое, сам был малограмотный и очень молчаливый. Говорят, что ребёнком он пришёл в аул из каких-то других мест. Это было в начале тридцатых годов. В ногайских аулах был организован искусственный голод. Опустели аулы. Люди вымирали семьями. Семья Мамета вымерла полностью. Он остался жить каким-то чудом. В ауле не к кому было прибиться. И он, ребёнок пяти-шести лет, ушёл из аула вслед за проезжающей арбой, которая и привела его в этот маленький аул. Тут его и приютили сердобольные люди. Вырос он на задворках у этих аульчан. Мариам, мать сыновей, тоже была молчаливой, высокой худощавой женщиной. Она была синеглазая. Детям передался цвет её глаз. А во всём остальном было много непо-

нятного. Ничего общего с родителями. Возможно, что старшего из братьев с отцом объединяла замкнутость, стремление стоять в стороне от всего, что происходит в ауле, подальше от власти, не замечать плохого, но и хорошим не восторгаться, жить тихо и молча делать своё дело. Но это мало кого характеризует, таких людей в ауле было много, и поэтому он был малозаметный. Вообще надо сказать, что оба брата были трудолюбивыми, они с большим упорством делали порученную работу. Их особо не ценили за это, но и не хулили. Кому-то в этом мире надо было работать. Наверное, это было у них от отца. С детства они не сидели без дела, пасли гусей, овец, когда было необходимо, подсобляли отцу, косили траву, занимались огородом. Старший сын сразу после окончания седьмого класса стал работать в колхозе, во время пахоты был прицепщиком, а в холодную пору работал скотником на ферме. После его призвали в армию, но и там никакой профессии он не обрёл. Младший брат после восьмого класса выучился на курсах шоферов и стал водителем. Он был совершенно противоположного характера. Разительно он отличался и от отца.

В жизни отца Мамета в послевоенное время произошло одно происшествие, о котором долго вспоминали в ауле. В основном помнили его люди старшего поколения. Сегодняшние и даже кое-кто из знавших в лицо Мамета плохо разбирались в этом деле. Поэтому оно предавалось забвению. Сам отец ничего никому не рассказывал. Даже обыкновенных вещей. Со слов аульчан было известно, что Мамет был пришлый, поначалу переходил из семьи в семью, затем воспитывался на руках аульчанина Ильяса Карамова, у которого не было своего сына, а были дочери, с которыми и рос Мамет. Аульчанин относился к сироте хорошо, у него даже было намерение из воспитанника сделать наследника, дать ему свою фамилию Карамов. Но началась война, его призвали на фронт, и оттуда он не вернулся. Говорят, что погиб где-то под Харьковом, среди мёртвых и живых не числился, таких людей с первого призыва на фронт было много. И Мамет стал работать совсем малым подростком, всю войну он пас колхозных телят. После войны, когда жизнь более-менее урегулировалась, его сделали арбачи, возницей. Мамета по состоянию здоровья в армию не взяли. Он был очень худой, похрамывал на одну ногу. Названные сёстры, а их у него было трое, одна за другой вышли замуж. Мамет остался один. В то время был большой дефицит мужчин. Сёстры позаботились о

названном братце. Они-то и уговорили одну из своих подруг выйти за него замуж. Мариам деваться было некуда, она была из многодетной семьи старшей, ее подпирали другие сёстры, тогда выходили замуж строго по старшинству. Мулла совершил некаж — бракосочетание, собрались человек десять родственников с обеих сторон, съели парочку кур, попили чай, ни гармошки, ни песен — вот и вся свадьба. В то время было модно, чтобы в свадебной одежде невесты обязательно были фабричные туфли на каблуках. Если их не было, то одалживали: у подруг, у родни. Но Мариам вышла замуж в домашних тапочках, туфель не было, и ей особенно не хотелось подчеркивать свой рост. У молодожёнов, кроме потрескавшейся саманной хаты под камышовой крышей, ничего не было, из утвари старая, выдавшая виды деревянная посуда, для всех приготовлений один чугунный казан, столик-сыпра с двумя табуретками, ветхий тахтамет — деревянный лежак, деревянные вёдра и коромысло, чтобы принести воды с Кубани. Родственники со стороны невесты подарили тёлку. Скоро в доме появилось молоко. Мамет с утра до вечера пропадал по колхозным делам. Мариам приводила в порядок дом и занималась огородом. Пережили послевоенную засуху. Жили бедно, много чего не хватало, главное, что хотели исправить своё положение, старались. Мамет никаких наставлений не делал, жена занималась хозяйством на свой лад. Мамет свою работу исполнял хорошо, во всём слушал председателя колхоза. Алимурза — председатель жалел его и доверял свои личные дела. Мамет был не словоохотливый человек, а это было важно для председателя. Как бы ни был занят на работе, он успевал накосить сена и для председателя, и для себя, ежедневно накошенную траву отвозил во двор председателя, а после привозил и себе. Надо было накормить лошадь и корову. От лошади и коровы зависела вся жизнь. Засуху преодолели, жизнь тоже стала поправляться. Появился новый урожай. Иногда председатель велел отвезти зерно к себе домой. В этих случаях зерно доставалось и Мамету. Конечно, он получал зерно и за трудодни. Но его было так мало, что полученной из зерна муки никогда не хватало, к концу зимы она полностью иссякала. А надо было иметь продукт питания до следующего урожая. Хлеб был дороже золота. Хотя такие люди, как Мамет, в глаза не видели золота. Через два года после смерти Сталина у них родился первенец, второй родился чуть позже. Жизнь в ауле улучшалась. Благодаря председателю он исправлял своё семейное положение. Сам немного поправился.

В тот день Мамет с тока отвёз во двор председателя три мешка пшеницы. Мешки он замаскировал под накошенной травой. Нельзя было, чтобы кто-то увидел. Когда они с председателем унесли два мешка с арбы в председательский сарай, Мамет собирался пойти за третьим мешком. Председатель его остановил: «Третий мешок тебе», — сказал он мягким голосом, положив руку на его плечо. С того урожая до этого, он таким же образом, после председателя, отвозил домой по полмешка. Он не ожидал такой щедрости. Но как говорят: «Не всё коту масленица». После радости обязательно должно было что-нибудь случиться. Тёмной ночью беда постучалась в их дом. Стучали в окно и кричали на русском языке:

— Кельдиев, открывай! Твою мать, вражина!

Недавно сомкнувший глаза Мамет проснулся от этого крика. Проснулась и жена.

— Что случилось? — спросила шёпотом она, боясь разбудить спящих детей. Вся семья спала на тахтамате, укрывшись овчинными шубами, младший спал в колыбели.

— Открывай, Кельдиев! — орал снаружи голос, продолжая настойчиво стучать по стеклу.

Мамет как был в нижнем белье, протирая глаза, поспешил к двери.

— Может, бандиты?! — кинула вслед Мариям.

— Какие бандиты? По-русски же говорят, — ответил хозяин и, выйдя в сени, отвернул вертушку запора.

— Мы явились вас арестовать! — рыкнул мужской голос.

В ярком лунном свете Мамет разглядел офицерскую фуражку и перекинутый через плечо ремешок, на конце которого висел планшет. И, поняв, что всё серьёзно, он отступил в сени. Ночной гость, нагнувшись, прошел через двери и грубо толкнул Мамета в комнату.

— Одевайся! Поедешь с нами! — сказал он, оглядев жилище. И прикрикнул: — Зажги лампу, душпан!

От крика проснулся младенец в колыбели. Жена поспешила взять на руки ребёнка и стала убаюкивать. Мамет стоял ошарашенный. Он по-русски плохо понимал, знал только некоторые обиходные слова. Ребёнок не успокаивался. Мать быстро качала в руках младенца. Гость вытащил из кармана спички и зажгёт. Он осветил комнату и, увидев на подоконнике керосиновую лампу без стекла, схватил её и поставил на

низкий столик-сыпра. Затем, достав вторую спичку, зажѐг её и приставил к фитилю лампы. Когда зажглась лампа, он взял её в руки, осветил женщину с плачущим ребёнком, а затем направил свет на Мамета:

— У-у! Морда фашистская! — прикрикнул он.

Мамет весь затрясся от страха. Ребѐнок заорал пуще. Перепуганная мать стала трясти младенца ещё сильнее. Гость поставил лампу на столик-сыпру, после важно достал планшет, раскрыл его, вытащил из нагрудного кармана гимнастѐрки огрызок карандаша, пододвинув табуретку, сел и, положив планшет на столик, собрался писать.

— Фамилия?! — закричал он.

Мамет вытянулся в струнку, не зная, что сказать.

— Фамилия? Мать твою, Кельдиев! — рыкнул гость.

— Не понимай... — выдавил из себя хозяин дома.

— Кельдиев! — проговорил мужчина, делая вид, что пишет на заложенном в планшет листке, резко поднял голову и громко крикнул: — Имя, отчество?! — Мамет молчал. — Ну, дурак дураком! Одевайся! Тюрьма! Тутнак! (Тутнак — тюрьма).

— Зачем тутнак? — взмолился Мамет.

— Потому что воровайт! Тебе положено тутнак! Десять лет!

Мамет сел с края тахтамета и заплакал, прикрывая глаза ладонью. Жена не в силах была успокоить ребёнка, от слова: «тутнак» заплакала навзрыд. От её рыдания проснулся и старший сын, он испуганно прижался к матери. Ночной гость выдержал паузу, затем кулаком хлопнул по столику и прикрикнул:

— Молчать!

Но никто не собирался молчать. Тогда гость сложил планшет, положил карандаш в нагрудный карман, подняв лампу, осветил лицо Мамета:

— Выйдем! — приказал он.

Мамет, не поняв приказа, утирал слѐзы. Гость свободной рукой потянул хозяина за холщовую нижнюю рубаху. Выведа Мамета, он прикрыл двери комнаты с плачущей семьѐй.

— Воровайт?! — прикрикнул гость.

— Не понимай, — прошептал хозяин.

— Председатель воровайт! Ты! — ткнул пальцем в грудь хозяина, совсем близко осветил его лицо. — Тоже воровайт!

— Не!

— Председатель воровайт, ты воровайт! — повторил он.

— Не видал, — пробормотал Мамет.

— Мать твою! — по-ногайски выругался гость и, близко приставив лампу к лицу, рыкнул: — Зерно есть?!

Мамет вопрос понял и, подойдя к закрому, открыл крышку. Гость осветил лампой содержимое закрома:

— О-о! Зер гут! — сказал он по-немецки, затем по-ногайски приказал: — Насыпай в мешок, да побыстрей!

В комнате, где осталась семья, рёв приутих.

— Дезертир Мамет Кельдиев! Тюрьма по тебе плачет! Десять лет самое малое! — приговаривая по-ногайски, смотрел, как насыпается зерно.

— Не видал, — бормотал Мамет, даже не обращая внимания на то, что гость с ним говорит на родном языке.

Когда хозяин насыпал более половины мешка пшеницы, гость потрогал рукой мешок и приказал:

— Хватит! Завязывай и подымай! — Когда Мамет взвалил на спину мешок, сказал: — Пошли за мной.

Во дворе возле калитки был привязан оседланный конь. Дойдя до коня, гость приказал:

— Ставь на землю!

Мамет поставил мешок на землю. Гость передал лампу хозяину и, подняв мешок, как бы взвешивая, завязал его и кинул перед седлом, затем одним махом лихо вскочил на коня:

— Тюрьма! Тутнак! Десять лет! — пригрозил и ударил коня каблуком правого сапога по боку задней части.

Он долго смотрел в темноту, откуда ещё долго слышался стук подков по каменистой почве.

Когда вернулся в дом, семья совсем притихла. Старший сын, натянув на себя овчину, похрапывал. Младший, не издавая звуков, лежал в колыбели. Жена, разглаживая лоб, еле слышно проговорила:

— Спаси нас Всевышний!

Мамет поставил лампу на стол и, сделав глубокий вздох и выдох, сел с краю тахтамета.

— За что тутнак? За что? — шептали его губы.

— Отец моих детей, — тихо обратилась жена, — а он на Адемю похож, что через дом живёт!

— Похож-то похож. А говорит-то на русском языке! Нет! Это НКВД! Председателя тоже обвиняет, хочет, чтобы я его очернил. Председатель мне как отец! — Мамет заплакал.

— А что ты сказал?

— Сказал: «Спасибо, что не видал!» — муж проговорил смешанное на ногайском и русском языках выражение, оно часто применялось в тогдашнем разговоре аульчан.

— Что же будет?! Аллах мой! — зашептала жена, быстрыми движениями разглаживая лицо.

Все последующие дни Мамет ходил сам не свой.

Это были проделки известного в ауле пропойцы и драчуна Адемей. Фронтовика. А фронтовики тогда бедокурили, вели себя заносчиво по отношению к остальному населению. Особенно Адемей. Он вернулся с войны дважды раненный, при орденах и медалях. Без водки он не мог жить, а напившись, скандалил почти со всеми, часто дрался, а дома до полусмерти не раз избивал жену, которая часто убегала от него огородами к соседям. Как-то она даже пряталась до утра и у Мамета дома. На Мамета он наезжал ещё несколько раз, пока у Мамета не иссякло полностью собранное зерно. Дармовое зерно Адемей вёз в аульский сельмаг и там у русского продавца Кости обменивал на водку. Водку пропивал со своими друзьями. Конечно, такие люди, как Адемей, не умели держать в тайне свои проделки. Чтобы позабавить друзей, он бахвалился, поведал им эту комическую ситуацию. Мамет же до тех пор, пока об этом не узнал председатель колхоза, не мог понять, что это не Адемей. Он жил с бедой в сердце и со дня на день ждал, как к нему явятся энкавэдэшники. И смех, и грех!

О проделках Адемей председателю Алимурзе рассказал один из аульчан. Алимурза такого не мог потерпеть. От услышанного он побагровел, приказал срочно привести Мамета. Когда Мамет зашёл, Алимурза, яростно топая сапогами по полу, гневно закричал:

— Ты чего молчал?!

— Я думал, это нашальник! — пробормотал под нос Мамет.

— Какой нашальник?! Это пьяница Адемей!

— Я думал, НКВД! — виновато сказал Мамет.

Сидевшие в конторе колхозники заулыбались.

Председатель, задыхаясь от возмущения, затеребил воротник кителя:

— Вы посмотрите на него! Адемей энкавэдэшник? Ты же каждый день видишь его! Он твой сосед!

— Днём он Адемей, а ночью он НКВД! Они же не говорят, кто они! — простодушно сказал Мамет.

Колхозники засмеялись, но логику в словах Мамета уловили.

— Коня! — закричал взбеленившийся председатель. Он резко встал, оттянул полы военного кителя, поправил на груди орден Красной Звезды, хотел взять лежащую камчу, но передумал, махнул рукой и снял висящий на стене хлыст с длинным, как чёрная змея, плетением. Громко стуча каблуками об пол, вышел наружу, на крыльцо.

Когда подвели коня, Алимурза, как молодой джигит, с крыльца запрыгнул в седло. Утром он видел сидящую у оврага кампанию Адемeya. Ему давно хотелось проучить аульских забулдыг. Особенно Адемeya — главного зачинщика. Кампания тоже заприметила мчащегося на коне председателя. Адемей привстал над сидящими и, широко улыбаясь, выставил навстречу всаднику своё раскрасневшееся лицо. Когда конь Алимурзы резко приостановился возле него, он развязно проговорил:

— Ну, как маршал Рокоссовский!

— Ты чего распоясался?! Ты чего над людьми издеваешься?! — громко закричал Алимурза.

— Ох, ты! Это над кем я издеваюсь?! Поубавь свой пыл!

— Я тебе поубавлю! Коротышкой сделаю! Чего ты над Маметом измываешься?!

— Ах, над Маметом! Над этим дезертиром?!

— Никакой он не дезертир! Он фронт поддерживал и твою семью кормил! Пьянчужка!

— Ну, ты гад! Я кровь проливал на фронте! — заорал Адемей, рванув ворот своей гимнастёрки.

— Это тебе за гада! — Алимурза наехав на коне, хлестнул хлыстом Адемeya.

— Больно! — вскрикнув, Адемей сквозь зубы процедил: — Падло!

— А это за падло! — ещё раз хлестнул председатель.

Адемей отскочил в сторону и стал искать камень:

— Падло! Да я тебя! — ещё раз процедил он сквозь зубы.

Но председатель не отставал, опять и опять наезжал на коне и хлестал. Адемей отбежал как можно дальше, принял бойцовскую стойку, затем быстро сунул руку в рот и, выта-

щив съёмные челюсти, засунул их в карманы галифе. Он часто в драках разбивал свои челюсти и ему приходилось за новыми ехать в город.

— На безоружного, слезай с коня, посмотрим, кто кого! — заорал Адемей.

— Не буду я о тебя марать руки! Если ещё раз выдашь себя за кого не следует, за компрометацию органов, я тебя на Колыму отправлю! — закричав, Алимурза со всей силы хлопнул хлыстом о землю, рядом с Адемеем.

Адемей отскочил в сторону, но свою прыть не убавил.

— Ой, ой! Посмотрим, кто на Колыму пойдёт?! — зашепелявил он беззубым ртом.

— Я тебе сказал! Ещё раз повторится — по полной программе загремишь! — погрозив хлыстом, Алимурза развернул коня и умчался...

После случившегося происшествия Адемей экзекуцию над Маметом не производил. Об этом случае люди старшего поколения часто рассказывали друг другу. Умилялись над поведением Адемеем, удивлялись наивности Мамета. Но умерли и Адемей, и председатель колхоза Алимурза, вслед за ними умерли Мамет и его жена. История потеряла ценность. Даже Информация, наслышанный об этом, не знал сути происшедшего, не мог в деталях рассказать обо всём. У него и память была плохая, и не мастак был он говорить, пересказывать. Подробный рассказ об этом он услышал на сороковинах покойного отца. После того, как мулла прочитал молитвы и поели ритуальные кушанья, люди разошлись, а седобородый аксакал Ажи-гирей, позвав его, усадил на скамью и неторопливо рассказал всю историю.

— Простодушный был Мамет, пусть в раю обретёт место, — добавил аксакал.

— Интересно, а кто дети этого Адемеем? — спросил Информация.

— Кто, кто?! А ты не знаешь? Павлик Морозов! Правда, эта кличка к нему плохо прилипла. С его кличкой такая история. Сын Адемеем после окончания института стал работать в профкоме совхоза. Так он на первом же собрании заявил, что надо завести персональное дело на коммуниста Адемеем Бекова. После люди долго Темирбека называли Павликом Морозовым из-за того, что он пошёл против родного отца.

— Вот это да! Темирбек сын Адемея? Раньше, пока не переехали, они жили рядом с нами. Интересная информация!

— А ты не знал?

— Откуда мне знать? Нас, детей, в такое не посвящали.

— Так знай: Адемея сын — Темирбек. Он же Павлик Морозов! Так мы, взрослые, называли за спиной. Семья-то была нехорошая. И сын, как и отец, был драчливый, затем он стал работать в городе профсоюзным деятелем. Поднялся. Все его звали Темирбек Адемеевич или просто Красный Темирбек. А Павлик Морозов — была слишком обидная кличка, ею обзывали за спиной. За неё Темирбек мог по морде дать.

— Удивительно! — произнёс сын Мамета, тогда он ещё не носил свою кличку.

Что бы там не говорили о Мамете, он вырастил своих сыновей. Успел и поженить обоих. Даже успел отделить старшего Умара и вселить в небольшую хату-мазанку.

Аннa и Информация

Как вызывало недоумение замужество, в общем-то красивой Мариям, так и женитьба Умара на Аннa вызвала немало разговоров. Выход замуж Мариям за пришлого Мамета объяснялся послевоенной жизнью, отсутствием мужчин. Безродность наносила какой-то отпечаток и на детей. Аннa была из добротного рода. Тем более, что во времена молодости Умара и Аннa девушки из такого рода старались выходить замуж за равных по происхождению, а также старались найти парней, приобретших специальность и получивших хоть какое-то образование. Но так уж случилось, что парни из родовитых семей и имеющие какую-то специальность обходили стороной Аннa. О молодых людях, получивших дипломы о среднем и высшем образовании, даже речи не шло. Парней, намеревавшихся создать семью, что-то отталкивало от этой девушки. От неё так и несло неповиновением и дерзким поведением. Как-то один из сверстников, поведя себя развязно, случайно дотронулся ладонью до её предплечья. Тогда она отреагировала тотчас и ударила парня тыльной стороной ладони так сильно, что он скорчился от боли. Это происшествие многие увидели в сельском клубе, поэтому женихи её сторонились.

Анния старалась быть в стороне от аульских сплетен, но к своей репутации относилась ревностно. Она умела за себя постоять. За Умара она вышла из-за необходимости. Остаться в девках было хуже — она это понимала. Любовного романа у них не было, как и не было продолжительного ухаживания парня за девушкой. Умар был скромный человек, ни в чём себя не выпячивал. Даже после службы в армии, когда демобилизованные парни некоторое время вели себя с чувством превосходства перед аульчанами, у него же не было проблесков оказания на кого-то впечатления. Он знал, что ему надо жениться, но очень надеялся, что это произойдёт само собою. Только произошло это через долгие пять-шесть лет после армии. Он любил ходить в сельский клуб посмотреть кинофильм, более из-за того, что в клубе он мог увидеть девушек. Со сверстниками, друзьями по детству он почти не общался, отчуждался от них. Кое-кто приставал к нему, но он от них при первой возможности уходил, не задерживался, предпочитал одиночество. Интересный был он человек, что-то в нём было от людей старого поколения. Он не вмешивался в чужие дела. На сплетни и на всякие интригующие разговоры не обращал внимания. Если кто-то с кем-то ссорился, он не принимал чью-либо сторону. Предпочитал оставить их до окончательного выяснения отношений. Он сразу устроился на работу в строительную бригаду, молча исполнял порученные ему задания, мало с кем беседовал. Искать другую работу не собирался, хотя эта работа была нелёгкая. Вечером привычно шёл в кино, после кино торопливо уходил домой. К его поведению молодые люди привыкли, не навязывались в друзья.

В клубе всё же нашёлся человек, который давно присматривался к нему. Это была черноволосая, смуглолицая, слегка курносая, с большими черными глазами девушка. К тому времени Анния окончила школу, пыталась поступить в педагогическое училище, но не смогла, провалилась на экзаменах. Она с детства, как учили родители, считала, что каждый человек сам вершителю своего будущего, после провала с учёбой она уразумела, что у неё один шанс в жизни — это выйти удачно замуж. Её одноклассники мальчишки в большинстве своём поступили на учёбу и по отношению к ней вели себя очень вертляво и несерьёзно, поэтому полагаться на какие-то возникновения отношений с ними она поняла, что нельзя. К тому же она сама комплексовала перед ними и поэтому в силу

своей девичьей гордости заискивать перед ними не могла. Её ровесницы, которые не учились, сразу повыскакивали замуж. Она задержалась, возник страх, что не сможет найти себе пару. То есть, её должны были выбрать женихи. И она поняла, что надо самой с этим делом справиться. Когда увидела Умара, она как-то сразу решила, что он вполне подходящая кандидатура. Парень был старше её, она ощущала его рассудительность, он не участвовал в шумных компаниях, ходил особняком. Да и внешне, что очень важно для молодой девушки, выглядел недурно. Ростом был выше неё, крепкого телосложения, лицом не плох. Особенно привлекли необычные синие глаза. Она ещё до знакомства прямо впиалась в его невозмутимые очи. Умар не ответил взглядом, но взгляд девушки запал в душу. Они жили на одной стороне аула. После окончания кино девушка специально приотставала и шла вслед парню. Она надеялась, что он обернётся и заговорит с ней. Он же шёл окутанный в свои мысли и ни разу не посмотрел назад. Она поняла, что это может длиться вечность, благо, что попутчиков по их пути не было. Поэтому в одно из возвращений из клуба она догнала Умара.

— Прямо, как одинокий волк! Без друзей, без близких ходишь, — сказала она, переводя дыхание.

— Хорошо, что не с собакой сравнила! — удивился Умар, вглядываясь в неё.

— Вообще у меня имя есть.

— Как же тебя зовут?

— В свидетельстве Анифе, но все зовут Ання. А тебя?

— Меня Умар.

Так они познакомились. Затем дело пошло как по накатанной дорожке. Следующий сеанс она повторила, тоже догнала его. Приходилось вытягивать слова из Умара, она поняла, что это характер молодого человека и надо, чтобы инициатива исходила от неё. Через несколько ходок в кино она ему прямо сказала:

— Хотя парней много за мной увивается, мне нужен степенный человек.

Умар подумал над словами, подавив смущение.

— Я бы тоже мог жениться на тебе, — дал согласие и он.

Они договорились и сыграли небольшую свадьбу. Родители Умара ещё были живы. Молодые некоторое время жили с ними. Затем получили земельный участок и за короткий

срок построили хату-мазанку. Умар был доволен сложившимися обстоятельствами, жена ему нравилась. Ання хотя и мечтала когда-то о перспективном женихе, смирилась со своим положением и надеялась, что их жизнь поправится, стремилась к улучшению достатка. Главного она добилась, вышла замуж, обзавелась своей крышей. Она знала, что всё будет зависеть от приложенных усилий. Умар работал разнорабочим на стройке, таскал мешки с цементом, подавал кирпичи, копал землю, нагружал и разгружал песок, мешал раствор. Он был исполнительный, терпеливый. Порой он так сильно уставал, что придя домой, сразу валялся с ног и просыпался на рассвете. Тогда всем мало платили. Через три года совместной жизни пришлось работать и Ання. Она стала числиться дояркой на ферме. За то, что она ходила на утреннюю и вечернюю дойку, ей давали вообще мизерную плату. Но это был немаловажный приработок. Было ещё одно преимущество в её работе. В то время в совхозе все понемногу приворожывали. Так и Ання с каждой дойки приносила домой по полтора литра молока в грелке. Резиновую грелку, как и другие доярки, она привязывала под халатом к животу, чтобы не было видно. Молока им хватало, скот они во дворе не держали. Все помыслы Ання были о новом доме. Свои и мужнины заработанные деньги она аккуратно собирала на строительство нового дома. Вскоре они провели талаку (помочь), собрали родственников, соседей и, привезя камень с берега Кубани, выложили фундамент.

Как-то Ання возвращалась с дойки по просёлочной дороге, как раз в это же время ехал на ГАЗ-69 и управляющий Юсуф. Он следил за порядком и обязательно заезжал на ферму, чтобы удостовериться, всё ли в порядке на объекте. Если управляющий останавливал машину, чтобы не идти пешком почти три километра, доярки с удовольствием садились к нему. Без всякого подвоха, конечно, когда машина остановилась, села и Ання.

— Тебя, кажется, Ання зовут? Садись, подвезу, — блестя золотым зубом, проговорил управляющий. От управляющего разило крепким мужским одеколоном. Запах одеколона произвёл впечатление. Подумав: «Есть же такие мужчины» и с любопытством взглянув на него, она весело ответила:

— По-ногайски Ання, по-русски Аня. Это, наверное, одно имя?!

Управляющий, хотя и был небольшого роста, всегда ходил с выпяченной грудью. Это да ещё выдвинутый живот его делали очень важным человеком. Разговор у него был громкий, с приказным тоном, ему редко перечили работники. В совхозе его побаивались.

— Идешь, а следом капает, — сказал Юсуф, включая скорость.

— Ничего не капает! Что может капать?! — испугалась Ання, сощуриив чёрные глаза и раздувая ноздри.

— Капает! Надо проверить, — прикоснулся он рукой к её животу. — Ох ты, какой упругий живот! — и он просунул руку под халат, его шероховатая рука коснулась тонкого нижнего белья.

— Я лучше сойду! — испугалась женщина.

— Нет, ты лучше со мной поедешь!

— Куда я поеду? Остановите! — потребовала она.

Но Юсуф не убирал руки из-под халата, и даже коснулся её груди:

— Сейчас заедем в контору, составим акт, а после на все четыре стороны!

— Я вам отдам молоко! — сказав она и, прикладывая силу, отвела крепкую руку от груди.

— Нет! Составим акт, а потом проведём собрание. Пусть коллектив решит, что делать.

— Но ведь все воруют.

— Если все, то и молока не хватит. Это хищение! Назови, кто?! Мы их тоже обсудим.

— Я не хочу, чтобы меня обсуждали, — у неё блеснули слёзы под глазами.

— Я на должности! Мне надо, чтобы в моём ведомстве был порядок!

— Я больше не буду!

— Мне даже интересно: как отреагируют наши рабочие на такое хитрое хищение. Воровство не должно являться примером. Нельзя поощрять воровство!

— Я на всё готова, если вы про это!

— Ты догадливая! — Юсуф, отвернувшись, ухмыльнулся, убрал руку.

Молодуха ему нравилась ещё с тех пор, как он принял её на работу. Такие, как Ання, молодые женщины на ферме не работали. На дойку ходили пожилые женщины. Молодые чурались этой деятельности.

— Может, на Кубань махнём? — спросил Юсуф.
— Ещё чего? Кто-нибудь увидит!
— Тогда домой к тебе?
— А вдруг муж придёт?
— Сегодня стройбригада в соседнем ауле склад достраивает. Так что не придёт!
— Опасно! — замотала опущенной головой Ання.
— Мало ли что?! Воды попить зашёл или что-то спросить? Мы по-быстрому.
— Это вам, мужикам, по-быстрому. А нам каково?!
— проговорила Ання, как будто она женщина с большим опытом.

Ання первой сошла с машины, и, оглядываясь по сторонам, заскочила в мазанку. Через некоторое время Юсуф взял под мышку газеты и важно неторопливо пошёл следом. Дом состоял из небольшой кухни и жилой комнаты, в которой помещались деревянная кровать и стол. Юсуф оставил на кухне газеты и сразу подскочил к женщине, обнял, неторопливо просунул руку между пуговицами халата. Он развязал веревочки, которыми была привязана грелка на поясице, подкинул её в воздухе и быстро положил на стол.

— Подождите, — проговорила Ання, отойдя, прошла на кухню и защелкнула дверь на крючок...

Когда ушёл Юсуф, Ання долго не могла прийти в себя. До самого вечера она не находила себе места. Грелка лежала на краю кухонного стола, как укор всему, что произошло. Она не притронулась к ней, грелка обжигала душу. Ання не пошла на вечернюю дойку. Женщины иногда пропускали дойку, все понимали, что дома может что-то произойти, поэтому подменяли друг дружку. Ання сама не раз подменяла знакомых. Когда с работы вернулся муж, она приняла обычный вид. Встретила его, насупив брови, разогрела на электроплитке ужин и подала его на тарелке. Муж быстро съел соус с картофелем и застыл в ожидании. Ання осторожно прикоснулась к грелке, подняв её, открутила крышку и перелила молоко в глиняный кувшин, затем из кувшина налила в алюминиевую кружку. Муж молча выпил молоко, отложив кружку, не раздеваясь, прилёг на кровать. Ання вспомнила, как на этой кровати лежала с жирным Юсуфом. Подавив смущение, она убрала со стола и помыла в ведре посуду. Покончив с посудой, она вскользь глянула на мужа. Тот уже закрыл

глаза и задремал. Перед её глазами пронеслись сцены, происшедшие на этой кровати. Обычно с мужем интимные отношения происходили в темноте. Раздевшись, она ложилась на кровать рядом с мужем. Через некоторое время просыпался и он, раздевался... Получив удовлетворение, она засыпала. Засыпал и муж... С Юсуфом всё случилось при свете. Она лежала, не раскрывая глаз. Для сравнения и подчеркивания каких-то особых моментов у неё не было опыта. Обуянная страхом и стыдом, она почувствовала темперамент управляющего и то, что он обращался с ней по-хозяйски. Последнее запало в память. Когда всё свершилось, Юсуф пролежал на кровати несколько минут, после лихо вскочив, стал на глиняный пол. Ання лежала на животе, пряча голову, и всё время рукой хотела вытащить из-под себя одеяло, чтобы укрыться. Юсуф не сдержался и шлёпнул её по ягодицам ладонью.

— Больно! — вскрикнула она и, сев на кровать, прикрыла руками грудь.

— Не бойся, Ання! Всё у нас будет хорошо! Ты очень пригожая девка!

— Я боюсь с вами встречаться! — искренне промолвила она.

— Что, с мужем у тебя лучше получается? — он подсел к ней и рукой взял грудь.

— Разве в этом дело? Нельзя, чтобы об этом кто-либо узнал!

— Не бойся, никто не узнает!

— Ага! — хмыкнула она.

— Мы тебе ещё новый дом построим. Материал я достану. Только не будь душой.

— А если ваша жена узнает?

У Юсуфа с женой было трое детей. Они жили в соседнем ауле.

— Ну и мне нельзя быть дураком. Честь надо беречь. Пробьёмся! — сказав, он встал, надел брюки и туго затянул ремень под нависшим животом. Потом он показал рукой на принесённые им газеты:

— Пусть муж читает. Это век просвещённых людей! — сказав, он окончательно собрался и ушёл.

Ання посмотрела на положенные на полку с посудой скатанные в трубку газеты, затем на спящего мужа. Перед тем, как лечь, она разбудила мужа, чтобы он разделся. Муж встал и стал раздеваться, Ання расстелила простыни. Муж, не про-

изнеся ни одного слова, лёг, через некоторое время и она легла. Долго не могла уснуть. Из головы не уходили слова о том, что Юсуф будет помогать со строительством дома. Все её предыдущие переживания затмила эта мысль. Перед сном она твёрдо решила сама вершить судьбу.

Сначала Умару выписали кирпич, затем и столярку. Выписали по дешёвым расценкам. Таким образом в совхозе одаривали многосемейных, ветеранов войны и инвалидов, но нередко выписывали и родственникам. Тогда ещё никто не догадывался о том, за какие заслуги получила стройматериал семья Умара. Работая в строй бригаде, песок, цемент, глину он привозил с участка, где работал. Так делали почти все строители. Он не планировал так быстро обрести материал, но, когда его легко приобрёл за короткое время, притом в избытке, он осенью расширил фундамент, а весной начал кладку стен. Всё это время Юсуф регулярно навещал Ання. Край аула, на котором стоял их дом, тогда был мало застроен. У них даже с трёх сторон не было соседей. Поэтому его приезды на машине были малозаметными. Юсуф, когда намеревался посетить Ання, сначала посещал место работы Умара, убедившись в том, что муж на работе, он ехал к её дому. В первое время он ездил сам один, а после и вместе с водителем. Водитель сидел в машине и наблюдал, чтобы никто не направился в сторону дома, и в случае опасности свистом или сигналом должен был предупредить управляющего. Юсуф водителю доверял, и водитель ни слова не говорил о его делах. На следующий год дом был отстроен и покрыт шиферной крышей. Дом выделялся среди других аульских. Дома, отстроенные заводским кирпичом и покрытые шифером, в ауле можно было пересчитать на пальцах. Поэтому его строительство за столь короткий срок у многих вызвал подозрение. После Юсуфа послали на учёбу в Ростов-на-Дону. За год его отсутствия Ання забеременела и родила Саманту. В том, что дочка от мужа, женщина не сомневалась. Однако сомнения у неё возникли позже, когда дочка подросла... После возвращения с учёбы Юсуф опять навещал Ання, она ещё кормила грудью ребёнка. Как-то женщина пожаловалась, что у мужа тяжёлая работа.

— Мастером или кладовщиком я его не могу устроить. Образование, навык нужен, — сказав, он вопросительно посмотрел на Ання.

После рождения ребёнка женщина не работала. Получилось так, что совхоз распродал крупный рогатый скот и ликвидировал молочно-товарные фермы. Зарплата у мужа была небольшая, и шабашки никакой не было.

— Жить трудно стало! — пожаловалась Ання.

— Ради любимой чего только не сделаешь. Давай, я его чабаном овец устрою. Кроме зарплаты, будет и моих барашек смотреть, да и своих заведёт. Здоровый мужик! Работа не трудная.

— А он сумеет? — удивилась Ання.

— Чего там уметь? Сядет на коня, и целый день на природе будет пропадать. Да он, наверняка, всё детство отцовских овец пас. Особой учёбы не нужно. Зимой, правда, будет напряг. Но не один же, подпаски будут.

Так Умар стал работать чабаном. Юсуф отправил его на самую дальнюю кошару. Теперь Умару надо было одну неделю быть на кошаре, а затем несколько дней отдыхать дома. Работа не требовала физических нагрузок. Платили и деньгами, и зерно для муки выписывали. В ту неделю, когда работал Умар, управляющий навещал его жену. Даже бывало ночью. Благо, что с наступлением темноты весь аул не выходил из домов. С двух сторон от их дома появились соседи, но дом стоял на краю аула. Хотя он находился у Анни всего час, приезд Юсуфа днём стал вызывать опасения. Она чувствовала, что аульчане догадываются о причинах регулярных приездов управляющего. Некоторые донимали расспросами водителя. Однако водитель был крепкий орешек, он хорошо знал, чем чревата утечка информации о жизни хозяина, и не раскалывался. Он всё время отвечал, что управляющий привозит газеты для чабана, что это входит в его обязанности. Умар в свои выходные дни, выходя на улицу, носил подмышкой свёрнутые трубкой газеты. Аульчане, не скрывая любопытства, спрашивали у него: «О чём пишут в газетах?» Умар, не чувствуя подвоха, важно раскручивал одну из газет, делал вид, что читает, затем, неторопливо отрывая глаза от чтения, говорил с чувством превосходства:

— Сейчас в мире очень важна информация, Кто владеет информацией, тот владеет миром!

— И откуда ты таким словам выучился? — подкалывали его они.

Естественно, что прямо высказать свои подозрения все побаивались. Из-за управляющего, который не потерпел бы

такого. Да и Умар был сильный мужик, он без всяких обиняков за оскорбление мог захватить по морде любому в ауле.

— Всем надо читать газеты. В наше время человек должен быть информированным! — наседали на свой конёк Умар.

Некоторые посмелее:

— Газеты Юсуф домой привозит? — настойчиво спрашивали.

— И домой, и на работу. Управляющий заботится о нашем культурном уровне. У нас в кошаре и красный уголок есть, а там все свежие газеты и журналы. Мы читаем в свободное время.

— Информируйся, информируйся, — двусмысленно говорили Умару.

А с него, как говорится, как с гуся вода. Он в своих мыслях ни на йоту не мог допустить тогда измену Ання. Не познав суть, аульчане покидали его, но за спиной прозвали Информацией.

А что можно было сказать? Как говорится, никто свечки не держал, когда Ання принимала Юсуфа. Народ в ауле придерживался своей морали, во всём старались сохранять достоинство. Достойные люди считали зазорным говорить о своих подозрениях. Все знали, что мелкие люди не следят за своей речью и не отвечают за произнесённое. В то время часто встречались такие, которые, не желая стать соучастниками плохого, помалкивали. Некоторые, даже будучи свидетелями непристойного дела, старались не вспоминать и оставались в стороне.

Юсуф от народа дистанцировался. О своих делах и планах он никому не докладывал. Даже по пьяни от него ничего не слышали о личной жизни. Ання он по-своему любил. Как молодую, симпатичную женщину. Отношения у него с ней дальше плотской утехы не заходили. И это он держал в строгой тайне. Правда, как-то он спросил у Ання: «А дочка случайно не от меня?» «Вы что?! Пусть Аллах простит вас за это! Я забеременела, когда вы в Ростов уехали учиться». Он больше этот разговор не подымал, а она тем паче.

Для Ання её связь была очень сокровенной тайной. Тайной, которая уже становилась неотъемлемой частью её семейной жизни. Она очень боялась, что об её связи узнает муж. И представить себе не могла, что произойдёт, если он узнает. Но цену себе знала и была уверена, что содержание семьи зависит от её связи с Юсуфом. Муж же думал, что и удачная

постройка дома, и всякие блага, и лёгкая работа были даны ему по случаю везения. Иногда Ання, чтобы опередить события, предотвратить обнаружение мужем главного источника везения и как-то оградить его от подозрений, она всячески старалась направить его мысли по правильному руслу.

— Надо гордым быть. Надо вести себя высокомерно. У тебя хорошая работа, делай так, чтобы не было нареканий со стороны Юсуфа. Он так заботится о нас, видишь, сам газеты привозит. А тебе обещал премию выписать в конце года! Мы с тобой образцовая семья! — часто убеждала она мужа. Другой раз говорила: — Люди завидуют нам. А человеческой зависти надо остерегаться. Люди могут наговорить самые невероятные вещи. Надо на корню предотвращать клевету!

Сама она надменно держалась перед аульчанками. Они часто смотрели на неё, как бы старались её разоблачить, она же им в ответ только улыбалась. К ней в дом редко кто заходил, она тоже ни к кому не ходила в гости, встречи с односельчанками происходили на поминках или на свадьбах. Она им мало говорила, больше молчала, надменно улыбалась. У неё выработались какие-то барские движения, здороваясь, она делала вид, что делает одолжение. Иногда во время разговора ни с того ни с сего отворачивалась, будто думает о чём-то своём, чем обескураживала собеседниц. Это раздражало, особенно женщин. Хотя улыбка не сходила с её лица, все ощущали в ней твёрдый характер. Конечно, никто бы ей не высказал свои подозрения, все осторожничали с ней.

Как-то в разгар уборки Юсуф подъехал к ней среди бела дня. Было очень жарко. Сосед Паша, аульский электрик, как раз был во дворе, вытаскивал из колодца ведро с водой. Он посмотрел в сторону подъехавшей машины, увидел, как из неё вышел низкорослый, пузатый Юсуф и направился во двор со свёртком газет. Фигура его исчезла в летней кухне. Сосед подождал, пока пройдёт некоторое время. Водитель, как обычно, откидывал сиденье и использовал момент, чтобы прикорнуть. Паша почти на цыпочках прошёл мимо машины, беззвучно открыл калитку и вошёл во двор. Он тихо подкрался к летней кухне. Паша хотел бесшумно открыть дверь, но дверь не поддавалась, тогда он на свой страх и риск резко дёрнул за ручку. Не тут-то было, дверь и так не поддавалась. Опытные любовники всё предусматривают. Это не остановило Пашу. Он всегда свое-

вольничал в аульских домах. Очень затребованная на селе профессия обуславливала его наглое поведение. Он заглянул сначала в одно окошко, затем в другое. За стеклом трудно было что разглядеть. Он, не скрывая своей наглости, даже приставил лоб к стеклу и стал вглядываться в темноту. Но не успел оторваться от стекла, как резко открылась дверь изнутри, из неё выскочила с растрёпанными волосами Ання в халате. Женщина с разбегу пинком в бедро свалила его на землю и уже лежачего стала мутузить кулаками. Лупила изо всех сил, не останавливалась ни на секунду. Сделав секундную передышку, одной рукой схватила его за волосы, стала его таскать по земле, затем поставив на колени, продолжала бить другой рукой. Сначала ошарашенный Паша отбивался руками, затем стал орать от боли. На крик прибежал проснувшийся водитель и с трудом разборонил их.

— Аю (медведь, медведица)! Аю! — приглушённо всхлипывая, побитый Паша убежал к себе домой.

Интересно, что бывший в кухне Юсуф так и не показался. Электрик с тех пор перестал ходить мимо их двора. На работу он теперь ходил с другой стороны, делая приличный круг в обход, и так же возвращался домой. Пашина жена и мать перестали разговаривать с Ання. Аульчане, видимо, узнали о происшествии от родных электрика и хотели удостовериться:

— Как тебя чуть не убила Ання? Расскажи нам, как всё произошло?

— Ну её! Настоящая Медведица! — отвечал он. Помалкивал и подробности никому не рассказывал, знал, что соседка может повторить избиение.

Аульчане только шептались о связи Юсуфа с Ання, так как боялись обоих. Видавшие много всякого и прожившие жизнь старухи при виде Ання говорили за её спиной друг другу на ухо:

— Пусть улыбается себе! Шила в мешке не утаишь! Ещё как выйдет! Всё проткнёт!

Молодые женщины и вовсе держались в стороне. Придерживались ногайской поговорки «Не притрагивайся к казану — сажей запачкаешься, не приближайся к дурному человеку — плохое прилипнет».

II

Тондукас

А вот у брата мужа нрав был довольно противоречивый. В отличие от старшего брата Маулыт после окончания восьмилетки выучился в автошколе на водителя. Долгое время проработал водителем в совхозе, какое-то время на молоковозе возил молоко в город, последнее время, пока существовал совхоз, возил зерно и другую сельхозпродукцию. Был исполнительный, зарабатывал неплохие деньги. Построил дом, следил за огородом, в общем-то был один из благополучных аульчан. У него было четверо детей: два сына и две дочери. В отношении семьи ничего осудительного нельзя было сказать, с женой Маулыт жил нормально.

Однако о нём самом люди говорили нелестно, часто употребляли в его адрес крепкие матерные слова. Несмотря на то, что он был шуплый, небольшого роста, отличался крикливым, задиристым характером. На людей смотрел колючим взглядом, лез во все дела. Когда ещё проводили в совхозе собрания, он никогда не сидел спокойно. Вставал, а мог и сидя вступать в перепалку с начальством, иногда накидывался на рабочих. Не только в своей округе, но и на весь аул он был известен как скандалист и драчун. Где какая драка, потасовка — он обязательно вмешивался, не разбираясь в обстановке, вступал в противоборство, и часто ему доставалось от дерущихся. Он любил и всякие компании, но аульчане старались от него избавиться, глядели с опаской. Удивительно он дрался. Молча, без долгих раздумий он принимал чью-то сторону, дрался упорно, пока его не одолевали или наоборот, он кого-то не валил. Дрался как будто ради спортивного интереса.

Когда совхоз разваливался, Маулыта посадили на новый «КамАЗ», а после директор хотел отобрать и продать машину. Но не тут-то было. У водителя было право самому приватизировать машину. Тогда во многих хозяйствах так и делали. Маулыт наотрез отказался отдавать «КамАЗ». Он приобрёл охотничье ружьё и вместе с ним ночевал в кабинке. Ди-

ректор вынужден был отдать ему машину по себестоимости, за бесценнок. Шла инфляция денег, техника пересчитывалась по старым ценам, так он приобрёл автомобиль. Через год он продал машину, на вырученные деньги купил новые «Жигули» и вагончик. Из вагончика оборудовал магазин прямо возле своего дома. Маулыт стал ездить в город и райцентр, приобретал товары на оптовых базах и быстро реализовывал в ауле. Его дела, как говорится, пошли в гору. Недалеко от своего дома он приобрёл участок земли и за короткий срок залил фундамент, после возвёл стены и накрыл дом красной металлической черепицей. Строящийся дом был на загляденье. Деньги лились рекой. Жить да жить надо было, не упустить удачу. Жена всерьёз боялась сглаза. Она регулярно ходила к ворожее, чтобы отбиться от завистливых взглядов. В это время, в расцвете своей предпринимательской деятельности Маулыт получил свою кличку. По указке сверху после реорганизации совхоза в коллективное хозяйство стали разорять и новое хозяйство. Людям начали раздавать земельные паи. Однако с раздачей паёв не все были согласны. Всем хотелось приобрести лучшие сельхозугодья. В ауле два многочисленных рода: Аракчиевы и Манкаевы — хотели для своего рода иметь слитные участки. Однако члены родов до приватизации работали в разных местах совхоза, многие даже не имели представления о земледелии. И они никак не могли прийти к согласию. Получалось так, что урожайные земли достались Аракчиевым, у которых многие в совхозе работали трактористами и комбайнерами. Манкаевы были категорически против такого распределения. Скандал разгорелся на одном из коллективных собраний. За этим начали злословить, угрожать друг другу и на улицах аула. В одной семье Аракчиевых молодая невестка была из рода Манкаевых. Может, по требованию родителей мужа, а возможно, что из-за давно сложившихся отношений молодая невестка в разгар скандала ушла от своего мужа к своим родителям. На это молодой муж отреагировал по-своему: он собрав своих братьев и других родственников и отправился к дому своего тестя, чтобы вернуть жену. Но не тут-то было. Молодёжь Манкаевых, увидев нашествие Аракчиевых, быстро собралась и встретила их с кулаками. Развязалась большая драка. Манкаевых было больше. Аракчиевы были побиты и связаны, затем Манкаевы их на мотоциклах отвезли к дому зятя и сбросили у

ворот. Концовка оказалась и вовсе печальной. Взрослые Аракчевы вышли с кольями. Сначала они избивали случайно вышедших на улицу Манкаевых. Манкаевы тоже сгруппировались. Возле совхозного двора развернулась большая драка. И тогда с ружьём примчался Маульт.

— Убью всех! — орал он и хохотал, целился то в Аракчевых, то в Манкаевых и даже палил в небо для остротки. — Второй патрон прямо в лоб! — кричал, угрожая всем.

Дравшиеся остановились. Обе стороны, обзывая матерным словом Маульта, недовольно разошлись.

На следующий день к Маультовому дому на милицейской машине с мигалкой подъехал участковый Салим-Гирей. Маульт с соседями как раз сидел на скамейке возле своего дома. Милиционер был молодой, высокий и полноватый, он прищурил глаза и взгляделся в сидящих. Остановил взгляд на Маульте и пальцем поманил к себе. Маульт, повинувшись, встал и подошёл к нему.

— Сдай ружьё! Без регистрации, без разрешения на ношение нельзя хранить оружие! — потребовав, милиционер ловко схватил Маульта за ворот пиджака и притянул к себе.

— Нету у меня никакого ружья! — пытался вырваться из цепких рук милиционера Маульт.

— Ты не понимаешь! Незаконное хранение огнестрельного оружия и его применение карается законом! — Салим-Гирей, притягивая и отталкивая от себя, не отпускал собеседника.

— Нету у меня оружия! Дом обыскивай! — орал Маульт, пытаясь вырваться.

— Не буду я тебя обыскивать! Сам в милицию прине-сёшь, понял?! — участковый оттолкнул от себя так сильно, что тот отлетел в сторону и упал на землю.

Маульт встал:

— Не посмотрю, что ты мент! И на тебя найдётся управа! — сделав злобный оскал, заорал он.

— Что?! Гондурас, повтори свои слова!

Маульт притих, но оскал по-прежнему был на его лице.

— Горбатого могила не исправит. Гондурас ты Гондурас! Что за привычка в чужие разборки влазить?!

Участковый уехал. Маульт, отряхивая одежду, искоса поглядывал на соседей, невольных свидетелей происшедшего.

— Вот ему ружьё! — делая похабный жест, показал по локоть руку с зажатым кулаком.

Соседи, не одобряя, помотали головами. Они хорошо знали соседа: если что скажешь, то он может наброситься на них.

— А что это он: Гондурас да Гондурас?!

Соседи догадывались, почему было произнесено это слово, и поэтому заулыбались. Это слово было созвучно с названием презерватива, часто оно употреблялось с этим значением в ауле. Среди сидящих был учитель географии пенсионер Алим.

— Страна такая есть, — пояснил он.

— Тогда ещё ничего. Буду Гондурасом. Только ружьё я ему не отдам! — Маулыт опять сделал неприличный жест рукой.

Что подразумевалось под словом Гондурас, Маулыт понимал, но настоящее значение слова его успокаивало. Надо сказать, что кличка попала в точку, особенно, иносказательный смысл. Тем паче, ситуация повторялась, когда участковый, часто разъезжающий и на мотоцикле, завидев Маулыта на улице, подъезжал к нему. Он дрожал, как лист осины.

— Гондурас, когда ружьё сдашь?! — кричал участковый.

— Негу у меня ружья! — бурчал под нос Маулыт, пытаюсь поскорее от него улизнуть.

— Ну, подожди! Поимею я тебя, гондон! — угрожал Салим-Гирей вслед удаляющемуся.

Когда кто-то был рядом и слышал слова милиционера, Маулыт поправлял:

— Не гондон я, а Гондурас! — Этот ответ тиражировался и вызывал особое умиление у аульчан.

Надо сказать, что клички в ногойском ауле охотно принимались жителями. Как в криминальном мире погоняла. В этом ауле был свой Утюг, Череп, Батя, Кирпич, Тунгус, Ржавый — это из фильмов про криминальных авторитетов. Были и свои безобидные клички: Толстяк, Мозамбик, Румын, Мамалыга, Сокыр-батыр (Слепой Батыр) и другие. Прилипали они по схожей схеме. Одного Мурата звали Максимом, из-за того, что он безудержно болтал, как будто стрелял пулемёт марки «Максим». Уменьшительно-ласкательных имён была масса. Если и их считать, то можно сказать, что кличка была у каждого аульчанина.

Гондурас первоначально приобрёл ружьё для самозащиты и охоты. Правда, тоже незаконной охоты. Он иногда на

противоположном берегу Кубани подстреливал фазана или другую дичь в запрещённое для охоты время. Дичью угощал соседей, собутыльников. Жадным он не был. Но и пристрастия к алкоголю у него не было.

Беда к нему пришла не со стороны Салим-Гирея, она пришла неожиданно. Летом он принял на работу продавщицей молодую женщину, разведёнку по имени Бекару. Она была с крашенными соломенного цвета волосами, круглолицая, карглазая, небольшого роста, стройная, всем своим видом привлекала мужчин. Эта привлекательность тронула Гондураса. Особенно глаза и податливая улыбка. Своя жена ему давно надоела, но нельзя было допустить, чтобы супруга догадалась. Поэтому он держался на дистанции. Однако в глубине души думал: «Поймать бы её на недостатке». Скрывать своё коварное намерение причин было много. Поэтому он даже ей не намекал. Прежде всего для него был бизнес. Он гордился своей деятельностью. В те дни часто выговаривал про себя: «Да кто же мог подумать, что я стану коммерсантом, их у нас сроду не было, да и не предвиделось». Бекару на работу приходила вовремя, уходила домой затемно. Заработная плата у неё была условная: полторы-две тысячи в месяц. Магазин приносил прибыли около тридцати тысяч. Деньги большие по тем временам. Это не считая выручки с водки. На продажу водки был особый уговор. У Гондураса лицензии на продажу водки не было, однако Бекару водкой торговала. Водка была брата Бекару Карасолтана (Чёрный Султан, т.е., Супер-Султан), он её привозил, а часть выручки с неё была сестры, так он ей помогал. Один ящик был Бекару, один ящик – Гондураса, но с него высчитывалась стоимость водки до продажи. Прибыль с подпольной торговли составляла такую же прибыль как со всех официально продаваемых продуктов. Конечно, как можно отказаться от такой прибыли. Подпольная торговля была опасной. Несколько раз приезжали налоговики из районной инспекции, они хотели поймать Гондураса. Однако Бекару спиной закрывала кладовку, где находились ящики со спиртным, не допускала их, говорила, чтобы обращались к Карасолтану, а тот имел в инспекции своего человека. Бекару хранила водку и дома, её у неё крупными партиями покупали аульчаны и жители других аулов для семейных торжеств, на свадьбы, дни рождения, юбилеи и другие че-

ствования. Эта торговля Гондураса не касалась, там всем заправлял Карасолтан и выручку брал себе.

Гондурас никаких задатков коммерсанта не имел, его было легко обдурить, но Бекару работала честно, отдавала всё до копейки. Вагончик стоял возле забора его двора. Из окон дома можно было видеть, кто заходит в ларёк, кто выходит. Гондурас часто сидел у окна и следил за торговлей. Иногда он выходил и подходил со стороны выходящей наружу витрины, просовывал голову в окошко, задавал праздные вопросы. Бекару встречала его пристальным взглядом. Гондурас, как уже говорилось, был не из робкого десятка, но её взгляда смущался и отводил глаза. Она, сжимая губы, смотрела будто требовала: «Ну, телись! Чего ты ходишь вокруг да около. Я же чувствую, что тебе надо». Такие женщины всегда пронительнее, но и, конечно, скрытнее мужиков, они не выдают своих чувств. Гондурас ощущал, что она всем видом ждёт откровения, однако был не мастак по этой части.

— Что надо привезти? Люди соки берут? Может, фрукты? — спрашивал и смущённо скользил по ней взглядом.

— Всё есть, — смеялась она, задирая носик, будто к нему принюхивается.

Гондурас нутром чуял, что что-то должно произойти. Однако произошло не совсем то, что он предполагал. Зима в том году была необычно снежная, к тому же после снега наставали дни с продолжительными метелями. Затем всё перемешалось. Когда приехал сын студент на каникулы, зарядили настоящие снежные бури. Термометр показывал ниже двадцати градусов. Такие зимы очень редкие в этих краях. Люди перестали выходить из домов, редко даже машина проезжала по улице. Продавщица, несмотря на капризы погоды, приходила вовремя и уходила, когда полностью темнело. Торговля в магазине почти приостановилась. Лишь изредка кое-кто забегал. Брали хлеб, который успел зачерстветь, так как свежий хлеб из районной пекарни перестали возить. Добирались мужики за сигаретами, водкой и кое-какой закуской. Этих снежные заносы и шквальный ветер не пугали.

Эмиртай, сын Гондураса, учился в городе в технологическом институте. Учёбой это трудно было назвать. Он толком и на занятия не ходил, учебники даже в руки не брал. Каждую сессию с водкой, тушей барана и деньгами Гондурас

ездил к знакомому преподавателю, который курировал учёбу студента. Когда отца видели друзья студенты, то они понимали, зачем пожаловал отец, быстро находили Эмиртая и радостно сообщали:

— Папаша сессию закрывать приехал!

Таким образом обучались и они сами. Конечно, в вузе были и добросовестные студенты, но те ходили особняком, посещая все занятия и выполняя все задания.

Эмиртай был на полном пансионе отца. О том, что в институте платят стипендию, Гондурас даже не догадывался. Он платил за жильё, покупал одежду, привозил продукты питания, ещё и оставлял деньги на непредвиденные расходы. И был твёрдо уверен, что так учатся все в институте.

— Главное, чтобы диплом получил. Ради этого я денег не пожалею. — Он очень хотел, чтобы сын был с высшим образованием и работал в каком-либо банке, или по изучаемой специальности юриста — адвокатом в солидной конторе. — А вдруг, если повезёт, то и собственную фирму заимеем. Стал же и я бизнесменом, — мечтал он про себя.

— Сын, ты уже взрослый! Я знаю, что ты сам плохого не сделаешь. Не лезь, куда не положено, ни за кого не заступайся! Смотри, могут выгнать. Мать твоя не выдержит такого, — каждый раз, давая деньги, он делал наставление сыну, а сам долго отсчитывал заранее приготовленные деньги.

— Ладно, отец! Не лечи меня! — говорил Эмиртай и нетерпеливо забирал у него деньги.

Из-за непогоды и от затянувшегося безделья дома сын зачастил в магазин.

Как-то они с женой сидели и завтракали. Гондурас, увидев пробежавшего по двору сына, встал и, подойдя к окну, обнаружил, что он постучал в двери ларька и быстро юркнул в открывшиеся двери.

— Чего это он в ларёк так рано? Я даже не видел, что Бекару пришла на работу. Что-то он зачастил туда?

— В этом, конечно, ничего хорошего, — сказала жена, отпивая чай из блюда. — Ты чего заволновался?

Гондурас с догадливой улыбкой посмотрел на располневшую жену. Когда-то она была худенькая как тополёк, а после рождения детей стала полнеть, теперь стала выглядеть как бочка, лицо стало одутловатым, с двойным подбородком, да и глаза были неестественно широко раскрытыми.

— Я ничего, — пожал он плечами.

— Нет, ты волнуешься! — с подозрением сказала жена.

— А что я должен волноваться? Из-за того, что он зачастил в ларёк?

— Я тоже ничего хорошего в этом не вижу. Не нравится мне эта Бекару! Чего надо было брать такую развязную на работу?

— Я чего? Я же у тебя спрашивал, а ты сказала, что тебе всё равно! Так же было?

— А ты обрадовался. Видела я твой кошачий взгляд! — она чуть не поперхнулась отпитым чаем и закашляла.

— Вот даёшь! Ты лучше о сыне подумай: чего это он все каникулы у неё пропадает?

— А что ему делать? Даже школу из-за бури закрыли, автобусы прекратили ездить, ему скучно с нами.

— А с ней не скучно?! — подтрунил муж.

Подобные разговоры с женой происходили не раз в эти дни. Это была предтеча дальнейшего происшествия.

В тот день с самого утра возникли интересные обстоятельства. Во-первых, ветер стих, а через проплывающую по небу мглу стал проблескивать глаз солнца. Во-вторых, по улице, которая была частью трассы на райцентр, прошёлся снегоочиститель, после этой чистки появились редкие легковушки. К ларьку потянулись люди. Гондурас знал, что продуктов первой необходимости почти не осталось, поэтому за ними надо было ехать если не в город, то хотя бы в райцентр. Он собирался идти в ларёк, чтобы посоветоваться, что необходимо приобрести для торговли. Как раз в это время от ларька направился к дому аульский алкаш Куваныш. Высокий мужик открыл калитку и, войдя во двор, отряхнул руками засаленную поблекшую фуфайку — это у него было зимнее одеяние, а так он ходил в чёрной куртке из плащовки. Потопал на месте сапогами, погладил заросшее жидкой бородой лицо, и приподняв козырёк кепки, направился к дому. Чтобы опередить его, Гондурас направился в сторону входной двери. Он, одев на ноги калоши, приоткрыв дверь, высунул голову.

— Маульт, умница мой! Ты мне и нужен, — обрадовался Куваныш.

— Чего тебе?! — буркнул хозяин дома, но не захлопнул дверь изнутри, вышел наружу. Он был удивлён тем, что кто-то ещё в ауле помнит его по имени.

— Маульт, ты же мой одноклассник! Помоги, пожалуйста! — виновато проговорил Куваныш, а сам продолжал гладить заросшее лицо и теревить лиловый нос.

— Если ты вспомнил моё имя, то это не означает, что для тебя будет снисхождение. В долг Бекару не даёт!

— Она мне не даёт, а тебе даёт, ты же мой одноклассник!

В форточке показалось лицо жены:

— Это кому она даёт?! Объясни, пожалуйста! — раздался её как бы радостный голос.

— В моём магазине никому в долг не отпускают. Это правило торговли!

— Нарушь правило! Я же твой друг. Еле до утра дожил. Мне обязательно надо похмелиться, а то умру!

— Нет! Иди в другой магазин!

— Они мне тоже не дают, — Куваныш от отчаянья прослезился, склонив голову, стал плакать.

— А я что?

— Ну, будь человеком! — зарыдал Куваныш.

— Уходи!

— Ну дай, гондон ты такой!

— Я тебе покажу гондона! — вышел из себя хозяин дома и резко кинулся в дом за ружьём. Выскочив с оружием, яростно закричал: — Убирайся!

Следом за хозяином, накидывая на голову шерстяной платок, вышла толстая жена и, зло глядя на незваного гостя, набросилась на него:

— Ты посмотри на него! Концерт устроил! Слёзы распустил!

— Отольются вам мои слёзы! — затрясся от наворачивающихся слёз Куваныш.

— Мы-то причём?! Если ты алкаш! — отреагировала она.

— Отольются кошке мышкены слёзы! — произнеся своё любимое выражение, продолжал плакать Куваныш.

— Это ты мышка?! Здоровенный бугай! Хоть бы постеснялся! — не унималась жена.

— Убирайся, Куваныш! А то с обоих стволов пальну! — пригрозил разгневанный Гондурас.

— Отольются кошке мышкены слёзы, — махнул рукой Куваныш и, развернувшись, пошёл к калитке.

— Мышонок! — поиздевалась вдогонку жена.

— Отольются кошке мышкiny слёзы, — сказав, Куваныш затворил за собой калитку.

Выражение Куваныша было зловецим — это стало понятно позже.

— Что за люди такие?! — Гондурас протянул жене ружьё. — На, занеси домой, а я пойду с продавщицей переговорю насчёт товара.

На стук в дверь открыла Бекару. У неё под белым передником торговца была светлая норковая шуба, а на голове шапочка из такого же меха. Она пропустила Гондураса вовнутрь и поспешно затворила дверь, чтобы не напустить холод. Негромко звучала музыка из магнитофона. Возле прилавка сидел сын и под такт музыки отстукивал ладонями по столу. Магнитофон висел над витриной. Бекару всегда работала с музыкой. Гондурас, неодобрительно взглянув на сына, обратился к продавщице:

— Можно было съездить за товаром в райцентр!

— Хлеб нужен. Сигареты надо взять. Люди бананы и яблоки спрашивают, — охотно поддержала Бекару.

— Давай сделай список, а я быстро съезжу. Если хочешь, то и ты поезжай, сама выберешь необходимое!

— Отец! — вскочил Эмиртай. — А давай я с Бекару поеду?

Гондурас удивлённо посмотрел на сына:

— А тебе зачем в это дело вмешиваться?!

— Надоело дома сидеть. Всю неделю бока отлёживаю.

Отец внимательно посмотрел на сына, вспомнил про свои укеры в его адрес и решил: пусть не просиживает зря дома, пусть проветрится, заодно сделает полезное дело.

— Ладно, — согласился он, после обратился к Бекару: — Скажи, сколько денег надо? Посчитай!

— А что считать? Родной сын же, дай ему подотчёт пять тысяч.

— Пять тысяч много! Хотя бы три...

— Отец, а бензин? Надо полный бак залить, чтобы каждый раз заправляться не ездить. Да и мне кое-что надо! Тут кое у кого скоро день рождения! — Эмиртай исподтишка глянул на Бекару и подмигнул.

— Надо, надо! Мне тоже надо, а я экономлю ради общего дела, — передразнил отец. Достал из кармана брюк деньги и, отсчитав пять тысяч, резким движением протянул сыну.

— Здорово! — сын не заставил себя ждать и выхватил деньги.

— Только осторожно по дороге. Гололёд всюду. Выезд со двора от снега очисти!

Эмиртай обрадовался и выскочил из магазина. Вмиг нашёл деревянную лопату и как механическая машина, не останавливаясь, стал грести снег к огороду. Быстро очистив двор, он бросился к машине, стоявшей во дворе все эти морозные дни. К его удивлению, «Жигули» быстро завелись. Он вышел из машины и открыл металлические ворота. Из ларька вышел отец. За ним вышла снявшая с себя белый передник и оставшаяся в красивой шубе Бекару. Продавщица закрыла на ключ двери и пошла к машине. Возле машины она остановилась, поправила на голове шапочку, вздохнула и умилённо посмотрела на Гондураса.

— Не скучайте без нас! Успехов вам! — сказала она нарочито игриво и, помахав ручкой, села в машину.

Сын, высунув голову из окна, не скрывая радости, посмотрел на отца:

— Мы поехали! — радостно крикнул он и включил скорость.

— Ты дал ему машину? Ты же не давал? — спросила жена, вышедшая с опозданием на оживление во дворе.

— Уже взрослый! Пусть ездит. Пусть помогает, — добродушно проговорил Гондурас.

— Мне не нравится то, что он с ней поехал, — резко проговорила она и, боясь простыть, быстро вернулась в дом.

До райцентра можно было добраться за полчаса, за час-два можно было купить всё необходимое, полчаса ушло бы на обратную дорогу. Гондурас думал, что за два-три часа сын вернётся обратно. Прошло пять и шесть часов, но красные «Жигули» не появлялись. После обеда солнце засветило теплее. Со всех дворов на улицу высыпала ребятня. Где-то катались на санках, играли в снежки, а мальчишки без коньков клюшками играли в хоккей. Дети Гондураса тоже ушли на улицу. Затемно они вернулись с красными щеками и промок-

шей от снега одежде. Мать их накормила, а потом уложила спать. У маленьких детей была своя комнатка. Гондурас был в зале, переживал, ходил взад-вперёд по ковру. На ногах у него были белые шерстяные носки ручной работы. Жена молча смотрела телевизор, но вникала ли она в происходящее на экране, трудно было сказать. Когда стали показывать девятичасовую информационную программу, после которой всегда ложились спать, она задумчиво произнесла:

— Я же говорила, что мне не нравится то, что они вместе поехали.

Она хотела ещё что-то сказать, но сдержала себя.

— Чего теперь об этом говорить. Лишь бы в дороге что не произошло. На ночь всё заледенеет, дорога будет скользкой.

Когда с проезжей улицы свернула к подъезду дома машина, он воскликнул:

— Кажется, едут?! — Встал и направился в прихожую, там, нацепив на ноги калоши, быстро вышел встречать.

Однако машина оказалась «Волгой» Карасолтана. Гондурас не поторопился к остановившейся перед открытыми воротами машине. Карасолтан был не тот человек, перед которым надо было стелиться и вообще показывать свои эмоции. Надо было сделать важный вид и холодно встретить его. Из машины слышалась какая-то возня. Затем открылась дверца и раздался повелительный голос вышедшего Карасолтана:

— Несите! Прямо в дом!

Два охранника внесли в слабо освещённый двор связанного по рукам и ногам Эмиртая. Тогда Гондурас и понял, что случилось самое наихудшее.

Взобравшиеся на крыльцо охранники вытеснили его и внесли в дом свою ношу.

— Ой-бай! Несчастливая я! Что с моим Эмиртаем?! — увидев сына, заголосила жена.

Гондурас кинулся к Карасолтану, чтобы он объяснил случившееся. Мужчина в мохнатом свитере, в надетой набекрень чёрной норковой шапке, молча, рывком повернул Гондураса в другую сторону:

— Иди в дом! — приказал он. Без малого усилия подталкивая впереди себя хозяина, вошёл за ним следом.

— Авария! Авария!! — голосила женщина, выражая свои худшие сегодняшние опасения. Она бросилась к Эмиртаю и с недоумением разглядывала усаженного на диван связанного сына.

Лицо Эмиртая было почти чёрное, один глаз был затёкший, второй едва проглядывал сквозь кроваво-черные синяки, разбитые губы шевелились беззвучно. Женщина еле-еле опустилась на колени и попыталась обнять сына.

— Если авария, то почему у него ноги и руки связаны?! — кинулся с вопросом к ставшим возле стены гостям хозяин дома.

— Почему ты связан, мой бедный Эмиртай?! — взвыла жена, царапая свои обвислые щёки, затем стала судорожно повторять одно и то же: — Авария! Авария!

— Авария? — спросил Гондурас у разглаживающего бока темных джинсов Карасолтана.

— Ещё какая авария! — грозно подтвердил Карасолтан и, подойдя к связанному парню, замахнулся на него своей тяжёлой рукой.

При виде замаха парень сжался и взвизгнул:

— Не бейте меня! Мне очень больно!

— Чего ты руку поднимаешь на моего сына?! — высоко задрав голову, возмутился Гондурас. — Объясните мне, в чём дело?!

— Объясни, мерзавец! Сам объясни! — прохрипел Карасолтан и, приставив кулак ко лбу парня, толкнул его голову.

— Мне больно! — закричал парень.

— Ему больно! А мне не больно?! — стукнул звонко себя в грудь Карасолтан.

— Да что он такого сделал? — недоумевал Гондурас.

Карасолтан, нагнувшись над Эмиртаем, с ударением стал задавать вопросы:

— Что ты сделал?! Что ты сделал, изверг?! Как ты, мерзавец, меня обидел?! Как?!

— Отвечай! Почему молчишь, Эмиртай?! Говори! — повёл допрос Гондурас, и, не дождавшись ответа, требовательно посмотрел на Карасолтана.

— Он мою сестру убил! Мою сестру! Ты представляешь? — прохрипел авторитет.

— Как убил?! За что?! — Гондурас был потрясён.

— Зачем ты её убил? — мягко спросила мать, ей было не жалко Бекару.

— Цыц! — поняв её интонацию, прикрикнул Гондурас. Он повернулся ко всем. — Да расскажите вы, что произошло?

— Твой Гондусик поиздевался над моей сестрой! Сломал шейные позвонки, гематомы на руках, на плечах сделал, сейчас она лежит в реанимации!

— Поиздеваешься над ней! Я так и знала, что так будет! — закрыв глаза пухлыми ладонями, затряслась хозяйка дома.

Гондурас блеснул синими глазами на сына, заскрежетал зубами, чуть успокоившись, сел на диван и спросил:

— А где вы его взяли?

— Где, где? В милиции! — Карасолтан нагнулся к связанному парню. — Сколько лет тебе дадут?!

Эмиртай, не желая отвечать, беззвучно замотал головой.

— Сколько же лет ему дадут? — спросил Гондурас.

— Если сестра выживет, то самую малость восемь лет. От звонка до звонка!

— За что?! — удивился Гондурас, из последних сил оставаясь спокойным.

— За что?! — поддержав мужа, заголосила жена. — Гондусик, скажи: за что?

Эмиртай, не желая разговаривать, отвернулся.

— А где он на неё напал? В машине? А где машина?! — желая прояснить ситуацию, спросил отец.

— Машина цела! Во дворе гостиницы стоит, за неё не беспокойтесь! А насильничал он в гостинице. Если бы на крики сестры не пришла милиция, то этот изверг прикончил бы её. Сестру в больницу отвезли, меня в милицию вызвали. После посещения сестры в больнице сам решил посмотреть в его глаза.

— Лучше бы я в милиции остался, — жалобно простонал Эмиртай.

— Остался бы на восемь лет!

— А что с его лицом?! — вытаращила глаза на Карасолтана мать, тряся двойным подбородком.

— Я ему хотел кое-что отрезать, а он бросился на батарею и стал биться.

— Прямо уж. Сам стал биться?! — огрызнулась мать.

— Почему восемь лет, это же много? — недоуменно спросил Гондурас, не обращая внимания на реплику жены.

— Восемь лет зоны — это по благу! Ему грозило больше!

— А что с Бекару? — необдуманно спросил Гондурас.

— Что ты её имя произносишь?! — возмутилась жена.

— Шея сломана, она в гипсе. Всюду гематомы!

— Что такое гематомы? — зло спросила женщина.

— Простым языком — это синяки, кровоподтёки! Он измывался над моей сестрой!

— А шея почему сломана? — как бы у самого себя спросил Гондурас. Спросил у сына: — Ты её душил?!

— Нет! Я ничего не знаю, — простонал Эмиртай.

— Она сама себе увечья сделала! Чтобы она сдохла! — гневно выругалась мать. Все замолчали. Она нагнулась к связанному сыну и принялась. — Никак ты водку пил?!

Эмиртай, не желая отвечать, со стоном замотал головой.

— А что это вы так про мою сестру?! — спросил у женщины Карасолтан. Проговорил, не повышая голоса: — Вашего Гондусика на зоне в женской юбке вынудят ходить. Все припомнят, как слабых женщин насиловать!

— Зачем? Он же не артист, чтобы в юбке ходить! Кому это нужно? — отреагировала мать, расширяя сильнее свои и без того расширенные глаза.

— Найдутся! Там мужики голодные на артистов! — Отпарировав, Карасолтан нагнулся над связанным парнем: — Главной королевой станешь в петушатнике.

Охранники, не сдержавшись, рассмеялись.

— Что, из милиции просто так выпустили? Значит, наш сын невиновен, — будто найдя оправдание для сына, радостно произнесла мать.

— Как бы не так! Я вашего Гондусика под залог забрал. Двадцать тысяч ментам отвалил. Надеюсь, что вы вернёте мои бабки?

— Откуда мы знаем, что ты им там оставил? Мы видели, что ли? — подозрительно посмотрев на Карасолтана, высказал сомнение Гондурас.

— Ах, так?! Заявление сестры в сейфе у ментов. Пакуйте его обратно в машину! — приказал Карасолтан.

Охранники кинулись к связанному, в один миг его подняли: один за ноги, другой схватил подмышками.

— Ой, я несчастная! Куда вы моего Эмиртайчика?! — завопила женщина.

— В милицию! Куда ещё?! Пока мои деньги ещё не пропали, надо их забрать! А с вами я знал, что не так просто договориться!

Гондурас кинулся в сторону коридора, чтобы прихватить ружьё. Карасолтан знал его привычку и успел подставить подножку. Гондурас грохнулся об стенку.

— Стоять! — приказал Карасолтан и повернулся в сторону охранников: — Несите Гондусика в машину!

— Не дам! — заорала женщина и бросилась к висящему на руках охранников сыну: — Это мой сын!

— Ладно. Отдадим тебе залог, — прохрипел Гондурас, освобождаясь от придерживающего Карасолтана, чтобы вернуться на место, где стоял.

Карасолтан пропустил его и, сделав грозный взгляд, обратился к родителям:

— Вы вернёте залог, вложенный за вашего сына, с Бекару разберётесь сами. Чтобы она забрала заявление, вам придётся сделать серьёзный расход средств. Лишь бы она осталась живой!

— Что именно? — подозрительно спросил Гондурас.

Карасолтан, видя, что родители готовы на компромисс, жестом велел охранникам положить Эмиртая на диван, а сам внимательно оглядел зал: потолок, стены, мебель, затем недовольно сморщился и проговорил:

— Только дом!

Ещё не успевшая сесть на диван женщина с удивлением посмотрела на него и заплакала.

— А мы где будем жить? — до конца не поняв сказанное, недоуменно спросил Гондурас.

— Нет! Разговор не про этот дом, а про тот, который строится!

— Ни за что! — категорично выпалил Гондурас и в том же тоне добавил: — Я столько труда вложил в него, столько денег ухлопал! Нет, нет, нет!

— Тогда пакуйте Гондусика! Будем решать по закону! — приказал Карасолтан.

Охранники кинулись к Эмиртаю, но женщина их опередила и легла на сына.

— Делай по закону! Забирайте этого выродка! — выпалил Гондурас и, кинувшись, оттащил жену от сына.

Все поняли, что заявление серьёзное, и разом притихли. Женщина, прекратившая стенания, пыталась понять произнесённые мужем слова, затем как-то потусторонне произнесла:

— А учёба?! Эмиртай мечтает стать адвокатом!

— Будет он адвокатом! В тюрьме отсидит причитающие ему восемь лет и выучит все законы! — строго проговорил Карасолтан и опять приказал охранникам: — Пакуйте его! Мне не до их разглагольствований!

Охранники отшвырнули женщину, пытающуюся опять телом закрыть сына, схватили парня и быстрыми шагами вынесли из дома. Гондурас опять пытался добраться до ружья, но Карасолтан, схватив его за плечи, остановил:

— Если вздумаешь взять ружьё — в задницу засуну тебе! Думайте до утра! Утром в райцентре в моём офисе ещё сможете увидеть своего Гондусика! — Он направился к выходу, но резко остановился, вытащил из кармана ключи от машины и кинул в Гондураса. — Машина во дворе гостиницы.

Жена то и дело вставала мочить полотенце под краном и ложилась, всю ночь она стонала. Муж в одежде ничем не укрытый лежал на диване. Гондурас пытался проанализировать прошедший день. Ничего путного в голову не шло. Перед тем, как вздремнуть, перед глазами всплыл Куваныш с заплаканными глазами и чётко прозвенели его слова: «Отольются кошке мышкены слёзы!» «Отлились! Отлились! Надо было дать на бутылку», сделал он умозаключение и вздремнул. Когда появились приметы рассвета, он встал, надел свой темно-зелёный пуховик и вышел на дорогу. По трассе на работу в райцентр должны были ехать люди. На попутке за полчаса добрался до райцентра. Нашёл гостиницу, машина была на месте. Слава Аллаху, всё цело! Машина завелась сразу. Поехал к зданию милиции. Пожилой следователь, у которого были материалы по заведённому делу, надел очки, внимательно посмотрел на посетителя, после, поглаживая лысину, бесцеремонно заявил:

— Если женщина не заберёт заявление, то сыну грозит заключение под стражу и суд. Вы же не враг собственному сыну?

— Где это произошло? — спросил Гондурас, ища сочувствия.

— В гостинице, — ответил следователь.

— А что это он поперся в гостиницу? Я думал, что у него голова в этом направлении не шурупит!

— Завёл, чтобы погреться. Водку, закуску взял. Сам выпил.

— А она не пила?

— Она спиртное в рот не берёт. А когда выпил, он на неё набросился.

— Как лев? Скорее как бешеная собака! — понятно прокомментировал ситуацию Гондурас.

— Я вам вот что посоветую. Вы поговорите с этой пострадавшей женщиной. Жалко вашего сына. У него было чисто физиологическое желание. Вам надо было его женить. Вот, зачем он её бил? Мне это трудно понять, — проговорил сердобольный следователь.

— Бил затем, что она не хотела ему давать, она старше его. Она нравственнее его! — ответил как будто самому себе Гондурас, а на самом деле сделал пояснение собеседнику, чтобы тот не мялся.

— Вы не переживайте, сейчас много подобных случаев. Скажу больше, стало модно групповое изнасилование. В городе подростки одноклассницу — прямо в спортзале школы! В школе?! В соседнем районе два парня подвезли на конях девушку, передвигающуюся пешком по стране, так называемым «Автостопом». От большого ума, бедная, у нас «Автостопом»! Как такое могло прийти в голову! Тут же голод по женской части! У мужиков никакого развлечения. А она своим ходом в лапы! Бедные парни решили, что это подарок судьбы! И довели её до разрушенной чабанской кошары. Три дня катали девушку! Шашлык жарили... и всё такое... — следователь сделал вид, что всё сказал. Потом сделал вид, как будто что-то вспомнил, и стал досказывать историю: — Оказывается, девушка, когда успела понять, что случилось, нажала тревожную кнопку. Наши стали её искать. Нет, чтобы по телефону определить местонахождение, наши орлы поехали искать на горнолыжные базы. Им тоже скучно, такая возможность свои курортные места посмотреть. Понять их можно. Получилось, как в нашей притче: ищут медведя по следам, когда медведь у них на глазах. Есть у нас такие работнички! Но не все! И эти были способные опера, поймали всё же обидчиков, нашли девушку. Целый год проводили следственные работы. Кончилось тем, что родители продали отару, девушке возместили ущерб, нашим выплатили компенсацию за усердие. Девушка на радостях в Дагестан пешком пошла, «Ав-

тостопом»... Там есть места, где нога человека не ступала, — следовательно, рассказав интересную историю, прыснул со смеху. Затем поднял голову на молчавшего Гондураса, поправив очки и, сделав серьёзное выражение лица, спросил: — А у вас дочки есть?

— Да, две... Они совсем маленькие.

— Да, вот! Вот я о чём! — следовательно опять сделал вид, что увлёкся своими бумагами.

Просить, уговаривать было бесполезно. Справедливость, впрочем, как и закон, дело шаткое. Он хорошо понял, что рычаги воздействия на милицию были только в руках Карасолтана и Бекару. Гондурас поехал в больницу. Там в сопровождении дежурного врача его допустили в одиночную палату, где лежала пострадавшая. Бекару, увидев его, тотчас же закрыла глаза. Под глазом был синяк, её голова и руки были забинтованы, на шее был воротник из гипса.

— Бекару, как ты? — почти шёпотом спросил Гондурас.

Женщина, выставив кверху и без того вздёрнутый носик, сомкнув губы, молчала. В это время в коридоре послышались чьи-то уверенные шаги. Гондурас не успел обернуться, как, оттолкнув его, в палату вошёл Карасолтан.

— Любуешься, изверг?! — выпалил он.

— Я-то причём?!

— Притом! Ты отец изверга! Если сестра не выкарабкается, то до конца жизни будете платить алименты. — После он коснулся рукой больной, осторожно потрогал лоб: — Как чувствуешь себя сестрёнка?

Карасолтан посмотрел на врача:

— Ненадолго выйдите! И этого изверга с собой заберите! — сказал он.

Врач вывел Гондураса. Когда остались одни, Карасолтан пожал руку сестры:

— Дом не хочет отдавать? — он вопросительно посмотрел на лежащую Бекару.

— Я же говорила! Я тоже бога боюсь.

— А я, значит, никого не боюсь! Врачу надо дать, ментам — тоже! Я что, джинн старика Хаттабыча?!

— Хватит мне магазина. Я всю жизнь мечтала иметь свой магазин. Твои потери я возьму.

— Чего ты будешь возмещать?! Я и так для тебя стараюсь.

— Ну и ладно. Дом слишком! Бог всё видит, — тихо проговорила Бекару.

— Ты намаз случайно не делаешь?! — сыронизировал Карасолтан. Затем встал и открыл дверь палаты: — Гондурас, заходи! Вы говорите с сестрой, а я с врачом перетру, — и он вышел.

Гондурас вошёл и стал в позе виноватого, опустив голову. Бекару при виде его сомкнула губы и закрыла глаза, не желая говорить.

— Бекару, дом — это слишком! — проговорил Гондурас, будто подслушал предыдущий разговор брата с сестрой. — Забери своё заявление. Виноват мой выродок! Виноват, подлец!

— Магазин, — прошептала Бекару.

— Не понял? — Гондурас подошёл ближе.

— Магазин, — отрешённо с мольбой произнесла Бекару и, простонав, вся обмякла, будто потеряла сознание.

Гондурас испугался. «Не дай бог, она умрёт», — первое, что пришло в голову. Перед глазами пронеслись ужасающие последствия. Он бы так долго простоял в растерянном состоянии, если бы не вернулся Карасолтан.

— Что сказала сестра?

— Она, кажется, сознание потеряла! — проговорил Гондурас.

— Врача! — крикнул Карасолтан.

Зашёл врач. Он поднял руку больной и, нащупав пульс, стал спокойно про себя считать.

— Нет, всё нормально. Она устала. Её нельзя беспокоить, — сказал врач и вышел.

— Что сказала сестра? — сморщив лицо, Карасолтан почти брезгливо посмотрел на Гондураса.

— Сказала: «Магазин». Видимо, беспокоится о работе, о нашем магазине.

— Тогда пошли! — недовольно приказал Карасолтан.

Они вышли из больницы. Дойдя до «Волги», Карасолтан на правах сильного взял за ворот Гондураса:

— Значит, так! Отдай сестре свой магазин! Конечно, если с ней ничего не случится и она заберёт заявление.

— Как магазин?! Магазин — источник доходов! Благодаря магазину я дом строю!..

— Тогда дом! — Карасолтан тряхнул за ворот Гондураса.

— Дом — это невозможно!

— Тогда заявление идёт в ход. Сына забирает следователь и до суда отвезёт в СИЗО.

— Может, мы помирился, я буду выплачивать возмещение?

— А этого не хочешь?! — Карасолтан, потеряв терпение, поднёс кулак к крючкообразному носу. — Дом или магазин! Вариантов нет! Вообще-то о твой дрянной магазин мне не хочется марать руки! Это сестра по-божески хочет... Я бы забрал дом!

В конце концов Гондурас согласился. В тот же день оформили все бумаги. Когда нотариус заверил их сделку, он сам попросил:

— Карасолтан, очень прошу, чтобы об этой истории мало говорили. Сын учится, ему надо расти.

— Растить надо было в детстве. Не трусь! Мне сестру выставить жертвой тоже ни к чему. Я должен был твоему Гондусику петлю на шею накинуть. Всё из-за сестры. В её интересах не распространяться.

К вечеру к дому Гондураса подъехал колёсный трактор с прицепом и автокран. Электрик Паша отрезал провода. Автокран вмиг поднял вагон со всем содержимым внутри и опустил на прицеп. Гондурас стоял возле ворот и печально смотрел вслед отъезжающему трактору с вагончиком. Жена с раздувшимся лицом стояла у окна, она хваталась то за голову, то за сердце. Эмиртай был заперт в детской комнате. Он тоже наблюдал за страшным исходом своей любовной истории.

Гондурас в ту ночь не спал. Глубокой ночью он вскочил с постели:

— Пойду и убью гада! — скрипел он зубами.

Жена тоже не спала:

— Кого это ты убьёшь?! — спросила она охрипшим голосом.

— Кого? Кого? Этого негодяя, насильника!

— Сын-то наш причём?! Это всё гадина подстроила!

— Нет! Это он из-за своего писуна сделал! Пойду голову отрежу! Пусть меня судят! Отсиджу за него!

— Ой, за что мне столько горя?! — зарыдав, жена накинулась на мужа со спины и повалила его на кровать. — Не дам сына убить!

Лёжа в кровати под женой, он успокоился, затем поменял позу. У них произошла примирительная связь...

Пролежав некоторое время в обессиленном состоянии, он снова вернулся к раздражающей его изнутри беде.

— За что нас наказали?! — он опять вспомнил слова Куваныша: — Отлились кошке мышкины слёзы.

— Надо было дать ему на бутылку, — спокойно сказала жена.

— Надо было, — поддержал и Гондурас.

— А вообще-то ты виноват во всём. Если бы ты не взял её на работу, то ничего бы и не произошло, — сказала она фразой с чудовищным смыслом. А возможно, что с глубоким подтекстом. Женщины знают, что говорят, они смотрят в корень.

Гондурас, подумав над словами, тихо заснул.

Для семьи это была настоящая шоковая терапия. Надо было пересмотреть все ориентиры. Гондурас стал винить себя. Поступок сына он стал считать издержками неправильного воспитания. Люди спрашивали у него про магазин. «Нет возможности выживать малому бизнесу. Капиталистические акулы задушили мой бизнес», — отвечал он им. Люди знали истинную причину потери магазина, но боялись спорить с ним. Гондурас имел свой пай земли и стал фермером. Это была беспокойная работа, но надо было кормить семью. Бекару успешно торговала уже в собственном магазине, а через год она разъезжала на белой иномарке. Сама привозила товар. Все знали, что главным источником денег у неё была водка. А магазин был прикрытием. Жизнь изменилась, и люди стали намного проницательнее.

Сын доучился и получил диплом юриста. Работу на родине он не нашёл. Здесь каждый второй юрист! Адвокатами хоть пруд пруди! И он, как многие соотечественники, в поисках счастья уехал на Север. Там тоже не удалось найти работу по специальности, и он стал работать в Газпроме рабочим на прокладке труб. Работа была нелёгкая, но зарплата весомая. В отпуск он приезжал с деньгами и стал доделывать дом. Каждый год в отпуск он планировал отделывать по комнате. В доме было двенадцать комнат. Семья решила дом отдать Эмиртаю. Сначала была мысль доделать дом и потом чтобы сын женился. Однако действительность корректировала по-своему. Двенадцать комнат — это двенадцать лет жизни. Поэтому сначала Эмиртай женился, а потом стал доделыв-

вать дом. Получилось как всегда, по-ногайски. Так становились на ноги дети шоковой терапии. Однако Эмиртай не был типичным в этом отношении. Нетипична была и дочь Информации Саманта. Но очень своеобразно складывалась и её судьба.

III

Саманта в большом городе

Город находился в ста километрах от аула. Полтора-два часа езды на автобусе. Город Н-ск был не самый большой на Северном Кавказе. В нём располагалось несколько вузов на бюджетной основе, несколько колледжей. Особенно почитались на юге страны автодорожный и медицинский колледжи. Люди по старой привычке называли их автодорожный техникум и медицинское училище. Медицинское училище у местного населения было больше в почёте. Ну какая горская семья не мечтает иметь дома медицинского работника?!

Дочь Информации Саманта дважды пыталась поступить в это училище. Первый раз после восьмого класса: тогда она, как и несколько её сверстниц из аула, провалилась на письменном экзамене по русскому языку. После она, чтобы не сидеть дома, стала ходить в девятый класс. На следующий год можно было сделать попытку, но родители решили, чтобы она доучилась в школе и получила аттестат о среднем образовании. Семья жила в постоянной нужде. Наверное, это связано с проблемами экономического характера по всей стране. В связи с развалом совхоза Информация остался без заработка. А жить надо было. И он был не один такой. Надо было кормить всех, кто числился в совхозе, и пенсионеров. Сначала пустили под нож овец, чтобы обеспечить зарплатой работников вновь образованного КСП — коллективного сельхозпредприятия. Информация стал держать собственных овец, но руководство потребовало, чтобы он и их отдал для нужд хозяйства. Овцы были его, но руководство говорило, что он использует пастбища, а они оказались коллективной собственностью. Уходить было некуда. Тогда Информация приобрёл

телят и стал их отращивать. Опять хотели у него изъять, так как он выращивал их не на своей земле. Он отбивался. Затем началась всеобщая приватизация. Неожиданно кошара стала лакомым куском, в ней приватизировались не только двор с помещениями, но и все пастбища, которыми пользовались работники. Главный чабан кошары Информация неожиданно мог стать крупным землевладельцем. Руководство так и оформило пастбища в аренду сроком на 49 лет на весь коллектив кошары. А коллектив этот представлял Информация и десять человек, которые работали с ним. Все были малограмотные. Оформили временно, чтобы успокоить работников всего предприятия. Все документы хранились у бывшего директора предприятия. Затем начались бесконечные отводы земли. Информация не видел документов и не понимал, что он отводил и под какие бумаги ставил подписи, довольствовался тем, что платили деньгами. Однако эти деньги невозможно было накапливать, их поедала инфляция. Люди добрые Информации сказали, что он в связи с незнанием документов передачи земли может серьёзно пострадать, поэтому лучше уйти с работы. Он так и сделал. Забрал с кошары серую кобылу. Последний раз, получив деньги в компенсацию земли, он ушёл под предлогом, что переходит в строительную бригаду. На деньги он запасся на год продуктами питания, купил всякого корма для скота, а также десять телят. И стал их растить в своём дворе. Земли у него не было. Даже своего пая. Телята, корова, кобыла паслись на общественных пастбищах поселения. Телят он выращивал и продавал заготовителям. Кобыла регулярно приносила приплод, он выращивал жеребёнка и через пару лет резал и надолго обеспечивал семью мясом. Без коровы жить было невозможно, семья ежедневно питалась молоком и молочными продуктами. Во дворе была и другая живность. Денег было мало.

В этот год Саманта решила поехать поступать в училище. Отец и мать повезли её в город. Они вместе с дочерью сдали документы в училище, затем вместе с другими абитуриентками из аула нашли жильё в одноэтажной стороне города. Родители оставили девушке продукты и деньги, сами вернулись домой.

Мать сказала:

— Мы не можем оставаться с тобой. Смотри за соседками. Делай всё как они.

Девчонка была не из боязливых, могла обидчику дать сдачу, но конечно, попав в незнакомую обстановку, она потерялась, заробела перед незнакомыми людьми. У некоторых девочек кто-то из родственников жил в городе, у других близкие сняли жильё неподалёку и остались в городе – естественно, они были увереннее её. На первом же экзамене выявилось и другое. Требования знаний были откровенно завышенные, редко кто из сельских, да и городских абитуриентов мог сам сдать экзамен. Помогали родственники. Во время экзамена они сидели во дворе, а между ними за определённую плату действовали связные: ассистенты кафедр, преподаватели, незадействованные в приёме экзамена. Они под разными предлогами проникали в аудитории, где шёл экзамен, заносили шпаргалки. У некоторых абитуриентов были связи с самими экзаменаторами, они и вовсе садились рядом со сдающим экзамен и помогали с выполнением задания. Всё это Саманта увидела очуюю. Без содействующих было несколько девчонок, но они, как и она, не сдали даже первый экзамен. Саманта провалилась. Соседки по комнате, поступающие после восьмого класса, были ей малознакомые. Сдав экзамены и узнав о поступлении, они в тот же день, собрав вещи, разъехались по домам, чтобы готовиться к учёбе. В память врезались их счастливые лица. Саманте было обидно за себя. За то, что она провалилась, и за то, что выпускницы восьмого класса поступили, а она нет. Последние годы она была уверена, что поступит в училище и в дальнейшем станет медицинским работником. Но эта мечта рухнула в одночасье.

Был жаркий июль. Во времянке, где снимали жильё, несмотря на то, что целый день и всю ночь нараспашку были открыты окна и двери, стояла духота. Саманте идти было некуда, она в лёгком выцветшем платъице лежала ничком на своей кровати. Всё время навёртывались слёзы от нарастающей безысходности. Возвращаться домой и сообщать о провале она не хотела. Даже девчонкам, с которыми она здесь жила, не созналась, соврала, что сдала экзамены и поступила. Она корила свою судьбу и не могла понять, почему она к ней так неблагосклонна. Ей ещё не было восемнадцати лет. Безысходность ещё усугублялась тем, что ей не с кем было посоветоваться.

Конечно, есть девочки, которых родители и в пятнадцатилетнем возрасте пускают в свободное плавание. И они как-то преодолевают все трудности и не попадают в сомнительные об-

стоятельства. Больше того, есть дети, которые сизмальства учатся в интернатах или растут в детских домах, и каким-то образом не попадают в западню, выставленную неблагодарной судьбой, становятся на ноги. Девочкам часто везёт, когда у них рядом толковый наставник или какой-нибудь случайно встретившийся человек с доброй душой. В профтехучилищах, в которые дети попадали в совсем юном возрасте, были воспитатели. Они как-то контролировали их, вникали в их положение и оказывали необходимую психологическую помощь. Контроль над детьми необходим, в советское время об этом знали. В то время придавали большое значение педагогике, проявляли заботу о подрастающем поколении. С Самантой всё произошло как-то несуразно, она не заслуживала этого.

Когда первенцем стала девочка, отец особо не был возмущён. Для Информации, у которого более пяти лет совместной жизни с Ання не было детей, это было вполне желанное явление: он не смотрел, первенец мужского или женского пола. Это говорится к тому, что часто отцы первенца желают иметь мальчика. Сколько случаев среди нашего народа, когда отцы глубоко сожалели о рождении девочки. Были и такие, которые из-за непоявления наследника, от разочарования и в роддом не ходили. Не встречали своих жён, как положено, с цветами и шампанским, не устраивали положенных по случаю прибавления в семье пирушек. Были такие, которые хотели сделать своё неприятие довольно ощутимым, например, наперекор супруге и другой родне называли девочек несуразными именами. В нашу бытность ещё существовали женщины с именами Болды (Хватит) или Кызтаман (Не надо девочки). Здесь надо подчеркнуть: девочки с такими неподходящими именами очень часто вырастали хорошими, образцовыми женщинами. Может, это происходило от того, что они всю свою жизнь хотели поменять мнение родителей, наверное, в них сильно срабатывал дух противоречия.

Имени в нашем народе всегда придавалось большое значение. Но надо сказать, что не все о глубоком значении имени задумывались. В большинстве случаев давались апробированные имена, как правило, использовались имена из священных писаний. Этим самым желали, чтобы девочку в будущем сопровождал ореол святости, благородства, поэтому их так и называли: Мариям, Хаджат, Айшат, Фатима, Муслимат, Аминат и так далее. Апробированными являлись и

имена, почерпнутые из эпоса, сказок, легенд, народной литературы. Например, такие, как Зулейха, Кызыл-Гуль, Разият, Алтыншаш, Асият и другие. Часто родители давали имена, означающие их пожелания: Насипхан (Повелительница счастья), Кельдихан (Пришла повелительница), Айбийке (Княжна луны), Айсылув (Луноподобная), Дженнетхан (Повелительница рая) и так далее. В нашу бытность часто в именах выражали идеалы советского времени. В связи с этим распространились имена Надежды Крупской, Зои Космедемьянской, Светланы Алиллуевой, Валентины Терешковой... Затем сказалось влияние художественной литературы и произведений кино, тогда стали популярными такие имена, как Жанна, Татьяна, Катерина, Анжела, Джульетта, Элеонора, Индира, Эсения и тому подобное. Несмотря на смысл, данный в имени, девочки вырастали с разными судьбами и характерами. В ауле иногда происходили и весьма курьёзные вещи. В центре селения жила женщина по имени Олеса. Отец этой женщины воевал в Белоруссии, был участником партизанского движения, таким тогда устраивали почести, но не об этом речь. Так вот, когда этот мужчина вернулся на родину, в аул, женился на красивой ногайке. После года совместной жизни жена родила дочь, и отец объявил, что дочь он назовёт Олесей, в честь девушки, которую любил в Белоруссии. Родственники, особенно с женской стороны, объявили протест, посчитали оскорблением, приходили к зятю выяснять отношения. Однако отец настоял на своём и выдержал все нападки. Бедная жена тоже согласилась и растила дочку с именем своей потенциальной соперницы.

Информация в то, что имя может повлиять на судьбу, особо не вникал. Когда у него спросили, как же надо назвать девочку, он выбрал имя Саманта. В это время очень много писали о тринадцатилетней американской школьнице Саманте Смит. На момент рождения дочери Информации, в 1983 году, девочка из США написала письмо Генеральному секретарю КПСС Андропову и была приглашена в гости в СССР. Была принята главой государства. Все газеты её называли «Послом доброй воли». На это почему-то обратил внимание Информация. Называя девочку этим именем, может, он хотел подчеркнуть свою особую черту, тягу к чтению газет и журналов, и отличаться от основной массы жителей? Анна совсем не по-

няла такое решение, но имя ей показалось благозвучным. Она стала матерью девочки с американским именем. Ання не знала и того, что имя означает «Услышанная богом». Значения не знал и Информация, в то время советские газеты про бога редко упоминали.

Имя девочки привлекало внимание. Она была приметной и в школе. Она выделялось среди старшекласниц, представляла взрослой девушкой. Лицом она была миловидной, белокожей, с красивыми миндалевидными глазами, тонким носом, тонкими губами. Волевой подбородок говорил об устойчивом характере. Мать её ни в чём не ущемляла, старалась, чтобы она одевалась не хуже других. Да и в быту она учила её держаться с достоинством, ни в чём не уступать нахальным детям. На неё обращали внимание мальчики, но не подступали к ней из-за характера. В старших классах многие ученики дружили друг с другом. Были такие, которые тайком искали встреч, провожали до дому. Были и такие, которые открыто назначали свидания и находились всегда рядом. Саманта для мальчиков казалась и очень серьёзной, и чужой, и недоступной. Она даже выражением строгого лица отталкивала одноклассников. Обычно мальчики подкатывали к девушкам после того, как удавалось переговорить. Саманта же в разговор с ними не вступала. Да и с девушками была немногословной. Может, такой характер формировался из-за того, что она слабо училась. Она чувствовала, что учёба характеризует её с отрицательной стороны и поэтому, чтобы скрыть, как ей казалось, свою слабость, пыталась показать себя по-другому. Часто было так, что она не могла внятно ответить учителям на заданные вопросы. Как-то один из учеников в шутку обозвал её «Дремучей». В ответ Саманта при всех схватила мальчика за ухо и, как это делали некоторые учителя, вывела его из класса. Другой мальчик на уроке физкультуры нечаянно её толкнул, в ответ она догнала его, схватив за руку, загнула руку за спину и так сильно отшвырнула, что он упал на пол. Спуска она не давала и девочкам. Те тоже сторонились её. В общем, много у неё было от матери. Дома Саманта делала все работы. Мыла посуду, стирала, кормила и доила корову, птицу, наравне с матерью занималась и огородом. Пасла овец на берегу Кубани. Когда она пошла в девятый класс, мать её брала на все полевые работы. Тогда все домохозяйки аула занимались прополкой свеклы и кукурузы. Часто работали на солнцепёке, работа была изнурительной. За работу с урожаем

давали сахар, зерно, деньги. Мать с заработанных денег покупала обновку, а в десятом классе купила ей и золотые серёжки. Ання, конечно, думала о её будущем, надеялась, что всё сложится благополучно. Возможно, что девушка, останься она дома, могла дожидаться, когда найдётся подходящий парень, который покорил бы её и характером, и волей, и она бы действительно обрела семейное благополучие. Чтобы не отстать от аульских девушек, родители, да и она сама хотела получить образование, приобрести специальность. Благими намерениями проложена дорога в ад – очень точное выражение. Родители в городе всегда чувствовали себя некомфортно. Поэтому они постарались побыстрее его покинуть. Они были уверены, что всё обойдётся. Но всё сложилось иначе.

Саманта в таком положении пролежала до сумерек. В чувство её привёл мужской голос:

— Эй, кто есть?

Это был голос сына хозяйки дома. Саманта привсталала, села на край кровати и разгладила распухающее от слёз лицо. Когда тридцатилетний мужчина, отвернув тюлевую занавеску, просунул светловолосую голову, девушка наклонилась, чтобы не смотреть ему в лицо.

— А я думал, что все уехали! Ты чего это одна сидишь? Окна открытые, ты бы их закрыла, а то комары налетят, — проговорил мужчина, пытаясь заглянуть ей в лицо. — Тебе плохо, что ли?

— Нет, ничего особенного, — ответила Саманта, привставая для приветствия.

Мужчина пригляделся. Саманта засмущалась и разгладила платье. Мужчина перешагнул порог:

— А ты большая. Не то, что твои подруги: мелюзга. А где они? — спросил он.

— Они уехали.

— Так ты одна? Это меняет дело. Ты что, плакала? — сочувственно спросил мужчина и сел напротив, на одну из кроватей возле стены.

— Я спала.

Парень восхищённо посмотрел на её личико, особенно ему понравились миндалевидные глаза и прямой нос. Девушка отвела взгляд и опустила голову.

— Ты не в настроении? Что с тобой?

— Ничего особенного. Просто лицо заспанное. Я умоюсь, сейчас пройдёт. — Она вышла из ванной и, пройдя несколько метров по бетонированной дорожке к водопроводной трубе, включила кран и умылась холодной водой.

Следом вышел хозяйский сын, остановился возле неё:

— А ты большая. Не скажешь, что тебе нет восемнадцати лет!

— Мне есть восемнадцать, — приврала уверенным голосом Саманта. Она растёрла руками мокрое лицо, от этого кожа посвежела, на щеках появился румянец.

— Тогда это меняет дело, — повторился он. Подумав, сказал: — Как раз мать в гости в деревню уехала. Да и ты одна. Твои подруги не вернутся же? Я видел, как они с вещами уехали. А ты чего не уехала?

— Я в другом селе живу. Наверное, завтра поеду!

— До завтра уйма времени. Если ты такая взрослая, то нам можно и отметить твоё поступление? — Он вопросительно посмотрел ей в глаза.

Она увернулась от взгляда и поторопилась во ванную.

Через некоторое время сын хозяйки, переодевшись в приталенную розовую сорочку и темно-синие джинсы, пришёл, держа в руках белый полиэтиленовый пакет. На стоящий посредине комнаты стол он выставил большую бутылку домашнего вина, хлеб и сыр.

— Видишь, какие мы богатые! — похвалился он и опять вопрошающе посмотрел в глаза девушки.

Саманта опять отвела взгляд в сторону:

— Зачем вы это принесли? — сказала она.

— Давай не надо на «вы», меня зовут Ромой. Я сейчас в саду нарву вишен и яблок, и у нас будет царский стол, — не дождавшись реакции со стороны девушки, он выскочил из ванной.

Саманта, подойдя к зеркалу, посмотрела на себя, поправила волосы. Подумав, сняла прежнее и надела другое, своё единственное нарядное шелковистое платье с красными узорами на зелёном фоне. Вернувшись с мытыми яблоками и розовыми помидорами, парень глянул на девушку, восторженно кивнул головой:

— Тебе идёт! Ты клёвая! — Затем показал фрукты и помидоры: — Дай, пожалуйста, какую-нибудь тарелку.

Девушка не отреагировала на просьбу, она себя держала сдержанно. Рома, выложив на стол яблоки и помидоры, оглядел комнату и увидел тарелки на полке. Он достал их и разложил овощи и фрукты.

— Вы зря это делаете, — проговорила Саманта.

— Ничего не зря! Любой успех надо обмывать, чтобы он повторился! И ещё, мне не нравится твоё поникшее настроение, ты совсем расстроенная.

— Я ничего. Я не расстроенная. Просто, мне обидно, что одна осталась.

— Вот и прекрасно! Как тебя зовут?

— Саманта.

— Что за странное имя? У вас есть такие имена?

— Я не хочу обмывать. Можно и так посидеть.

— Да ладно, Саманта! Мне нравится твоё имя! Просто так посидим. Чтобы не скучать, я сейчас маг принесу. Мы от души подыдем настроение. Ты же не ребёнок. Вон, какая взрослая! Ты же любишь модные песни? Чего это я спрашиваю? — Рома исчез и вскоре вернулся с двухкассетным магнитофоном.

Саманту заедало, что уже который раз хозяйки сын подчёркивал возраст, ей не хотелось представлять малолеткой. И она решила вести себя так, как вела бы взрослая самостоятельная девушка.

— Маг у вас клёвый! — Она повторила употребляемые Ромой слова, чтобы показать, что она понимает лексику городской молодёжи. Некоторые ученики в аульской школе, которые часто бывали в городе и у кого были городские родственники, употребляли эти словечки.

Рома подвинул стул и усадил на него Саманту, сам сел напротив. Затем налил в стаканы вино и предложил тост за её поступление в медицинский колледж. Саманта не хотела пить, мужчина вложил в её руку стакан и заставил поднять. Она никогда в жизни не пробовала вино. Саманта отпила глоток и постаралась понять вкус напитка. Рома засмеялся:

— Так не пойдёт! Ты что, не пила вино?! — удивился он и пренебрежительно добавил: — Совсем отстала от жизни!

Последняя фраза смутила Саманту и она выпила содержимое стакана. Через несколько минут её повело от выпитого. Закружилась голова, сознание одурманилось. Она старалась не потерять самообладание. Но Рома включил магнито-

фон и вывел её танцевать. Они стали танцевать танго. Он прижимал её за талию и под такт музыки медленно водил по комнате. Когда оборвалась эта мелодия, Саманта еле стояла на ногах. Началась следующая мелодия, более быстрая, и надо было танцевать на расстоянии друг от друга. Рома понял состояние девушки, поддержав её, стал танцевать, плотно обняв. Она сделала несколько попыток вырваться из объятий, но не смогла и напротив, сама повисла на плечах мужчины. Когда она совсем не понимала, что с ней творится, Рома усадил её на кровать и со скрежетом придвинул к ней стол. Мужчина предлагал тосты и заставлял Саманту взять стакан. Она только пригубливала. Тогда он предложил выпить за неё, за её красоту. Девушка не хотела пить, но Рома, сказав, что он контролирует тост, заставил выпить. Сам, выпив, он тыльной стороной ладони провёл по губам и сказал:

— По такому случаю я тебя должен поцеловать! — он потянулся губами к губам девушки. Саманта успела отвести губы и поцелуй получился в щёку.

Поцелуй даже в щёку обжёг девушку. Она недоуменно посмотрела на Рому. Мужчина, не дав опомниться, повёл девушку танцевать. Через некоторое время она обмякла прямо в объятиях партнёра. Он довёл её до кровати...

Утром, когда она открыла глаза, ощутила, что лежит голая с голым мужчиной. Она поняла, что произошло, хотела вспомнить прошедшую ночь, но не смогла. Её проняла обида и, готовая расплакаться, она забилась к стенке и не могла даже шелохнуться. Почти одновременно проснулся и Рома. Он хотел обнять и протянул руку к её бедру. Девушка отбросила его руку.

— Да ладно! Мне надо на работу... Можно было тебе ещё раз вставить. Ладно, потом, — сказав, он встал и нашёл своё бельё на полу.

Она целый день припоминала детали прошедшей ночи. Толком ничего не могла вспомнить. Вспоминался утренний Рома, его голое тело. Она не так представляла первого мужчину. Как все девушки, думала о свадьбе, замужестве с хорошим парнем. А тут получилось, что она сблизилась с совершенно незнакомым человеком. До возвращения Ромы она несколько раз вставала с постели, прибрала со стола, хотела привести и себя в порядок. Усталая, обессиленная ложилась на кровать, закрывала глаза, чтобы уже ни о чём не думать. Рома вернулся к заходу солнца. Она не успела встать, лежала

во вчерашнем домашнем платице. Рома сел с краю кровати и, протянув руку, погладил девушку по плечу:

— Чего же ты вчера не сказала, что ты девственница? Я себя чувствую виноватым. Ты не волнуйся! У нас с тобой всё будет хорошо. Я тебя полюбил сразу! А что ты девственница была, это очень хорошо! Ты меня устраиваешь! Вот я тебе нравлюсь ли?

Девушка ничего не сказала. Она весь день переживала произошедшее. Известно, что у ногайцев потеря девственности для девушки неслыханный позор. Издревле с таким клеймом не брали замуж, такие девушки подвергались всеобщему осуждению. Она понимала, что накануне произошло самое худшее в её жизни, но сделать ясный вывод она ещё не могла.

— Саманта, ну скажи слово! Мы теперь родные с тобой!
— Он прилёг рядом и молча лежал.

Девушка ничего не говорила. Ей хотелось остаться одной, наедине с собой. Через некоторое время Рома пошёл в дом и принёс пирожков из холодильника и вино. Саманта уже встала и сидела с краю кровати. Когда мужчина стал накрывать на стол, она сходила и умылась под краном. Рома встретил её и обнял:

— Извини, если что не так! Вообще-то я предохранялся,
— он посмотрел ей в глаза. — Никто ничего не узнает.

Это сообщение как-то успокоило Саманту. Целый день она думала и о том, что будет с ней, если она забеременеет.

Рома усадил девушку за стол. Он предложил девушке вино, но она отказалась.

— Ты ешь пирожки, это мамка напекла, — сказал он.

Она съела один пирожок и успокоилась. Рома выпил бутылку сам, один. Затем принёс ещё одну. Выпил половину и похотливо посмотрел на Саманту. Девушка отвела взгляд. После он обнял её и поцеловал в губы. Стал домогаться. Она не подпускала. Потушив свет, они легли вдвоём в одной кровати. В темноте Рома почти насильно овладел ею.

— С тобою хорошо! — похвалил он. — Ты не бойся, я предохраняюсь. Так, что ты не забеременеешь. Вставай, давай выпьем? — предложив, он встал и зажёл свет. — Саманта отвернулась, чтобы не видеть обнажённого, сама укуталась в простынь. — Как хочешь! Лежи. А я выпью, — выпив, он привычно тыльной стороной ладони провёл по губам. — Я первый раз с такой, как ты!

— С какой? А у тебя что, было много девушек? — пряча голову в простынь, осторожно спросила она.

— Наконец-то заговорила! Я думал, что ты язык проглотила... Были девушки. Моя жена даже девственницей не была. Она гуляла до меня, — сказал он и откусил пирожок.

— А где теперь она?

— Мы развелись. У меня двое детей от неё. Детей жалко. Всё же мои. Только я с ней не сойду больше. Она и сейчас гуляет. Притом с моими знакомыми. Обидно. Пусть гуляет. Это её дело. Я бы на такой, как ты, женился! Пойдёшь за меня? — Он встал от стола и, подойдя к кровати, сел рядом с ней, затем стал разворачивать её лицом к себе. — Ну, посмотри на меня!

— Мне неудобно на тебя смотреть. Мне стыдно за произошедшее, — сказала она, прижимаясь к стене.

— Я бы на тебе женился! — мечтательно повторил он и погладил по простыне, облегающей её туловище.

Эти слова который раз заставили её задуматься. Сначала она относилась к ним с недоверием, посчитала их неискренними. Теперь они дошли до её распалённого сознания. До этого она была как растоптанная, как попавшая в силки птица. Предложение Ромы создавал выход из невыносимой ситуации. Хотя она знала, что родители такой исход не воспримут. Для принятия его было немало препятствий. Во-первых, ей не было восемнадцати лет, по любым меркам нельзя было полагаться на одобрение замужества. Во-вторых, ни отца, ни мать не устроит кандидатура разведённого мужа, тем более отца двоих детей. В-третьих, выходить замуж за человека другой национальности — это тоже вызовет возмущение родителей. С другой стороны она, хотя и была несовершеннолетняя, понимала, что эти препятствия преодолимы. Она знала, что есть немало случаев, когда девушки выходили замуж, даже ещё учась в школе. Знала, что немало исключительных случаев, когда девушки выходят и за многократно женившихся и за имеющих не только одного, но и несколько детей. За представителей другой национальности, несмотря на скандалы с родителями, часто тоже выскакивают замуж. Сейчас все три аргумента против замужества были преодолимыми. Страшнее было, потеряв девственность, остаться покинутой.

Когда Рома стал её гладить, она подалась к нему, стала расположенной к разговору:

— Ты можешь на мне жениться? — прошептала она.

— Да, конечно! — восторженно подтвердил молодой человек, сам радуясь, что заимел её расположение.

Когда стемнело, они пошли в дом посмотреть телевизор. В доме царил порядок. Блестела лакированная мебель, свежеевыкрашенные в красный цвет полы ещё сохраняли запах краски. Саманта с интересом оглядела все комнаты, она оценила чистоту и уют, созданные хозяевами. Даже успела подумать о том, что в недалёком будущем станет здесь жить. На следующий день Рома не пошёл на работу. По-прежнему было жарко. Он опять принёс вина, затем разделся до плавок, стал ходить нагишом, Саманта сидела в своём домашнем платице. Он нарвал в огороде спелых помидор, сорвал с дерева яблок, у них ещё оставались сготовленные матерью пирожки. Саманта сварила чай. Они вдвоём уселись под деревом за маленьким столиком. Рома рассказывал о себе, друзьях, своём детстве, сегодняшней работе. Он почти ничего не спрашивал у девушки. Это Саманту устраивало, ей хотелось больше знать о городе, где проходило основное время обитания Ромы, об образе жизни семьи в городских условиях.

Рома родился от какого-то южанина: не то осетина, не то дагестанца, но отца своего он не знал, и воспитывался матерью-одиночкой, местной казачкой как русский, а она на корню отметала инородство своего сына. Как рассказал Рома, сама мать тоже была непонятного происхождения. Её отец был родом из Челябинской области. Сначала он писался татарин. Французы говорят, что если потрёшь русского, выйдет татарин. Ногайцы говорят, что если потрёшь татарина, выйдет ногаец. Так и отец был из крещённых казаков нагайбаков. В тяжелые послевоенные годы он переехал в этот город. Переехал из-за того, что в этом краю проживали ногайцы, да и работа была на заводе, где он устроился токарем. Но когда переехал, нагайбак Иван Кунгуров был полностью разочарован. Ногайцы были другими, не такими, как он ожидал. Они вели другой образ жизни, не подходили ни внешне, ни по вере. Детей он воспитывал по-русски. И, когда дети повзрослели, то сами в своем паспорте в графе национальность записали «русский». Мать о происхождении своего отца знала понаслышке, но помалкивала. В молодости она позна-

комилась с красивым гуляющим парнем, от него родила сына. Отец ребёнка, не женившись, исчез и больше не появлялся. Так она стала матерью-одиночкой.

Молодой человек, в конце разгорячившись от выпитого, стал мечтать, строить планы на будущее.

— Три года пролетят как один день, вот, закончишь своё училище, поедем с тобой на Север, заработаем деньжат. После каждый год будем ездить на море, там погуляем на славу, я тебя в такие рестораны поведу! Посмотришь! — говорил он, хлопая ладонью себя по груди.

Саманта оценивающе разглядывала его продолговатое со светлым оттенком кожи лицо, прямой нос, русые волосы, чёрные глаза. Он был ей приятен. Она хотела представить, какое впечатление он окажет на родных, на одноклассников, на знакомых, когда будут рядом. Она вспомнила две прошедшие ночи, особенно первую мятежную, оглушившую своим неожиданным событием, следующую ночь, которая прошла спасительно и вывела её в предстоящую семейную жизнь. Ей хотелось поцеловать будущего мужа в тонкие лиловые губы и сказать хорошие слова. Рома почувствовал её взгляд:

— Ах, милая Саманта, как же я тебя люблю! — сказав, он обнял её за плечи и потянулся поцеловать в губы. Саманта, увидев стоящую возле угла дома вернувшуюся хозяйку, испугалась и быстро освободилась от рук молодого человека.

— Ой, мать приехала! — вскрикнул Рома, тоже увидев мать.

Женщина была худощавого телосложения, на ней было бордовое с голубыми цветами платье, на голове белая косынка, подвязанная под подбородком. Она, насупив брови, внимательно оглядела сына и девушку. Саманта, встретившись со злобным взглядом таких же, как у сына, чёрных глаз, встала, разгладила своё платье и поторопилась во времянку.

Мать подошла к сыну, оглядела стол:

— Опять вино! Ты же дал слово, что не будешь пить?!

— Давай мать, выпьем! Саманта не пьёт, а я один не могу. Поддержи, мама? — развязно проговорил он и, подняв налитый для Саманты стакан с вином, протянул матери.

Женщина развязала концы косынки, сняла её с головы. На макушке золотистые волосы были свиты в корзинку. Махнула на сына косынкой:

— Да пропади твоё вино пропадом! От тебя из-за этой выпивки жена с детьми ушла. Вот попадёшь в ЛТП! Там тебе горячих уколов понаделают! Будешь ходить и бормотать под нос. Алкаш ты несусветный!

— Ма, а я на Саманте женюсь!

— На какой ещё Саманте?!

— Да вон она во времянке. Давай за неё выпьем!

— Я тебе выпью! А чего это ты о ней по-свойски? Она же ещё ребёнок!

— Ничего себе ребёнок! Ей полные восемнадцать! — зычным голосом возмущился Рома.

— Это ещё посмотрим! Ты где деньги взял на вино? Небось, опять в долг стал пить?

— Конечно, в долг! Ты же все мои деньги забираешь!

— А тебе деньги нельзя оставлять! Ты в миг их просадишь! Почему ты на работу не пошёл? Выгонят тебя, опять будешь по улице слоняться. Как ты всем надоел! Марш домой! Выпись, а потом поговорим! — мать забрала со столика недопитую бутылку, а Рома поторопился опорожнить стакан, до этого протянутый матери.

Молодой человек встал, шатаясь, хотел зайти во времянку, но мать подскочила и толкнула сына в сторону дома:

— Иди! Чтобы больше ни грамма!

Рома сопротивлялся, а мать настойчиво толкала его в сторону дома.

Саманта из этого короткого разговора поняла, что будущий её жених пьющий человек. Она знала, что есть пьющие, но какие это невозможные и бедовые люди, она не представляла. Главное, что Рома сказал о своём намерении жениться. Отношение матери к ней, к создавшейся ситуации она не поняла. Единственное, это злобный взгляд врезался в память. Затем девушка, не торопясь, прибрала комнату, помыла полы, занесла столик из огорода, собрала в вазу яблоки и помидоры. Когда подсохли полы, она хотела привести в порядок постель. Разгладив руками простынь, она обнаружила в складках засохшее кровавое пятно. Сперва это её озадачило, но после она поняла, что за пятно. Положив в тазик простынь, Саманта вышла во двор. Тогда не у всех были стиральные машины. Часто стирали руками. Присев возле крана, она стала стирать простынь с хозяйственным мылом, затем, потрусив простынь, развесила её на бельевой веревке. Окно хозяйской

кухни смотрело во двор. На окне были занавески, из-за них не видно было женщины, пристально наблюдавшей за стиркой. Но возле входа во времянку Саманта услышала ворчливый голос хозяйки:

— Позор смывает! Ох и трудно это делать! — говорила она за занавесками как бы сама себе.

Саманта обернулась. В раскрытом окне показалась голова женщины. Она не посмотрела в сторону девушки и, делая вид, что высказывает вслух себе свои мысли, проговорила негромко:

— Выучили родители на свою голову!

Хотя хозяйка и не обращалась к ней, Саманта поняла, что слова были произнесены в её адрес. Расстроенная услышанным, она вошла во времянку и села на кровать, чтобы обдумать происходящее. Через некоторое время тётя Катя, так звали мать Ромы живущие у неё квартирантки, зашла во времянку.

— Почему ты с девчонками не уехала? — спросила женщина, изучающе глядя в глаза девушки.

Саманта, отводя взгляд, ответила:

— Они в другом ауле живут, а за мной мои должны приехать.

— Во время учёбы ты собираешься жить у нас?

— Да, — ответила Саманта.

— Хорошо! Дай я на твой паспорт взгляну!

— Зачем? — Девушка недоуменно посмотрела на хозяйку.

— Так положено. Мы должны у всех документы проверить. Участковый требует у нас. Документы всегда должны при себе быть.

Девушка подошла к тумбочке и, открыв верхний ящик, нашла паспорт и протянула его. Хозяйка взяла документ, раскрыла его, долго читала первую страницу, подтвердив свою догадку, она кивнула сама себе головой:

— Понятно! Ну, живи, дорогая, — сказала она угодливо и, изменив свой тон, добавила: — Живи, сколько хочешь. Только вот что... я должна буду подселить к тебе ещё одну девочку. Вам вдвоём будет веселее. Мои условия к квартиранткам: никого не приводить, соблюдать чистоту и порядок, поздно не отлучаться. Когда будете ездить домой, меня предупредить, чтобы я не беспокоилась. Ромке не потакать. Денег не давать! Никогда не вернёт, и я не верну занятые им деньги. Поняла, Саманта?

— Да, тётя Катя.

— И ещё вот чего. Я тебя, дорогая, очень попрошу, если какие трудности, вопросы возникнут, то говори прежде всего мне. Ты у меня живёшь, а я за тебя отвечаю. Спрашивай обо всём, не стесняйся. Мать приедет, познакомь меня с ней. — Она оглядела комнату, увидев стоящий на подоконнике магнитофон, подошла к нему. — Это я заберу. Это моё имущество. А вы можете свой привезти. Слушайте, только, чтобы сильно не орал. Вопросы есть? — она взяла подмышку магнитофон.

— Нет, — ответила Саманта.

Тётя Катя прошла к двери, но опять остановилась. На лице появилось озадаченное выражение, затем улыбка:

— Фрукты, помидоры — они наши, — хозяйка вопросительно посмотрела на девушку. — Можешь лакомиться. Другим я не позволяю, а ты мне понравилась, — собравшись переступить порог, она снова передумала, затем многозначительно посмотрела на девушку. — Милая, ты мне и секреты свои говори. Я жизнь прожила и многое знаю. Ты раньше матери мне говори. Я пойму. Может, деньги кончатся, может, продукты какие нужны будут. Спрашивай — я дам. Ты хорошая девушка! Мне сразу понравилась. Я в людях разбираюсь.

Последние слова были совсем несовместимыми с прежним злобным взглядом тёти Кати. У Саманты растаял лёд на душе. Она даже подумала, что Рома объяснил матери всё про их любовные отношения. Ей стало легко, она решила, что теперь у неё настаёт счастливая пора. Подумала о том, как она станет выкручиваться перед своими родителями. «Отцу можно ничего не объяснять, — размышляла она. — Всё зависит от матери. Как решит она, так и будет. Куда она денется, если мы с Ромой поставим перед фактом?! И всё», — с этой обнадеживающей мыслью она прилегла. В её глазах пронеслись все эти невероятно сумбурные дни. Провал на экзамене ей показался сущим пустяком по сравнению с тем, что произошло в последние два дня. Казалось, что выход найден, и она с облегчением уснула.

Утром она проснулась от крика ворвавшегося Ромы.

— Саманта, дай выпить! — надрывно голосил молодой человек. Он по-прежнему был голый в плавках, судорожно чесал бока и грудь. — Дай что-нибудь! Сушняк замучил!

Саманта встала и вопросительно посмотрела на судорожно дёргающегося Рому:

— Может, воды?

— Какой воды?! У меня же вино оставалось?

— Вино тётя Катя забрала!

— Ну, мамка! От неё житья не будет! Она ни за что не даст! Что же делать?

В помещение вбежала мать, она опять злобно посмотрела на Саманту, будто говоря, что сын из-за неё прибежал сюда, затем ещё злобнее на сына:

— Ты посмотри на него! Почему ты к девушке в плавках заходишь?! Марш домой! — Она схватила сына за руку.

— Мамка, дай вина! Сушняк замучил! — взвыл сын.

— Не дам я тебе ничего! Забудь сюда дорогу! Иди домой!

— Ну, мам, дай вина! — продолжал хныкать Рома.

— Иди домой! И не смей сюда заходить в таком ненадлежащем виде. У них так не принято! Да и у нас так не принято!

— Ну, мам... вина мне! Сушняк душит!

— Будет тебе вино. Только иди домой, — сдалась мать и поволокла сына за собой.

Рома, не сопротивляясь, пошёл с матерью.

— Мамка, правда, она хорошая?! — до Саманты донёсся его всхлип.

— Хорошая, хорошая! Зарежут тебя татары! — донеслась ругань матери.

Опять спокойствие покинуло девушку. Опять глубоко в сознание запал злобный взгляд хозяйки, да и её последние слова, донесшиеся с улицы, встревожили её.

Хозяйка дома поставила сыну недопитую бутылку вина. Когда он выпил и отдышался, мать села напротив сына.

— Итак, давай колись! — строго потребовала мать.

— А что? — бодро произнёс пришедший в себя сын. — Мы с Самантой поженимся — весь разговор!

— Поженишься?! — передразнила мать, — Зарежут тебя татары!

— Ма! Мы по согласию! — вскинул плечами Рома.

— Ей нет восемнадцати лет! И по ихнему, и по нашему закону тебе «кирдык»! Если они не зарежут, то по нашему закону посадят!

— Она сказала, что восемнадцать исполнилось!

— Я сама посмотрела паспорт. Восемнадцать ей исполняется 25 ноября. Если ты её до этого срока трогал, то тебе самое малое восемь лет грозит на зоне.

— Но мы по согласию!

— Не имеет значения! Ей нет восемнадцати, она несовершеннолетняя, а значит неразумная. Ты это понимаешь?!

— Нет!

— Если она забеременеет сейчас – это доказательство! Во всём остальном будут обвинять тебя, что ты обманным путём соблазнил её. Если узнают родители или кто-то из заинтересованных, то будут требовать денег с тебя и меня. Это у них шанс заработать. В случае твоего возражения, несогласия тебе грозит восемь лет зоны. Там будешь кукарекать! На зоне найдутся те, которым ты понравишься!

— Мамка, о чём ты говоришь?! Всё у нас будет хорошо. Во-первых, я предохранялся. Я же не такой дурак! Во-вторых, что тут осталось до ноября? Всего три месяца!

— Не три, а почти четыре.

— Ну четыре.

— Терпи! А лучше вовсе не подходи. Нельзя ссориться! Говори, что женишься! Обещай всё! Пусть живёт у нас. До дня рождения мы её никуда не выпустим. Если нужно, то и квартплату снижу. А после посмотрим.

— Ну, мамка, а ты стратег!

— А как же ты думал? Я вот тут никак не решу: может, мне никого не подселять к ней? А то проболтается! Или соседка будет обо всём знать? Нам этого не надо.

— Конечно, не подселай! — весело произнёс сын.

Мать замешкалась:

— Не подселю, тогда вам будет вольготно. Нет, лучше подселю, чтобы вы не общались! Конечно, если умная – болтать не в её интересах!

— Мамка, не подселай! — попросил Рома.

— Нет! Подселю! Чтобы вам не было вольготно. Алкоголь в рот не бери! На работу ходи! — строго наказала мать, хотя окончательно про подселение не решила.

— Мамка, не буду пить! Ты только сегодня бутылку возьми. Мне для организма надо. Голову жмёт!

— А на работу как?

— Я что?! В семь часов как штык встану и пойду.

— Только у меня условие, чтобы к ней ни шагу! Ей скажи, что мать до свадьбы ваши встречи не одобряет. И по их, и по нашим обычаям этого делать нельзя!..

— Хорошо, мамка! Не будем встречаться, я ей скажу, что мамка не одобряет, — сказав Рома, взбодрённый обещанием матери. Налил себе остаток вина и залпом выпил, тыльной стороной ладони вытер губы и облегчённо вздохнул. — Хорошо пошла!

Мать внимательно посмотрела на сына, но думая о чём-то своём, как будто пришла к чему-то определённом, кивнула головой:

— Ох, и не нравится она мне! Затаилась, а глаза блудом светятся! Таких я знавала: вечно что-то с ними происходит...

— Она хорошенькая! Честная! — воскликнул Рома.

— Была честная! Не тебе, так другому случайно отдалась бы. От прежней у тебя хотя бы дети есть. Твои дети! А от этой... будут только проблемы. Ладно, посмотрим.

— Мамка, ты бутылку обещала купить!

— Горе ты моё луковое! Куда тебе заново жениться?! Тем более не на нашей. Ладно, посмотрим... — не договорив, мать встала и вышла в другую комнату. Там она, открыв закрытую на ключ кладовку, вытащила запасённую бутылку портвейна. Вернувшись, она поставила бутылку на стол.

Ромка вскочил:

— О-го! Мамка, ты у меня чудо!

— Пей! И выпись, чтобы завтра как огурчик был. На работу не опоздай! Чтобы никому ни слова! Теперь это твоя тайна!

— Мамка! Я дурак, что ли?! Никому! Кого моя жизнь трогает?! Давай с тобой выпьем?

— Не буду! Мне не до выпивки, я валерьянку сегодня принимала. Сердце хватает.

— А я выпью! — браво проговорил Рома и стал ножом открывать пластмассовую пробку.

Мать посмотрела на сына, торопящегося выпить, и опять стала высказывать мысли вслух:

— Ох, не нравится она мне! Я днём видела, как она, озираясь по сторонам, стирала простынь. Чувствует, знает, что набедокурила. Такое на всю жизнь запоминается! Она же ду-

мает, что водой смоеет — и всё. Этот позор водой не смывается. Пошла я, глянула на выстиранную простынь. След от пятна остался! Дура, лучше бы простынь выкинула! За собой надо уметь прибираться. Чувствую, что бедовая!

— Чего ты, мамка, заладила одно и то же? Нормальная она! Главное, что она мне нравится! — Сказав, Рома одним глотком опорожнил почти полный стакан вина.

— Чего ты такими порциями лакаешь?! Не можешь по-европейски? Маленькими глоточками пей, больше нюхай, наслаждайся процессом.

— А-а! — отмахнулся рукой сын. — Женюсь я на Саманте.

— погоди! Может, и женишься! Но сейчас ты к ней не подходи! Пусть оценит своё положение. Пусть поймёт, что сама виновата. Она и так виновата. Хорошо, что ты ей синяков не наставил. А то приехали бы родные и такой допрос устроили! Они зарезали бы тебя! В худшем случае точно загремел бы в зону, петушком стал бы!

— Мамка, не бойся! У нас всё мирно, — стыдливо проговорил Рома, отмахиваясь рукой.

— Так уж и мирно?!

— Ну, опьянела она. Сама не поняла, что произошло.

— Вот-вот! Поэтому и судят тех, кто с несовершеннолетними бывает!

— Да она вон какая здоровая! Никто не скажет, что она малолетка.

— Не по лицу, а по паспорту надо подходить. Шагу не делай к ней! Ты меня понял?!

— Да, мамка! Понял!

— Посмотрим, что произойдёт, когда родители приедут. Моли бога, чтобы пронесло!

На следующее утро, перед уходом на работу, забыв об обещаниях, Рома попытался зайти к Саманте. Однако мать была начеку. Когда он зашагал в сторону времянки, женщина крикнула из окна:

— Ты куда? Ты же слово дал! Иди на работу!

Молодой человек, сделав вид, что случайно, схватился за голову и вернулся. Сходил в туалет, который располагался в противоположной стороне за фруктовыми деревьями. Пока сын не повернул за угол, мать наблюдала за ним из

другого окна, которое выходит на улицу. Она подождала, удостоверилась, что сын ушел на работу. Налила в стакан с мельхиоровым подстаканником чай, взяла блюдо с мёдом и пошла во времянку. Ещё со вчерашнего вечера Саманте хотелось поговорить с Ромой и высказать свои тревоги, связанные с нападками на него матери. Она не допускала мысли о том, что мать знает подробности происшедшего. С другой стороны, она понимала и запрет матери, и то, что до официального замужества Рома и она не должны демонстрировать отношения. Ранний приход матери с чаем для девушки был полной неожиданностью. Саманта встала и, притупив взгляд, опустила голову.

— Вот, дочка, чай тебе принесла с майским мёдом. Попробуй, полегчает, — она поставила чай и блюдце на стол. — А хлеб у тебя есть? Если нет, то я и хлебца принесу!

— Не надо, тётя Катя, хлеб у меня есть. Чай я могла сама сделать, зачем вы беспокоитесь?

— Ты наш попробуй! Особенно мёд! Это разнотравье!

— Спасибо, тётя Катя!

— Пей, дочка! Я погляжу на тебя. Ты мне как родная стала!

Саманте стало приятно от этих слов, но она не знала как себя вести перед будущей свекровью. Она поверхностно знала, что есть ряд обычаев. Обычно никогда не садятся раньше свекрови. Ждут разрешения на все действия и не отходят от её наказов.

— Ты садись! Пей, милая! — хозяйка проговорила, будто угадала переживания девушки.

— А вы? Я не могу одна пить при вас!

— Пей! Я с Ромкой попила только что, — хозяйка поняла, что девушка стесняется. — Ладно, я схожу курам корма задам. А ты пей! Я скоро вернусь, — и она вышла.

Саманта попила чай с хлебом, но к мёду не притронулась, посчитала очень ценным угощением, постеснялась. Затем она вымыла стакан, убрала со стола крошки хлеба. Когда прошло достаточно долго времени, хозяйка вернулась. Увидев нетронутый мёд в блюдце, она сказала с досадой:

— Ты даже не притронулась к мёду, а я от всей души же!

— Я сейчас не хочу, — ответила Саманта, опуская голову.

— Ты, дочка, меня не стесняйся. Ты для меня стала как родная! — Хозяйка сделала приветливую улыбку и умилённо посмотрев, добавила: — Я вижу, ты хорошая, воспитанная, а главное, умная. Если Ромка не подведёт, то вы будете хорошей парой...

— Тётя Катя, вы о чём? — смутилась Саманта.

— Если пить не будет, а так он человек трудолюбивый, заботливый, — она сделала паузу, чтобы придать большее значение тому, о чём будет говорить. — Я вот что хочу сказать. У меня к тебе просьба. Ты пока никому ни слова не говори о ваших отношениях. Как притрётесь, лучше друг друга узнаете, тогда делайте, что хотите. А пока никому ни гу-гу! И тебе лучше будет, и нам — тоже. О не свершившемся никогда не следует рассказывать. Ты даже своим родителям ничего не говори. Когда полностью оправдаются ваши намерения, тогда уже можно что-то рассказывать. Это моя к тебе просьба. Просьба матери! Хорошо, дочка? — спросила женщина, заглядывая в глаза и пытаясь узнать, понимает ли девушка её наказ.

Саманта кивнула головой, сама же про себя рассуждая, знает ли тётя Катя всю правду о случившемся.

— Я знаю обо всём! — ответила хозяйка, будто прочтала её невысказанные мысли. — Ты о людях не думай. Мало ли что они будут думать. Понравится Ромка — выйдешь замуж! Не понравится — это твоё дело! Мне же ты нравишься! И красивая, и умная! У тебя всё впереди! Парни, наверное, за тобой увиваются?

Саманта промолчала.

— Вот я, старая дура, задаю тебе такие каверзные вопросы. Смущаю тебя?!

Замолчали. Послышался скрип калитки. Хозяйка встала:

— Кто бы это мог быть? — спросила она и добавила: — Пойду, посмотрю.

Женщина поторопилась по бетонированной дорожке, свернув за угол, остановилась. Во двор вошла полноватая смуглая женщина в тёмно-синем костюме. Хозяйка не запомнила после знакомства этого лица, но она догадалась, что это мать Саманты. Улыбнувшись, приветливо посмотрела на вошед-

шую, кинула любопытный взгляд на выцветшую болоньевую сумку в руке.

— Саманта дома? — беспокожно спросила Ання.

— А где же ей быть? Конечно, дома. Вы никак её мама? Совсем про неё забыли?

— Девчонки из соседнего аула домой приехали. Одну из них я вчера в райцентре встретила. Она и сказала, что экзамены закончились. И о том, что Саманта поступила на учёбу. А что она домой не приехала?

— Это вы у неё сами узнаете. Только скажу, что она время не теряет. Занимается всё время. Из дому шага не делает. Времени у ней совсем нет.

— Да и нам нелегко приехать. Полтора часа езды на автобусе. Мы думали, что она сама приедет!

— Не переживайте, — хозяйка подошла и протянула руку. — Давайте помогу донести!

— Да бросьте. Я сама донесу.

— Как знаешь, дорогая. Я от неё. Чаем её угощала, — проговорив, хозяйка пропустила гостью и пошла за ней. Когда свернули за угол, в дверном проёме времянки стояла Саманта. Хозяйка воскликнула: — Вот она, красавица твоя! Никуда она от нас не денется! Саманта, иди обними маму!

Ання удивлённо посмотрела на хозяйку: почему это она так по-свойски обращается к её дочери. Саманта не побежала навстречу, тихо прошла во времянку. Ання направилась к домику. Это насторожило хозяйку, она поняла, что требуется отвлечь, создать паузу. Она очень боялась, что девушка расплачется, а там кто знает, во что обернётся эта встреча.

— Дорогая, ещё успеешь наговориться с дочерью. Я вот что хотела узнать. Теперь она будет учиться, где она будет жить тогда? Обычно я сюда трёх девчонок пускаю. Им весело будет, да и друг другу помогать станут.

Ання остановилась, опустила сумку на землю, прислонив её к стволу яблони, растущей возле дорожки.

— Я не знаю! Если втроём дешевле, то пусть живут втроём.

— Втроём, конечно, тесно. Уж больно она хорошая девушка! Нравится мне она! Я их вдвоём поселю, учиться будет легче, да и просторнее.

— А плата какая?

— Плата же такая, как втроём, — она задумчиво посмотрела на Анню, чтобы та оценила её снисхождение.

— Ну и хорошо, — ответила Ання, но на её лице нарисовалось недоумение.

— Она хорошая! И мне помогать будет.

— Пусть помогает. Она всё умеет: и еду готовит, и стирает, и полы моет, — произнося эти слова, она увидела висящую на бельевой веревке простынь, — А это же наша простынь? Саманта постирала?

— Конечно, она, — сказав, хозяйка не на шутку испугалась и закашляла, чтобы не выдать своё волнение.

Мать решительно подошла к простыне, помяла пальцами угол:

— Давно просохла. Что это она как флаг её развесила?

— Висит со вчерашнего дня. И я, дура старая, не напонила, — беспокожно проговорила хозяйка, тоже подойдя к простыне и, беря её с другого конца. — Хорошо постирала! Молодчина!

— Что-то мне её работа не очень нравится! Какие-то пятна имеются! Так она никогда не делала!

Обе женщины растянули простынь и стали вглядываться.

— Ветром пыль нанесло, — сказала хозяйка.

— На пыль это непохоже! — Ання притронулась пальцем к бледно-тёмному пятну.

— Ой, да у меня пятновыводитель есть. Чего это я ей не дала? Давай, я сама отстираю!

— Чего это ты будешь стирать?! Пусть сама и отстирает. Это её грязь!

— Я ей дам пятновыводитель. Пусть сама и отстирает, — быстро согласилась хозяйка, отпуская конец простыни.

— Не нравится мне её работа! Так она никогда не делала! — сказав, Ання тоже отпустила край простыни.

— Ерунда! Иди к дочери!

Ання, оглядываясь на простынь, подошла к оставленной сумке, взяв её, пошла во времянку.

Пятно на простыне врезалось в память Анни, после она часто будет вспоминать о нём. Пятно сильно озадачило и хозяйку, она обеспокоенно смотрела на открытую дверь времянки и вслушивалась в разговор дочери и матери. Они го-

ворили на своём языке, но женщина вслушивалась в слова и в интонацию. К её удивлению, Ання долго не пробыла с дочерью. Она торопилась к отходящему автобусу.

Перед уходом мать сказала:

— Ты, дочка, учись. Хорошо учись. Оказывается, дочь моей одноклассницы Салимат учится у вас на втором курсе. А к новому учебному году она должна приехать. Продукты я через неё не смогу передать, тяжесть это. Мне и самой трудно ездить. Чужой я себя тут считаю, а отца сама знаешь, силой не заставишь поехать. Поэтому, если что, я дам адрес дочери Салимат и через неё пришлю деньги.

Она, оставив дочери продукты и деньги, заторопилась обратно. Хозяйка всё это время стояла во дворе. Когда мать с дочерью вышли, она вскрикнула:

— Вы что, уходите? А я хотела вас на обед позвать!

— Спасибо, спасибо! Мне сидеть некогда, автобус через полчаса отходит. Надо на него успеть.

— Успеете. Посидели бы, поболтали бы! По всему видно, что вы хорошая мать! Навещайте нас!

IV

Саманта стала взрослой

Как говорил Рома, три месяца прошли как один день. Для Кати это было нудное, томительное ожидание. Она, как никто иной, ждала 25 ноября. По-своему, с тревогой ждала этот день и Саманта. Она заставляла себя верить в то, что 25 число поставит всё на своё место и круто изменит жизнь. Она станет совершеннолетней и регистрируется с Ромой. По-своему ждал этой даты и Рома. Он видел впереди небольшую свадьбу, гуляющих на попойке друзей и родственников. Новую жизнь он даже не ожидал. Только смутно представлял, как Саманта станет членом его семьи и каждый день будет встречать с работы. Думал в перспективе об отъезде на Север, где начнёт хоть что-то зарабатывать для того, чтобы накопить на содержательный отпуск на море. Он работал слесарем в автохозяйстве, получал мизерную зарплату и, если бы не мать, то он и прокормить бы себя не смог.

До этого они встречались с Самантой тайком от матери. Когда было тепло, ходили на пруд, дожидались темноты и пока горожане покидали берег, там, выбрав укромное место, занимались любовью. Когда стало прохладно, Рома просил у друзей ключ от квартиры или комнаты в общежитии и проводил час-другой с Самантой. Чаще всех крышу давал Руслан, который числился художником в строительной организации, и пока находился на работе, он давал им комнату в общежитии строителей. Катя чуяла, что сын и квартирантка находят место для встреч, но дома она не давала волю сыну, всячески препятствовала их сближению. Когда наступил день рождения квартирантки, Катя, проснувшись, облегчённо вздохнула. Дождалась, мол. Она достала из подвала вина и на радостях выпила стакан.

Была суббота, Рома на работу не пошёл. Саманта жила с девочкой студенткой во времянке. Проснувшись, Рома, ещё не одетый, зашёл в комнату матери, где она еле успела убрать и спрятать бутылку под кроватью. Сын радостно произнёс:

— Сегодня 25 ноября, день рождения Саманты!

— Поздравляю! — с иронией сказала мать.

Рома удивился иронии:

— Ну, мамка?! 25 ноября! У Саманты день рождения!

— Радости полные штаны!

— Ты же сама говорила, что надо дожидаться этого дня?!

— Дождался! Слава богу!

— Давай сегодня отметим?

— Ничего я с тобой отмечать не буду!

— А я буду! Моей невесте сегодня восемнадцать лет! И мы поженимся.

— Поженитесь, поженитесь! — передразнила мать.

— Я тебя не пойму?! Ты же говорила?

— Ничего я тебе не говорила! Теперь на все четыре стороны!

— А как же мы будем отмечать?

— Это твоё дело, — сказав, мать отвернулась.

— Ну тогда мы пойдём к Руслану, у него посидим.

— Вот-вот! Идите к Руслану.

— Мамка, дай денег!

— Я к твоему авансу не притрагивалась. Бери, сколько хочешь, только не все, надо ещё до зарплаты прожить.

— А я все и не возьму, надо и на свадьбу отложить.

— Посмотрим, как ты женишься?! Прежде чем о свадьбе думать, ты у её родителей согласия спросил?

— А что родители? Приедут и посидят с нами за столом!

— Посидят они с тобой! Так посидят, что мало не покажется!

— Мамка, чего ты всё выдумываешь? Что ты этим хочешь сказать?

— А то, что они не захотят дочку за парня другой национальности отдавать. Тем более, что за бывшего женатым, имеющего детей!

— А что национальность? У тебя тоже татарская кровь есть. И дело не в этом. Сколько у нас в городе межнациональных браков? И живут неплохо! И мы будем жить. Мы уже три месяца живём!

— Ты вот это оставь! Три месяца?! Об этом ни гу-гу! Хотя теперь это никто не докажет, если будут разбираться, можешь без головы остаться! Зарежут тебя!

— Мамка, что это заладила: нарежут да нарежут?! Они не такие, они простые люди, без предрассудков. Счастье дочери им дороже!

— Поглядим, увидим, какие они. Ты не торопись, не лезь в пекло. Пусть сама вырывается теперь.

— Что тут глядеть?! Поженимся — и всё! — улыбаясь, сказал Рома и, став совсем счастливым, обнял мать за плечи.

Мать отмахнулась.

— Дурачок ты, Ромка! — сказала она.

— Надо ещё ей подарок купить! — приободрился сын.

— Делай, что хочешь! Я жизнь свою на тебя посвятила, а ты... Подари духи, которые ты мне подарил на восьмое марта, я их не открывала.

— И правда! Давай духи, меньше денег потрачу, — обрадовался Рома и пошёл к комоду, где хранились семейные деньги.

Он отсчитал, сколько потратит денег, и положил их в карман. Мать с полки возле трюмо достала духи в упаковке, на всякий случай понюхав, протянула сыну.

— Мамка, ты не обижайся! Я думал, что ты духи закончила!

— Берегла для такого случая, — с издёвкой сказала мать.

Рома подарил Саманте духи и сказал, что идут в гости к Руслану отмечать её день рождения. Саманта видела Руслана, когда как-то Рома забирал у него ключи от комнаты в общежитии. Она обрадовалась тому, что Рома заранее купил подарок, и тому, что решил отметить её день рождения. У неё поднялось настроение.

На улице было холодно. Зима в этом году наступила как никогда рано. Несмотря на то, что ещё осенний месяц, на улице было минус двадцать градусов. Такие морозы зимой бывают редко. В первые морозные дни Ання привезла дочери тёплый джемпер, зимние сапоги и вязаное коричневое пальто, которое Саманта как-то сшила сама себе. Она надела это пальто, на голову повязала белый пуховый платок, обула тёплые сапоги. Когда она оделась и попрыскалась духами, Рома восторженно произнёс:

— Какая ты у меня красивая!

Они встали рядом и посмотрели на себя в зеркало большого гардеробного шкафа. На Роме было серое осеннее пальто, потрёпанная чёрная кепка. Хотя он был выше её ростом, казался совсем юным подростком. Это заметила и мать, наблюдавшая за их выходом.

— Ах, Ромка! Наивный ты пацан! Не по тебе эта девка. Эта с тобой не будет считаться, она, возможно, распутнее твоей прежней. Дай бог, чтобы пораньше случилось то, что случилось у тебя с первой, — проговорила она вслух свои мысли.

В ближайшем супермаркете они купили водку, напитки, сыр, колбасу и фрукты. Выйдя из магазина, зашли в шашлычную и купили килограмм готового шашлыка.

— Хватит же три бутылки! — радостно сказал Рома.

— Не знаю. Три бутылки это много, Рома. Я-то не пью! Прощу тебя, не заставляйте пить меня!

— Твой день рождения. Ты должна сегодня выпить. И хорошо выпить. Восемнадцать лет один раз бывает!

— Я теряю самообладание. Не нравится мне спиртное! А ты вон сколько взял!

— Руслан сам бутылку выпивает — и ни в одном глазу. Вдруг кто зайдёт, не будешь же ещё в магазин бегать. Питьё должно быть! Это самое главное в застолье! — уверенно сказал Рома.

— Для тебя и в жизни, — вырвалось у Саманты.

— Неожиданно! Началась и критика, — задумчиво парировал Рома.

Когда они пришли в общежитие, Руслан оказался дома, к тому же он собирался сам выпить. На столе у него стояла семисотка водки и скромная закуска, состоящая из солёных огурцов и нарезанной колбасы.

— О-го! — выразил восторг Руслан, не вставая из-за стола, показал гостям стакан с водкой и залпом выпил. — Прощу на огонёк! — произнёс он, отдышавшись, стал хрумкать закусывать огурцом.

— Ты бы хоть из-за стола встал! — проговорил в ожидании Рома.

Руслан встал. Это был крупного телосложения парень, ростом он был выше Ромы, черноусый, с бегающими по сторонам чёрными глазами.

— Какие люди! — нарочито восторгнулся, затем обнял ручищами гостя, поднял и опустил его. Руслан радостно посмотрел на Саманту, почесал кучерявые завитушки на затылке, погладил искривлённый мясистый нос: — Обнял бы и вас, но я вас мало знаю! Друг не знакомит со своими хорошими барышнями. Позвольте ручку! — Он взял руку девушки и поцеловал тыльную сторону ладони.

Поцелуй как будто обжёг Саманту, ей первый раз в жизни целовали руку.

— Как, Руслан? Я же знакомил тебя с Самантой. Это моя невеста! Сегодня ей восемнадцать исполнилось! Пришли отметить!

— Ей восемнадцать! — мечтательно произнёс Руслан. — А выглядит солидно взрослой. Как я понимаю, вы ключи от комнаты тогда брали не в ладушки-оладушки играть?! Рисковый ты, Ромка!

— А что? Я на ней женюсь! Правда, Саманта?

Саманта молча потупила взгляд. Руслан посмотрел на её красивое личико, когда она подняла голову, встретился с проникновенным лучистым взглядом миндалевидных глаз. Такие взгляды девушки часто на него бросали, он привычно подмигнул ей. Саманта всё заметила, улыбнулась, сделала вид, что смутилась, и спасительно посмотрела на Рому. Рома не обратил внимания на такие тонкости, он прошёл к столу и стал раскладывать свёртки. Его мысли были заняты тем, что-

бы скорее сесть за стол. Руслан же помог Саманте раздеться. Вскоре они втроем сидели за столом.

— Водки навалом! — похвалился Рома, радостно хлопнув ладонками друг о друга. — Русланушка, банкуй! Сегодня ты у нас тамада!

— Спасибо за доверие! — иронически ответил увалень и поправил кончики усов. — Раз так, разливай! — Рома стал разливать водку по стопкам, а Руслан предупредительно спросил: — Может, девушке вино надо?

— Нет! Саманте от вина плохо, — встрял Рома.

— Я вообще ничего не пью, — почти шёпотом сказала девушка.

Тамада подумал, несколько раз перевёл вопросительный взгляд с Саманты на Рому и, увидев кивок Ромы, строгим голосом сказал:

— Так не пойдёт! Все мы тут взрослые, пить должен каждый. Тосты тамады под контролем, под жесточайшим контролем! Я пью за прекрасный цветок! Чтобы он всегда радовал не только наши глаза, а самые души! Я в восторге от Саманты. Тебе, Рома, сильно повезло! За неё!

Руслан и Рома залпом выпили. Саманта, понюхав водку, вздрогнула от непривычного запаха и отставила стопку.

— Не, не, не! Так не пойдёт! Контролёр, пожалуйста, займитесь невестой! Здесь должно быть равноправие, — запротестовал тамада.

— Саманта, возьми! Не позорь меня! — Рома вложил в её руки стопку и приказал, — зажмурься и одним махом!

Саманта выпила и чуть не задохнулась. Рома подsunул её вилку с нанизанным огурчиком:

— Быстро жуй! И всё пройдёт!

После было ещё несколько тостов. После пили без тостов. И каждый раз принуждали выпить девушку. Примерно через час Саманту развезло. Сначала она потерянным взглядом смотрела по сторонам, а после держалась за стул чтобы не упасть и начала склонять голову к плечу Ромы. Рома гудел, шумел, совсем забыл о своей невесте. Руслан следил за другом и за Самантой, он иногда ловко пропускал тост. Вскоре развезло и Рому. Руслан, увидев это, встал и сказал:

— Вы отдыхайте! А я к знакомым схожу.

— Русланушка, а ты куда? Оставайся! Ещё выпьем! — пьяно замахал руками Рома.

— Нет, я пойду!

— А где ты будешь спать?

— Если не получится у знакомых по общежитию, я на полу тут посплю, ты же знаешь: у меня матрац есть. Вы располагайтесь, делайте своё дело, — Руслан, взяв со стола неоткрытую бутылку, собрался уходить.

Рома хотел встать, потерявшая опору Саманта свалилась на пол.

— Ой, Саманта упала! — закричал Рома.

Руслан, поставив на стол бутылку, лёгким движением поднял девушку с пола и как пушинку перенёс её на разостланный диван. Уложив, он ловкими движениями снял с неё сапоги:

— Раздеть её?! — спросил он, улыбаясь.

— Не-не-не! Это моя невеста! Я на ней женюсь! — выкрикнул Рома и, подойдя к дивану, отстранил Руслана.

— Посмотрим, как ты на ней женишься! — вырвалось у Руслана.

— Да что это вы? И мать, и ты одно и то же заладили: «Посмотрим, как ты на ней женишься?» Почему я на ней не могу жениться? Это тебе не Танька! Саманта девушкой была!

— Значит, всё же девушкой была?! — любясь отключённой девушкой, он облизал языком свою верхнюю губу.

— Ты на неё так не смотри! Давай, Русланушка, ещё выпьем!

— Давай! — согласился увалень.

Они вернулись к столу. Руслан подлил водку в стопку Роме, но когда тот выпил, свою стопку он отставил в сторону. Рома этого не заметил, но через некоторое время он посмотрел на Руслана:

— Ты, кажется, собирался уйти?

— Да.

— Ну?!

— Я пойду!

— Иди, Русланушка!

— Ты не забудь предохраняться! — сказав, Руслан ушёл.

На рассвете Саманта пришла в себя и открыла глаза. Её удивлению не было предела, когда она обнаружила, что голая лежит между двумя голыми мужчинами. Она от ужаса вскрикнула:

— Мамочка!

Но тут же её рот зажала увесистая ладонь. Она попыталась встать, однако та же рука её прижала к подушке. Тут же проснулся Рома. Он поднял туловище и увидел большую руку друга, зажимающую лицо его невесты.

— Ты чего?! — закричал, и попытался откинуть руку, но рука не поддавалась. — Ты чего?! — опять прикрикнул он.

Лежащий с другой стороны девушки отвёл руку. Рома отвернул одеяло и увидел, что все они обнажённые. От изумления он схватился обеими руками за голову, затем от бессилия рухнул головой на подушку.

— Русланушка, а почему ты голый?

— Рома, прости! Так получилось, — сказал надрывистым басом приятель.

— Всё получилось?! — спросил Рома.

Руслан не ответил.

— Саманта, он тебя поимел?

Девушка, не шевелясь, лежала и боялась произнести слово. Она хотела встать, но как можно встать обнажённой перед глазами мужчин.

Первым встал Руслан. Рома взглянул на его голое тело:

— Да?! — машинально дал оценку, — Различия вполне ощутимые! На темноту не свалишь!

Руслан опёрся руками о бока, хрипло посмеиваясь, затрясся от наглости:

— Не бойся, Рома! У нас же это с тобой не первый раз. И ты моих имел. Я тебе что-нибудь говорил?

— Я же жениться хотел? Теперь как? Прямо не знаю! — стал сокрушаться Рома.

— А чё сразу жениться? Можно же в своё удовольствие пожить!

— Я хотел жениться, — задумчиво повторился Рома.

— Тогда женись! — оборвал его приятель.

— Теперь как?! Теперь никак нельзя!

— Считай, что ничего не было, — надрывисто засмеялся Руслан. — Хватит сюсюкать! Давай выпьем!

— Это можно, — Рома встал и перешагнул через лежащую ничком Саманту. Девушка сразу подтянула одеяло и укуталась в него. — Холодно! Ты хоть трусы надень! — Молодой человек среди брошенного белья нашёл свои трусы и надел на себя, затем надел майку и джинсовые брюки.

Руслан тоже оделся. Они сели за стол и без всяких слов выпили по стопке водки. Рома отдышался, начал оживать. Через некоторое время он зло смотрел на приятеля:

— А чего это ты полез на неё?!

— Рома, я в общаге не нашёл никого, никто не пустил меня. Холодно. На улице мороз, а общага наша вся дырявая, такие сквозняки в коридоре. Вот и вернулся. Хотел матрац взять, а он под вами остался. Хотел вытащить из-под вас, а он ни в какую. Тебя тронул рукой, ты храпишь. Тогда потрянул сильнее, а ты пробормотал: «А теперь ты». Я удивился. Мы же когда раньше приводили из радиозавода секретаршу, ты тогда тоже говорил: «А теперь ты». Я подумал, что ты позволяешь. Тронул её за бедро, а она молчит. Ну и разделся.

— Вот гад! — прорычал Рома.

— Ты чего?! — вздрогнул Руслан.

— Ничего! Ты мою девушку в...л! Жизнь мою испортил!

— Ты сам сказал: «А теперь ты». Если кто и испортил, то ты сам это сделал!

— Ты испортил! Получай! — заорал Рома и со всей силы вмазал кулаком по носу.

— Ух, ты! Кажется нос сломал! — из носа фонтаном перед Русланом брызнула кровь.

— Получай ещё! — Рома повторно ударил по лицу.

От удара Руслан упал на пол. Когда он пришёл в себя и встал, Рома одевался:

— Если сделаешь шаг в мою сторону, то живот распорю! — он показал взятый со стола нож.

— Я тебя сейчас разнесу на куски! — процедил сквозь зубы окровавленный Руслан. Он нашёл на подоконнике тряпку, которой вытирал стол и стал ею зажимать брызгавшую из носа кровь.

— Только попробуй! По частям разрежу! — Рома, одевшись, с ножом вместе вышел из комнаты.

Руслан снял с себя забрызганную кровью рубашку и стал мыть лицо под ручкой. До носа невозможно было дотронуться, да и под глазом появился приличный синяк.

— Куда мне с таким лицом? На работу надо было идти, — он пошёл прилёг на диван рядом с Самантой. Девушка беспокойно зашевелилась:

— Я, наверное, пойду? — тихо проговорила она.

— Лежи! Теперь ты к ним и шагу не сделаешь! А ему морду я набью! Не ожидал от Ромки. С виду тихоня, а как врезал! Эффект неожиданности! Вот я и распластался...

— Я пойду на квартиру. У меня там вещи. Отвернитесь, я оденусь, — с мольбой произнесла Саманта.

— Он тебя не пустит. Да и мать там такая!.. Она, видимо, узнала, что Ромка несовершеннолетнюю соблазнил. Вот и держала тебя! А теперь не пустит. Вещи мы заберём через несколько дней, когда всё забудется.

— А как же я у вас буду жить?

— Вот так и живи. Вообще-то ты мне нравишься. Живи со мной. Когда надоест, уйдёшь. Место есть. Ничего платить не будешь. Как-нибудь прокормимся. Я художником в строительном тресте работаю, из-за этого мне комнату дали. Зарплату платят. Правда, могут попереть. Но комната, пока зима не кончится, будет за мной. По правилам так. А ты учишься?

— Это я так родителям сказала. Я провалилась на вступительных.

— Значит, соврала родителям. А Рома знает?

— Нет! Я ему не сказала. Думала, скажу, когда поженюсь.

— Поженитесь. Вот так, как с тобой, он и жену мне отдал. Даже хуже, оставил со мной и ушёл. Правда, она тоже была не против. Ты извини, что я такие вещи тебе рассказываю. Своим родителям врать не надо было. Уехала бы сразу, и всё у тебя было бы хорошо, — Руслан потрогал нос. — Ох, больно! А что потом? Как он тебя оприходовал?

— Обещал жениться. Я думала, что все проблемы на том кончатся.

— Да, они у тебя только начались. Надо с родителями помириться. Смотри, от кого-нибудь другого чтобы не забеременела. От меня у тебя детей не будет. Врачи сказали, что у меня какая-то патология, — Руслан сдёрнул с неё одеяло и

погладил спину девушки. — У тебя красивое лицо и тело, — затем он просунул руку к груди. — И грудь у тебя отличная. Ты ещё не раз выйдешь замуж. Я знаю, что таких мужики любят.

— Я стесняюсь показываться обнажённой.

Руслан рассмеялся:

— Лежит с голым мужиком и стесняется. Чокнуться можно! Вот бабы! Ты же не спала, когда это было со мной? Или спала?

— Я ничего не помню! Я первый раз водку пила. Я думала, что с Ромой.

— А с Ромкой первый раз?

— Первый раз он вино заставил пить. Я не знала, что оно так действует!

— После каждого выпитого глотка во все тяжкие! Да! Это даже не судьба, а преступление перед собой! Оступилась. Мне тебя жалко!

Саманта заплакала.

Руслан подождал, чтобы она прекратила плач:

— Слушай, мне тебя жалко! Давай, я тебя отвезу домой?

— Что вы? Что вы? После того, что случилось, я не хочу показываться перед родными!

— Смотри сама! Теперь ты моя. Живи, посмотрим, куда выведет прямая! Как-нибудь перекантуемся.

Саманта осталась у Руслана. Несколько дней они не выходили из общежития. В эти дни приходил посыльный из треста и сообщил, что за систематические пропуски он уволен с работы. Требовали забрать трудовую книжку. Когда синяк исчез, а нос стал меньше болеть, Руслан сходил на работу, ему выдали трудовую книжку и расчёт. Руслан домой вернулся пьяный, с собой принёс водку и закуску. Теперь он пил каждый день. Заставлял выпить и Саманту. Она отказывалась. Но когда он сильно пьянел, он применял силу. Вывихнул ей ногу, грозился сломать руку. Заставлял делать непристойности. Саманта собиралась сбежать, куда глаза глядят. Однако утром Руслан становился мягким, вежливым, неоднократно извинялся. Выпивки не было, купить бутылку была большая роскошь. Последний раз он собрал все бутыл-

ки в пакеты, и они вместе с Самантой пошли сдавать бутылки в ларёк. Это были крохи. Даже на эти деньги он купил чекушку и пирожков закусить. Следующий день они провели впроголодь. Руслан, отпиваясь, чаем сказал:

— Никакого уважения к мастерам изобразительного искусства. Никакой поддержки от государства. Ельцин сам пьёт, а нам не даёт! Как это несправедливо!

Саманта молчала.

— Надо идти в бюро по трудоустройству и оформлять пособие. Так сказали грамотеи. Как будто на их деньги можно прожить! Хорошо было с коммунистами! В ЛТП могли тебя месяцами кормить, а мы, дураки, сбегали, чтобы побомжевать. А сейчас и ЛТП нет, а бомж на глазах правительства будет умирать, никто слова не скажет.

В комнате у Руслана не было ровным счётом ничего. Даже заварка для чая кончилась. Саманта из-за вывиха ноги не могла пойти за вещами. Через две недели Саманта решила идти на старую квартиру. Там оставались и кое-какие продукты. И они пошли вдвоём с Русланом. И Саманта, и он не хотели видеть Рому, поэтому выбрали середину недели. Руслан из-за плохо заживающего носа боялся, что новая потасовка сделает его калекой. Саманта не знала, как поглядит в глаза бывшему жениху. Руслан за квартал до дома Ромы остановился и сказал, что подождёт её на скамейке. Саманта пошла одна, она прошла через двор к времянке. Только она дёрнула дверь, как из дому вышла тётя Катя.

— Явилась — не простудилась! — крикнула женщина.

— Я за вещами. Меня в общежитие устроили, — девушка не хотела видеть эту женщину.

— Интересно! Надо же заранее предупреждать об уходе, а то я ещё одну квартирантку нашла и всё думаю, поселять или нет? Да и Ромы нет дома, чтобы про тебя узнать!

— А где он?

— Как где? Я думала, ты знаешь! После твоего дня рождения он два дня у друзей пил. Отравился, в больницу попал. И сейчас там. Лежит и заикается. В больнице тоже тайком пьёт. Врачи требуют, чтобы я его забрала. А как я его смогу смотреть? У него белая горячка. Врачи говорят, что он не их пациент. Как не их, если бормочет? Это болезнь! С ним надо что-то делать! До этого я про тебя спрашивала. Он отвечал,

что потерял. Я ему говорю, что ты не вещь какая-то, что тебя можно потерять! Это вещи теряют. А он твердит, что потерял. Ничего вразумительного. Я думала, что ты в аул уехала! Ну и славненько, что нашлась. Как же ты в общежитие устроилась? Видимо, родители денег дали кому следует?

— Нет, я сама устроилась.

— Ну и славненько! Тут девчонка недели две назад приходила, тебя искала. Я ничего не ответила. Ведь не знала, где ты!

— Это, наверное, от мамы?

— Ромке что сказать?

— Ничего не говорите! Я больше сюда не вернусь.

— Ну и славненько! Я же его в ЛТП собиралась отправить, а оказалось, что это заведение, как и медвытрезвитель, давно закрыли. Врачи говорят, что ему место только в Дурке.

— А что такое Дурка?

— Дурдом, психиатрическая больница. Как его я туда повезу? Она чёрт знает, где располагается! Надо на автобусе ехать час, а после час по лесу пилать! Пусть сами доставляют. Раз он такую жизнь сам избрал. Работе конец... — хозяйка прослезилась.

— Ладно, я соберу свои вещи, — сказала Саманта, чтобы войти во времянку.

— Смотри, соседки вещи не прибири! — недоверчиво сказала хозяйка и подошла к двери.

— Мне бы свои не забыть. Чужих вещей мне не надо. Вот только не знаю, что с посудой делать?

— Своё всё забирай! Ничего не оставляй! Матери твоей не понравится. Может, помочь?

— Не надо! Я сама.

Саманта положила в дорожную сумку картошку, крупы, макароны, сверху кастрюлю с тарелками, чашку, ложку и вилки. В сине-зелёное одеяло поместила простыни, подушку, одежду и всё связала в узелок. Потом взяла из тумбочки паспорт. Когда она взяла всё это в руки, хозяйка спросила:

— Как ты пойдёшь, руки же заняты?

Саманта поняла её заботливое притворство:

— Как-нибудь донесу, — девушка подозрительно посмотрела в довольное лицо бывшей хозяйки.

— Ну и славненько! — Хозяйка пропустила девушку с вещами.

— Прощайте! — Саманта вышла со двора, и, только очутившись за его пределами, она поняла, что есть такие коварные женщины, как тётя Катя.

Она познавала другую жизнь. Все мытарства Саманты были впереди. Дома Руслан посмотрел её паспорт и, увидев, что в ней нет городской прописки, торжественно объявил, что её кандидатуру в бюро по трудоустройству рассматривать не будут. Продукты закончились за три-четыре дня. Саманта сходила в училище и нашла дочку одноклассницы матери. Оказалось, что она, когда приходила на квартиру, приносила деньги, но не найдя девушку, в следующую поездку домой вернула деньги Ання.

Саманта и Руслан были без средств к существованию. Кушать надо было каждый день, а где взять еду? В этом городе, как и во многих южных городах, не было благотворительных заведений, на вокзалах бесплатно не кормили. Считалось, что на юге живут самодостаточные люди. Может быть, это и так. В 90-ые годы здесь появились бомжи, и в большом количестве. До работы в тресте Руслан прошёл школу бомжевания. Окончив художественно-графический институт, он в первый же год не нашёл работу по специальности. Родители его умерли, когда он ещё учился. Другие родственники ничем не могли помочь, и он остался в городе, надеясь на случайный заработок. Начал пить и в одночасье опустился. Примкнул к группе безработных молодых людей. Судьба у молодёжи по-разному складывалась. Кто-то в это время уехал, другие нашли работу не по своей специальности и как-то выползли из этой «опущенной» среды. Руслан влился в группу бомжей. Это были и молодые мужчины, и старики, и всякого рода женщины, по разным случаям потерявшие жильё, крышу над головой. У них на одутловатых, как на подбор, лицах были кровоподтёки, ссадины, они ходили в грязных одеждах. Их называли синяками. В некоторых городах так называют алкашей. Эти люди о еде мало думали, у многих из них пределом мечтаний было выпить, высыпались они в подъездах домов, люках теплотрасс или в каких-то заброшенных домах. Некоторые из них даже носили с собой спальные принадлежности. Тогда они вымирали десятками. Их хоронили в целлофановых мешках, ставили номера, если и были доку-

менты, фамилий не писали. Оpozнaвание, выяснение наличия родственников создавало очень много работы для бюрократических организаций. Одни умирали, а вскоре появлялись новые. Тогда Руслану повезло: его встретил один сердобольный родственник, восстановил документы, дал денег, устроил на работу в трест и позаботился об общежитии. Как говорилось, и в этом тресте его должность не была нужна. Это раньше художники имелись в разных организациях, в то время они рисовали портреты вождей, первых лиц, делали плакаты, писали лозунги на растяжках. Когда родственник переехал в Москву, Руслана по инерции держали на работе. Занимался он всякой всячиной: был и маляром, и посыльным, а чаще целыми днями просиживал в выделенной под мастерскую комнате. Стали искать причину для увольнения его с работы. Нашли, когда он стал пропускать рабочие дни. Идти было некуда, его не брали даже на мелкую поденную работу. Выглядел он внушительно, работодатели, нагревающиеся на таких работах, побаивались, что он начнёт качать права. Руслан сходил в бюро по трудоустройству. Пособие по безработице, хотя и было маленькое, но всё равно что-то. Однако документы не стал оформлять, там нужны были какие-то справки, за которые надо было платить, а так просто не получить. Он вернулся к прежним привычкам: целые дни собирал бутылки, при удобном случае попрошайничал. Неприкаянность склоняла его к питью. Он пил. Самопал был дешёвый, выдуманный для таких, как он. Сначала он приносил буханку хлеба, думая о Саманте, после эта доза превратилась в ломоть. Настала жизнь впроголодь. Сначала он упрекал девушку за то, что она осталась с ним, и часто требовал уехать домой. Саманта молчала. У неё была совесть, идти было некуда, она полагалась на авось, готова была умереть, жизнь для неё потеряла значение. Когда Руслан попрошайничал, то брал с собой Саманту. Она не попрошайничала, с притупленным взглядом стояла в стороне. Он приставал к людям, и иногда ему давали деньги, которых могло хватить на еду, но Руслан обязательно брал стаканчик самопала у знакомой торговли на дому. И по остаточному способу покупал что-либо покушать. Так как Руслан имел опыт, он стал выискивать столовые, где их могли бы накормить. Чаще он добывал еду только для себя, находились добрые женщины, которые давали кашу, гарнир. Он при всей потере человеческого облика

подкармливал Саманту. Они ели и уходили в общежитие, из которого Руслана стали выгонять. Он за это жильё бился, как революционер с царским режимом.

Около трёх месяцев Саманта жила с Русланом. Как говорится, всё тайное становится явным. Сначала о том, что дочь не поступила в медучилище, узнала мать. Узнав, она в тот же час отправилась в город. Пришла в дом, где она оставила её. Опять у калитки она столкнулась с хозяйкой. Женщина в синей фуфайке деревянной лопатой разгребала снег.

— Где эта дрянь?! — крикнула Ання, махая чёрной женской сумкой.

Катя предосудительно посмотрела на гостью. Она всем своим видом дала знать, что не надо с ней говорить в таком тоне.

— О ком ты? — нарочито удивляясь, спросила она.

— Как о ком?! О своей подлой дочери! — поправляя серый пуховы платок на голове, зло взглянула на хозяйку Ання.

— Она давно не живёт у нас!

— Как не живёт?! Полгода через девчат я передаю ей денег, чтобы она платила вам.

— Ну, и?

— Она же ни одного дня не училась, провалилась ещё на вступительных экзаменах!

— Откуда мне знать об этом. Сказала, что поступила, а после сказала, что ей дали общежитие, и ушла с вещами. Вот уже два месяца как её я не видела.

— Что же это творится? Где она может быть? Девчонки, через которых я передавала деньги, тоже ввали, а может не знали, что она не учится. До меня дошёл слух, что она даже не поступила. Полгода мне голову морочит! Дрянь такая!

— Откуда мне знать об этом? — развела руками хозяйка.
— Я с ними что, на учёбу хожу?

— Это понятно. Как же мне её найти?! Ума не приложу, как она все это время жила: без денег, без продуктов, — тихо спросила Ання, продевая рукав чёрного пальто через ремешок чёрной сумки. Оставив сумку на весу, надрывно сказала: — Не знаю, за что мне такое наказание?! У людей дети как дети. У меня же прямо шайтан в юбке!

— Не надо так о дочери! Может стать ещё хуже! Ты лучше увези её домой. Здесь она пропадёт. Говорят, что связалась с забудыгой Русланом. А это ещё та пьянь!

— А кто он?

— Пьянь! Художник! В общежитии живёт на улице Красных партизан.

— А как его фамилия?

— Откуда я знаю! Зачем тебе его фамилия? В общежитии один художник, его весь город знает. Садись на автобус и езжай. На четвёртой остановке будет эта общага.

— Я поехала, — со слезами на глазах проговорила Ання, потоптав сапогами по асфальту, отряхивая с них снег.

— Езжай! Смотри, заberi дочь домой, пропадёт она в городе. Она здесь чужая, — затем, не зная зачем, добавила: — Да все мы здесь чужие.

Ання вопросительно посмотрела на женщину, позволившую себе странную реплику, вспомнила летнюю беседу в саду, когда они стояли возле развешанной простыни. Хозяйка, глядя вслед уходящей Ання, тоже вспомнила ту картину в её дворе.

Ання нашла общежитие, расспросив, нашла и комнату. О цели её визита никто не спросил. На её громкий стук в дверь никто не ответил. Она около двух часов простояла у входа в общежитие. Наконец увидела показавшуюся из-за угла осунувшуюся фигуру дочери в коричневом вязаном пальто. Дочь шла, не подымая головы. Ання всматривалась в потерявшее вид худое лицо. Некогда плотно сидевшее на теле пальто провисало. Дочь была не похожа на саму себя. Лицо было чумазое, в пятнах. От того, во что превратилась её дитя, ужас появился на лице Ання. Когда девушка подошла совсем близко, она подняла голову. Ужас возник и на лице Саманты. Ання не успела и слова сказать, как Саманта дёрнулась и побежала в обратном направлении. Мать поздно опомнилась, когда она добежала до угла, то дочери и след простыл. Мать обошла все дома за углом, но дочери не было. Ання вернулась к общежитию и ещё пару часов простояла у входа. Ноги сковывал холод, ей стало обидно, по лицу потекли тёплые слёзы.

— Никогда её не прощу! — поклялась она про себя и медленно побрела к остановке в обратную сторону.

Домой она приехала вся разбитая и усталая. Как только вошла в дом, она навзрыд заплакала, по нарастающей усиливая вой. Младшая дочь с недоумением смотрела на свою мать. Она никогда её не видела плачущей. Испуганная воем, она ушла в другую комнату и забилась за спинкой кровати. Причину плача она не понимала. На голос жены пришёл и муж.

Он, став посреди комнаты, вопрошающе и требовательно посмотрел на жену.

— Что?! Что?! — закричала Ання, хотя муж и слова не проронил. — Гадина! Змея твоя дочь!

— Она и твоя! Расскажи толком, что случилось? — неуверенно проговорил муж.

Ання, обзывая дочь всякими словами, рассказала о встрече с ней и обо всех своих мытарствах в городе.

— Чужая! Вся чумазая! Я её не узнала. Как немка фашистская, посмотрела и дёру дала! — закончив рассказ, она сняла пальто и кинула его на пол, а сама рухнула ничком на диван. Муж поднял с пола пальто и повесил на вешалку.

— Из-за отсутствия информации может приключиться большая беда, — придавая этим словам глубокий смысл, произнёс муж.

Жена от этих слов перевернулась и взревела:

— Что ты несёшь?! Кое-какую информацию лучше и вовсе не знать! — она тыльной стороной ладони стала растирать мокрое от слёз лицо. И добавила: — Теперь сам поедешь за ней! Её надо домой привезти. Пропадёт сука! Если уже не пропала!

— Даже собака защищает своих щенков. Поеду! — сказал муж.

Информация возле входа в общежитие простоял полдня. Вышедшая с мусорным ведром уборщица с любопытством разглядывала его. Он был в потёртой, вылинявшей от времени дублённой шубе, на ногах были чёрные кирзовые сапоги, на голове светлая ондатровая шапка. Он стоял под козырьком входа, курил сигарету за сигаретой и всматривался в подъездную дорогу и ведущие к общаге тропинки. Иногда были проходящие люди, и он с большим интересом вглядывался в их лица. Когда он бросил очередной окурок на заснеженный газон, уборщица, как будто этого и ждала, поспешила сделать замечание:

— Ты, кавалер, окурки здесь не бросай! Это в своём ауле сколько хочешь можешь коровий помёт топтать. А тут город! Здесь чистота и порядок!

— Хорошо, — Информация спустился с порожков и стал собирать свои разбросанные по снегу окурки.

— Я же тебе не сказала, чтобы ты поднимал окурки. Я их уберу. Ты впредь не бросай!

— Я и эти за угол брошу, — проговорил Информация.

— Не надо за угол! Давай, я их в мусорный бак кину.

— А где бак?

— Вон же, под деревом! — уборщица показала на коричневый жестяной ящик.

— А я и не знал, — Информация понёс собранные окурки к ящику.

Когда он вернулся на прежнее место, женщина, вытерев руки о подол синего халата, лукаво посмотрела на него:

— Я давно на тебя гляжу изнутри общаги. Прямо как памятник чабану стоишь! Кого ты всё выглядываешь?

Информации понравилось сравнение словоохотливой женщины, и он улыбнулся:

— Я и есть бывший чабан. Смотри, с памятником сравнила! — Подумав, добавил: — Никого я не выглядываю.

— Ты не юли! Ты кого-то ждёшь?

— Художник мне нужен, — поддался Информация.

— Прости Господи! Этот алкаш зачем понадобился? Родственник, что ли?

— Нет, не родственник.

— Денег, наверное, занял? Никогда не отдаст. Считаю, что пропали.

— Нет, ничего не занимал.

— Приходится прямо-таки каждое слово выживать! Зачем он тебе?

— Нужен.

— Руслан чтобы был кому-то нужен? Что-то новенькое! С работы его поперли, а сейчас никак не выгонят с общаги. Скрывается. Ключи никому не отдаёт. В окно лазает. А ещё с ним эта девка. С виду молодая. Дура, нашла себе ровню. Он лет на двадцать старше её. Видимо, из дома сбежала! Вроде, нормальная. А кто их знает? Может, сирота? Может, ей некуда ткнутся? Чё ей с ним шастаться?

Это сообщение ошарашило Информацию, и он поторопился защитить дочь:

— Она не сирота! У неё родители есть!

— Так вот, ты за ней?! Сразу бы так и сказал. Забирай, милый человек, увози домой! Руслан — изверг! Кого хочешь

загубит. Говорят, что он и в тюрьге сидел. А оттуда никто нормальным не выходит. Дочка хорошенькая! Как она с ним спелась?! Ума не приложу!

— Ты окно комнаты покажи. Может, мне там стоять?

— Что ты? Он же не дурак, чтобы средь бела дня на людях в окна лазать! Он поди сейчас в кафушке бухает! И она с ним. Ей некуда деваться — все об этом знают.

— Что, она тоже пьёт? — испуганно спросил Информация.

— Этого я не знаю! Она, кажется, не пьёт. Опрятная, прямо ходит. Он же не дай Господи! Никогда на ногах не стоит, — она сказала, чтобы успокоить ошарашенного отца, но затем как-то собралась и проговорила: — Мне какое дело? Чужие дела меня мало интересуют, я говорю о том, что люди говорят.

— А где эта кафушка?

— Дорогу перейдёшь и сразу за углом. Там, где кино-театр.

Через некоторое время Информация нашёл одноэтажное здание из бетона и стекла. Из-за преобладания последнего материала кафе люди в городе называли «Стекляшкой». Это было одно из последних рабочих кафе, сюда можно было занести свои бутылки и сидеть в нём столько, сколько захочется. Это был район нескольких рабочих общежитий, поэтому кафе всегда было многолюдным. Когда он зашёл, увидел, что почти все столы заняты. За столами сидели мужчины в верхней одежде, пили водку, пиво, курили. Разговоры за столом сливались, и в помещении стоял нескончаемый гул. Он оглядел столы и заметил Саманту в самом дальнем углу. Среди посетителей она была единственной женского пола. За столом перед ней сидел и спал на широко расставленных руках крупного телосложения мужчина в чёрной болоньевой куртке. Саманта сидела, отвернувшись к стеклу. Изредка она поворачивалась к залу и поверхностно оглядывала пьющих мужиков, взгляд её ни на ком не задерживался. Когда она повернулась, Информация надеялся, что она его увидит. Но она отвернулась и снова повернулась. Информация стоял в середине зала и опять хотел попасться ей на глаза. Он подошёл ближе. Вгляделся в неё и как-то понял, что у неё перед глазами пелена. Хотя и смотрела на людей, но никого не различала. Она скользила взглядом и ни о чём не думала. Такая при-

вычка была и у него, порой он и в речь собеседника не мог вникнуть, хотя и обращались к нему. «Как это так, родного отца не узнаёт? — пытался возмутится про себя, но после предположил: — Это, наверное, из-за этого не прерывающегося гула». Ему хотелось топнуть ногой и закричать залу: «Замолчите! Вы что, не видите, моей дочери плохо!» И всё же он проникновенно посмотрел на дочь и как-то определил, что ей уходить отсюда некуда, храпящего мужчину никак нельзя было разбудить, она как будто оберегала его сон. Это была её единственная зацепка среди этих людей. Безысходное состояние исходило от неё.

Информация вспомнил один эпизод из жизни. Как-то он выкопал яму для туалета. Она была более двух метров в глубину. Когда копал самое дно, он пользовался лестницей и землю со дна вытаскивал ведром, подвязанном к верёвке. Когда окончательно была вырыта яма, он прикрыл её двумя скрещенными досками, чтобы ненароком не свалились в яму маленькие дети. Когда он собрался перенести старый деревянный туалет на новое место, он на всякий случай заглянул в яму и был немало удивлён, увидев на дне жёлтого утёнка. Видимо, утёнок упал в яму давно, потому что он отчаялся карабкаться по стенке и вяло шевелился. Птенец, услышав, как падают кусочки земли, безнадежно посмотрел вверх. Тогда Информация взял лестницу, по ней спустившись в яму, вытащил утёнка на поверхность. Долго гладил птенца своими шероховатыми пальцами, напоил водой из миски, посмотрел в безжизненные глаза птенца. Затем выпустил утёнка к другим утятам. После этого птенец за лето вырос во взрослую утку. Самое забавное было то, что при появлении Информации в той части, где был птичник, эта утка начинала хлопать крыльями и радостно биться о железную сетку. Это как-то увидела Ання:

— Слушай, а эта утка тебя всё время приветствует. Не первый раз замечаю, с чего бы это?

Информация об этом тоже знал, но жене об этой утке ничего не говорил...

Сейчас в кафе он вспомнил про того утёнка, оказавшегося в глубокой туалетной яме. Дочь опять повернулась к залу и прошла взглядом кругом. Стоявшего на самом виду отца она не замечала. «Надо идти к ней!» — решил он и не торо-

пьясь обошёл соседний с ней стол. До этого, когда ожидал дочь у входа в общежитие, он десятки раз представлял их встречу, обдумывал предстоящий разговор, намеревался даже поругать её. Но подойдя к её столу, обомлел. Дочь не видела его, подошедшего вплотную. Она отвернулась к заледенелому стеклу, через которое едва проглядывали силуэты деревьев.

— Дочка, — выдавил он из себя слово.

Саманта спокойно повернулась к нему, узнала, но ничего не смогла сказать.

— Дочка, — мягко повторил он, — пойдём отсюда.

— Да, да, хорошо, что ты пришёл, — сказала она отрёпённо.

— Пошли домой, — сказал он.

— Да, да, домой, — она встала из-за стола.

Когда они вышли из кафе, пронизывающим холодом обдал ветер, обожгло лицо.

— Пошли на остановку к автостанции, — сказал отец.

— У меня вещи в общежитии, — беспокожно проговорила девушка.

— Какие вещи?! Ну, что у тебя есть?!

— Халат, тапочки, платье, сумка...

— Пошли! Да пропади они пропадом, твои вещи!

— Простынь, одеяло, — заикаясь сказала дочь.

— Какая простынь?! — с хрипом выдавил отец. — У тебя паспорт с собой?

— Да. Вот в сумочке, — показала она поблекшую красную сумку.

— Это главное! Что ты человек, что дочь моя — это главное! — сказал он на остановке автобуса.

Сама упала — сама встанет

Информация с дочерью возвращался в темноте. Благо, что среди пассажиров не было хорошо знакомых односельчан. Некоторые из них Информацию признали, но он был не из тех, у кого можно было спрашивать, по каким делам он был в городе. Все были усталые: кто-то долго ждал, а кто-то еле успел на автобус. Среди них были и работавшие в городе,

были и такие, которые ездили по срочной необходимости. На девушку никто и не посмотрел. Большинство, не спрашивая, сразу определили, что это его дочь. В темноте не увидели, в каком она состоянии. А если бы увидели, то тогда, конечно, сразу бы подумали, что что-то с ней не так. В автобусе мало говорили, отец и дочь всю дорогу молчали. Из автобуса тоже вышли без разговоров и, пройдя по центральной улице, вышли на свою — пересекающую главную. После шести часов вечера аульчане на улице выходили редко, тем более зимой. Так что и до дому они дошли никем не замеченные. Зайдя во двор, Информация подумал, что надо доложить о том, что важное поручение исполнено. Таких поручений выполнять не поручалось в течение десяти, а то и пятнадцати лет. Он спасал семью, спасал дочь, своё дитя. И выполнил свой долг. Свет горел только в летней кухне, а это означало, что жена и младшая дочь находятся там. Саманта отчуждённо остановилась во дворе. О том, что она не желает предстать перед матерью, отец понимал, но для порядка сказал:

— Может, поешь?

Саманта, готовая разорваться от наступающей истерики, молчала. Отец понял:

— Тебе принесут. Иди в дом, в свою комнату. А я скажу матери, что мы приехали. Ты иди, отдыхай. Всё по-прежнему. Постель та же, телевизор смотри...

Саманта была согласна. Быстро кивнула головой и поторопилась по ступенькам на крыльцо. Информация пошёл на кухню. Там ждали возвращения блудной дочери. Но Информация зашёл один. Мать и дочь вопросительно заглянули за спину мужчины, надеясь, что он будет с Самантой.

— Где она? — спросила Ання.

— Пошла к себе.

— Ты смотри, если сейчас сорвётся, то тогда её нам не найти!

Информация посмотрел в окошко:

— Свет загорелся, у себя она.

Для Саманты всё было в комнате чужим. Сначала она даже побоялась сесть на свою кровать. Прибранная постель казалось такой чистой, что она опасалась осквернить её своей поношенной одеждой. Саманта сняла с себя пальто и осторожно положила в угол комнаты на пол, боясь его вешать. Затем она сняла обношенные до дыр сапоги и тоже положила

в угол. Она должна была обрадоваться возвращению домой, к своей прежней жизни, но ей показалось, что её отдаляет от неё огромная пропасть. Она остро ощутила, что она чужая в этом доме, вернувшаяся из другого мира.

Саманта была голодная ещё со вчерашнего вечера. Но она, как и многие прошедшие дни, не надеялась, что попробует кусочек пищи. Терпеть она научилась. Подумала о еде и заставила себя терпеть. Она присела с краю на кровать, после сама не поняла, как свалилась и легла калачиком. Когда пришли мать с сестрой, она лежала в беспмятстве и не ощутила их прихода. Мать перебрала скинутые в угол вещи и схватилась за голову:

— Несчастливая! В кого ты превратилась?! — слёзы застлали её глаза и потекли по лицу. Она кончиками пальцев дотронулась до одежды лежащей дочери, затем, глядя, коснулась плеча. Саманта не шевелилась. Мать нагнулась, чтобы услышать дыхание. — Дышит, — сказала она и осторожно сняла с её ног старые тканевые чулки.

— Мама, у неё синяки на ногах и руках, — показала дочь.

— Что мне теперь делать? Это же конец!

Зашёл Информация, посмотрел на жену:

— Оставьте еду! И дайте ей отдохнуть.

— Эльвира, принеси чай, манную кашу. Принеси также тёплую воду и марлевую тряпку, я её оботру.

В первую ночь возвращения Ання спала рядом на другой кровати. Она пыталась накормить, но дочь не открывала глаз. После три дня Саманта лежала, не приходя в себя. Ання вызывать врача из райцентровского медпункта не хотела, боялась, что они начнут расспросы. Правду рассказывать она не могла, а что говорить не знала, даже приврать была не в состоянии. У девушки в сознании всё было как в тумане. Она отпивала глоток ногайского чая, куриного бульона и засыпала. Мать, когда она чуть пришла в себя, дала ей кусочек хлеба, надеясь, что она покушает, но девушка хлеб не ела, но и из рук не выпускала. Через три дня она смогла встать, но из дому выйти не могла, опять лежала в обессиленном состоянии ещё несколько дней. Мать увидела, что даже в таком обессиленном состоянии она дотягивалась до хлеба и прятала ломоть у себя под подушкой.

— Нельзя, чтобы кто-то это увидел, — проговорила она тогда вслух.

Когда вошла в комнату младшая дочь, школьница, Ання от того, чтобы кто-то слышал её переживания, повторилась:

— Ой, несчастная, до чего ты себя довела?! Как будто с войны вернулась! Не дай бог, чтобы кто-то увидел тебя такой!

Зашёл в комнату и Информация. Он молча сел в стороне на табуретку.

— Я хочу её расспросить, что произошло с ней на самом деле? — сказала она мужу.

— Ни в коем случае! — рассудительно пригрозил Информация. — У неё что-то с головой. Она же нас не признаёт. Будто не видит. Может, она нас забыла. Такое бывает после контузии.

Услышавшая эти слова младшая дочь спросила:

— Мама, а что такое контузия?

— Это на войне бывает. После взрыва снаряда память отшибает, — ответила Ання, сама не предполагая, чем обернется её безобидный ответ.

Через несколько дней на мотоцикле с люлькой приехал участковый Салим-Гирей. Он был в милицейской форме, привычно играл бицепсами и водил в разные стороны плечами. Он вошёл во двор, остановился перед домом и, поправляя на голове форменную фуражку, внимательно, по-милицейски, оглядел дом. Ання, слышавшая, как остановился возле ворот мотоцикл, вышла, улыбнулась гостю.

— Здравствуй, Ання! — улыбаясь, поздоровался участковый.

— Здравствуй, Салим-Гирей! Заходи, гостем будешь! Ты никогда к нам не заходил, а что это вдруг? — осторожно спросила Ання.

— Заходить некогда. Я хотел спросить: а где твоя старшая дочь?

— Саманта, что ли? — удивилась Ання.

— Да, да, — поддакнул Салим-Гирей.

— Лежит больная.

— А что с ней? — с подозрением спросил участковый.

— Как что?! — удивилась женщина, но сама испугалась, не осталось ли у дочери каких хвостов в городе.

Испуг заметил Салим-Гирей, поэтому строго спросил:

— Чем болеет?!

— Простыла, — удивилась Ання.

— Можно я на неё гляну?!

— Заходи в дом. Сейчас она спит, — сказала она и пошла за собой участкового.

— Пусть спит. Я просто взгляну!

Салим-Гирей зашёл в дом и прошёл в комнату. Саманта лежала на кровати в домашнем халате, отвернувшись к стене. Участковый внимательно оглядел оголённые ноги, руки, особенно внимательно присматривался к голове, даже подул на тёмные волосы, заглянул и в лицо:

— С головой нормально? Ранений нет? — спросил он.

— Какие ранения? Господи, как же можно так говорить? Ей всего восемнадцать лет.

— Я ничего не говорю. Это ваша младшая в школе сказала, что её сестра с войны вернулась. И что она вся раненая. Ну, я и решил проверить. Заява та серьёзная.

— Нет. Дорогой Салим-Гирей, никаких ранений нет. Она в городе была. Учиться собиралась, но не получилось, заболела. Сама упала — сама встанет... А этой Эльвирке я душу вытрясу!

Салим-Гирей уехал, но события стали развиваться совсем не так, как заранее полагали. В тот же день участковый встретил одного знакомого из аула и сказал, что был в доме у Информации по ложной наводке:

— Эта младшая дочь по недомыслию сказала, что её старшая сестра с войны вернулась и раненая лежит дома. Пришлось проверить. Оказалось, что просто больная. В городе простыла.

Слова Салим-Гирея были искренние. Он так и думал на самом деле. Но знакомый его слова откорректировал по-своему. Так как он знал, что менты никогда не договаривают. И изложил новую версию своему соседу. По его версии оказалось, что дочь Информации попала в банду боевиков, во время боевых операций получила серьёзное ранение и теперь лежит дома. Сосед тоже по-своему понял сказанное приятелем. Так как в их регионе нигде не было бандформирований, хотя о них иногда пишут в газетах, идя от методов своих исключений и заключений, решил, что дочь Информации была в Чечне среди боевиков, и там её ранили. Кто-то из аула подтвердил, что видел, как Информация в темноте привёз домой раненую дочь. Другие версию изложили тоже по-своему. По

их рассказам вышло, что дочь Информации привезли из-за границы и передали отцу на военном аэродроме. Третьи заспорили прямо в аульском магазине:

— Её поймали в аэропорту с поясом смертницы. Отобрали пояс, из-за её несовершеннолетия вызвали отца, отдали ему и велели не выпускать из дому.

Дальше диалог продолжался следующим образом.

— Это неправда! Тех, кто носит пояс смертника, никогда не отпускают на волю. Их на месте расстреливают. Значит, она сбежала с поясом.

— Я бы её на месте расстрелял! Что она делает в нашем ауле?! — вопрошал слушавший их...

Салим-Гирей, бывалый участковый, хорошо знал нравы своих аульчан и их способность развивать невероятные версии. Он скрупулёзно изучил ситуацию и прошёлся по всем источникам недостоверных сведений. И всех успокоил. Зная, что не так просто успокоить остальных любознательных сельчан, взяв ворожейку Гульнару, поехал в дом Информации на медицинское освидетельствование. Гульнара была соседкой Салим-Гирея, она хорошо владела ситуацией и имела эффективные рычаги воздействия на народное мнение. Обычно она принимала людей в белом брючном костюме, в белой медицинской шапочке на голове. На этот раз она надела белый халат и белую шапочку. Салим-Гирей привёз Гульнару и сказал Ання, что она должна сделать осмотр больной. К тому времени Саманта уже передвигалась по комнате. Гульнара разными своими спецприёмами осмотрела голову, затем раздела и осмотрела тело. Затем она из кармана достала маленький треугольник, завернутый в фольгу, и дала матери, чтобы дочь носила его на шее как дуа (талисман). Матери наедине она сказала:

— Дочка ваша подверглась нападению джинна. Поэтому, чтобы отвлечь его, пусть она носит на шее дуа. Для талисмана сделай кожаный футляр, можно и на золотой цепочке носить. Также давайте ей пить этот напиток, — она вытащила из кармана пузырёк с жидкостью. — Самое страшное позади. Она выжила! — сказала она и с чувством собственного достоинства посмотрела на Салим-Гирея.

Затем Гульнара отвела в другую комнату Ання:

— Она очень сильная. Чтобы джинн оставил в покое, ей надо поменять имя, — нагнувшись, сказала на ухо шепотом.

— Как это?! — удивилась хозяйка дома.

Гульнара приставила палец к своим губам, чтобы она молчала. Ання, как и её муж, были атеистами и в эти пред-
рассудки мало верила, поэтому она об этом разговоре хотела забыть.

Салим-Гирею устное заключение Гульнары было недостаточным. Когда приехали к дому Гульнары, он попросил её написать результаты осмотра. Ворожейка на листке написала, что ею осмотрена Саманта Кельдиева. Ранений, следов физического насилия, ушибов не имеется. Состояние здоровья удовлетворительное. Правда, до этого у них возник спор. Гульнара хотела написать, что получена психологическая травма, которую необходимо излечить народными средствами. Салим-Гирей воспрепятствовал:

— Твою психологическую травму она могла получить и в Чечне, и где угодно. Засунь её себе в одно место! Мне не надо давать повода для сплетников. «Здоровая, ранений нет» — и всё! Достаточно!

Надо сказать, что отношения участкового и ворожейки, по современному экстрасенса, были сложными. Ворожейка была родом из дагестанских ногайцев, переехала в Май-тогай после окончания школы. Хотела временно, но осталась навсегда, её все принимали за свою. Как хозяин положения, Салим-Гирей неоднократно угрожал, что закроет её богадельню, не соответствующую основной деятельности. Гульнара работала с бумажкой частного предпринимателя. У неё было индивидуальное частное предприятие по сохранению народного творчества, традиций и промыслов. Гульнара всегда носила с собой копию диплома медицинского института, хотя диплом у многих сельчан вызывал сомнение: в медицинских вузах обычно учились долго, поэтому как она могла его получить, если из аула на большой срок никогда никуда не выезжала. Подозревали, что она диплом купила — в это время многие южане покупали дипломы в Москве в подземных переходах. Носила и благодарность мера города Тихорецка, где она в молодости проходила месячную практику в Доме культуры. Но при всём этом, при необходимости, как в этом случае, участковый обращался к своей соседке. Соседка охотно помогала, так как в ауле ей необходима была ментовская крыша.

Ання о странном наставлении Гульнары подзабыла, не придала значения.

В те же дни, когда Салим-Гирей и Гульнара посещали дом Информации, к ним в дом пришла очень сердобольная старушка Татлихан с банкой сметаны. Увидев маленькую Татлихан у себя во дворе, Ання была сильно удивлена. Она провела её в летнюю кухню.

— Что-то у вас и ворота закрыты, и людей нет? — сказала Татлихан, садясь на предложенный стул.

— А что у нас ворота должны быть раскрыты? Никто не умер, слава Аллаху! Да и все наши дома! — ответила вопросом Ання.

— Как же, ваша дочь за веру погибла. Дочь стала шахидом — это редкость в нашем ауле. Я пришла соболезнование сказать.

— Уважаемая, дочка моя живая! Пошли! — она резко взяла старушку за руку и, заведя домой, показала на сидящую на кровати Саманту.

Татлихан обняла девушку и с растерянным видом сказала:

— Извините, не знала, неправильно сказали, сейчас все нас, старых людей, дурят. Шахида, выздоравливай! — сказав, она поставила банку сметаны на стол и, качая головой от того, что так опростоволосилась, вышла.

Старушка ушла, но по пути людям, дома соседям она рассказывала о своём опрометчивом поступке. Это имело воздействие. Аульчане с охотой пересказывали о посещении Татлихан дома Информации. В ауле Саманту стали называть Шахидой, такое женское имя существует издавна. Имя означало «Борец за веру». Странно получилось: обычно в ауле носящим ногайское имя дают неногайскую кличку, а в данном случае человеку с неногайским именем была дана ногайская кличка. Аульчане знали, что всё не так, как рассказывают. Саманта не имела отношения к вере. Поэтому участковый Салим-Гирей как-то встретил аульского эфендия Якуба и попросил зайти к нему. Когда Якуб пришёл, Салим-Гирей сказал:

— Занимайся сам со своими.

Эфендий Якуб был в гостях у Информации. Он переговорил со всеми членами семьи, кроме возмутителя спокойствия школьницы Эльвиры. Он тоже написал для Салим-Гирея справку о том, что глава и члены семьи не имеют элементарных навыков в религии, молитв не знают, Коран в руках не

держали. Салим-Гирей на всякий случай сохранял и эту справку. Он знал, что дело было хлопотным и каверзным.

Эльвира, придя со школы, зайдя на летнюю кухню, обратилась к матери и Саманте, перебиравшим на столе пшено:

— А меня теперь в школе все называют сестрой Шахиды!

Антя удивилась, вопросительно посмотрела на Саманту. Вдруг она вспомнила слова Гульнары насчёт смены имени.

— Чего ты молчишь? Это касается твоего имени! — сказала она дочери. Саманта блаженно улыбалась.

— Пусть как хотят, так и называют, — проговорила она.

— Что значит: «Пусть»?! Если тебя будут называть душой, то ты согласна?

Саманта молчала.

— Она согласна! Потому что знает, что дура! — обрадовалась Эльвира.

— А ну заткнись! И не оскорбляй сестру!

— Ты сама сказала, что она стала убогой! — не отставала младшая дочь.

— Заткнись!

Саманта, которую теперь в ауле называли Шахидой, пришла в себя, поправилась и как прежде, до попытки поступить в училище, занималась всеми домашними делами. Ко времени весеннее-полевых работ её лицо ожило, фигура приняла прежние формы. Только странная улыбка не сходила с её лица. Мать, которая больше всех общалась с ней, была озабочена этой улыбкой, кроме этого удивляло поддакивание и угодливость девушки. Когда она с матерью отправилась на участок, выделенный сахарным заводом, на неё смотрели с любопытством. «Шахида идёт!» — говорили про себя аульчане и улыбались кличке. Улыбались и из-за того, что совсем недавно её изобличали в не существовавших за ней деяниях. Новая кличка, как новый человек — всегда вызывает интерес. Невольно отмечали, что девушка недурна внешностью. Один из аульчан, по имени Аскер, стоя со стариками возле магазина, глядя на девушку, идущую с матерью по улице, поцокал языком:

— Слава Аллаху! Это героическая девушка! Раньше, когда герои совершали подвиг, им давались новые имена. Шахида — героическая девка! — Аскер в прошлом был известный гуляка, бабник, толк в женщинах понимал. Старики одобрили

профессиональную оценку аульчанина. Они знали, что под героизмом подразумевается девичья красота.

С самого раннего утра до самого заката солнца мать и дочь работали на поле. Уставали неизменно. Приходили домой, помывшись, поев, тотчас валились на кровать и спали до самого утра. Утром брали еду, воду в баклажке и снова уходили в поле. Шли вдоль асфальтированной дороги несколько километров. Как-то, когда мать с дочерью возвращались с прополки, возле них остановились белые «Жигули», из машины вышел стройный парень с длинными, по самую шею, русыми волосами и преградил дорогу девушке:

— Вон ты какая, Шахида! Красивая! Знал бы, каждый день довозил до аула! — он даже нагнулся, схватил за руку, чтобы взять у неё из рук тяпку.

— Ещё чего! — громко рыкнула Ання и замахнулась на парня своей тяпкой. — Оттяпаю одно место! Езжай своей дорогой!

Парень испугался крика женщины, растерялся, схватившись за голову, отбежал к машине, залез в неё и поехал. Но из окошка не отводил цепкий, наглый взгляд от девушки.

— Нахал! — не успокаивалась Ання. — Никогда не давай прикасаться к себе незнакомому человеку! Что это он как к шлюхе?!

— Мама, он хотел подвезти, — хотела успокоить дочь.

— А что надо за руку хватать? А если бы его сестру кто-нибудь так за руку хватал?! Посмотрели бы, каким он равнодушным остался! Неправильно мы тебя воспитали! Надо было тебе врезать тяпкой! — Ання опять подумала о злключениях дочери в городе.

Она, как и отец, знала, что дочь не девственница. Отец сам видел пьяного художника и достоверно знал, что дочь жила с ним в одной комнате. Ання хотела знать подробности и знать степень вины дочери. Прямо спросить она не решалась. Очень щепетильный вопрос. Без ответа на этот вопрос строить дальнейшую судьбу дочери было трудно. Об этом она всё же спросила у мужа.

— Не советую! Ты сама сказала, что кое-какую информацию лучше не знать, — ответил муж.

— А как же жить?

— Так и живи! Молчи и живи! Как жила раньше.

Это, конечно, был странный ответ. Но, видимо, верный. И она тогда опять, только на этот раз себе, повторила фразу: — Сама упала — сама встанет.

V

Уроки Заремы

Информация узнал, что на зернохранилище набирали женщин на работу во время уборки урожая. «Пусть идёт по-работает, всё же на людях», — сказал он Ання. Затем переговорил с начальником зернохранилища, тот дал согласие. Рано утром Шахида, очень вдохновлённая, пошла на работу. Она это делала первый раз в жизни, поэтому надела на себя нарядное цветастое платье, а на ногах у неё были лакированные синие босоножки на каблуках. Её выход сразу оценили женщины. Это был временный сугубо женский коллектив. Пожилые женщины поняли, что она в этот день не намеревалась работать в пыли. Молодые женщины подумали: чего это она так вырядилась? Из мужчин там были только водители, они на машинах привозили зерно и разгружали на площадке перед хранилищем, на территории не задерживались. Девушка, узнав, кто старшая, представилась и спросила, что ей делать. Женщина с осуждением оглядела её наряд.

— Чего это ты, как на свадьбу собралась? — сделала она замечание. Из-под стола подняла пакет и, достав из него темно-синий халат, протянула ей:

— Сегодня работай в нём. Завтра придёшь в рабочей одежде. Обувь тоже не забудь. Испортишь красивые босоножки.

Девушка сразу вошла во вкус работы: смотрела, как работают женщины, и сразу усваивала, что надо делать. Не уставала, делала всё аккуратно. Женщины её историю по полученному прозвищу более-менее знали, но все, сохраняя такт, молчали. Надеялись, что в процессе общения всё станет по своим местам и они удовлетворят любопытство. Молодая женщина по имени Зарема, разведёнка из центральной части аула, хотела всё знать раньше других, поэтому она сразу приблизилась к ней и стала работать рядом. Когда приехала машина с зерном, средних лет водитель внимательно посмотрел на де-

вушку. Она сначала отвела взгляд, опустила веки, но через некоторое время с любопытством оглядела мужчину. Это заметила Зарема и решила, что на самом деле Шахида не робкого десятка, то есть, не из забытых аульских девушек, которые не смеют смотреть на мужчин. «Опыт есть. Не дёргается», — определила разведёнка.

Зерно возили дотемна. Женщины деревянными лопатами пересыпали зерно на транспортёр, затем оно проходило до следующего пункта, там ссыпалось на бетонную площадку. При пересыпке зерно веялось, от него отлетала шелуха. Его снова насыпали на транспортёр и тогда уже отправляли в хранилище. Шахида работала в поте лица, старалась никому ни в чём не уступать, не лодырничала. Женщины при первой возможности шли отдыхать в тенёк. Там были сложенные доски, некоторые устраивались на них и дремали, некоторые просто сидели. Когда подъезжала машина, все вставали и шли с лопатами к месту, где разгружалось зерно, привезённое с поля. К вечеру машин становилось меньше, комбайны на поле прекращали работу. Конец рабочего дня определял учётчик из хранилища. Перед самым его окончанием сухощавая, с крашеными соломенными волосами Зарема подошла к Шахиде. Она отвела её в сторонку, где всегда обедали, и усадила на лавку. Озорным взглядом оглядела лицо девушки, погладила её плечо и спросила:

— Устала?

— Есть чуток. Это с непривычки, да и халат слишком толстый. Завтра с собой ситцевое платье возьму. Ты правильно оделась!

— Я? Пойдёт. Юбка и футболка, — Зарема погладила руками тёмно-синюю трикотажную юбку и белую футболку. — Я без нижнего белья. Без трусов работаю. Зато очень легко.

— Да? — поражённо улыбнулась девушка.

— И ты так делай. Только ничего не говори этим старухам, — сказала Зарема, облизывая языком нижнюю губу. — Ты же Умара дочь? Всё его имя забываю.

— Да, Информации дочь.

Зарема рассмеялась:

— Ты чего это отца по кличке называешь?

— Все же называют, он не обижается.

— Меня звать Заремой. А как тебя звать?

— Самантой. Только теперь все Шахидой стали называть! Мне и самой хотелось поменять имя. Зови, как хочешь!

— Ты говоришь, как будто легко поменять! — Она подумала и сказала: — Да мне привычнее тебя звать Шахидой. Всё же это наше имя. Ты же замужем не была?

— Нет, не была. Только собиралась, — девушка остановила сама себя, поняв, что становится разговорчивой. Несмотря на усталость, вдохновлённость не проходила. — А ты? — спросила она.

— Я была. Лучше бы не была!

— А что так?

— Пошёл он к чёрту. Три года не живём. Теперь сама себе хозяйка.

— А дети есть?

— Есть сынок Алик. Он больше у моих родителей. Ты приходи ко мне в гости, я всё время одна. — Зарема вопросительно посмотрела на Шахиду. — Можем и сегодня пойти ко мне!

— Нет. Сегодня я не смогу. Надо помыться, халат постирать, да и устала с непривычки. Ещё и у матери надо отпрашиваться.

— Ты поменьше отпрашивайся. Приручишь их к этому, так вообще не дадут куда-нибудь пойти. Приходи в любое время. Посидим, поболтаем. Ты знаешь, где я живу?

— Нет, — помотала головой девушка.

— А я знаю, где ваш дом. Завтра я найду после работы. Можем пораньше с работы уйти!

— Мне нельзя так делать. Давай после. Я приведу себя в порядок...

В самом деле Зарема на следующий день, сделав причёску, надев красивую красную кофту и блестящую чёрную юбку, зашла за Шахидой. Ання увидела её во дворе, удивилась — скорее от того, что к ним редко заходят люди.

— Этой худобе что надо у нас? — спросила она, вглядываясь в лицо худой молодой женщины. Ання нелестно отзывалась не о самой Зареме, а о худых женщинах, которые в ауле были не в почёте. Аульчане предпочитали полных, крупных женщин, они считались более хозяйственными и своими.

— Это Зарема с работы. Она ко мне, — ответила дочь и поторопилась выйти навстречу гостье.

— Надо же! Подруга появилась? — сказала Ання, когда дочь вышла. — На гулящую похожа. Старше нашей.

Шахида и Зарема поздоровались. Гостья, несмотря на приглашение, домой не зашла, сказала, что сразу уйдёт, и что за ней должны заехать через пять минут. Они сели на скамейку возле дома. Вышла и Ання. Зарема учтиво встала и по обычаю поздоровалась обеими руками. Ання, ничего не сказав, зашла в дом. Когда мать ушла, Зарема, глядя вслед, сказала:

— Про мать слышала. Она боевая женщина!

Просидели совсем недолго. Вскоре с улицы донесся сигнал. Зарема встала:

— Это за мной. Ты не выходи, — и она поторопилась со двора.

После этого Зарема пригласила её домой. Шахиде понравился новый уютный дом подруги. Он состоял из зала, спальни, кухни и прихожей, из которой был вход в ванную и туалет. В зале стояла новая светлая мебель, телевизор с большим экраном, на чистых стенах висели картины. В спальне были широкая деревянная кровать, заправленная дорогим цветастым одеялом, шкаф с большим зеркалом, во весь рост. На кухне вдоль стены располагалась кухонная стенка красного цвета, металлическая мойка, посуда были вычищена и блестела. На кухне и в комнатах было прибрано, нигде не было ни соринки, ни пылинки. Девушке особо сравнивать было не с чем. Дома у них почти ничего не было. За всю свою жизнь, не считая изображений в кино и на экране телевизора, она видела обстановку только у Ромы дома. Но у Ромы всё было по старинке: крашеные полы, громоздкая старомодная мебель, ковры на стенах маленьких комнат, вручную сделанные половики. Про обстановку в своём доме и говорить было нечего. Ванн с туалетом ни у Ромы, ни в их аульском доме не было. По нужде ходили на улицу, мылись в тазу, поливая себя из кружки или кумгана. У Заремы дома было светло, просторно, уютно. Шахида восхитилась обстановкой, возмечтала, чтобы когда-то и у них дома было так же.

Зарема достала из холодильника заранее стготовленное тесто, быстро его раскатала на доске. Затем поставила сковородку на газовую плиту, подлила подсолнечного масла. Когда масло зашипело, она стала резать тесто на квадратики и ромбики, а после кинула их в сковородку. По кухне распрос-

транился приятный запах жареного. Вскоре на широкой тарелке распространяли пар поджаренные локумы. Хозяйка сварила ногайский чай, забелила его сливками и разлила по голубеньким пиалам.

— Давай в зале попьём чай, заодно телевизор посмотрим, — позвала Зарема.

Они перенесли тарелку с локумами и пиалы с чаем в зал, сели за передвижной полированный столик. Зарема достала из серванта синюю чашу с конфетами и нераскрытую коробку. От чая исходил запах гвоздики, жаром отдавали локумы. Хозяйка велела гостье чувствовать себя раскованно.

— Пей, кушай, не стесняйся. Попробуй локумы, у меня специальный мой замес. У бабушки научилась делать.

Шахида откусила кусочек локума, ощутила во рту приятный вкус. Она стала есть, поглядывая на хозяйку. Вела себя очень сдержанно. Зарема это заметила:

— Расслабься, дорогая. Веди себя вольно. Ну, как?

— Очень вкусно! У мамы так не пекутся. У тебя они мягкие, лёгкие!

— Учись! Сама делай себе радость! Запомни, ты никому, кроме себя, не нужна в этом мире.

Как-то по-матерински сказала это Зарема. Слова каким-то образом сходились с рассуждениями Саманты в последнее время.

— Локумы под наш чай в самый раз. Ты с чаем не жуй. Чаем запивай, чтобы ощутить напиток.

— Чай у тебя тоже отменный.

— Я тебя научу и чай делать. Этому меня тоже учила бабушка. Я подсыпаю немного травки. От неё и запах, и вкус другой.

— А что за травка?

— В голодные годы, когда не было чая, бабушка делала сбор и варила так, что люди и не замечали его отсутствие. А после, когда чай появился, она этот сбор в него подсыпала. Я название только душицы знаю, а остальную травку собираю по зрительной памяти. Бабушка мне её показывала.

— Я и не знала, что так бывает. У нас к еде все равнодушны. Делаем кипяток и кидаем чай, после заправляем молоком. Лишь бы перекусить.

— Дорогая, во всём должен быть вкус. Жить надо и доставлять себе удовольствие. А то какой смысл? Лишь бы пе-

рекусить — так не пойдёт! Бабушка у нас и еду делала хорошо, и одевалась красиво, и пела, и танцевала. А с людьми как она разговаривала?! С чувством, с расстановкой! Просто так рот не раскрывала. И к себе подпускала только привлекательных людей. Мужики за ней увивались и тогда, когда она с мужем жила. Она завлекала их своим видом, но чтобы не дать повод для пересудов, словами ставила их на место. Я у неё всё перенять не смогла. Сама дурёхой была, да и таланта такого не было. Теперь скучаю по ней. Жалею, что ни одной её песни не выучила!

— А мне даже учиться не у кого! У матери, кроме того, что надо жить экономно, другого разговора нет. Она до сих пор стиральную машину не купила, — девушка запнулась, подумав — а стоит ли об этом говорить?..

Зарема её поняла и, чтобы приободрить, продолжила разговор:

— А отец? Я и не помню, как он выглядит...

— Потому что он никуда не ходит и ни с кем не общается. В ауле он только к брату домой пару раз заходил. Ну, на похоронах родственников бывает. Смотрит за хозяйством. И всё! Характер такой.

— И мой отец нелюдимый. У нас весь аул такой: куркули несусветные! И молодёжь — ни рыба, ни мясо! — махнула рукой Зарема. — Ты ешь! Не стесняйся.

Они молча доели локумы и допили чай.

— Шахида, не нравится мне, что ты такая скованная. У тебя в жизни что-то произошло? Странная вся эта история с именем. Ты какой-то повод дала? Или что?

— Это всё сестра, школьница, ляпнула несурезицу — и пошло.

— У нас на язык аульчанам лучше не попадать. Такое придумают! Садись поудобнее, возьми под бок подушку, чтобы мягко было, — хозяйка, взяв со своей стороны дивана подушку, обернутую шёлковой зелёной наволочкой, кинула на колени госте. — Я присматривалась к тебе. Симпатичная ты, слов нет! Гордая должна быть! А ты какая-то сникшая. У тебя в жизни что-то произошло?

— Ничего такого, — сдержанно проговорила Шахида, откладывая в сторону подушку.

— Не хочешь рассказывать — не говори. Я к тому, что нам друг о дружке надо побольше знать. Ты не стесняйся. Я тебе много интересного о себе расскажу.

Шахида у окна на полированном низком столике увидела длинный с прямыми углами железный предмет. Спросила:

— А это что такое?

— Это? — Зарема встала и, подойдя к предмету, провела ладошкой над ним, как будто погладила. — Дорогая моя, это вязальная машинка. Это то, что приносит мне хлеб насущный. Летом я редко на ней работаю, но скоро, как спадёт жара, я стану работать не покладая рук. И тебя научу шапочки, свитера вязать из пряжи. Будешь зарабатывать деньги, чтобы на шее родителей не сидеть. Сколько у тебя отец зарабатывает?

— Не знаю. Он даже пенсию не получает. Телят выращивает, за лошадью смотрит. А мать птицу растит. Знаю, что не очень. Мать постоянно жалуется на нехватку денег.

— А ты сможешь прилично зарабатывать. Мне помощник нужен. Больше врача будешь получать. Я тебя за неделю вязать научу. Сначала будешь рукава к свитерам и бубенчики к детским шапочкам пришивать. Как тебе? Нравится моё предложение?

— Я бы с удовольствием, только я не умею, — Шахида от восторга смотрела на Зарему во все глаза.

— Шахида, а скажи, сколько тебе лет?

— Мне двадцать, — как когда-то в доме Ромы, желая выдать себя за взрослую, девушка машинально прибавила себе годы.

— Выглядишь старше. Замужем, конечно, не была?

Шахида отрицательно мотнула головой.

— У тебя вид, как будто ты что-то тяжёлое перенесла, — она изучающее уже в который раз посмотрела на девушку. — Ты эту непонятную улыбку на себя не нагоняй. Прямо просишь, чтобы тебя пожалели. Ходи очень довольная. Беззаботное выражение сделай. Тебе всего-то двадцать! Родители живые! А лицо, как у скорбящей старухи... — Она подумала немного и сказала: — Мне неудобно такие расспросы делать... Скажи, у тебя парень есть?

Шахида отрицательно мотнула головой.

— А был?

Девушка опять отрицательно мотнула головой.

— Не ври! Такая хорошенькая! И парня нет?!

Шахида не ответила.

— Был парень! Точно был?!

Шахида молча отвернулась в сторону.

— А ты ненароком не залетела?

Шахида не поняла вопроса и с недоумением посмотрела на Зарему.

— Я к тому, что у тебя с ним что-то было? Ну, в том смысле?

Шахида испугалась того, что Зарема догадалась о том, что она пережила в последнее время, и она с надеждой на спасение посмотрела на подругу.

— Вижу, что что-то было. Если забеременела, скажи мне, я тебе гинеколога найду. Месячные идут?

Шахида кивком подтвердила.

— Расскажи! Чего это я каждое слово вытягиваю?! Если он не из аула, то тогда из города. А что ты в городе делала?

— Поступать ездила в медучилище.

— Ну и поймал тебя городской? Они такие!

Шахида потупила взгляд и отвернулась в сторону.

— Всё понятно! Не хочешь — не рассказывай. Но ты будь поосторожней. С этими делами можно всю жизнь сломать. У меня таблетки есть, — она достала с полки упаковку. — Вот, дам. Могут пригодиться, тебе же стыдно будет спрашивать в аптеке, — она протянула и насильно вложила в руку девушки. — Надо предохраняться. Я тебя к гинекологу в райцентр свожу. Она моя знакомая.

Вопросы Заремы глубоко проникли в сознание, дома Шахида всю ночь обдумывала их. Она и до встречи с Заремой пыталась забыть происшедшее с ней, но кошмарные воспоминания, хотела она или не хотела, преследовали её. Во время разговора с Заремой переживания её обнажились. «Кому же об этом расскажешь? Разве можно о таком рассказывать? Нельзя, чтобы кто-то знал!» Хотя новая подруга очень располагала к себе, Шахида решила молчать.

И не хотела разрушить своё решение. История с Ромой была банальной. Если бы даже она забеременела от него и даже если бы он отказался жениться, это как-то можно было обмозговать, понять, принять, и с нею можно было поделиться. Но история с Русланом — это было что-то ужасное и необъяснимое с самого начала, с момента попадания в его руки. Эта история ни в каких рамках приличия не могла существовать. В конце добровольного плена у насильника

Руслана по воле случившихся обстоятельств она была окончательно сломлена и превращена в ничтожество. Она пыталась об этом забыть — но такое разве забывается! Поэтому сквозь её молчание пробивался отпечаток надломленности. Это Зарема почувствовала. Но, как говорится, кого тревожит чужое горе, чья-то грешная тайна! Неизвестно, как бы она отреагировала, узнай о беде, постигшей девушку! После того, как проводила новую знакомую до дому, она не вспоминала о ней до следующей встречи. Забот у неё было много своих, надо было думать о сыне, о родителях, надо было зарабатывать на пропитание.

Зарема приняла участие в улучшении жизни девушки. После окончания работы в зернохранилище она стала звать Шахиду к себе и обучать работе на вязальной машине. С наступлением осени Шахида исполняла все поручения Заремы. Она на швейной машине шивала спинки, передние полочки, рукава, затем училась вязать на вязальной машине. Вскоре получила от Заремы первые деньги с вырученных изделий. В Шахиде стало просыпаться чувство собственного достоинства.

В конце сентября — начале октября начался согым (забой). Сначала забивали птицу, затем переходили на овец и крупный рогатый скот. Так делали забой, потому что зимой не было кормов, а набранный за лето вес мог пропасть. Птицу продавали на базаре, мясо овец, телков тоже продавали, но в основном проедали, делали колбасы, сушили, вялили, а некоторые аульчане в последние десятилетия стали тушить мясо и хранить в трёхлитровых стеклянных банках. Обычно забоем занимались мужчины. Женщины и дети не брались за нож. Живность мог резать мужчина, подвергнутый обрезанию. В простонародье считалось, что проливший собственную кровь может пролить и чужую. Иногда подростки, которым проводили обрезание, резали птицу и даже овец, но таких подростков становилось всё меньше. Обычай обрезания то возрождался, то вновь затухал. Многие родители отказывались подвергать детей обрезанию. Во многих семьях сами дети всячески уклонялись от этого.

В доме Ання живность резал Информация. За месяц до забоя Ання несколько раз подносила мужу спасённую им когда-то утку, чтобы он её зарезал. Его любимая птица пронзи-

тельно кричала, дёргалась связанными ножками. Муж и раньше, и в эти дни не хотел её резать, под разными предложениями развязывал верёвки и отпускал её к остальным уткам. В последний раз Ання вышла из себя:

— Что ты как придурок?! Если бы я имела право резать, то давно бы отрубила ей голову! Она всех своих соплеменников пережила — уже два забоя! Что она, вечная?! Только корм проедает! Режь! — приказала она и, как обычно делают, распластала птицу на земле, одной ногой наступив на сложенные крылья, другой — на связанные ножки.

Информации пришлось зарезать утку. Зарезал, кинул нож на землю и ушёл к себе. Вечером жена пожарила утиное мясо и позвала мужа на ужин. Информация, хотя целый день не мог забыть про утку, проголодался и хотел быстро поесть, но увидев на столе сковородку с жареным мясом, остановился. Задумался, взял со стола пару кусков хлеба и кусочек сыра и вышел из кухни.

— Ты чего?! Поешь! — прикрикнула Ання.

Он, отворив дверь, виновато посмотрел на жену.

— Ах, да! Любимица твоя! — засмеялась она. — Иди, иди! Сами поедим!

— Тебя надо было зарезать! — сверкнул он взглядом.

— Какие мы грозные! Я тебе только ночью нужна, — встав, она подошла к нему и обняла. — Что ты, на самом деле? Этих птиц мы растим для того, чтобы резать!

— Можно было мою утку не трогать, — пробормотал Информация.

— Ну, что ты такой сердобольный! Хороший ты мой! — Ання впервые за последние десять лет поцеловала мужа в щёку.

Детей на кухне не было.

Ко времени забоя были наточены ножи и топоры, заготовлены старые вёдра и кастрюли, вырыты ямки для слива крови. Это были кровавые и очень хлопотные дни. Ання и две дочери очищали от пуха и перьев птицу. В субботу около пятидесяти тушек уток, гусей, кур отвезли на базар и продали по хорошей цене. На деньги купили обновки: зимние пальто, женские сапоги, платья, продукты и всё необходимое для дома. Больше обновок досталось младшей дочери, которая оканчивала восьмой класс и собиралась поступать на учёбу.

Когда вернулись с базара, все стали рассматривать покупки. Девочки откладывали каждая себе своё приобретение. Эльвира была очень довольна. У ней и платьев, и кофт, и обуви была большая куча. Информация заметил, как младшая хвасталась и нарочито показывала чувство превосходства перед старшей. И тогда глава семьи сделал громкое заявление:

— А я вот зарежу бычка и куплю на вырученные деньги Саманте импортную вязальную машинку!

Эльвира сразу притихла. Ання была недовольна тем, что такое важное заявление муж делает без согласования с ней. Она вопросительно посмотрела и на мужа, и на дочь, но ничего не сказала.

К концу зимы Шахиде купили машинку. Работа увлекла, отодвинула тяжёлые воспоминания. Можно было думать о будущем. Теперь Шахида сама могла вязать и свитера, и шапочки. Не забывая быть благодарной подруге, она исполняла данную ей работу.

Как-то мать спросила:

— А хужоба больше тебя зарабатывает?

— Конечно, в два раза больше у неё получается, — ответила дочь.

— А что ты, не можешь делать, сколько она?

— Могу. Я всё могу. Один раз я связала несколько свитеров, ей понравилось, она их продала заказчику.

— Тогда вязала бы сама!

— Могу. Но только надо с заказчиком переговорить. А мне перед Заремой неудобно. Я же ей обязана!

— Дорогая, в работе не бывает удобного и неудобного. Дружба дружбой, а деньги врозь. Чего это она тебя за дурочку держит?!

— Никто никого за дурочку не держит. Я ей дала слово, что буду исполнять, что она скажет.

— Дорогая, так не бывает! Давай я сама с ней переговорю!

— Мама, не надо! Это не твоё дело! Я сама разберусь.

— Смотри! Твои деньги нам не нужны. Сама оденься как следует, копи себе на приданое. Я твои деньги отдельно храню.

Шахида знала, что это не так: из-за постоянной нужды деньги мать не хранила, а сразу тратила. Дочь делала вид, что верит матери.

— Я не собираюсь замуж, поэтому приданого мне не надо. Ты бы, мама, лучше на мягкую мебель копила, а то дома шаром покати. И стиральную машину, и холодильник надо купить.

— А что это ты замуж не собираешься?! Вон какие уродки замуж выходят! С детьми за неженатых выходят. А ты красивая! И работающая какая! Тебя обязательно засватают. Ты только много о себе не болтай! Никому это не нужно! Пригляди себе достойного джигита.

— Хватит об этом! — оборвала Шахида.

В нашу жизнь глубоко внедрились советские праздники. В связи с переменами в жизни страны 7 ноября, 1 мая, 23 февраля ушли в тень и как-то стали выпадать из обихода. Женский праздник Восьмое Марта прочно укоренился. Может, это от того, что его не объединяли с советской идеологией. Зарема считала этот день обязательным праздником. Она, как только настали первые дни весны, предупредила подругу, что они должны обязательно отметить этот день в компании. Она заранее купила индейку, фрукты, достала водку и вино. Её любовник Эдик приходил к Зареме в обычные дни, но Шахиде не удавалось его увидеть. По рассказам Заремы, он приходил поздно, после посиделок с друзьями, всегда выпивший. Зарема грозилась, что выгонит его, так как ей надоели его внезапные посещения. Ей хотелось, чтобы у них была упорядоченная связь.

— Приходит именно тогда, когда его меньше всего ждёшь. Словно к проститутке. Никогда не знаю, когда у него возникнет необходимость. Почему я должна зависеть от его желания? Домой-то он уходит регулярно. Видите ли, его там ждут. А у меня пару раз только оставался до рассвета. Бойтся неимоверно, что его застукают у меня. Всё переживает, что мать узнает и надаёт за то, что жену обижает. На Восьмое Марта я его позову. Посидим вместе. Скажу, чтобы и для тебя дружка привёл. Как ты на это смотришь? — спросила она, заглядывая в глаза.

Шахида растерялась, но собравшись с мыслями, отрицательно мотнула головой.

— Чего ты? Одной скучно же!

— Зачем? Не надо, — стеснительно сказала Шахида.

— Я Эдику скажу, что буду с подругой! — настойчиво проговорила Зарема.

Шахида, чтобы не перечить подружке, промолчала.

Он пришёл, когда Зарема полностью разуверилась, что он вообще придёт. До прихода она обещала порвать с ним раз и навсегда. Однако, когда появился изрядно подпитый парень, она обрадовалась. Шахида его сразу узнала. Это был тот самый длинноволосый молодой человек, остановивший машину, когда они с матерью возвращались с прополки свеклы.

— О-о! Кого я вижу! — развязно вскрикнул и засверлил её взглядом Эдик.

— Так вы знакомы? Вот не думала! — удивилась Зарема.

— Нет. Мы не знакомы. Он останавливал машину, чтобы нас с мамой довести, — сказала Шахида.

— Мама тут ни при чём, — сказала Зарема.

— Будем знакомы! Меня зовут Эдиком, — парень скинул с себя синюю куртку, оставшись в белой сорочке с короткими рукавами.

— А мне кажется, что вы знакомы! Разве он мог пропустить мимо своего внимания такую симпатичную?! — не отставала Зарема.

— Эдик! — не обращая внимания на слова хозяйки, протянул руку для знакомства девушке и одновременно подмигнул.

Уловив подмигивание, Зарема проговорила:

— Вы точно не знакомы?

Шахида замотала головой, затем подала руку парню и хотела сразу освободиться, но парень крепко сжал её ладонь.

— Руку ломаешь! — вскрикнула Зарема и хлопнула парня по плечу. — А ты как будто не знаешь?! Её Шахида зовут! Где это ты выпил? С кем отмечал женский праздник?

— С друзьями в гараже сидели, за женщин пили.

— Я же тебе сказала, чтобы ты с другом пришёл!

— Я думал, что ты пошутила. А ей парень нужен?

— Заткнись! — разозлилась Зарема.

— А я вам подарок привёз! — торжественно сказал Эдик. Он вышел из дома и тотчас вернулся, вталкивая в комнату молодого человека в замшевой куртке. — Знакомьтесь! Кемал!

— А что знакомиться? Я-то его знаю! Сколько раз он у меня с тобой в гостях был! — проговорила Зарема.

— Зато Шахида его не знает.

Молодой человек снял с себя куртку и остался в стального цвета костюме, белой сорочке и при галстукe. Роста он был невысокого, спину держал ровно. Полнотелый, из-под пиджака выпирал небольшой живот. Короткие курчавые чёрные волосы разделял пробор, мясистое румяное лицо было гладко выбрито. Он оценивающе посмотрел на Шахиду и, подтверждая, что девушка ему симпатична, кивнул головой Эдику. Протянул руку Зареме:

— С вами я знакомиться не буду, но с праздником поздравлю, Зарема! — Он сделал паузу, затем протянул руку Шахиде: — Меня зовут Кемал! С праздником! — он взял руку девушки, поднёс к лицу и поцеловал.

Это был второй поцелуй в жизни. Шахида вспомнила, что так с ней знакомился Руслан.

— Меня Шахида, — сказала она, пытаясь забрать руку.

Молодой человек не отпускал, изучающе смотрел в лицо девушки круглыми широко открытыми глазами.

— Я буду тебя называть Шахиной! — сказал он.

— Никаких шахинь! Шахиня я тут одна! — поправила Зарема и стала усаживать всех.

Эдик повёл стол. Все сказали тосты за женский праздник. Эдик бдительно глядел, чтобы все пили, не пропуская ни один тост. Шахида отнекивалась, но он настоял, чтобы она пила и шампанское, и водку. У девушки закружилась голова, но она прилагала усилия, чтобы не исчезала атмосфера праздника, и терпела. Сидела она рядом с Кемалом, который постоянно подливал питьё и подкладывал в её тарелку разные закуски. Шахида, когда поняла, что больше не выдержит, сказала, что ей надо идти домой. Мужчины взглянули друг на друга. Кемал молчал, тогда Эдик, вскочив, сказал:

— Я тебя подвезу! Я знаю, где ты живёшь.

— Сиди! Никуда ты не пойдёшь! — запротестовала Зарема и насильно усадила Эдика на место.

— Я сама пойду, — Шахида встала и хотела собираться, но не дойдя до двери, потеряла равновесие и упала на пол. Эдик с Кемалом, встав из-за стола, подняли девушку и усадили на диван. — Меня развезло. Я давно не пила. Я вообще не

умею пить, — проговорила она, протирая смыкающиеся глаза. Через некоторое время глаза у неё сомкнулись.

Все недоуменно посмотрели друг на друга. Зарема вопросительно взглянула на Кемала:

— Я могу вам постелить на диване!

Кемал тоже изрядно перебрал, однако, не теряя самообладания, сказал:

— Мне надо домой.

— А что так? Она же готовая, — засмеялся Эдик.

— Нет! Я так не могу. — Кемал встал.

— Как знаешь. — Зарема стала прибираться со стола.

Мужчины оделись.

— Я провожу, — сказал Эдик.

Вскоре Эдик вернулся.

— Эдик, а он доедет нормально? Может, надо было его оставить?

— Он не так и пьяный. Он не хочет голову заморачивать. Сказал, что с пьяными женщинами возни много.

— Это его дело. Всем не угодишь. — Она показала на выпивку и фрукты, которые отставила в один угол стола. — Ты это возьми и отнеси в спальню. А я ей здесь на диване постелю. Она, бедная, жаловалась, что не может пить. А вы всё: штрафной, тост под контролем. Контролёры!

Эдик приобнял Шахиду, чтобы помочь сдвинуть с места, но хозяйка оттолкнула его.

— Иди! Я тебе сказала, что сама! Не прикасайся, блудливый кот! Иди в спальню!

За полночь, когда действие алкоголя прошло, Шахида открыла глаза. Дурман не проходил, её тошнило, она не сразу поняла, что осталась ночевать у подруги. Дверь тускло освещённой спальни была приоткрыта. Оттуда доносились шлепки и постанывание Заремы. Мучила жажда. Шахида увидела на столе открытую бутылку минеральной воды. Ещё с того времени, когда жила с Русланом, она знала, что вода в таких случаях спасение. Она, приподняв туловище, достала до бутылки, и взяв её, отпила глоток. Вытащила ноги и, свесив их с дивана, села. Увиденное в соседней комнате заставило её застыть от удивления. Через приоткрытую дверь отчётливо было видно большое зеркало, а в нём отражалась постель, на которой её голая подруга и голый Эдик занимались любовью.

Это от их движений раздавались шлепки. Когда шлепки прекращались, Зарема оборачивалась и подползала к парню, делала непристойности. Подобное силой заставлял её делать Руслан. Если она противилась, Руслан зверски крутил ей руки, ступни, таскал за волосы до нестерпимой боли. Самое главное, то, что вынуждал делать Руслан, не давало покоя и когда она у него жила, и после, когда она вернулась домой. Вплоть до последних дней она вспоминала это, как кошмарный сон. Очень часто дома воспоминание об этом наплывало, когда она садилась за еду. Тогда её неоднократно тошнило. Когда отвлекалась работой, делами, она забывала об этом, но в какие-то моменты эти сцены жутко преследовали её сознание, из-за них ей хотелось покончить собой. А здесь подруга охотно и не раз повторяла свои действия.

«Как всё просто! Если бы я видела раньше, то так бы не переживала. Оказывается, это возможно», — промелькнула мысль в голове. Но одновременно ей было стыдно за то, что она смотрит на это. Шахида была шокирована. Она не успела лечь, когда голая, босоногая Зарема пробежала мимо дивана. Слышно стало, как хозяйка моется в ванной комнате. Шахида легла и с головой укрылась одеялом. Возвращаясь из ванной, Зарема села на то же самое место, где сидела подруга.

— Не спишь? — спросила она.

— Сплю, — прошептала Шахида.

— О-о-о! Отсюда хорошо видно! Ты всё видела?

— Нет...

— Видела! — подтверждающим голосом сказала Зарема и добавила: — Без этого любовь — не любовь! — Она сказала это, не скрывая ещё не пропавший в ней порыв чувств, страсть.

Когда Зарема ушла в спальню, девушка перевернулась на спину и, подложив руки под голову, хотела обо всём поразмышлять. В это время из спальни на цыпочках вышел Эдик. Она, увидев голого парня, быстро отвернулась к стене. Эдик остановился и подкрался к ней, после, просунув руку под одеяло, сжал её грудь. Она попыталась оторвать руку, но не смогла, с возмущённым лицом повернулась к нему. Хотела что-то сказать, но побоялась Заремы. Эдик приставил палец свободной руки к своим сомкнутым губам, требуя не издавать звука, затем нагнулся и прошептал на ухо:

— У нас всё впереди!

Эдик ушёл в ванную, помылся. Вернувшись, стал одеваться.

— Что? Вспомнил о благоверной?! Соскучился?! — сказала вставшая Зарема. — Может, выпьешь?

— Нет! Мне ещё сегодня работать надо.

— Работай, работай! Теперь когда? До следующего Восьмого Марта?

— Всё нормально! Как освобожусь, я тебя навещу.

— Слушай, Эдик. Мне на следующей неделе надо в город товар отвезти. Ты помоги, я тебе на бензин дам!

— С бензином ты хорошо придумала, — неопределённо пошутил Эдик.

— Ну, ты отвезёшь?

— Отвезу, отвезу, — успокоил он её и, надев куртку, вышел из дома.

Зарема пошла за ним. Проводив, вернулась и села возле лежащей Шахиды.

— А ты вчера окосела. Кемала обидела.

— А что я ему сделала?

— Отказала, а он так за тобой ухаживал.

— Я ничего не помню.

— Он парень с гонором. Женатый, детей имеет. А тебе что, детей его воспитывать? Хотя иногда можно. Одной хуже. Вставай, выпьем чуток! Лучше станет.

— Нет, Зарема! Я не хочу! Я не люблю спиртное!

— Мне бы твои проблемы, — ударяясь в воспоминания, она осторожно спросила: — Сейчас у нас второй раз было. Ты всё же видела?

Шахида поняла, что подруга боится, поэтому, чтобы успокоить её, проговорила:

— Я ничего не видела.

— Как не видела?! Ты же уже отрезвела к тому времени!

— Я в одурманенном состоянии была, за голову держалась. Зарема, можно, я у тебя помоюсь под душем?

— Пожалуйста, дорогая! Я свежее полотенце дам.

— У нас дома никаких условий. У тебя хорошо, всё есть.

— Давай чай попьём?

— Я быстро душ приму, после попьём.

Шахида скинула с себя одеяло и встала. Сняла нижнее бельё.

— У тебя фигура прелесть и личико красивое. Сексапильная ты! Мне бы всё это! Я мужикам с таким телом показала бы, где раки зимуют!

— И так ты красивая! Сейчас худые модные! По телевизору только худых моделей и показывают!

— То по телевизору. Да, ты мойся, я тебе кое-что покажу. Вообще-то тебе надо своё жильё иметь. А то колхозом жить — это не дело!

— Мне много что нужно. Родителей на правильный путь поставить. Пусть бы обстановкой занялись. Прозябают непонятно за что! — Взяв полотенце, она ушла в ванную.

Когда Шахида вернулась, диван был прибран, одеяло, простыни и подушка аккуратно сложены на стуле. На стол были поставлены чистые чайные чашки с блюдцами, убранные вечером в холодильник нарезки. Зарема из кухни принесла банку с вареньем.

— Абрикосовое, со своего дерева, хорошо для чая, — сказала она.

Шахида быстро оделась. Зарема из тумбочки вытащила альбом, а из него диск.

— Прячу от сына, — сказала она, показывая диск. Включила телевизор, диск вставила в проигрыватель. — Садись поудобнее. Сейчас посмотрим. Это Вилен дал. Вилен — это тот, который у меня продукцию забирает. Развратник ещё тот!

— У тебя и дивиди есть! — с восторгом произнесла Шахида. — У нас дома, как в пустыне Кара-Кум. Ничего! И телевизор допотопный.

— Это дело наживное. Главное, чтобы желание было. У нас в ауле антенны плохо ловят. Диски хорошо показывают, я из города диски с фильмами привожу и смотрю спокойно. Но вот беда — часто свет отключают, тогда копец! Сейчас я чай принесу, заварить поставила. — Зарема выбежала на кухню и вернулась с заварным чайником.

Разлили чай по чашкам и стали пить. Зарема, как будто что-то вспомнила, ударила себя ладошкой по голове, переключила с телевизионной программы на проигрыватель. На экране появилось изображение красивой женщины, к ней в гости пришёл элегантный мужчина.

— Это про любовь? — спросила восхищённо Шахида.

— Да, конечно, про самую волшебную любовь! Лейла и Меджнун рядом не сидели!

На экране стали показывать, как мужчина раздевает женщину, а после ласки, поцелуи. Когда стали показывать интимные эпизоды, Шахида пригнулась под стол.

— Давай только после еды. Или можно я одна посмотрю?

— Чего ты, подруга, как маленькая?! Это сейчас в каждом доме есть, — Зарема подняла голову Шахиды.

— Я так не могу! — запротестовала девушка и опять опустила голову под стол.

— Это к тому, чтобы ты не была шокирована, когда твой любимый станет такие вещи вытворять! Сейчас, правда, меньше, но совсем недавно эти диски в каждом киоске продавались. Вместо всякой ерунды по телику мамки и папки на ночь просмотры себе устраивают, это инструкция своего рода, — Зарема опять подняла голову Шахиды.

— Разве такое возможно?! — вымолвила девушка и зажмурила глаза.

— Возможно, дорогая! Ты же видела, как мы с Эдиком?!

— А это в кино! Судя по виду, по одежде, они же очень преуспевающие люди! Живут в таком особняке! И на тебе! Я не могу на это смотреть! Мне стыдно, стыдно перед тобой!

Зарема встала и выключила проигрыватель, а затем и телевизор. Она села на место.

— Пей чай! Значит, ты всё видела? Ладно. Никому не говори! Это интим!

— Да, это интим, — согласилась Шахида и подняла чашку. Не притронувшись к чаю, поставила её на стол. — Это же грязно!

— Не будь такой категоричной! — прикрикнула Зарема.

Когда Шахида уходила, Зарема остановила её на пороге и пристально посмотрела в глаза:

— Я же тебе немало хорошего делала?

— Да, Зарема!

— Смотри, дорогая, никому ни слова про нас с Эдиком!

— Конечно, Зарема! Я никому не скажу о том, что вы встречаетесь!

— Я про другое. Ты поняла, о чём я? Дай слово!

— Я никому! Даю слово!

Шахида ушла от подруги, чувствуя себя изменённой. Всё время, как она вернулась из города, ей не давали покоя

отношения с Русланом. То, что он заставлял её делать силой, казалось, сломало её бесповоротно. Как червь точили эти воспоминания. Она чувствовала себя уничтоженной, ничтожеством, другого выхода, как суицид, не видела. Только молодость и какая-то душевная сила удерживали её. После увиденного у Заремы ей стало легко. Как будто с неё упала непосильная тяжесть. «Оказывается, это делают вполне нормальные люди. Это интим! Это интим! Люди же не могут рассказывать, как они спят с жёнами», — повторяя для себя одно и то же, она нашла окончательное спасительное утешение.

Возвращение на круги своя

Через неделю, когда Зарема собралась ехать в город для сдачи товара, родители неожиданно привезли её больного сына. Сами отец и мать должны были идти поздравить с юбилеем брата отца. У мальчика был обильный насморк и высокая температура, он непрерывно кашлял.

У Эдика в этот день тоже возникли осложнения. Он работал мастером на аульском участке газоснабжения, но имел пай земли и в этом году думал посадить картофель. Дело выгодное. Он взял кредит, купил семена, а теперь ему нужны были удобрения. До этого он договорился на химическом складе, что ему продадут несколько мешков. Он поехал за ними в райцентр и думал быстро обернуться, чтобы помочь и Зареме. Однако завскладом отсутствовал, должен был вернуться на работу через пару часов. Удобрения были очень нужны, и поездка с Заремой могла сорваться. Эдик в замешательстве стоял возле своей машины на трассе напротив склада. Вдруг возле него остановилась синяя «Нива», из машины вышел Кемал в своём стального цвета костюме и при галстукке. Друзья обрадовались встрече, обнялись. Кемал работал в районной администрации, в землеустроительном отделе. Как раз в это время он выезжал в управление, которое находилось в городе.

— А ты не мог бы Зарему отвезти в город и привезти назад? Я ей обещал сегодня поехать, она ждёт, а тут, как

назло, завскладом должен приехать только через пару часов! Не мог бы ты выручить? — спросил безнадёжно Эдик.

— Если доверяешь мне свою несравненную, то я могу подвезти. У меня там, в управлении, пара дел. Надо отчёт отдать и кое-какие бумаги забрать, — согласно проговорил Кемал.

— А ей в быткомбинат товар сдать — и все дела! — обрадовался Эдик.

Так молодые люди и договорились. В город всё равно надо было ехать через аул. Кемал заехал к дому Зарема.

— А что с Эдиком? — удивилась Зарема, когда Кемал объяснил, что отвезёт её вместо него.

— Твой друг перевёл рельсы. Как обычно.

Зарема стала соображать. Её мальчик был болен, его нельзя было оставлять одного. Поэтому она решила послать Шахиду. Сев в машину, они поехали к ней. Кемал даже обрадовался такому обороту, он его больше устраивал.

— Слушай, Зарема, твоя Шахида хорошенькая! Как она насчёт того? — спросил он.

— Ты говори конкретно, насчёт чего?

— Погуливает она? — требуя ответа, он настырно посмотрел на Зарему.

— Откуда я знаю! Я что, справочное бюро?

— Я насчёт того, она с прошлым или как?

— Я откуда знаю. Кажется, доступная! — неопределённо сказала Зарема.

— Я об этом. Ты меня поняла, — обрадовался Кемал.

— Я ничего не сказала! Ты осторожно, не насильничай.

— Я только по согласию. Это мой принцип.

Когда доехали до дома, Зарема побежала во двор. Шахиду долго уговаривать не пришлось. Она стала быстро упаковывать товар.

— Я свои свитера тоже возьму? — спросила она.

— Конечно, бери! Я заказчику скажу, чтобы и твои купил.

— Как мне одеться?

— Как, как? Всё же с кавалером едешь! Он тобой интересовался!

— Я почти два года в городе не была. Что же мне надеть?

— Надевай самое лучшее! Как будто у тебя выбор есть! В машине тепло. Надень свой розовый джемпер и чёрную

юбку. Сапоги у тебя плохие, обуи туфли. Ну, как в прошлый раз, когда на Восьмое Марта сидели у меня. Он тебя такой запомнил.

— Я о нём не думаю. Я о работе беспокоюсь.

— О работе чего беспокоится, можешь и в трико поехать.

Шахида стала надевать то, что на ней было в день праздника. В это время Кемал с пустым пластмассовым бачком зашёл во двор. Он почему-то сразу направился к летней кухне. Навстречу ему вышла Ання в засаленном халате с грязными руками: в это время она чистила от перьев зарезанную курицу. Увидев парня, она застыла на месте, как будто ударенная электрическим током. Ання с удивлением посмотрела на молодого человека.

— Мне бы чистой воды! А то бачок пустой. В дороге вода нужна бывает! — сказал Кемал знакомым Ання голосом со знакомой интонацией.

Ання вытаращила глаза и безмолвно показала рукой на проведённый во двор водопроводный кран. Парень понял и важно зашагал к крану. Ання поразилась и осанке, и походке парня. Она посмотрела на свой неопрятный вид. Поняв, что так нельзя выглядеть перед гостем, зашла обратно в кухню, отряхнула руки и поверх домашнего халата надела другой, тот, в котором иногда выходила на улицу. И вышла из кухни. Молодой человек, наполнив бачок водой, закрутил крышку и бесцеремонно направился к калитке. В это же время из дома вышли Зарема с Шахидой.

— Здравствуйте! — сказала Зарема, неся полиэтиленовый мешок, туго набитый товаром.

— Здравствуйте, — недоуменно ответила Ання.

— Мама, я в город. Надо товар отвезти.

— Хорошо! Только я не пойму, это кто? Который заходил?

— Это Кемал. Мой знакомый. Он согласился помочь, — сказала Зарема.

— Откуда он?

— Он в райцентре работает, — ответила Зарема.

— Тебе какая разница? — проговорила дочь, опуская свой мешок на землю, чтобы переложить в другую руку.

— И ты едешь? — спросила Ання у Заремы.

— Я нет. Мальчик мой заболел: температура, сильно кашляет, я с ним остаюсь. Пусть Шахида едет. Я думаю, что и она сможет работать у нашего заказчика, я обязательно уговорю его.

— Тогда хорошо, — сказала Ання, пропуская вперёд дочь и гостью.

Она пошла за ними и остановилась возле ворот. Приоткрыв калитку, не показывая себя, она стала смотреть, как Зарема и дочь укладывали мешки в машину.

— Что это со мной? Обозналась, конечно? — когда они уехали, сказала она сама себе, но успокоиться не могла.

Подъехав к дому Заремы, они забрали мешок и оттуда. Уложив его в машину, Зарема заговорщически посмотрела на подругу и негромко спросила:

— Может, замутите с ним? Он мужик культурный, не наглец, как некоторые.

— Что ты, Зарема! Мне бы выжить в данный момент! — ответила Шахида.

— Это правда! Я согласна с этим. За красоту надо платить! — сказала та громко, чтобы слышал водитель, а сама игриво усадила подругу на переднее сиденье.

— Она меня не так поняла! — вырвалось у Шахиды, которой показалось, что Кемал понял их разговор.

Но Кемал ничего не расслышал.

— Слава Аллаху! — облегчённо вздохнул он. — Мне надо в управление успеть. Кажется, успеваем? — он вопросительно посмотрел на девушку и тронулся с места.

Шахида ничего не ответила. От молодого человека исходил густой запах парфюма. Она, не поворачивая головы, исподтишка оглядела его.

— Тот раз отключилась. Мы можем сегодня наверстать! — сказал он.

Девушка говорить о таком не умела, но намёк поняла и решила, что лучше будет оставить его без ответа. Кемал увеличил скорость и, отводя руку от рычага коробки передач, нечаянно коснулся её колена. Шахида растерялась. Он сделал движение, что отряхивает от пыли юбку, коснулся её и оставил руку выше колена. Девушка вспомнила слова матери насчёт того, чтобы она никогда не давала прикоснуться к себе незнакомому человеку, поэтому она оторвала руку парня и откинула в сторону. Могла это сделать резче, как советовала мать, но у неё не хватило смелости. От поездки зависело всё её будущее, она думала о предстоящей встрече с заказчиком. Молодой человек оценил мягкость действий попутчицы по-своему.

— Сегодня оттянемся! — самоуверенно сказал он, заглядывая в глаза, чтобы получить ответ.

— Вы бы за дорогой смотрели! А то оттянетесь на трассе! Я же вас совсем не знаю, можно было бы и повежливее себя вести.

— Ого! Оказывается, есть альтернативное мнение. Слушаюсь, начальник, буду следить за дорогой! Только давай на «ты». Меня Кемал зовут, если ты забыла!

— Я не забыла.

— Меня зовут Кемал, мне двадцать семь лет, работаю в администрации района. Семейное положение?

— Я знаю, что ты женат, имеешь детей. Кемал замолчал, хмыкнул и решил сменить тему.

— Говорят, что ты на войне была в Чечне?

— Это враки! — засмеялась Шахида. — Это младшая сестра придумала легенду, когда я заболела.

— Превосходная шутка! Говорят, что ты была в специальном ногойском батальоне. Я и не знал, что таковой есть!

— И я не знаю, — рассмеялась ещё пуще девушка. — И что ещё говорят?

— Что у тебя был жених, и его убили, а тебя хотели выдать замуж за другого боевика, а ты не захотела и сбежала к нашим!

— Кто-то очень позаботился обо мне! Зачем столько фантазировать? Я, бедная, за пределами города не была.

— А что это сестра такую легенду придумала?

— Не знаю. Может, хотела, чтобы на неё внимание обратили. Может, по-своему хотела объяснить мою болезнь?

— А чем ты болела?

— Ничем, — замолчала Шахида.

— Ты красивая! Я думаю, что у тебя кто-то есть! — Он опять потянулся рукой к её колену.

Она опять откинула руку, слова Кемала поняла, но не знала, как на них отвечать. Нахмурившись, сказала:

— Смотрите за дорогой.

— Опять на вы? — недовольно проговорил водитель и стал молчать.

Шахиде представилась возможность осмыслить, что сегодня произошло. Она думала о том, как интересно сложилась эта поездка. Она мечтала познакомиться с заказчиком.

Это знакомство открывало верный путь к существованию. В ауле, да и во всей округе не было работы. Иногда требовались бухгалтеря, медработники, педагоги, операторы для работы на компьютере, продавцы. Но у неё не было никакой специальности, кроме того, было известно, что на эти специальности попадают по блату, устраивают родственники, любовники. Она была благодарна Зареме. После того, как она стала случайной свидетельницей её интимных отношений, подруга всячески льстила, увивалась за ней. На днях даже специально пришла домой и сказала, что будет содействовать, чтобы она работала напрямую у заказчика.

— Мы с тобой друзья. Чем сидеть без дела, бери и вяжи свитера и шапочки. Сейчас Вилен деньги даёт до реализации. Регулярно! Если сама о себе не позаботишься, дорогая, о тебе никто не позаботится. Сидеть на шее родителей — дело гиблое! Тебе, молодой девушке, нужна независимость. Для этого надо заработать деньги, купить себе домик, обставиться и жить спокойно! Это аульское рабство засосёт тебя со всеми потрохами! — Она пришла, чтобы только это сказать.

Шахида с трудом верила, что такое может произойти. Однако, по стечению обстоятельств, это могло осуществиться сегодня. Когда подъезжали к городу, Кемал неожиданно нагнулся и поцеловал её в щёку. Шахида не отреагировала, ей не хотелось вступать в конфликт с ним, она боялась, что не доедет до места назначения. Она лишь улыбнулась, и вытерла ладонью лицо. Парень подобострастно посмотрел на неё и настойчиво сказал:

— Слушай, давай, как завершим дела, снимем номер в гостинице. Там сдают номер на час и более!

— Кемал, мне надо товар сдать и пряжу получить. Я сейчас думаю только об этом, — сдержанно проговорила она, не высказывая возмущения.

— Хорошо, красавица! У тебя всё получится!

Сначала заехали в управление. Кемал ушёл с бумагами. Шахида терпеливо ждала и молила бога, чтобы сегодня всё у неё сбылось. Кемал вернулся через час. Сразу поехали к «Дому быта». Машина заехала прямо во двор и остановилась возле ступенек. Выйдя из здания, их встретил Вилен в жёлтой модной дублёнке. Стройный, смуглолицый, седоволосый с короткими черными усиками мужчина поглядел на часы и махнул рукой подъехавшей машине. Из машины вышла Шахида, поправляя юбку и джемпер.

— Я от Заремы. Товар привезла! — выразительно сказала девушка, стараясь понравиться.

Вилен с любопытством посмотрел на девушку.

— Собирался на обед, но надо задержаться. А что с Заремой?

— У неё ребёнок заболел, не смогла сегодня.

Из машины вышел и Кемал, он подошёл к мужчине, поздоровался с ним за руку. Вилен подошёл, чтобы поздороваться с Шахидой. Он взял её руку и, нагнувшись, поцеловал два раза кончики пальцев:

— Очень рад вашему прибытию!

— Здравствуйте! Я работаю с Заремой, — как можно бодрее сказала она.

— Я собирался уходить, но ради вас надо вернуться. — Мужчина указал путь к двери.

— Вы делайте свои дела, мы можем подождать, — извиняясь, проговорила Шахида.

— Ещё чего?! Я не могу позволить вам томиться в ожидании.

— Занесём товар? — сказала Шахида Кемалу, а сама пошла к задней двери «Нивы».

Кемал открыл заднюю дверцу и вытащил два больших полиэтиленовых мешка, туго набитых товаром. Третий мешок хотела поднять Шахида, но Вилен отстранил её.

— Хорошенькие девочки тяжести не носят! — сказал он, улыбаясь девушке в лицо.

— Это наши обязанности, — Шахида хотела настоять на своём.

— Прошу не возражать, — тихо проговорил Вилен, вздвув ноздри длинного носа, шевельнул усами и задержал взгляд чёрных глаз на девушке.

Кемал понёс поклажу к открытой двери. Вилен поднял мешок.

— Вы всегда так? — неопределённо спросила Шахида.

— Я знаю, что делаю! — цокнул языком мужчина.

Они занесли мешки. Кемал ушёл. Вилен аккуратно пересчитал продукцию, записал в тетрадке. Шахида стала аккуратно укладывать продукцию обратно. Оставив в стороне свитера, связанные самостоятельно, разостлала один из них на столе.

— Это я делала! — сказала она и вопросительно посмотрела на Вилену.

— Все? — мужчина показал рукой на не уложенные свитера.

— Да. Моих двадцать.

— Это же надо отдельно записать, — он взял тетрадку и стал записывать.

— Вы посмотрите, у меня своя машинка, — сказала Шахида, показывая на разостланный свитер.

Мужчина внимательно рассмотрел его и утвердительно мотнул головой.

— Ну как? — нетерпеливо спросила Шахида.

— Прекрасно! — он с восхищением посмотрел на девушку. — Ты можешь всё самостоятельно делать!

— Я могу у вас работать?! — обрадовалась Шахида.

— Можешь! Как тебя зовут, чудо ты моё? — спросил Вилен, по-отцовски умиляясь.

— Меня Шахидой. А по паспорту Самантой. Вам нужен мой паспорт?

— Родненькая, мы любим без паспортов. Товар — деньги! Деньги — товар! За эти свитера, — он показал лежащий на столе, — я тебе дам пряжу. Вяжи, хорошо вяжи! Следующий раз деньгами заплатим!

— Я согласна. Мне одной приехать?

— Желательно, но не обязательно! Сработаемся — приезжай сама за нитками. Если подружимся, я могу и сам отвезти!

— Зачем вам утруждать себя. Я могу с кем-нибудь, например, с Кемалом, с которым приехала сегодня.

— Давай без Кемала, я тебе подскажу, что делать. — Вилен подмигнул.

Шахида, не отводя взгляда, без смущения проговорила:

— Лишь бы я работала. Я на всё согласна!

Вилену ответ понравился.

— Будешь работать. Ты мне нравишься! Ты фантастически красивая! Только слушайся меня. И давай без «ты», зови меня Вилен.

Шахида поняла намёк, но смущения не выдала. Вилен, хотя был старше, под пятьдесят, выглядел импозантно. Она осторожно оглядела его. На нём была темно-коричневая кашемировая кофта, из разреза на груди выглядывала голубенького цвета сорочка, новые брюки были аккуратно выглажены, туфли до блеска начищены. На пальце правой руки бле-

стел крупных размеров золотой перстень, он его часто потирал о рукав кофты.

Их разговор оборвал зашедший в приёмную Кемал.

— Ну что, всё? Надо ехать! — сказал он.

— Нет! Ещё надо нитки отпустить и передать Зареме деньги, — ответил Вилен.

Они стали торопиться.

Когда машина отъезжала, Вилен стоял на ступеньках и мечтательно смотрел на сидящую в машине Шахиду. На прощание он отправил ей воздушный поцелуй.

— Какие-то педерастические жесты! — зло выругался Кемал, разворачивая машину.

Он остановил машину возле гостиницы:

— Пошли! — сказал он.

В эйфории от происшедшего в здании Дома быта она послушно пошла за ним. В гостиницу они вошли вместе.

— Стой! Жди здесь, — сказал Кемал и пошёл к регистратуре. Шахида осталась ждать его. Она с интересом разглядывала фойе: свисающие большие люстры, бархатные шторы на окнах и постеленные на пол красные ковровые дорожки. В глубине фойе на кресле сидела женщина в чёрном кожаном костюме и чёрных лакированных сапогах. На голове у неё были зализанные чёрные крашенные волосы, белое лицо блестело от крема. Под глазами выделялись фиолетовые тени, бросались в глаза нарисованные чёрной краской брови. Увидев Шахиду, она вытянула напомаженные губы в её сторону и пристально посмотрела. Девушка совсем удивилась, когда женщина подошла к ней. Она, вперив в девушку отдающие блеском синие глаза, спросила:

— Ты работаешь?

— Почему вы так спрашиваете?

— Мне интересно!

— Ещё нет, но вроде договорилась с хозяином.

— Он хозяин? — кивнула она на разговаривающего с дежурным Кемала.

— Нет. Это друг, — улыбнулась Шахида.

— Смотри сама! Я бы могла тебя взять на работу к себе!

— А что делать?

— Чего спрашиваешь? Как и все. Будешь получать удовольствие и деньги за это. Подумай! — она оборвала разговор, так как в это время вернулся Кемал, и ушла.

Кемал посмотрел в сторону уходящей женщины:

— Что ей надо?

— Не знаю, — ответила Шахида, хотя и догадывалась, что нужно было от неё.

— Не дают номер на час, даже на полдня не дают. Говорят, что надо платить за сутки! — Кемал требовательно посмотрел на девушку.

— А чего ты меня завёл сюда?! Как будто я тебе согласие дала! Поехали домой! — сказала она, сама удивляясь своему резкому ответу. Она давно так ни с кем не разговаривала. Но сразу же погасила внутри задор и быстро приняла кроткий вид.

Они уехали. Вскоре выехали из города. По дороге Кемал остановил машину, попытался поцеловать девушку, но она ловко отворачивалась от него. Он стал трогать ей грудь. Она отвела его руки и стала придерживать его порывы.

— Я и сам в машине не хочу. Не комфортно. Давай я что-нибудь придумаю в субботу. Может, хату попрошу у друга?

Шахида промолчала. Девичья гордость её была сломлена. Она знала, что у неё для выживания один способ: идти на компромисс и быть терпеливой.

Зарема встретила их настороженно. Она сначала внимательно разглядела Шахиду, затем пытливо посмотрела на Кемала.

— Ну что, привезли пряжу?

— И тебе, и мне. А ещё тебе деньги! — похвасталась Шахида.

— А ты доволен? — спросила у Кемала Зарема.

— Я успел документы отдать. И вам, вроде, помог. Всё остальное дело наживное, — он самодовольно поглядел на их обеих. — Может, на днях какой-нибудь гай-гуй организуем?

— Пожалуйста, я готова. И Эдик придёт. Слушай! — она повернулась к Шахиде. — После вашего отъезда мать твоя приходила. Прямо возбуждённая была!

— Чего это она? Она редко из дому выходит!

— Я тоже была удивлена. Про Кемала спросила: кто он, где работает, где живёт?

— Зачем я ей нужен? — засмеялся Кемал.

— Так я тоже о том. Я ей не сказала, что ты женат, детей имеешь. Она об этом и без меня узнает. Я сказала, что ты из

соседнего аула, работаешь в районной администрации. А она глубже копает. Ей нужно знать, кто отец твой. Я удивилась. Сказала, он работал управляющим у нас в совхозе. Она села на скамейку и в небо, вон туда, — Зарема показала на открытое пространство между яблонями, — смотрит и молчит. Я её в дом приглашаю. Она молчит. Тогда пошла принесла ей стакан сока. Пейте, говорю, — а она молчит. — Хозяйка дома умолкла.

— Что ты прямо мистическую историю рассказываешь? А что потом? — спросил Кемал.

— Ушла. Я так и не поняла, зачем она приходила? Может, она о тебе подумала, что ты потенциальный жених? А, Шахида?

— Тут что-то не так! Я узнаю, — сказала девушка.

Кемал уехал, сказав, что связь будет держать через Эдика. Подруги сели на скамейку.

— Ты, вижу, красавица, чересчур довольна. Получилось с Кемалом?

— Что у нас может получиться?

— Ты не притворяйся! Он юбку не пропустит.

— Для меня главное было работа, твоё поручение.

— Ну, что там Вилен?

— Привет передал. Сказал, что скоро сам заедет.

— О-го! Что-то он к нам давно не приезжал! Это уже интересно!

— Он посмотрел мои свитера. Как ты сказала, он не против, чтобы я самостоятельно делала заказ.

У Заремы ёкнуло сердце, но свою реакцию она попробовала скрыть. Погладила свой лоб и сказала:

— Посмотрим, посмотрим. Больше он ничего не предлагал?

Шахида сделала вид, что смутилась. Вопрос она поняла и поэтому тихо произнесла:

— Он же старый. Чего ради он мне должен предлагать?

— Старый конь борозды не испортит. Он не отстанет. Поэтому его в аул и потянуло.

— Что ему, городских не хватает? Вон сколько там женщин! — удивилась Шахида.

— Пойди разберись с этими мужиками. А Вилен — это особый случай. Поживём — увидим.

Придя домой, Шахида сказала матери, что теперь будет работать самостоятельно.

— Ну и правильно! Зачем тебе на эту худобу ишачить?! Хватит! — сказала мать.

— Мама, почему ты невзлюбила Зарему? Она мне столько добра сделала! — спросила дочь.

— Ты бы тоже делала, если бы была возможность. Я к тому, что свою жизнь каждый делает сам, защищает собственное счастье. Сказок не бывает. Не надейся, никакая тётя тебя не защитит. Ей нужно было, поэтому она помогала. Ты была ей нужна! Теперь работай на себя. Деньги копи, одевайся. Твою сестру на ноги поставим, потом и тебе поможем. Суженый для тебя всё равно найдётся. Терпи и жди! Главное, ум свой не теряй!

— Мама, а чего это ты к Зареме сегодня ходила, расспросы вела?

Анния сразу стала чрезмерно серьёзной и задумчиво спросила:

— Кто этот парень, который тебя в город подвозил?

— Знакомый Заремы. В районной администрации работает.

— А чего это он к Зареме тянется? Небось, женатый?

— Женатый, и дети есть.

— А ей, потаскухе, всё равно. То с Сарыгыз сыном, то с ним, что ли?

— Нет, мама! Нет у неё никаких отношений с ним!

— Значит, к тебе подбирается! Смотри у меня, ни шагу к нему! И он пусть тебя на расстоянии обходит!

— Мама, он же пригодился, когда бы я ещё Дом быта увидела?! Я не собираюсь общаться с женатым!

— Не смей! Аллаха бойся! Пусть к тебе не подходит! Своими руками порву! — глаза у Аннии горели, голова судорожно дёргалась.

Шахида редко видела такой свою мать, — это был какой-то яростный гнев. Чтобы не портить себе настроение, девушка пошла в дом.

Через день, в субботу, синяя «Нива» подъехала ко двору. Анния увидела в окно машину и, когда из неё вышел одетый в зелёный спортивный костюм и белые кроссовки Кемал, она открыла калитку и собой закрыла проход.

— Здравствуйте! Мне бы Шахиду!

— Зачем она тебе?!

— Мы договорились.

— О чём?! У тебя семья, дети! Сидел бы дома! И не совался бы в наши дела! Мы тут на ноги не можем стать, а ещё о тебе думать!

Молодой человек двумя руками схватился за голову.

— Я ей нужен, а не она мне! — посмотрев на неё зло, сказал он.

— Вот и хорошо. Не трогай нашего ребёнка!

— Ради Аллаха! — выдавив из себя, Кемал сел в машину и включил двигатель.

Анния с угрожающим видом провожала машину. Видимо, чтобы Кемал запомнил её грозный вид. И похоже, парень запомнил. Больше он о Шахиде не заикался и не искал с ней встреч.

Анния в тот же вечер, когда отшла молодого человека, не находя покоя, зашла в дом. Сперва посмотрела на спящую в зале младшую дочь, после зашла в комнату, где спала Шахида. Анния не говорила ей о приезде Кемала, всё откладывала на вечер, но и вечером не решилась. Она не могла признаться, что это был сын её любовника. В сознании у неё почему-то витала догадка, что её дочь и Кемал по отцу родные брат и сестра. Эта мысль преследовала её с момента появления у них сына Юсуфа, хотя женщина была твёрдо уверена, что это не так. Она подошла к спящей на боку дочери, положила руку ей на плечо и еле слышно сказала:

— Плохое осталось позади. Всё у тебя будет хорошо, роденькая!

VI

Наследие вождя пролетариата

Через неделю на чёрном БМВ приехал Вилен. Он, прогнав несколько раз, вышел из машины. На нём был костюм бежевого цвета, белоснежная сорочка, на ногах лакированные чёрные туфли. Из калитки вышла Анния, одетая в красно-зелёный халат с закатанными до локтей рукавами, на голове её была повязана домашняя выцветшая косынка. При

виде ярко одетого мужчины она, протерев ладонями лицо, удивлённо оглядела его. Вгляделась в облик: седые волосы, тонкие чёрные усики. Думая, что это артист, случайно попавший в аул, она тихо спросила:

— Вам кого?

— Уважаемая, мне нужна Шахида, — Вилен склонил голову в одну сторону и нарочито сузил губы.

— А вы кто? — спросила она, продолжая его осматривать.

— Я Вилен, — опять выпятил он сомкнутые губы.

— Это что, имя? Оно и не русское, и не наше!

— Вилен — это от ВИЛ, инициалов вождя пролетариата Владимира Ильича Ленина, — мужчина улыбнулся, сверкая зубами из жёлтого металла, и потёр перстень об рукав костюма.

— Во как! А вы на пролетариат и на Ленина не похожи!

Вилен манерно рассмеялся: пригнулся, сокращая рост, и сделал глубокомысленное выражение.

— Я к Шахиде, — сказал он.

— Вообще-то её Саманта зовут. Вы — начальник, наверное, паспорт смотрели? И ей всего двадцать лет, — чтобы округлить, она прибавила дочери год.

— Я на работу молодых беру. Они более энергичные.

— А-а! Очень приятно видеть у нас. Заходите. Дочь работает, — пропустив через калитку Вилену, она побежала в дом. Вскоре они вышли с Шахидой.

Вилен улыбнулся и, сверля девушку взглядом, произнёс:

— Шахиня, продукция готова?

— Конечно! Но меня люди зовут Шахидой, а не шахиней. Я не знаю, как вас по отчеству.

— Я же сказал, чтобы звали меня просто Виленом. А так по документам я Вилен Алибасович Сакаев. Мои родители из этих мест, но я родился в Закавказье, а затем родители переехали сюда, в город. Они были известны среди партийных работников. Мама работала в горкоме, отец был директором быткомбината дома быта. Вот я и пошёл по стопам отца. Вы знали Сакаевых? — спросил он у Анны.

Она отрицательно мотнула головой. Шахида сказала:

— Наверяд ли! Моя мама из дома редко выходит. Вилен Алибасович, я упаковала 10 свитеров и 20 шапочек. Этого не мало?

— Нет, дорогая! Как раз то, что надо. Мне надо их отвезти и сделать тебе одно поручение. Ты одевайся.

— Владимир Ильич, заходите в дом, — сделав радушное выражение, Ання позвала гостя.

— Мама, он же сказал, что его зовут Вилен Алибасович! — одёрнула дочь свою мать.

— До твоего появления мы с ним разговаривали. Он сказал, что имя Вилен означает инициалы Владимира Ильича Ленина. Самого вождя мирового пролетариата! Так что не спорь!

— Поэтому, — перебил мужчина, — зовите меня просто Виленом. В этом имени и имя, и отчество, и фамилия есть. Всё в одном бокале!

— Во! — воскликнула Ання. — В нашем доме Ленина никогда не было! И вот он появился!

— Мама, я смотрю, тебе весело! У нас дома никого не было! Нечего показывать! — проговорила Шахида, пропуская в дом гостя.

Вилен осмотрелся. В большой комнате, которая считалась залом, было две кровати, возле окна находился стол со старым телевизором. Ання принесла деревянный стул со спинкой и поставила для гостя.

— Ничего, Шахида. Работа наладится, заработаешь денег, купишь мебель, обставишься, — он сел на стул.

В коридоре послышались шаги Информации. Ання тотчас вышла из зала.

— Иди к себе в мастерскую. К нам важный человек приехал. Директор дочери. — Ання вытолкала из дома мужа и быстро вернулась.

— Я быстро соберусь, — сказала девушка и пошла в свою комнату.

— Вы, Вилен Алибасович, может, чай будете? — спросила Ання.

— Нет! Я только пообедал. Надо ехать! Мы в город. Туда и обратно, — сказал, улыбаясь, Вилен.

— Надо так надо, — сказала Ання.

Шахида из своей комнаты вытащила два полиэтиленовых мешка. Мать тотчас взяла их в руки.

— Я сейчас переоденусь, — сказала Шахида и вернулась в комнату.

Мать с мешками пропустила Вилену, и они вышли из дома. Ання уложила мешки в багажник, затем благодарно посмотрела на мужчину:

— Слава Аллаху! Бедная девочка работу нашла. С работой страшное творится. Нигде ничего! Не ехать же на Север одной? Да и там найдётся ли она?! Вашу доброту мы никогда не забудем!

— Уважаемая, есть возможность — помогаем, — Вилен оглядел женщину. Улыбнулся. Жестом выразил удовлетворение.

— У вас семья в городе? Дети, наверное, большие?

— Не беспокойтесь. Я холостой. Был в молодости женат.

Анния улыбнулась в ответ и откровенно лукаво посмотрела в глаза Вилену:

— Я сейчас неопрятно одета, но я ради дочери на всё готова.

— Обращайся ко мне на «ты», — сказал Вилен.

— Вилен, какого ты года рождения? Мне кажется, что ты старше меня!

— Зачем такой разговор, уважаемая? Я всё делаю безвозмездно, — он опять изобразил улыбку.

— Ладно, спасибо, добрый человек! Спасибо, что помогаешь нам!

— Людям надо помогать. Бог воздаёт за это! — Вилен высокомерно посмотрел на неё.

— Не обижайтесь! Разное в голову приходит.

Вышла Шахида в розовом джемпере и черной юбке, вопросительно посмотрела на Вилену, чтобы он оценил её вид. Вилен кивнул головой.

— Ты бы плащ взяла, погода может измениться, — сказала Анния.

— Мы же в машине поедem, зачем плащ? — проговорил Вилен.

Шахида кивнула матери, подтверждая, что она права, и подошла, чтобы открыть переднюю дверцу.

— Ты сзади садись! Увидят люди Владимира Ильича с такой нарядной девицей и заподозрят недоброе. Тебя весь аул разглядывать начнёт, небылицы станут рассказывать, — поспешила поправить дочь Анния.

— Пусть садится вперёд. Нам будет веселее ехать. А насчёт разговоров не беспокойтесь, я их не боюсь, — сказал Вилен, показывая на переднюю дверцу.

— Тебе что? А тут весь аул пялиться будет. Скажут ещё, с агентом иностранной разведки едет. И так, как хотят, так и будут измываться! — сказала Ання, дёргая девушку и показывая на заднюю дверцу.

Шахида села назад. Когда выехали из аула, Вилен остановил машину и попросил девушку пересесть на переднее сиденье. Шахида охотно пересела вперёд. Девушка предчувствовала, что предстоит. Она осторожно наблюдала за действиями мужчины. Вилен смотрел на неё с вожделением, несколько раз коснулся её бока и даже извинился за свою дерзость. Он не останавливал машину, всё ему легко удавалось: держал руку на руле и за дорогой успевал следить. Машин на трассе было мало. Вилен сделал вид, что ему невтерпёж, взял её ладонь и лёгкими прикосновениями, растягивая удовольствие, стал целовать каждый палец.

— Вы бы на дорогу смотрели! — вскрикнула она, но руку не отвела.

Долгое время водитель держал за руку попутчицу. У неё было время подумать над тем, где она останется в городе и как вернётся домой. Она отвела свою руку к себе.

— У меня в городе никого нет. Я могу вернуться и на маршрутке! — сказала она.

— Не беспокойся, милая! Я сам привезу. У меня же и водитель есть.

Вилен завёз её в город, в свою приёмную. В Доме быта расхаживала пожилая женщина в синем халате, видимо, уборщица. В приёмной сидел сухощавый пожилой водитель.

— Придёшь через пару часов, — сказал он водителю и впустил Шахиду в приёмную.

Там он закрыл дверь на ключ и задвинул занавески на окнах. И сразу с юношеским пылом стал целовать и раздевать девушку. Она охотно поддалась. Оставшись в комбинации, она с удивлением смотрела на него. Впервые в жизни она подвергалась столь хладнокровному ухаживанию. И с Ромой, и с Русланом всё проходило спонтанно, она и не помнила, как это с ними происходило. Вилен разделся и сам. Вытащил домашние тапочки и для неё, и для себя. Она надела тапочки и не знала, куда усесться. Вилен сначала усадил её на своё кресло, предупредительно погладив по плечу,

затем достал из шкафа и постелил на кожаный диван простынь. После извлёк из сейфа бутылку коньяка с коробкой конфет и поставил на рабочий стол. Сам уселся с краю, взял стаканчики, стоящие возле графина с водой, и разлил в них коньяк.

— Моя шахиня, я хочу выпить за тебя! — произнеся это, он одним махом опрокинул в себя коньяк. И, быстро взяв из коробки конфету, стал её нюхать.

— Мне пить не обязательно, я могу и так, — сказал Шахида.

— Нет, ты выпей! Выпей за мой тост! — настоял мужчина.

Шахида выпила. Вилен протянул прямо к губам конфету, она откусила. Когда она пришла в себя, он стал её целовать в губы, шею, груди. После опять разлил коньяк по стаканчикам:

— Теперь ты скажи тост, драгоценная шахиня!

— Я выпью за вас, Вилен Алибасович! За вашу доброту!

— Я же сказал, что без отчества! — Он чокнулся стаканчиком и дождался, пока она выпьет.

Опять угостил конфетой. Затем он уложил её на диван. Шахида повиновалась и ждала кульминационного момента. Она была уверена, что делает своё будущее. Вилен стал разглядывать её и гладить тело, попеременно сопровождая это поцелуями. Чрезмерные ласки превзошли все ожидания девушки, она хотела оттолкнуть его от себя. Но Вилен остановился сам.

— Надеюсь, что ты не девушка? — спросил он.

Шахида промолчала.

— Если ты девственница, то я не доставлю тебе боли! — он посмотрел в её глаза.

Шахида не знала, что ответить. Вдруг он сел и устало посмотрел на неё:

— Ударь меня, старого негодяя! — Он поднял её руку и шлёпнул ею себя по плечу.

— Что вы?! — девушка испугалась и хотела отобрать свою руку.

— Бей! — закричал Вилен и опять стал шлёпать себя её рукой.

— Не надо! — хотела оторвать руку Шахида.

— Бей! Бей! — он кричал и бил себя её рукой.

Шахида подчинилась, руки её стали как плети. Затем он, схватив руку, стал целовать её ладонь. Девушка почувствовала слёзы и рыдания, она испугалась. Он уткнулся в её колени и стал, поскуливая, рыдать. Девушка ничего не поняла. Всё для неё было очень необычно. Вдруг он остановился, встал и, протерев лицо углом простыни, стал одеваться.

— Что-то не так? — тихо спросила Шахида.

— Нет, милая шахиня! Всё так! Всё так! Надо было меня побить! Тогда я буду знать, что ты меня любишь: от ненависти до любви один шаг, — проговорил Вилен, затягивая ремень.

— Вы меня напугали! Мне одеться?

— Да, милая! Ты прекрасна!

Шахида оделась. Они пересчитали продукцию. Вилен убрал коньяк и конфеты в сейф, оттуда вытащил деньги.

— Это тебе, — за эту работу и за удовольствие, которое ты мне доставила.

Шахида посмотрела на сложенные тысячные купюры:

— Три тысячи — это много! Я столько не заработала же! — удивлённо спросила она.

— Заработала! Только делай, как я скажу! — ответил он.

— Милая, я или мой водитель приедет за тобой через десять дней. Ты к тому времени сделаешь свитера?

— Да, конечно, — обрадовалась Шахида. Она так боялась, что их отношения прекратились, не начавшись. — У меня пряжа осталась. Я сделаю больше, чем в этот раз.

— Прекрасно! Ты мне нравишься — это главное! С работой мы наладили. И отношения у нас хорошо складываются. Пока у нас они есть, я прошу, чтобы ты ни с кем не была!

— Конечно, Вилен! Я никому не расскажу.

— Я не об этом! Это само собой разумеется: никому ни слова! И чтобы ты, кроме меня, ни с кем не была!

— Конечно, я вам буду верна!

— Ты моя радость! Как не любить такую!

Эти слова успокоили девушку. Её отвозил водитель на другой машине. Ехали молча. Шахида не могла понять, всё ли правильно у неё получилось. Она хотела по пути сойти у Заремы, но после решила до поры до времени о начавшихся отношениях подруге не говорить.

Старое, вымирающее к тому времени поколение в городе хорошо знало родителей Вилены. Отец Алибаса Сакаева был

уроженцем аула, где жили Кельдиевы. Но отца никто не помнил. Он вынужденно покинул аул ещё во время коллективизации. Алибас вырос в Средней Азии. В послевоенные годы он там же нашёл землячку, — её родители были из соседнего аула, — женился на ней и уехал исполнять поручения партии. Работал в Средней Азии, затем служил в разных республиках Закавказья. Жена и единственный сын были всюду с ним. Затем Алибас с семьёй переехал на историческую родину. Мальчик Вилен пошёл в школу уже в родных местах.

И отец, и мать были на виду у горожан, считались надёжными коммунистами. Отец долгое время работал в облисполкоме, заведовал организационным отделом. Мать работала в горкоме КПСС. С самого возвращения связь с родными аулами они не поддерживали. Их знакомые по партийной работе даже считали, что они выходцы из Закавказья. А перед всеми, несмотря на ярко выраженные южные черты лица, они представляли русскими. Отец в документах значился как Алибас Ислам-Гиреевич, но все его неизменно называли Александром Киреевичем. Мать в паспорте была записана как Рабиат Исмаиловна, но называли её Раисой Иосифовной. Она происхождение скрывала и была очень популярна в партийном кругу. Её считали истинной патриоткой и беззаветно преданной «нашей любимой КПСС». Раиса Иосифовна долгие годы постоянно состояла в комиссии по приёму в члены партии. Тогда вступление в члены КПСС было строгой необходимостью. Без членства в партии возвышение, а тем более назначение на руководящую должность никак не могло состояться. Поэтому в партию старались вступить в молодости. В память кандидатов в членство, особенно из национальной среды, глубоко врезался образ коммунистки Сакаевой. Когда на заседании комиссии начинали сыпать вопросами, Раиса Иосифовна резко, как будто Анка-пулемётчица из засады, спрашивала: «Бог есть?!». Конечно, зная, что этот вопрос возникнет, заранее готовились, заранее настраивали себя на отрицание Всевышнего. Многие же терялись, не знали, как себя вести. Богохульствовать и некоторые русские, и рождённые казаками не могли. Представители национальных кадров легко говорили: «Бога нет!», но не тут-то было. Раиса Иосифовна хорошо проштудировала вопрос на языках всех живущих в данном регионе народов. «Аллах бар?» («Аллах есть?») — спрашивала она. «Аллах йок!» («Аллаха нет!») — не все могли

произнести, на родных языках это было чрезмерно кощунственное выражение. Неподобающе отвечающих, как не созревших для вступления, отправляли восвояси. Тут-то и начинались поиски путей решения проблемы. Никакими просьбами, дарами путь к сердцу Раисы Иосифовны найти было невозможно. Блат искали к сердцу Александра Киреевича. А он был великодушный человек. Любил юмор, не чурался застолий и от подношений отказывался редко. Когда представители высшего руководства вставали за своих неразумных родственничков, он выписывал фамилии кандидатов на специальных визитках, чтобы запомнила Раиса Иосифовна и не задавала свой убийственный вопрос на повторных заседаниях комиссии. Жена с большой неохотой исполняла наставления мужа.

Произошёл как-то один очень интересный случай. В среде руководящего состава о нём узнали, но распространяться не любили. Вообще среди партийных аппаратчиков недолюбливали болтливых людей. Сын одного жителя горного аула пытался стать членом партии, но оказался слишком самонадеянным. Не придавал значения важности комиссии, каверзных вопросов. И того, что могут возникнуть препятствия, явно не ожидал. У него даже до козырного вопроса не дошло. Он выдал самого себя одной фразой. «Ради Аллаха, не мучайте ни себя, ни меня излишними вопросами!» — сказал он сам, не предполагая, как опрометчиво поступает. Ладно, чтобы сказать: «Ради бога», — тогда бы всё свалили на просторечие, на фразеологию. «Этот молодой человек совершенно не дорос до нашей партии!» — категорически заявила Раиса Иосифовна. Она была старше и опытнее всех, заслуги её перед партией были неоспоримы. Так что спорить было бессмысленно. Молодой человек, начав трудовую деятельность в строительном тресте, стремился стать управляющим одного из ПМК, но провалился на какой-то чепухе. Кто бы мог подумать, что от безобидного слова можно не вступить в ряды желанной партии?! Его отец долгие годы работал председателем колхоза, всегда был при деньгах, а из-за последнего обстоятельства испытывал особое уважение не только простого народа, но больше всего руководства. Он был из крутых руководителей, которые многие вопросы решали сами. Не стал подключать занимающих высокие посты людей опять-таки из-за излишней самоуверенности, присущей

их роду. Хотя мог: один из высокопоставленных людей был ему родственником. Но он решил использовать свои эффективные методы, тем более, хорошо был наслышан о компанейском характере Александра Киреевича. Он навёл справки о происхождении Сакаевых, узнал их адрес. В одном из сельских клубов попросил на некоторое время черкески, папахи, башлыки. Вместе с друзьями они оделись в национальные одежды, украсили процессию разноцветными национальными флагами. С собой взяли пожаренного на вертеле молодого барашка, нарезки охлаждённой мамалыги, коробки с армянским коньяком, пакеты с фруктами. Но особая неотразимость заключалась в презенте, находившемся в инкрустированной коробке. Там был упакован старинный кинжал в серебряной оправе и два турьих рога, также обрамлённых серебром. Чтобы был особый эффект, посещение наметили за полночь. Во дворе обкомовского дома остановились легковые машины. Из них вышли люди в национальных одеждах. В сопровождении гармонистки и доулиста гости под лихую музыку поднялись на третий этаж и остановилась перед дверью Сакаевых. Когда стали звонить в дверь, чтобы особо подчеркнуть торжественность момента, начали плясать. Открылась дверь. Их встретил заспанный Александр Киреевич в полосатой пижаме. Гости толпой ввалились в квартиру и выложили угощения на кухне. Там отец неудачливого кандидата в члены КПСС раскрыл инкрустированную коробку:

— Это от Арсланчика! Примите дары от нашего Всемогущего творца! — произнёс гость.

Видимо, все поняли, что у хозяина квартиры нет к ним расположенности. Но дары были преподнесены, наживка с крючком достигла цели, действие должно было сыграть решающую роль. Поэтому после вручения ценного подарка все вместе покинули квартиру.

Говорят, инициатор этого беспрецедентного поступка, то есть, сам Арсланчик, был родственником того самого высокопоставленного человека, самого второго секретаря обкома КПСС. Саид Максutowич заправлял идеологией многонациональной области, являлся ярым борцом с пережитками прошлого, был грозой для религиозных деятелей. Борясь за нивелирование духовных отношений, утверждая прекрасные идеалы социализма, Саид Максutowич провёл ряд нашумевших пленумов,

где остро критиковались свадебные народные обычаи, давно забытая всеми кровавая месть, похоронная обрядность. В результате решения задач пленумов замеченные в лояльности к старой обрядности снимались с должностей, подвергались всеобщему осуждению. Саид Максutowич был главным в этом процессе, всячески поддерживался и сверху, и снизу. Он и позвал к себе Александра Киреевича.

— Каков молодец! Настоящий джигит! Не налюбуюсь на тебя! — явно с сарказмом сказал ему секретарь, когда тот явился по вызову.

Александр Киреевич понял, что разговор будет неприятным.

— Здравствуйте! — негромко проговорил он и сел на предложенный стул в образе очень виноватого, даже очень пострамлённого человека, признавая таким образом, что готов к любой критике со стороны его превосходительства.

— Ты хоть представляешь, что произошло? — с угрозой спросил секретарь, глядя в сторону окна. — Как можно было допускать подобное шествие? Считаешь, это демонстрация на центральной площади! Мы для видимости разрешаем одному-двум старикам ходить в национальных кафтанах на демонстрациях, а тут целый табор среди ночи такое устраивает в обкомовском доме! Наглость! Настоящие дикари! — заорал Саид Максutowич.

— Я полностью согласен с вами! — хладнокровно, как бывший офицер Красной Армии, отпарировал Александр Киреевич. — Раиса Иосифовна мгновенно вызвала милицию, незваные гости тотчас покинули нашу квартиру.

— Вот этого не надо было делать! — подхватил в прежнем тоне секретарь. Александр Киреевич сделал недоумённое лицо. — Неймётся этой большевичке! Нет, чтобы позвонить мне о чрезвычайном происшествии, мы же в соседних подъездах живём. Такой удар по нашей партийной организации! Мы же должны плотно стоять друг за друга! Не так ли, Александр Ислам-Гиреевич?!

— Извините, Саид Максutowич. Я Александр Киреевич.

— Я по паспорту, а не по партбилету, — хотя в паспорте было записано Алибас Ислам-Гиреевич, небрежно произнёс секретарь. — Ладно! Надо выявить причину возникновения конфликта. Но опять-таки всё упирается в вашу семью. Я прошу тебя: уйми ты Раису Иосифовну. Если этого не сдела-

ешь ты, то это сделаем мы. Исключим её из членов комиссии по приёму в члены партии. Чтобы она не задавала этих дурацких вопросов.

— Я ей всегда об этом говорю!

Саид Максутович чуть поник и задумчиво проговорил:

— Мы атеисты — это однозначно! Вопросов в этом плане нет. Однако в жизни происходит иначе. Особенно последнее время. Представляешь, кажется, в Челябинской области Героя Советского Союза отпевали в церкви. Произошло это по инициативе родственников и попа, но по недосмотру местного руководства. А вот то, что работник ЦК КПСС крестил в церкви своего внука, это непонятно! В союзных республиках, да и у нас на Северном Кавказе детям, внукам высокопоставленных партийцев врачи тайно делают обрезание в больницах! Объясняют, что с точки зрения медицины это способствует здоровью. Кстати, Александр Киреевич, извините меня за некорректность: ты сам-то обрезанный?

— В то время мои родители были тёмными людьми.

— Вот видишь! Твоя большевичка спит с обрезанным мужиком — это жизненная ситуация! И она под бога копает?! Пусть сидит и помалкивает. Я уже литературу видел, где физики, учёные доказывают, что бог есть! А эта дарвинская теория?! Что, ты в самом деле думаешь, что человек произошёл от обезьяны?

— Трудно ответить, Саид Максутович! — Александр Киреевич очень удивился, что и у второго секретаря возникают крамольные мысли.

— В том-то и дело, — подхватил секретарь обкома. — Есть такие, которые полагают, что человек произошёл от других животных. Собаку, свинью и даже змею называют. Александр Киреевич, а какое животное вам по душе?

— Трудно сказать! — проговорил Александр Киреевич.

— Ладно. Это другая история. Я никак не могу уразуметь: как дочери аульского муллы удалось вступить в члены КПСС? В те времена, когда вступала Раиса Иосифовна, невозможно было совершить подобное с таким происхождением. А это означает, что она скрыла данные своей биографии!

— Она, наверное, забыла. Мы были в Закавказье, а там не спрашивали, так как каждый второй был религиозный фанатик, там происхождение было не так принципиально. —

Он остановился, не желая продолжать развивать эту тему. Потом спросил: — Что-то мы всё вокруг да около?

— С Раисой Иосифовной, я думаю, понятно. Окажите на неё давление. Теперь к делу. Поговорим о подношениях. Вы же член обкома КПСС? — задав вопрос, секретарь подождал, пока собеседник кивнул, потом продолжил: — Всякого рода подношения, сувениры мы оформляем по протоколу. Что-то у нас сохраняется, что-то передаётся в различные ведомства, учреждения, школы. Ваш случай уникальный. Подношение может рассматриваться и как взятка. Особенно такая, как у вас. Да, хотел спросить, у вас ведь коробка с сувенирами?

— Я и не открывал её. Даже не знаю, что в ней! — скривил душой честный партиец, но понял, что наступает кульминационный момент их беседы.

— Я говорю достаточно доходчиво. Подношение это можно назвать и взяткой, и частным подарком. Вы же это понимаете?

— Саид Максutowич, я могу этот незаслуженный подарок передать по нужному адресу. Он и так нам сердце обжигает. Не знаем, что с ним делать!..

— Правильно! Только мне не надо! Я взяток не беру! Надо нам его пустить по назначению, на поддержание дружественных связей с регионами и центром. В Москве, в ЦК есть наш куратор. Он тоже взяток не берёт. У него есть сын, который сильно увлечён тем, что коллекционирует старинные предметы, в частности, оружие. А он всё же наш куратор! Я думаю, что надо пойти навстречу!

— Я согласен, Саид Максutowич, — охотно ответил собеседник.

— Я думаю, что будет правильно, если вы сами отвезёте в Москву и от нашего имени передадите подарок. Сошлётесь на меня. Я дам их дачный телефон, предварительно позвоню сам.

Этот разговор состоялся сразу после происшедшего инцидента и имел довольно впечатляющие последствия. Во-первых, к концу года Арсланчика приняли в ряды КПСС. А самое главное, что Александр Киреевич точно исполнил поручение. И заимел знакомство на самом верху. Каждый праздник, каждое важное событие он, как близкому другу, звонил куратору в Москву. Вскоре партийные деятели, руководители крупных объединений обращались непосредственно к Александру Киреевичу. Чтобы решить свои проблемы, они находили старинные перстни, браслеты, гривны из драгоценных

металлов, уникальные средневековые иконы по всему Северному Кавказу и даже Закавказью. Александр Киреевич был главным посредником. Авторитет его так сильно вырос, что ко времени распада могучей страны средства всеильной коммунистической партии в данной области сосредоточились в руках Сакаева. Подробностей, как это произошло, а затем, как деньги партии распределились, мало кому известны. То ли они сосредотачивались на счету обкома, то ли на счету созданного Александром Киреевичем акционерного общества... Тратились средства на создание новых производств. Информация о получении этих денег нуворишами-предпринимателями была на слуху у народа. Но сам Александр Киреевич не разбогател. Последнее время он был руководителем акционерного общества, в собственности которого находилось только одно трёхэтажное здание дома быта. А получившие от него средства строили целые кварталы в столице новой республики. Начало 90-х примечательно тем, что автономная область стала республикой, в ней появились президент, совет министров, парламент и миллионеры.

После происшедшего инцидента не всё стало гладко в семье Сакаева. Почти год он с супругой был в разводе. Она требовала у мужа, чтобы состоялся суд над непрошеными гостями. Муж всячески удерживал ситуацию в правоохранительных органах, но с супругой справиться не мог. Она была категорична. Александр Киреевич не мог доходчиво объяснить жене, что не стоит идти на обострение. Вскоре в семье случились такие события, что упрямой Раисе Иосифовне пришлось уйти из комиссии по приёму в партию. О разводе знали многие, поэтому умелыми руками её бурную деятельность в горкоме приостановили, но на работе ещё держали. Всему виною оказался их сын. Во время развода Александр Киреевич жил в обкомовской гостинице, мать была постоянно занята на работе. Так совпало, что в это время происходило половое созревание Вилена. Многие знали, что старая коммунистка воспитывала чадо маменькиным сынком, потакала во всём и даже в ванной сама купала его до совершеннолетия. Во время отсутствия отца у мальчика изменился не только голос, он стал делать очень противоречивые вещи. Мать, которая по графику пыталась искупать его в ванной, он обозвал плохим крепким словом и перестал купаться вообще. От его бранного слова мать была в шоке, но метаморфозы только

начинались. Вилен примкнул к группе молодых людей, которых называли стилистами. Это было похлеще того ночного посещения. Тогда Раиса Иосифовна пережила настоящую психологическую травму. Теперь в доме, в собственной квартире, неистово гремел рок-эн-ролл. Старая коммунистка с ностальгией вспоминала национальную мелодию гармонии и звук доула, национальная музыка казалась ей волшебной. Со стилистами, как с вредным зарубежным влиянием, боролась вся страна. Вилен требовал у матери денег на пластинки, на модную одежду. Внешне он преобразился. На голове отрастил подобающую этим молодым людям причёску, носил брюки в дудочку, узконосые туфли, надевал ярко разрисованные рубахи и даже в школу ходил в чёрных очках. Раиса Иосифовна совладать с сыном не могла. Её вывели из состава приёмной комиссии, назрел вопрос об отстранении её с должности в горкоме КПСС. Пришлось идти к мужу. Александр Киреевич навестил семью. И в первый же визит отлупил сына ремнём до бессознательного состояния, ножницами обрезал волосы на голове. Раиса Иосифовна во время экзекуции была в соседней комнате. Утром она увидела ставшего совсем жалким сына. Он неделю не ходил в школу. Раиса Иосифовна в день по несколько раз прибегала домой, чтобы делать примочки и обмывать сыну ягодицы дефицитным облепиховым маслом. Мальчик при виде отца дрожал, на мать же смотрел с ненавистью. Родители до окончания школы занимались сыном. Он стал неуправляемым, противоречивым, при первой возможности запросто сбежал из дома, регулярно пропускал занятия, стал пить. Теперь Раиса Иосифовна защищала сына от отца, тайно потакала ему, давала деньги. Она не могла забыть избиения, хотя и знала, что это вынужденная мера. В то время в школах были наркоманы. Вилен чудом спасся от этой напасти. Он с раннего детства боялся уколов. Как-то даже потерял сознание, когда в школе делали прививки. Поэтому он не допускал к себе приятелей со шприцами. После была учёба в Москве в кооперативном институте. Здесь он обучался, каждый курс брал академический отпуск, таким образом, год у него выходил за два. Жил за счёт родителей. Чтобы сын не позорил их перед горожанами, отец не хотел видеть его дома. Александр Киреевич регулярно, и даже с излишком, высылал ему деньги на проживание. «Он из моего яйца, из которого семя было гнилым. Пусть живёт, чтобы никто не знал, что

он наш выродок!» — говорил он жене. Жена плакала. Иногда она с мужем ездила в Москву, чтобы навестить Вилену. Отец даже в Москве не навещал его. Мать мечтала женить сына, думая, что создав семью, он станет другим. В начале 90-х годов Александр Киреевич неожиданно умер. Поговаривают, что умер он не своей смертью, бросают тень на местных олигархов, которые воспользовались партийной кассой. Якобы они избавились от свидетеля происхождения их нечестного капитала. Умер же он вскоре после известного «чёрного вторника», когда обесценились все сбережения граждан страны. Семья всю жизнь хранила на сберкнижке на имя супруги излишки своих денег. У них было более ста тысяч рублей, в то время на них можно было купить более десятка квартир. Раиса Иосифовна считала, что муж не выдержал этого внезапного удара, и ей было нескончаемо обидно за это. Она хотела похоронить мужа в гробу (мусульмане обычно хоронят в саване) на городском кладбище. Но, когда в морге тело покойника стали приводить в порядок: обмывать, бальзамировать, одевать в надлежащий костюм, — неожиданно просочилась информация о том, что покойник обрезанный. Так как кладбище было в основном христианским, священнослужители попытались объявить протест. Тогда религиозные деятели обрели крылья, наступила перестройка общества. Из-за этого пришлось вмешаться в процесс Саиду Максutowичу. Партия ещё имела силу. В передней части кладбища был участок, на котором и раньше хоронили коммунистов, в основном атеистов. Горисполкому специальным постановлением пришлось узаконить эту землю. Александра Киреевича похоронили в этой части, над могилой поставили шпалеобразный металлический памятник со звёздочкой на верхушке, а на табличке написали, что это могила Александра Киреевича Сакаева, но не Алибаса Ислам-Гиреевича Сакаева. Вилен этих тонкостей не понимал. Позже, когда по возвращении домой навещал кладбище, надпись его удивила, так как он по паспорту проходил как Вилен Алибасович. После смерти отца Вилен переехал в родительский дом. Александр Киреевич, хотя и плохо относился к сыну, в учредительном договоре акционерного общества «Прогресс» написал его в качестве совладельца. Ко времени выхода на работу Вилену все работавшие там цеха отделились и создали свои мастерские в разных концах города. Таким образом, Сакаевы стали единствен-

ными владельцами здания дома быта. Мать давно мечтала женить сына, чтобы он имел семью. Вилен же сожительствовал с красивой брюнеткой по имени Марина. Женщина то приходила к нему в квартиру, то уводила к себе. Она имела ещё двух любовников. Все любовники знали друг друга. Она их не скрывала. И все они знали, где она находится. Она поочередно ездила с ними на море, в горы, ходила на пикники. Мать всё время уговаривала сына жениться. Она хотела, чтобы сын жил упорядоченной жизнью. Мать была не против женитьбы сына даже на Марине. Правда, она не знала её образа жизни. Но любовница Марина вскоре исчезла. Она вышла замуж за одного из своих любовников, неожиданно сильно разбогатевшего на перепродаже сахара. Она пригласила на свадьбу в Москву и Вилену. Но Вилен не поехал. Он был в обиде и даже перенёс непонятный стресс. Он пытался завести себе любовницу, но в первое же любовное свидание потерпел фиаско. О проблемах со здоровьем сына Раиса Иосифовна не догадывалась. Видя его одиночество, она с удвоенной силой настаивала, чтобы он создал семью. Хотя и была полностью захвачена деятельностью домохозяйки, энергичная Раиса Иосифовна имела воздействие на людей. Она сама подыскала засижившуюся в девках дочь хороших знакомых. Мать девушки ценила авторитет Раисы Иосифовны, поэтому не возражала. Но проблемой был сын. Он не реагировал на все разговоры. Тогда Раиса Иосифовна слегла в постель и не вставала до тех пор, пока Вилен не дал согласия. Она объясняла, что ей необходима помощница по дому. Без лишнего шума зарегистрировались и в узком кругу посидели в одном из ресторанов. Вечером Вилен привёз Фаризат в квартиру. Раиса Иосифовна, увидев утром угрюмое лицо невесты, не поняла, что не так. Свекровь после брачной ночи не обнаружила на постели подтверждений того, что невеста девственница. Она не выдержала и сказала:

— Фаризат, оказывается, у тебя было прошлое?!

Невестка ничего не ответила, лишь виновато опустила голову. Но Раиса Иосифовна не предпринимала никаких мер. Она знала в жизни столько примеров, когда и разведённые становились верными жёнами. Фаризат ходила на работу в школу, где она преподавала биологию. Возвращаясь домой, она прибирала все комнаты, помогала свекрови со стиркой и с готовкой. Она

упорно молчала, была постоянно мрачная. Вилен стал регулярно отсутствовать. Мать сделала замечание:

— Ты не забывай, что у тебя есть жена! Твой отец никогда ни у кого не оставался ночевать. Это для него и для меня было бы ЧП.

— Она твоя помощница. Как ты хотела, так я и сделал. Меня к ней не тянет, — спокойноотреагировал сын.

Раиса Иосифовна даже пыталась свалить вину на невестку, опять упрекая в том, что она была неверной до замужества. Фаризат через год сказала свекрови, что покидает их дом. Она собрала свои вещи в чемоданы и картонные ящики и дожидалась заказанной машины. Раиса Иосифовна, чтобы досадить, сказала:

— Ты была нечестной и до замужества, и сейчас ведёшь себя нечестно. Старые грехи не отпускают тебя!

— Мама (она так называла свекровь), я была девственницей и до замужества, и сейчас от вас ухожу девственницей! Я согласна с вами пойти к гинекологу!

— А как же вы спали в одной постели?! — удивилась Раиса Иосифовна.

— А вот как — это спросите у своего сына!

— Я не могу у него спрашивать такие вещи.

— Он говорил, что это временные трудности, и склонял меня к мерзким действиям. Мне они отвратительны, я не соглашалась.

Фаризат ушла безвозвратно. Раиса Иосифовна была слишком удивлена и озабочена. Однако обстоятельства были таковы, что она не только спросить о них, но и представить себе их не могла. Она по-прежнему любила сына и надеялась, что всё образумится. Объяснилось дело совсем скоро. Прежняя любовница по каким-то делам была в городе. Узнавший об этом Вилен поехал туда, где находилась Марина. Ночью он по телефону предупредил мать, что приедет не один и попросил спать спокойно. Мать даже обрадовалась, подумала о том, что сын всё же способен жить с женщиной. Она не спала, когда сын приехал с Мариной. Затем она уснула, а через некоторое время проснулась от громкой музыки, криков и стонов. Она испугалась и захотела посмотреть, что творится. После она пожалела об увиденном, пожалела на всю оставшуюся жизнь. На обнажённой брюнетке из одежды были только одни чулки в чёр-

ную сетку, красные туфли и фуражка морского капитана. Она таскала по комнате Вилен за поводок, как собаку, на коленях, пинала его, обзывала матерными словами, делала непотребные вещи. Мужчина стонал от пинков и просил прощения. Раиса Иосифовна хотела закричать, чтобы прекратить это безобразие, но сразу же поняла, что это у них привычная оргия, и решила лучше этого не делать. Она в ужасе вернулась к себе и заперлась на замок. В последующие дни она не разговаривала с сыном. Он подходил к ней, а она смотрела сквозь него и молчала. Затем, когда чуть успокоилась, она потребовала раздела квартиры. Вилен предложил ей жить в той же самой трёхкомнатной квартире. Как раз в то время его школьный товарищ уехал работать в Америку, оставив его присматривать за своим частным домом. Раиса Иосифовна настояла на своём:

— Делай всё по закону. В этой квартире и моя, и твоя доля есть. Или продай, или обменяй — мне нет разницы. Мне необходима однокомнатная квартира. Ты как хочешь: живи у друга или в офисе. Это твоё дело. Я должна иметь крышу над головой! После моей смерти я оставлю свою квартиру государству. А ты со своей долей разбирайся, как хочешь!

Вилен продал бывшую обкомовскую квартиру и купил матери на новостройке однушку. Часть мебели, которую мать не взяла себе, перевёз в дом быта. Сам же стал жить в доме у друга. На деньги, оставшиеся от продажи квартиры, купил себе иномарку.

В момент переезда матери было за шестьдесят пять лет. Она выглядела хорошо, красила волосы, ухаживала за лицом. Тело у неё всегда было худым, одевалась она как приличные женщины. Могла жить одна. Ходила по магазинам, на базар. Но в доме, в который она переехала, в основном были молодые люди, а она поддерживала связи с бывшими знакомыми. Связи состояли из редких телефонных звонков... Лишь иногда она ездила в старый двор, чтобы кого-нибудь увидеть. Ей хотелось общения. С прежней жизнью она почти порвала, а новая, на новом месте, не складывалась. Сын ещё некоторое время посещал её, но она всячески старалась, чтобы он её оставил в покое. Сын, каким он был прежде, ей вспоминался, а этого она не видела. В сознании он проходил как тень, мумия прежнего сына. В первый день после переезда, когда осталась ночевать в новой квартире, она с носталь-

гией вспоминала Александра Киреевича, плакала от того, что его нет. Как наяву, в её ушах прозвучала некогда шокировавшая фраза: «Он из моего яйца, из которого семя было гнилым...» Она ни тогда, когда фраза слышалась, ни сейчас детально не разбиралась в словах, поэтому произнесла для себя вслух: «Он вылупился из гнилого яйца», — и этим себя успокоила.

Во время работы в горкоме партии Раиса Иосифовна курировала один из домов престарелых в Минераловодском районе Ставропольского края. Это было недалеко от Карачаево-Черкесской автономной области, да и надо сказать, что в то время область входила в Ставропольский край. Связи между областью и краем были утвердившиеся, широкие и разнообразные. Раиса Иосифовна, можно сказать, по собственной инициативе дружила с руководителем этого учреждения. Мало того, она старалась в каждый праздник, будь то 7 ноября или Новый год, посылать в дом престарелых подарки. Тогда это был знак внимания, но в начале девяностых стало весомой помощью. При первой возможности она отправляла туда грузовой машиной муку, сахар, мясо, крупы и консервы. Этот дом престарелых был предназначен, в основном, для семей партийных работников. Сюда направляли родителей и близких родственников высокопоставленных людей. Так уж случилось, что учреждение долгое время оставалось государственной структурой. Когда сильно ухудшилась жизнь, сюда стали попадать и те, кто занимал разные посты. Дом престарелых превращался в частное заведение. Раиса Иосифовна долго думала о своём будущем. В новой квартире было неуютно, ей хотелось какой-то необременительной деятельности, жизни среди людей. Руководителя дома престарелых Магомеда Абдуллаевича Ахмедова она знала хорошо, встречалась с ним лично, они часто созванивались и после того, как она ушла на пенсию. Сам Магомед Абдуллаевич уважал её и не забывал об оказании помощи в трудные времена. В те дни она позвонила ему и сказала, что у неё есть проблемы. Абдуллаевич, так называли его все, кто знал, ответил, что будет рад помочь ей. Предварительно узнав в министерстве социальной защиты, какие требуются документы, она собрала их, получила необходимые медицинские справки.

Вначале Раиса Иосифовна поехала туда без вещей на автобусе. Сошла на нужной остановке, оглядела живописное место, где располагался дом престарелых. Прошла по указа-

телю к ограждённой территории. Когда её впустили в трёхэтажное здание, она с интересом оглядела фойе, помещение с надписью «Библиотека», через открытые двери даже осмотрела комнаты постояльцев. Абдуллаевич тепло встретил приятельницу. Он был моложе её. В самом начале карьеры он попал на работу в Минераловодскую железнодорожную больницу. Горцы охотно покидали суровые горы и спускались в низменность не только Дагестана, но и в соседние с республикой необъятные просторные степи Ставропольского края. Многие навсегда оставались на новых местах. Абдуллаевич женился на русской из той же больницы, где работал. Затем у молодой пары родились дети. Сам он отличался добропорядочностью, хлебосольством, был общительным человеком. На все приёмы гостей в отдел здравоохранения райисполкома отправляли его. Он умел это делать, красиво вести себя за столом, был щедр. На него обратили внимание и в горкоме КПСС, часто давали ему задания, и он с ними успешно справлялся. Ему доверили дом престарелых. Здесь ему часто приходилось общаться с руководителями района и всего края. Родом он был из высокогорного дагестанского аула. Абдуллаевич не забывал и родные горы, ездил туда на торжества и всякого рода траурные дела: похороны, поминки.

Абдуллаевич, как человек проницательный, ещё не зная о цели прибытия, догадался, зачем приехала Раиса Иосифовна. Поэтому после приветствия и расспросов о родине он радужно сказал:

— Судя по тону телефонного разговора и по тому, что вы проделали нелёгкий путь, я думаю, что вы хотите кого-то устроить к нам! Или же сами?..

— Я сама. Осталась одна. И мне будет лучше среди людей, — ответила Раиса Иосифовна.

— Я так и подумал. Что я вам скажу, Раиса Иосифовна? Сейчас у нас нелёгкие времена. Контингент резко изменился. Если раньше мы принимали людей из семей партийных работников, то теперь больше поступают родители и родственники предпринимателей. Конечно, есть люди, лишённые всяких средств, инвалиды. Но их мало, трудно содержать их здесь. Состав постояльцев — это пожилые люди из Ставропольского края и совсем немного из горных республик. Ваших у нас мало. Горцы — самодостаточные люди, сами смотрят своих стариков, некоторым помогают всем аулом. Но люди разные. И не

хочу быть категоричным в этом вопросе, у нас есть и националы из Владикавказа, Нальчика, Махачкалы. Жизнь по-разному складывается у людей. Я вот несколько лет назад из аула, в котором родился, привёз своего родственника. После смерти старшей сестры он остался совсем один. Каково пожилому человеку жить одному? Но он отказывался, не хотел покидать аул. Еле уговорил его ехать. Сейчас Рабадан привык, без дела не сидит, для всех стал своим. Я вас прекрасно понимаю.

— У меня есть сын, но он одинокий. Я с ним категорически не хочу жить, поэтому разменяла квартиру.

— Раиса Иосифовна, вы не переживайте. Побудете у нас шесть месяцев, после примете окончательное решение. Может, и с сыном помиритесь. Может, он заведёт семью.

— Нет, я окончательно решила. Тут у вас люди есть. Мои сверстники и сверстницы. Для меня это важно! — твёрдо заявила она.

— Раиса Иосифовна, я никогда не забуду, как вы помогали нашему дому. Помню, как от вас целая грузовая машина с продуктами пришла. У нас тогда настоящий голод был!

— Ой, Абдуллаевич, получалось! Мои знакомые находились на разных постах, они помогли!

— Чтобы вы сразу знали, Раиса Иосифовна, скажу как есть. Контингент у нас разношёрстный. Есть очень возрастные люди, за ними смотрят санитарки. Есть и такие, которые сквернословят, пьют, воруют, ведут себя неподобающе. Есть очень грязные, делают под себя. С ними трудно, но они пожилые люди, мы обязаны смотреть и за ними. Раньше мы поселяли и в одноместных комнатах, но сейчас такой роскоши нет. Самые подходящие комнаты двухместные, хотя и там удобств нет. Туалет, ванные комнаты общие, в коридорах. До сих пор держал Анну Петровну, бывшего секретаря райкома партии из Георгиевска, одну. Я её давно предупредил о том, что будет подселение. Ей за восемьдесят. Порядочная женщина, коммуникабельная, без изъянов. Вы сойдётесь. У вас испытательный срок шесть месяцев. Не понравится, что-то исправим. Если что, то прямо ко мне обращайтесь. Я буду помогать.

Абдуллаевич вместе с Раисой Иосифовной осмотрели все комнаты постояльцев. Среди них самые лучшие условия были в комнате Анны Петровны. В ней стояло две кровати, был телевизор, холодильник, стол, стулья. Раиса Иосифовна при-

ехала с документами. Стали их оформлять. Абдуллаевич был удивлён, когда в паспорте прочёл её настоящее имя:

— У вас прекрасные имя и отчество! Как нам называть: Раисой Иосифовной или Рабиат Исмаиловной?

— Не знаю. А как вы думаете? — в замешательстве спросила она.

— Чтобы не было недоразумений, будем звать Рабиат Исмаиловной.

— Да. Это в партии мы придумывали разные имена, а правильно будет по документу, — согласилась она.

Её никогда так не называли. Ногайцы вообще не употребляли отчества. Отец и дети могли быть разными людьми, потому что порой кто-то порочил другого, компрометировал: то отец выгонял детей из дому, а часто бывало, что дети покидали родителей.

Так Рабиат Исмаиловна оказалось в доме престарелых. Она съездила домой за вещами. Собрала два чемодана самого необходимого. Сказала Вилену, который к тому времени купил «БМВ», чтобы её отвёз. Квартиру она закрыла, а запасные ключи оставила соседям. Вилену их не доверила. Ей не хотелось, чтобы он принимал участие в её жизни. Он привёз её, помог занести чемоданы, пытался заговорить с ней.

— Езжай! Я собралась жить своей жизнью! — поставила она точку.

Вилен недоумевал, но видя непоколебимый настрой и строгость в глазах матери, промолчал и уехал. Рабиат знала, что она в его глазах пустое место. Соседка Анна Петровна была полнотелой, высокой женщиной с седыми волосами и белым лицом с красными прожилками. Она была крепка и уверенно перебирала своими одутловатыми ногами. Когда прибывшая представилась Рабиат Исмаиловной, женщина свысока посмотрела на будущую сожительницу блеклыми водянистыми глазами и сказала:

— Для меня сложно называть тебя по отчеству. Буду звать тебя Рабиат, а меня зови Анной Петровной. Я старше тебя, имею два ордена: один имени Ленина, другой знак Почёта.

— У меня только медали. Когда выдвигали на орден, я из-за своей скромности отказалась, — пытаюсь не стусеваться, ответила Рабиат.

— Вижу, что ты из наших, партаппаратчиков. Чистая, за собой ухаживаешь. А я уже волосы не крашу. Перед кем их красить, — махнула рукой Анна Петровна.

Анна Петровна имела квартиру в городе Георгиевске, буквально в тридцати километрах от дома престарелых. В это время подобные дома не могли содержать себя и переходили к платной основе. Постояльцы часть своей пенсии — от 25 до 75 процентов — отдавали на своё содержание. У Анны Петровны была большая пенсия, и она отдавала только половину. И то это была внушительная сумма для дома. Наличные деньги она тратила на дополнительную еду и на дорогие деликатесы: балык, колбасы, икру, свежие фрукты и овощи. Она привезла и поставила в комнате свой телевизор и холодильник. Есть она любила, порция в столовой казалась ей маленькой. Анна Петровна разрешила пользоваться частью холодильника. Рабиат тоже решила половину пенсии отдавать дому престарелых. Соседка также сказала о том, что раз в месяц разрешается ездить в город, чтобы сделать необходимые покупки.

Новая жизнь захватила Рабиат. Она познакомилась с распорядком в доме, нашла для себя занятия, необходимые процедуры и даже записалась на компьютерные курсы. Большую часть времени она проводила с Анной Петровной. Ей бывшая секретарь понравилась. Импонировала властная натура, прямой разговор, который часто разбавлялся крепкими словами.

Просто Рабиат называл её и Рабадан. Это был тот самый родственник, которого привёз Абдуллаевич. Он был худощавый, небольшого роста, но выше Рабиат. Наружность у него была приятная. Одевался он опрятно: постоянно был в выглаженных брюках, в чистых сорочках. Смуглое лицо постоянно было выбрито, обрамляла его короткая стрижка седых волос. Он и до вселения Рабиат заходил в комнату к Анне Петровне, спрашивал о здоровье и предлагал свои услуги. Рабадан работал на «Москвиче» — фургоне, который в народе называли «пирожком». Находился он в прямом подчинении Абдуллаевича, но обслуживал столовую, часто к нему за помощью обращались постояльцы. В том числе и Анна Петровна. Увидев Рабиат, он обрадовался, с дня знакомства не сводил с неё своего восхищённого взгляда. Рабадану было за семьдесят, всю свою жизнь он жил в ауле, отсутствовал только во время службы в армии. С молодости работал водителем. У себя на родине он бессменно возил секретарей райкома. Их за время его работы сменилось четверо. Некоторые из секрета-

рей работали и более десяти лет. Замечаний у них к водителю не было. Он был исполнительный, машину содержал в надлежащем виде. Вновь приходящие на должность секретари обычно тщательно подбирали водителей, часто их сменяли. Но у Рабадана были хорошие рекомендации. Кроме работы, достоинством его было то, что он почти ни с кем не общался, был несловоохотливый. Для секретарей доверительность была определяющим качеством, так как водитель знал тайны личной и семейной жизни. Даже сменивший прежнего секретарь не мог у Рабадана узнать компрометирующие факты из деятельности своего предшественника. Это была профессиональная черта — за это его ценили.

Рабадан жил этажом выше, но каждое утро он подходил к двери комнаты, не стучась, говорил через дверь:

— Красавицы, пора на завтрак!

В столовой он поджидал женщин. Сопровождал до стола, усаживал, но сам не присаживался к ним, садился за стол рядом. Если был на территории, точно так же он делал и в обед, и в ужин.

В доме престарелых были мужчины, которые не прочь были поближе познакомиться с женщинами. Были среди них и откровенные нахалы. Анна Петровна наглых не подпускала, отшивала одним словом, тактичным делала внушение, чтобы не приставали. Значительную часть времени Анна Петровна с Рабиат проводили на свежем воздухе, ходили по аллее, сидели на скамейках. Заходили в комнату, пили чай, кофе, а по вечерам вместе смотрели телевизор. Как-то перед обедом к ним пришёл Рабадан с пластмассовым ведром, наполненным спелой клубникой. Дверь была открыта, и он с дагестанским акцентом проговорил:

— Красавицы, обед! — На его слова выглянула Рабиат. — А это вам! Кушайте на здоровье! — проговорил мужчина радостным голосом и протянул ведёрко с клубникой.

— Нам?! За что нам?! — воскликнула с удивлением Рабиат и пропустила мужчину в комнату.

Анна Петровна в это время была в ванной комнате.

— Кушайте на здоровье, Рабиат! У вас такое красивое имя! — проговорил он, радостно глядя ей в лицо.

— Это у тебя, Рабадан, красивое имя! Твоя жена, наверное, была счастлива с тобой. Ты такой обходительный!

Рабадан сделал серьёзное лицо.

— У меня не было жены, — пояснил он.

— Извини, а что так?

— Не знаю, — неопределённо ответил он, пожимая плечами.

В это время с полотенцем в руках, вся раскрасневшаяся, вернулась Анна Петровна.

— Никак у нас гости? Прямо мужчинкой запахло! — с усмешкой сказала она и немного пренебрежительно посмотрела на гостя.

— Анна Петровна, а Рабадан нам ягоды привёз! — проговорила Рабиат.

— Мужики должны содержать баб! — она посмотрела на ведро и снисходительно улыбнулась. — Что мы должны?

— Я для вас собирал на нашем огороде. Попробуйте!

— Попробуем! После обеда полакомимся. — Она хитро глянула на мужчину. — А что ты так? Подкатываешь? — спросила напрямую с осуждением.

— Покушайте! Я для вас собирал! — Прижав ладони друг к дружке, он поклонился. — Я от души! Жду вас в столовой. — Рабадан ушёл.

Анна Петровна с любопытством посмотрела на Рабиат.

— Поставь в холодильник, после обеда полакомимся, — она потрусила и развесила на спинке кровати полотенце. — Что-то этот мужик равнодушен к тебе! Всё время так смотрит! Старается, бедолага.

— Я и не заметила! — игриво проговорила Рабиат, хотя сама давно заметила взгляды мужчины.

— Смотрит! — утвердительно сказала Анна Петровна. — Вот интересно, может он или не может? Ты бы проверила, Рабиат!

— Да что вы такое говорите? У меня всё же возраст. Я об этом забыла. У меня столько забот.

— Ты не придуривайся! Я тоже была в твоём возрасте и думала: ни за что, никому. Но ко мне начал ходить Вячеслав из музея, офицер в отставке. Новый человек — это всегда интересно! Уговаривал: «Что там нам осталось, Аня? Поживём напоследок». Нашёл всё-таки подход. А как нежно любил! Наденет очки и разглядывает мою грудь. Как персидский поэт, всё обещал за одну мою сисю половину Георгиевска отдать. За обе — весь город! Такое не забывается! Жаль, что недолго продолжалось.

— А что случилось?

— Умер Вячеслав! Мои все померли! — она слегка улыбнулась и свысока посмотрела на соседку.

— И мои тоже померли, — поддержала Рабиат.

— У тебя ещё будет. Я вижу! Женщина и мёртвая может дать, главное, чтобы у него передок работал. Я вот уже не хочу! Даже Аллен Делону не дам!

Женщины посмеялись.

— Я тоже не хочу, — стыдливо сказала Рабиат.

Анна Петровна, не веря этим словам, сказала:

— А надо! Это молодит женщину. Главное, чтобы он смог!

Взаимоотношения развивались по своей логике. По просьбе постояльцев Рабадан исполнял их поручения. Правда, был строгий наказ Абдуллаевича не возить пьющих мужиков и никогда никому не привозить водку. Женщины иногда просили Рабадана или их подвезти, или привезти что-нибудь из магазина. Анна Петровна ездила не только в Минеральные Воды, но хотя бы раз в месяц отпрашивалась съездить в Георгиевск. Абдуллаевич разрешал. Анна Петровна сама расплачивалась за бензин.

Рабадан был стеснительный, но искал встреч. Когда Рабиат была одна, он нарочито распахивал объятия:

— Как вы нравитесь мне, Рабиат! — говорил, как будто отец ребёнку, или дядя — племяннице, по-родственному, но не как мужчина женщине. Рабиат улыбалась в ответ, но соблюдала дистанцию.

В то утро он встретил её на аллее. Подойдя, тепло посмотрел в глаза и спросил:

— Рабиат, я тут всех, кто попросит, в город вожу. А тебе что, ничего не нужно?

— Рабадан, мне многое надо. Вот только ты всё время другими занят! — говоря с намёком, она с нежным любопытством посмотрела на него.

— Ты бы сказала, я бы только тебя и возил. Поехали сейчас? Я до двух свободен.

Она согласилась. Пошла к себе, надела зелёное цветастое платье, взяла хозяйственную сумку. Сказала Анне Петровне, соседка заказала кое-какие мелочи. Радость захлёстывала её. Выйдя из здания, она побежала по двору. Чувствовала себя молодой девчонкой. Шоколадного цвета «пирожок» стоял возле ворот. Ей давно хотелось сесть в эту машину. Добежав, она погладила рукой крыло. Сидящий в кабинке Рабадан открыл дверцу изнутри.

— Мой генерал, займите своё место! — шутливо произнёс мужчина.

В городе сначала зашли в универмаг. Как присуще всем женщинам, Рабиат очень внимательно оглядывала товары, читала наклейки, щупала одежду и обувь. Рабадан знал повадки женщин. Обычно он терпеливо ожидал их в машине, но тут ходил следом за Рабиат и стоял возле неё, молча наблюдая. Потом она вынула список, составленный заранее. Купила краску для волос, чулки, носовые платки и прочие мелочи, которые заказала Анна Петровна. Затем они пошли в аптеку и приобрели лекарства и средства гигиены. В продуктовом магазине пополнили сумки чаем, кофе, конфетами и сладостями. Зашли и на базар, где Рабиат взяла зелень. Стояло начало лета, на прилавках были насыпаны кучи красной и жёлтой черешни. Она хотела и её купить, но Рабадан сказал:

— Рабиат, стой! Что зря тратить деньги? Я знаю по пути место, где мы соберём черешню и раннюю вишню.

— Как мы будем искать её? И кто нас пустит?! — попыталась она возразить и заодно показать, что настроена делать так, как хочется ей.

— Ты слушай старших! Я знаю, что говорю! Не надо тратить деньги! — потребовал Рабадан, пойдя на принцип.

Рабиат улыбнулась.

— Есть, товарищ генерал! — шутливым ответом она подчеркнула и то, что готова повиноваться.

— Слушайся, офицер! — подхватил Рабадан.

— Я младший лейтенант по званию. Слушаюсь товарища генерала.

Так, разговаривая в шутливом тоне, они выехали в сторону своего дома. На подступах к территории Рабадан резко свернул в просёлок и поехал вдоль лесополосы.

— Эй, товарищ генерал! Прошу не завозить в дебри! Я могу и отпор дать. Ещё заблудимся и не найдём обратной дороги!

— Не бойтесь, младший лейтенант! Я сам боюсь этих дебрей. Насчёт отпора никто не сомневается! С вашей помощью я найду дорогу.

Вскоре он повернул машину и пересёк лесополосу. Машина выехала к заброшенному саду. В его начале были заросшие высоким кустарником ряды яблоневых и грушевых

деревьев. Потом сад разделяла заросшая травой дорога. Машина поехала по ней. За яблоневыми и грушевыми рядами была зелёная поляна, а за ней тоже среди кустарников виднелся десяток высоких деревьев, на которых были плодовые ветви. Одни деревья были облеплены жёлтой черешней, другие — красной. Рабадан остановил машину возле них.

— И это все бесхозные деревья? А кто хозяин? — спросила Рабиат.

— Говорят, что уехал за границу!

— И всё бросил? А что люди не собирают?

— Кто будет собирать? У всех есть свои сады.

— Но это же добро!

— Слишком много вопросов, я не готов на них отвечать, мой генерал.

— Я — младший лейтенант! — поправила Рабиат и вышла из машины.

Воздух был прохладный с запахом трав, небо голубое с белыми причудливыми облаками. Невдалеке пролетела стайка ласточек. Рабиат вскинула руки к небу и закружилась на месте.

— Я уже забыла, что существуют фруктовые деревья! Как здесь чудно! А трава какая! Прямо как шёлк! Вот бы посидеть здесь! — она нагнулась и погладила траву.

— Я сейчас, мой генерал! — вскрикнул Рабадан и кинулся открывать фургон. Он вытащил белое пластмассовое ведро и одеяло в синюю клетку, раскинул его и плотно прибил к земле. — Готово место для отдыха! — сказал он, сверкая зубами.

— У тебя всё есть, на все случаи жизни, — сказала Рабиат, глядя на одеяло. — Хитрец ты, мой генерал! Собирайте черешню! Нам нечего рассиживаться! — Она из кабинки вытащила хозяйственную сумку, а из неё синенький контейнер. — Я буду в это собирать, а ты прямо в ведро.

Они стали собирать черешню. Ветки располагались высоко. Рабадан нагнул одну толстую ветку для Рабиат, другую для себя. Чуть подсобрав, поели черешню, оценивая вкус. Деля восторг, радостно посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись. Рабадан застеснялся и продолжил собирать. Рабиат опять с восторгом глянула вокруг, в небо:

— Как здесь хорошо! Я не помню, когда я была в таком месте! А ты?

— Я уже дважды был здесь. Я кошу траву для коров.

— Что?! Для каких коров? — удивилась Рабиат.

— Абдуллаевич в хозпостройках несколько коров держит, столовую молоком снабжает.

— А я не знала.

— Я тебя, Рабиат, и на сенокос привезу. Ты собирай с высоких веток, они ближе к солнцу, и на них очень спелая черешня.

Рабиат обошла дерево, нашла подходящее место.

— Ты мне нагни ту ветку, — сказала она, показывая ветвь, густо облепленную черешней. Рабадан охотно подошёл, несколько раз подпрыгнул, чтобы достать, но не смог:

— Генералы обычно коротышки бывают. Я не достаю. Может, поднять тебя, так достанешь?

— Попробуй! Не надорвёшься? — она вопросительно посмотрела на мужчину. Он стремительно кинулся к ней и поднял над собой. Она было схватила ветку, но была сильно удивлена, с какой лёгкостью он её поднял. Стала обрывать черешню, но сообразила, что он касается руками и головой её тела. — Тебе же тяжело! Опускай! — крикнула она.

Рабадан не отпускал и крепко держал за талию на вытянутых руках.

— Я готов так вечно держать своего генерала! Ты лёгкая, как пушинка!

— Отпускай! — засмеявшись, она дёрнулась и выскользнула из рук. Но тут же оказалась в его объятьях. — Отпусти, — прошептала она, но сама податливо прижалась к его груди. Он поднял её и донёс до одеяла. Она через голову сняла платье. — А нас никто не увидит?

— Нет. Мы услышим, если кто будет идти, — сказал он, снимая свою одежду.

— Я и забыла, как это делается.

— А я и не знал.

— Не ври, генерал, — засмеялась она, притягивая его к себе.

Всё совершилось очень быстро. Ни он, ни она не успели понять происшедшее, но зато были теперь близки.

— Хорошо же! Теперь ты у меня есть! — произнесла она.

— И мне хорошо!

— Не ври! У тебя, наверное, все старушки нашего дома перебивали?

— Нет, Рабиат! Здесь не так. Разврата нет.

— Но у тебя в жизни много было женщин?

— Давай не будем об этом. У нас в ауле было строго, тем более я жил со старшей сестрой. Я её стеснялся.

Началась жара, температура в тени превышала тридцать градусов. Анна Петровна стала плохо себя чувствовать, у неё началась одышка. Рабадан достал вентилятор, чтобы в комнате стало прохладно. Он мало помогал. Духота в комнате преобладала, тем более на ночь из-за шума вентилятор выключали. Рабиат всячески ухаживала за соседкой. Приносила и подавала всё, что было нужно, часто делала зелёный чай. На улице женщины сидели в тени отдельно от других постояльцев, больше молчали. Рабиат договорилась с Рабаданом, что он не будет подавать вид об их близости, они станут поменьше показываться вместе. Но мужчина искал встреч и будто нечаянно тут и там появлялся перед ней. Внешне она старалась выглядеть как прежняя Раиса Иосифовна: прямо держала спину, руки носила с зажатыми кулачками, походка была уверенной. Как и раньше, она на всех бросала колкий взгляд, при разговоре часто смыкала губы, нагоняя на себя строгость. Но сейчас всё становилось по-другому. Про себя она была счастлива. Рабадан оживил её жизнь. Теперь её лицо становилось рассеянным, видно было, что она не представляет, что делать дальше. Она понимала, что надо сохранить счастье, но что предпринять, не знала.

Как-то она вывела соседку на улицу, и они сели в тенёчке на скамейку. В конце аллеи мелькнула фигура Рабадана. Он медленно, чтобы показаться прогуливающимся, пошёл в их сторону. Анна Петровна осипшим голосом сказала:

— Вон Рабаданчик идёт. Он последнее время летает от счастья.

— Что вы, Анна Петровна? Вполне спокойно идёт.

— Ты мне брось! Я психолог, поэтому секретарём работала. А вас, горянок, насквозь вижу. Говорите одно, а думаете другое. Я и тебя, и его чувствую. Хороший мужик — слов нет! Да и ты исправляешься.

— О чём вы?

— Да мы с тобой на этой партийной работе, как на вредном производстве, загибались, человека из себя выдавливали! В стержни превращались! А то нет, что ли?

— Не знаю. Вы, наверное, правы! — удивилась Рабиат пронизательности соседки.

Подошёл Рабадан.

— Здравствуйте, красавицы! Я очень рад вас видеть!

— А мы как рады! Ты даже не представляешь, Рабадан! — сказала в унисон Анна Петровна. — Я вот всё хочу у вас спросить, что-то у вас имена одинаковые: Рабиат, Рабадан?

— Анна Петровна, это мусульманские имена. Да, они означают одно и то же. Кажется, на русский переводится Милость Аллаха!

— Удивительно! Как же вас бог свёл?

Рабадан смутился.

— Мы не даём повода, чтобы вы так думали! — сказала Рабиат невозмутимо, чтобы Рабадан не подумал, что она рассказала их тайну.

— Прекращай! Не гони туфту! Лучше отведите меня домой. Рабадан, пойдём пить зелёный чай. Это божественный напиток!

Жара усиливалась с каждым днём. Анне Петровне становилось хуже. Неоднократно вызывали врача. Последний раз врач сказал, что надо ложиться в кардиологическую больницу. Абдуллаевич через знакомых договорился о госпитализации. В день отъезда Рабиат помогла собрать принадлежности и всё необходимое в пакет. За Анной Петровной приехала машина «Скорой помощи». Когда выходили, Анна Петровна оглядела комнату:

— Надеюсь, что я ещё вернусь сюда.

— Конечно, Анна Петровна! Ваше здоровье поправится!

Анна Петровна улыбнулась и посмотрела в глаза Рабиат:

— Вы здесь аккуратно проводите время. Мою постель не трогать! Эти кровати слабые для двоих. Вы лучше матрац на полу стелите. Оно вернее и по-человечески.

— Кто о чём! Вы лучше выздоравливайте! — рассмеялась Рабиат, но уже не отрицала свою связь с женщиной.

Возле машины «Скорой помощи» стоял и Рабадан. Он пообещал, что навестит Анну Петровну в больницу.

— Ты и Рабиат привези! Она мне, как бальзам на душу! С ней легко жить! — сказала Анна Петровна и моргнула Рабадану, делая своё напутствие.

Они стояли возле ворот и смотрели вслед машине, на которой увезли Анну Петровну. Скоро машина исчезла из виду. Они, не желая трогаться с места, молча стояли и смотрели друг на друга. Рабиат, как и всё время их отношений, боялась идти рядом с мужчиной. Он же ждал её знака, её желания.

Комната теперь была в её распоряжении. Она всё время думала об их близости. Хорошо, что стояло лето и можно было сблизиться под открытым небом. «Я же в возрасте. Это мне не подходит!» — говорила она себе каждый раз перед встречей. Теперь же у них появилась крыша над головой. Хотя и в этом случае надо было вести себя осторожно, нельзя было допустить, чтобы кто-то об этом узнал. Но личные надобности стали превыше общественных.

— Рабадан, надо таз и кумган купить в городе.

— Таз и кумган? — с недоумением переспросил он. — Ты что, молиться собралась? — Обычно эти вещи, о которых он упомянул, употребляли для того, чтобы делать омовение перед молитвой.

— Да, омовение делать! — иронизируя, сказала она. Затем сделала строгое лицо: — Не бегать же мне каждый раз в душевую. А так и тебе и себе буду поливать из кумгана.

— Понял, генерал!

— Ничего ты не понял! Таз надо пошире.

— Я видел на базаре шириной в мой рост!

— Зачем такой? Хватит и метра шириной, чтобы стоять было можно и воду не расплёскивать.

— Будет исполнено! — весело сказал Рабадан.

И они разошлись с того места по одному, но зная, что скоро встретятся в комнате.

Вечером Рабадан привёз синий таз из пластмассы и такой же зелёный кувшин. Он показал кувшин и спросил:

— Этот сойдёт за кумган? Два литра вмещает. Металлических кумганов в магазине нет.

— Сойдёт, — Рабиат, взяв кувшин, оглядела его со всех сторон. — Ты устраивайся, — она вышла с кумганом. Набрав воды, вернулась. — Разуйся. Сними брюки, я тебе полью.

— Как скажешь, — с готовностью произнёс Рабадан и снял обувь. — А брюки обязательно? Я стесняюсь!

— Какие мы совестливые! — сыронизировала Рабиат и приказала: — Снимай и брюки! — Она пододвинула таз к кровати: — Садись!

Рабадан разделся, сел на кровать и поставил ноги в таз. Она полила ему из кумгана. Он вымыл ноги. Она дала заранее подготовленное полотенце. Он вытер ноги и надел поданные домашние тапочки. Она полила ему и на руки. Он с удовольствием помыл лицо, шею, подмышками.

— Хорошо? — спросила она, подавая свежее полотенце.

— Да, дорогая! Мне понравилось.

— Я могла и руками помыть ноги. Так же делают ваши горянки?

Рабадан только тут понял всю затею с тазом и кумганом и, смущённо засмеявшись, проговорил:

— Про горянок не знаю, но генеральши так не делают. Побереги руки!

После они попили чай. Сев рядом на кровать, посмотрели телевизор. Ночью, как посоветовала Анна Петровна, спали на разостланном на полу матрасе, укрывшись одной простыней. К удивлению, на полу спать было прохладно, духота не ощущалась. Рабиат, просыпаясь, чувствовала, что Рабадан рядом, и радостно прижималась к его телу. Она встала вместе с ним на рассвете. Он всегда вставал рано, говорил, что начинает работу с шести часов. Приводил в порядок машину, прибирал территорию вокруг гаража. Рабиат разогрела воду в электрочайнике, вместе с ним позавтракала.

— Мне было так хорошо спать с тобой рядом. А тебе? — спросила она.

— И мне, — ответил Рабадан.

— Рабадан, а ты бы не мог меня отвезти домой? Мне надо оплатить квитанции и квартиру посмотреть. Дорога в одну сторону сто километров.

— Туда и обратно два с половиной часа понадобится, — сказал он. Подумав, добавил: — Могу даже сегодня, после обеда. На обед можем раньше сходить, я договорюсь.

— Вот и хорошо! — обрадовалась она, подошла к нему и, погладив по щеке, спросила: — Ты меня любишь?

— Да, конечно! — машинально ответил он. Затем, посмотрев в глаза, понял, что она хочет сказать что-то важное.

— Иди на работу. Вечером мою квартиру посмотрим, — сказала она, прижавшись к его лицу своим лбом, и сделала долгий поцелуй в мочку уха.

— Так много! Я разве заслужил?

— Тебе не нравится, что я тебя целую?

— Нравится. Просто столько нежности — мне непривычно!

К вечеру они были в городе, где находилась квартира Рабиат. Особое оживление и скопление машин ощущалось с самых окраин города. Вереницы машин были нескончаемы, кое-где образовывались пробки. Рабиат указывала дорогу. Двигались медленно, часто останавливаясь перед светофорами. С большим трудом добрались до другого конца города, где стоял дом, в котором она жила. На лифте поднялись на десятый этаж. Квартира внутри была затемнена, в ней был спёртый воздух. Рабиат зажгла свет, подняла жалюзи и открыла окно. В комнате был кожаный диван, двуспальная кровать, застланная тёмно-красной шёлковой накидкой, на столе стоял телевизор. Прошли на кухню, где был белый кухонный гарнитур, стол и несколько стульев. Рабиат открыла балконную дверь. Рабадан вышел на балкон и с удивлением посмотрел вниз:

— Ты, как птица, на такой высоте жила! — с восторгом сказал он.

— Да, как орлица! А тебе, орёл, не хотелось бы пожить в таком гнезде? Чем не вершина горы?!

Рабадан подозрительно посмотрел на неё. Он по-своему стал понимать, зачем они приехали сюда, но ничего не ответил.

— Пойдём! — сказала она и повела мужчину к дивану. — Садись! — Сев сама, усадила и Рабадана. — Если тебя не тормозить, то ты не сдвинешься с места. Рабадан, мы можем с тобой вместе жить?! — жёстко спросила она.

— Конечно, — с готовностью ответил он.

— Это квартира моя. И мы бы могли вместе в ней жить!

— А сын? Твой сын?

— Побегал! «Гарун бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла», — она процитировала строки Лермонтова, которые часто произносятся кавказцами.

— Ну, что ты так сразу? — взял себя в руки Рабадан. — Я не заслуживаю такого.

Успокоившись, она посмотрела ему в глаза.

— Есть у меня сын. У него своя жизнь. Я ему всю свою прежнюю жизнь посвятила. Отдала всё, что ему положено. Оставшееся положенное мне время я хотела провести одна.

Поэтому покинула эту квартиру. Я её планировала отдать государству, потому что получила от государства. Но встретила тебя. Сейчас я, как подвешенная за одну ногу. Ты мне нравишься! Не будем же мы всё время прятаться, как подростки, скрывать от всех свои отношения?

— У меня только высоко в горах дом. Ты там не сможешь жить, — смущённо ответил Рабадан.

— А здесь, на этой горе, мой дом! Вот он! — повисила она голос.

— Я не знаю, что сказать. У нас не положено, чтобы мужчина жил в доме жены.

— Но живут же при необходимости?!

— Живут, но некачественные люди.

— Понятно! Патриотизм иссяк! — Подумав, она сбавила тон. — Тогда слушай меня! Я всю жизнь посвятила законопорядку и не могу вести себя, как безнравственная женщина. Наши отношения должны быть узаконены. Разве не так? Как собака, постоянно ожидающая кобеля, — я не хочу! Я человек! Я женщина!

— Рабиат, я думал об этом. Ты сама подумай: мне семьдесят три года. Осталось немного. У меня ничего нет, кроме работы, Абдуллаевича и тебя. Я даже подумываю делать намаз. Надо прощения просить у Аллаха за ошибки, — сказал приглушённым голосом Рабадан.

— В конце концов я дочь муллы! Давай вступим в религиозный брак! — крикнула она.

— Я думал, что ты не согласишься! Ты же коммунистка! — удивился он.

— Да! Но я не могу, как скотина, где попало! Как ты этого не поймёшь! И мне тоже осталось немного! Ты что думаешь, я покинула эту квартиру?! Я покинула, чтобы одной здесь не умереть! Чтобы не нашли меня мёртвую через месяц по трупному запаху. Я ушла к людям. Я хочу, чтобы всё у меня было по-человечески! — Рабиат упала на Рабадана, обняла и заплакала.

— Успокойся, дорогая! Успокойся! Мы всё сделаем, как ты хочешь, — он стал гладить её по голове. Ему самому хотелось плакать, но он был горец, которому нельзя было показывать слёзы женщине.

Трона перемет

Любовь бывает взаимная, безответная, принудительная и вынужденная. У Рабиат и Рабадана была любовь взаимная. Разумеется, что о ней, как о Тахире и Зухре, о Лейле и Межнуне, о Бозжигите и Сайбямал, как о Карайдаре и Кызыл-Гуль народный дестан, поэму не напишешь. Хотя бы можно было... Но ведь засмеют наши обыватели. Кому нужно что-то знать об этих пожилых людях. В ногайском ауле Канглы, который находится в нескольких километрах от Минеральных Вод, они заключили некаха — религиозное бракосочетание, в котором никакие имущественные права не подчёркивались. Такие бракосочетания сейчас многие заключают на Северном Кавказе. В других местах России его называли бы гражданским браком. Рабиат продала свою большую однокомнатную квартиру и купила маленькую однокомнатную хрущёвку в Минеральных Водах. Оставив себе немного денег для самого необходимого, остаток от продажи квартиры Рабиат отдала дому престарелых. Кроме этого, Рабиат оформила завещание о том, что и эту приобретённую квартиру оставляет дому престарелых. Копия завещания хранилась у Абдуллаевича. И Рабиат, и Рабадан не хотели покидать дом. Из-за возраста Рабадан ушёл с работы водителя, но поскольку сидеть без дела не мог, стал смотреть за скотиной. Тогда Абдуллаевич, учитывая взнос Рабиат и безвозмездную работу Рабадана, разрешил им пользоваться подсобным помещением заведения. В отремонтированной подсобке для Рабадана поставили мебель: кровать, шкаф, стол, установили телевизор. Была возможность для совместной жизни. Рабиат же большую часть времени проводила в прежней комнате, куда вернулась прооперированная Анна Петровна. Правда, она долго не продержалась, вскоре умерла. Соседкой Рабиат по комнате стала другая пожилая женщина.

К тому времени, когда Вилен познакомился с Шахидой, его матери исполнилось семьдесят лет. Сын, естественно, ничего не знал про изменения в её жизни. Он как-то заехал на квартиру матери, там жили другие люди. Они рассказали, что мать квартиру продала. Тогда он позвонил в дом престарелых и узнал, что с нею всё в порядке. Навещать её он не поехал. Знал, что мать сама чуралась его.

У Вилен была ещё одна поездка в аул. Ання тогда даже сказала дочери:

— Ты как барыня, сам хозяин за тобой приезжает!

Этими словами она будто сглазила: после начальник долго не приезжал. Следующий раз, когда Шахида на автобусе отвезла товар, Вилен сказал, чтобы она и впредь сама добиралась до города. Шахида несколько раз ездила в город с матерью. Мать доносила до приёмки большие в клетку полиэтиленовые сумки и уходила навещать учившуюся в училище другую дочь, ходила по магазинам, потом садилась на скамейке возле остановки автобуса и дожидалась Шахиду. На сдачу продукции и на любовное свидание у Шахиды уходило часа два. Каждый раз сидевшая на скамейке мать с любопытством разглядывала лицо вернувшейся дочери. Она догадывалась, что происходит в приёмной, однако подавляла свои догадки. «Наверное, всё не так!..» — сомневалась она. Догадки преследовали её. «Старый он, — хотела успокоить себя Ання, — дочка не залетит». Потом опять сомневалась. Совсем недавно у неё самой прекратились месячные и она, как это делала много лет подряд, взяв двух общипанных гусей, поехала к знакомой всем аульским женщинам акушерке районной больницы. Акушерка, несмотря на обеденный перерыв, прекратила чаепитие и вырвала у неё подношение. «Ання, ты у меня прямо как свиноматка, уже бы десятерых джигитов имела. Предохраняйся! Сколько раз говорила я тебе!» — сказала она, рассматривая общипанных гусей. Ання переживала за дочь, понимала, что может происходить у дочери наедине с мужем. Знала, что так просто никто не будет ездить на машине в их аул. Понимала и то, что спросить об этом у дочери она не может. Её смущало и то, что от дочери она чувала запах спиртного. Вилен без него не устраивал свидания, в первые встречи заставлял пить и девушку. Хотя Ання никогда в жизни не церемонилась, могла каждому в лицо сказать, что думает, в этом случае она пасовала. «Разве можно из-за работы так истязать себя?!» — эта мысль постоянно присутствовала в её сознании. Но она понимала, что такое положение лучше, чем отпустить дочь на чужбину. «Пропадёт же она», — приходили ей на ум слова Кати, матери Ромы. Ання вглядывалась в неё и замечала, что эта дочь была откровенно беззащитна. Она вела себя так, будто не осознавала, в какой мир попала, она была чужой и для своего аула, и для города. Удивляла её

чрезмерная безропотность и готовность принять участие в любом деле. Анне было ясно, что дочь хочет построить свою жизнь, но как её строить, она не знала. Мать понимала, что её вины в этом нет. «Как же я родила такую? Человек же как-то сам идёт к своему счастью!» — удивлялась Ання. Она знала, что это была её дочь, и её надо было ставить на ноги. Но как? У Ання не было никаких педагогических наклонностей, тем более из неё выпирало эгоистическое начало. После нескольких поездок в город она передала свои функции Информации.

Тот думал о дочери, но не задумывался глубоко о её психологическом состоянии. Как и всякий аульский мужчина, он пёкся о своём благополучии: чтобы не попасть в неприятности, следил за своим поведением, вёл себя, как бы исполняя повинность, и ждал скорейшего возвращения домой. Он не уходил с двора быткомбината, всё время пребывания дочери расхаживал там и поглядывал на верхние этажи, куда помогал затащить мешки с товаром. Последний раз дочь после поцелуев Вилена, после его рыданий, когда он приводил себя в порядок и одевался, подошла к окну. Раздвинув небольшую щелку в занавеске, посмотрела, что творится снаружи. У ворот стоял осунувшийся отец. На нём был выцветший коричневый костюм, чёрная кепка «аэродром», он не выпускал из рук сигарету и курил. Часто смотрел на улицу, по которой ходили люди, а затем в сторону окна, за занавесками которого она стояла совсем голая. «Вряд ли он представляет, чем занимается его дочь с мужиком старше её отца!» — сказала она себе тогда. То, что она была голая, её совершенно уже не смущало. Она знала, что это часть её работы, её предназначения в жизни. Шахида, не стесняясь, смотрела на молодящегося пожилого мужчину, на его непонятные прихоти и размышляла: «Вот разбогатею — куплю отцу костюм, лакированные туфли, разноцветные сорочки, приодену его. И будет он выглядеть не хуже тебя». Но почему-то она вышла к отцу злой, как будто он был свидетелем её интимного свидания. Злой и из-за того, что отец неблагополучный, обидно было от того, что он никогда не станет таким, как Вилен, уважаемым.

Когда они на маршрутке вернулись в аул и дошли до дому, мать встретила их во дворе.

— Быстро вы обернулись, а я только закончила полоть картошку. Надо теперь её опрыскивать. Личинок колорадского жука тьма! Спасать надо огород! — Она посмотрела на Информацию.

— Завтра попрыскаю, — поставив возле ступенек клетчатую сумку, — хмуρο сказал отец семейства.

— Я больше с ним не поеду! — выпалила Шахида.

Информация удивлённо поглядел на дочь.

— А что случилось? Опять потерялся в городе? — спросила мать.

— Не хочу! — замотала головой дочь.

— Я же тебя предупреждала: не суйся в здание быткомбината, не попадай на глаза Владимиру Ильичу!

— Я туда не заходил, — недоумеая, проговорил Информация, сняв с головы кепку и разглаживая короткие седые волосы.

— Так и знала, что ты всё испортишь! С таким трудом досталась нам эта работа!

— Кому это нам? — с подколом спросила девушка.

— Тебе, дочка, тебе! Я все твои деньги берегу, покупай себе, что хочешь.

— Я не о деньгах! Мне ничего от вас не надо! Ничего! Сама буду таскать товар! — распалилась девушка.

— Хорошо, хорошо, — попыталась успокоить её мать.

— Я же всё время говорил, чтобы ты не работала. Молодая! Гуляй! — попытался поддержать жену Информация.

— Вы гуляющих не видели?! Ещё насмотритесь! — гневно сказала Шахида. Успокоившись, она проговорила: — Выкиньте всё из дома, я буду ремонт делать и покупать мебель!

Шахида с матерью за несколько дней очистили от побелки стены, оклеили их купленными розовыми обоями, покрасили окна и полы. Потом привезли мебель из города: диван, шифоньер, два кресла и сервант. Устанавливать мебель пришёл Гондурас. У него был шуруповёрт и всякий другой необходимый инструмент. Гондурас и Информация обмыли мебель, выпили бутылку, закусывая жареной курицей. Мать радовалась обстановке. Она придавала дому новую жизнь. Информация осторожно заходил в дом и с удивлением смотрел на перемены. Родители понимали, что это заслуга дочери. В эти же дни под вечер как-то пришла Зарема.

— Поздравляю! Поздравляю! Давно бы так! — не скрывая зависти, дрожащим голосом проговорила подруга. В доме Заремы, конечно, было намного современнее, но её, видимо, задело то, что нашлись деньги на смену обстановки. Она понимала, что это средства, заработанные её подругой.

Комната Шахиды, где она работала, осталась в прежнем состоянии. Зарема увидела большую кучу готовой продукции.

— Ты много сделала. Наверное, мать тоже стала вязать? — спросила она.

— Нет. Я сама, одна работаю.

— Вилен платит?

— Конечно.

— А мне последний раз не заплатил. Мне у него работать не хочется.

— Заплатит же.

— Заплатит осенью, когда всё это продавать начнут. Ты знаешь, подруга, намного выгоднее самой ездить и продавать. Вон челноки, даже не вяжут, скупают у всех и сами продают — это намного выгоднее. Я, наверное, начну сама ездить. Знакомая ездит в Новосибирск и так выгодно продаёт, что и я стала отдавать свою продукцию. Больше получается, чем у Вилены. Осенью сама поеду. Может, и твою продукцию повезу.

— Ты для меня и так много сделала! Мне только надо с Виленом оставаться. С ним же у нас налажено.

— Вилен жадный! Он едва полцены даёт.

— Мне всё равно надо с ним работать. С ним мне лучше, — защищая Вилену, проговорила Шахида.

Зарема это ощутила. Тихо спросила:

— У вас с ним что-то было?

Шахида смутилась и, набравшись духа, выдавила из себя:

— Ничего такого.

— И не удивительно. Он же импотент.

— Не знаю.

— Не ври! Хватит притворяться!

— Я не притворяюсь.

— В парилку он тебя не водил?

— А что это такое?

— Парилка, сауна. В доме его друга есть. Он там живёт.

— Ещё не водил... Что там может произойти, если он импотент? — недоуменно проговорила Шахида.

— Вот ты и проговоришься. Ты сказала, что импотент. Значит, у тебя отношения с ним.

— Это ты первая сказала.

— Поведёт ещё, будете голыми бегать. У него свои заходы. Как в видиках.

— Как же это? Он же не может?

— Ещё раз прокололась. Откуда ты знаешь, что он не может? — ещё раз обрадовалась Зарема.

— Ты же первой сказала, что он импотент!

— Ладно. Ты поменьше болтай. А то получится, что от тебя исходит.

— Я же ничего не сказала!.. — испугалась Шахида.

— Это я тебе на будущее. Наша жизнь никому не интересна. Нам бы в этой обстановке самим выжить.

Замолчали. Одновременно подумали о том, что было сказано.

— Я тебе чай поставлю, — Шахида встала и, взяв из серванта чайную посуду, поставила на стол. Потом пошла на улицу и с летней кухни принесла чайник с горячей водой, заварила чай в маленьком, потемневшем от времени фарфоровом чайнике.

Зарема рассмотрела её чашки и заварной чайник. Проговорила:

— Ты и посуду поменяй!

— Хорошо, что сказала. Надо приличный сервиз купить. Мы тут как после войны, всё, что у нас есть, старье.

Попили чай. Зарема не сводила с девушки умиленного взгляда.

— Удивляюсь я тебе! У тебя такое красивое лицо! Тебе настоящий парень нужен! Тебе гулять да гулять!

— Не знаю, Зарема! Не тянет что-то.

— С такими данными я бы несколькими мужикам головы кружила! С другой стороны, может, то, что ты с родителями, хорошо. Жила бы одна — затаскали бы. Главное — голову не терять. Надо знать себе цену. И гулять надо в своё удовольствие. Скоро Эдик вернётся из командировки, его куда-то послали. Подъедет, я тебе скажу. Расслабимся чуток. Хорошо, подруга?

— Хорошо, Зарема.

— Ты из товара что-нибудь себе оставляй. Я серьёзно осенью в Новосибирск повезу и больше тебе дам, чем Вилен.

— Я не хочу, чтобы Вилен замечание мне делал, упрекал в чём-либо.

— Его какое дело? Делай и ему, и мне.

— Нужна ведь пряжа!

— А что, пряжу трудно купить? На вещевом рынке в городе какая хочешь есть. Можем вместе поехать, я тебе покажу!

— Хорошо. Я вот с домом разберусь — съездим. Может, дядя Гондурас повезёт!

— Вот ещё чудо! Гондурас! — рассмеялась Зарема.

После чая Зарема ушла. Шахида была бесконечно признательна подруге, но не менее признательна была и Вилену. Ведь именно благодаря получаемым от него деньгам, зарплате и поощрениям она становилась на ноги, выводила из нищеты семью. Кроме мебели, она и себе купила немало вещей. Шахида понимала, что Вилен для неё был соломинкой для утопающих. Работа стала занимать у неё главное место в существовании. Она также понимала, что интимные отношения, какими бы унижительными они ни были, надёжно гарантировали её нахождение на работе. Она часто задумывалась: не будь их, держал бы её на работе Вилен? Она знала, что одни отношения зависели от других. Предложение Заремы было слишком нереальным. Особенно то, что касалось её поездки. Шахиде деньги нужны были сейчас.

Вскоре после разговора с Заремой Вилен сам заехал за Шахидой. Он был одет в белые брюки и розовую тенниску, на ногах были белые туфли. Когда он в таком виде вошёл во двор, Ання с удивлением рассмотрела его, даже обошла вокруг и, став перед ним, хлопнула в ладоши.

— Ты даёшь, Владимир Ильич! И чего это ты так вырядился, как будто тебе восемнадцать лет?!

— Конечно, не восемнадцать. Уважаемая, я всегда так одеваюсь! — хвастливо сказал он. И объяснил цель внезапного посещения: — Я в райцентр ездил, а после к вам заехал. Сегодня у нас праздник на работе. Десять лет исполнилось нашему предприятию!

В это время из дома выскочила Шахида в белой футболке и короткой юбке. Она подбежала к гостю и протянула руку для приветствия.

— Здравствуйте, Вилен Алибасович! — сказала она.

Вилен поцеловал её руку.

— Дочка, ты бы оделась понаряднее. У вас будет праздник! — торжественно проговорила Ання.

— Правда? Я надена белое шёлковое платье с зелёными цветочками и синие босоножки! — Шахида, не тратя времени, поторопилась в дом.

— Одевай, родненькая, — проговорила Ання. Она обратилась к Вилену: — А что она там будет делать?

— Поможет накрыть праздничный стол. Вместе с женщинами будет. Мороженым угостит всех и сама угостится. Мы и премии будем давать. Небольшой фуршет будет. Возможно, что не задержится и успеет на маршрутку. Если что — останется у нашей кладовщицы, она рядом с работой живёт.

— Ах, вон в чём дело! — задумалась Ання и подозрительно посмотрела на мужчину.

— Вы не беспокойтесь! Я бы и сам её обратно привёз, но не смогу, гостей много. В крайнем случае останется у кладовщицы Елены Павловны, она порядочная женщина ваших лет.

— Вы смотрите мне, Владимир Ильич! Девушке всего двадцать лет. Она у нас ни к кому в гости не ходит, только дома ночует.

— За её сохранность не беспокойтесь! Я о ней позабочусь.

Вышла Шахида в новом платье с зелёными цветочками и в босоножках на высоких каблуках.

— Вилен Алибасович, товар мне брать? Я уже связала несколько свитеров!

— Не надо! — пренебрежительно проговорил начальник.

— Почему же не надо? Машину же пригнали, забрали бы заодно! — вмешалась в разговор мать.

— Она недавно привозила, да и багажник у меня занят. Когда достаточно будет продукции, тогда и привезёте.

— У нас с поездкой целая проблема, — не отставала Ання.

Но Вилен не услышал её слов и, пропустив девушку вперёд, последовал за ней.

Во время торжественного собрания Шахида в приёмной кабинета начальника одна накрыла на стол, разложила фрукты, пирожные, нарезки и поставила фужеры. Награждённые грамотами и денежными премиями работники офиса, бухгалтерии и гости вереницей вошли в приёмную. Вилен открыл

заранее приготовленный ящик с шампанским. Передал бутылки мужчинам, чтобы они их открыли и ухаживали за женщинами. Началась пальба из бутылок, женщины визжали от хлопков. Стульев для всех не хватило, мужчины стояли, женщины сидели. Собравшиеся быстро проглатывали бутерброды с сыром, колбасой, рыбой, пили вино без тостов. За час управились. Женщины разобрали фрукты и конфеты со стола и поторопились уйти. Следом ушли и мужики: водители, электрик, завскладом и охранники. Шахида стала убирать со стола. Вилен сидел и загадочно смотрел на неё, умиляясь её действиям.

— Распускаем людей в быткомбинате, — сказал он мечтательно.

— Что же будет с работниками, со мной что будет? — испуганно проговорила девушка, остановив мытьё фужеров в кастрюле с водой.

— Бухгалтерия будет работать на дому. Нет для них работы. Надомницы останутся, будут тоже вязать на дому. Завскладом, кладовщица не нужны. Здесь некому сидеть. Оставлю пару охранников, и хватит. Я сам могу поставлять торгующей организации товар, а она будет отправлять в Москву свои машины. Достаточно. Надо думать о побочных производствах.

— Значит, я остаюсь? — обрадовалась Шахида.

— Моя радость, как же без тебя?! Ты у меня главная вязальщица! — Вилен вытащил из стола конверт и стал напоказ считать деньги. — Здесь пятьсот! Это твоя премия!

— Ой, как много! Это почти месячный заработок наших аульчан! Я вам так благодарна! — она, подскочив к Вилену, выхватила мокрыми руками конверт и отложила в свою сторону.

— Надеюсь, что ты будешь умницей! — он, взяв со стола полотенце, протёр ей руки, обнял и поцеловал в губы.

— Вы так хорошо целуетесь!

Вилен, не отпуская её, пристально посмотрел в глаза.

— Ты же будешь умницей? — спросил он, касаясь щекой её лица.

— Да, Вилен Алибасович! Я буду делать всё, что вы скажете!

— Молчание — золото! Тогда поедем в парилку.

Шахида о парилке слышала от Заремы. Она поняла, что там будет что-то необычное и не совсем приятное, но радость от вознаграждения превзошла все её опасения.

— Я с вами хоть куда! — произнесла она.

Друг, уехавший работать в Америку, оставил Вилену дом.

— Ого, какой! — восхитилась она трёхэтажным особняком, когда миновали ворота.

Небольшой двор был весь в цветочных клумбах. Напротив дома стояли подсобные помещения, в дальнем углу находилась сауна из красного кирпича. Перед сауной был мангал с заготовленными дровами и древесным углём в специальном пакете. В бане было натоплено. Медленным огнём горела газовая колонка. Баня начиналась с гостевой комнаты, где стоял стол, длинные скамейки, широкий обитый кожей топчан и холодильник. В другой комнате был небольшой бассейн и парилка. Весь пол бани был выстлан кафелем лазурного цвета. Вилен сказал:

— Это не мой дом. Чтобы не отапливать его весь, я занимаю только одну комнату. Зайдём и туда. Я вчера мясо замариновал. Сейчас сделаю шашлык, а всё остальное есть, — он показал на холодильник.

Шахида достала нарезки, воду и стала расставлять на столе. Вилен вытащил кастрюлю с маринованным мясом и стал нанизывать его на шампуры.

— А где ваша семья? — спросила Шахида.

— Была когда-то. Но детей нет. Мать в другом городе живёт, — нехотя ответил Вилен. Нанизав на четыре длинных шампура, спросил: — Нам, наверное, хватит?

— Конечно, хватит, я не хочу есть, — сказала Шахида.

Вилен отнёс шампуры. Девушка вышла за ним, посмотрела, как он зажигает огонь.

— Пусть горит! — Он повёл девушку обратно.

Достал из холодильника бутылку коньяка и разлил по стопкам. Шахиду передёрнуло.

— Я и без коньяка готова делать всё, что вы скажете, — сказала она.

— Для храбрости надо, — сказал Вилен, протягивая стопку.

— Ой, не люблю я пить, — сказала она, но стопку взяла. — Меня развезёт!

— Это же хорошо! Я хочу, чтобы ты не смущалась. А самому надо расслабиться, отвлечься от всего плохого. Мы ходим, как натянутая пружина, а должны уметь отдыхать. Давай, шахиня!

Они выпили. Затем ещё. После Вилен принёс шашлык. Съели всего пару кусочков. Вилен сказал, что надо париться. Разделись догола. Шахида никогда не мылась в бане, дома у них даже душа не было. Обычно все мылись в алюминиевом тазу, поливали себя водой из кумгана. Шахида чаще всего купалась одна, иногда ей помогала младшая сестра. Вилен, плеснув воду на раскалённые камни, напустил пара, затем побрызгал какой-то жидкостью из пластмассовой бутылки. В парилке распространился приятный аромат. После стал обучать, как пользоваться веником. Сначала щадяще показал на ней, а затем лёг на деревянный настил, сделанный в виде ступенек, и заставил Шахиду шлёпать себя веником. Девушка не умела, робела. Он криком требовал, чтобы она хлестала изо всех сил. После они вышли и спрыгнули в бассейн с холодной водой. Выпили ещё. Вилен был сильно возбуждён, Шахида опьянела. Вилен включил громкую музыку и из-под стола достал потёртый ремень без бляшки.

— Бей этим, как отец ребёнка! Бей изо всех сил! Кричи: негодяй, подонок, отброс жизни! — и лёг на живот.

Она не могла сильно бить. Несколько раз размахнулась и слабо ударила. Вилен вскочил и, вырвав ремень из её рук, хлестнул девушку по ягодицам.

— Вот так! — заорал он, вложил в руку испугавшейся девушки ремень и лёг обратно на топчан.

Шахида заплакала и вся сжалась, забившись в угол. Вилен закричал:

— Бей! А не то я тебя отхлестаю!

Шахида стала бить. Мужчина извивался, но не вставая, кричал:

— Бей!

— Я не могу! — зарыдала Шахида, но стала исполнять приказ и хлестать его ремнём.

— Бей, шахиня! Бей! Кричи: хулиган! Кричи: негодяй! — входя в раж, заорал Вилен.

Шахида стала кричать и продолжала хлестать его по спине и по ягодицам. Вскоре она обессилела и села рядом. Музыка гремела в ушах, всё переворачивалось перед глазами.

— Ты не можешь бить, как отец бьёт своего сына, но сможешь, родненькая! — закричал Вилен и, обняв девушку со спины, обессилено застонал. — Сможешь, барыня! Сможешь! — он зарыдал.

Она тоже заплакала, и они стали целоваться. О сексе, которого всё время ожидала Шахида, можно было забыть, его не было. В поцелуях заключалась какая-то отчаянная жалость друг к другу. Придя в себя, Вилен встал и налил коньяк в стопки. Девушка пить не хотела, мычала, отмахиваясь руками. Мужчина насильно влил ей в рот содержимое стопки. Она не помнила, что происходило после. Помнила только, что была в роли барыни, а он был её рабом...

Шахида проснулась, когда уже наружный свет проникал через приоткрытую дверь. Она лежала, укрытая махровым полотенцем. Вилен, одетый в чёрную сорочку с длинными рукавами и чёрные брюки, ходил по комнате и, закидывая голову вверх, о чём-то думал. Он увидел, что девушка открыла глаза.

— Ну как? Проснулась? — спросил он.

— Голова болит, — пожаловалась Шахида.

— Будешь? — он показал стопку с коньяком.

— Ни за что! Мне плохо!

— Я выпью, — Вилен опрокинул стопку. — А ты пей нарзан, тоже неплохо помогает. — Взяв бутылку с водой, он налил в бокал и протянул девушке.

Шахида встала, выпила бокал до дна, вздохнула.

— Что это было вчера?

Вилен подошёл к ней и отдернул полотенце, которым девушка старалась прикрыть наготу. Он внимательно оглядел тело.

— Вроде нет синяков? — спросил он у себя.

— Ага, нет! Здесь до сих пор болит! — показала она тёмную полосу на ягодицах.

— Извини! Я не хотел.

— Я не за это переживаю, а за то, что я хлестала вас! Вон тем ремнём, — она показала ремень, лежащий на кафеле.

— Я тебя прощаю. Хорошо сделала! Проказников надо наказывать! Забыли, — сказал он.

— Такое не забудешь, — проговорила Шахида.

— Забыли! — строго повторил Вилен.

— Я и так ничего не помню. — Шахида встала и, подойдя к белью, сложенному в углу, начала одеваться. Надела платье. — Мне от нарзана лучше, — она начала разглаживать лицо. — Я оживаю. Стала, как заново рождённая! — Она подняла с пола сумочку, раскрыв её, вытащила конверт с деньгами. — Для меня, в моём положении, главное — это!

— Деньги получишь ещё. Ты будь умницей. И никому ни слова!

— Вилен, я никому! Это же в моих интересах. Мне было хорошо с тобой! — Шахида сама удивилась тому, что обратилась к начальнику без отчества. Она очень хотела, чтобы он на самом деле стал ей своим, а произошедшему накануне она не придавала никакого значения.

Вилен проводил её до автостанции и посадил в маршрутку, идущую до аула. Шахиде не хотелось идти домой, и она зашла к Зареме. Подруга была удивлена столь ранним визитом.

— Ты откуда в такую рань? — удивилась Зарема. Она сидела перед столом и, доставая овощи из ящика, чистила их ножом.

— Из города, — загадочно улыбаясь, сказала Шахида. Зарема внимательно разглядела её.

— Да ты, вижу, довольная, как будто десять раз кончила!

— Разве в этом дело?

— А в чём же? Ты была у Вилена?

— Да.

— С ним не кончишь, — она достала из ящика и показала морковку размером с палец. — Ну, хоть бы такой был. Это же настоящее мучение! Подонок он!

— Ты об этом никому не говори, — испугалась Шахида, как будто эти слова произнесла сама.

— О-о! Приехали! Яйцо курицу учит!

— Зарема, я про себя не говорю, я не понимаю, как он от этого всего получает удовольствие!

— Не знаю и знать не хочу! Ты от этого получаешь удовольствие?!

— Зачем ему, чтобы его били? Чтобы издевались?

— Испорченный он! Наверное, в тюрьме научили!

— Он что, в тюрьме сидел?

— Не знаю. Только сильно униженный мужик так себя ведёт! Не удивлюсь, если он к тому же наш конкурент!

— Я не поняла, о чём ты?

— Не удивлюсь, если он голубой! — засмеялась Зарема. Шахида не поддержала смех.

— Мне его жалко. Ты только никому не говори об этом.

— Что ты заладила одно и то же. Об этом никому не расскажешь! Саму шлюхой обзовут!

— Мне кажется, что он хороший человек, я бы могла его полюбить... — раздумывая, проговорила Шахида.

Зарема отодвинула нож и удивлённо посмотрела на девушку.

— Прежде, чем сказать, подумай над словами. Как можно такого полюбить? Это же подобие мужчины! Тебе понравилось то, что он рыдал?

Шахида утвердительно кивнула.

— Ты никогда никого не любила?

— Наверное...

— Выкинь из головы. А эти его слова — пустышки, за ними нет подтверждения. Меня он тоже королевой называл. Ладно, давай об этом не будем, — как бы опомнилась она. Прикусив губу, поменяла тему разговора. — Я собираюсь на Север. Окончательно решила. Один человек обещал помочь. А до этого хорошенько гульнём. Хорошо, Шахида?

— Как скажешь, так и сделаем. — Но она думала о своём и снова таинственно заулыбалась.

— Чего ты так улыбаешься? Не тронулась случайно?

— Я о своём думаю. Хочу как у тебя телевизор купить.

— Если деньги есть, то это проще простого. Знаешь в городе возле автостанции магазин «Телемир»? Там какой хочешь найдёшь.

— Куплю телевизор — и как человек заживу.

— Это как?

— Хотя бы дома уют почувствую.

— Тебе надо съезжать из дома. Засосёт тебя эта грязь. Тебе сначала необходимо мужика нормального завести, чтобы секс был хороший. Ты молодая. Замуж не торопись, можешь в кабалу попасть. Наши от тебя будут требовать послушания, смирения, а сами по сторонам глазеть, все деньги пропивать. Я жила со своим, а теперь даже вспоминать не хочу ту жизнь. Муж уходил рано утром, возвращался, когда темнело. Где он, что он делает? Я знать не знала. Целый день

присматривала за мной забитая свекровь. А я делала всё: и за ребёнком смотрела, и еду готовила, и прибирала, и корову доила. Она же только за мной и следила. Муж приходил ночью, его только постель интересовала. А утром опять исчезал, оставляя меня на растерзание своей матери. Он и свои деньги до копейки отдавал ей. Я жила, как домашняя рабыня. Оно тебе нужно? Надо подальше от аула ехать. Раз здешние не ценят, пусть живут, как хотят. Нам этого не надо.

— А мне куда, Зарема?

— Я чувствую, что у тебя всё будет по-другому. Ты, как мне кажется, особенная. Поражаюсь, ты даже Вилена способна любить! Выкинь его из головы. Это у тебя от отчаяния. Всё выправится. Только ты не попади в лапы какого-нибудь кретина. А мне надо подальше. Что это за жизнь, что домой нормальный мужик не может прийти?! Видишь ли, стесняется, боится, что его увидят со мной. Брезгует, что ли?

— Эдик же приезжает!

— Так я о нём и говорю. Подожди, я ему устрою! Гулять все хотят. Мужики ратуют, чтобы ни жёны, ни мы, с которыми шашни разводят, не гуляли. По их уму, это хороший обычай. Кроме того, появились в ауле такие, которые хотят, чтобы мы в платки закутывались, платья с рукавами носили. А сами на море едут, в шортах за блондинками бегают. Вот им! — она выставила руку по локоть, делая неприличный жест. — Сперва сами, потом мы!

— Зарема, ты так много знаешь! — восторженно произнесла Шахида.

— А что тут знать?! Всё из жизни! Представляешь, недавно была на поминках дяди. Родственники попросили меня, чтобы я подала кумган с полотенцем читающим Коран. Все помыли руки, лица, обтёрлись и ушли. Последним подошёл краснолицый, бритоголовый мужик, видимо, преднамеренно отстал от других. Слащаво посмотрел на меня и впился глазами. Я взгляд отвела. Он помылся и стал обтираться полотенцем, которое я в руках держу с обеих концов. «Ты мне нравишься, дорогая! Знаю, что ты разведёнка, а их надо ублажать. Говорят, что грехи за это отпускаются, — опять навёл он на себя свою слащавую улыбку. — Знаешь, почему перед молитвами руки моют? — спросив, сам же ответил: — Благие дела надо творить с чистыми руками», — а сам из-под поло-

тенца хватить меня за сиську. Я обомлела. Что тут скажешь? Скандал не устроишь, старика не оттолкнёшь. За моей спиной народ, мы на краю огорода стоим. Мигнул мне, похабник, и пошёл молитвы делать. И всё!

— Такие тоже бывают?

— Бывают. Все! Все они такие! Развернулись бесповоротно! Как делающему намаз в голову такое могло прийти? Он подумал обо мне? Как можно позволить, чтобы незнакомец хватал за сиську женщину! Ни по каким законам, ни по каким обычаям нельзя! Узнают люди, руку ему отрежут! Тут невольно запьёшь. Давай, Шахида, гульнём. У меня скоро день рождения.

— Поздравляю, Зарема! Сколько тебе?

— Тридцать пять исполняется. Сейчас рано поздравлять. Через десять дней поздравить. Напьемся вдрызг!

— Зарема, ты знаешь... Я не люблю пить. То есть совсем не хочу, не идёт мне, не нравится, а все заставляют!

— Кто тебя заставляет пить водку? Пей вино, шампанское.

— Да мне вообще спиртное не идёт. Ни вино, ни шампанское, ни коньяк.

— Тогда не пей! Всё же от тебя зависит. Я почти не пью. Я только для вида держу стакан. Сначала чуточку отопью — и всё!

— Для меня одного глотка достаточно, чтобы я опьянела. А мужики заставляют!

— Ты так сказала, как будто у тебя десять мужиков было. Не пей. Для вида подымай. Когда мужик пьёт, отливай на пол.

— Не умею.

— Ой, дура, это же проще простого. Давай потренируемся! — Зарема встала и, взяв стаканчик, налила воды. — Постукайся, а затем, — Зарема, не отводя взгляда от девушки, одним махом плеснула воду из стакана на палас, а потом показала пустой стаканчик. — Всё просто! Мужики требуют выпить, чтобы ты быстрее отдалась, чтобы не контролировала себя. А это можно сделать и без водки. В этом вся игра. Я понимаю, когда европейская, русская женщина принимает сто грамм — это для поднятия тонуса, у них генетическая предрасположенность. А наши мужики, не понимая зачем, своих жён заставляют пить. Наверное, хотят заниматься с ними извращениями? Мужики — гады, но мы должны быть

хитрее. Самое интересное наблюдать, как они подбираются к тебе. Если ты пьяная — это конец. Могут группой изнасиловать. А после ещё и языком будут трепать: шлюха, потаскуха! Сами изнасилуют, и сами будут ярлыки клеить! Тьфу! — Она имитировала плевков. — Сами хуже шлюх!

— Тебя насиловали? — Шахида настороженно посмотрела на подругу.

— А тебя? — Замолчали. Испытывая, Зарема поглядела на девушку. — Не надо задавать глупых вопросов. Не давай повода для кривотолков. Живи и помалкивай. Молчание украшает любую женщину! Сама не подтверждай дурацкие слухи и безосновательные подозрения.

Телевизор — связь с миром

Шахида ушла домой. И дома она загадочно улыбалась. Мать, озабоченная тем, что она не ночевала дома, глядя на неё, спросила:

— Вижу, что очень довольная. Хорошо отпраздновали?

— Нормально, мама. Было очень весело. Я ночевала у кладовщицы дома. А на работе премию дали!

— Сколько? — обрадовалась Ання.

— Я хочу телевизор купить.

— У нас же есть! — не очень довольная, удивилась мать. У неё насчёт денег были свои планы.

— Этот я поставлю тебе на кухню или отцу в сарай. А новый — в доме, он будет очень кстати к новой мебели.

— Хорошо, родная. У меня были другие планы. Скоро аулу дадут природный газ, аульчане готовят дома к этому. Нам тоже надо бы купить котёл для отопления, пристройку сделать, чтобы там была ванная комната.

— Мама, я обязательно заработаю ещё.

— Ванная важнее, — осторожно проговорила Ання.

— Это я тебе говорила, что ванная необходима в первую очередь. А теперь ты мне мои слова возвращаешь. Я заработаю. Но телевизор я куплю, он определяет весь уют в доме.

— Отец тоже бычков продаст. На пристройку вырученных от продажи денег должно хватить. А для ванной ты сама подберешь материалы в магазине, на свой вкус.

— Так и сделаем, мама. Была бы цель, а средства найдутся, — она повторила слова Заремы, как-то сказанные ею на их чаепитиях.

— Ох ты! Как ты заговорила! У тебя что-то внутри сильно меняется! Не больно хвастайся достигнутым, не испугай удачу. Счастье тишину любит. Главное, выпрямляйся. Не забывай: тебе надо замуж.

— Выпрямлюсь, мама. Только замуж я не буду торопиться.

— Может, это правильно! Но замуж надо! — твёрдо, но непонятно проговорила мать.

На следующий день Ання с дочерью поехали в город. На машине повёз Гондурас. Купили большой цветной телевизор марки «Самсунг». Гондурас подсоединил антенну. Телевизор показывал хорошо, намного лучше, чем старый чёрно-белый. Всем было радостно. Информация с Гондурасом обмывали покупку в мастерской. Информация с появлением детей хорошо усвоил, что пить спиртное перед семьёй безнравственно.

— Это неправильно, чтобы жена и дети видели то, что ты налегаешь на шайтан-воду. Мужу, может, полезное дело для здоровья. Но для женщины это — пропащее дело. А дети, тем более девушки, вообще не должны видеть пристрастие отца к шайтан-воде, — часто по-педагогически объяснял брату Информация. Он даже гордился перед братом, что придерживается древнейших народных традиций.

В этот раз Ання с пониманием отнеслась к желанию мужа, она даже дала на закуску куриные ножки. Обычно они пили почти без закуски: с кусочком сыра или солёным огурцом. Когда они сели на табуретки за самодельный низкий столик, Информация поднял стакан с водкой и неторопливо произнёс:

— Теперь к нам газеты не приходят. Вся ценная информация доходит до нас через телевизор. Давай выпьем за покупку дочери. Наконец-то у неё жизнь налаживается!

— Давай за новый телевизор! — упорядочил мысли старшего брата Гондурас.

Телевизор в семье давно играл определённую роль. Особенно в девяностые годы. Тогда в центре событий была Ання, она стала киноманом. Почти ежедневно она смотрела повторы вечерних фильмов. Вечером семья засыпала с наступлени-

ем темноты, было трудно сидеть за телевизором. Но днём никто не мог оторвать её от таких известных сериалов, как «Санта-Барбара», «Рабыня Изаура», «Богатые тоже плачут», «Просто Мария». Она смотрела их с упоением, оставив все свои занятия. Затем, в общем-то, как и женщины всего аула, целыми днями изливала свои переживания. Информация днём делал свои дела: смотрел за коровой и лошадью, пас телят, косил сено, занимался огородом. Сериалами он не увлекался, его больше интересовали вечерние новости. После новостей он удалялся в мастерскую, там отдыхал. Ближе ко сну мог пойти к жене на кухню, но летом чаще засыпал в одежде на досках. В целом Информация, как и большинство аульчан, был мужиком без инициативы. Даже смахивал на подневольного человека. Он жил, ожидая приказа. Инициативу подавала Ання. Она скажет, что надо делать — он делал. Сам он не брался за новое дело. Даже скотину резал по её указке. Ему своя жизнь, свои занятия были по душе. Семью же надо было правильно содержать, поэтому о дальнейших перспективах думала жена.

— Я тебе плохое не сделаю, у меня ничего не делается во вред семье. Всё я делаю ради вас! — часто с чувством собственного достоинства говорила она.

Информация неоднократно убеждался, что это так. Как-то, в то время, когда показывали сериалы, он долго не мог уснуть в мастерской, ему надоело переворачиваться с боку на бок, и он вышел наружу. В прихожей дома горел свет, а в зале мерцал голубой огонёк. Он понял, что старшая дочь, тогда ещё школьница, смотрит телевизор. И решил посмотреть, что интересного показывают. Дочь в полусонном состоянии сидела на диване и глядела на экран. Когда он зашёл, она даже не глянула в его сторону. На экране темнокорая женщина объясняла, что надо пользоваться презервативом. Информация, остолбенев, ошарашенно прислушался к телеведущей. Она со знанием дела объясняла, как пользоваться этим предметом, после даже дунула на него и стала показывать, как его надевать на мужской орган. Информация косо посмотрел на дочь. Та безмятежно смотрела на экран. Отцу стало стыдно, — больше за себя, что он при дочери смотрит на эту срамоту. Информация тихо подошёл и выключил телевизор. Дочка встала с дивана и пошла спать. Тогда ей было около десяти лет. Понимала ли она, на что смотрит и что

слушает, отец так и не уразумел. Ошарашенный, вышел из дому. Во дворе отдышался. Потом поторопился на летнюю кухню. Супруга иногда засыпала при свете, но после вставала и тушила его. И в этот раз Ання заснула при свете, но когда зашёл муж, она проснулась и, не понимая, посмотрела на него. Он осторожно подобрался к кровати и сел с краю у ног жены.

— Чего припёрся? — полусшёпотом спросила Ання.

— Да там по телеку такое показывают! Такая информация! — тихо сказал он.

— Что там показывают? Чего это ты заикаешься? — перевернулась к стенке жена.

— Чёрная женщина показывает, как надо на член надевать резинку, — испуганно произнёс муж.

— Тебе-то что?

— Такое разве можно показывать?!

— А ты не смотри!

— Дочка тоже смотрела, — с ужасом прохрипел он.

— Пусть и она не смотрит. Это не для вас!

— Как же это? На всю страну показывают!

— Тогда пусть и она знает, что надо предохраняться, а то принесёт в животе, будешь растить выродка. Умные девки должны знать, что надо предохраняться!

— Она же маленькая! Не знал, не знал, — смущённо проговорил он.

— Я тебе говорила, что для тебя не всякая информация полезна, а для дочери вот такая полезна.

— Неправильно это! У тебя в голове это от телевизора. У тебя дон Педро говорит, и богатые тоже плачут над тем, как бедные погибают! — рассердился муж. Он хотел встать и уйти.

Ання схватила его за руку:

— Не уходи, дон Педро! — засмеялась она.

Тепло руки жены передалось мужу. Он разделся и лёг рядом. В молодости обычно к интиму склонялся он, но теперь и в этом инициатива была у Ання...

После покупки нового телевизора Шахида, изготовив соответствующее количество свитеров и шапочек, сама повезла товар на автобусе в город. Во дворе быткомбината стояли крытые «Газели», из подвала быткомбината какие-то люди выносили ящики с бутылками водки и грузили в машины. Возле

одной из них стоял Вилен. Увидев девушку, он обрадовался и подошёл к ней.

— Ты приехала, моя радость! — произнёс он.

— Я привезла товар! — сказала радостно Шахида, показывая на большие клетчатые сумки, которые с трудом донесла до здания.

— Отнеси в приёмку и жди меня. Я отправлю машину и сразу подойду. А ты пересчитай изделия и запиши на листок.

— Хорошо! Я и так знаю, сколько свитеров, сколько шапочек.

— Ты посчитай! Это будет правильно! — и Вилен вернулся к машине.

Шахида занесла сумки. Пересчитала изделия и записала на листок их количество. Вскоре зашёл Вилен. Он обнял девушку и поцеловал в губы.

— Ты извини! Я открыл тут новое производство. Сегодня пригнали машины, я должен погрузить товар и оформить накладные. Ты про водку никому! Это коммерческая тайна!

— Конечно! Я и не поняла, что там делается! — удивлённо проговорила она.

— Ты бы не смогла приехать в выходной, без сумок? Попаримся в парилке!

— Могу! А товар? Вот список! — она показала бумажку, лежащую на столе.

Вилен взглянул на бумажку, затем вытащил из кармана тысячерублевую купюру и протянул ей.

— Это задаток. Остальные деньги я отдам, когда приедешь, милая! Ты приезжай часам к десяти сюда, я очень соскучился! — Вилен вопросительно посмотрел на девушку: довольная ли она таким оборотом дела.

— Хорошо! — кивнула Шахида.

Девушка всю дорогу думала над словами Вилена. «Он соскучился! Он любит!» — мечтательно произносила она.

Шахида приехала на выходной. Вилен опять повёл в парилку. Перед сауной стоял всё тот же мангал с дровами и углём, сауна была натоплена. Вилен положил жарить шампуры с мясом, затем сходил в дом и принёс полиэтиленовый пакет с одеждой. Он достал оттуда и надел на неё фуражку морского капитана с кокардой и юбку с золотыми лепестками из целлюлозы, которая покрывала только ягодицы. Муж-

чина с восхищением смотрел на её наряд. Шахида посмотрела на себя в висящее на стене большое зеркало и была удивлена своим нарядом. Затем Вилен разлил по стопкам коньяк и произнёс:

— Я хочу выпить за тебя, мой адмирал!

В этот раз девушка не пила. Она взяла в руку стопку с коньяком и держала для вида. Глядя ему в глаза, прикоснулась к ней губами и, когда, закидывая голову, Вилен пил свою стопку, девушка незаметно вылила содержимое под стол. Ели шашлык. Мужчина безостановочно пил, Шахида делала вид, что поддерживает его. Когда выпито было достаточно, начали париться, затем пошло в ход хлестанье веником, затем началась игра. Трезвая Шахида с охотой выполняла все его прихоти. Она его топтала, била хлыстом, обзывала всякими грязными словами. Вилен в изнеможении уснул на лежаке. Шахида обмылась, обтёрлась полотенцем. Оделась и взяла конверт с деньгами, который показал ей начальник, когда она приехала. И на автобус успела, уехала в аул. Игра Вилена при том, что она была трезва, придавала ей ещё большую уверенность. В неё даже вселилась гордость.

Войдя на кухню, она свысока посмотрела на Анню.

— Что это с тобой? — удивилась мать.

— Я думала, что останусь у кладовщицы, но в этот раз Вилен меня быстро отпустил. Он доволен мной. И заплатил всё сполна! — сказала она, показывая конверт с деньгами.

В это время на кухню вбежала Эльвира. Она, как делала это обычно, решила сказать очередную колкость.

— Явилась, непутёвая! Не запылилась! — произнесла она, смотря на реакцию матери.

— Ты чего, дочка. Это же твоя старшая сестра! — упрекнула Анню.

Такое обращение у Эльвиры было с тех пор, как старшая сестра вернулась в дом сломленной, подавленной. Много обидного говорила она ей. Выдумала историю с побегом её к боевикам и, благодаря ей, появилась у старшей сестры кличка. Через год после возвращения сестры Эльвира поступила в то же медицинское училище, в которое не смогла поступить Шахида. Тогда, приехав домой, она торжественно всем объявила о поступлении, а сестру при отце и матери впервые обозвала.

— Непутёвая, я сдала все экзамены на отлично и вела себя прилично! Не то, что некоторые!

Родители тогда, возбуждённые радостной вестью, сделали вид, что не слышали этих слов. У Шахиды же не было сил связываться.

Вообще с самого детства между сёстрами были неладные отношения. Ссоры всегда были обычным делом. Шахида знала, что она старше Эльвиры, и никогда не давала ей спуску. Но родители больше были на стороне младшей. Мать всегда называла Эльвиру умницей. Информация часто брал её на руки. Шахиде было особенно обидно, когда отец уводил её на пригорок и они часами сидели там и смотрели в сторону зелёных берегов Кубани. Родители свою приверженность объясняли тем, что Эльвира младшая, всегда были на её стороне. После поступления на учёбу колкости Эльвиры выросли в грубейшие оскорбления. Но в этот раз у Шахиды было возвышенное состояние.

— Мама, уйми свою умницу! — еле сдерживая себя, проговорила она.

Анния почему-то не отреагировала, её внимание было приковано к конверту, который держала в руках старшая дочь.

— А что ты мне сделаешь, непутёвая?! — ещё сильнее хотела разозлить сестру Эльвира.

Шахида подошла к сестре и со всей силы дёрнула за руку. Эльвира больно стукнулась о край стола.

— Раздавлю, как гадину! Тварь!

Эльвира вытаращила синие глаза и застыла на месте. Анния схватилась за щёку и с удивлением посмотрела на дочерей.

— Пусть заткнётся, сука! — Шахида вытащила из конверта деньги и кинула на стол.

Старшая дочь никогда не произносила неприличных слов. Поэтому Анния не знала, как вести себя, и заступаться за младшую дочь не могла, так как на столе лежала куча денег, заработанных Шахидой.

— Если ты ещё что-нибудь скажешь в мой адрес, я тебе язык вырву! Отброс жизни! — Шахида повторила выражение Вилена, часто употребляемое им.

Мать не стала на сторону младшей дочери. Эльвира очень обиделась. Еле сдерживая слёзы, она ушла надутой.

— Что с тобой, дочка? — нарушила создавшуюся паузу Ання. Взяла со стола купюры, разглядела их. Удивилась. — Откуда у тебя столько?

— Заработала. Вилен расплатился за товар, — сказала Шахида.

В тот же день отец с матерью донесли до отказа нагруженные продуктами сумки и проводили Эльвиру до остановки. Когда подъезжал автобус, мать положила в карман дочери деньги.

— Это триста рублей, тебе на месяц хватит. Приезжай, дочка. Не обращай внимания на слова сестры, у неё нервы не в порядке.

— Моей ноги не будет в вашем доме! Я её не хочу видеть! — дочь подняла сумки и пошла на посадку.

Эльвира перестала приезжать домой. Теперь родители попеременно сами навещали её в общежитии. Ання хотела поругать старшую дочь, но не стала, смирилась из-за врученных ею денег. Мужу в тот вечер сказала:

— Наша старшая принесла деньги. Из них я отдала Эльвирке. Солярка сильно дорожает, зимой ею топить — мы денег не напасёмся. А скоро из района природный газ должны подключить. Большая экономия для отопления, тогда можно и ванную сделать. Девочки большие, им неудобно с тазиком купаться. Да и нам надо по-человечески. Уже у всех ванные с душем имеются. Одни мы живем, как в допотопные времена.

— Я что? Я готов. Телята вес набрали, продадим их и купим котёл.

— Я думаю, что сегодняшних денег хватит не только на кирпич и строительство пристройки, но и крышу всего дома можно жостью перекрыть.

Информация о происхождении денег и какая это сумма, не спрашивал. Он чувствовал, что деньги несправедные. Поэтому, обходя этот вопрос, сказал:

— Если материал будет, то мы с Маультом за месяц пристройку сделаем. Да и крышу можем перекрыть. Я же ему не раз помогал, когда он строился. Только вот котёл поменять и сантехнику поставить мастер нужен будет.

— Я думаю, что денег хватит и на мастера. А вот куда старый котёл? Может, солярка подешевеет? — она вопросительно посмотрела на мужа.

— В этой стране ничего не дешевет. Вон, посмотри: зерно, хлеб, мясо как подскочили в цене! — Он всё же решил и спросил: — Сколько же она принесла?

— Ты только ничего ей не говори. Мало, много — это нас не касается! Пять тысяч.

— Ого! Это же нормальному аульчанину за три месяца работы!

— Ну да. Столько навязала свитеров и шапочек. Ты ничего не говори! Видишь, какая она становится?! «Сукой» обозвала Эльвиру!

— А что так?

— Эльвира первой начала. Дура, держала бы язык за зубами!

— Ну, сукой нельзя же, разве можно так девчонку обзывать!

— Ладно, — Ання махнула рукой. — Ты только ничего не говори! Я попробую отрегулировать. Деньги очень кстати.

Как и обещала, в свой день рождения Зарема позвала Шахиду. Хозяйка поставила в духовку гуся с яблоками, Шахида приготовила салаты, открыла банки с солкой, соком из яблок и винограда. Последнее время в ногайских семьях стало принято праздновать дни рождения. Эта традиция новая, приобретённая, раньше этого не делали. В старину считали, что каждый год приближает ко дню смерти. Но не все придерживались такого и тогда, а сейчас повально стали отмечать день рождения, как день знаменательный, важный в жизни человека. В ауле считали, что это повод для праздника. С особым усердием проводили праздники детей. Молодые люди с охотой справляли дни рождения, потому что на них они могли пригласить своих знакомых, пообщаться. Зарема как-то по-особому готовилась к этому дню, она что-то задумала, но о своих планах не распространялась. К семи часам стол был накрыт. Эдик не появлялся. Зарема нервничала.

— Чует зверь! Чует расставленный капкан! — неопределённо приговаривала она. Шахида ни о чём не спрашивала, была послушна виновнице торжества. Часам к девяти терпение лопнуло, и Зарема сердито сказала:

— Давай есть! Проголодались. Давай по стопке!

Шахида думала не пить и в этот день. Но Зарема сама научила, как отлынивать от предложенного алкоголя. Нелов-

ко было демонстрировать её уловки. К тому же, видя, что хозяйка расстроена, она, чтобы поддержать её, выпила стопку. Поели. Говорить было не о чем. Создавалась неловкая пауза. Зарема включила телевизор.

— Подожди, гад! — произнесла она. И тут они услышали за окном гул машины. Зарема вскочила и выключила телевизор. — Теперь сидим и не обращаем внимания! — сказала она, выпрямляя спину и подтягивая кулачки к груди. — Сегодня останешься у меня! — Вскочив, она положила подушку в изголовье дивана, где уже спала подруга, и опять чинно села на место. — Голову положишь сюда, чтобы было видно, — и показала рукой в сторону спальни.

— Может, мне лучше уйти? — взмолилась Шахида.

— Мне нужна поддержка! — заговорщически проговорила Зарема.

Эдик пришёл с букетом цветов и большой коробкой конфет.

— Заезжал в район, а там Карасолтан задержал, у него был серьёзный разговор, — сказал он. Пройдя в комнату, он встал возле стола.

— А мы думали, что ты с концами. В общем-то на тебя уже не рассчитывали, — сказала Зарема, не поворачиваясь в его сторону.

— Извините меня! — сказав, он обнял за плечи Зарему. Затем поздоровался за руку с Шахидой. — Позвольте мне сесть?

— Я сегодня всё позволяю! — напряжённо проговорила Зарема.

Эдик повёл стол. Он сам разливал водку, говорил цветастые тосты, после давал попеременно слово то Шахиде, то Зареме. Шахида и Зарема выпили только за первый тост, а после, когда мужчина опрокидывал стопку, они почти одновременно сливали водку в чашку с чаем. Эдик всё время смотрел на Зарему, но одновременно подмигивал Шахиде. Затем незаметно стал своей ногой касаться ноги девушки и невинно смотрел за обратной реакцией. Шахида не знала, как отреагировать, и с опаской глядела на хозяйку. После Зарема, подкладывая под висок руку, давала Шахиде понять, чтобы она ложилась. Та, поняв жест, послушно сказала:

— Я хочу спать.

Зарема тотчас взяла со стола выпивку и фрукты и повела Эдика в спальню. Вернувшись, дала Шахиде простынь и покрывало и указала пальцем в сторону спальни. Таким образом она давала понять, чтобы Шахида смотрела в ту сторону. Выключив свет, она ушла. В спальне горел ночник. Шахиде было неловко подглядывать, но любопытство взяло верх. Она подняла голову, чтобы выбрать удобное место. Однако прежних любовных утех она не увидела. Эдик пытался склонить женщину к тем действиям, которые он проделывал в ночь на Восьмое Марта, но Зарема отклоняла их, и у них началось обыкновенное сближение. Даже от этого Шахида возбудилась. Ей очень хотелось оказаться на месте подруги. Чтобы не подзадоривать себя, она легла и закрыла глаза. Когда прекратилась возня в спальне, потушили свет. Шахида задумалась над тем, что Зарема настаивала на том, чтобы она видела их интимные отношения. «С чего бы? Она, кажется, хочет меня убедить, что у них в отношениях нет изъянов, но знает же, что я всё видела в прошлый раз». С этими безответными вопросами она уснула. Через некоторое время проснулась от прикосновения чьих-то рук. Это был Эдик. Он, нагнувшись, просунув руку под покрывало, сжимал её грудь.

— Она спит, — прошептал Эдик и скинул с неё покрывало.

— Уйди! — тихо выдавила из себя Шахида, откинув его руку, села, закрывая руками свои груди.

Эдик, силой уложив, набросился на неё. Шахида отчаянно сопротивлялась.

— Ты всё равно дашь мне! — настаивал мужчина, заламывая руки и пытаясь физически подчинить себе.

Резко дёрнулась дверь, которую Эдик заблаговременно закрыл. В комнату вошла Зарема и включила свет. Эдик не успел отпрянуть от дивана.

— Сволочи такие, уложили меня, а сами...

— Зарема, я ни при чём! Я спала. Он набросился на меня! — выкрикнула Шахида.

— Знаю! Этот подонок за всё ответит! — закричала Зарема.

— Я тебе, соска, морду набью! — гневно проговорил Эдик и направился к ней, намереваясь ударить, но не ударил.

Зарема отскочила в сторону. Она и не думала останавливаться.

— Сам ты сосун и лизун! — крикнула она и успела выхватить нож со стола.

— Ты посмотри на неё! — хотел Эдик наброситься, но снова остановился, видя, что Зарема машет ножом перед собой.

— Вон из моего дома! — заорала она и отошла к углу.

Эдик проскочил в спальню и стал быстро одеваться.

— Ты ещё захочешь вафель! — угрожая, Эдик оделся.

— Вон! Я сказала! — истерично заорала Зарема.

— Я тебе башку сверну! Смотри, размахалась ножом! — выкрикнул Эдик, торопясь уйти из дома.

— Никто тебя не боится! За мной такие люди стоят! Ещё посмотрим, чья башка полетит!

Эдик ушёл. Зарема закрыла входную дверь. Шахида, в ужасе схватившись за колени, сидела на диване. Зарема, вернувшись, кинула нож на стол:

— Наконец-то! — тяжело дыша, произнесла она. — Нахал! Ещё угрожает!

— Зарема, я не подавала повод. Он сам! — проговорила Шахида, до этого всё время молчавшая.

— Я знаю! Он на тебя давно глаз положил. Он мне самой несколько раз говорил: «Хочу Шахиду трахнуть!»

— Я ему повод не давала! И тебя я не собираюсь предавать! — уверенно проговорила девушка.

— Мужикам лишь бы разнообразие было! Они хуже шлюх! Гады они! — Подумав и успокоившись, она через некоторое время улыбнулась. — Вообще-то я его сама давно хотела выгнать.

— Почему?

— Надоел он мне. Вот и случай подвернулся.

— Тогда другое дело.

— Чем мы хуже? У меня мужик появился, — вкрадчиво сказала Зарема.

— Ты встречаешься с ним?

— Не то, чтобы встречаюсь. Он пару раз подвозил меня. Говорит, что ему неудобно посещать мой дом. У нас большая разница в возрасте. Приглашает меня жить у него в городской квартире.

— Так он городской?

— Нет. У него в ауле приличный дом, он сильно печётся о своём авторитете. Ему стыдно перед аульчанами из-за разницы в возрасте.

— Я думала, что только женщинам за это стыдно бывает! — удивилась Шахида.

— Есть такие мужики. Он очень солидный, приятный, строгий. Предлагает вместе жить в квартире. Денег куча! Будет содержать. Я давно такого искала.

— А что он, один?

— Без жены. Семью заводить ни он, ни я не собираемся. Оно мне и нужно. Лишь бы содержал. Его сын банком владеет, имеет отдельный особняк в городе. Мне их богатство не нужно. Лишь бы честно содержал. Приобретал всё необходимое. Деньги давал. Он не жадный.

— Так ты работу бросишь?

— Не знаю, подруга. Я боюсь, что он долго семейной жизнью не проживёт. Но при первой попытке мне показалось, что он ещё может. У него главное условие, как и у всех мужиков, чтобы я ни с кем не встречалась. Какая у нас работа? Всё по швам трещит. Всё же я соберу товар и один раз куда-нибудь съезжу. Он мне месяц на раздумья дал. Я и сама должна всё взвесить.

— Ты даёшь! Так ты переедешь?

— Конечно. Думаю, что мать приглашу жить сюда. Отец не хочет свой дом покидать, хочет жить с семьёй моего брата. А сына я не хочу забирать в город. Буду периодически навещать их.

— Так с Эдиком всё?!

— Конечно! Достал он меня! Я его в месяц несколько раз вижу, да и то глубокой ночью. Как кот блудливый приползает. Ты думаешь, он отстанет? Посмотришь, ещё будет в моих ногах валяться, уговаривать, чтобы я ему дала. Вот ему! — Зарема показала неприличный жест, выставив по локоть руку.

Шахида рассмеялась.

— Зарема, ты молодец!

— А то! — подтвердила подруга. Пристально посмотрела на Шахиду. — Ты это, смотри, никому про моего нового. Мне и самой страшно, а вдруг не срастётся!.. И ещё... Мой тебе совет: сходи с тем, который тебе нравится. Зачем тебе этот извращенец Вилен?! Он тебя разрушит морально. Он сам падший на все сто.

— Мне он плохого не делал, по-человечески обращается, — защитила она своего шефа.

— Зачем тебе импотент? Жить надо, милая!

— А если и твой такой будет?

— Честно, я этого боюсь. Но мы с ним в машине целый час возились. Мне кажется, что он нормальный.

— Зарема, а может, он тебя хочет душевно любить? Раз-
ве нельзя без интимных встреч?

— Я думаю, что ты чокнулась. Как говорят: «Лучше кое-
что в руке, чем журавль в небе!» — она рассмеялась.

Но девушка свой вопрос задала не спонтанно.

Через несколько дней после этого дня рождения Шахи-
да, чтобы не было тяжело, с одной сумкой поехала в город.
Она соскучилась по Вилену. Хотя всё было противоестествен-
но, у неё просыпались платонические чувства к нему. На-
дежд на то, что они будут жить под одной крышей, у неё не
было. Она даже не загадывала этого. «Можно же и так жить
с человеком, любить на расстоянии! Он одинок, он нуждается
во мне», — часто повторяла она про себя. И думала о том, что
в жизни должны быть родственные души. Эти мысли возникли
у неё после тех коротких и непонятных встреч. Она была
почти уверена, что у этих встреч должны быть какие-то ду-
шевные мотивы.

Охранник, находящийся на первом этаже, знающий её и
посвящённый в то, что начальник к ней равнодушен, встрети-
л приветливо. Но сказал, что Вилена нет. Подумав, доба-
вил, что он мог бы и не пускать никого, но её пропустит.

— Он, возможно, придёт, подожди его в приёмной, там
открыто, — сказал он.

Шахида поднялась на второй этаж. Время тянулось мед-
ленно. Чтобы попусту не сидеть, она разложила товар на сто-
ле в приёмной. Вилен пришёл, прихрамывая на одну ногу.
Лицо его было почерневшее, он думал о чём-то своём. Он улыб-
нулся Шахиде, но был холоден и чем-то озабочен.

— Я просто хотела вас увидеть, — проговорила девушка.

— Конечно, конечно, — Вилен сел за стол, посмотрел на
связанные вещи. — Ах, не до этого сейчас. Люди из предпри-
ятия, скупающего у меня товар, уехали в Москву. Теперь
заберут через месяц. Ты свой товар оставляй, я потом оплачу.
Положи в шкаф.

— Я не тороплюсь с этим. Просто выбрала время и при-
ехала. — Она собрала связанное в сумку и положила в шкаф.
Затем подошла к столу, чтобы попрощаться.

Вилен встал и, обняв её, поцеловал в щёку.

— Ты умница у меня! Такая добрая! Ты единственная! —
похвалил он.

Шахида была тронута этими словами и тоже сердечно воскликнула:

— Вы у меня тоже единственный! — В ответ Вилен опять обнял, затем нагнулся и стал осыпать поцелуями руки. Она стала их прятать. — Вы что?! Не надо так!

Из-за занавески в углу Вилен вытащил картонную коробку с водкой.

— Слушай, я понимаю, что отпускаю тебя с пустыми руками. Это не в моём стиле. Возьми водку. Возьми, сколько хочешь! — он раскрыл коробку.

— Я же не пью! — рассмеялась она. — Что вы в самом деле? Как я её возьму и как с ней поеду?

— Сейчас водка всем нужна, отец обрадуется!

— Водка всем нужна, но как я её повезу?

Вилен опять заглянул за занавеску и вытащил оттуда серую матерчатую хозяйственную сумку.

— Сюда бутылок десять поместится. Я скажу охраннику, чтобы помог донести до автобуса. Я бы мог и сам, но сильно вывихнул ногу. — Он, согнувшись, стал укладывать бутылки в сумку. — Как раз десять, — произнёс, когда закончил.

— Ой, не надо! Мне с водкой будет неудобно в маршрутке ехать, а после и по аулу идти.

Вилен из-за занавески достал кусок синей ткани и закрыл верх, чтобы не было видно горлышек.

— Это дорогая водка! «Столичная»!

— Спасибо! Прямо не знаю... — проговорила Шахида.

Охранник помог донести сумку до маршрутки и подождал, пока она отъедет. Перекладывая сумку из одной руки в другую, Шахида дошла до дому. Когда она пришла, отец с матерью сидели на летней кухне.

— Так быстро вернулась? — удивилась мать.

— Я мельком видела Вилену. Товар сдала, чуть поговорили. Вот, он дал! — сказала она, ставя сумку на пол. — Еле донесла!

— А что это? — спросила мать.

— Водка!

— Водка? — Ання сконфузилась. — А деньги?

— Денег нет. Сказал, что следующий раз. Сколько можно? Прошлый раз он хорошо оплатил.

— Хорошо! Значит, и у него нет денег. Везде не платят людям. Что за жизнь?! А что мы будем с водкой делать?

— Как что?! — как ужаленный, вскочил Информация. Подойдя к сумке, поднял ткань и быстро стал считать. — Здесь десять бутылок! Целое состояние!

— Я тебе пить не дам! — без настроения проговорила Ання.

— Не мне! — рассердился Информация. — Только за трактор с прицепом уйдёт несколько бутылок. Что он тебе, бесплатно будет возить песок, отсев, глину, камень?! Братан, Гондурас, станет со мной вкалывать? Попробуй в конце каждого рабочего дня не угостить?! Что он тебе, без возмещения ишачить будет?! Какой ему интерес?! Десять бутылок — это даже мало! Ты о моём желудке не думай! На магаричи хватило бы!

— Ладно! Забирай! Не вздумай сам напиваться!

— Да что, я сам себе враг?! Это же наше семейное дело! — продолжал возмущаться Информация.

— Ладно, ладно, что ты прямо? Слово нельзя вымолвить!.. Как же нам с деньгами быть? — закручинилась Ання.

— Мама, к концу месяца Вилен обещал расплатиться, — сказала дочь.

— Обещанное несколько лет ждут. Хотя Владимир Ильич надёжный, слов на ветер не бросает.

— Он очень хороший! — похвалила Шахида и, довольная происшедшим, ушла к себе.

Хотя отец сомневался в праведности заработка, он похвалил дочь:

— Она молодец! Сейчас мужики в ауле домой заработанное не носят. Если бы не она, мы бы с этим делом не справились!

— А ты молчи! Я специально её не хвалю, может ведь заняться, — сказала Ання. Она и сама чувствовала, что дочь не до конца искренна, была уже почти уверена, что за зарплатой кроются её отношения с начальником, но молчала. Конечно, она считала, что самое страшное произошло, когда дочь оставалась в городе одна.

К истечению назначенного срока к дому Информации подъехала машина. За рулём чёрного БМВ был водитель Вилены. Он зашёл во двор. Во дворе Информация с Анней кормили кур. Водитель не поздоровался.

— Меня за Шахидой послали, — сказал он.

Анния пошла за дочерью. Шахида вышла и узнала водителя.

— Вилен просит приехать. Сказал, что расплатится за товар. — Он вышел со двора, вытащил из багажника коробку с водкой, занёс её во двор и поставил на ступеньки. — Это он просил передать вам, здесь двадцать бутылок водки «Батька Махно». Отличная водка! — похвалил он.

— «Батька Махно» очень хорошая водка! — поддержал Информация и тотчас подбежал к коробке, чтобы забрать.

— Стоять! — закричала Анния. — Пусть у меня лежит, теперь у меня будете спрашивать.

— А если тебя дома не будет? — запротестовал Информация и, подняв, унёс коробку в сторону мастерской.

— Куда же я денусь? Кроме дома и летней кухни, больше никуда не хожу, — удивилась Анния. Посмотрела на дочь. — Ты хорошо одевайся. Всё же за деньгами едешь, а они нам ой, как нужны! Может, ещё товар возьмёшь?

Но не ушедший водитель вмешался:

— Вилен предупредил, чтобы без товара ехала.

Шахида надела своё бело-зелёное платье, а на ноги обула синие босоножки на высоких каблуках.

Вилен, как и прошлый раз, был угрюмый, озабоченный. Он обнял Шахиду и тотчас вытащил из кармана заготовленные деньги за прошлый товар: две тысячи пятьсот рублёвыми купюрами.

— На, спрячь. Сейчас пойдём ко мне, — сказал он скороговоркой.

Шахида, не взглянув на деньги, спрятала их в сумочку.

— В парилку? — обрадовалась она.

— Извини, но это не то, что ты думаешь. На меня криминал и менты надели.

Вторую фразу она не разобрала, смысл не поняла, но не стала ничего выяснять. Вилену она доверяла во всём. Перед домом у ворот стояла белая «Тойота». Мужчина посмотрел на машину и расстроился:

— Не ушла! Она же уходила вместе со мной! Стерва, припёрлась!

— У тебя кто-то есть? — с тревогой спросила девушка.

— Да, — сухо проговорил Вилен.

— Может, не надо, чтобы тебя видели со мной?

— Не беспокойся! Ты недолго будешь, когда надоест — уйдёшь.

На мангале теплились угли. Из предбанника доносилась музыка. Шахида вопросительно посмотрела на Вилену.

— Пришлось из дома телевизор принести. Хотят с телевизором и музыкой отдыхать, — развёл плечами Вилен и толкнул дверь, пропуская вперёд Шахиду.

В предбаннике был душный накуренный воздух. На топчане храпел седоволосый мужчина. Он был голый, живот и интимные места прикрывало полотенце. За столом сидела голая женщина в красной резиновой купальной шапочке. Из-под шапки на шею свисали чёрные смолистые волосы, лицо было густо намазано белилами, губы в ярко-красной помаде. Женщина с застывшим во рту бананом с восторгом посмотрела на вошедших. Вилен забрал сумочку девушки и повесил на вешалку возле двери.

— Проходи, садись, — он указал на стол.

— Я постою, — сказала испуганно Шахида.

Женщина вытащила изо рта банан и отложила на поднос с фруктами.

— Пидорок! А ты сдержал слово! Молодец! — сказала она грубым хриплым голосом. Встала и пристально оглядела девушку.

— А что толку? Заказал Волчара, а сам дрыхнет! — сказал Вилен.

— Он в отключке. Зато я — нет! Мне очень интересно: я где-то эту девку видела. Я тебя знаю? — притворно мило улыбаясь, спросила она.

— Я не знаю, — тихо произнесла Шахида, хотя пьяную женщину узнала: это была Мадлен из гостиницы. Тогда девушка сильно удивилась ухоженности красивой женщины, запомнила и обращение её с предложением работы.

— Это не имеет значения! Оставайся со мной! А ты, пидорок, проваливай! — резко сказала та с угрозой.

— Что ты с ней будешь делать?! — возразил Вилен.

— Не твоё дело! Я тоже хочу удовольствия! А этот хрен в полной отключке. Тут и мои девки из гостиницы приезжали, а он ничего не смог.

— А чего надо было звать?!

— Не твоё дело! Иди по добру, по здорову!

— Я тоже пойду! — Шахида хотела спрятаться за Вилену. Но Мадлен подошла и взяла её за руку.

— Пойдём за стол, — ласково попросила она. Метнув взгляд на Вилену, грубо сказала: — Иди! Чтобы твоей ноги здесь не было!

Вилен нехотя ушёл, на прощанье сказав девушке:

— Ты не волнуйся! Всё будет хорошо!

— Всё будет хорошо! — сказала Мадлен, подведя к столу. — Давай по сто грамм! — она показала на коньяк.

— Нет, я пойду. Я не пью! — Шахида хотела уйти, но Мадлен сильно держала за предплечье.

— Прелесть моя, тебе понравится! Все мои девки сначала проходят меня. Я врач, гинеколог по специальности. Им нравится! После работают, богатеют. И тебе понравится! — она притянула к себе Шахиду и положила её руку на свою грудь. Взяв обеими руками, притянула к себе её голову. Обдав запахом перегара, поцеловала девушку губами, в долгом засосе не отпуская губы девушки.

Когда наконец отпустила, Шахида завертела головой, освободилась от рук и изо всей силы толкнула женщину. Мадлен, задев и опрокинув стул, с грохотом упала на плиточный пол. На полу она шевельнулась, чтобы встать, но сразу отключилась и закрыла глаза.

Шахида рванулась из помещения и, на ходу сорвав с вешалки свою сумочку, выбежала во двор. Она могла зайти в дом и сказать об этом Вилену, но из её головы не выходило малодушие мужчины, его предательство. «Как он мог тащить меня из аула под незнакомого мужчину?!» — сокрушалась она всю дорогу до самого возвращения домой.

Ей было обидно от всех рухнувших в одночасье надежд. Своё будущее она связывала с Виленом. Но произошло откровенное предательство. Она не желала никого видеть. Мать хотела с ней заговорить, но девушка в отчаянье крикнула ей:

— Уйди! Мне плохо.

— Деньги ты получила? — спросила Ання.

Шахида вскочила, нашла сумку и, вытащив купюры, протянула ей. Мать взяла деньги, но, видя, что дочь не хочет разговаривать, пожалала плечами, посмотрела, подождала и ушла к себе. Для матери главное были деньги. Если бы даже она узнала всю правду о дочери, что могло бы измениться?

«Время такое!» — сказал бы умудрённый опытом жизни обыватель.

Три дня молча лежала в доме Шахида. Мать заносила ей еду. Дочь её съедала и ничком лежала на кровати. Она обдумала случившееся до самых подробностей, до отношений с начальником, и поняла, что об этом никому не расскажешь — это было похлеще нахождения в отрядах боевиков. Так что прозвище приходит к человеку неспроста, вся выдуманная аульчанами история имела под собой почву.

Через неделю после происшествия к ним неожиданно приехал Вилен. Он, оставив машину у ворот, зашёл во двор. На нём был прежний бежевый костюм, чёрная сорочка. Ання вышла навстречу и в игривом тоне сказала:

— Здравствуйте, Владимир Ильич!

— Здравствуйте, уважаемая! — сухо ответил мужчина и огляделся. Спросил: — Где ваша дочь?

— Дома, слава Аллаху! Живая-здоровая! А что случилось? Может, позвать её?

— Нет, не надо. Я сам к ней зайду, — прихрамывая, он пошёл к дому.

Шахида явно не ожидала такого визита. Она встретила его, от растерянности опустив голову и молча глядя в пол. Вилен подошёл к ней и по-братски обнял, но сразу же отпустил и сел на стул.

— Работаешь? — спросил он, глядя на сложенные в кучу в углу шерстяные изделия. Девушка молчала. — Ты меня извини, пожалуйста! Не думай обо мне плохо. Меня взяли в оборот и менты, и криминал. Сначала они попросили открыть линию розлива водки в моём помещении. Привезли оборудование, сырьё, тару, наняли людей. На меня оформили фирму. У меня была своя доля. За всё отвечаю я. Если какая проверка, то в ответе я. Поэтому и доля моя была. Потом объявилась Мадлен. Эта гадина навела на меня бандюков в парилку. Когда-то давно ко мне приходили её девки, они, видимо, ей поведали о моих наклонностях. Стерва рассказала об этом бандюганам, а те не любят таких, как я. Они и решили отобрать мою долю, а мне платить только аренду, а это копейки. Эта гадина сама хочет в долю войти. Она начала водить своих проституток в парилку. В тот день они вторые сутки гужевали там. Главный их, Волчара, от проституток отказался. По-

требовал от меня, чтобы привёл чистую, свежатину. А у меня, кроме тебя, и женщин нет. Поэтому я привёл тебя. А кого я мог подставить ещё?

— Конечно, — с обидой сказала девушка.

— Ты для меня многое значишь! В тот момент ко мне пришла дурацкая мысль: «Подумаешь, что будет от того. Один раз сойдётся — и всё». Но после я понял, что неправильно сделал.

— Конечно, — кивнула головой Шахида.

— Я пришёл это сказать. Клянусь, я тебе возьму! Не думай обо мне плохо! Кому-кому, а тебе я не собирался нанести обиду, — он смотрел в глаза умоляюще. Помолчал. Потом попросил: — Принеси-ка мне чай.

Шахида ушла и вскоре вернулась с кипячёной водой в чайнике. Она взяла из серванта новый сервиз, заварила в фарфоровом чайничке чай, пододвинула чашку с блюдцем.

— Что-нибудь хотите к чаю? Локумы, печенье есть! — сказала она.

— Ничего не надо. — Вилен стал пить чай.

Шахида отнесла чайник с кипячёной водой на летнюю кухню.

— Это стерва Мадлен подстроила. Она сама ходит под ментами, ну и, естественно, под криминалом. Менты крышуют её бизнес, а бандюганы её проституток на свои малины таскают. Она науськала бандитов. Они меня избили. Очень жестоко!

— Она мне сказала, что она врач...

— Какой врач?! — рассмеялся Вилен. — Обыкновенная лесбиянка, в тюрьме обученная.

— А что это такое: лесбиянка? — с недоумением спросила Шахида.

— Лесбиянка?! Это баба, предпочитающая отношения только с бабой.

Девушка прикрыла ладонью рот и, широко раскрыв глаза, проговорила:

— Этого я не знала! Она поцеловала меня, а я за это оттолкнула её и повалила на пол.

— В тот день они были вдрызг пьяные! Ничего не помнят. Но тебе лучше Мадлен на глаза не появляться. — Вилен отодвинул чашку. И будто вспомнил, зачем пришёл, его

осенило. — Дай мне, пожалуйста, свой паспорт. Мне надо оформить на тебя бумаги.

Шахида быстро встала, найдя сумочку, вытащила из неё паспорт и протянула ему.

— У вас же закрывается предприятие?

— Тебе это понадобится. — Он раскрыл паспорт и стал его листать. — И тебе всего двадцать один год! Саманта Умаровна — как романтично! Саманта — красивое имя! Я бы свой универмаг назвал твоим именем. Универмаг «Саманта»! — с удовольствием воскликнул он.

— У вас есть универмаг?

— Я хотел в своём помещении создать универмаг, — переписав данные в записную книжку, он вернул паспорт. — Можно, я у тебя прилягу? После их избиения у меня стала голова болеть.

— Пожалуйста, идите на диван. Я подушку подложу, — Шахида положила её в изголовье.

Вилен прилёг и закрыл глаза. Шахида, не зная, что делать, вышла из дома и зашла на летнюю кухню.

— Не заходите в дом. Там Вилен прилёг на диван. Хочет отдохнуть.

— А ты чего явилась? Иди, иди. Мы не зайдём! — проговорила Ання.

— Он просто лежит, отдыхает.

— А я что? И я о том же! — сказала Ання, отмахиваясь.

О чём подумала мать, догадаться было нетрудно. Шахида разозлилась.

— Колхоз! Только одно на уме!

— Я ничего не сказала. Я понимаю!

— Что ты понимаешь?! — крикнула дочь и ушла.

Она осторожно открыла дверь и по-тихому хотела пройти в комнату, где работала. Но тут Вилен открыл глаза.

— Шахида, я привык к боли. Как-то отец избил меня ремнём до беспамятства. Он бил долго, тогда я думал, что этому не будет конца. А бил за то, что я осквернил дело партии, дело всей его жизни. Мать его поддержала. Она тоже была бесконечно предана делу партии. А при чём тут был четырнадцатилетний подросток, любивший зарубежную музыку, рок-н-ролл? Они не думали о том, что душевно сломили меня, и в своей правоте нисколько не сомневались. Обида во мне глубоко сидит. То, что происходит в парилке — это у меня

выходит бессознательно. Я получаю какое-то удовольствие от этого, как отец, который получил удовлетворение от избияния своего ребёнка... — Он замолчал.

Шахида не понимала смысла сказанного, она как-то механически закивала головой. Сейчас мужчина предстал перед ней в другом виде. Раньше он казался ей суперменом, хозяином жизни, а все эти встречи в парилке она относила к причудам, к какой-то непонятной игре. Теперь он показался ей маленьким избитым человечком, не умеющим сопротивляться, только терпящим побои.

Вилен полежал ещё некоторое время и встал.

— Ты извини меня! Я не хотел тебя обидеть. Ты работай. Я товар потом заберу. А сейчас с деньгами туго. — Он пошёл к выходу.

Шахида двинулась следом. Вилен миновал двор, вышел за ворота, не оборачиваясь, сел в машину и поехал.

Девушка стояла и смотрела вслед. Она вдруг почувствовала, что вместе с отъезжающей машиной испаряются все её недавние иллюзии.

VII

Выборы будущего

Многие люди ожидают чуда. Чаще всего оно не происходит. Само ожидание часто становится движущей силой жизни. Такое происходит во время выборов депутатов разных уровней.

Во дворе Информации началась стройка. Только откровенные лодыри наверное мечтают, что дом вырастет сам по себе. Но даже для строительства небольшого закутка, в котором должна разместиться новая котельная и ванная комната, необходимо было потрудиться, попотеть, попереживать. Информация знал, что надо напрячься и начать. Отговорки будут в любом деле. Ання только подгоняла и следила за экономическим обеспечением. Информация не стал искать трактор с ковшом, а вместе с Гондурасом начал рыть котлован вручную, применяя лом и лопаты. За два дня они вырыли четыре на пять метров котлован для фундамента. Затем Информация

договорился с трактористом, у которого был трактор с прицепом. Привезли кирпич из райцентра, камни и песок с берега Кубани, отсев с карьера, где ещё работала дробильная установка. Аул Май-тогай располагался в выгодном месте для строительства, за этот материал не приходилось платить. Со многих аулов этого края приезжали сюда за песком и отсевом. Сделали опалубки, закидали камнями и стали заливать бетоном, и только соорудив фундамент, остановились. Надо было переждать некоторое время, чтобы фундамент просел.

Прошла осень, начались холода. Вместе с холодами взяла старт предвыборная гонка. Начинались выборы! Выборы будущей жизни! Да, это ёмкое событие. Выборы в данной местности с некоторого времени стали запоминающимися происшествиями на десятки лет вперёд. На заре Перестройки им придавали огромное значение. Однопартийная система рухнула, а вместе с ней канули в небытие бутафорские советские выборы. С появлением разных партий и общественных движений выборы народных избранников обрели главный смысл существования и утверждения власти. Кандидатов в депутаты выдвигали и партии, и народные движения, были и самовыдвиженцы. Аульчанам особенно запомнились яростные выборы депутатов в Государственную Думу страны и в Президенты недавно созданной республики. Не менее ожесточённая война шла и во время избрания депутатов в местные органы самоуправления. В те дни немаловажное значение приобрело избрание депутатов в Народное собрание (парламент) республики, от них зависело будущее законодательство, развитие экономики и благосостояние граждан. Май-тогай был всего лишь маленький аул, но результаты голосов в этом участке часто напрямую влияли на итоги выборов по всему избирательному округу. Как и раньше, как и всегда, в выборах играл большую роль административный ресурс. Жизнь показала, что выдвигенец от административного корпуса становился депутатом на всех уровнях избрания. Но всюду и по стране, и по республике происходили из ряда вон выходящие отклонения.

В данных выборах кандидатом от блока «Единая Россия — Отечество» был выдвинут Кемал Юсуфович Качоков. По одномандатному избирательному округу, куда вошли четыре населённых пункта, долгое время не было конкурента у него. Хотя это и придавало большую уверенность сторонникам Кемала Качокова, отсутствие соперника могло сорвать выборы.

Говорят, что администрация даже хотела выдвинуть из своих какую-нибудь марионетку, лишь бы выборы состоялись. В административный ресурс входили учителя школ, работники медицинских учреждений, Домов культуры, коммунальных служб, пожарной инспекции, отделения МВД, и Кемал заручился их поддержкой во время своего выдвижения. Служащие за считанные дни предоставили ему подписные листы и он был утверждён кандидатом. Кандидат подходил по всем качествам: имел высшее образование, работал на видной работе землеустроителем, был в постоянных сношениях с жителями района, через него проходили и фермеры, и производственники, можно сказать, что все собственники. У всех у них была земля, он был примерным семьянином, отцом двух детей, безупречный в нравственном отношении, нигде не был замечен правоохранительными органами, порочащих родственников не имел, умеренный, аккуратный, взяток не брал, по возможности помогал людям. Поддержка административного ресурса, конечно, придала ему большей уверенности. И, выдвинувшись кандидатом, не торопясь, не суетясь он делал самые необходимые шаги, особо не беспокоясь об агитации. Он был уверен, что всё за него сделают однопартийцы. Когда в ауле Май-тогай стала собираться участковая комиссия, к дому Информации на синей «Ниве» подъехал Кемал. Он помнил данное слово, что больше не перешагнёт ворот этого двора, но переборол себя, ему необходима была знакомая, желательна молодая женщина из аула. Тогда Ання непонятно, как ему казалось, без мотива вспыхнула. Теперь другое дело, он ехал к ним по общественной работе, для их же блага. К счастью, в это время Ання перебирала картошку в подвале. Кемал вошёл прямо в дом:

— Эй, кто есть? — спросил он, открыв входную дверь.

Из зала вышла Шахида и с удивлением посмотрела на него.

— Можно войти? — спросил он.

— Можно. Заходи в дом, — позвала девушка, недоумевающая от такого посещения.

Кемал прошёл в зал, осмотрелся, поправил костюм и галстук.

— Садись, — Шахида предложила стул.

Кемал сел:

— Я пришёл с предложением. У вас в конторе бывшего отделения совхоза собрались люди. Я хотел тебе временную

работу предложить. Тебя с моей подачи вместо выбывшей в связи с переездом включают в члены участковой комиссии. Ты не отказывайся, пожалуйста. Эти люди никогда не меняются, участвуют на всех выборах. Своего рода и авторитет будет. Что ты будешь делать? Составлять списки, проверять данные, основная занятость будет в дни выборов. Тебе объяснят. Деньги заплатят, почти месячный оклад. Соглашайся!

— Конечно. Я согласна! — выпалила девушка.

— Только условие. О том, что это я тебя по блату призраиваю никому ни слова! Ты должна быть независимым членом комиссии.

— Я согласна! Я замок! Никому ни слова! — обрадовалась Шахида.

— Тогда одевайся. Бери паспорт, я подвезу тебя к конторе.

— Сейчас! Ты посиди, я быстро оденусь.

— Нет. Я тебя в машине подожду. Мать ещё заподозрит что-то... — проговорил Кемал.

— Не обращай внимания. Так она выражает своё родительское чувство.

Кемал повёз Шахиду к конторе, где должно было состояться очередное заседание участковой избирательной комиссии. На заседании подняли Шахиду и задали соответствующие вопросы, а в конце включили в состав комиссии. Обрато Шахида вернулись одна. Кемал не захотел показываться вместе.

— Где ты была? — накинулась на дочь взволнованная Ання.

— Мама, меня включили в состав участковой избирательной комиссии!

Ання была поражена:

— Как это? Что это они о тебе вспомнили? Что больше не кого было?

— Ты знаешь, Кемал протолкнул, но только просил никому не говорить.

— Кемал? Ах, это его синяя машина. Я когда вышла из подвала увидела в окне отъезжающую машину. Он тебя отвозил?

— Да.

— Я же тебе говорила, чтобы ты не садилась в его машину! — Ання расстроилась и села на топчан, начала искать рукой подушку, найдя, удобно расположив, прилегла.

— Что ты в самом деле, мама? Что может случиться от того, что он меня подвезёт?

— Дочка, ещё раз тебе говорю, тебе нельзя с ним видаться!

— Ничего не пойму? Почему?

— Потому! — она закрыла глаза ладонью и сквозь пальцы, заикаясь потусторонним голосом проговорила, — Он может оказаться твоим братом...

Шахида слова расслышала, запомнила, но смысл сказанного не поняла:

— О чём ты?

Анния дёрнулась, будто опомнилась, тихо пробормотала:

— Это я просто о своём говорю. Ничего такого.

Шахида запомнила фразу, но подумала, что она была сказана не сгоряча, её мысли в том направлении ещё не могли работать, мать для неё всегда была образцом целомудрия.

Вечером она зашла поужинать на летнюю кухню. Съела тарелку мамалыги заправленную домашней сметаной, запила холодным чаем. Когда собралась уйти, в кухню вошёл Информация, держа в руке газету. Он сел на топчан и сообщил:

— Как обычно во время выборов почтальон начала носить газеты. Вот, принесли районную газету. Скоро выборы, — он показал газету, — Тут пишут, что на выборы от «Единой России» пошёл Кемал Юсуфович Качоков. Это, как мне помнится, сын бывшего нашего управляющего отделением Юсуфа?

— Неужели, разве у него такой взрослый сын был? — спросила Анния.

Шахида удивилась притворству матери и решила послушать до конца разговор родителей.

— Конечно, наша дочь ещё не родилась, а у него двое детей было. Сыну сейчас двадцать восемь лет. Видимо, толковый парень, за него надо голосовать. У толковых людей толковые дети.

— Отец, а ты, что знал отца Кемала? — спросила Шахида.

— Знал?! Мы близко общались! — похвалился Информация.

— Ты ещё скажи, что друзьями были? — с подковыркой сказала Анния.

— А что, не друг?! Когда дом строили, кирпич, доски, весь материал без очереди, считай, что бесплатно дал! Если

не друг, то кто?! На работу устроил. Если б я тогда не чабановал, как бы мы на ноги встали?!

Анния нарочито закивала головой, дразня, даже поцокала языком:

— Ты ещё скажи, что он газеты приносил?!

— Приносил же! Мне на кошару носил. Когда меня не было, и домой приносил?! Что, не помнишь? — возбуждённо проговорил Информация.

— Можно подумать, что он был твоим личным рассылным, как в сериалах?

Мать подтрунивала, Шахида это заметила. Анния, чтобы отвести разговор, не упоминая о сегодняшнем визите Кемала, сказала:

— А нашу дочь включили в избирательную комиссию!

— Надо же? Это как? В гору пошла! — удивился Информация.

— В гору. Поменьше хвастайся, — сказала Анния.

— Вы идите на выборы, я должна отметить явку. И голосуйте! — со знанием дела сказала дочь.

— А ты за кого будешь агитировать? — спросила мать у неё.

— Мне нельзя ни за кого агитировать. Я член комиссии! — с гордостью сказала дочь.

— Я не пойму: а кто второй кандидат? — спросил Информация.

— Ещё не известно? — ответила Шахида.

— Я буду за второго претендента, — уверенно проговорила Анния.

— Ты же даже не знаешь, за кого? — передразнила дочь.

— Ты бы хоть память о Юсуфе не оскверняла! — плюнул на пол Информация.

— Это кого я оскверняю? За кого хочу, за того и голосую! У меня тоже право есть!

— Юсуф тебе что, мало добра сделал? — с укором сказал муж.

— Делал из-за того, что такое положение занимал! — вдруг Анния, опустив голову, расплакалась и сквозь слёзы произнесла, — Лучше бы не делал!

— Тьфу! — он опять сплюнул, — Никогда не пойму этих женщин! Никакой логики в поведении! — Информация встал и вышел из кухни.

— А что ты плачешь? — спросила Шахида, пытливо смотря на мать.

— Да так! Кое-что вспомнила, — Ання подозрительно посмотрела на дочь, гадая, прочли она её мысли.

Кемал изначально допустил роковую ошибку. Он на Май-тогайский участок начальником штаба поставил бывшего рабочкома совхоза, орденосца, пенсионера Шарапуддина Бакаева. Это был ещё крепкий старичок, но очень непопулярный среди аульчан, как говорили: ни рыба ни мясо; ни туда ни сюда, ни одному аульчанину не помог ещё в пору своей карьеры, всегда демонстрировал своё жизненное кредо: «Моё дело сторона». Зато славился тем, что был прихвостнем у директоров. Об этом хорошо помнило поколение Информации и Ання. А это поколение имело большое влияние на молодёжь. Эдик, хотя и верил в то, что друг станет депутатом, Кемалу сказал, что выбор руководителя штаба неудачный. Кемал же в данный момент своей головой не думал, он зависел от своих наставников из администрации, которые когда-то знали председателя рабочкома из Май-тогаея. Эдик предложил свою помощь Кемалу, но тот почему-то должно не отреагировал, вёл себя высокомерно, каких-то обещаний в случае депутатства и вовсе не думал делать. А Эдик в это время нуждался в поддержке и надеялся с помощью будущего депутата упрочить свою жизнь.

События в избирательном округе стали развиваться молниеносно. Неожиданно стало известно, что вторым кандидатом выдвинулся Карасолтан Аскерович Джангельдиев. Жители района знали его по имени, как говорилось ранее, оно буквально переводилось как Чёрный султан, что означало Всесильный правитель. Большинство сторонников Кемала в округе в те дни поубавилось, солнца стало мало, и они приуныли. Особенное брожение началось в Май-тогае. Результат выборов, конечно, зависел от итогов голосования в райцентре, в котором проживало столько же, сколько проживало во всех трёх остальных населённых пунктах. Но как говорилось, в последнее время часто случалось, что результат выборов часто зависел от десяти голосов избирателей. А в Май-тогае проживало более трехсот. Война предполагалась ожесточённая, каждый голос был дорог. Карасолтан создал окружной штаб, а затем — и участковые штабы. В Май-тогае он создавался в последнюю очередь. Сам кандидат родился в Май-

тогае, но большую часть жизни прожил в райцентре. Факт рождения сыграл важную роль. Ещё штаб не был создан, как был брошен клич: «Будем голосовать за нашего парня!» Клич волной прошёлся по аулу, его стали повторять от мала до велика. Не повторяли, наверное, только такие, как Гондурас, которые пострадали в жизни от Карасолтана. Даже Информация жене сказал: «Говорят, что надо голосовать за нашего парня. Я даже не знаю как голосовать за Карасолтана, когда с другой стороны сын Юсуфа Кемал?» «Твоё какое дело! Голосуй за Карасолтана! Он что-нибудь даст тебе. А этот дочку твою сооблазнит», — разозлилась тогда Ання. На выборах случилось, что разделялись мнения членов семьи, то же самое произошло в семье Информации на самом раннем этапе избирательной кампании. У Карасолтана были родственники, друзья в ауле, но и противников было не мало. Надо было работать.

Так получилось, что группа поддержки вместе с новым кандидатом собрались в доме Сарыгыз, матери Эдика, а она была дальней тёткой Карасолтану. Кандидат сам собрал людей в микроавтобус «Мерседес» и, посадив в него всех, кто ему нужен, подъехал к дому тёти без всякого предупреждения, тем самым давая понять, что происходит важное экстренное мероприятие. С ним был его доверенное лицо бывший зав. орготделом администрации Хаджиев Рустам Ибрагимович. Остальные были из аула: крановщик Рашид — он был нужен всем аульчанам, сейчас без автокрана в аулах ничего не делается, кроме того, он был известным шахматистом, в ауле была неплохая команда шахматистов; директор школы Айдемир Саламбекович Караев, экстрасенс Гульнара, участковый полицейский Салим-Гирей, эфенди Якуб, дочь партизана в Белоруссии Олеса. По следам собравшихся, может по нюху, как на всякие сборища, явился и аульский пропойца Куваныш. До прибытия этой делегации Эдик с другом Борисом сидели и играли в карты. Первыми вошли во двор Карасолтан с Хаджиевым. Кандидат по-свойски оглядел двор, ему приглянулся навес, с трёх сторон обложенный кирпичом. Карасолтан, укутанный в коричневую дублёнку, прошёл под навес, поёжился и сказал:

— Будет холодно, но что нам хозяев беспокоить. Посидим здесь с часок. Здесь длинный стол с лавками, человек

двадцать поместится, но нам столько места не надо. Главное, что ветра нет.

Вышла из дома Сарыгыз светловолосая, краснолицая женщина лет пятидесяти, она была известная в ауле своей боевитостью, проявила себя на всех предыдущих выборах, очень эмоционально выступала на митингах. Одета она была по-сельски, в коричневое вельветовое платье, на ногах были шерстяные чулки ручной вязки с резиновыми калошами, на голове — серый пуховый платок. Она всмотрелась в гостей и узнала Карасолтана:

— Надо же предупредить, Карасолтан. Разве я тебя так встречала бы? — сказала она, оглянувшись в сторону летней кухни и махнула рукой. Оттуда вышла невестка с чёрным меховым полушубком и накинула его на плечи Сарыгыз.

— Моя распрекрасная тётя! Я не надолго. Можно, мы у тебя здесь под навесом посидим? — он подошёл и обнял хозяйку.

— Здесь сидеть, что — на улице. Проходите в дом! — удивлённо сказала она.

Из дома вышел Эдик с другом. Они поздоровались за руки с гостями.

— А вот и самый главный! — сказав, Карасолтан похлопал по плечу, поздоровавшегося Эдика, — Иди, оденься, надо перетереть одну тему, — после он повернулся к Хаджиеву и сказал ему, — иди, зови этих. Захвати пакеты.

Сарыгыз повернулась к невестке:

— Надо стол клеёнкой накрыть и скамьи застелить одеялами, чтобы теплее было сидеть.

Невестка быстро ушла и тотчас вышла с одеялами и клеёнкой, она подложила свёрнутые в длину одеяла на скамьи и накрыла стол блестящей в голубую клетку клеёнчатой скатертью. Эдик и друг зашли в дом и вышли в верхней одежде. Во двор вошли остальные из автобуса и подоспевший Куваныш.

Все уселись. Сарыгыз с невесткой сели в отдалении. Карасолтан посадил около себя Хаджиева и Эдика. После, не вставая, стал вести стол:

— Вы уже слышали о том, что по нашему избирательному округу кандидатом в депутаты Народного собрания выдвинули нашего парня.

— Это кого же? — не сдержался Куваныш, — Один кандидат сын бывшего управляющего отделением, а другой — ты?

— Правильно, Куваныш. Только не перебивай меня. Наш парень родился в Май-тогае. Мне сорок семь лет, я из бедной семьи, сейчас стал руководителем нескольких предприятий. Завод по производству железобетонных изделий, кирпичный завод, завод по выпуску стеклотары — это мои предприятия. Все они действующие. Я многим жителям района предоставил рабочие места!

— Олигарх! — самодовольно встрял Куваныш.

— Салим-Гирей! — обратился к участковому Карасолтан, — Может, отвезёшь Куваныша домой. Он не понимает: зачем мы тут собрались.

— Не, не! Я с народом! Я вам пригожусь! — категорически отказался пропойца.

— Тогда сиди! — строго приказал Карасолтан и посмотрел в сторону участкового, — Да, друзья! Участковый, полиция, органы власти не должны принимать ничью сторону. Салим-Гирей у нас для поддержания порядка. Я думаю, будет правильно, если мы его отпустим по его важным делам... — Он посмотрел на присутствующих, все молчали, Салим-Гирей встал, выпячивая грудь, — Молчание — согласие ваше! Правильно я понял?

— Пусть проваливает! — не унимался Куваныш.

— Я тебе сделаю! — процедил сквозь зубы разозлившийся участковый.

— Слушай, а за счёт чего живёт Куваныш? — явно демонстрируя свою сердобольность спросил Карасолтан.

— За счёт нашего аула! Тунеядец! — отпарировал Салим-Гирей.

— Куда там! У него пенсия больше моей, — недовольно буркнула Олеся.

— Ого! — проговорил эфенди Якуб.

— Пропивает и ещё побирается. Бессовестный! — произнесла Олеся.

— А ты наркоманка! — отпарировал Куваныш.

Все заулыбались такой реакции.

— Я не знаю, что это за слово! — ответила Олеся.

— Ага! — передразнил Куваныш, — Я видел, как ты мак растишь!

— Ну и что? Это для булочек, — оправдалась Олеся.

— Как знать! — проговорил Куваныш.

— Это отец его перед смертью на пенсию оформил, как душевнобольного. Пенсию он пропивает за неделю. Вся алкашня у него сидит, — пояснил участковый.

— А ты чужие деньги не считай! — буркнул Куваныш.

— Иди, Салим-Гирей, — и, дожидаясь, пока не ушёл участковый, посмотрел на Куваныша и Олесю, — Я вам помогу. Я для того иду в депутаты, чтобы помогать нуждающимся.

Олеся, воспряв, признательно посмотрела на Карасолтана, Куваныш тоже самодовольно протёр обеими ладонями губы.

— Нуждающихся много, — отстранённо сделала замечание Гульнара, важно поправляя на голове медицинскую шапочку.

— А тебе, что нужно, Гульнара? — спросил Карасолтан.

— Машину с водителем, — ответила она очень уверенно.

— Хорошо, что не самолёт! — весело сказал Куваныш.

Все засмеялись.

— Будем поощрять по мере вложенного труда. Поможем и медработникам, поможем и верующим, и пенсионерам, — он посмотрел на Якуба, — поможем и спортсменам, — посмотрел на Рашида, — поможем и молодым фермерам, — посмотрел на Эдика с Борисом. — Об этом чуть позже поговорим. Давайте конкретно о деле, — он посмотрел в сторону Хаджиева. Тот, поняв зачем, вытащил из кармана блокнот с ручкой. — Итак. Первым на первое нам надо определиться с начальником штаба в Май-тогае. У кого какие есть предложения? — Все молчали, — Тогда я сам внесу предложение. Будет очень справедливо, если мы начальником штаба сделаем Эдуарда Керимовича Аракчаева. Молодой, симпатичный, трудолюбивый, среди аульчан авторитет имеет. Из хорошей семьи. Тут одна моя тётя Сарыгыз что стоит. За собой весь аул поведёт!

— Думаю, что я не подойду. Твой противник Кемал в друзьях со мной, — проговорил Эдик, стеснительно глядя на всех.

— Что же он тебя начальником штаба не сделал? А сделал того, которого сам в глаза не видел. В делах ни друзей, ни родственников не бывает. Каждый вершит судьбу сам. Ты молод, тебе надо перед народом показаться. Это как раз тот случай, может, следующий раз тебя в депутаты выберем.

— Он ко мне часто приезжает, — неопределённо проговорил Эдик.

— Пьют они вместе! Но действительно, почему Кемал тебя даже в штаб не включил. Теперь он мимо нас проезжает, — вмешалась Сарыгыз, тем самым давая понять, что поддерживает намерение Карасолтана.

— У меня на производстве должности занимают только молодые люди, до сорока лет. Помнишь, Эдик, на днях я предлагал тебе должность завскладом на стеклозаводе. А там бы ты получал неплохие деньги. Ты парень не глупый.

— Неудобно будет выглядеть, если я переметнусь в твою сторону... — замялся Эдик.

Карасолтан резко встал, сдвинул набекрень чёрную норковую шапку и пальцем позвал за собой Эдика. Они отошли на расстояние, с которого разговор их никто не услышит:

— Не ожидал от тебя! Ты это брось! Чтобы поправить жизнь, надо уметь делать отчаянные поступки. У тебя земля есть! Я тебе новый трактор дам! — требовательно проговорил он и свысока наблюдал за тем, как отреагирует парень.

— На время? — опешил Эдик.

— Зачем на время? Насовсем! Завтра бумаги оформим.

Предложение было невероятное: трактор стоил в несколько раз дороже автомобиля, во всём ауле подержанные трактора имели только два фермера, остальные нанимали у них или в соседних аулах трактора для пахоты, сева, боронования.

— Я даже не знаю, — сдался Эдик, пряча радость на лице.

— Всё! Договорились! Только ты никому не говори! Даже этим! Красиво будет выглядеть, что если ты сам проявляешь инициативу, — проговорил Карасолтан и повёл на место Эдика.

— Что, согласился? — спросила Сарыгыз.

— Родственник же! Нам надо друг друга поддерживать! — Карасолтан хлопнул Эдика по плечу и усадил рядом.

Больше всех обрадовался Куваныш:

— Эдик — хороший парень! — похвалил он, — Но вот только... — сделал паузу. Все в ожидании подвоха, неприятного для Эдика замечания, застыли. — Девочку любит! Теперь он всех затрахаёт!

Присутствующие громко засмеялись.

— Это плохое качество, но он исправится, — отпарировал Карасолтан.

Сарыгыз, не пришедшая в себя от того, что только сын получил высокое назначение, поздно осмыслила сказанное пропойцей:

— Этому Куванышу язык надо отрезать! Здесь наша невестка, законная жена Эдика, а он такое! — возмутилась она и накинулась на невестку, — Чего ты молчишь?!

— Я ничего. У нас дети маленькие, — тихо проговорила невзрачная невестка, чем опять вызвала смех.

— Нечего было за красивого парня замуж выходить! — кинул в сторону невестки шутку Куваныш.

Все опять громко засмеялись.

— Заткните ему рот! — закричала в истерике Сарыгыз.

— Ладно! Хватит! Хватит, Куваныш! Вижу, что тебе юмора не занимать, — проговорил Карасолтан и повернулся к Хаджиеву, — Рустам Ибрагимович, запишите для протокола, что начальником штаба назначается Эдуард Керимович Аракчаев... Теперь ещё один немаловажный аспект. Где у нас разместится штаб? — Карасолтан посмотрел на сидящих, ответа не последовало, — Вариант первый. Я привезу разборный дом и установлю где-нибудь. Но только в ауле места нет, пустыри только на восточной стороне, близко к Кубани?

— Кто же туда пойдёт? — спросил эфенди Якуб.

— Правильно. Я тоже думаю, что надо ближе к центру аула, — поддержал эфендия Эдик.

— Тогда второй вариант. Надо взять в аренду у кого-либо дом, — сказал Карасолтан.

— Есть несколько пустующих домов, но их хозяева на Севере. В домах обстановка, надо брать разрешение, — проговорил крановщик Рашид.

— Это волокита. Не всякий согласится, — проговорил эфенди Якуб.

— Тогда надо искать? — проговорил Карасолтан.

— Может у нас? — спросил Эдик и посмотрел на мать. Сарыгыз осуждающе посмотрела на сына, но ничего не сказала.

— Нет, нет! — Карасолтан уловил взгляд Сарыгыз, — У вас семья не маленькая. У вас дети. Тяжело будет. С утра до вечера ходить будут люди.

— Может, у Олеси, она одна живёт? — спросил эфенди.

— Нет! Я не смогу принимать столько людей, — категорически заявила Олеся.

— У меня во дворе три семьи живёт. У меня не получится, — сказал крановщик Рашид и посмотрел в сторону целителиницы, — Может у Гульнары, она одна живёт?

— У меня нельзя! У меня своих пациентов достаточно! — ответила Гульнара и посмотрела на Куваныша, — Он тоже один живёт?

Аульский пропойца с любопытством посмотрел на Гульнару:

— От тебя, соседка, лучшего и не ожидал. С утра до вечера клеветаете: «Куваныш пьяница, пропойца!» А сами предлагаете в доме такого тунеядца всенародный штаб сделать? Я не знаю? — сказал он.

— Я видел дом Куваныша. По размерам он не маленький. Правда, крыша шиферная, стены обшарпанные. Можно ремонт сделать: дом перекрыть метало-черепицей, стены заново отштукатурить, штaketный забор заменим на железобетонные плиты, весь двор и перед двором отделаем тротуарной плиткой...

— Постойте! — Куваныш перебил Карасолтана, — Я что, совсем бесправный и не имею своего мнения? Я равноправный гражданин нашей страны. Имею паспорт! — с гордостью проговорил он.

— Соглашайся, дурак. Тебе на стоимость твоего дома ремонт сделают! — проговорил Рашид.

— Это не для меня. Это делается для народа, — важничая, уточнил Куваныш.

— Дом из кирпича или из самана? — спросил Карасолтан.

— Из красного кирпича. Отец сам строил.

— Тогда окна заменим на пластиковые. В доме сколько комнат? — спросил Карасолтан.

— Три.

— Будешь в одной жить, а две сдаёшь в аренду. Мы тебе по закону и это оплатим.

— Тогда другое дело, — не хотя, согласился Куваныш.

— Значит, решили! Рустам Ибрагимович, сегодня же с Эдиком зайдите к Куванышу и запишите всё, что нужно. Завтра же приступайте к оборудованию штаба! — произнёс в приказном тоне Карасолтан.

— Везёт дураку! Он нам всё испортит! — поздно возразила Олеся.

— Ничего не испортит! Ему сто грамм и надо изолировать каждый день, — пояснила Гульнара.

— Удивительно проницательная целительница! — похвалил Гульнару Куваныш.

— А теперь о наших возможностях. Начнём со старших. Эфенди Якуб! Как мы раньше переговорили, ты агитируешь пожилых людей аула. Поминки, свадьбы, мечеть за тобой. Все прихожане за тобой. Мы завтра же завозим сорок плит по шесть метров для ограды кладбища. На воскресенье ты созываешь всех аульчан и с помощью крана и двух сварщиков устанавливаете забор вокруг кладбища. Это мой вклад в жизнь родного аула. Ну, и не забудем три плиты для твоего дома, — Карасолтан повернулся к помощнику, — Рустам Ибрагимович, записывайте. За порядком следит Эдик. Рашиду оплатим так, как он получает со своих клиентов, только в три раза дороже. Не забывайте, что ему придётся работать в трёх населённых пунктах. Точно такие же ограды на кладбищах мы делаем в трёх аулах. Рашид, твоя задача очень ответственная! Не менее ответственными в нашем деле являются Гульнара и директор школы Айдемир Саламбекович. Гульнара будет работать в каждом ауле при штабах. В нашем ауле у неё каждый второй пациент. Народ наш очень суеверный и практичный. Ему сейчас дать целителя — и администрации не надо. Она бы могла исполнять обязанности главы администрации любого аула. А потому, так как наши главы разъезжают на машинах, то автомобиль положен и нашей Гульнаре. Мы тебе в дар преподносим новую «Оку», чтобы вы с твоей верной помощницей Олесей могли ездить по всему округу!

— Ни фиги себе! — перебил говорящего Куваныш.

— Только ни я, ни Олеся не умеем водить машину? — вспыхнув от радости проговорила Гульнара.

— Водителя сама наймёшь, научиться ты не успеешь. Эдик, кто из твоих друзей на время кампании покатает Гульнару? — спросил Карасолтан.

— Да вот, — Эдик указал на друга.

— Как его зовут?

— Борис Картакаев.

— Борис, ты же сможешь нам помочь? — спросил Карасолтан.

Борис кивнул головой.

— А если... — напряженно начала Гульнара.

— Никаких если! Если ты свои обязанности не выполнишь, то машину заберём назад.

— А если не если. После я могу машину продать? — спросила ворожейка.

— Можешь даже в Кубани утопить! — сказал Карасолтан.

— Можешь и сама вместе с машиной утонуть, — заумно поправил Куваныш.

— Не умничай! — осёк Куваныша Карасолтан, и продолжил свою речь, — Следующая очень важная по значению работа руководителя школы. В школе дети избирателей, а они сто пудов могут повлиять на родителей. Поэтому я думаю, что будет справедливо, если подарим новую «Оку» и Айдемиру Саламбековичу. Человек он порядочный и с достоинством выполнит свою миссию.

— Вы обещали календарики с вашим портретом? — тихо сказал директор школы, судя по всему очень довольный.

— Рустам Ибрагимович, запиши пятьсот экземпляров календариков для школы, — сказав, Карасолтан задумался, оглядел собравшихся взглядом, — Кто у нас остаётся? — задав вопрос, сам стал отвечать, — Остаётся Олеся.

— А я? — встрял Куваныш.

Все удивились.

— Да тебе целый дом делают, бессовестный! — набросилась с гневом Олеся.

— Аппетит растёт во время еды, — замотал головой Карасолтан.

— У него ненасытное брюхо, как у кашалота, — отпарировала Олеся.

— Эдик, — ведущий собрание обратился к рядом сидящему, — Надо в штабе одну комнату складом сделать. Там будут храниться агитационные листки, продукты, питание. Может нам Куваныша завскладом оформить?

— Ни в коем случае! — категорично запротестовал Эдик, — Только подсобным рабочим.

— Пусть подсобным рабочим, каждый день будет получать свою дозу.

— Это верное решения! — согласился Куваныш.

— Только осторожно! Не в наших интересах, чтобы такая личность загнулась во время предвыборной кампании.

— Не беспокойся, Карасолтан! Он не такой алкаш, как другие, он особенный, от ста грамм сразу ложится спать, — проговорила Гульнара.

— Спасибо за комплимент! Я тоже кое-что особенное знаю, но молчу, — зловеще проговорил Куваныш.

— Что ты знаешь?! Что ты издеваешься над всеми? Отправляю тебя в психушку! — разозлилась Гульнара.

— Успокойтесь, друзья, — вмешался Карасолтан, — вернёмся к нашему разговору. У нас никто не должен остаться в обиде. Олеся, скажи, чего бы ты хотела?

— Я? — Она углубилась в свои мысли.

Все с интересом посмотрели на аккуратно одетую в зелёную шерстяную шапочку и тёмную болоньевую куртку маленькую женщину, ожидая чего-то необыкновенного.

— Ты не стесняйся. Скажи. Мы исполним.

— Я бы хотела поехать в Белоруссию, я всю жизнь мечтала побывать там, где воевал мой отец, — сказала она вычленным слогом, смотря в одну точку.

Действительно, это была необычная просьба. Все стали серьёзными.

— Рустам Ибрагимович, запиши, что необходима путёвка в Белоруссию. Только ты сама справишься с поездкой? Возраст всё же? — спросил Карасолтан.

— Не беспокойтесь! — опять встрял Куваныш, — Она хваткая. Я из своего окна вижу, как она целыми мешками уносит подношения от Гульнары. Молоко, сметану, гусей, картошку. С таким питанием она всех переживёт! Ест не меньше кашалота.

Опять всем стало весело.

— Понятно! Злопамятный ты, Куваныш! Нашу встречу можно назвать: «Дебат Куваныша со всем аулом», тебе надо на телевидении выступать, — сказал Карасолтан в сторону пропойцы, а затем обратился к Хаджиеву, — Рустам Ибрагимович, где пакеты?

— Здесь, — готовно ответил Хаджиев и вытащил из-под стола пакеты.

В одном из пакетов была завернутая в фольгу запечённая ляжка баранины, в другом нарезки и фрукты. Рустам Ибрагимович передал сидящим содержимое.

— И всё? — был не мало удивлён Куваныш.

— Ах, да! — Хаджиев схватился за голову и, быстро выйдя, вернулся с полным пакетом.

— Я помогу, — сказав, Куваныш встал и начал вытаскивать из пакета бутылки и бумажные пачки с соком, а когда

очередь дошла до водки, он показал бутылку всем, — Вот, она родимая! — похвалил от души, затем вытащил бутылку коньяка, — А это для кудрявых! — передал бутылку в сторону Карасолтана.

— Я веду трезвый образ жизни. Однако за данное событие я выпью с хозяйкой этого дома пятьдесят грамм, — сказав, Карасолтан сам налил коньяк в бумажные стаканы себе и Сарыгыз. — Кому ещё коньяк? Эдик, налей, пожалуйста, желаемым.

Эдик налил коньяк Айдемиру Саламбековичу, Олесе и Гульнаре. Рашид сослался на то, что ему ещё сегодня предстоит работать на кране. Эфенди Якуб и невестка не пили вообще. Куваныш, Борис, Эдик пили водку.

Эдик развернул фольгу, из под которой распространился пар печёной баранины.

— Ешьте! Сестрёнка Бекару в летней печке испекла. Эдик раздели на куски! — сказал Карасолтан.

Эдик стал разламывать на куски мясо и раскладывать на принесённые пластмассовые тарелки.

— Прямо не знаю! Позоришь ты нас, Карасолтан. Нас за нищих принял что ли? Со своей выпивкой и едой в гости пришёл! Это никуда не годится! Вон, в сарае чёрный барашек стоит, — проговорила Сарыгыз, но бумажный стакан подняла.

— Когда твой родственник с помощью твоего сына станет депутатом, то мы ещё съедим твоего барашка! Дай Аллах! — проговорив, он выпил.

— Дай Аллах! — все почти хором подхватили слова кандидата.

У Кемала были большие преимущества. Действовал он традиционно, по накатанной дорожке предыдущих выборов. В самом начале кампании, задолго до выдвижения соперника, он в Май-тогае собрал актив своих сторонников в актовом зале не действующей конторы бывшего отделения совхоза. В дальнейшем это помещение было его штабом. Это помещение, которое вмещало от 30 до 40 человек, было неполным. Большинство — около десятка фермеров, которые часто пользовались субсидиями минсельхоза, остальные представляли учреждения на бюджетной основе, это: учителя, медработники, работники Дома культуры, пенсионеры, некогда

бывшие в окружении бывшего рабочкома. Собрание вёл сам Бакаев. Он огласил повестку их заседания, рассказал о задачах партии, о мерах, принимающихся администрацией по улучшению благополучия жителей аула, затем дал слово кандидату. Кемал рассказал о себе, опять-таки перечислил задачи партии, заверил всех, что будет верно служить народу и партии. Встреча была запланирована, как знакомство с кандидатом. Она прошла гладко. У сидящих в зале вопросов не возникло. Все знали тему, знали, о чём будут говорить ораторы. После заседания Шарапуддин Бакаев оставил штаб. В штаб входила директор давно неработающего Дома культуры Алимат Ахмедовна, заведующая медпунктом Фатима Махмудовна, тренер футбольной команды Бимурза и директор школы Айдемир Саламбекович. Кемал по совету Бакаева не включил в состав Эдика. Бывший рабочком объяснил такое решение тем, что Эдик работает в государственном предприятии райгаза и из-за получаемой высокой зарплаты обязан в поте лица поддерживать их. Штабисты разделили участок по кварталам и закрепили на них ответственных. Как ведётся агитацию во время кампании, конечно, почти не возможно оценить. Штабистам вообще не хотелось участвовать в таких выборах, для них главным было, чтобы их не отнесли к противной стороне. Тогда они надолго могли потерять работу, а страшнее этого в ауле ничего не придумаешь. Работали они, находясь в большой зависимости от руководства. В созданном штабе было слабое звено, но об этом штабисты Кемала узнали позже. Директору школы Айдемиру Саламбековичу было за шестьдесят лет. Весь год, перед выборами районный отдел образования (районо) его вынуждал подать заявление об уходе. Он же был человек упрямый, настойчивый, заявления не подавал, всячески отлынивал, не появлялся в районо и чуть что, брал больничные листы. Так он дотянул до выборной кампании, когда его не стали бы увольнять, однако, он знал, что дело его решённое. Ни Кемал, ни Бакаев словом не обмолвились о том, что сохранят за ним место. В тот день, до собрания во дворе Сарыгыз, Карасолтан в первую очередь поехал к директору школы. Не входя в дом, прямо во дворе, Карасолтан объяснил ситуацию и сделал предложение:

— Я знаю о твоих тёрках с районо. У меня к тебе предложение. Если я становлюсь депутатом, то четыре года как-нибудь продержишься на должности директора.

— А если тебя не изберут, Карасолтан?

— Никаких если. Для гарантии я предоставлю тебе новый автомобиль «Ока». Документы на автомобиль оформляем на тебя после первого собрания штаба.

Айдемир Саламбекович всю жизнь мечтал приобрести автомобиль. И он не устоял перед этим предложением.

— С работы не хотелось уходить, но я согласен, — сказал он.

— На работе ты останешься! — сказав, Карасолтан потребовал его одеваться, и они вместе поехали к Сарыгыз.

После окончания собрания у Сарыгыз, когда Карасолтан со своими уехал со двора, ушёл и друг Борис, мать обратилась к сыну:

— Как-то всё складно получилось. Тебя сделали руководителем штаба, но ты не подумал о том, что ты потеряешь работу. Сейчас многие хотят работать в райгазе, платят же хорошо.

— Мама, Карасолтан завтра обещал пригнать новый трактор. Он в несколько раз дороже машины, на трактор я не смогу заработать даже, если буду десять лет откладывать эту зарплату.

— Мне боязно. Но сейчас, кажется, пришло время таких, как Карасолтан. Волк в человечесьем обличье! — сказала Сарыгыз.

На следующий день в обед к дому Эдика пригнали на своём ходу новый красный колёсный трактор, пригнали на своём ходу и новенькие белые автомобили «Ока» к дому Гульнары и дому директора школы. В тот же день начался ремонт у Куваныша. За неделю дом восемь на восемь метров был перекрыт оранжевой метало-черепицей. Одновременно мастера трудились внутри дома и делали евроремонт. Также поменяли окна на пластиковые, весь двор и часть территории до трассы обложили жёлтой тротуарной плиткой, соорудили новый забор из железобетонных плит и установили высокие металлические ворота, над воротами привязали синий флаг с изображением крылатого волка. Флаг с национальной эмблемой сначала вызвал любопытство, но после стал убеждать, что «наш парень» круто взялся за предвыборную гонку. Из офиса Карасолтана привезли и установили в большой комнате широкий стол с компьютером и ксероксом, а ещё двадцать стульев. В доме установили проводной

телефон, сам Эдик ходил с мобильником, находясь в постоянной связи с Карасолтаном и Хаджиевым. Известие о назначении начальником штаба и демонстрация подарков всполошило администрацию района. В день открытия работы штаба Эдика вызвали в райгаз.

— У тебя новая работа, поздравляю! — сказал начальник райгаза и не поднимая головы, протянул ему трудовую книжку.

В трудовой книжке было написано, что уволен по собственному желанию.

Эдику отступать было некуда. И он приложил все свои усилия в успех нового дела. Карасолтан на официальное открытие штаба приехал один. Перед собравшимися аульчанами он сказал буквально несколько слов:

— Сегодня здесь собрались самые известные и самые полезные люди. Я не хочу бросать слова на ветер, объясняя вам, что делать. У нас задача — победить! Победить с первого раза. Я приехал к вам для того, чтобы поднять ваш боевой дух и придать вам веру в собственные силы. Противник наш слаб и рыхл. Они дрыхли и будут дрыхнуть, ожидая подношения от жителей района. Их брехня, пустые обещания надоели всем. Они нам чужие, а мы должны бороться за нашего парня! По всем вопросам обращайтесь к Эдуарду Керимовичу.

Карасолтан отпустил всех и остался один на один с Эдиком:

— Штаб работает ежедневно до самой полуночи. Водку здесь, в кабинете, не пейте! Здесь должен быть образцовый порядок. Молодёжь сейчас мало пьёт, а мужики средних лет и старики не прочь развлечься. Водку можешь брать каждый день по ящику у Бекару. Продукты тоже завезём. Пусть сидят в другой комнате. Надо делать подворный обход. Каждый, кто приходит, пусть рассказывает о проделанной работе. Выслушивайте каждого: богатого, нищего, умственно отсталого, хулигана. Заходите к людям по несколько раз. Пусть видят ваши устремления, старания, создавайте напряжение. Это очень важно! В каждом доме должен быть плакат с моим портретом. Проверяйте! Записывайте все встречи в тетрадку, пусть один человек отвечает за это. Всё забывается, а в письменные доказательства можно всегда заглянуть. Теперь, нам необходим список избирателей на участке. Хаджиев обрацал-

ся, ему не дали, сказали, что он составляется и по правилам обещали показать за неделю до дня голосования. В этом я чувствую подвох. Опыт прежних выборов показывает, что с этими списками что-то не так. Участковые комиссии должны показывать. Я даже корреспондента посылал — не дали. Что делать?

— Я об этом не думал. Ясно, что входящие в участковую комиссию все со стороны администрации. Хотя постой. На днях слышал, что в комиссию включили дочь Информации. Её никто не знает. Как её могли поставить, не понятно? Кажется, её предложил Кемал?

— А что так? У него с ней что-то было?

— Нет. Он пытался, но не получилось. Мать девушки погнала Кемала со двора.

Карасолтан засмеялся:

— Ещё бы! Ання в групповухе не захотела участвовать.

— Не понял? О чём ты? — удивился Эдик.

— Много будешь знать состаришься. Поехали к ней! — сказал в приказном тоне Карасолтан и встал.

Поехали на микроавтобусе вдвоём, за рулём был сам Карасолтан. Когда они зашли во двор, из летней кухни выглянула голова Ання:

— Ой, подождите. Я сейчас переоденусь, — сказав, она исчезла, а через некоторое время вышла в новом байховом синем халате.

— Здравствуй, Ання! Давно я тебя не видел, — сказал Карасолтан.

— И я тоже. Как я рада тебя видеть! Наш парень! — радостно проговорила она.

Карасолтану понравилось обращение, и он понимающе кивнул головой:

— Ты всегда была умной, Ання!

— Почему была?

— Ты и осталась такой. Надеюсь, ты с прошлым покончила?

— Что так? Вопрос странный? — удивилась Ання, выражением лица дав понять, что может рассердиться.

— Бывает, что прошлое держит человека путами и не отпускает, — Карасолтан нагло посмотрел в глаза женщины.

Анния поняла, но не смутилась, и встретила таким же бесстыжим взглядом:

— Это от человека зависит, люди разные бывают. Говорят, ты на выборы пошёл?

— А ты за кого? — спросил Карасолтан.

— Я ещё не определилась, — сказала Анния, набивая себе цену.

— Поэтому и говорю, что пути прошлого за ноги держат. Надо кончать с прошлым. Как говорят, бросишь камешек в него, а оно может камнепадом, как пушкой грохнуть! — небрежно проговорил Карасолтан.

— Я тебя поняла. Хочу сказать, что ни камнепада, ни грохота пушек я не боюсь. Бесстрашной стала! — сказала с внушением, а после добавила, — Конечно, я за нашего парня!

— Правильный вывод! Говорил же, что ты мудрая! — Карасолтан оглядел двор, остановил взгляд на фундаменте пристройки, — Вы что-то собираетесь пристраивать?

— Да. Газ же подводят. Котельную, ванную надо пристроить. Надо котёл купить... — с намёком сказала Анния.

— Котёл не проблема. Сначала мне надо с твоей дочерью поговорить.

— Пошли в дом. Бедную включили в комиссию, а там сказали, что гроши заплатят за месяц работы. Только время отымают, она у меня дома вяжет, их деньги она за день зарабатывает, — сказав, Анния повела в дом гостей.

В это время Шахида сидела за машинкой, услышав шаги и разговор, она встала и выбежала в прихожую. На ней было лёгкое в красный горошек ситцевое платье. Она остановилась, как вкопанная, увидев впереди Эдика. Парень учтиво посмотрел на девушку и, на мгновение приобняв, отошёл:

— К тебе гости, сам Карасолтан пришёл, — сказал он.

Карасолтан заметил прикосновение Эдика и поэтому, войдя, отстранил его подальше:

— Эй, начальник штаба, поубавь свой пыл! — сделал замечание и посмотрел на Шахиду, — Он, что хорошо тебя знает? Чего это он прикасается к тебе? Ни в какие рамки наших обычаев не входит.

— Нахал твой начальник! Это не первый раз, — поддержала Анния, и с неподдельной угрозой поглядела на Эдика.

— Здравствуйте! — важно сказал Карасолтан и протянул руку.

Шахида поздоровалась и отступила в зал, показывая на диван, чтобы гости сели. Ання рассадилла мужчин, сама встала в стороне с дочерью. Карасолтан оглядел зал, после остановил взгляд на Шахиде:

— Какая красивая! Замуж не собираешься?

Шахида застенчиво потушила взгляд, Ання ответила за неё:

— Вот такие! — указав на Эдика, — проходу не дают. Глаза застлали девушке, показывая, что кроме них и нормальных мальчиков нет! У-у-у! — пригрозила Ання.

— Я причём? — удивился Эдик.

Ання возражений не приняла, мотнула головой:

— Рано ей замуж. Надо обстановку приобрести, приданное собрать.

— Вроде все есть? — притворно сказал Карасолтан.

— У нас ни стиральной машинки, ни приличного холодильника. Вот, — показала она на телевизор, — дочка сама недавно купила! — похвалилась она.

— Обстановка дело наживное. Как мне к дочке обращаться?

— Её имя Саманта. А так, как ногайцы по несколько имён имеют, все её стали называть Шахидой. Это младшая дочка легенду придумала, что сестра у боевиков воевала, так и имя прилипло, — объяснила Ання.

— Добро! Я буду обращаться как к Шахиде? — спросил Карасолтан.

— Называй Шахидой. Она привыкла, да и мы тоже, — сказала мать.

— Шахида, слышал я что тебя включили в участковую комиссию? — спросил гость как бы между прочим.

— Лучше бы и не включали. Только время отнимают. Работала себе, свитера вязала, деньги получала. Главное же деньги! — опять встряла Ання.

Карасолтан неодобрительно посмотрел на мать, но затем снисходительно улыбнулся и направил вопрос дочери:

— Ты за кого будешь?

— Мне ни за кого нельзя. Я и к Кемалу, и к Вам на равных.

— А что это ты на равных? Кемал тебе никто, у него двое детей, жена имеется, — упрекнула Ання.

— Во! Одобрять ход твоих мыслей! — похвалил женщину Карасолтан, и повернулся к Шахиде, — Я хорошо знаю твоих родителей. И про тебя слышал много хорошего.

— Карасолтан, ты прямо говори, что тебе нужно? — Ання не понравилось, что взрослый мужчина хвалит молодую девушку.

— Действительно, что я вокруг да около. Ання, прошу тебя, выйди, у нас с Шахидой доверительный разговор будет.

— Пожалуйста! Только на плохое её не толкайте, она во многих вещах несмышлёная ещё, — попросив, она вышла.

— Эдик, и ты выйди, мы наедине поговорим, — проговорил Карасолтан.

При выходе Эдик столкнулся с Анней, она стояла у двери, видимо, пыталась подслушать разговор. Женщина ушла на летнюю кухню, Эдик стал у входной двери, на крыльце.

— Шахида, я тебя не собираюсь толкать на противоправные действия. Речь идёт о нашем ауле. Ты родилась в нём и, наверное, ты за него болеешь душой. От нашего аула никогда никого не было в органах власти. Всё время избираются чужие. И сейчас администрация выдвинула твоего знакомого Кемала Качокова.

— Он не мой! — тотчас отреагировала девушка.

— Тем более. Так вот. Они затеяли неравный бой, несправедливую борьбу. С самого начала администрация имеет преимущество. Все, кто получает зарплату в этом округе их сторонники. Стопроцентные! Деньги решают всё! Ты сама знаешь, что такое сидеть без работы. Твой отец сидит без работы. А сколько таких, как твой отец?! Меня народ уважает. В райцентре у меня несколько предприятий, я обеспечиваю работой людей и с других населённых пунктов. Принимаю работающих, способных трудиться. А у них одни и те же сидят на должностях и никому из достойных не уступают места. Даже на простые рабочие места в коммунальные службы, уборщицами, охранниками по благу устраиваются родственники, друзья. Я сломаю это положение, поэтому меня уважают, поэтому меня заверили идти на выборы, — Карасолтан вопросительно посмотрел на девушку.

— Я понимаю. Это несправедливо! — подхватила Шахида.

— Взять такую простую вещь, как список избирателей. Они мне его не хотят давать. Сказали, что дадут только за неделю до голосования, когда они его утвердят. Сами же они

имеют его со всех четырёх участков, и уже работают с ним. В этих списках есть прописанные на этой территории, но многие выехали на работу в другие районы страны. Среди них, как показала практика, часто встречаются мёртвые души. За неделю до голосования они эти списки только показывают для знакомства, на руки не дают. Пролистав его, никто не поймёт сколько людей из них не принимает участия в выборах. Потом делают сброс готовых бюллетеней. Мы знаем случаи, когда в аулах кто-нибудь кидал по 40—50 бюллетеней. Разве это справедливо?

— Конечно, нет, — ответила девушка.

— Ты помоги нам. По закону должны показывать списки, но только не у нас.

— Я держала в руках список. Завтра я дежурная и буду с ним работать до самого вечера. Я вписываю фамилии избирателей, которые голосуют впервые, и проверяю правильность по алфавитному порядку. Двое других из нашей комиссии делают подворный обход и проверяют местонахождение избирателей. Но эта работа меня не касается.

— Об этом идёт речь: о местонахождении прописанных в ауле. Мне нужен твой список. Нам с Эдиком он нужен, — Карасолтан с надеждой посмотрел на Шахиду.

— Я не могу его дать! — удивилась она.

— Нам его не надо отдавать насовсем. Завтра или в другой день ты захвати его домой, а Эдик заберёт у тебя, сделает ксерокс и вернёт. Никто ничего не узнает. И правда, справедливость за тобой. Переживать не за что будет.

— Не знаю. Мне боязно, — задумалась Шахида и не стала торопиться с ответом. Затянувшуюся паузу нарушил Карасолтан:

— Думай, думай! Мне кажется, что в этом доме неплохо будет, если в углу будет стоять двухкамерный холодильник, — улыбаясь, сказал Карасолтан.

— Ну, и? — тихо спросила Шахида.

— Завтра же привезём и установим холодильник здесь, — он показал на угол.

— Я боюсь, — осознав сказанное, взмолилась девушка.

— Со мной не бойся. Ты только сама никому не говори. Ни подруги, ни даже мать не должна знать причину вознаграждения. Завтра, после восьми часов, когда наступит темнота, холодильник привезут вам и установят, — Карасолтан встал, — Ответ завтра дашь.

Шахида была ошарашена предложением. Единственное, что она поняла — это то, что Карасолтан хозяин жизни. После ухода гостей, Ання зашла к дочери. Увидела смятение на лице дочери:

— Ну, что?! — спросила она.

— Ничего!

— Делай, что он говорит. Он всё знает! Ты видела, во что он превратил дом пьяницы Куваныша. Дворец, да и только! За такими вся правда! Эти болтуны, его противники, всем надоели. Сволочи, обещают нам благополучие в будущей жизни! Этот может ковать счастье здесь и теперь! Видно, что величина, скала!

Когда возвращались обратно в микроавтобусе, Эдик спросил:

— Какой результат?

— Нормально! Ты, Эдик, на ксероксе умеешь работать?

— А что на нём работать. Я не раз снимал копии с документов.

— Завтра понадобится твоё умение. Про девку никому ни слова! — буркнул Карасолтан.

— Понял, шеф! Я у тебя хотел спросить: странно вы разговаривали с Ання? Не понял, что за намёки про прошлое?

— Так, ерунда. Она баба боевая, по молодости путалась кое с кем.

— С кем это, интересно? — разгорелось любопытство Эдика.

— Эдик, я не люблю сплетни. Мужу это не к лицу. Ты тоже честь береги с молодю, — Карасолтан хотел отделаться наставлением.

— Всё же? — нетерпеливо настоял Эдик.

— Наше поколение об этом хорошо было слышано. Дело давнишнее. Все мы по молодости что-то делали. Она имела отношения с управляющим Юсуфом, отцом Кемала.

— Обанна! Видимо, дочка про это не знает, а мы её чуть под Кемала не подставили.

— Кто это мы? — потребовал Карасолтан.

— С бабой моей, имя не обязательно знать. Как-то мы были в одной кампании все вместе, — проговорил Эдик.

— Что ты об этом раньше не сказал, когда ехали? Ладно, это ваше дело. Оно мне нужно? Ты завтра будь на чеку. Я сам привезу холодильник. Чтобы никто не видел, в тёмное время завезём. Девка наша, может пригодится.

К вечеру завтрашнего дня Карасолтан на своём микроавтобусе сопровождал грузовую «Газель» с холодильником. Когда наступила темнота, Эдик на своей машине показал дорогу «Газели». Машины остановились возле дома Информации. Эдик вместе с рабочими занёс двухкамерный холодильник марки «Индезит» в зал. Мастер-рабочий проверил действие и показал как им управлять. Информация и Ання, сияя от восторга, бегали вокруг мастера. Шахида отозвала Эдика и протянула ему пакет в тёмном файле.

— Ты только сейчас же верни, — сказала она дрожащим голосом.

— Хорошо, моя красавица! Я всё исполню! Исполню и ранние свои обещания! — вальяжно проговорил Эдик.

— У тебя только одно на уме! Ты мне бумаги верни!

— Я мигом! Меня в штабе Карасолтан ждёт. Сниму копию и обратно! — Эдик пулей выскочил из дому.

Рабочие тоже ушли. Вышедший провожать Информация показал водителю «Газели» как выехать на трассу. Через короткое время вернулся Эдик и отдал Шахиде её бумаги и тут же вернулся в штаб к ожидающемуся его Карасолтану.

Тем временем радостная Ання не находила себе места:

— Доченька, я же сказала, что Карасолтан величина, скала!

— Ничего ты не говорила! Карасолтан тут не причём. Отцу скажи, что это прислал Вилен с работы за счёт будущей продукции. Поняла?! — требовательно сказала Шахида.

Она сама была горда за себя, но чувствовала, что это подношение ещё как-то аукнется, отзовется совсем скоро. Поступок был совершён. Теперь Шахида ничего не боялась. И на улице, и во время всех заседаний и самого дня голосования была уверена в своей деловитости. Людям начала смотреть прямо в глаза, выставляя своё превосходство напоказ, как современный менеджер, решивший дорого продать свой товар.

Зимой во время холодов Информация спал на летней кухне на топчане, Ання спала на кровати, но иногда они вместе спали на кровати. В тот радостный вечер Информация хотел лечь с женой. Ання запротестовала:

— Если не проголосуешь за нашего парня, то я в постель к себе не допущу! — поставила ультиматум Ання.

Карасолтан внимательно изучил копии списков. Он был удивлён его содержанием и с недоумением спросил у Эдика:

— Слушай, а что, в нашем ауле и абхазы живут? — спросил он.

— Знаю, что среди абазин их много прописано для получения российской пенсии, они с абхазами одна нация, но чтобы в нашем ауле? Я не знаю? Я их здесь сроду не видел, — ответил Эдик.

— Смотри по улице Ленина, дом 43 прописан Бекмуратов и ещё — пять человек по фамилии Гожба.

— Подожди, улица Ленина дом 43 это же этот дом, вот, где мы сидим, а Бекмуратов — это Куваныш, по отцу Исаевич. Всё правильно!

— А что у него родственники абхазы есть? — удивился Карасолтан.

— Может, у него сестра есть, которая замуж за абхаза вышла? Тогда всё сходится. Но у него родственников нет. Сколько я его знаю, он всё время один? Чего это мы гадаем? Надо спросить у самого Куваныша, — Эдик пошёл за Куванышем, который был в соседней комнате.

Куваныш встал, он был ещё изрядно пьян, но пошёл за звавшим его Эдиком.

— Да, высокое начальство! Извините меня! Завтра тяжёлый день, я должен выспаться, — у Куваныша смыкались глаза, и он хотел уйти.

— У тебя в доме живут абхазы? — спросил Карасолтан.

— У меня кто-только не живёт в эти дни.

— Они у тебя давно прописаны. Фамилия Гожба тебе ничего не говорит? — требовательно спросил Карасолтан.

— Из давнишних часто приходит «То яма, То канава», может, он и абхаз, привычки не наши? — пробормотал Куваныш.

— «То яма, То канава» — это наш алкаш, ещё у него кликуха Япончик, — пояснил Эдик.

— Точно, Эдик! Это наш алкаш! — обрадовался Куваныш, после с мольбой проговорил, — Высокое начальство, мне необходимо выспаться?

— Пять абхаз, они у тебя в доме прописаны?! — рассердился Эдик.

— Эдик, у меня все прописаны. Сейчас весь аул у меня живёт. Пошли вы все к чёрту! Лежал свой видик во сне смотрел, а ты взял и разбудил! Никаких абхаз я не знаю! Пошёл я спать! — буркнул Куваныш и ушёл.

Карасолтан посмеялся, после серьёзно посмотрел на Эдика:

— Завтра ты его по трезвой допроси.

— Это бесполезно. От него ничего не добьёшься. Похоже, что он их не знает, — проговорил Эдик.

— И ещё. Вот здесь, — Карасолтан показал на список, — по улице Ленина дом 40 вместе с Ваисовой прописана Стоянова Лана Божидаровна. Это болгарка из Болгарии. Она жила в городе и лечила хондроз. Я тоже был у неё на приёме. Помогла! У меня с тех пор поясница не болит. Но насколько я знаю, она сейчас в Москве, свой центр имеет, лечит очень известных людей. Как эта иностранка могла оказаться в ауле Май-Тогай? И точняк, что в прошлые выборы — это год назад, она голосовала на выборах?

— Ленина дом 40 — это дом напротив, там Олеся живёт. Она Ваисова. Но про болгарку я ничего не слышал?

— Начальник штаба! Тут всё так запущено! Даже боязно в руки брать этот список. Ладно, ногойцы беженцы из Чечни, мы их принимали, они тоже в списках. Но я не удивлюсь, если в Май-тогае прописаны боевики из Ближнего Востока, узбеки и таджики из Средней Азии.

— Этого не может быть, чтобы из других стран?

— Но болгарка оказалась же? Ей же и паспорт сделали! Это только за большие деньги. Это очень опасный список. Я даже боюсь. Ты держи его в надёжном месте. Все сомнительные адреса перепроверь. Особенно, наших, выехавших работать на Север, в Москву. Без шума, сам. Это список наших избирателей. Мне кажется, что минимум пятьдесят голосов для сброса в нём. Не пугай пока, пусть в комиссии уточнят и утвердят, а после мы тогда сравним. Это наше скрытное ядерное оружие. Неужели такая картина и по другим аулам? Наверное? А может это только по Май-Тогаю, из-за того что маленький, тихенький, неприметный населённый пункт? Резерв территориальной избирательной комиссии. Молодец, Шахида! Она нам ещё пригодится, подождём окончательного списка.

Эдик несколько раз допытывался у Олеси, кто прописан у неё в доме, но дочь партизана молчала. Она была стукачом у Гульнары, об этом все в ауле знали, но тщательно скрывали свои подозрения. Эдик заметил, что Гульнара начала с ненавистью глядеть на него. Тогда он рассказал об этом Карасолтану.

— Скорее всего так, целительницы: болгарка и наша майтогайская спелись. Гульнару лучше не трогать, я боюсь их чар. Мы бы могли вывезти её и в подвале подвергнуть пытке, но давай больше не будем касаться этой темы. Гульнара нам нужна, тем более прикормлена, не предаст, пусть работает. А ты своему другу, Борису Картакаеву, сильно доверяешь?

— Конечно, мы с ним вместе по бабам ходим.

— У тебя, Эдик, куда не сунься, кругом бабы. Будь осторожен с ними! Что касается Гульнары, то пусть твой Борис ни на шаг не отходит от неё! Пусть тебе докладывает, а ты — мне! — приказал Карасолтан.

Разгорелась предвыборная борьба. Сторонники Кемала развешивали листки, плакаты с агитацией за своего избранника. На следующий день команда Эдика срывала эти листки, плакаты и на каждом столбе, на дверях магазинов, на стенах самой конторы, на остановках, в школе, на заборах развешивали портреты Карасолтана с надписью «Наш парень». Начался подворный обход. Люди Эдика ходили к родственникам, друзьям, знакомым и агитировали голосовать за нашего парня. Штаб работал круглосуточно. Трудно было выявить проделанную работу, но все старались зайти в штаб и доложить о проделанном. Мужики входили в любое время и угощались. Эдик ежедневно приносил ящик водки. Куваныш пил с ними, после своих сто грамм засыпал, просыпался и пил с новыми людьми. Говорят, что он в это время не забывал и про своё будущее. В дальней части огорода он закапывал бутылки с водкой, но где забывал. После выборов он с трудом находил свои тайники. Когда проходили большие агитационные мероприятия, чтобы выглядеть преданным своему кандидату он обязательно посещал их. Так случилось, что за две недели до голосования был Курбан-байрам, традиционный праздник всех мусульман. Карасолтан для жертвоприношения выделил бычка и десять баранов. Животных зарезали в огороде Куваныша, там же порубили на куски. Обычно в аулах в этот праздник стараются принести жертву в каждом

доме. Особенная тонкость этого обычая такова, две трети мяса должно быть роздано нуждающимся. Но так, как трудно разобраться, кто нуждающийся, а кто нет, последние годы доля мяса разносится среди родственников. Часто бывает так, что один родственник долю своего жертвенного мяса несёт родственнику, а тот из своей жертвы носит долю тому. Получается обмен. Поэтому последнее время аульчане стали поочередно резать животных и делить между собой. Такой метод осуждали представители религии. Но экономическая целесообразность брала верх. Остро нуждающиеся, конечно, были в ауле. Эдик разделил баранину на доли и, положив в пакеты, сам развёз больным и бедным одиноким людям. Карасолтан приносил жертвы на каждом избирательном участке. После обеда он успел и в Май-тогай. Для него оставили бычка. Он сам развёз старейшинам аула, заранее приготовленные доли и поздравил стариков с праздником. Мяса было много, доли стали разбирать самые проворные члены штаба и агитаторы. Эдик и его друзья не взяли, так как каждый из них резал дома. Без курьёзов жертвоприношение не прошло. Были случаи, когда отец и сын из одной семьи забрали по доле. Тогда и пригодились записи в тетрадке. Превзошёл всех участковый Салим-Гирей, он забрал целую ногу бычка, сказав, что мясо ему нужно для друзей ментов, которые придут для поддержания порядка в день голосования. Карасолтан знал, что мент не может быть нуждающимся, и тем более его друзей в день голосования должны были накормить. Но не упрекнул:

— Давай, Салим-Гирей, поддерживай порядок! Главное, чтобы избиратели были на выборах. Отвечаешь! — сказал он.

После Курбан-байрама начались самые запоминающиеся события. Через неделю после праздника к аулу подключили природный газ. Штаб Кемала организовал митинг, куда должны были прийти жители всего аула. Газ ожидали давно, и, конечно, это был радостный день. Однако в последнее время люди стали инертными. Домохозяйки не явились, прибыло человек пятьдесят потенциальных сторонников. Пришли и такие, которые ходили из-за любопытства. Выступало руководство республики, района, представители партий, заключительное слово дали Кемалу. Кемал выступил, рассказал о своих задачах, которые он будет решать, став депутатом.

— Сегодня мне поручили пустить газ, чтобы вам жителям аула жилось легко! — завершил он своё выступление.

Из сторонников Карасолтана на митинг пришёл Куваныш и ещё один старик по имени Абдул-Керим. Они стояли в самом переднем краю митингующих.

— Спасибо, Кемал! Но мы за тебя не собираемся голосовать! — выкрикнул громко Куваныш.

Создалась продолжительная пауза. Стоящее на подмостках окружение Кемала зашумело. Послышались голоса: «Кто его пропустил?», «Пусть уведёт милиция! Пятнадцать суток за нарушение дисциплины!», «Это пьяница! Кто его слушает!».

В это время руку стал тянуть Абдул-Керим — юркий старичок в кроличьей шапке, в жёлтом пуховике и больших кирзовых сапогах. Абдул-Керим жил один в старенькой мазанной хате, хотя у него был сын, живущий недалеко от его дома. Абдул-Керим был в ссоре с сыном и не ходил к нему. Хату он топил кизяком и дровами. Часто летом на арбе ездил на Кубань и оттуда привозил хворост, пни для топки. Сам старик был раздражительный, любил материться, иногда сам цеплял аульчан, но никто не отвечал на его оскорбления, знали, что будет хуже. Когда начались выборы, он узнавал о прибытии Карасолтана, неизменно находил его и прилюдно отводил в сторону, расстегнув пуховик, раскрывал карман бокового кармана пиджака и показывал кандидату.

— Не понял, в чём дело? — сказал в первый раз Карасолтан.

— Как в чём дело? Я тебя в грудном возрасте на себе таскал, а ты меня как-то обоссал, — требовательно говорил старик, часто кивая в сторону кармана.

Карасолтан снисходительно улыбался, и вытаскивал из кармана пятьдесят или сто рублей и совал ему в карман. Старик вытаскивал из кармана купюру и с большим наслаждением нюхая, говорил:

— Деньги не пахнут!

Карасолтан смеялся и смущённо говорил:

— Я сейчас не обыскаюсь!

Абдул-Керим всегда присутствовал на мероприятиях и что-то говорил в пользу своего кандидата. После реплики Куваныша, ведущий митинга глава районной администрации, чтобы как-то подавить неловкость, подал рукой знак рвущее-

мусья выступить Абдул-Кериму. Знавший старика, глава штаба Кемала, Шарапуддин Бакаев не успел остановить. Когда он кинулся предупредить главу района, на подмостки взбежал Абдул-Керим, сняв шапку и зажав её в руке, как Ленин кепку, сказал в микрофон следующее:

— Мои аульчане! Сегодня пришедший газ большое благо для аула, его ещё большевики нам планировали подвести, однако это происходит только сегодня. Подвод газа не надо связывать с выборами. Не надо связывать подачу газа с Качоковым. Мне шестьдесят семь лет, я, как и все жил без газа, даже отопления солярккой нет у меня. Если этот газ вы будете связывать с ним, — он показал на Кемала, — то такой газ мне не нужен, я буду продолжать топить кизяком и дровами. А тебе Качоков хочу сказать, чтобы ты свой газ одним местом пускал в другом месте. Голосуйте за нашего парня!

Руководство с недоумением выслушало и обомлело. Митингующие взорвались от смеха. Глава администрации закричал: «Милиция!» На подмостки взлетел Салим-Гирей и отдал честь.

— Почему он здесь? — заорал глава.

— Вы же сами дали ему слово?! — удивился Салим-Гирей.

— Немедленно уберите! — закричал глава.

Абдул-Керим спрыгнул с подмостков и прихватив с собой Куваныша побегал сквозь расступающуюся толпу. Толпа провожала их с хохотом. Слух о выступлении старика в миг распространился по всем участкам.

Само подключение газа, конечно, радовало аульчан. В ауле почти у всех стояли печки, работающие на газе из баллонов. Худо было с отоплением домов. Многие в ауле топили углём, более сноровистые — солярккой. Администрация специально подстраивала подключение ко дню голосования. А тут такое необычное выступление Абдул-Керима. Кемал был превращён в набедокурившего мальчугана, которого схватили на месте хулиганства. Теперь о нём говорили мало, но администрация полагала на то, что народ автоматически, прислушивается к их призывам и пойдёт за ними. Карасолтан был не из легковых, он не мог преждевременно поверить в свой успех. Сразу после подключения газа он сделал ответный ход. В те дни в республиканском центре давал гастрольные концерты танцевальный коллектив из Кабардино-Балкарии. Он пригласил коллектив для поддержки своей кандидатуры. Ан-

самбль произвёл эффект на жителей райцентра, успешно прошли концерты и в двух других населённых пунктах. Организовать концерт в Май-тогае было сложно. В ауле несколько лет не функционировал Дом культуры. Да, если бы и работал, то в маленьком зале, на маленькой сцене коллективу в тридцать танцоров было бы очень трудно развернуться. Несмотря на то, что снег ещё не сошёл, Эдик решил проводить концерт на открытом воздухе. Перед штабом расчистили снег с недавно застланной тротуарной плитки. В то же утро пустили машину по аулу с динамиком, приглашая аульчан на концерт. Люди с большим удовольствием пришли. Такое представление делалось впервые за все годы существования аула. Перед площадкой поставили «Икарус» артистов. Салим-Гирей, согласовав с ДПС, перекрыл трассу, чтобы машины объезжали место сходимки по параллельной грунтовой дороге. Начался концерт. Заиграла любимая всеми национальная гармонь, засвистела свирель, загредел доул, забили трещотки. Артисты, оставляя на сидениях накинутае на плечи верхнюю одежду, юрко выходили из автобуса, выстраивались в один ряд мужчины, в другой ряд девушки и танцевали коллективные танцы. Каждый танец мужчины сменяли на себе серые черкески то на синие, то на красные. Девушки выходили то в зелёных, то в синих, то в белых платьях с серебряными застёжками и поясами. На мужчинах были каракулевые папахи, на девушках то шали, то национальные шапочки. Ансамбль был известный, многие их выступления видели по телевизору. Аульчане были в восторге, каждый хотел запомнить лица и изучить движения танцующих. Сначала единицы робко стали хлопать в такт музыке, с каждым новым танцем число поддерживающих хлопаньем увеличивалось. Когда стал танцевать парный танец в чёрной папахе и серой черкеске танцор с красивой девушкой в белом платье, аульская молодёжь, осмелев, выступила вперёд и, приплясывая, стали хлопать. Танцор отошёл в сторону от кружащейся на месте напарницы, в круг выскочил аульский парень в синей куртке и стал танцевать. Хлопки усилились, люди стали поддерживать криками: «Карс! Карс!». Кто-то в такт стал свистеть. Танцующего хотел сменить другой аульский парень. Вдруг, расталкивая всех, в круг выскочил маленький Абдул-Керим в жёлтом пуховике, в кирзовых сапогах, в надетой набекрень чёрной кроликовой шапке. И стал танцевать очень

темпераментно и очень правильно. Толпа ахнула от восторга, стала хлопать ещё сильнее. Абдул-Керим не стал злоупотреблять, сделав несколько кругов, он кивками головы дал понять, что доволен танцующей девушкой и быстро исчез в толпе. Музыка не останавливалась. На площадку выскочил высокого роста Куваныш, в засаленной фуфайке и приплюснутой на голову кепке. Он музыку схватывал, но танцевал странно, раскинув руки по сторонам, смешивая национальные и современные молодёжные танцы. Все умиленно взорвались хохотом, когда Куваныш вытащил из кармана платок и стал танцевать, махая им, как женщины в русских народных танцах. Умение танцевать, соблюдение такта, импонировало толпе. «Наступай! Наступай, Куваныш! Карс! Карс!» — кричали пожилые мужики. До этого они, показывая свою солидность, отстранённо наблюдали за танцами. Во время танца вышел в круг Карасолтан с пачкой десятирублевых и осыпал купюрами танцующую артистку, как невесту на свадьбе, положил купюры и за пазуху танцующего Куваныша. После окончания концерта люди не давали проходу Куванышу:

— Пора и у нас открывать ансамбль, когда есть такие танцоры, — говорили его собутыльники.

— Куваныш, пора ехать в Кабарду за невестой! — сказал один из аульских штабистов.

— У-у! Бабник! — шуточно пригрозила одна из пожилых женщин.

Когда артисты в автобусе переодевались, Карасолтан подошёл к Абдул-Кериму и обнял его:

— Спасибо, что поддержал нас! — сказал он.

Абдул-Керим распахнул пуховик и озорно показал ему раскрытый карман пиджака. Карасолтан вытащил пару красных сотен:

— Не знаю, что тебе сделать, чем отблагодарить и за сегодняшнее и за вчерашнее на митинге?

— Я же ради аула, ради нашего народа! — сказав, Абдул-Керим погладил свою седую щетину.

— Мне бы что-нибудь конкретное сделать? — со всей серьёзностью сказал Карасолтан.

— Наш парень, похоронишь меня — и мне будет хорошо.

— Хотя я на все похороны в аул приезжаю, но тебя, Абдул-Керим, хоронить никто не собирается. Живи ещё много лет! Тебя ещё долго будут в ауле вспоминать.

— Рано или поздно это со всеми случается. Боюсь, что людей не будет. Прийди, похорони. Это очень важно! — сказал Абдул-Керим, заглядывая в глаза Карасолтана...

Карасолтан работал во всех направлениях. Определённую работу провёл с футболистами, заказал им формы с надписью «Май-тогай», а когда форма была готова, собрал их и вместе с формой вручил им мячи, сетку для ворот и пообещал с наступлением тёплых дней соорудить аульский стадион.

За неделю до голосования Эдик зашёл в избирательную комиссию, которая располагалась в средней школе. В актовом зале присутствовали все члены комиссии, среди них была и Шахида. Она хотела поздороваться и даже привстала. Но Эдик не посмотрел в её сторону и сразу подошёл к председателю комиссии Зое Анваровой, которая сидела с главой сельской администрации. Эдик поздоровался с ними и передал заявления на наблюдателей из своего штаба, которые должны сидеть в день голосования. Зоя — работница почтового отделения приняла, посмотрела заявления:

— Всё правильно! — сказала она.

— Мне бы окончательный список избирателей? За десять дней до голосования он должен быть готов? — спросил Эдик.

— Конечно, он готов. Он в двух экземплярах, заверенный. Но мы не можем его тебе дать.

— Почему? Мы же можем с ним ознакомиться.

— В нём персональные данные наших аульчан. Если хотите, то садитесь где-нибудь и знакомьтесь с ним, — она достала из стола список и протянула его.

Эдик прошёл и сел в конце стола, откуда он был виден всем. Он с собой принёс список сомнительных фамилий, которые выявил в прежнем списке, но здесь невозможно было вытаскивать эту бумагу из кармана для сличения. Эдик долго вчитывался, и на память сличал со своим списком. Ушёл из комиссии не совсем довольный. Он в списке увидел чужие фамилии, но труднее было разобраться со своими, выехавшими работать по стране.

В штабе его поджидал Карасолтан. Эдик сел рядом с ним, вытащил свой список с подозрительными избирателями.

— Не дали они список с собой взять. Сказали, что не могут разглашать персональные данные избирателей. Посадили рядом с собой. Все прописанные со стороны фамилии есть. Труднее было разобраться с выехавшими, у нас одина-

ковых фамилий много, а имена и отчества я на память не знаю, — проговорил расстроенный Эдик.

— В других участках для ознакомления дали отдельную комнату, — задумчиво сказал Карасолтан.

— Я откуда знал? Показали, где сидеть — я там и сел.

— Что мы имеем?

— Пятнадцать чужих фамилий. Наших отсутствующих тридцать семь избирателей.

— Пятьдесят два! Это кое-что, — погладил свой подбородок и продолжал напряжённо думать.

— Кстати, болгарки Стояновой не было в списке. Четырнадцать чужаков.

— А куда же она делась? Тебе это ничего не говорит? — усмехнулся Карасолтан.

— Кто-то прокололся. Олеся или Гульнара дали знать Зое Анваровой или председателю сельской администрации.

— Вот гадины! Сколько волка не корми, всё равно в лес смотрит. Ладно, учтём. Хорошо, что мы об остальных подозрительных никому не сказали. Перепечатай список и дай мне, но опять-таки никому ни слова. Их список был заверенный, печать стояла?

— Да. Подпись Анваровой стояла, — ответил Эдик.

— Сколько ей лет? Молодая? Муж, дети есть?

— Лет сорок. С мужем развелись, двое детей, один сын футболист, уже голосует. Сама на почте работает.

— Подождём. Удивляюсь, что не хотят по правилам, по закону. Представляешь, они приготовили почти полтораста голосов для массового сброса? Жаловаться никуда не буду. Наверное, надо бойцов привлекать? Я хотел по закону, а они не хотят? — сказал Карасолтан.

— К нам не надо приглашать бойцов! Наши за тебя! — уверенно сказал Эдик.

— А эти? Ещё сто голосов на двух других участках — это судьба выборов!

В ту ночь произошло неприятное событие. В темноте приехали в аул три «Камаза» и в каждый двор завезли по мешку муки. Одаривая сказали, чтобы голосовали за Кемала. В других аулах такого щедрого вознаграждения не делали. Видимо, власти, после конфуза на митинге, решили усилить влияние на Май-тогай. Утром по аулу прошёл неприятный шепоток о том, что надо хорошо подумать о выборе депутата. Озадаченный этим событием Эдик поехал в офис Карасолтана.

По дрожи в голосе своего начальника штаба Карасолтан понял его состояние:

— Не бойся! У нас козыря посильнее! — сказал он Эдику.

Контрудар был совершён за три дня до голосования, когда заканчивалась агитация. Бекару, сестра Карасолтана, в своём магазине заготовила сто тридцать пакетов. В каждый пакет были вложены: пачка чая, банка растворимого кофе, пачка макарон, коробка кускового сахара, банан, апельсин, кулёк рассыпных шоколадных конфет, бутылка лимонада, носовой платок. Бекару, своевольничая, думая, что это очень важно, положила в пакет упаковку женских прокладок, полагая, что в доме обязательно должна быть женщина, девушка. Старые женщины ими не пользовались, да и в некоторых домах вообще не было женщин. Самым важным в пакете было другое, бутылка водки с фабричной наклейкой, на которой красовался портрет Карасолтана. Водка нужна была всем. И старикам, и старухам, и мужикам, и женщинам, и молодым. Бутылка с водкой украшала любой стол, с нею ходили в гости, её брали в дорогу, пили на пикниках. Никогда не пившие молодые и пожилые женщины на всякий случай хранили в сундучках, тайниках, её как магарыч давали и пастухам, и тем кто привозил сено для коров, тем кто трудился на огороде, тем кто делал разные строительные работы. Агитаторы, раздавая пакеты, показывали бутылку и говорили аульчанам, что они должны прийти на участок и обязательно проголосовать за нашего парня. А после того, как наш парень победит, обещали в штабе одарить ещё двумя подобными бутылками.

В двух других аулах в темноте на иномарках появились бойцы Карасолтана. Они подъехали к домам председателей участковых комиссий. Разговор в каждом ауле был одинаковый и результат получился одинаковый. Люди Карасолтана показали списки с подозрительными избирателями. Сначала шантажировали, что с ними будет разбираться прокуратура, даже угрожали, что сожгут дома. Председатели были крепкими мужчинами, борцами, с собой имели оружие, и не испугались, даже показали гостям своё недовольство. Бойцы не уходили. Надо было делать соглашение. В конце концов председатели объявили, что включают сомнительных избирателей в список неявившихся на выборы. Но это было не выгодно людям Карасолтана. Они хотели, чтобы сброс был в пользу их кандидатуры. Однако, в конце концов приняли их предложение.

За день до голосования Карасолтан с Эдиком поехали в школу. Там они нашли поблизости от актового зала пустой класс, где можно было переговорить с Зоей Анваровой. Эдик вызвал председателя для разговора. Карасолтан боялся, что женщина не придёт, но она была не из робкого десятка. В руках у неё была розовая косметичка, одетая в тёмно-серый брючный костюм, в сапогах на высоком каблучке она явилась и с подозрением посмотрела на Карасолтана. Ничуть не смутившись, дунула на чёлку чёрных волос, села напротив него за парту из соседнего ряда. Приведя, Эдик понял, что разговор состоится, и вопросительно посмотрел на Карасолтана, тот показал, что он может идти. Парень ушёл к машине. Карасолтан был в синем кашемировом костюме, в белой сорочке, при галстуке. Она оглядела его и сочувственно сказала:

— Здесь холодно. Можно было переговорить и в зале комиссии, там электрические обогреватели включены?

— Не надо! Зоя ты меня знаешь, и я тебя знаю. Сейчас речь идёт о судьбе нашего аула. Я думаю, что ты патриотка, и тебе не безразлична дальнейшая его судьба. Завтра я выиграю выборы, а после у нас будут развиваться взаимоотношения на целые четыре года. Люди друг другу нужны бывают. Все за помощью обращаются друг к другу. У тебя взрослый сын, да и дочка большая. Дай Аллах им процветания! Зоя, — он вытащил из кармана список и протянул женщине, — по твоему участку эти люди завтра должны проголосовать. Но за кого они будут голосовать, если их здесь, на территории республики нет? — сказав, внимательно посмотрел за реакцией женщины.

Она внимательно посмотрела список и, посмотрев в сторону окна, задумчиво сказала:

— Так и знала! Эта сыкуха спалила! — она имела в виду Шахиду.

— Ты же понимаешь, что может произойти?! Тебе больше не светит стать председателем комиссии, да и потеря работы не желательна?

— Карасолтан, говори, что нужно сделать? Я и так о тебе много думала. Ты и так весь аул на свою сторону повернул. Может, их оформить как неявку?

— Ни в коем случае! Надо, чтобы они отдали голоса за нашего парня!

— Поняла! А то бы ты ко мне не пришёл. Но как?

— Тебя что-то смущает? Как бы ты делала бюллетени за Кемала, так и за меня.

— Этот Кемал и его люди приходят ко мне, как будто я просто так обязана за них работать. Нашли дуру! Аж, противно от их разговора. Пустая ложка рот дерёт. Ты-то будешь помогать — это я вижу. Впереди ещё четыре года, а моим детям с учёбой надо определиться?

— Базара нет! Хочешь в академию? В любой другой ВУЗ на нашей территории.

— Давай, конкретно. Там будут сидеть наблюдатели противной стороны. Они битые! Имеют опыт работы на выборах. Эдика и его людей мы сами могли обойти, как два пальца об асфальт, они несмышлёные. Этих от партии не проведёшь. Они отмечают каждого явившегося на голосование. У них бумажки, на которых сколько избирателей, столько клеток. Они крестиками зачёркивают клетки, и знают точное количество пришедших. Если они заподозрят неладное, подымут скандал.

— А что нам сделать надо?

— Наблюдатели сами не наши, аульчан в лицо не знают. Вы можете сделать так, чтобы другие люди пришли на выборы и назывались фамилиями из списка. Пусть подходят ко мне, паспортные данные я имею, я их уже вписала. Пусть у меня возьмут бюллетень, затем пройдут в кабинку и кинут в урну. Можно это сделать?

Карасолтан подумал и сказал:

— Более тридцати узбеков и таджиков есть, я могу их привезти из райцентра.

— Только чисто одетых, на наших похожих.

— В списке и абхазы, и армяне есть. Мои гастарбайтеры таджики за них сойдут.

— Этого главу нашей сельской администрации я бы пристрелила. За абхаз и армян он имеет хорошие деньги! Чёрт с ним! Давайте о своих делах. Пусть Эдик отберёт человек десять наших верных. Они утром голосуют под видом этих из списков, после, переодевшись, в другой верхней одежде пусть приходят после обеда и голосуют за себя. Остальные десять отмеченных бюллетеней я кину сама, когда поедут к немощным избирателям по домам. Тогда будет незаметно. На всякий случай к вечеру пусть возле участка стоят серьёзные люди! Последнее время подтасовки делают, особенно, когда объявляют результаты голосования.

— Я автобус «Мерседес» пришлю со своими мордоворотами. Молодец, Зоя! — похвалил Карасолтан.

— И ещё. Которые придут на голосование из райцентра, все гуртом пусть не приходят. По пять-шесть человек, делая промежутки на час. На улице тоже пусть людям мало показываются.

— Честно говорю, не знал, что у нас в ауле такие мужественные женщины есть! — сказал он, сверкнув глазами, после засунул руку в карман и, вытащив из него зелёную бархатную коробочку, вложил в руки женщины.

Зоя открыла коробочку и вся запылала от радости:

— Ой! Я о таких серёжках всю жизнь мечтала! Спасибо, Карасолтан! — произнесла она и спрятала коробочку в свою косметичку.

— Держись, сестрёнка! — сказал на прощание кандидат в депутаты и отбыл.

Результаты голосования в Май-тогае превзошли все ожидания. По разным причинам человек двадцать отсутствовало. Пришедшие почти единогласно проголосовали за нашего парня. Было несколько испорченных бюллетеней. Против были только трое. Один из них — ясно, был Шарапуддин Бакаев, другой — Гондурас, в своё время из-за Карасолтана лишившийся магазина. Третьего не могли определить. Возможно, это был Информация, но он накануне поклялся, поставившей ультиматум Ання, голосовать за нашего парня.

Через неделю к дому Информации подъехала синяя «Нива». Из неё вышел Кемал в спортивном костюме. Весть о том, что Шахида чуть ли не стала виновницей провала выборов муссировалась среди аульчан. Аульчане не осуждали, а наоборот хвалили девушку. Кемал же хотел взглянуть в глаза изменщице. Когда Кемал вошёл во двор, Ання увидела его и, насупив брови, выскочила из летней кухни:

— Чего тебе?! — закричала она.

— Мне Шахида нужна! — нагнав строгое выражение на лицо, ответил Кемал.

— Зачем?

— Мне надо поговорить?

— Не о чем тебе с ней говорить! — Ання махнула рукой.

— Мне она нужна! — грозно сказал Кемал.

То, что он повысил голос и нежелание уходить разозлило Анню:

— Тебе говорят, проваливай отсюда! Не о чем тебе говорить с молодой девушкой! За своей женой и детьми смотри и не шастай здесь!

Услышав разговаривающих на повышенных тонах, Шахида было, дошла к входной двери, но прежде чем выйти решила глянуть в узкое окошко возле двери, в котором был виден двор. Она увидела Кемала в их дворе, испугалась, замялась и остановилась. Решила послушать разговор.

— Какая она девушка! Она меня предала! — крикнул Кемал.

— Что?! Нечего было лезть в наш аул! Проваливай от нас! — Закричав Ання, рванувшись, схватила за дужку старое ведро, которое стояло возле стены, в неё собиралась талая вода с крыши. Она размахнулась, чтобы припугнуть.

— Не девушка, потаскуха она! Ещё не известно под каким боевиком лежала! — огрызнулся парень, показывая, что ему плевать на её угрозы.

— Ах, так! — Ання с размаху кинула в парня ведро, которое попало тому в грудь и со звоном упало на землю. Вода расплескалась по спортивному костюму. Кемал стал отряхиваться. Ання схватила лежащее возле стены дома старое коромысло: — Я тебе башку размозжу! — и кинулась на него.

Кемал побежал со двора. Ання, размахивая своим грозным оружием, бежала за ним. Выбежав за калитку, она махнула коромыслом в сторону машины, но не коснулась её. Кемал заскочил в машину и поехал. Ання закричала вслед:

— Мы за своё будущее голосовали! — про себя же подумала, что вместе с отъезжающим Кемалом она прогнала тень Юсуфа, своё прошлое. Но это не так. Такое прошлое живёт с человеком до конца жизни

Во все тяжкие

Выборы событие незаурядное, и естественно, оно сильно влияет на жизнь аула. Меняет представление о жизни. Иногда за выборами тянется шлейф невероятных разборок, которые разбивают устои, сложившиеся отношения, сколачивают антагонистические группировки и даже сеют непреходящую

вражду. На этот раз выборы, как ни странно, сплотили Май-тогай, хотя горизонты, перспективы будущего были туманны. За семьдесят лет советской власти в аульчанах выработалась некая инертность к политике: партия подавляла личность и заставляла жить по своей указке, требовала думать так, а не иначе. В этих же выборах май-тогаевцы почувствовали себя политической силой. Силу эту выражал ставший депутатом Карасолтан. О своем будущем аульчане не строили каких-либо иллюзий. Да и никто не запомнил своего земляка выступающим с трибуны. Это качество его, нашего парня, тоже делало своим, нашим. Никому не нужна была пустая болтовня, лживые обещания, поднадоевшие лозунги о прекрасном будущем. Всё это осталось в прошлом. А в прошлое не возвращаются, как Кубань не течёт обратно в горы. Карасолтан был избранник реальный, свой, похожий на всех остальных. Он родился на этой земле, дышал с ними одним и тем же воздухом, был вскормлен пищей, напоённой кубанской водой. Кроме тех, кто во время выборов лицом к лицу сталкивался с ним, общей массе аульчан он запомнился благодаря портрету на бутылке водки. Особенно после того, как исчезла, пропала пустая тара, — а она всегда пропадает. Возможно, бутылка с портретом ещё хранилась у какой-либо бессмертной старушки, возможно, что она ещё найдётся, откопанная у аульчан в огороде, хотя извещено, что закапывал бутылки от жадности лишь один Куваныш. Кто знает, может, кто-то ещё? Не об этом речь. Общей массе аульчан депутат в Народное собрание республики запомнился крутым мужиком с короткой стрижкой, горбатым носом и хитрым прищуром глаз, смотрящим с бутылки. Волк в костюме, при галстуке, символизирующий силу и непобедимость народа. Красота, да и только! В этом образе весь наш Май-тогай в данный период, все его горизонты и все перспективы!

У любого легендарного полководца всегда имелись верные соратники. Если бы в Май-тогае был талантливый художник типа Глазунова, то на большой, допустим 0,7 литра, бутылке водки надо было изобразить портрет вождя с соратниками. Среди них особое внимание на себя должен был бы обратить Эдик. Как предки май-тогаевцев, аульчане представляли его лихим наездником, джигитом, батыром, смотрели на него с восхищением, учтиво с ним здоровались — как с почтенным долгожителем. Все от мала до велика гордились

его бесценным трофеем – колёсным трактором. Ни отец, ни деды, ни далёкие предки, у которых невозможно было представить в собственности подобное богатство, такой добычи не могли иметь в своих бесконечных набегах. Молодые разведёнки улыбались, а некоторые даже украдкой подмигивали. Матери, только завидев идущего по улице Эдика, выводили своих малых деток и пальцем указывали на него, приговаривая, что необходимо вырасти таким. Люди изменили отношение и к Сарыгыз. Эту сварливую женщину, вызывающую самые неприятные чувства в общении, аульчане зауважали. Сарыгыз, конечно, не вступала с ними в добропорядочные отношения. Она себя, сына и внуков считала самыми лучшими людьми в мире. На деньги, которые сын отхватил в штабе, она купила светлую норковую шубу. Она стала носить её и в тёплые дни. И невестку заставляла надевать самые лучшие наряды. Раньше её обходили, но теперь старались остановиться и о чём-либо переговорить. Она выработала в себе некоторые аристократические жесты: смотрела на всех свысока, руку для приветствия протягивала, как будто делала одолжение.

Особого почтения заслуживал Абдул-Керим. О нём часто говорили, он стал эталоном патриотизма. Порой на иной лад пересказывали его отважное выступление. Он был любим народом, но, как в случае с Сарыгыз, и он был невыносим, матерился на чём свет стоит. В советской литературе есть герой Абуталиб, которого знаменитый поэт охарактеризовал одной фразой: «Абуталиб сказал». Так и в Май-тогае про нашего героя стали говорить: «Абдул-Керим сказал». Фраза стала прозвищем. Однако так аульчане говорили за глаза: знали, что за искажение одной буквы в имени или за какую-то другую вольность любимец может превратить их жизнь в кошмар. Мы видим, как выборы оказали влияние на фольклор, на родную речь. Надо сказать ещё об одной детали. Теперь, после выборов, когда кто-то показывал свою слабость или трусил перед чем-то или кем-то, аульчане стали говорить такому человеку: «Не пускай газ, как Кемал». Возможно, что когда-то про Абдул-Керима забудут, но фраза эта останется в лексике, и ещё не один языковед будет докапываться до её сути. И тогда они отметят: «Живуч народный язык и богат он благодаря таким красноречивым мудрецам, как Абдул-Керим».

В летописи величайшего события в истории аула героем мог стать и Куваныш. Будучи трезвым, он тоже старался

выглядеть народным батыром: вытягивался ростом и грозно хмурил брови. Но тяжелое прошлое давило на него, тащило назад, в болото, которое свинья обязательно найдёт. Продержался он недолго. Последнюю попытку сохранить новый образ сделал через несколько недель после выборов: с друзьями перекопал весь огород. Но зачех своих не нашёл. За то, что пришлось истязать себя и людей, по выражению представителей этой социальной группы, тяжёлым трудом, благодаря которому, вопреки Чарльзу Дарвину, человек может превратиться в обезьяну, его одарил здоровенной оплеухой Япончик — То яма, То канава. (В этом прозвище не поймёшь, где имя, где отчество, а где фамилия. Оно на манер фамилий великих древнеяпонских поэтов: Токунаку, Тосинаба, — но придумано в России, в среде алкашей). И Куваныш опять превратился в себя бывшего; как нормальные люди после удара по голове познают потусторонний мир и превращаются в экстрасенсов, его озарило прошлым. Он с утра до вечера носился по аулу в поисках допинга. Судьба, предопределение! Разве найдёшь на свете лучшую жизнь! «Редкая птица долетит до середины Днепра!»

Гульнару и раньше аульчане почитали, точнее побаивались, и уважали. Несомненно, после выборов авторитет её возрос. Она стала для май-тогайской революции, как Клара Цеткин, как Роза Люксембург для пролетариата. На манер большевиков, некоторые даже хотели назвать её именем улицы в райцентре. В ауле нельзя было: в Май-тогае была одна центральная улица, и она носила имя Ленина. На маленькие переулки, конечно же, целительница не согласилась бы. В райцентре отказали. Карасолтан вызвал Гульнару и приказал ей: «Сиди и не рыпайся!» Она ответила: «Я ничего, это люди», — как делали революционерки, прикрылась мнением народной массы. После разговора с боссом, разочаровавшись в предводителе, она вернулась в родной аул и продала машину своему бывшему водителю Борису Картакаеву. Продавала с условием, что новый хозяин при крайней необходимости повезёт её в райцентр или в город.

На эти действия патрона дочь партизана Олеся, вернувшаяся из Белоруссии, сказала Гульнаре: «Машину можно новую приобрести, а здоровье не купишь. Береги себя, моя хорошая!» Сама Олеся после поездки помолодела, как будто отдыхала в Карловых Варах. Да и грех что-то говорить об

одинокой женщине. Её все уважали и до того, и после того.

О крановщице Рашиде тоже многое не скажешь. Он остался в прежнем статусе. Его кран был нужен всем. Люди начали строить большие дома на фундаментных блоках и перекрывать цокольные здания и потолки бетонными перекрытиями.

С Айдемиром Саламбековичем были кое-какие сложности. На месте директора он остался. Машину берёт, следил за ней всё свободное время, если даже никуда не ездил: мыл её, протирал тряпкой, никому не давал. Нигде не работающий взрослый сын, который не желал создавать семью, постоянно клянчил у отца «Оку». Отец ему категорически отказывал. Как-то друг без задней мысли хотел его успокоить: «Чего ты переживаешь?! Будешь ездить на машине после смерти отца». Сын со злости тогда сказал: «Хоть бы поскорее он сдох!» Друг, конечно, не собирался тиражировать этот ответ. Но получилось, как это всегда бывает. Друг простодушно поведал об этом кому-то, тот — второму, второй — встречающейся с ним девушке, девушка — родителям... Фраза в одночасье облетела весь аул. Аульчане поняли, что у Айдемира Саламбековича нелады с педагогикой: ну как это сын пошёл против отца, что он себе позволяет? В ауле был свой Павлик Морозов, затем сына директора стали называть его именем. Повторяться люди не любят. И поэтому кто-то высказал свои познания в классической литературе: «Что он себе позволяет? Прямо как сын Тараса Бульбы!» Всего фраза, а какое это оказало влияние. Аульчане заговорили о воспитании детей, о сохранении народных обычаев, о традициях. Никто не призывал, чтобы в ауле почаще читали лекции про этнопедагогiku — это доперестроечные методы, низменные, надуманные, ребяческие. Люди потребовали, чтобы Айдемира Саламбековича убрали с занимаемой должности. Возможно, что оппозиция в школьном коллективе подсуетилась. В районо поддержали глас народа. Так он потерял должность. Айдемир Саламбекович поехал жаловаться к Карасолтану. Тот ему сказал: «Слушай, а почему ты не пристрелил этого сына?». «Как же это? Он же мой сын!» — удивился директор. Карасолтан сказал: «Если бы ты его пристрелил, то я бы отмазал тебя от тюрьмы. А так за свою слабость ты должен понести наказание, я не могу идти против народа!» Карасолтан, как и большинство людей на Северном Кавказе, почитал Тараса Бульбу.

В ряды патриотов напрашивались ещё женщины. О своём подвиге осмотрительная Зоя Анварова никому не говорила, она и Карасолтана неоднократно просила помалкивать. Не была обольщена тем, что его соперник был повергнут, так как знала, что власть хитра и редко соглашается с проигрышем. Она совсем скоро ожидала с её стороны репрессий. Должность её на государственной службе была мелкая, но нужная ей, она понимала, что администрации ничего не стоит её уволить. Люди же смотрели в корень: желая её похвалить, они стали говорить о её роли в победе. Рот народа никаким платком не закроешь, как говорят русские, «На каждый роток не накинешь платок». Зоя Анварова была умна природным умом. Она видела, что аульчане ищут героинь в борьбе за святое дело, то бишь за нашего парня. Необходимо было отвести удар от себя. Когда при полном составе комиссии раздавали плату за проведение выборов, она специально дождалась прихода Шахиды. Председатель участковой комиссии подошла и, чтобы все слышали, получающей деньги девушке сказала:

— А ты молодец! Если б не ты, победы было бы не видеть! Всех нас вокруг пальца обвела!

В ауле, как говорят, хабар на земле не лежит. Последние новости распространяются мгновенно. Роль Зои Анваровой ушла в тень. Тем более, до людей доходили жалобы Кемала на предательство. Как-то Шахида пошла в магазин за хозяйственными мелочами. В магазине очень часто женщины собираются и стоят, беседуют между собой. Они увидели девушку, о которой в эти дни говорили в ауле, впились в неё взглядом, а после восхитились.

— Это же Информации дочь. Какая она красивая! — сказала известная сплетница Зарбийке. Остальные одобрительно закивали головами.

Девушка не придавала значения комплименту, но удивилась: с чего бы это? Женщина никогда не говорит о красоте другой, каждая, даже на старости лет, подспудно думает, что она самая красивая. Обычай такой. Озадаченная Шахида вышла из магазина и увидела торопящуюся старушку Татлихан, машущую ей рукой.

— Постой! — кричала она, а подойдя, обняла, внимательно оглядела. — Молодец девчонка! Я в тебя верила! Гово-

рят, что благодаря тебе наш парень победил. Я не сомневаюсь: ты настоящая Шахида.

Это она сама услышала. Среди аульчан шли пересуды. Её объявили истинной патриоткой. С азартом рассказывали про то, как она внедрилась во вражеский стан и как добыла для Карасолтана ценные сведения. Некоторые, особенно молодёжь, связали поступок с её прошлым. Пошла по аулу новая легенда, по которой предполагали, что она обучилась в лагере боевиков и прошла курсы диверсионной работы. Отсюда у неё смелость и умение добывать ценные сведения. Кто-то из пожилых людей сравнил Шахиду с Алтыншаш, героиней эпоса, которая, когда враг убил отца и братьев, сама села на коня и пошла на войну против врага. В самом деле, если в центральных средствах массовой информации некоторые авторы дают такую волю воображению, что совершенно серьёзно характеризуют наших соотечественников людоедами, то почему бы самим май-тогаевцам не изодраться в словоблудии. Не зря говорят, что язык без костей и при необходимости до Киева доведёт.

Зарема, которая во время предвыборной кампании отсутствовала, в те дни жила в городе и обустроивала предоставленную квартиру нового ухажёра. Она второпях навестила подругу. От своей матери услышала о её героических поступках. Когда она зашла в дом, в глаза ей бросился холодильник, которого раньше в этом доме не было.

— Ты, подруга, даёшь! Все судачат о твоей предприимчивости, хвалят твою деловитость. Так ты сблизилась с Карасолтаном? Это он тебя этим холодильником одарил? Хорошая вещь!

— Я Карасолтана всего раз видела. — О подарке она промолчала, об этом говорить было неудобно.

— Правильно сделала! Надо быть практичной. Дом, считай, ты привела в порядок. Этих мужиков надо дёргать за одно место, чтобы они раскошеливались. Сейчас таких женщин все уважают!

— Мне тоже денег хочется. Нашей семье не на что жить. Я только что-то подрабатываю. А они, родители, — балласт для приличной жизни, — Шахида повторила слова, услышанные по телевизору, но сама внутренне осеклась, подумала, что так говорить о родителях кощунственно.

Этой фразе удивилась Зарема.

— Смотри, какой у тебя политический ум появился! Мой новый тоже говорил, что один политик из руководства страны назвал пенсионеров балластом.

— Мои хоть бы пенсию получали! В ауле на пенсию целые семьи живут, — с огорчением сказала Шахида.

Помолчали. Зарема вспомнила, зачем пришла.

— Говорят, ты на выборах среди главных ходила? — сказала она.

— Деньги делают главенство. Мне заплатили мелочь. Я всё равно довольна. Холодильник же мы на свои сбережения купили, — с искренней интонацией проговорила Шахида.

— Для меня тоже главное деньги. Надо стать независимыми. Эти гады, мужики, хотят превратить нас в рабынь. Вот им! — Зарема показала свой неприличный жест.

Шахида слушала подругу, но думала о своём. На лице у Шахиды была озабоченность и она, вроде бы, была не рада посещению Заремы. Зарема же не поверила, что холодильник куплен на сбережения. Она знала, что никаких сбережений в семье Информации не может быть. Разоблачать не было желания. Внутреннее состояние подруги она также не поняла, но разбираться в этом у неё не было времени, и она ушла.

Похвалы от людей Шахида воспринимала сдержанно. Её сильно возмутило посещение Кемала, глубоко в сознании засели его слова: «Потаскуха! Неизвестно, под каким боевиком лежала!» Она знала, что эти слова давно были сказаны в ауле, Кемал их там и услышал. А потом использовал для выражения своей обиды. Она стала понимать, что байки про боевиков, про диверсионное обучение всего-навсего ширма, и в глазах аульчан она — потаскуха. Её патриотизм в отношении аула иссякал. «Пусть так и думают! Пусть!» — сокрушённо повторяла себе Шахида, осуждая аульчан за их лицемерие. Она пришла к мысли, что надо сделать что-то такое, что подтвердило бы их суждение. «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть», — когда-то высказался великий Шекспир. Такое часто случается в юных сердцах.

Наступили тёплые деньки. Целыми днями сидеть дома было невозможно. Шахида с матерью стала заниматься огородом. Сажала сначала картошку, потом лук, чеснок, всякую зелень. Это занятие заняло не больше недели. Девушка знала, что после напряженного сидения на одном месте, вязания

необходимо было отвлечься, выйти на свежий воздух, привести в норму физическое состояние. Она не умела, как мать, находить себе дома работу, тем более во дворе. Ходить постоянно в магазин было неловко, зачем там появляться без надобности? Чаще она ходила до остановки автобуса, постояв, медленно возвращалась домой. Заремы не было дома. Иногда она для вида доходила до её дома, постояв у калитки, шла обратно. Как-то во время одной такой прогулки она перешла дорогу и вдруг услышала, как сзади остановилась машина. Она обернулась. Из машины вышел Эдик и крикнул:

— Эй! Ты что, совсем никого не видишь?! Совсем нюх потеряла?!

Шахида посмотрела на него, но с места не сдвинулась. Эдик подошёл, хотел обнять, но девушка отпрянула от него.

— Чего: «эй»! У меня имя есть! — сказала она.

— Шахида, я тебя давно не видел. Последний раз — тогда дома. Мы хотели тебя пригласить в ресторан, когда отмечали победу, но мать твоя прогнала меня со двора.

— Она же знает, что ты с Кемалом дружишь, наверное, поэтому!

— Ты-то знаешь, что это не так.

— Мы о тебе не разговаривали вовсе. — И она задала мучивший её вопрос: — Слушай, Эдик. Это не ты случайно людям проболтался о холодильнике? В ауле только об этом и судачат!

— Людям лишь бы судачить. Мой трактор тоже затмил некоторым солнце. Даже из 6-го отдела приходили узнать источник доходов. Я сказал, что сам купил, на свои сбережения. Иначе можно подвести Карасолтана: у него средства на предвыборную кампанию были строго задекларированы. Поэтому о подарках лучше молчать.

— Откуда же люди узнали? — спросила Шахида.

— Может, твой отец и мать кому проговорились?

— Отец не мог. Да и мать тоже.

— Мать могла! — уверенно возразил Эдик.

— С чего это ты так уверен? Из-за того, что она тебя гонит?

— У неё с отцом Кемала роман был. Весь аул об этом знает, — улыбаясь, сказал он.

— Что?! — поразилась Шахида и зло посмотрела на собеседника.

— А то! Это же она тебя пристроила в участковую комиссию!

— Мама, как и тебя, его гнала всё время. Кемал сам пришёл и предложил мне работу. Тогда он не думал, что так всё обернётся.

— Не знаю, — Эдик только опомнился и подумал о том, что его слова могли ранить сердце девушки. — Давай об этом не будем. Наши все ценят твои заслуги и искренне считают тебя нашей, — он улыбнулся и умилённо посмотрел в глаза Шахиде. — Давай о нас поговорим!

— А чего о нас? Я тебе повода не давала! — сказала она, не в состоянии успокоиться от услышанного.

— Я же тебя хочу! — откровенно сказал Эдик и усмеялся.

— Жену свою хоти! — резко сказала Шахида и пошла своей дорогой.

Когда она отошла на приличное расстояние, Эдик выругался:

— Всё равно я тебя трахну!

Сообщение Эдика о матери перевернуло в Шахиде все предыдущие представления о себе и своей жизни. Она подозревала, что с нею что-то не так, но то, что она была в отношениях с кем-то, кроме отца, в голову никак не умещалось. Она вспомнила недавний притворный разговор матери с отцом. Вспомнила, как она сказала: «Кемал может оказаться твоим братом». Эта фраза тогда привела её в недоумение, но сейчас всплыла ясно и показалась вполне правдивой. «Если мама сама допускает такое, то Кемал может быть моим братом!» — В этом крылся и ответ, но она совсем запуталась. Запуталась в жизни.

Войдя во двор, она увидела мать в грязном халате, вопросительно смотрящую на неё. Шахида пристально поглядела на мать: на её чёрные кудри, на смуглое засаленное лицо, на блестящие чёрные глаза. «Она в молодости была красивой женщиной», — сделала она для себя заключение, но матери об этом ничего не сказала.

— Чего это ты как прокурорша глядишь? — удивилась Ання.

— Мама, сожги ты этот халат! Ты ещё молодая женщина! — сказала дочь.

— С чего бы это? — засмуцалась Ання.

— Я устала. Пойду, прилягу, — устало сказала девушка.

— Иди, иди! Моя хорошенькая! — сказала, загадочно улыбаясь, мать.

Критика подействовала: Ання пустила старый халат на половую тряпку и стала ходить в новом синем.

Информация и Гондурас начали класть стены. Через неделю стены из красного кирпича уже стояли. Пригласили мастера, ставящего котёл, он одновременно должен был подсоединить его к отоплению дома и установить ванну. Мастера звали Адилем. Он приехал на зелёном «Москвиче», привёз газосварочный аппарат со шлангами и баллон с кислородом. Снял старый котёл, работающий на солярке, и смонтировал новый. Дел внутри было немало. В семье долго решали, устанавливать унитаз или нет. Информация был против, Шахида — за, Ання не знала, что и сказать. Согласились с мнением Шахиды. Выкопали у забора канализационную яму.

— Вот это будем без конца машину для вывоза приглашать. Яма эта сразу наполняется, — возмутился Информация.

— А ты в туалет во дворе ходи! — проговорила Ання.

— Ты — тоже, — не отступал муж.

— Я по обстановке. Это для гостей, чтобы видели: мы не хуже их живём.

— Тьфу! Она о гостях думает! Кто к тебе ходит?!

— Владимир Ильич, а может и Карасолтан, — проговорила Ання.

Унитаз — это важный момент в новостройках. Молодёжь хотела, чтобы в доме был туалет, а пожилые нет. После того, как условились о его установке, надо было покупать унитаз. У Ання денег оставалось только для оплаты работы мастера. У Информации не было денег совсем. Тогда попросили Адиля оставить место для слива нечистот. Денег не было, от Вилена не было никаких вестей. Шахида собиралась ехать и сдать товар. Хотела отвезти побольше, чтобы лучше заплатили. Она упорно заканчивала остатки пряжи. Адиль работал исправно, но к завершению работы стал обращать внимание на Шахиду. Только девушка редко появлялась во дворе. Как-то он разворачивал шланги газосварки, в это время на крыльце показалась Шахида. Она спустилась и с интересом посмотрела на действия мужчины. Адиль присвистнул, как бы приветствуя её.

— Я тебе свистну! — пригрозила вышедшая из летней кухни Ання.

— Я не вам! — посмеиваясь, ответил Адиль.

— Ещё не хватало, чтобы ты мне свистел! — Ання подошла к дочери и подтолкнула, чтобы та шла обратно домой.

— Мама, мне надо на кухню, — она отмахнулась от матери и опять взглянула на молодого человека. Вид Адиля вызывал улыбку. Он нарочито делал виноватое лицо. Оно у него было смуглое с узкими глазами, кончик носа острый, вытянутый вперёд. Сложив губы в трубочку, он тянулся к девушке и ртом, и носом. Ання увидела его мимику.

— Ты погляди на него! Жена, небось, пятерых народила, а он к красивым девушкам тянется.

— Причём тут дети?! Каждый за себя отвечает. Аллах вашу дочку создал очень красивой, чтобы она всем нравилась. Вот и мой взор тянется. На всё божья воля!

— Заткнись! Не смей имя Аллаха произносить! Она тебе не пара. Смотри, ещё на комплименты не скупится! — вызывая на себя гнев, выговорила Ання.

— Тянется взор! Я не могу дать команду: остановись! — не унимался Адиль, притворно хватаясь за сердце.

— Да ты, вижу, не простак. К жене уже не тянется?

— Не тянется, мама, — сказал Адиль, как бы обращаясь к своей матери.

Шахида и мать не сдержали смеха. Ання как будто опомнилась, сделала вид, что рассердилась.

— Какая я тебе мама?! Упаси бог от такого сыночка! Я твоего ни рода, ни фамилии не знаю.

— Хочешь выяснить, не помешает ли родство нам подружиться?

— Ещё чего? Размечтался!

— Меня зовут Адиль. Я из рода Купчаковых. Тебя я знаю, ты Ання. А вот хотелось бы поближе познакомиться с дочерью!

— Ты чего к ней пристал?

Дочь перебила мать и мягко ответила:

— Меня зовут Шахида.

— Что и требовалось доказать. Шахида — очень красиво, — он благодарно поклонился ей.

Шахида, посмеиваясь, пошла в дом.

Информация и Гондурас за домом тесали топорами потолочные балки. Потолок решили делать глинобитным. Во дворе стоял газосварочный аппарат, немного в отдалении лежал на земле синий кислородный баллон. Место под саму ванну Адиль давно выровнял и отштукатурил, в эти дни он установил её, рядом поместил рукомойник и стал прикреплять вентиля. Иногда мастер выходил во двор. Шахида видела его в окно, прихорашивалась и хотела выйти, чтобы попасть на глаза, но мужчина опять исчезал в пристройке. Ближе к обеду, выйдя во двор и надев маску, стал варить какие-то трубы. Шахида под видом, что решила напиться воды, вышла во двор и медленно прошла мимо работающего Адилья на кухню. Мать катала тесто для хинкала. Оторвавшись от дела, сказала:

— Работает в поте лица! Все говорят, что у него руки золотые. Сделал бы и нам добротню. Вот только дорого берёт! — Она покачала головой.

— Сколько он затребовал?

— Всё вместе две тысячи рублей. Унитаз установит, когда его купим — это входит в оплату. Простой раз я дала задаток тысячу, ну, и теперь по окончании надо тысячу.

— И дай. Ты же не потратила те деньги, что я дала последний раз.

— Жалко. Хотела сестре твоей купить платье. Чтобы как другие студентки одевалась. Доча, ты же деньги, что за выборы получила, не истратила. Дай нам! — сказала Ання, смахивая рукавом со лба пот.

— Вы мне на себя даже копейку не оставляете, как будто я машинка по печатанию денег. Мне и до города надо доехать, и товар довести. Всё это деньги. Вот скоро отвезу товар, тогда деньги будут. Дам, чтобы они не отягощали мой карман.

— Что бы мы делали без тебя!

— Ладно, я пошла работать, — попив воды, Шахида вышла.

В это время Адиль, сняв маску, разглядывал свою работу. Он увидел девушку.

— О-о! Как дела, Шахида? — бодро спросил он, выпрямляясь.

— Пойдёт, — ответила она и улыбнулась.

— Ты чего, на кухне работаешь?

— На кухне едят. Работаю дома!

— О как! Сейчас я закончу эту трубу варить, зайду посмотрю.

— Заходи, — кивнула головой Шахида и направилась к себе.

Через некоторое время, переодевшись, сняв с себя робу и надев джинсы и голубую сорочку, он вошёл в дом.

— О! У вас тут уютно: и телевизор, и холодильник, мебель хорошая!

Шахида нарочно не отрывалась от машинки, ей хотелось показать свои способности. На стуле, на диване в зале лежали готовые свитера.

— Можно посмотреть? — осторожно спросил Адиль.

— Смотри, пожалуйста!

Адиль взял зелёный с белыми узорами свитер и стал разглядывать пошив, даже приставил к себе, примериваясь.

— Здорово! Как фабричный!

— Мы же для быткомбината шьём. Это и есть фабрика, даже этикетки пришиваются. Машинка импортная, японская! — Шахида прервала работу и с улыбкой посмотрела на мужчину. Адиль встретил взгляд её чёрных глаз. Они некоторое время безмолвно смотрели друг другу в глаза. Она прочитала в его глазах желание, а он понял по тому, что её глаза стали маслянистыми и распахнутыми, что и она не против. Шахида отвела глаза в сторону машинки.

— Я и не знала, что можно так говорить! — тихо сказала она сама себе.

— Мы споёмся, — самоуверенно проговорил Адиль.

— Чего это ради? — Шахида сказала так, чтобы подзадорить его.

И они опять стали долго смотреть друг другу в глаза. Шахида рассмеялась:

— Честно говоря, я не знала, что можно так объясняться глазами!

— Главное, ты поняла, что мне нужно, а я понял, что нужно тебе, — сказал Адиль.

— Разогнался! Мне от тебя ничего не нужно! — засмеялась она.

— Интерес у нас равный, — вкрадчиво сказал он.

— Что ты имеешь в виду? — она ласково обвела его взглядом.

— У тебя такое милое лицо! — он опять поймал её взгляд. — Дай посмотрю машинку! — Адиль обошёл стол, на котором она стояла.

Девушка хотела встать и отодвинула стул. Адиль положил увесистую руку на плечо, показывая свою волю, остановил, а затем дал встать. Он взял своей загорелой мозолистой рукой её небольшую мягкую руку и прикрыл ладонью второй руки. Шахида почувствовала большие ладони и удивилась:

— Какие у тебя большие руки!

— Они ещё и крепкие! За мной, как за каменной стеной! — он сжал в своей ладони её руку.

Шахида попыталась освободиться, вырвать руку, ей это не удалось. В коридоре раздались шаги. Адиль еле успел отпрянуть, как в зал вошла Ання.

— Что ты делаешь в комнате дочери?! — удивилась Ання.

— Смотрю, как она работает!

— Жену хочешь научить вязать? — Ання подошла к нему и взяла его за руку, чтобы вывести из комнаты. — Какая тяжёлая рука! Сам щуплый, а рука какая! — восхитилась женщина.

— Рука как рука, — сказал Адиль и, освободившись, вышел в зал.

— Ты чего, завершил работу? Всё во дворе раскидал? — спросила Ання.

— Нет. Надо съездить в райцентр за карбидом. Ещё кое-что купить надо.

— Ну и ехал бы! Когда ты закончишь?

— Завтра. Сегодня не успею.

— Завтра так завтра. Ты к моей дочке не приставай! Она ещё не замужем! — строго проговорила Ання.

— Это мы поправим. Найдём ей жениха. В нашем ауле полным-полно неженатых парней. Доверьтесь мне! — усмехаясь, сказал Адиль.

— Тебе? Равносильно, что волку доверить для сохранности овцу.

— Мама, я что тебе, овца? — Шахида сделала вид, что обиделась.

— Я не о тебе. Вот об этом волке в голубой сорочке. Смотри, как тихо вползает в овчарню!

— Я бы вам сказал, хозяйка. Ладно, надо работу доканчивать, — и Адиль направился из зала к выходу.

— Иди доканчивай! И не суй нос куда не следует!

Адиль уехал за карбидом, а вернувшись, собрался работать до темноты. Когда он прервался, Шахида вышла во двор и спустилась с крыльца. Адиль, оглядевшись и убедившись, что матери рядом нет, подскочил к девушке.

— Завтра отметим окончание работы, как ты на это смотришь? — спросил он.

— Как?

— Я вина куплю, посидим где-нибудь?

— Я не пью.

— Ну, тогда другое!

— Что другое? — посмеиваясь, спросила Шахида.

— Ты же понимаешь!

— Ничего я не понимаю.

— Шахида, я так хочу тебя!

— Мало ли, что ты хочешь. Мне тоже много чего надо.

— Как раз на этом сойдёмся. Я тебе денег дам!

Шахида могла обидеться из-за неприличного предложения, но она сама не поняла, как подозрительно заулыбалась.

— Всё, договорились! Я тебя завтра отблагодарю. После окончания работы буду ждать тебя на машине за углом. Эта твоя мать от тебя не отстаёт, прямо по пятам ходит!

— Она же мать. Бережёт.

— Себя бы поберегла...

Шахида вскинула плечами и ушла в дом.

На следующий день Адиль всё завершил. В тот день приехал мастер из газового участка и разрешил подключаться к общей трубе. Проверил подключение к газу плиты на кухне и оборудование в ванной комнате. Убедившись, что всё работает нормально, уехал. Информация, Гондурас и Ання приняли работу. Пустили воду и включили газ на кухне и по трубам к котлу. Подождали, когда согреется вода, проверили батареи. С умывальника и из смесителя ванны потекла горячая вода, нагрелись батареи. Все радовались. Пришла посмотреть и Шахида, она включила душ и потрогала рукой горячую воду.

— Проблема будет с канализацией. Вы все вместе не мойтесь, через день по очереди ходите в ванную. Я через пласт-

массовую трубу вывел воду на улицу, чтобы зря яму не наполнять. А так нельзя. Поставим унитаз и сделаем, как положено, слив сделаю в яму. Только не тяните с унитазом. Он же недорогой, только надо привезти, — сказав, Адиль вопросительно посмотрел на Ання.

Она поняла его и вытащила из бюстгальтера деньги, с важным видом посчитала и протянула мастеру.

— Тёплые деньги! — похвалил он.

— Дурак ты, похабник! — и насмешливо, с симпатией глянула на парня Ання.

— Всё правильно! — Адиль засунул две купюры по пятьсот рублей в карман. Потом, проходя мимо девушки, незаметно мигнул, объясняя без слов, что всё идёт, как задумано. И ушёл.

— Пока не пошли дожди, надо кровельщика звать. Срочно нужна крыша. По-хорошему бы весь дом одним материалом перекрыть, — сказал Гондурас.

— Надо подождать. Деньги должны скоро быть, — сказала Ання и посмотрела на дочь. Шахида, не отреагировав, пошла в дом.

— Тогда надо покрыть пока целлофаном. Дождь пойдёт — попортит всё, что сделано, — переживая, произнёс Гондурас. Подумав, добавил: — Вообще-то у меня есть целлофан.

— Ну, принеси! Чего ты? — возмутился Информация.

— Вечно вы с протянутой рукой. Как вы мне надоели! — махнул рукой Гондурас.

— Не жмись! Принеси!

— Принесу своему нищему брату, потом вернёшь.

Через некоторое время Шахида, одевшись, вышла. Родители и Гондурас стояли во дворе. Ання, увидев, что дочь принарядилась в новое платье, удивлённо посмотрела на неё.

— Интересно... — спросила она.

— Пойду к Зареме, — сказала девушка, отводя глаза.

— Ты что-то не предупреждала, что к ней пойдёшь! — мать недоверчиво постаралась заглянуть дочери в глаза.

Шахида опять увернулась от её взгляда и быстро ушла. Она поняла, что в сердце матери вкралось сомнение, но на неё это не оказало никакого воздействия. Девушка знала, на что идёт. Зелёный «Москвич» стоял за углом, под деревом,

ближе к асфальтированной центральной улице. Шахида оглянулась по сторонам. Увидев, что никого нет, побежала и юркнула в машину, на заднее сидение.

— Ложись! — смеясь, приказал Адиль.

Шахида поняла его буквально, легла на сидение ничком.

— Ты как будто на свадьбу вырядилась, в красное платье, — Адиль завёл машину и направил её в другую часть аула, подальше от дома девушки.

Он повёз на знакомое ему место. Среди ветвистых ив, недалеко от Кубани, была небольшая лужайка. За ивами были густые заросли облепихи и других кустарников.

— Хорошо, что никого нет, — сказал он и ловко убрал пустые бутылки, остатки пищи и использованные пакеты. — Вечером никто сюда не придёт. Днём заезжают все, распивают спиртное, а некоторые — просто посидеть. А так всё чисто. — Довольный местом, Адиль вытащил из багажника старое стёганое одеяло, разостлал его, из пакета вынул напитки и разложил на траве. — У меня всё есть. Пей сок! — он улыбнулся девушке.

Шахиде было интересно, как поведёт себя ухажёр. Она сорвала травинку и, прикусив в зубах, внимательно посмотрела по сторонам.

— Хорошо здесь! Воздух прямо мятой обдаёт! — сказала она.

— Давай садись, — проговорил Адиль, показывая место на одеяле.

Шахида не торопилась, вопросительно посмотрела на Адиля.

— Чего ты жеманишься? — сделал он удивлённое выражение. — Ах, да!.. — вспомнил он и вытащил из кармана пятисотрублёвую купюру. — Открой сумочку! — сказал он.

Она засмеялась. Адиль сам открыл её белую сумочку и положил деньги. Затем встал, обнял её и стал раздевать...

Обратно вернулись, когда стемнело. Шахида, выйдя из машины, очень довольная, дошла до дома. Угрызения совести не мучили её, она подумала, что исполнила то, что надо было: доставила удовольствие мужчине, а за это заработала деньги. Домой она пробралась тихо. Зажгла свет, взглянула в

зеркало, быстро разделась и легла на расстеленную матерью на диване постель. Заснуть сразу не смогла. Вспоминала мужчину, его страстные поцелуи, прикосновения мозолистых рук, его хозяйское и в то же время трепетное обращение. Утром она тоже вспоминала Адила и его обращение с ней. Умывшись во дворе, она вернулась домой и мимоходом заглянула в сумочку. Взяла в руки купюру. «Вот что значит получить удовольствие и заработать деньги! — вспомнила она слова Мадлен в гостинице. — Пусть теперь считают потаскухой! Пусть!» — злилась она на своих занимающихся сплетнями аульчан. Она даже понюхала купюру, а затем, зажав её в ладони, пошла к матери.

— Ночью по скрипу калитки я слышала, как ты вернулась. Ну, как там твоя худоба? — спросила мать, стоящая возле плиты и мешающая половником варево в казане.

— Ничего, нормально. На! — сказала она и протянула матери деньги.

— Откуда у тебя деньги? Ты вроде ещё не сдавала товар? — удивилась Ання.

— Не спрашивай, мама.

— Нет! Я должна спросить.

— Зарема в долг дала, — ответила Шахида.

— Я должна спросить, — повторила ей вслед мать и, сев на стул, стала разглядывать купюру, которую сразу узнала. Именно её она отдала Адилю. На бумажке её корявым почерком было написано: «Платье». Когда писала, она сама не знала, зачем ей понадобилось взять в руки ручку и исписать уголок денежной купюры. Наверное, чтобы помнить, что на них надо купить платье Эльвире. После она хранила купюру с другими деньгами, завязав в платок и положив в комод. А вчера вытащила из узелка, чтобы отдать мастеру за работу. «Ничего не понимаю! — размышляла она про себя. — Я же её отдала вместе с остальными деньгами Адилю. Он, забрав деньги, уехал... После ушла дочь. Значит, они встретились. Или он её где-то подждал? Как эти деньги могли попасть к ней? Ума не приложу! За что он ей отдал часть своего заработка? Сумма немаленькая! У него семья! Разве за это так расплачиваются? Ясно! Чудес не бывает. За это и расплатился! — У Ання закружилась голова, не выпуская из рук купюру, она прилегла на кровати. — Это невозможно! — прошептала она вслух и, встав, присела на краю. — Ей же всего двадцать один год. Как она скумекала? — опять у Ання закружилась

голова и она снова прилегла. — В эти годы так сделать! Пойду и вырву ей волосы на голове, — она попыталась снова встать, но тут же положила голову на подушку, чтобы успокоиться и упорядочить свои мысли. — Я тоже была молода, когда Юсуф поймал с грелкой с молоком. Почти столько же было! И я тогда скумекала, легла под него, побоялась, что станет известно о воровстве, опозорят и выгонят с работы. Страх заставил меня это сделать. Но тогда было время такое, — она хотела оправдаться и прикрыться тем временем. — А её что на это толкнуло? Всё же есть у неё. Да... Ещё неизвестно, за что её Владимир Ильич держит на работе! Какие деньги домой приносит! Деньги! Деньги нужны всегда. Мебель купила, да и ремонт за её счёт делается, а мы всё берём и не спрашиваем, откуда... Ой, ужас! Плохо мне!» — Ання затошнило и она, встав, побежала к помойному ведру. Её вырвало. Она потушила огонь на плите и опять прилегла. Уронив возле ведра купюру, она о деньгах забыла.

Заставив себя успокоиться, она задремала. Пришла в себя, когда на кухне появился муж. Информация, взяв кружку, наполнил её водой из ведра и выпил. Ання, привстав, присела на край кровати, отрыгнула и спокойно произнесла как бы самой себе народное изречение:

— Где мать перепрыгнет, там и дочь перепрыгнет.

— О чём ты? — удивился Информация.

— Пошёл к чёрту!.. — махнув рукой, выругалась жена. Она никогда в жизни не говорила матерные слова. — Иди! Тошно мне! — Она опустила голову к коленям.

— О! Вы сорите такими деньгами! — воскликнул Информация, подбирая пятисотрублёвую купюру возле помойного ведра.

— Отдай! Это мои! Я их кровью и потом заработала! — заорала Ання.

— Возьми, — поразился Информация. Поднёс ей деньги и вручил в протянутую руку.

Депрессия

Ання решила ничего не говорить дочери. При встрече, стиснув зубы, она упорно смотрела мимо неё. Раньше, после того, что случилось с девушкой в городе, мать часто вспоми-

нала простыню с пятном. Теперь перед глазами всплывала пятисотрублёвая бумажка. Ання и раньше была по-аульски суеверной, но теперь вдвойне. От денег она хотела избавиться, расхотела покупать на них одежду младшей дочери, подумала, что они могут сбить с пути истинного и этого ребёнка. Через день она договорилась с Гондурасом, купила на заработанные преступным образом деньги унитаз с бачком и привезла домой. Адиль установил унитаз. Улучив момент, он сказал Шахиде, что вечером они увидятся на том же месте, что и в первый раз.

Вечером, вырядившись как тогда, Шахида пошла на свидание. Ання занималась своими делами во дворе. Она её увидела, но по-матерински не задела, отвернулась. Просто поняла, куда она уходит. «О себе надо думать», — сказала себе Ання, но что кроется за этими словами, сама не поняла.

Адиль, как прежде, не строил глазки, вёл себя уверенно, важно. Он без излишних разговоров повёз на прежнее место. Вытащив из багажника одеяло, деловито расстелил на траве. После подошёл к ней и молча обнял. Она попросила:

— Ты мне помоги!

Он посмотрел на неё и убедительно сказал:

— Я тебе в прошлый раз и так много денег дал. Это было авансом. Денег на семью еле хватает.

— Я не о деньгах. Помоги завтра отвезти товар в город! — сказала она.

— Не мытьём, так катаньем, — Адиль улыбнулся. Он подумал, что девушка ведёт себя нагло. Чтобы немного сбить её настроение, сухо ответил: — Времени нет. А ещё, с бензином как?

— Бензин я куплю, — с готовностью сказала она.

В темноте отвозя Шахиду домой, Адиль сказал:

— Ты хорошая баба, Шахида! Будем встречаться вот так, чтобы никто не видел. Не в моих и не в твоих интересах, чтобы об этом знали. Завтра я отвезу в город. Во сколько за тобой заехать?

— Давай пораньше.

— В восемь я подъеду.

Утром, нагрузив «Москвич» тремя набитыми товаром мешками, они поехали в город. К парковке возле быткомбината подъехали часам к десяти. Шахида увидела у закрытых

ворот двух атлетического телосложения мужчин, удивилась: этих людей никогда не было здесь раньше. Мужчины стояли, будто охраняли вход во двор. Шахида хотела вытащить из багажника мешки, чтобы занести их в здание, но после остановилась и, ничего не взяв в руки, направилась к воротам. Она хотела узнать, на месте ли Вилен.

— Вы к кому, девушка? — Её остановил, должно быть, старший мужчина.

— К директору, — сказала она.

— Вы здесь работаете?

— Да, я надомница. Свой товар привезла.

— Сакаев задержан. Сейчас его привезут на освидетельствование. Вы не уходите, к вам тоже будут вопросы.

Шахида испугалась, решила быстро исчезнуть.

— Стойте! Вам же сказали, далеко не уходите! — требовательно сказал второй мужчина.

Через некоторое время приехала милицейская машина, из неё вывели Вилену в наручниках. Лицо его было осунувшимся, небритым, пиджак помят. Он, как и раньше, хромал, его сопровождали двое полицейских: один молодой в форме, с погонами лейтенанта, другой постарше, в чёрном костюме, седоволосый, с седыми усами на большом белом лице. Вилен остановился возле Шахиды, но мужчина в гражданском костюме грубо толкнул его, так что он чуть не упал.

— Не задерживайте процедуру! — зло сказал седоволосый.

— Товарищ капитан, это моя сотрудница, — проговорил Вилен.

— Хорошо. И её допросим, — сказал он и, остановившись, оглядел девушку.

— Она не при делах. Вяжет из своей пряжи свитера, — сказал Вилен.

— Пусть принесёт и покажет, — сказал человек в форме.

— Это её собственность. Мы реализовали товар. Правда, Шахида?

— Да. Я вяжу на своей машинке.

— Ничего им не давай! Пропадёт с концами! Ты лучше своё барахло заberi. Чайник, посуду, одеяло, подушку. По делу, что мне шьют, меня надолго упекут. Ничего не оставляй!

— Не болтать! Иди! — прикрикнул человек в форме и ещё раз грубо толкнул в спину.

— И вы идите с нами! — сказал седоволосый капитан. Допрос проходил в кабинете Вилена.

— Вы бы не задерживали девушку, она не при делах. Таких надомниц у меня тридцать человек работает.

— А чем расплачиваешься? Где деньги? — стукнул рукой по столу седоусый следователь.

— Денег у меня нет, капитан! Все деньги я отдаю им после реализации, — проговорил Вилен.

— Мы спрашиваем не об этих деньгах. Девушка, вы знаете о том, что в этом здании производилась алкогольная продукция?

— Нет! Никогда не слышала, — с готовностью ответила Шахида.

Следователь привстал и из угла вытащил пустую бутылку с наклейкой, на которой красовался Карасолтан, и поставил на стол.

— Вы это видели? — показал он на бутылку.

— Нет! — испуганно ответила Шахида. А сама подумала, что если обыск будет в ауле, то обязательно в их доме найдут такую полную бутылку.

— Сидите! Дойдёт очередь, и вас допросим. Документы приготовьте! — Он впился взглядом в Вилена. — Слушай, мне этот твой бизнес с тряпками по барабану. Мы знаем, что это у тебя было прикрытие. Основное твоё дело — это водка. Ты честно дай показания об объёмах производства, точках реализации и куда девались деньги! Без этого будем бесконечно прессовать. Нам нужна полная картина. Администрация также требует изъять у тебя документацию с правами на собственность этого здания. Мы обыскали дом, квартиру, но бумаг не нашли. Нашли и мать в доме престарелых. Твоя больная мать сказала, что видеть тебя не хочет и ничего не знает о твоих делах. Мы обыскали и её. Но бумаг нет. Где ты спрятал бумаги?

— У меня нет документации. Её увезли в комитет по имуществу и не вернули. Я ждал, что вернут.

— Там говорят, что вернули.

— Не вернули. У меня же сохранилась расписка о том, что я сдал документы, а о том, что их забрал, я нигде не расписывался.

— Тогда выходит, что ты не хозяин этого здания?

— Я не знаю. Я всё делаю по закону.

— Сакаев, не валяй дурака! Ты отдай документы. И по водке, может, поблажка будет. А так не советую тебе противиться. Посидишь на зоне — как миленький, отпишешь документы.

— Кому отпишу?

— Блатные с тобой гуманно разберутся. Отрежут яйца, язык в одно место засунут!

— Что вы так при молодой девушке? — укорил Вилен.

Следователь стукнул кулаком по столу, недовольно посмотрел на девушку.

— Отпускайте её! Только паспортные данные запишите, — сказал он и отвернулся в сторону окна.

Лейтенант в форме записал паспортные данные. Вилен поймал взгляд Шахида и подмигнул.

— Шахида, забери свои вещи из подсобки: чайник, сервиз, одеяло, подушку.

— Хорошо, Вилен Алибасович!

— Отдайте ей вещи, — велел следователь.

Лейтенант сопроводил Шахиду в подсобку.

— А что он так печётся о тебе? Ты с ним, наверное, того? — усмехаясь, спросил молодой человек.

— Я ни с кем не того! — отсекала она на корню вольность парня.

Шахида сложила посуду в полиэтиленовый пакет, в байковое одеяло положила обтянутую жёлтым потёртым шёлком подушку, туда же положила полотенце и сделала узелок. Взяв в руки пакет и узелок, спустилась по лестнице и вышла из здания быткомбината.

— Чего так долго? Куда товар нести? — спросил Адиль.

— Никуда. Везём обратно, — сказала Шахида.

— Смотри, я больше не приеду. У меня работы по горло, — холодно сказал Адиль.

Шахида ничего не сказала.

Дома Адиль помог занести всё в дом. Девушка принесла узелок и пакет, уложила в одно место мешки. Адиль торопился.

— Я поеду! — резко сказал он и вышел из дома.

— Что с ним? Поссорились, что ли? — с тревогой спросила мать.

— Зря съездили. Только бензин потратили, — девушка осмотрела свои вещи.

Она обо всё рассказала матери. Ання схватилась за щёку.

— Как же мы будем жить?! — расстроилась она.

— Ты лучше спроси: что будет с бедным Виленом?

— Ничего с ним не будет. Такие всегда выкручиваются.

Вот нам будет тяжело, — мать посмотрела, что в пакете, и развязала узелок. — А это зачем? — спросила она, показывая на потёртую подушку.

— Не знаю. Вилен сказал, чтобы я всё забрала из подсобки.

Ання, подняв одной рукой, попробовала подушку на вес.

— Что-то она тяжеловатая и жёсткая!

— Наверное, обрезками ткани наполнили.

— Нет, она пуховая. Вон посмотри, пух лезет. Хотя пуховую подушку в подсобке никто не будет держать. Одеяло я постираю, им ещё можно попользоваться. А с грязной подушкой что делать, не знаю! Можно пух вытащить и в другую наволочку поместить. Пух-то ценный. Выкидывать жалко.

— Зачем-то он сказал, чтобы я её забрала. Не знаю!

Ання ещё раз потерела подушку.

— Здесь точно что-то есть, — она попробовала руками разорвать шов.

— Мама, положи подушку. Он сказал, чтобы я забрала. Это всё его. Ему это надо вернуть.

— Вернём, если его выпустят. Но здесь ничего ценного нет, — она отложила подушку и опять раскрыла пакет. — Какая-то посуда! Вообще-то она ничего.

— Мама, этот сервиз лучше всей нашей посуды, он из качественного тонкого фарфора.

— Дочка, ты думаешь, что Владимир Ильич передал тебе, чтобы забрать?

— Мама, в любом случае это не наше.

— Дочка, я тоже так думаю. — Она встала, нашла ножницы и на глазах растерянной дочери стала распарывать подушку. Затем просунула руки в пух и вытащила что-то, завернутое в пакет.

— Я поняла: это документы, которые искала милиция.

— Шахида забрала из рук матери пакет, вытащила из него бумаги и стала их рассматривать. — Да, это свидетельство на здание быткомбината и какие-то другие бумаги. Я в них не разбираюсь. Их искали, а он не хотел отдавать и потому мне несколько раз напомнил про подушку.

— Что же нам делать с ними? Он за ними вернётся? — спросила Ання.

— Конечно, вернётся, если его выпустят. Они сказали, что если не будет документов, то он сядет надолго.

— Может, тогда нам отдать милиции эти документы?

— Мама, если бы это было спасение, то он и сам бы их отдал. Поэтому он их упрятал.

— И то правда. Спрячь их. Пусть лежат у нас, — Ання засунула руку в подушку, поискала. — Тут ещё что-то, — она вытащила вместе с пухом свёрток, завернутый в газету. Развернула газету и ахнула от удивления: — Дочка, тут деньги! — она показала пачку красных сторублёвых купюр. Деньги были без банковской обёртки, стянуты резинкой. Ання стала их считать. — Тут ровно сто бумажек! Это сколько? Десять бумажек — это тысяча. Тут десять тысяч! Мы спасены. Их сполна хватит на кровлю всего дома!

— Это не наши деньги! — резко сказала Шахида и попыталась выхватить их из рук матери. Возбуждённая мать, уклонившись, вскочила и замахала пачкой:

— Это наши деньги! Это твои заработанные деньги, это вся плата за связанные свитера!

— Мама, это не наши деньги! — отчаянно крикнула дочь.

— Ты же сказала, что его не скоро выпустят! Таких воров не выпускают! Вот посмотришь! — Ання продолжала танцевать.

— Мама, положи деньги на место! Я к ним не притронусь!

— Я притронусь! Ты их заработала и руками, и телом!

Установилась пауза. Шахида оскорбилась и с ненавистью поглядела на мать. Ання поняла, что сгоряча сказанные слова задели честь дочери, но радость её перехлёстывала, и она попыталась исправить положение.

— Дочка, что бы мы делали без тебя! Ты у нас одна надежда на спасение в этом чёрством мире!

В это время скрипнула входная дверь, в комнату вошёл Информация.

— Что за танцы без угощения? — проговорил он.

— Дочь получила деньги за работу! — продолжала радоваться Ання.

— Я ещё не получила денег! — гневно сказала Шахида.

— А это?! — вытянув руку с деньгами, похвалилась мать.
— Да, а это?! — подхватил Информация.
Шахида от бессилия опустилась на диван...

VIII

Зарема хочет жить

Денег хватило не только на кровлю. Купили жёсть, столарка частично была, но часть пришлось прикупить. Через короткий срок на всю округу блестела новая крыша, будто новый дом отстроили. Стройка на том не закончилась. Информация с Гондурасом, поехав в поле, с разрушенного полевого стана привезли старый кирпич, почистили его, купили ещё цемент и песок и вдвоём выложили кирпичный забор вдоль улицы. Конечно, изменения не ахти какие, к этому времени некоторые аульчане стали строить большие двухэтажные дома, но новшества в отсталом прежде доме все заметили. Начали говорить о хозяевах с уважением. Такова психология сельских граждан. Достаток создаёт положительное мнение о том или ином аульчанине. До поры до времени откладываются в сторону негативные характеристики, забываются пороки, некрасивые привычки и другие слабости. Особенно соседи, заметив, как на их глазах выросла пристройка, новая крыша, построен почти новый забор, стали смотреть с уважением и даже восхищением, при встречах всячески льстили. Ання и Информация раньше старались поскорее проскочить мимо скопища аульчан, теперь, почувствовав уважение, восхищение, оба ходили важно, гордо выпрямившись, с высоко поднятой головой. Люди раньше у Информации и лица под чёрной фуражкой-аэродром не могли разглядеть, а теперь приглядывались к нему и давали ему оценку делового человека.

О странном происшествии с подушкой ни Ання, ни Шахида решили никому не говорить. Даже Информацию не посвятили в подробности. Он так и подумал, что эти деньги заработала дочь. Шахида ещё несколько раз напоминала матери, что придётся возвращать деньги.

— Всё сама верну! — клялась Ання.

О том, что мать никому ничего не вернёт, дочь прекрасна знала. Странно другое: что из-за денег Шахида хорошо не разглядела бумаги. Она их сложила в пакет, не показывая матери, и спрятала в подвале. Когда кровельщик, Информация и Гондурас работали на крыше, девушка посетила Зарему. Подруга об аресте Вилена знала.

— Это месть за проигрыш их Кемала. Водка с наклейкой портрета Карасолтана выпускалась у Вилена в здании. Скоро должен состояться суд, влепят ему лет пятнадцать. Менты не дадут ему спуска. Квартиру его обыскали, нашли трехлитровую банку, полную золотых червонцев. Он сказал, что это оставил отец в наследство. И куда ему столько денег, ума не приложу?! Зачем надо было ещё водкой заниматься? Жадность! А мы тут горбатимся непонятно за что! — возмутилась Зарема.

Шахида о деньгах, документах и о том, что видела Вилена, ни словом не обмолвилась. Она только сказала о том, что у неё остался товар. Зарема обрадовалась.

— Я скоро поеду в Новосибирск продавать свои вещи, заодно возьму и твою продукцию. Только деньги верну после реализации. Так все делают.

— Как хорошо! Я не знала, куда деть товар, — подхватила Шахида.

— Говорят, в Новосибирске хорошо идут шерстяные изделия. У меня там знакомая из наших мест, но я сниму отдельную квартиру и поживу в своё удовольствие. Не буду загадывать... Я тебе денег на пряжу дам, других денег у меня сейчас нет. Ты сама купи пряжу и вяжи. Я всё увезу.

— Я попробую, — согласилась Шахида.

Зарема достала из сумки деньги и протянула девушке:

— Это за пряжу... Если у меня с Темирбеком срастётся, то я тебе сама деньгами помогу. Он мне обещает квартиру в городе, но оформлять не торопится. Тянет, жилы вытягивает. Испытательный срок даёт.

— Что за срок? — удивилась Шахида.

— Сама понимаешь, боится, что я гульну.

— А ты не гульнёшь? — с улыбкой спросила Шахида.

— Честно, подруга, не знаю. Сначала он мне показался ничего. Но потом...

— Что потом?

— Он даже хотел, чтобы я стала официальной женой.

Тогда имущество оформляется пополам. Это же скандал будет, моих силёнок не хватит противостоять его сыну. Я о нём проговорила матери. Мать схватилась за голову, сказала, что лучше будет, если об этом в ауле никто не узнает. Она сказала «живи в городе», но сама проговорила отцу. Отец сказал, что своими руками придушит Темирбека. Мне самой он насчёт личной жизни ничего не говорил. Хотя и про Эдика знал. Когда услышал про Темирбека, он мне знаешь, что сказал? «Мы тебя, дочка, не с улицы подобрали, мы тебя вырастили, чтобы ты порядочной была! Ты же не сиротой росла, чтобы так унижаться». Так что не знаю, подруга. Не знаю, но жизнь моя стала зыбкой. Хоть бы квартиру отписал! Тогда бы я плевала на все разговоры. Он богатый. Ты бы видела, какой у него дом в ауле! Что ему эта двухкомнатная квартира?

— Чего же ты официально не хочешь с ним жить?

— Я же тебе рассказываю о реакции моих родителей. Но и так всё не просто. Оказывается, чтобы со мной быть, он таблетки пил. А их пить не всякому можно: на сердце, на давление влияет. Теперь лежу и всю ночь на него гляжу. Я иногда разглядываю его, когда он спит. Старостью от него несёт. Мне же молодого мужика хочется. Вот и влипла!.. Муж был непутёвый, любовник неуважительно относился, теперь цепкий старик... — Зарема прослезилась.

Шахида купила в городе на вещевом рынке пряжу и стала вязать для Заремы. Деньги Вилена были истрачены. Прихода ниоткуда не было. Родители и не думали о том, что надо где-то заработать. Ання смотрела за птицей, кормила гусей, уток, кур и ни о чём другом не думала. Очевидно было, что для неё на стороне не будет работы. Информация откармливал бычков, косил сено, смотрел за коровой. Молоко было в доме, а это существенная составляющая пропитания семьи. Вырастили картошку, собрали и высушили. Однако деньги были нужны: заканчивалась мука и крупы, надо было покупать хозяйственные товары, наконец, необходимо было дать денег учившейся в городе сестре. Эльвира не приезжала, зная, что главный добытчик в семье старшая сестра. Слишком гордая была девчонка. Информации до пенсии оставалось пару лет. Ання о пенсии и вовсе не помышляла: знала, что она будет мизерной. Шахида надеялась, что встретит Адила и

вместе с ним съездит в город к Зарема. Несколько раз она выходила на центральную улицу в надежде на это. Как-то даже увидела зелёный «Москвич», но он пронёсся мимо и даже не просигналил. Она поняла, что на него не стоит рассчитывать. В один из выходных дней Шахида взяла мешок с товаром и поехала в город на автобусе. Зарема во время предыдущей встречи оставила ей свой городской адрес. Мешок, перевязанный бельевой верёвкой, девушка держала в руках, как саквояж. Тяжело было ходить с такой ношей. Расспрашивая у горожан адрес, она наконец добралась до пятиэтажного дома, в котором жила Зарема.

На звонок дверь открыла она сама, в обтянутых зелёных лосинах и розовой майке с короткими рукавами. Приходу Шахиды хозяйка обрадовалась.

— Моя прелесть, как я рада тебя видеть! — произнесла она, схватившись за щёки. Обняла гостью. — Как я рада! Заходи! — помогла занести мешок. — Как ты меня нашла? Как несла эту тяжесть на пятый этаж? Ты одна? Тебе никто не помогал?

— Нет, никто не помогал. Нашла по твоей записке. Добралась легко.

— У тебя всё легко получается! — Зарема оглядела её красное платье. — Оно тебе идёт! Снимай обувь, я только что протёрла паркет! — Она повернулась в сторону комнаты. — Тима, ко мне подруга из нашего аула приехала!

Шахида не ожидала, что кто-то ещё будет, от смущения опустила голову.

В прихожей появился рослый пожилой человек в белом спортивном костюме. Он изобразил на лощёном с красными прожилками лице улыбку и пристально посмотрел на гостью строгим взглядом блеклых серых глаз.

— Заходите, раз приехали, — он посмотрел на Зарему. — Ты не говорила, что у тебя подруги есть!

— Ты не спрашивал, — отреагировала Зарема.

— Давно у нас не было гостей, — сказал Темирбек.

— Я не в гости. Привезла товар. Машину не нашла, вот, хотя бы один мешок захватила и на автобусе привезла.

— Я бы довёз: в неделю раз в ауле бываю. Надо было позвонить. Что, Зара не дала домашний телефон?

— Откуда в нашем ауле телефоны. Да и в городе все автоматы поломаны. Люди переходят на мобильные телефоны, — ответила за гостью Зарема.

— Интересно, у кого же в ауле такая красивая девушка выросла?!

Зарема загородила Шахиду.

— Ты ничего не помнишь, я тебе рассказывала. Это Информации дочь. Моя подруга! Она молодец! На лету всё схватывает. Очень красивые свитера вяжет!

Мужчине не понравилось то, что Зарема встряла в разговор. Он хмыкнул и, повысив тон, сказал:

— Чего это ты передо мной раздетой стоишь? Иди, оденься! Что подумают люди?

Зарема, изменившись в лице, недовольно посмотрела на него.

— А что подумают?! Я всегда так по дому хожу.

— Оденься! Тебе говорят! — настойчиво повторил мужчина.

— Сам же сказал, что я тебе в этой одежде нравлюсь! — разозлилась Зарема.

— Тебе говорят: оденься! Надо приличия соблюдать!

— Перед Шахидой, что ли, стелешься?! — она сердито посмотрела на Темирбека. Мужчина ушёл. Зарема, успокоившись, сказала: — Оденусь, оденусь... Заходи, подруга! — И хотела завести Шахиду в комнату.

Но Темирбек загородил туда вход.

— Идите на кухню! — строго сказал он.

Шахида от перепалки, от строгого голоса мужчины испугалась и даже подумала, что зря пришла. Проходя за Заремой, девушка успела заметить светлую комнату с блестящим паркетом, посреди которой у ближней стены стояла двуспальная кровать со скомканным белым покрывалом и белыми атласными подушками.

Когда вошли на кухню, Шахида прошептала на ухо:

— Может, мне уйти?

— Сиди, — сказав, Зарема махнула рукой в сторону комнаты, где остался Темирбек.

— У вас тут свои дела, — тихо проговорила девушка.

Зарема подвинула стул и усадила девушку возле стола со стеклянной столешницей. Затем хозяйка тоже шёпотом сказала:

— Пойду, постель приберу, из-за этого он не пустил в комнату, — она быстро исчезла из кухни.

Шахида огляделась. В помещении белая кухонная стенка, газовая плита, мойка — всё поражало чистотой и блеском. В дальнем углу кухни стоял высокий двухкамерный холодильник, на полу была яркая красно-синяя плитка. Необыкновенная аккуратность подчёркивала наклонности хозяев, их стремление к красоте. Вскоре Зарема вернулась.

— Уходит. Ему надо по делам, — тихо сказала она и вышла провожать.

Послышалось щелканье замка, хлопок двери. Зарема вернулась.

— Ушёл? — спросила Шахида.

— Да! — ответила Зарема и бросила любопытный взгляд на гостью. — Ты не представляешь. Целый месяц живу — как будто нахожусь под током. В постели даже не притрагивается. Я говорю, что буду спать в другой комнате, — он не разрешает. Зачем я ему, не пойму! Садист!

— Деньги даёт?

— Только на всё необходимое. Клянчу на мобильник. Сейчас в городе мало-мальски преуспевающие люди все с мобильниками. У самого есть. А мне обещает, но не покупает. Да тут дело не в деньгах. Я же женщина!

— Деньги — это важное дело. Плохо, когда их у тебя совсем нет.

— У тебя совсем нет денег? — сочувственно спросила Зарема.

— Да, я все сбережения потратила на пряжу. У меня вот таких, — она показала в сторону прихожей, где оставила мешок со свитерами, — десять мешков.

Зарема от восхищения подняла голову.

— Это двести свитеров! Двадцать тысяч тебе надо. Если продам, то это круглая сумма! — Она стала думать. — У меня и своих десять мешков. Вообще-то я могу поехать раньше. Только, подруга, за весь товар я тебе деньги только к Новому году привезу. Они долго продаются. А за эти могу сейчас, — она встала и, сходя в комнату, вернулась с деньгами. Сев на место, стала считать. — Здесь две тысячи. На днях я попрошу Тиму, и мы съездим к тебе и заберём твои остальные. Он ещё обещал прикупить у надомниц десять мешков. Отправлю их поездом в контейнере. На Новый год будут тебе остальные деньги. — Хозяйка встала и поставила чайник на плитку. Расставила синенькие чашки с золотистыми блюдцами, вытащила из холодильника кусок торта и разрезала его ножом.

— Как у тебя жизнь? Ухажёры есть? — спросила она, разливая по чашкам чай.

— Нет. Я не знаю, как жить дальше. Целыми днями одна. А без работы даже не представляю, что будет!

— Шахида, тебе надо в город. Здесь можно жить. Ты себя прокормишь. А ты в ауле и родителей содержишь... Так загнёшься.

— Тяжелое время. У них ни работы, ни пенсии.

— Тебе какое дело до них. Пусть как знают, так и выкручиваются. Ты переезжай в город.

— Зарема, я бы хотела. Но где я могу устроиться? Посуду мыть в кафе или уборщицей где-то?

— Девочка моя, это совсем мизер! На эти деньги ты не проживёшь.

— Тогда куда?

— Я недавно с одной познакомилась во дворе. Ты знаешь, она за несколько лет на квартиру и на машину намолотила.

— У неё, наверное, специальность есть?

— Такая же, как у тебя.

— Это как?

— Передком намолотила, — засмеялась Зарема, показав рукой ниже живота.

— Как это?

— Снимала квартиру и мужиков принимала. Она ушлая, с характером. Ты не сможешь. Тебе надо подтянуться. Ты мягкая.

— Чего это я мягкая?

— Вот того, моя хорошенькая. Во-первых, не каждый из наших мужиков за это хочет отдавать свои деньги.

— Чего же тогда на это идти?

— Они обещают, но не дают. Поэтому деньги надо сразу требовать. После того бесполезно. Вон, мой, квартиру обещал до того, а после стал жаться. Это мне нужно?

— Получается, что обманул?

— Однозначно — это невозможно сказать. Обещает, но исполнит ли? Вон сколько времени прошло. А в том деле и это не главное. Там есть опасность попасть в руки сутенёров. Эти не слезут с тебя, они забирают половину заработанного, ещё и издеваются, как хотят. А хуже них ещё менты. Эти

вообще беспредел. Заставляют бесплатно работать. Поэтому нужен характер. Выстоять надо!

— Да. Я не справлюсь, — сказала Шахида. Перед глазами пронесли кошмары, которые перенесла с художником Русланом.

— Я бы могла. Если бы не этот старый упырь! Мы можем с ним сидеть и целый выходной молчать. Ему по фигу, сидит себе на диване и весь день улыбается. Я себе места не нахожу. Уходить никуда не разрешает. Мы за всё время только два-три раза в кино ходили.

— Чем он занимается?

— Ходит к сыну на работу, вместо сына банком заправляет, зарплата идёт. Но может уйти. У сына сейчас тяжба началась с вкладчиками, он скрылся в Эмиратах. Если сын вернётся, то он хочет бросить работу и переехать в аул. Там же у него особняк.

— А ты куда?

— Я в аул не хочу. Не хочу перед родными позориться. Посмотрим, куда кривая выведет. Сначала съезжу в Новосибирск.

— А потом?

— Видно будет. Но в аул я не поеду. Жду, когда квартиру перепишет. Обещал до поездки сделать. Хата же хорошая! Давай посмотрим? — Зарема встала и повела Шахиду смотреть квартиру.

В обеих комнатах был сделан евроремонт. Стены были залиты жидкими обоями, потолки отдавали сверкающей белизной. В большой комнате висела дорогая люстра, в ней была спальня и одновременно стоял письменный стол с компьютером. Ещё там была кушетка, а на стене висел большой плоский телевизор. Малая комната тоже была с паркетом, в ней стояла ещё одна кровать, стол с телевизором и шкаф для одежды.

— Здесь ничего не было. Везде хлам. Это я ремонт сделала. Правда, на его деньги.

— Здорово, Зарема! За всю жизнь на неё не заработаешь. Тебе повезло! — сказала Шахида.

— Подруга, ты не знаешь, сколько это мне крови стоило! Противный упырь! На крючке держит. Где задержусь, такой скандал закатывает! Один раз ударил. Это невозможно! Пожди, я заберу квартиру, я его на колени поставлю!

Шахида ушла под впечатлением и даже осудила подругу. «За такую квартиру я что угодно делала бы! Подумаешь, поругал! Хуже, когда ни от кого помощи нет и родители на твои руки смотрят, от тебя зависят», — думала она. С этими мыслями и вернулась домой.

На следующий день на «Газели» в аул приехала Зарема. Небольшого росточка лысоватый водитель в клетчатой серой сорочке и грязных брюках нерасторопно перетащил в машину мешки. Недовольная Ання наблюдала, как загрузили машину, и ушла во двор. Зарема, одетая в жёлтый брючный костюм, была с опухшим лицом, явно расстроенная. Шахида сказала:

— При матери не решалась спросить. Что-то случилось?

— Откуда быть настроению, подруга. Этот гад сказал, что с квартирой решит по возвращению из Новосибирска. Вот я и решила пораньше уехать. Представляешь, какой козёл! Сколько мне голову морочил!

— Ну, сделает после возвращения!

— Я чувствую, что не сделает. Козёл старый! — Зарема заплакала, прижавшись к щеке Шахиды. Затем рукой вытерла слёзы.

Делая смешные мелкие шаги, юрко подскочил водитель и преданно посмотрел на Зарему.

— Всё готово, мадам! — сказал он, чуть ли не кланяясь, и пошёл к машине.

Зарема улыбнулась и опять обняла Шахиду.

— Подруга, я даже готова этому шофёру отдаться! Я жить хочу! Я же женщина!

Девушка сочувственно погладила подругу по спине.

— Поехала я! — Зарема погасила внутри свои переживания, гордо вскинула вверх голову, пригладила крашеные соломенные волосы. Села в машину.

Машина завелась. Со двора вышла Ання. «Газель» тронулась. Мать, глядя вслед уезжающей машине, спросила:

— А деньги она тебе отдала?

— Не будет вам денег! — отрезала дочь.

— Я серьёзно! — Ання с удивлением посмотрела на неё.

Шахида смягчилась:

— Сказала, что к Новому году привезёт.

— Обещанного три года ждут. Как мы будем жить? Ума не приложу! — Подумав, сказала: — Пусть Информация на

работу идёт. В ауле фермер Махмуд стал зернохранилище строить. Но люди тоже жалуются, что он не вовремя расплачивается, подолгу ждут зарплату.

Дома Шахида из вырученных денег отсчитала тысячу и принесла матери:

— Это я вчера получила от Заремы за то, что отвозила. Ання посчитала деньги.

— Но это не все. Ты же целый мешок возила? — спросила она.

— Мама, кроме вас, и у меня много дел.

Ання как бы опомнилась, стала мягче.

— Ты же с нами живёшь, эти деньги и на твоё содержание идут, — успокаивающе сказала она.

— Надо было бы посчитать эти затраты!

— Так и дом для тебя. Ты будешь в нём жить.

— Мама, не напрягайся. — И Шахида ушла к себе.

В тот день девушка подумала, что было бы, если б она вообще не имела работы. Тогда мать заморила бы её своими попреками.

Капля камень точит

Оставшуюся у неё тысячу Шахида бережно сохраняла. Знала, что если так пойдёт, она не сможет найти денег доехать даже до райцентра, не то что до города. Птица набрала вес, и осенью начался забой. Продавать тушки поехали всей семьей на Гондурасовой машине. На удивление всё, что привезли, за какой-то час скупили торговки с рынка. Ещё до забоя Шахида говорила родителям, что у них износилась одежда и что надо приодеться им обоим. После продажи тушек уток, гусей и кур направились в ту часть базара, где торговали одеждой. Сообща купили новый костюм и покрытое плащевой тканью пальто Информации. Мужчины вернулись к машине, а Шахида с матерью сперва прошлись по бутикам, где продавали одежду для женщин. Ання сама выбрала себе удлинённую чёрную юбку, сапоги, цветастый платок и теплое пальто из вельвета. После мать завела Шахиду в отдел белья и с её подсказки купила себе нательное бельё, ночную рубашку и капроновые колготки, какие надевала в пору своей молодости. Самое удивительное было то, что когда она заве-

ла дочь в отдел косметики, хотя никогда не пользовалась кремами, они выбрали подходящий тональный крем для лица, купили пудру и фиолетовую помаду. Ання ничего не предложила Шахиде купить для себя. Эта упёртая сдержанность матери её удивила. Она никогда не была такой. Из такта она могла предложить купить хотя бы чулки. Ожидать от неё денег было бесполезно. Шахида вернулась домой с обидой, но ничего не сказала. Отец с Гондурасом пошли пить водку в мастерскую, а Ання, одевшись в новую одежду, долго стояла перед зеркалом в зале. Потом хвастливым голосом сказала:

— Пойду, пройдусь! Покажусь на люди! — И она, взяв домашнюю сумку, пошла в магазин.

После забоя мать с отцом в новой одежде поехали в город к Эльвире. Повезли мясо, картошку, сыр и деньги. В комнате у Эльвиры были девчонки, поэтому Ання с Информацией, как делали раньше, оставили продукты, дали денег и решили быстро покинуть место обитания дочери. Эльвира вышла с ними, чтобы проводить до автостанции. На улице она с матерью отстала от идущего впереди отца. Дочь не спеша рассказала матери о том, что выходит замуж, что у них назначен день свадьбы.

— Артур решил ни своих, ни вас не напрягать. Вас на свадьбу не звать. Он работает программистом и зарабатывает неплохо. Он собрал деньги на ресторан. Нам никакая помощь не нужна, — сказала она серьёзным тоном, вытягивая губы вперёд.

— Дочка, ты же маленькая! Тебе не рано замуж? — от неожиданности такого известия Ання, раздумывая над случившимся, расширила глаза.

— Мама, мы давно решили! Как закончу училище, мы уедем на Север, — сказала Эльвира, хвастливо задирая веснушчатое лицо.

— Я не понимаю! А как мы? Мы же должны познакомиться с его родителями! — возмутилась Ання.

— Не надо знакомиться. Они против женитьбы и сказали, что участие не примут. У них недавно бабушка умерла. Они траур соблюдают.

— У нас же нет траура! Мы могли бы где-то встретиться и договориться с ними. Никто так просто не отдаёт дочь, — удивилась мать. — Давай хотя бы я или сестра появятся на вашей свадьбе!

— Твою дуру я тем более не хочу видеть! Раз не будет Артуровых родителей, то чего ради вы припрётесь?!

— Не знаю, дочь! Так эти дела не делаются. Это важный момент и в твоей, и в нашей жизни. Мои родственники, дядя Гондурас обидится. На свадьбах все вместе радуются, в этом есть смысл!

— Ваши обиды меня не волнуют. Родственники услышат, конечно. Тогда скажете, что мы сыграли молодёжную свадьбу.

Анния растерялась, хотела рассказать Информации, идущему впереди.

— Давай я отцу расскажу!

— Нет. Приедешь домой, всё расскажешь. С вами сопли жевать у меня настроения нет! — дочка потрепала рукой плечо матери и пошла в обратном направлении.

Анния остановилась и стала смотреть, как удаляется дочь. Эльвира исчезла за углом. Информация шёл, не оглядываясь.

— Эй! — закричала Анния мужу.

Поискала место, чтобы сесть, но скамеек нигде не было. Подошла к многоэтажному дому, стоящему у тротуара и, согнувшись, присела на выступ коколя. Информация вернулся.

— А где Эльвира? — спросил он.

— Замуж вышла, — быстро дыша и глядя в землю, проговорила Анния.

— Как замуж? Так сразу?

— Да!

— Ничего не понял!

— Нечего понимать.

— Значит, к нам сваты заявятся? — насупился в раздумьях Информация.

— Размечтался! Они комсомольскую свадьбу делают.

— А как это? Комсомол канул в небытие.

— Комсомол канул, а свадьбы остались. Тишки-мышки — и в постель.

— А родителей не зовут?

— Ни их, ни нас, — сокрушённо проговорила Анния.

— А мы же познакомится должны!

— Не желают!

— Время комсомольских свадеб прошло! Как же они будут жить без благословения родителей? И некаж тоже надо делать! Хотя молодые люди сейчас и на Севере делают свадь-

бы. Но близкие обязательно летают, чтобы присутствовать на торжестве. А тут всего-то полтора часа езды! — стал размышлять вслух Информация.

— Не желаю, тебе говорят! И жених своих не зовёт. Решили просто сойтись! Без проблем.

— Так не бывает! Их свадьба — и наше дело! По закону, по обычаю!

— Наплевать им на обычай. Не хотят они видеть ни тебя, ни меня!

— А чего это ты её отпустила? Почему она мне не сказала? — возмутился Информация.

— Какая девушка с отцом на эту тему будет разговаривать?! Подумал бы своей дурной башкой!

— А где она?

— Убежала.

Не зная, что предпринять, Информация и Ання почти час пробыли на этом месте. Поняв, что ничего не смогут изменить, они дошли до автостанции и сели в маршрутку.

Дома целую неделю не утихал разговор на эту тему. Не знали, что делать, никак не могли принять решение. Информация предложил продать бычка и передать деньги дочери в виде подарка. Сначала Ання будто согласилась, но потом сказала, а на что будут жить в холодные зимние месяцы? Во время этой беседы на кухню вошла Шахида. Она попала под горячую руку.

— Если бы не она, — мать кивком головы указала на неё, — Эльвира с нами согласовала бы. Сукой её обозвала. Вот она и от нас отвернулась! — сорвала она злость на Шахиде.

— Разве можно о сестре такие вещи говорить?! — поддержал жену и Информация.

— А если сестра обзывается плохими словами, то мне надо было терпеть? — проговорила Шахида.

— Чего это мы должны потакать Эльвире? — задала всем вопрос Ання. — Она у нас благословения не спрашивала, нашего присутствия не хочет, а главное, она у нас и денег не просит! Чего это ради мы должны ехать и ещё свои деньги предлагать?

— Действительно, — проговорил Информация, как будто его озарило. — И нам хотелось с их родителями познакомиться, соглашение скрепить небольшим застольем. Не хо-

тят — подождём, когда у них траур закончится. Так же по обычаю. Инициатива от них должна исходить, не мы же берём, а они забирают нашего ребёнка.

Казалось, что на этом вопрос исчерпан. Но Ання всё-таки чем-то была недовольна.

— Всю жизнь вам посвятила, а взамен чёрная неблагодарность! — резко сказала она, кивая головой в сторону Шахиды, будто обращаясь к ней.

Это прозвучало неожиданно.

— Имей совесть! — возмутился Информация. — Тебе дочка всю обстановку поменяла. Пристройку сделала, крышу перекрыла жостью!

— Не было бы меня, не было бы и её! Не было бы дома, что она перекрывала бы?! Это Аллах дал благодаря нам. А не благодаря её уму! Не такая она умная! Знаем, как заработаны эти деньги! — Ання с откровенной наглостью впиалась взглядом в дочь.

— Тыфу на тебя! — вышел из себя Информация.

— И ты из-за меня стал человеком! — огрызнулась Ання в адрес мужа.

— Ой, извините, госпожа! Не протереть бы нам вашу обувь?! — с насмешкой сказал муж.

— Хватит с меня. Буду жить ради себя. Теперь всё по дому будете делать сами. Я в отпуск уйду!

Все рассмеялись.

— Мама, я и сама могу всё делать, — сказала Шахида.

— Делай! Посмотрим. А я на больничном, — ответила Ання.

Шахида не могла забыть озлобленный упрёк матери. Как будто она была виновницей всех бед. Она дала оценку всем своим действиям и пришла к выводу: «Сделаешь добро, увидишь зло». Так в народе говорят о подобной ситуации. Впервые она пожалела, что столько денег потратила на родителей, укорила себя за открытость в отношении к ним. Теперь она знала одно: надо выбираться из создавшегося положения и замыкаться в себе.

А между тем мать стала чудить. В кухне всё стала делать Шахида. Мать же чинно ходила по дому. Часами лежа-

ла на диване и смотрела телевизор. Но самое странное было то, что она садилась в зале перед зеркалом и приводила в порядок причёску, стала мазаться тональным кремом, подводить брови, даже губы красила помадой. Потом уходила на улицу и часами пропадала в магазине, встречаясь с аульскими женщинами.

Прошло время. Наступил Новый год. Зима была снежная и холодная. В ауле очищалась только центральная улица. Поперечные переулки были завалены сугробами. Аульчане прочищали тропинки возле двора. Люди, имеющие машины, платили снегоочистителю или вызывали для очистки снега бульдозер с лопатой. К таким дворам, как у Информации, сделать дорогу проезжей было невозможно, поэтому они ждали оттепели. Информация почти день потратил на то, чтобы деревянной лопатой расчистить тропинку до соседней улицы. Надо было ходить в магазин. Шахиде порядком надоело сидеть дома. От Заремы не было вестей, поэтому она решила сама съездить в город и посетить квартиру, в которой жила подруга. Поехала с надеждой, что подруга вернулась из Новосибирска. Маршрутка из-за непогоды двигалась медленно. В городе было теплее, чем в ауле. Шахида за час добралась от автостанции до знакомого дома. Поднялась на пятый этаж и позвонила.

Дверь открыл Темирбек. На нём был тот же белый спортивный костюм, блестела красная лысина. Он, сомкнув лиловые губы, с удивлением посмотрел на девушку. Узнав, сдержанно улыбнулся, отступил в глубь прихожей.

— Заходи, красавица! Неожиданно! Заходи! — проговорил он.

— Я хотела узнать, Зарема не приехала? — стесняясь, не сдвинулась с места Шахида.

— Заходи! Нечего в проходе стоять, дома поговорим, — он настоял, чтобы она вошла.

Шахида в прихожей опять спросила:

— А Зарема не приехала?

— Нет. Ты заходи, давай на кухню! — Темирбек указал рукой.

Девушка стояла в нерешительности. Темирбек протянул руки, чтобы расстегнуть пальто, но Шахида сделала это сама. Темирбек помог снять пальто и сам повесил его на вешалку.

— А сапоги? — спросила она.

— Проходи! Как-нибудь приберём после тебя.

Шахида на цыпочках прошла в кухню.

— Садись! — потребовал хозяин.

— Мне так неудобно. Я на минутку, — проговорила девушка.

— Ты приехала издалека, как я тебя, землячка, так просто отпущу? Садись, красавица. Я забыл, как твоё имя?

— Меня зовут Шахида.

— Ну да. Какое интересное имя! Я старше тебя, но прошу, чтобы ты говорила на равных!

— Мне бы узнать, Зарема не приехала?

— Нет. Не приехала. Она даже не звонит. Наверное, порвала со мной! А ты к её родителям не заходила? Они точно будут знать. Мне положение не позволяет интересоваться ею у родителей.

— Я к родителям не заходила. Решила сперва сюда прийти. Она же здесь жила. Она у меня забрала товар, сказала, что продаст и привезёт деньги. Я всё лето работала. А у нас дома никто не работает. Она обещала, что к Новому году обратно вернётся. А её всё нет!

— Значит, так она изначально решила. Мне сказала, что вернётся через два месяца, это в ноябре. А тебе сказала, что на Новый год. Кому-то врала. Скорее мне. И много она тебе должна?

— Там моих свитеров на двадцать тысяч.

— Мне она в два раза больше задолжала.

— Я не знаю, что делать? Нашей семье не на что жить.

— Не волнуйся, Шахида. Что-нибудь придумаем. Давай, я тебя чаем угощу.

— Что вы! Я пойду, мне и так неудобно.

— Сиди, красавица. Чай готов, перед твоим приходом заварил. Заодно и меня поддержишь. Я люблю справедливость, честность. Обмана не люблю. — Темирбек встал, придвинул к девушке вазу с печеньем и конфетами. С полки на кухонной стенке достал чашки с блюдцами, расставил их. Открыл крышку заварного чайника, понюхал содержимое. — Вроде чай готов. Ты какой любишь? Я сам — крепкий, — сказал он.

— Мне так неловко, — проговорила Шахида.

— Чай какой налить?! Разбавить водой? — громко спросил Темирбек. Не дождавшись ответа, в чашку девушки на-

лил полчашки заварки, затем из чайника на плите добавил горячей воды. Потом себе налил в чашку из заварного чайника, не разбавляя водой. — Пей! — Шахида замялась, и хозяин рассердился. — Что ты, в конце концов?! Я тебе чай предлагаю, а ты отказываешься. От чая никто не отказывается! Попьём чай и поговорим о том, как решить твою проблему.

Шахида испугалась раздражительного тона.

— Я дома пила чай, — нашла она способ оправдать свой отказ.

— Ты ещё скажи, что вчера пила. Пей, когда угощают! Пей с вареньем, — Темирбек придвинул пиалу, наполненную клубничным вареньем, и стал неторопливо отпивать чай.

Шахида молча поддержала. Попили чай. Довольный Темирбек, прищуривая блеклые серые глаза, пронизательно посмотрел на гостью.

— Смотрю, ты не из робких. У тебя парень есть? — осторожно спросил он.

Шахида отрицательно мотнула головой.

— Ты ничего не подумай плохого. Мне Зарема о тебе рассказывала.

— А что она могла рассказать? Мне просто интересно! — её взяло любопытство.

— Про вечеринки ваши. Парни-то у тебя были, — уверенно сказал он.

Шахида знала, что повода так думать подруге не давала, но спорить не стала.

— Конечно, были. Вон ты какая красивая, статная. Это даже хорошо. Главное, что у тебя сейчас нет. Я вот что хотел сказать, — он ненадолго задумался, потом снова стал говорить. — Здесь, в городе, никто друг друга не знает, не то, что в ауле. Да и не волнует жизнь других. Каждый живёт сам по себе. В ауле я бы тебе это не сказал, — он снова задумался, будто с трудом решался продолжать этот разговор. — Здесь можно о таком говорить. Ты бы могла ко мне приходить? Если захочешь, то можешь прибираться у меня, я тебе буду платить. Будешь домой деньги носить. Долг Заремы я тебе отдам. А если у нас получится, то я и больше дам.

Шахида произнесённые слова поняла, но ответа не дала, стыдно стало.

— Мне надо идти, — сказала она.

— Ты можешь подумать. У тебя время есть. На выходные я уезжаю в аул. Можешь меня найти и там. Но там тебе будет неудобно, лучше сюда приезжай. В такие дни до девяти часов утра и после восемнадцати я дома. Подумай! Не торопись с ответом. Ты понимаешь, что не надо об этом никому говорить! Это не в твоих интересах. Да и мне свою седину позорить нельзя.

— Я пойду, — тихо сказала Шахида и встала.

— Подумай, — Темирбек тоже встал. — Меня не бойся. Приходи. Я буду рад. Я человек пожилой, нахальничать не умею, — Темирбек обнял девушку за плечо и отпустил.

Шахида уходила из дома, где жил Темирбек, в большом смятиении.

«Как я могу сойтись с ним? К нему не подойдёшь ни с какого бока. Не то, что постель, разговор не получается. Ладно Вилен. Так Вилен, несмотря на возраст, молодился. Говорил любовные слова. Вёл себя живо, по-простецки. А этот на дистанции держит, как собаку на привязи». Особенно не давали покоя рассказы Заремы, которая мучилась с ним в постели.

В углу двора мусоровоз оранжевого цвета грузил мусорные контейнеры. На борту машины крупными белыми буквами было написано: «Будущее в ваших руках» и пририсованы руки, держащие кучу мусора. Девушка удивилась этой странной надписи.

С такими переживаниями она добралась до автостанции. Маршрутки до аула ходили через час. Времени до отправления было достаточно. Она пошла в зал ожидания и, найдя пустое кресло, села. Хотела согреться, но тяжёлые мысли не покидали её. Зал был неполон, люди сидели там и сям. Откуда-то к ней подошла девушка в белой вязаной шапочке, синей куртке и в джинсах, заправленных в коричневые сапоги с высокими голенищами. Она нагнулась к Шахиде.

— Прости, ты не из Май-тогая? — спросила она.

— Да. А что? — удивилась Шахида.

— Я тебя запомнила. Я зарегистрировалась у вас на участке наблюдателем.

— А я тебя не помню, — сказала Шахида, разглядывая курносое лицо девушки.

— Я к бабушке еду, автобус через час отправляется. Можно я возле тебя присяду?

— Садись, — Шахида показала головой на пустое кресло. Девушка села и, осмотревшись вокруг, сказала:

— Меня Алиной зовут. А тебя?

— По паспорту — Самантой, а все зовут Шахидой.

— Я не удивляюсь, это как у всех ногайцев. Как-то в одном ауле я искала по паспорту женщину по имени Тойбике, — а она всем известна как Антонина. Это только у наших так. Я буду называть тебя по имени, что в паспорте. Это будет правильно. Саманта, я была наблюдателем от женского движения «Сююмбийке», наша организация была в блоке «Единая Россия — Отечество». Мы примкнули к этому блоку, чтобы иметь поддержку в правящих кругах. Хотим, чтобы от нас люди проходили во все властные структуры. Этого Кемала от блока мы знать не знали. Ни то, ни сё. Человек без мнения. Однако я думаю, что он был не хуже другого претендента. Того, за которого в вашем ауле проголосовали. Говорят, что ваш кандидат криминальный авторитет? Я по разговорам людей говорю.

— Я не знаю. Сначала я была против, но потом он понравился нашему аулу. Кемала же я раньше знала. Он даже меня рекомендовал в участковую комиссию.

— Наверное, не он сам рекомендовал. Там за него всё делал глава района, — засомневалась Алина.

— Глава меня не знал.

— Саманта, а почему аульчане пошли против Кемала? У вас почти сто процентов против него проголосовали!

— Не знаю, Алина. У моих родителей были личные мотивы. Они знали, что Кемал чужой, а Карасолтан свой. Им неловко было за чужака голосовать.

— Возможно, что этот фактор сыграл роль. Но мне кажется, что больше люди голосовали из-за подарков! — осторожно сказала Алина.

— Так и Кемал каждому жителю в дом по целому мешку муки принёс. Правда, потом наши мальчишки в каждый дом принесли по пакету с ходовыми продуктами и сказали, что голосование тайное, и Кемал не узнает, за кого голосовали, а Карасолтан точно узнает. Агитация сильней была. Люди проголосовали за своего парня.

— Эти слова оказались убедительнее. Выборы — грязное дело! А ты за кого проголосовала?

Шахида замолчала. Алина, улыбнувшись, вопросительно посмотрела на девушку.

— Я голосовала тайно, — тихо сказала Шахида.

— Не хочешь — не говори. Много времени прошло. Теперь преследовать не станут. Мне просто интересно, — с безразличием сказала Алина.

— Почему? Я не боюсь. Если ты не будешь распространяться, то я могу сказать!

— Обещаю, Саманта! Никому ни слова!

— Я сначала поставила птичку напротив фамилии Качоков, но потом подумала, что должна быть солидарна со всем аулом — и поставила птичку напротив фамилии Карасолтана Джангельдиева. — За что была одарена холодильником, она не упомянула, но на самом деле Шахида сделала так именно поэтому.

— Так получилось, что ты испортила бюллетень?

— Зато проголосовала за них обоих.

— Насчёт честности не знаю! Ты хитрая перед самой собой, решила обмануть себя! — рассмеялась Алина. — А ты не хочешь участвовать в женском движении?

— А что мне будет за это? И что надо делать?

— У нас движение за равноправие женщин. Мы выступаем против дискриминации, неравенства, семейного насилия. У тебя будет моральное удовлетворение. Ведь ты не хочешь быть ущемлённой, униженной?

— Меня дальше унижать некуда! У меня нет работы. Я вообще не знаю, как жить дальше.

— С этой проблемой почти все молодые девушки у нас сталкиваются. У тебя есть образование?

— Только средняя школа.

— А специальность? Что ты умеешь делать?

— Я умею вязать на машинке. Работала надомницей, в городе скупали продукцию. Но всё оборвалось. Учиться поздно, но я бы хотела приобрести профессию!

— Учиться никогда не поздно. Приходи ко мне на работу, я тебя познакомлю с нашими женщинами. Наши иногда находят работу.

— А ты где работаешь?

— В республиканской библиотеке. Я тебя могу научить работать на компьютере. Эти знания, умение работать на компьютере требуются во многих учреждениях.

— У меня нет жилья в городе.

— Это сложнее. Приходи, что-нибудь придумаем! — Алина достала из сумки сложенную газету и протянула её Шахиде. — Это наша газета. Почитай. Подумай. У нас из Майтогая никого нет. Твоя фактура чисто ногайская! Это мне нравится!

— Как это понять?

— Вот я на кого похожа? Меня принимают то за татарку, то за чувашку. А ты выглядишь, как настоящая ногайка. Лицо, глаза, нос, осанка. Ты случайно на лошади не ездила?

— Ездила. Отец сажал на лошаадь.

— Ну вот же! — обрадовалась она тому, что её предположение оправдалось. — Одна из наших участниц предлагает ходить на тренировки на конный завод. А любителей нет. Никто на лошади не ездил, а это наша народная профессия... Я смотрю, ты девушка прямая. Могла бы нам пригодиться.

Состоявшийся разговор был мимолётный, но впечатление на Шахиду оказал. Она часто вспоминала Алину, от корки до корки прочитала газету. «Не мне защищать кого-то, а меня надо защищать», — пришла она к неординарному выводу. Ей нужны были конкретные дела. А прежде всего заработок. Дом ей осточертел. Она каждый день ожидала свои деньги от Заремы. Ждала почти десять месяцев. Если бы она получила свои деньги, то могла бы переехать жить в город. А так не было никакого просвета в будущем.

Наступало тепло. Снег растаял, сошёл. Земля подсохла. В один из этих ранних тёплых дней Эдик на тракторе с приподнятым сзади плугом остановился возле дома Информации. Оставив включённый двигатель, он побежал во двор. Заглянул в летнюю кухню. Там никого не оказалось. Тогда он побежал в дом. В прихожей, куда проникало мало света, он лоб в лоб столкнулся с Шахидой, собиравшейся выйти на звук трактора.

— Я к вам. Смотрю, ваш огород не вспахан. А мы сегодня с Борисом решили шабашку делать. Вашим соседям вспахали, и вам вспахем, — Эдик вдруг чутьём понял, что в доме никого нет, поэтому, осмелев, обнял девушку и крепко её сжал.

Шахида попыталась вырваться, но Эдик держал цепко: одной рукой за плечи, другой — за талию.

— Отпусти! — вскрикнула она и затрепыхалась в объятиях парня.

— От меня не так просто вырваться! — сказал он, и прильнув к лицу, поцеловал девушку в губы.

Шахида сама не поняла, как поддалась, губы ответили встречным поцелуем. Эдик не отпуская её из объятий и продолжал целовать.

— Я знал, что ты будешь моей! — сказал он, как будто овладел ею.

— Это ещё ничего не значит, — проговорила она, не отходя от прилива любовных чувств. — Чего тебе? — спросила она, приходя в себя.

— Я с чистыми помыслами хотел огород ваш вспахать. Вам помочь.

— Правда? Как раз сегодня мама об этом говорила. Неделю назад мы землю очистили от прошлогоднего сорняка и остатков кукурузных стеблей. Мама и плату приготовила.

В это время со двора донёсся кашель Информации. Шахида под этим предлогом вывернулась из рук парня и открыла дверь:

— Отец, вы говорили сегодня про огород? — спросила она.

— А я услышал на улице работу трактора и иду посмотреть. Может, это мать пахать пригласила?

— Меня никто не звал. Я сам хочу вам помочь, — ответил Эдик.

— Тогда заезжай! Только надо открыть ворота. Я сейчас, — Информация побежал к воротам.

Пользуясь случаем, что отец не видит, Эдик озорно ущипнул девушку. Шахида вскрикнула от пронзительной боли и схватилась за бок. Парень поспешил за Информацией. Через некоторое время он заехал на тракторе во двор, а оттуда последовал в огород. Шахида вместе с отцом остановились возле угла дома, откуда огород виднелся как на ладони. Они стали наблюдать, как трактор с плугом переворачивает борозды чёрной земли. Эдик укладывал их волнами рядом друг с другом. Трактор разворачивался возле дома. Проезжая мимо Шахиды с отцом, Эдик радостно приветствовал их кивком и махал рукой девушке. Работа продолжалась более часа. К тому времени вернулась и Ання. Она пришла в восторг от того, что нашёлся трактор с плугом. Последнее время в ауле это было проблемой. Фермеры работали на полях, а в ауле делали это с большой неохотой. Ання как раз ходила к родственникам и у

них спрашивала, кто бы мог вспахать им огород. Сначала она не поняла, что на тракторе Эдик. Когда она разглядела его в кабинке, то сразу изменилась в лице.

— Это ты его позвала? — спросила у дочери.

— Нет. Он сам заехал, — ответила Шахида.

— А я думал, что это ты пригласила его! — глядя на жену, сказал Информация.

— Индюк тоже думал, — с насмешкой сказала Ання. — Я бы его не позвала. Этот и весь наш дом с землей сравнивает своим плугом!

— Чего ты, мама, начинаешь?! Какая тебе разница! Ты же искала трактор?

— Искала, но только не Эдика. Иди на кухню, сбоку от печи пакет с водкой. Отдай ему.

Шахида сходила на кухню, в пакете было две бутылки. Все втроём дождались, пока Эдик закончит пахоту. Выезжая, трактор остановился возле них. Не выключая двигатель, Эдик показал на огород.

— Ну, как? — крикнул он.

— Очень даже хорошо! — похвалил Информация.

— А тебе нравится? — спросил он у Шахиды.

— Нравится, — улыбаясь, ответила девушка.

— Отдай ему шабашку, — с серьёзным лицом проговорила Ання.

Шахида подошла к трактору и протянула пакет.

— За работу, — сказала она.

Эдик пренебрежительно посмотрел на родителей:

— Я же сказал, что это по благу. Это Шахиде за то, что помогала нам на выборах.

— И так будет каждую весну? — с подковыркой проговорила Ання.

— А это зависит от вашего дальнейшего поведения, — громко сказал Эдик. А затем, нагнувшись в сторону Шахиды, тихо проговорил: — От твоего поведения.

Шахида отошла в сторону, но Информация, который особо не включился в разговор, выхватил пакет у дочери и побежал следом за отъезжающим трактором.

— Шабашку возьми! — закричал он, размахивая пакетом.

Эдик уехал. Информация отдал дочери пакет и пошёл разглядывать, как вспахано.

— Интересно, — сказала Ання, глядя на дочь. — Кажется, начинается?

— Что начинается? — засмеялась Шахида.

— Я всё вижу! Сколько бы верёвка ни вилась, а конец один, — сказала Ання как бы самой себе.

Троп среди ясного неба

Посадили картошку. Сразу кругом стали цвести плодовые деревья. Сначала абрикос, затем алыча, яблони, груши, сливы. Заканчивался сев яровых. Эдик в ауле не показывался, он пропадал на полях. Шахида посадила морковь, чеснок, лук. Проведя целый день дома, ближе к вечеру она как бы по делам ходила к центральной улице в надежде, что увидит Эдика. Но всё тщетно. Ни машины, ни трактора не было. Эдик пешком по аулу почти не ходил. Как только она оставалась одна, она была не в силах совладать с собой, он виделся ей и наяву, и во сне. Ей сладко было думать о нём, она не могла забыть объятий и поцелуев. Это было неожиданно новое чувство. Все предыдущие её знакомые отошли на задний план. Даже более позитивного Адила она не хотела вспоминать. Она часто задавала себе вопрос о возможном варианте развития событий. Несмотря на то, что у него трое детей, жена, она была согласна стать его любовницей. Не боялась огласки. Хуже того мнения, которое установилось у аульчан о ней, невозможно было придумать.

В то утро они с матерью пили чай на кухне. Все эти дни Ання чувствовала настроение дочери, она даже подозревала, что у неё состоялись интимные свидания. Поэтому она часто начинала один и тот же разговор. В этот раз тоже сказала:

— Горит всё внутри?! Не можешь забыть?!

— О чём ты, мама? Сколько можно?

— О нём! У него трое детей, жена молодая, мать ведьма! Сарыгыз тебе кости переломает!

— Мама, я повода не давала!

— Нечего меня дурить! Тебе замуж надо. Ты красивая, при теле. Закрути с неженатым. Ты будешь радостью для любого мужика. А это что? Разврат!

— Мама, ваша младшая дочь сильно позаботилась о том, чтобы ко мне никто не подходил.

— А что она такого сказала? — удивилась Ання.

— Так сказала, что весь аул при виде меня говорит: «Неизвестно, под каким боевиком лежала!». Хуже и не скажешь.

— Но это же неправда! Ты же не была среди боевиков!

— Родной сестре больше верят.

— Болтовня это! Даже если скажут о том, что у тебя было в городе, относись спокойно, как ни в чём не бывало. Никто ничего не докажет. Кто полюбит, тот ни на что не посмотрит, — сказала Ання, напомнив о городе. И явно расстроила дочь.

Шахиде хотелось поговорить с матерью на щепетильную тему.

— Мама, а ты по любви вышла за отца? — спросила она, сделав на лице улыбку.

Ання от вопроса встрепенулась, с любопытством посмотрела на дочь.

— А зачем тебе? — спросила она.

— Просто интересно.

— Могу сказать одно. В наше время по любви замуж редко выходили. И я вышла по необходимости.

— А папа тебя любил?

— Такие вопросы неуместны к родителям. Слово «любил» мы стеснялись произнести. Поэтому и ты не произноси.

— В наше время все только про любовь и говорят! — хмыкнула Шахида.

— По любви только ишаки ослиц любят! — рассмеялась Ання.

С матерью разговаривать на душевные темы было бесполезно. Она никогда не распространялась о своих переживаниях.

Серьёзной помехой в развитии отношений с Эдиком была Зарема. Шахида по-прежнему считала её единственной подругой в жизни. Хотя Зарема порвала с Эдиком, отпечаток их любовной связи глубоко сидел в сознании Шахиды. Часто перед её глазами всплывала постельная сцена, да и момент их ссоры вспоминался. Когда-то Шахида зареклась себе, что ни за что не подпустит к себе любовника подруги. Теперь подруги не было. «Если с ней ничего не случилось, то она должна когда-нибудь вернуться», — часто думала она. Через

несколько дней после разговора со своей матерью Шахида направилась к родителям Заремы.

С утра солнце сильно пекло землю. Красное платье нагрелось и прилипло к запотевшей спине. Шахида пожалела, что не оделась в более лёгкое платье. В пути она всё обдумывала, как вести разговор. Мать подруги несколько раз видела её дома у дочери. Каждый раз бросала на неё недобрый взгляд и не разговаривала. Ещё и поэтому девушка не хотела появляться в их доме.

Завидев Шахиду у раскрытой калитки, щуплая, с колючим взглядом, мать вышла к ней и нарочито преградила дорогу.

— Чего тебе? — грубо спросила женщина, поправляя на голове выцветшую косынку.

— Я хотела узнать про Зарему! Когда она вернётся?

— Никогда не вернётся! — отрезала та, не желая разговаривать.

— Как это? А ребёнок?

— Какое тебе дело до её ребёнка? Она его забрала с собой!

— Когда? — удивилась Шахида.

— Твоё какое дело? Приезжала она до Нового года. Даже не переночевала дома. Жить уехала в Сибирь! Забрала она нашего жеребёночка с собой! — женщина расстроилась и прослезилась.

— А меня она не спрашивала? — прослезилась и Шахида.

— Больно ты ей нужна! Она голову спасает от этого изверга! Дура, нашла себе ровню! Он старше её отца! Проклятый Павлик Морозов!

— Кто такой Павлик Морозов? — удивилась девушка.

— Как кто?! Все знают, а ты не знаешь? Темирбек! Он своего отца чуть в тюрьму не посадил. Ты думаешь, что мою дочку пожалел бы? На днях свою охрану насылал, допрос тут вели. Гад, хотя бы людям не рассказывал о позоре!

Историю с отцом Темирбека Шахида не знала. Женщина тоже плохо знала, она говорила по обрывкам слухов. История о том, как молодой Темирбек собирался исключить из партии своего отца, к тому времени сильно подзабылась, но пожилые люди в ауле иногда вспоминали про Павлика Морозова. Шахида удивилась тому, что Темирбек недавно, значит, после её посещения, посылал людей в дом родителей Заремы.

— А как же мне её найти? Вы не дадите адреса? Я бы ей письмо написала! — неуверенно сказала девушка.

— Не дам я тебе адреса! Откуда я знаю, может, тебя люди Темирбека подослали?! У меня самой её адреса нет. Сказала, что при необходимости вызовет на переговорный пункт в райцентре, но что-то не звонит.

— Если позвонит, то скажите, что я приходила. Она знает, по какому вопросу, — проговорила Шахида.

— Скажу, если позвонит, — женщина недоверчиво посмотрела на Шахиду.

Девушка отошла от дома родителей Заремы метров на сто. Вдруг поднялся ветер. Он дул с запада, со стороны моря. Ветер усилился, пригнал чёрные тучи. По земле полетели шапки перекати-поля, обрывки бумаги, пакеты. Шквал ветра подхватил Шахиду, она еле успевала перебирать ногами. Заблестела молния и треснул раскат грома. Девушка побежала к стоящему неподалёку старому абрикосовому дереву. Она хотела спрятаться за него, но ветер хлестал со всех сторон. Опять блеснула молния и послышался пушечный раскат грома. Девушка опустила на корточки и прижалась к дереву. Ветер продолжал хлестать вокруг. От того, что поднятой пылью хлестало по лицу, невозможно было открыть глаза. Небо почернело совсем. Ветер с грохотом начал срывать с домов листы шифера и разносить в разные стороны. К ногам девушки упал какой-то белый комок. Девушка успела разглядеть, что это котёнок. Она нагнулась и, подняв с земли, прижала к груди белое существо. Опять прижалась спиной к дереву. Укрыться от хлестких порывов ветра было невозможно, а больше прятаться было негде. До забора добежать тоже было далеко, да и он не мог стать спасением. Невдалеке оборвало линию электропередачи, провода как змеи извивались в воздухе. Затрещали ветки абрикоса и казалось, что дерево разорвёт на части. Это продолжалось долго. Неожиданно послышался дробный перестук и начал падать град. Шахида стала уклоняться от небесной напасти. Котёнок визжал у неё в руках и она нагнулась к нему, чтобы спасти от ударов. Градины попадали по голове, по шее. Этому тоже не было конца. За короткое время вся улица и вся округа побелела. Девушка от бессилия села на землю. Порывы ветра стали хлестать крупными каплями дождя. Волосы, платье — всё взмокло. Дождь

шёл долго и казалось, что он никогда не остановится. Вся улица покрылась озерцами воды. Вскоре появились потоки со склонов нагорья. Май-тогай стоял в ложине, все поля были на нагорье. Шахида устала от сиденья, поднялась на ноги, но от дерева боялась отойти. Стояла и не выпускала из рук полуживого котёнка. Чтобы руки отдохнули, она несколько раз подымала подол мокрого красного платья и в него опускала взмокший белый комок, но после снимала и держала в руке. Когда дождь стал утихать, она сняла с ног свои синие босоножки и, взяв в другую руку, прижала к груди вместе с котёнком. Зашагала по сплошному потоку воды. Все дворы и огороды были залиты. Когда Шахида добралась до своего дома, увидела там ту же картину: двор и огород были под водой. Во дворе голосила Ання в промокшем синем халате:

— Ой-бай, ой-бай! За что такое наказание? За что? — она металась по двору, спасая кур, сбежавшихся к крыльцу и ступенькам кухни. Она закидывала их на кухню.

Информация в резиновых сапогах с лопатой в руках бежал по углам двора, прокапывая стоки для воды.

— Где тебя, несчастную, носит?! Посмотри, что случилось! Беда, беда, небесная кара! Огород совсем залило, до колена! Пропала картошка, кукуруза, всё! Как мы теперь выживем?! — Она посмотрела на стучащую зубами дочь, схватилась за голову. — Что с тобой? Заходи в дом! Сними одежду! Просохни! Что это у тебя в руках?

— Меня еле принесли ноги! — От того, что хотела, чтобы её пожалели, она разревелась, передала матери босоножки, но котёнка не отпустила.

— Это что? Зачем тебе кошка?! — спросила охрипшим голосом мать и завела дочь в дом. — Снимай одежду! Выкинь ты кошку!

Шахида положила промокшего котёнка на край дивана и стала снимать с себя прилипшее к телу платье. Осталась в бельё.

— Снимай и трусы, и бюстгальтер. Я тебя протру сухим полотенцем.

Шахида разделась догола. Ання принесла сухое ванное полотенце, стала разглядывать дочь.

— Я уже не помню, когда видела тебя голой. Смотри, какие сиськи отросли! Тебе рожать надо! — она начала вытирать её.

— Дай сюда! — продолжая содрогаться, протянула руки к полотенцу Шахида.

— Нет уж! Я тебя сама протру! — Ання, укутав спину полотенцем, стала растирать сверху, затем перешла к груди, когда дошла до поясницы, руки её остановились. — Доченька, откуда у тебя это пятно на боку? — она показала рукой на родимое пятно размером с копеечную монету. — Его же у тебя тут не было?

— Ты меня купала маленькой, когда мне было десять лет. После я тебе не давала этого делать. Ты меня разглядывала, что ли? Могла и забыть!

— Я не могла забыть!

— Оно было маленькое. После выросло.

Пятно очень смутило Анню.

— Этого не может быть, — сказала она сама себе. Отдав полотенце дочери, отошла и села на диван.

Котёнок ожил: когда женщина села, он спрыгнул и спрятался от неё.

Анню вспоминала, как однажды летом, весь промокший от пота, Юсуф пришёл к ней, и прежде чем ложиться в постель, попросил её протереть влажным полотенцем тело. Когда она протирала, Ання почему-то твёрдо была уверена, что увидела родимое пятно чуть ниже поясницы на боку. Было это на самом деле или нет, трудно сказать. Возможно, что она придумала, увидев пятно на дочери сейчас. Ни у Анни, ни у Информации пятен на теле вообще не было. Который раз в жизни мать стала присматриваться к дочери. И Ання, и отец были смуглокожие, а Шахида была белокожей. Ну, это ладно. Мать у Анни была белокожей, и лицом внучка была похожа на бабушку. Но что-то у дочери было похоже на её любовника. Выражение лица, то, что она держала соединённые руки на животе, осанка. «Этого не может быть! Юсуфа не было 12 месяцев, я забеременела в его отсутствие. Откуда это пятно?! — рассуждала она. Как говорится: — а был ли мальчик?»

— Что, мать, набедокурила? — спросила Шахида, думая о том же, что и Ання. Тоже стала допускать мысль, что она не дочь своего отца.

— Нет, нет. Я о наводнении думаю. Вчера бабка Батма с соседней улицы телёнка искала. Всё огород рассматривала. Всё восторгалась, как у нас картошка проросла. Вот и результат её восторга! Дурной взгляд у неё!

— Картошка может встать, если вода сойдёт сразу.
— Не встанет! Она сильно залита... Ты куда ходила?
— К родителям Заремы.
— Ну и что? Эта худоба не возвращается?
— Мама, оказывается, она приезжала и забрала ребёнка.
— Интересно! Тайно приехала и тайно уехала! Вот худоба! Она мне всегда не нравилась. Про деньги мать знает?
— Нет.
— Я ей устрою! Пойду и глаза выцарапаю!
— Она причём?
— А мы причём?! Ты целый год ишачила!
— Мама, у меня сердце ноет! Я не думала, что такое выкинет Зарема. Хотя бы сказала. Я бы поняла её трудности. А так, что это?! Я же жду денег!

— Никаких трудностей у неё нет! Это твоя цена двадцать тысяч. Она же их в три раза дороже продаёт. Шестидесят тысяч в карман. Эту сумму никто не отдаст! Как раз с такими деньгами удирают друг от друга!

— Я ей верила! — Шахида из шкафа вытащила лёгкое голубенького цвета платье, одев его на голое тело, села возле матери и, откинув голову на спинку, заголосила. Ання тоже зарыдала, опустив голову на колени.

— Что же это творится? За что нас наказывает Аллах? Если и виноваты мы, то только перед собой. Кому мы зло делали?! — причитала Ання.

— Мама, о чём ты?! — простонала дочь.

— Ни о чём! Дурёха ты! — резко воскликнула мать и, встав, собрала одежду дочери. — Я её ополосну и повешу сушиться. — Мать ушла.

Шахида, взяв подушку, прилегла. Хотела уснуть, но глаза не закрывались. В голове проносились сцены бури, и как она шла через весь аул босая по воде. В такое природное явление она ещё не попадала. В ауле подобное нет, нет да и происходило, возможно, что бывало раз в пять лет, но она в это время всегда находилась дома. Всё же глаза сомкнулись. Ночью она на груди почувствовала живой комок и поняла, что это котёнок. Встала, зажгла свет и увидела на столе чашку с молоком и кусок хлеба. Это мать принесла для неё. Замочив хлеб в молоке, маленькими кусками положила на пол и заставила котёнка съесть. Сама съела немного хлеба и выпила молоко, потом опять легла и уснула.

Она три дня лежала обессиленная, а главное, не могла найти объяснение поступку подруги. Деньги пропали, и по всей вероятности, навсегда. С помощью денег Шахида собиралась переехать в город, купить пряжу и заниматься своим прежним делом. Раньше она надеялась, что подруга вернётся и как-то поправит её существование. Было бесконечно обидно от того, что Зарема приезжала и даже была в ауле, всего-то через несколько улиц, и не зашла к ней. А вернее, скрылась от неё. Она искренне считала её единственным близким человеком, спасителем своим. Шахида лежала на диване и никого не хотела видеть, не желала ни с кем разговаривать. Мать приходила и сообщала последние новости о наводнении. У всех аульчан пострадали огороды, у кого-то пропала скотина, телята, гуси, куры. Шахида слушала её поверхностно. Собственное несчастье раздирало душу на части. Она ясно осознавала, что сейчас в самом что ни на есть безвыходном положении, как тогда в строительном общежитии. Но теперь никто её не спасёт — она это ощущала остро. Мать заносила чего-нибудь перекусить. Шахида лежала с закрытыми глазами, держа в руке котёнка, и не шевелилась. Мать уходила, тогда она вставала, перекусывала сама и кормила своего нового дружка. После снова ложилась. Вечером третьего дня с улицы донёсся сигнал машины. Шахида догадалась, что это приехал Эдик. Никто не сигналил возле дома, люди сразу заходили во двор. Через несколько минут в комнату вошла Ання.

— Этот нахал, сын Сарыгыз, приехал. Что ему от тебя нужно? После того, как он вспахал огород, не смогла прогнать. Скажу, что ты больная лежишь в постели, — скороговоркой проговорила мать.

В душе Шахиды неожиданно проснулся дух противоречия. Она встала и сказала:

— У меня к нему дело. — Она поправила волосы, нашла бельё и надела, не снимая платья. Затем взяла сумочку и накинула на плечо. В сумочке были те самые таблетки, которые когда-то ей дала Зарема.

— Не дури! Какие у тебя могут быть дела? — прикрикнула Ання.

— Могут! Мне всё до лампочки! — произнесла она тем же тоном, что и мать.

Ання поняла, что хорошая жизнь у них только начинается.

Прежние все лица: Эдик, Сарыкоз, Тулпара, Кубанки

Эдик был выпивший, еле сидел за рулём:

— Я так не могу, родная! Спаси меня!

— Что случилось, Эдик?

— У меня все поля пропали! Не знаю, что делать! Мне необходимо выпить. Побудь со мной!

Шахида не сказала «нет». Это Эдик понял как согласие и, включив двигатель, поехал. Проехав до ближайшего спуска к Кубани, он повернул машину к берегу.

— У нас тоже залило весь огород. Встанет ли картошка? Не знаем, переживаем. У меня у самой тоже беда.

— А что такое?

— Зарема увезла мои свитера, над которыми я целое лето трудилась. Обещала к Новому году привезти деньги. Я жила только её ожиданием. А в день наводнения узнала, что она тайком приезжала в аул и забрала ребёнка.

— И где эта гадина теперь?

— В Новосибирске.

— Туда ей и дорога! Она не пропадёт, запросто будет проституткой работать.

— Мне-то что? Кем бы она ни работала, мои деньги вернула бы.

— Много должна?

— Двадцать тысяч.

— А я, кажется, на полсотни залетел. Придётся пересев делать.

Эдик завёз в заросли, откуда хорошо был виден дом Информации. Шахида рассмотрела поляну, затем остановила взгляд на своём доме.

— Хотя и далеко, здесь я как будто дома. И дом, и реку видно!

— Мы здесь с ребятами часто пьём. Я тоже твой дом тогда вижу и думаю о тебе.

Шахида умилённо посмотрела на продолговатое лицо Эдика, на его волнистые русые волосы, заглянула в чёрные глаза.

— Правда, Эдик?! — восторженно спросила она.

— Да! — Он подошёл, нетерпеливо обнял и поцеловал в губы. — Ты мёд ела? — спросил он.

— Нет. А что? — удивилась девушка и тыльной стороной ладони провела по губам.

— Губы сладкие! — засмеялся Эдик.

Парень с собой захватил пару бутылок водки, напитки, закуски. Шахида сначала отказывалась пить, но Эдик был напористый парень. Объясняя тем, что это их долгожданная встреча, он настоял на своём. Лишь от одного глотка девушка потеряла нить рассуждений, выпила и следующую стопку, и её понесло. Она стала рассказывать о своих страданиях, о том, какие люди плохие, и о взаимоотношениях в семье. Эдик не слушал. Ему было тяжело от произошедшего и он, перестав насильно поить девушку, сам заливался водкой. Сблизились, когда настала темнота. Это у них получилось как будто в порядке вещей, как будто они давнишние любовники. Единственное, что спросил Эдик:

— Ты предохраняешься?

— Да. У меня есть таблетки, — подавив восторг, вполне спокойно ответила Шахида.

После опять пили. Стало холодно. Они закрылись в машине и голыми спали до самого рассвета. Утром Эдик высадил Шахиду возле дома.

Всё лето они встречались на Кубани. Иногда с Эдиком были друзья. В одной компании они сидели с Борисом Картакаевым или ещё с кем-то. Друзья не всегда покидали их. Когда достаточно напивался Эдик, он поднимал Шахиду и вёл в кусты, где у них было облюбованное местечко. Друзья любили веселье, иногда они подкрадывались к их месту и незаметно подглядывали за их любовными утехами. Вначале Эдик ничего не говорил друзьям, которые на следующий день старались комментировать происходившее, но после, когда понял, что дорожит связью, он стал поругивать их, как-то раз даже чуть не подрался с Борисом.

Лето пролетело незаметно. Шахида только и думала об Эдике. Целый день она, чтобы мать не доставала своим ворчанием, делала всю работу по дому. Дошло до того, что мать стала уставать от безделья и втягиваться в свои прежние занятия. Наступили холода. После наводнения материальное положение Эдика пошло на убыль. Для пересева он взял кре-

дит у Карасолтана, но несмотря на все усилия, урожай выдался не ахти какой. Новый директор школы Галина Асхатовна, бывшая его учительница, зная, что парень в близких отношениях с Карасолтаном, пригласила парня на отопительный сезон работать в котельной. Работа была непыльная, платили небольшую зарплату, а главное, у Эдика было место для встреч. Он почти каждое ночное дежурство приводил Шахиду и оставлял до утра. Мать знала об исчезновениях дочери, но упорно молчала, а Информация делал вид, что ничего не знает. Конечно, сведения об отношениях дошли и до его жены. Он и раньше имел любовниц, но тогда всё проходило шито-крыто, даже о связи с Заремой мало кто знал. А тут они с Шахидой стали главной темой разговоров аульчан. Эдик ничего не мог поделать с собой. Шахида ему нравилась, и он в этом сознавался каждую встречу.

— Сама, я без тебя не могу! Только о тебе думаю! — теперь Эдик почему-то называл её Самантой, уменьшительно-ласкательно Самой или Самочкой, возможно, что этим он хотел подчеркнуть новый этап жизни девушки.

— Я тебя тоже люблю. Но у тебя семья, дети, ты же за ними обязан смотреть. Как даст Всевышний, так и будем встречаться, — более сдержанно отзывалась Шахида.

Последнее время Эдик настоятельно говорил девушке:

— Давай, родная, уедем на Север. Я бы там с тобой жил.

— Здесь нам нельзя. Люди не поймут, — поддакивала она.

— Я работу найду сразу. Могу кем угодно работать: и водителем, и трубоукладчиком, и даже поваром.

— А я возьму с собой машинку и буду вязать. Там вязаное дорого стоит.

Шахида верила в искренность и сама хотела искренне выразить свою любовь. Она даже не помышляла соваться в его семейные отношения, а разбивать семью тем более. Напротив, она желала добра и здоровья детям, чтобы у Эдика было душевное равновесие. Тайно она думала, что могла бы родить от него, но такое допускала только с его согласия. Эдик имел чисто мужской характер, такие, как он, могли преспокойно содержать несколько семей. Однако дома у него возникли напряжённые отношения с женой. Чтобы жена знала о превосходстве любовницы, он стал попрекать её, делать обидные за-

мечания. Однажды она подошла к мужу, чтобы поправить плохо заправленную в брюки рубаху. Он как ошпаренный закричал: «Прочь! Не прикасайся ко мне!». Супруга обижалась, но мужа боялась и терпела. Как-то она поджидала его в тёплой постели, надеялась, что сблизятся. Супруг вернулся поздно после встречи с Шахидой, и как всегда, подвыпивший. Он потушил свет и злобно закричал: «У-у! Чтобы глаза мои тебя не видели! Не могу я рядом с тобой лежать!». Лёг на диван и спал до утра один. Жена долгое время не могла рассказать о своих взаимоотношениях с мужем, но через год не выдержала и рассказала обо всём свекрови. Сарыгыз, прозванная так из-за своих рыжих волос (это имя также принадлежало ведьме из ногайской мифологии), очень сильно удивилась и сразу набросилась на невестку:

— Ты чего, обезьяна, молчала?! Да разве можно быть такой терпеливой? Я ему устрою!

Скандал с сыном произошёл в тот же вечер.

— Ты что, изверг, измываешься над матерью моих внуков? Нас всех хочешь загнать в могилу! — она для разговора заранее приготовила ивовый прут. Разъярённая, набросилась на сына, пару раз огрела так сильно, что он скорчился от боли и согнулся. Затем с криком: — А это тебе за мои слёзы! — она размахнулась, чтобы огреть третий раз, но сын был парень ловкий, на лету схватил руку и, вырвав прут, разломал его на кусочки.

На следующий день они с невесткой пошли в дом Информации. Невестка осталась на улице, а Сарыгыз, кипя от злости и размахивая руками, вошла во двор.

— Где эта потаскуха?! — как львица, зарычала она.

На рычанье вышла Ання и тоже с видом львицы злобно посмотрела на незваную гостью.

— Подайте мне эту потаскуху! Подайте эту б...! — Сарыгыз стала крутить руками, как будто выжимала половую тряпку.

— Чего ты орёшь?! Чего это ты припёрлась в чужой дом и сцену тут устраиваешь?! Здесь хватает своих командиров!

— Я пришла, чтобы увидеть суку, которая посягнула на семью, на счастье моих внуков! Где эта дрянь?!

Ання медленным шагом спустилась со ступенек и, приставив руки к бокам, грозно проговорила:

— Кто ты такая, чтобы орать в моём доме?! Сама сука, потаскуха, б...! И нечего ходить по чужим домам!

Они впились глазами друг в друга.

— А ты мать этой потаскухи! — Сарыгыз кинулась на Ання и сорвала с её головы косынку.

Но не тут-то было. Ання сильно ударила её рукой по руке, а после со всей силы толкнула обеими руками в грудь. И тут же, набросившись на упавшую гостью, вырвала её платок. Сарыгыз тотчас встала на ноги, и у них началась рукопашная драка, сопровождающаяся криками.

— Сволочь! — орала Ання.

— Сука! — кричала Сарыгыз.

Неожиданно они обе одновременно вцепились в волосы друг дружки. Это коронка женских драк! Стали таскать одна другую за волосы. Услышав крики, из мастерской выскочил Информация, на всякий случай прихватив вилы. Увидев драку, он приставил вилы к стене дома и бросился разнимать. Когда оттаскивал Ання, Сарыгыз, воспользовавшись моментом, размахнулась, чтобы ударить Ання, но со звоном вцепилась пощёчину Информации. Ання вырвалась из рук мужа, схватив вилы, выставила их перед собой и застыла, решая, как ей отправить в нокаут Сарыгыз.

— Эй, остановись! — Информация почувствовал самое нехорошее, что может случиться.

Опасность почувствовала и Сарыгыз, она метнулась в сторону и подобрала с земли камень.

Ання вошла в раж, бросила безгливый взгляд на мужа и рванулась на соперницу.

— Кишки выпущу! — закричала она.

Сарыгыз заметалась, кинула камень, промахнулась и побежала к калитке. Ання с вилами наперевес побежала вдогонку.

— Если ещё один раз сунешься к нам, я твоё говно наружу выпущу! — тяжело дыша, закричала она за калиткой.

Сарыгыз бежала и не останавливалась. За углом невестка присоединилась к ней, и они быстрым шагом пошли домой.

Ання отдышалась. И, когда Информация вышел за калитку, то, будто приняв его за уличного пацана, она торжественно помахала вилами над головой: смотри, мол.

Конечно, наши женщины, когда отстаивают кровное, то им далеко до культуры, особенно западной или японской. Они, когда приходят в бешенство, не знают приличных слов, а приёмам карате, как женщин в сериалах, их не обучали. Дубасят тем, что под руку попало. Эпизод драки Сарыгыз и Ання, может, когда-то станет хрестоматийным для истории Май-тогая. Но всё только начиналось. Война, как в современном мире, стала холодной и могла принять затяжной характер.

Весть о драке Сарыгыз и Ання быстро распространилась по аулу. Кто был автором этой новости, кто постарался, даже трудно предположить. Невестка не могла. Её никто не слушал. Эдик был в поле. Шахида слышала крики, но, поняв причину драки, носа не высунула из дома. Воздух был так сильно нагрет женскими эмоциями, что скорее всего слух распространился телепатическим образом. Самое же интересное, что он, как и всякий другой слух, пересказывался некорректно. По слухам получалось, как будто Ання с вилами пришла к дому Эдика, чтобы он отстал от их дочери, но во дворе встретилась с Сарыгыз и проткнула ту вилами. Родственники Эдика по отцу и по матери вечером потянулись во двор, чтобы посочувствовать и выразить соболезнование, а возможно, чтобы узнать подробности из первоисточника. Сначала Сарыгыз не хотела показываться сидящим под навесом близким людям. Но когда узнала про некорректный характер вести, она надела бирюзовое платье, нацепила свои дорогие золотые серёжки и, несмотря на тёплый весенний вечер, накинув на плечи светлую норковую шубу, вышла к людям. Все увидели, что она жива-здорова. И все с удовлетворением вздохнули. Родственники по старшинству стали расспрашивать о причине конфликта, а главное, о деталях драки. Сарыгыз не хотела вдаваться в подробности. Как уже говорилось, в ауле все знали о похождениях Эдика, поэтому всем был понятен мотив конфликта. Сарыгыз, хотя не читала Чехова, но знала его выражение о том, что краткость сестра таланта, поэтому она скупо заявила:

— Я не дам им разбить семью. Мои внуки не заслужили, чтобы жить без отца. Сын ошибся – исправится!

Однако пришедшим на соболезнование этих слов было мало. Они усиленно осматривали хозяйку дома, чтобы обнаружить свежие следы увечья.

— Ой, милая! Какая ты мудрая! — Женщины подходили к ней, обнимали, щупали спину, бока. Хотели под платьем обнаружить марлевые повязки, пластыри.

Следов не было. Одни приходили, другие уходили. Так продолжалось до самой темноты. Сарыгыз сидела в окружении двух родных и трёх двоюродных сестёр. Это была её группа поддержки по жизни. Они встречали родственников, рассаживали под навесом, а затем провожали до калитки. Сарыгыз сидела, как памятник, в одной позе, пронизательно осматривала всех, кто приходил. Когда стало ясно, что больше никто не придёт и надо было расходиться, самая старшая сестра сказала:

— Надо идти к Гульнаре. Она всё умеет и сделает так, что у дочери Информации отсохнет одно место!

— Да, да, да, — одобрительно закивали головами остальные.

Как и на любом собрании, для протокола должны были пройти прения.

— Только к Гульнаре! Она очень грамотная! — поддержала младшая сестра (Сарыгыз была у них средней).

— Она может послать на смерть! — сказала старшая среди двоюродных сестёр.

— Гульнара может поправить любую ситуацию. Сколько мужиков простились с красавицами и вернулись к своим жёнам дурнушкам?! — сказала смазливая на вид вторая двоюродная сестра. Она была с сомнительной репутацией и лучше, конечно, не могла сказать. У неё в голове умещалось немало пикантных историй. Много лет назад, когда Эдик женился, через несколько дней после свадьбы она пришла к Сарыгыз и сказала: «Куда наш племянник смотрел, зрение потерял, что ли? У невесты ни лица, ни попы, об остальном я уже не говорю!». Сарыгыз разозлилась и сказала: «Не лезь в чужую семью! Не твоё дело! И с такими люди живут! Зато дети будут умными!». Какой слыла двоюродная сестра, уже было охарактеризовано. И она сказала: «Рассказывали, что в старину одна с собакой жила!». Что от этой сестры ожидать?! Как говорится, кто о чём, а вшивый о бане.

— Надо всё делать по уму! — сказала третья двоюродная сестра, знавшая, что надо что-то сказать, и что нельзя показаться чёрствой в благородном семействе.

Эдик в тот вечер домой не вернулся. Он знал о скандале и о том, что мать его непременно отутюжит. Он остался ночевать у Бориса.

Положение Шахиды было незавидное. Она не выходила из дома. Ання заходила и садилась недалеко от неё якобы смотреть телевизор, но говорила о своём.

— Потаскухой, б... тебя обозвала! Говорила я тебе, что с Сарыгыз нельзя связываться. Чтобы ноги её сына у нас не было! — Она вставала и уходила на кухню. Там смотрела свой телевизор, но ничего не видела, у неё всё расплывалось перед глазами. И она снова шла к дочери.

— Если ты встретишься с ним, своими руками вас обоих урюю! Ногтями вырою яму для вас! — Она опять уходила.

Перед самым сном снова зашла:

— Скажу Информации, чтобы тебя приковал цепью к кровати! Будем тебя держать на цепи.

Шахида на коленях держала котёнка. Ання посмотрела на невозмутимое лицо дочери, а затем на белую кошку, которая к тому времени успела вырасти. Из неё отчаянно выплеснулось:

— Во всём этот шайтан виноват! После её появления ты заблудила! — Ання хотела выхватить кошку, но та выпрыгнула и исчезла под диваном.

На следующий день Сарыгыз долго сидела перед зеркалом. Навела макияж на лицо, подвела брови, нарисовала тени. Она надела вчерашнее бирюзовое платье — оно хорошо смотрелось при дневном свете, на голову повязала блестящий зелёный платочек. На ноги надела красные туфли на платформе, на уши нацепила старинные серёжки, на пальцы — перстень с бриллиантовой крошкой, на запястья тяжёлые браслеты из чёрного серебра. Зашла в комнату невестки.

— Пойдём к Гульнаре! Надевай всё самое лучшее. На нас сейчас все будут смотреть как на пострадавших. Сама видела вчера представление в нашем дворе. Ты думаешь, что они приходили сочувствовать?! Они хотели видеть сквозную рану на груди, марлевую повязку на моей голове. Я никогда не паду на колени и не дам им повода для насмешек!

Гульнара в центр Май-тогая переехала лет пять назад, до этого она жила на окраине аула и стала известной целительницей. Хотя она была родом откуда-то из Дагестана, май-

тогаевцы её считали своей, урождённой землячкой. Иначе и не могло быть. Многие старожилы даже хвастались, что помнят её родителей, работавших в совхозе. На самом деле родители никогда не появлялись в этих местах. Гульнара была авторитет. Все знали, что эта женщина с пухлыми губами, пронзительным глубоким взглядом чёрных очей является хранительницей благополучия аула. Раньше, до революции, она стала бы шейхом, имела бы родник со своим именем. Но она была вполне реальный современный человек, человек с медицинским дипломом, хотя и фиктивным. Она искусно лечила гипнозом, наговорами и разными снадобьями. Её уважали за учёность, но и боялись. Сам Карасолтан побаивался колдовских чар, он верил, что она может достать и из могилы. Вон, посмотрите, что делает Ванга, она и после смерти не сходит с экрана телевизора! Наша целительница купила небольшой кирпичный домик. Очень удачно. С одной стороны был участковый Салим-Гирей. С другой – не менее известный Куваныш. Преобразования в его доме во время выборов аульчане относили к заслугам ворожейки, внешние изменения — забор с улицы, новую крышу, ремонт дома — произошли благодаря её связям с высшими силами. С чего бы это штабисты или даже сам Карасолтан так усердствовали в родовом имении алкаша! Между дворами Куваныша и Гульнары забора не было. Но разница между огородами была — как небо и земля. У Гульнары всё было обработано и прибрано. Ближе к дому двор, как и весь он, был украшен цветами, дальше были клумбы из каких-то редких растений, грядки для овощей. В конце огорода росли орех, кизил, облепиха и какие-то кустарники, названия которых даже сама целительница не знала. За огородом под чутким руководством Гульнары следила известная Олеся. У Куваныша в огороде тоже росли экзотические растения, это были необычные для глаза земледельцев сорняки выше роста хозяина. А Куваныш росточком был почти метр девяносто. Участковый Салим-Гирей жил в просторном двухэтажном доме из жёлтого кирпича. Здание возвышалось, как цитадель власти. Участки целительницы и участкового разделял забор из толстой блестящей стали. У Гульнары, как пристройка к её невидимой империи, был ещё один форпост. Это опрятный дом Олеси под шиферной крышей через улицу. О том, что этот дом являлся стратегическим объектом, многие даже не предполагали. Об этом знали

участковый Салим-Гирей и Куваныш. Куваныш особо не обращал на этот факт внимания и называл старушку стукачом целительницы. Из окон дома Олеси хорошо просматривались обе стороны дома Гульнары. Были видны и посетители, и подходящие, и стоящие в очереди. Дом был важен и с точки зрения охраны. Поэтому Гульнара на базаре купила рацию. Одна трубка была у неё, другая у Олеси. Тогда ещё мобильные телефоны были не так модны. Старушка сообщала целительнице о подходе к дому знакомых лиц. Как говорят, стояла на шухере. Об этом все не знали. Но о рации знал участковый. Он обнаружил её при первом же обходе. Хотел изъять. Но Гульнара была битая, права свои знала. В результате переговоров они решили, что обе женщины будут стучать участковому. Все знают, что с властью не так просто договориться. Участковый всё равно придирался к целительнице, хотел прекратить её незаконную деятельность. Придирался даже когда Гульнара зарегистрировала ИЧП по сбору лекарственных трав и плодов. Власти всё равно не угодишь. Всё зависит от процента отката. После распространился слух о том, что участковый крышует целительницу. О причине крышевания знал Куваныш, но никому из аульчан не говорил. Нет. Один об этом знал. Как-то Куваныш, как героическое сказание, рассказывал То яме, То канаве: «Ты представляешь, лежит мясо на медицинской кушетке, килограмм сто, а на нём другая гора с голой задницей. А я испуганный в дверях стою, она мне из-под него отмахивается рукой, чтобы я смылся. А я стою, а она, молча, с угрозой машет. И я ушёл!». То яма, То канава посмотрел на дружка с большим удивлением, но из-за того, что глаза заплыли от одутловатости и мешков под ними, увидеть в них удивление было трудно. У ногайцев встречается много людей с узкими глазами, однако таких узких глаз, как у друга Куваныша, ни у кого не было. И тогда он сказал: «Смотри, отправят эти супчики тебя в дурку!». «Да! – подхватил Куваныш. — Потом так и сказала, что вдвоём с участковым отправят в психушку! Молчи! Приказала, б...! И участковый всё косится, как будто я ему рубль должен.». Такая беседа у друзей происходила чаще всего зимой, когда они нигде не могли найти грамульку на опохмелку. В такие минуты надо было чем-то обманывать изнурённый организм. Они оба были хитрыми, язык за зубами держали. Было что терять обоим.

Когда Сарыгыз с невесткой подошли к дому целительницы, то увидели с десяток аульских женщин, стоящих в очереди. Самое удивительное для Сарыгыз было, что когда она стала пристраиваться к очереди, на крыльцо дома вышла одетая в белый брючный костюм и белую медицинскую шапочку высокая Гульнара. На ногах у неё были очень дорогие модные белые кроссовки. Целительница сделала вид, что смотрит вдаль, а потом посмотрела куда-то ввысь и сказала:

— Проходите! Я уже давно жду вас! Заждалась, а вы всё не идёте!

Все, стоящие в очереди, повернулись в сторону Сарыгыз с невесткой. Они сразу отметили, что Сарыгыз значительно выделялась среди них своим одеянием.

— Нас ждёте? — проговорила Сарыгыз.

Гульнара утвердительно кивнула головой.

Женщины загалдели:

— Очередь для всех одинаковая!

— Чего это она должна впереди идти? А мы тут должны часами простаивать?

— Я её сегодня во сне видела! Проходи, уважаемая! — убедительно сказала целительница.

Сарыгыз дёрнула за руку невестку и, сделав недовольное, надменное лицо, пошла за Гульнарой.

Женщины замолчали, поняли, что против лома нет приёма.

— Садитесь! — пригласила Гульнара, показывая на противоположную сторону стола, где стояло несколько полированных коричневых стульев.

Сарыгыз с невесткой сели. Целительница внимательно посмотрела на женщин. Обратила внимание на серьги и украшения старшей посетительницы.

— Я вас давно жду, а вы всё не идёте!

— Я только вчера решилась. И подумала о тебе, — сказала Сарыгыз.

— Я о тебе давно думаю.

— Так вы всё знаете?! Тут вот мою невестку обижают. Надо защитить! Сына с пути истинного сбили.

— Мне необходимо и на тебя посмотреть, не только на них. Я сейчас посмотрю. Муж твой давно умер?

— Откуда вы знаете?! — удивилась Сарыгыз. Но в этом ничего удивительного не было, так как в день похорон прихо-

дила соболезновать с женщинами аула и сама Гульнара. — Четыре года назад.

— Вообще-то и тебе хотели сократить жизнь.

— Да, мы вместе были на машине. Его насмерть убило, а я еле выжила.

— Муж тебя защитил. Он на себя всё взял.

— Бедный, он меня любил! Как никто! И я — его! — Сарыгыз заплакала.

Заплакала и невестка. Гульнара подождала, когда они вытрут слёзы. Став очень опечаленной, она спросила:

— Откуда у тебя эти серьги?

— Муж купил.

Гульнара понимающе кивнула головой.

— Когда?

— За год до смерти цыганка приходила к нам и продала за хорошие деньги. Почти в стоимость бычка. Я ездила в райцентр, показывала ювелиру. Пробу проверили, настоящие.

— Вот! — целительница многозначительно подняла палец вверх. — Тебе от них надо избавиться. Это во-первых! Что касается невестки, что с ней?

— Сын на сторону стал ходить. Надо эту потаскуху и её мать к смерти приговорить.

— Я такими делами не занимаюсь. Смерть — это не моё занятие! Уходите! — расстроилась целительница и отвернулась от них. Затем снова повернулась.

Сарыгыз и невестка разволновались, хотели локти кусать за свою оплошность. У Гульнары взгляд впалых глаз унёсся куда-то, она их прикрыла веками, некоторое время находясь в дрёме. Отчуждённо спросила:

— Как её имя? — Она нащупала рукой нитку серебряного шарика, подняла его. Потом открыла глаза и стала смотреть за висячим шариком. — Как её зовут? — повторила она вопрос.

— Кажется, Шахида? — Сарыгыз вопросительно посмотрела на невестку, та утвердительно кивнула.

— Нет. Не Шахида! — сказала Гульнара.

— В школе её звали Самантой, а когда в боевики ушла, стали называть Шахидой, — поправилась невестка.

— Тебе далеко до неё. Я бессильна. У неё свои нити судьбы. Уходите! — сказала Гульнара и пришла в себя. — Я что-то говорила? — спросила она.

Поняв, на чём оборвалась их беседа до того, как ворожейка впала в транс, Сарыгыз стала извиняться:

— Я не так выразилась!

— Всё! Ко мне с пожеланием смерти кому-либо не приходите! Я дружу с законом! Следующий! — закричала Гульнара.

— Гульнара, мы же друзья, мы с тобой в штабе вместе были! — Сарыгыз сняла серьги. — Надо, чтобы потаскуха отстала от сына!

— Очень трудная задача! Это от вас тоже зависит! — сказала она, глядя на серьги.

— Надо, чтобы у неё отсохло между ног, — Сарыгыз подвинула серьги поближе к Гульнаре.

— Мне чужого не надо. Я не имею права наносить людям увечья, — та отодвинула серьги.

— Ну, сделайте что-нибудь! Мы люди не жадные, — взмолилась Сарыгыз и опять пододвинула серьги.

— Я могу сделать так, чтобы ваш сын охладел к ней. Сначала надо ознакомиться с его кармой. — Она опять закатала голову вверх и стала пространно смотреть вдаль, как будто видела Ногайскую степь у Каспийского моря в нижнем Дагестане. — Да у вас сыночек-то порченный. Развратился до самой крайности. У него и до Саманты были любовницы. Были?! — действительно спросила она, не опуская головы.

— Были, — поддакнула Сарыгыз. Невестка засмушалась, она готова была провалиться сквозь землю.

— Надо присушить у него желание. Чтобы он совсем не смотрел на женщин.

— Это как же? — удивилась Сарыгыз и с виной посмотрела на невестку. — Она его жена!

— Сколько у них детей? — спросила Гульнара, теперь подымая за нитку шарик.

— Трое, — ответила Сарыгыз.

— Четверо, — тихо произнесла невестка.

— Как? — испуганно посмотрела на неё Сарыгыз.

— Мама, четвёртый в животе. У меня несколько месяцев как нет месячных, — виновато проговорила невестка.

— Приехали! Будешь теперь с оравой ходить!

— Так что? Присушим желание у сына?

— Нет! Чего его инвалидом делать! У неё, у потаскухи присушить надо! — сокрушённо сказала Сарыгыз.

— Может, у сына? Твоя невестка может ещё нарожать!
— Что же делать? Сынок у меня любвеобильный. Прокормим ораву. Лишь бы он не ушёл к этой.

Гульнара встала, посмотрела на невестку и кивнула ей:

— Пошли за мной! — А Сарыгыз сказала: — Вы подождите нас.

Целительница завела невестку в соседнюю комнату, где стояла медицинская кушетка.

— Ложись! — приказала она. Невестка легла на кушетку, Гульнара, не касаясь ладонями, провела над головой и лицом. — Слабая ты! Необходимо тебе собраться и стать уверенной! — Потом она достала из кармана костюма крохотный, с мизинец, изумрудного цвета пузырьёк, приложила палец к губам и прошептала на ухо: — Это приворот. По капле добавляй в еду своему развратнику. Смотри, чтобы никто не знал, даже свекровь не знала! Положи сюда. — Она засунула пузырьёк за пазуху в бюстгальтер.

Они вернулись и сели на свои места.

— Надо, чтобы эта Саманта перестала даже смотреть в сторону сына! — проговорила Сарыгыз.

— У меня нет таких полномочий. Надо, чтобы и вы постарались! — проговорила целительница.

Сарыгыз схватила руку Гульнара и зажала в ней серги.

— Да что вы её защищаете?! Я знаю, что ты сможешь! Чтобы дочка Информации не давала повод!

Гульнара вопросительно посмотрела на невестку.

— Да! — твёрдо сказала та.

— Я могу. Дело времени. — Гульнара достала из-под стола синий пузырьёк размером со стакан. Она повторила указание невестке: — С тем делать, как я сказала! — Она помахала синим пузырьёком обеим женщинам. — А с этим надо, чтобы соперница выпила отсюда, ну, хотя бы ложку. Это ускорит результат. Ждите! Я буду днём и ночью проводить сеансы. Ох, трудная задача!

Сарыгыз выхватила из рук целительницы пузырьёк:

— Будем работать и мы!

— Смотрите, надо опереться только на очень надёжных людей. Никто не должен знать нашего разговора. Лекарство спрячьте в сумку! — проговорила целительница.

Сарыгыз и невестка вышли из дома и торжественно прошли мимо толпящихся там женщин. Те с неудовольствием

проводили их взглядом. У входа во двор с внешней стороны стоял Куваныш в чёрной куртке и без головного убора. Перевернутую кепку он держал в левой руке, а правой крестился. Сарыгыз, увидев своего одноклассника за этим занятием, была чрезмерно удивлена.

А дело было вот в чём. Из дома Куваныша в сторону дома Гульнары было всего одно окно. Нечто вроде наблюдательного пункта. Из своего окна Куваныш видел, кто приходит к целительнице. При виде добропорядочных людей, особенно с достатком, он выходил к ним, как к потенциальным жертвам. Надо было быть осмотрительным, ко всем же не подойдёшь. Тем более к аульским женщинам. За это, как за домогательство, можно было заработать хорошую оплеуху. Простор для деятельности возникал, когда приезжали люди со стороны, а среди них были и русские из ближайших станций. Так вот, с утра друзья Куваныша То яма, То канава и Уважаемый стояли у окна и увидели Сарыгыз в ярком платье, светловолосую, похожую на городскую женщину или казачку. То яма, То канава был с больными ногами, мало ходил, да и глаза почти не видели. Уважаемый, прозванный так за то, что он ко всем учтиво обращался с таким словом, в эти дни был избит. Щуплому пареньку было лет двадцать пять, он отроду нигде не работал, жил на пенсию матери, но пил героически, ежедневно. Попрошайничество среди мусульман испокон веков осуждалось. До революции в Май-тогае попрошаек не было. Не было водки, а покушать можно было даже у самого бедного аульчанина. Уважаемый решил нарушить традиции и пойти по пути Куваныша. Как-то попросил, ему дали на сто грамм, попросил другой раз — тоже получилось. Но как-то его ровесники, не посещавшие мечеть, зато постоянно донимавшие муллу замечаниями по поводу правильности ритуалов, которые были законниками религии и узнали про попрошайничество, хорошенько побили его и предупредили, что если это повторится, то утопят в Кубани. Уважаемый их боялся, он стал ездить в райцентр, торчал возле автостанции. Но и там его за этим некрасивым занятием заметил один из одноклассников. Завёл за угол и превратил его юное личико в кровавое месиво. В эти дни Уважаемый ходил только в темноте, чтобы не показывать свою физиономию. И в тот день пришёл к Куванышу перед самым рассветом. То яма, То канава тоже пришёл рано. Друзья с некоторых пор во

времени не ориентировались. Они двое, увидев светловолосую Сарыгыз в бирюзовом платье, хором закричали: «Клёв начался!». Этой излишней эйфорией сбили с толку Куваныша. И из-за того, что было далеко, он тоже не узнал свою одноклассницу.

— Ты чего, Куваныш? Совсем крыша поехала? Веру потерял? — разозлилась Сарыгыз.

Куваныш, услышав родную речь, расстроился, глаза не открывал, но обращался к небу, как будто там видел Всевышнего.

— Мне не до веры. Детишки в доме голодные, дайте на хлебушек, — промолвил он.

— Какие детишки, идиот! Обязательно надо креститься, что ли?!

Куваныш иногда бывал упёртым и поэтому решил: кто бы она ни была, стоять на своём — голову не опускал, глаз не открывал.

— Когда крестишься, то и мусульмане, и христиане дают. — И добавил на русском языке: — Господи, помилуй!

— Куваныш, ты офигел, что ли? Меня, одноклассницу, не узнаёшь!

Куваныш открыл один глаз и, прищурившись, посмотрел на женщину. Узнал, но продолжал делать вид, что не узнаёт:

— Память отшибло! Дай рубль!

— Не дам я тебе ни копейки! Не стыдно тебе? На тебе пахать надо!

— Попаши, пожалуйста, — но сразу осёкся, понял, что произнёс неудачную шутку. Пригорюнился и жалостливо, заумно сказал: — Быка надо кормить каждый день. Я могу пригодиться.

— Кому ты годишься?! Веру продавший козёл! — женщина пренебрежительно махнула рукой.

— Сарыгыз! — Куваныш захрипел, откашлялся и с укором сказал: — Жадная ты! Отольются кошке мышканы слёзы.

Это была часто произносимая коронная фраза, она имела воздействие на суеверных аульчан. Сарыгыз не отреагировала, она её не поняла:

— Что он там болтает?! Алкаш несусветный!

— Твой сын ко мне уважительный, всегда угостит. Ты другая! Как будто он из другого пуза родился! — Куваныш иногда умел делать философские умозаключения.

— Ты посмотри на него! Сын вышел из моего пуза! Тебе какое дело, из какого он пуза?! Какое твоё дело до моего пуза?! — она, превратив безобидное выражение в тяжёлое оскорбление, разлилась и пнула его ногой.

— Не! Не! Из твоего пуза! — поздно исправился Куваныш и на всякий случай отскочил в сторону.

— Заткнись! — крикнула Сарыгыз. Заметив, что стоящие в очереди с любопытством приближаются, чтобы не компрометировать себя, дёрнула за руку невестку и повела за собой.

Сарыгыз всю дорогу не могла успокоиться. «Какое ему дело до моего пуза?!» — приговаривала она.

Придя домой, женщины стали думать, как осуществить наказ Гульнары. Человека, который мог пробраться в дом Информации, не нашли. Известно, что ногайцы гостеприимные, сердобольные люди. Есть семьи, в которых принимают по несколько человек в день. Некоторые пользуются их добротой и бывают очень назойливыми. Приходят каждое утро к чаю, а ещё хуже к обеду, к вкусной еде. Есть и такие, которые приходят вечером и до посинения смотрят телевизор с хозяевами. Но есть и уважительные гости, которые приносят гостинцы и приглашают к себе. В Май-тогае нетрудно бывает пустить в ход айле — приворот. Конечно, это часто делается и среди других ногайцев. Поэтому и стали говорить сами ногайцы: «Бойтесь ногайцев, дары приносящих» — ну совсем как у Гомера. Но тут загвоздка: ни Ання, ни дочь, ни тем более Информация в гости не ходили, у себя тоже, кроме Гондураса, никого не привечали.

— Может, попросить друзей Эдика? — как будто у самой себя спросила Сарыгыз.

— Не надо. Они с ним заодно. Они вместе с мужем и Шахидой сидят на берегу Кубани, — с испугом сказала невестка.

— Я поняла! — радостно произнесла свекровь. — Нам нужен Куваныш! Я слышала, что он часто подсаживается к мужским кампаниям на берегу.

— Поэтому, наверное, он сказал, что может пригодиться, — обрадовалась невестка.

— Тебе и мне надо немедленно идти к нему... — Она подумала немного. — Нет. Будет подозрительно. Давай пошлём нашего внука. Арсланчик! — закричала Сарыгыз.

На кухню вбежал мальчик в чёрных трусах, выцветшей серой майке и резиновых шлёпанцах.

— Да, абай, слушаю тебя! — произнёс он.

— Арсланчик, ты знаешь, где живёт Гульнара?

— Колдунья, что ли?

— Да.

— Беги к ней...

— Я к колдунье не пойду! — оборвав бабушку на полуслове, запротестовал Арсланчик.

— Не к самой колдунье. Там во дворе ходит Куваныш. Он нам нужен. Ты же его знаешь?

— Алкаш, что ли? Кто его не знает? Но он мне не совсем нравится.

— Мало ли чего тебе не нравится или нравится. Мне и твоей маме Куваныш нужен.

— А зачем он тебе?

— Не задавай лишних вопросов! Нужен! — пригрозила Сарыгыз.

— Тогда не пойду. К нему нельзя приставать. Он сумасшедший!

— Ты посмотри на него! Он никого не трогает. Подойдешь и скажешь: «Сарыгыз тебе бутылку приготовила».

— А за что ему так?

— Пусть быстро идёт, а то я могу передумать. Так и скажи.

— А мой какой интерес? — мальчик, протянув руку, хитро посмотрел на бабушку.

Сарыгыз вытащила из сумки кошелёк, отобрала мелочь и сыпанула ему в ладонь.

— Купишь себе жвачку, хорошенький мой!

— Так бы сразу сказала! — Арсланчик выбежал на улицу.

Мальчик нашёл Куваныша в своём дворе. Он из-под крана набирал воду в маленькое пластмассовое ведёрко. Мальчик слово в слово передал приглашение Сарыгыз. Куваныш посмотрел на небо и произнёс:

— Чудеса! Неисповедимы пути господни!

Он зашёл в дом и в комнате поставил перед лежащими на полу То ямой То канавой и Уважаемым ведро с водой.

— Пейте! А мне идти надо, — и он поклонился в пояс.

— Это ещё что?! — разозлился То яма, То канава.

— «Каждому своё» было написано на воротах Бухенвальда. Мои утренние молитвы зря не пропали! Труба зовёт!

— Я уйду, а Уважаемый? Как он на люди покажется? Будь человеком!

— Уважаемый может остаться. Только чур на моей кровати не валяться! Пусть спит на своей куртке! — приказал Куваныш.

Он мигом оказался во дворе Сарыгыз. И в самом деле подумал, что его христианские навыки обернулись пользой, поэтому поднял голову к небу и собрался креститься. Сарыгыз из кухни увидела это и, разгадав его намерения, выскочила на воздух.

— Ни в коем случае! Это мусульманский двор! — закричала она.

— Я хотел пожелать вам благоденствия! А где бутылка? — гость решил показать свою настырность, понимая, что он нужен им, а не они ему.

— Ты заходи на кухню, поговорим ласково и нежно, — сказала Сарыгыз, подтолкнула его и завела в помещение. Потолок кухни был низкий, голова Куваныша почти касалась его.

Он сел за столик с приготовленным угощением. С важным видом посмотрел на тарелки с горячими баурсаками, свежеприготовленной картошкой и варёным копчёным мясом. Понял, что это слишком, его так давно не угощали.

— У кого-то день рождения? — спросил он на всякий случай.

— Кушай, одноклассник, — непривычно спокойно для себя предложила Сарыгыз.

— Если вам необходимо что-то сделать, то потороплюсь сообщить, что физический труд мне противопоказан. У меня остеохондроз, панкреатит и атеросклероз. А также женские ласки не предлагать! Я негативно отношусь к ним.

— Дурак! Кому ты нужен?! — прикрикнула Сарыгыз.

— Прошу не оскорблять! Я этого не потерплю! — Он показал рукой на столик и спросил: — Зачем-то я вам нужен?

Сарыгыз угодливо засмеялась.

— Ладно ты. Одноклассник, у меня к тебе деловое предложение. Только сначала покушай. Тогда разговор легче пойдёт.

Её предложение было весьма нецелесообразно, с такими людьми о самом важном необходимо было говорить на трезвую голову. Что поделаешь? Сарыгыз по жизни общалась с мужчинами другого типа, которые после выпивки становились покладистыми.

— В этом ты права, — Куваныш требовательно посмотрел на женщину.

Она его поняла и взяла с полки заранее заготовленную бутылку.

— Это «Столичная» водка, с завода «Кристалл», не палёнка! — похвалилась она.

— Слыхали про такую, но может быть, вкус чуть подзабыли.

Женщина сама открыла бутылку и налила в стакан.

— Хватит? — спросила, наполнив его до половины.

— Достаточно. — Куваныш махом опорожнил стакан и с удовольствием вздохнул: — Это моя доза.

— Кушай! — Сарыгыз показала на еду.

Зашла невестка и села вдали от стола.

— Это детали, — сказал под нос гость, отломил кусочек от картошки и кинул в рот. Чуть пожевав, сказал: — Вообще-то я который год на диете.

— Итак. Куваныш, у нас к тебе секретное дело, — она прямо посмотрела в глаза одноклассника.

— Секретное дело по-ногайски. У нас нет ни от кого секретов. Это только наши высказываются: «Говорю тебе по секрету, чтобы, кроме базара, никто не знал». Ладно, говори, — загоготал он.

Сарыгыз показала пузырёк:

— Вот в этом пузырьке снадобье.

— Знаю, одноклассница. Знаю — это ракета средней дальности. Как-то я видел, как наша гуру бутылки с водой заряжала. Она мне сказала, что вода читает информацию, передаёт энергетику, исполняет желания гуру. Я, когда она вышла из подвала, так же, как она, одну бутылочку зарядил и спрятал среди остального арсенала. Представляешь, она вернулась и нашла заряженную мной. Отложила в сторону. Я спросил у неё про свою энергетику. Она ответила, что энергетика моя очень сильная, как в термоядерной бомбе, и я могу полстраны алкоголиками сделать. После она меня не пускала в подвал. Ну, и? — Куваныш вопросительно посмотрел на одноклассницу.

— Надо его незаметно подлить в стакан путающейся с Эдиком потаскухе, — сказала женщина.

— Это преступление! А я дружу с Салим-Гиреем. Он не позволит! — громко запротестовал Куваныш.

— Ты этим отца вернёшь детям — разве это преступление?! — рассердилась Сарыгыз.

— Вы её убьёте моими руками, а сами сухими из воды выйдете. Не, не! Я Шахиду уважаю!

— Дурак! Это не яд! — Сарыгыз отвертела крышку пузырька и попробовала на язык. — Он даже безвкусный.

— На тебя он не действует — на тебя уже ничего не действует, а здоровью Шахиды принесёт вред. Она добрая. Грех такую обижать, — запротестовал Куваныш.

— Я что, по-твоему, железная?! Напиток здесь для того, чтобы она отстала от моего сына. А это спасёт мою семью, — Сарыгыз показала рукой на себя и на невестку.

— А что будет с Шахидой?

— Она тебе сестра, что ли?

— Просто хороший человек! Я на плохое не способен. Это нечестно.

— Что ты хочешь, Куваныш? Я тебе даю эту бутылку, а по завершению дела куплю ещё одну.

— Не! Давай сразу и вторую.

— Вторую, когда ты подольёшь потаскухе.

— Она не такая! Я вам тоже по секрету скажу: вся вина на вашем сыне. Он хороший парень. Меня уважает. Вы только на меня не ссылайтесь, но ему надо яйца отрезать! Извини, сестрёнка! — он посмотрел на невестку.

— А передо мной почему не извиняешься? Я тоже женщина, я мать! — строго спросила Сарыгыз.

— Ты ещё та! Сын всё хорошее от тебя перенял, — сказав, Куваныш приготовился к взрыву и даже нагнулся.

— С кем я связалась?! По-хорошему, надо было гнать тебя на километр. Ну, вот только... Все планы раскрыли. Связались... — Сарыгыз налила ещё полстакана водки.

— Это мне много, одноклассница, — Куваныш выпил, опустил голову, замычал и уснул. Женщины добудиться его не смогли. Хотели провести его к кровати, но затем оставили.

Надежда угасает последней. Часа через два Куваныш проснулся. Он был удивлён тем, что находится в доме Сары-

гыз. Хозяйка, убравшая со стола водку, чтобы она нечаянно не пролилась, решила сделать манёвр. Так сказать, маршбросок.

— Ты обещал подлить из пузырька в стакан Шахиды.

— Раз обещал — будет исполнено! Базара нет, одноклассница, — отрапортовал Куваныш.

— А куда тебе пузырёк положить?

— Этот? — он показал на лекарство. — Его надо хорошо упаковать, а то у меня дома дети, они могут случайно глотнуть. Давай сюда, я через дырявый карман в подкладку куртки пушу. И вспомнить будет легче, — Куваныш взял из рук хозяйки пузырёк и сунул в карман. Затем стал глубоко дышать: — Мне, одноклассница, домой надо поспеть. Там дети ждут.

Сарыгыз показала начатую бутылку, чтобы налить:

— Будешь?

— Так в нашем обществе неприлично спрашивать. Сейчас не надо. Ты эту бутылку хорошо прикрой, чтобы не пролилось. Баурсаки, картошечку, да и мясо в пакет положи. У меня голодные детки дома.

— Откуда у тебя дети? Что ты плетёшь?

— Несовершеннолетний То яма, То канава, почти новорожденный Уважаемый.

— Эти не отстанут. Слушай, этого молодого никогда трезвым не видела! Он, по-моему, пьяным родился. Ты дойдёшь? — Сарыгыз с сочувствием посмотрела на гостя.

Куваныш встал. Невестка хорошо упаковала пакет и дала ему в руки.

Сарыгыз, выйдя за калитку, долго стояла и смотрела вслед уходящему и шатающемуся Куванышу.

События разворачивались спонтанно. Эдик был в бегах. Он боялся матери и не хотел видеть жену. В тот же вечер, когда у них гостил Куваныш, парень подъехал к дому Информации. Дал сигнал и вышел. На сигнал со двора вышла Ання с вилами в руках. С этим оружием она решила не расставаться.

— Чтобы твоей ноги не было возле нашего дома! — она с криком, размахивая вилами, побежала к машине.

Эдик еле успел отъехать. К Борису идти было неудобно, к другим знакомым он бы никогда не пошёл. Люди с достоинством обычно ночевали дома. Выехав на центральную улицу, Эдик раз десять проехал аул из конца в конец. Потом остановился, поразмышлял и поехал сдаваться. Сарыгыз, когда машина заехала во двор, молча ушла в свою комнату. Жена подогрела ужин и понесла в зал, где обычно Эдик кушал и одновременно смотрел телевизор. В чай она подлила каплю из изумрудного пузырька, который носила на груди. Эдик поел, выпил чай и прилёг на диван. Невестка убрала на кухне, закрыла ворота и пошла в спальню. Ночью Эдик перешёл в спальню и спал вместе с женой в одной постели. Результат посещения целительницы был эффективный. Утром невестка была очень довольна. Дала завтрак мужу, посмотрела, как он выезжает со двора, а затем побежала к свекрови.

— Мама, я дала ему выпить! — она показала изумрудный пузырёк, забыв, что целительница велела никому не говорить. Это было её роковой ошибкой.

— И что? — спросила Сарыгыз, сидя посередине своей кровати.

— Получилось! — стыдливо произнесла невестка.

— Что это за пузырёк?! — с тревогой и нарастающим гневом спросила свекровь.

— Это колдунья дала, чтобы я при необходимости по капле подмешивала. — Невестка поняла, что проговорилась, и схватилась за рот.

— Когда?

— Когда меня на больничную койку положила, дала. Сказала, чтобы я никому не говорила.

— Парчушка! Почему ты меня в известность не поставила?! — она встала, подошла к невестке и вырвала из руки пузырёк. — Ты сама пробовала?

— Нет, — виновато проговорила невестка.

— Сперва самой надо пробовать! Ты так и моего сына погубишь!

— Колдунья сказала, что это приворот. Что сразу положит нас вместе в постель. И помогло! Он со мной больше месяца не спал.

Сарыгыз пузырёк не вернула. Невестка очень сожалела, что рассказала про приворот свекрови.

Это не конец

Истории с экстрасенсами быстро не заканчиваются. Это самые популярные люди на постсоветском пространстве. Возьмите Кашпировского, Чумака. Так вот, Гульнара ничем не хуже их. Ну и что с того, что она провинциальна. Целительское дело оценить трудно. Может, Гульнара — величина мирового масштаба. Популярность ворожеек в мире довольно высока. Латинская Америка, возможно, обогнала многие страны в этом направлении. Тому свидетельства персонажи Габриеля Гарсиа Маркеса. Очень незаметными методами к высоким результатам подкрадывается Африка. Так и хочется побывать в Конго, Чаде и Мадагаскаре. Об Азии и говорить не приходится. Здесь жизнь чародеев была и остаётся обыденностью. Со времен Навуходносора, Дария, Кира и старцев в Аламуте там только и живут тем, что готовят волшебные напитки. В этом плане ногайцы, наверное, азиаты, хотя во всём остальном — европейцы. Ну, никак не проведут границу между Европой и Азией. Стелу, обозначающую точку соприкосновения двух континентов, поставили и в Астраханской области, и на Ставрополье. И главное, что и там, и там, где живут ногайцы. Поэтому обобщать ногайскую жизнь трудно. Даже по описаниям, данным в этой книге, некоторые доброты, сатрапы режимов, могут дать ей нелестную характеристику. Могут, исходя из нашего рассказа, создать мнение, что в Май-тогае сплошь царит распущенность, порочащая народ, по типу исторического клейма «варварство и дикарство». Особенно в этом могут преуспеть собственные законники. Хочется их успокоить тем, что в Май-тогае жители придерживались и придерживаются высокой морали. Благополучных семей в ауле тьма тьмуцая. Их сразу не пересчитать. В ауле есть мужики, которые за всю свою жизнь никого, кроме своих жён, не тронули. А целомудренность женщин — нечто, само собой разумеющееся. Многими старушками и молодыми невестками кое-кому стоит гордиться, потому что они являются эталонами высокой нравственности. Точнее, ими все гордятся. Даже не будем утруждать себя, называя их имена. Кому это нужно?! Это же не Книга памяти. В ауле есть и другие, они-то и подвергаются исследованию. Говоря про них,

не поймёшь, азиаты они или европейцы. Вот что важно! Включат ли ногайские населённые пункты в Евросоюз или же они останутся в отсталой, малообразованной Азии. Иногда так и думается, что из-за ногайцев современная Россия не может вступить в европейское содружество. Её, как и ногайцев, демоны толкают в свою Азию. Хотя... Вопрос этот двоякий. Что мы всё «европейская культура» да «европейский образ жизни»? Откуда восходит солнце, подымается великая туча – Китай? Точнее, поднялся. Можно сказать, что на вершину самой высокой горы Джомолунгмы. И возможно, что как шолоховскому казаку в засаде, нам придётся менять погоны белых на погоны красных. Помолчим. Справедливо будет, если мы скажем, что мы евразийский народ. Ладно, это большая политика.

Вернёмся в наш Май-тогай. Найдутся такие критики, которые скажут про май-тогаевцев, что их жизнь порочит наш благородный народ. У ногайцев вообще стесняются говорить о любви, как-то не подобает мужчине любить и говорить о своих любовных переживаниях. Но в народном подходе излагается по-другому. Вопреки всем современным установкам. И в эпоху Чингиз-хана, и в эпоху арабских халифов, египетских фараонов, в эпоху уллубиев Ногайской Орды и даже Великих князей Древней Руси в составе того государственного объединения были наши прямые предки: печенеги, торки, половцы. Заметное место в жизни общества занимала любовь. Несмотря на суровость, жестокость, строгость существующего строя где-то прозревало яркое, неземное чувство. Об этом свидетельствует фольклор и народная книжная литература. Меджнун безумно любил Лейлу. Скорее он, Меджнун, от любви стал безумным, а может, отроду был таким. Наверное, это не одно и то же. В ногайском прозаическом фольклоре некоторые добирались до любимых в виде зайца, собаки, птиц. С фольклором не поспоришь, некоторые могут сказать: а ты приведи пример. Ну, к примеру. Одна наша красавица двухметрового гиппопотама называла «Мой зайчик». А другая, тоже равнодушная к нему, говорила: «Идёт, собака». Третья совсем объективно разъясняла: «Полетел воробушек к своей стерве». Это выражения из нашей народной лексики, из нашего фольклора. А в русских сказках героини становились даже козлятушками. Иванушка же полюбил саму царевну-лягушку. Какой прекрасный сюжет! Вот уже целые века ле-

жат молодые люди в постели и мечтают встретить свою царевну-лягушку. В ногайском устно-поэтическом творчестве достаточно и реалистических примеров. Очень сильно страдала от смерти Бозжигита его возлюбленная Сайбямал. Но вот степного рыцаря Карайдара, любившего прекрасную Кызыл-Гуль, обезумевшим, дурачком не назовёшь. Сразу восстанут законники! Одним ударом уложат в постель, чтобы мечтал о царевне-лягушке. Карайдар имеет разные характеристики по нравственной части. Да и литературоведы доподлинно не разберутся в его чувствах. О том, что он любит девушку, как бы все знают. Но получилось, как обычно: она была ему не ровней, дочерью хана. Однако джигит покинул родину из-за коня, которого хотел отобрать отец девушки. Карайдар своего скакуна ни за что никому не желал отдавать. Он сказал хану: если даже отдашь мне весь Крым, то коня я тебе не отдам. С точки зрения современности, да и прошлого, конечно, это безумство! Как можно за коня отдать Крым? Сколько крови пролилось и может пролиться за Крым?! Самое интересное, что молодой человек не предложил коня за прекрасную Кызыл-Гуль. И он от обиды сбежал с конём и музыкальным инструментом кобызом, поехал скитаться по земле незнаемой, по Дикому полю. Кобзарь коня потерял, когда за ним гнались. Банальная потеря. Но продолжал бродяжничать. В Астрахани его застучали, когда он изощрялся в музыкальном искусстве перед астраханской девушкой. Кызыл-Гуль, оставшаяся на родине, очень сильно огорчилась этим поступком любимого, когда слух дошёл до её ушей. Переживала она и за другие его поступки. Когда он от чрезмерно-невыносимой любви вернулся за ней во дворец, вдруг она увидела, что он заигрывает и со служанкой. Но она его любила! И очень сильно! Понятия о любви были другие, ментальность другая. Уместно русское выражение: «Любовь зла — полюбишь и козла». Что азиату хорошо, для европейца смерть. Или наоборот. Хотя очевидно, что Карайдар больше своей жизни любил коня, но народ, а он всегда прав, сочинил песню о высокой любви к женщине, более тысячи стихотворных строк, она была одна из любимых у степняков. Надо сказать, что эта песня предположительно сочинена двумя авторами: один жил на Северном Кавказе, на территории нынешнего Ставропольского края, а другой на астраханской земле, там, где расчерчены границы Азии и Европы. Поэто-

му, наверное, такая неразборчивость в отношениях. Природа действует на ментальность народа. В те суровые времена народ воспевал прекрасное человеческое чувство! Но многие до сих пор задаются вопросом: кого же больше любил Карайдар — коня или ханскую дочь? Ясно, что она сильно любила слегка ловеласа Карайдара, однако кто-нибудь обязательно будет это оспаривать и скажет, что он коня тоже безумно любил. А может, он коня и девушку любил одинаковой любовью? Это чисто по-ногайски, но сейчас коней нет. Вместо коня подходит автомобиль. Сколько таких ногайцев, которые автомобиль любят так же, как и девушку. У чукчи как-то спросили: «С чем бы ты сравнил секс?», он улыбнулся и ответил: «Как мороженое кушать!». На Кавказе за такой ответ очень почитают этот народ.

Воду Кубани в горы не повернёшь. У нас сейчас говорят: «Если дочь влюбилась, никакой олигарх Рауль с нею не справится». Не тот Рауль, о котором все подумали. Раулей много на белом свете.

Отношения Эдика и Шахиды, конечно, не эталон идеальной любви в мировом масштабе. Как говорят: молодость бра-ла своё, гуляли парень с девкой. Однако эти отношения порочащими народ назвать тоже было бы кощунственным. Влюблённые, каждый по-своему жил и по-своему преодолевал преграды, а преграды в таких отношениях создавались испокон веков.

Утром Эдик сильно переживал за то, что переспал со своей женой. Переживал по май-тогайски. Совесть мучила перед Шахидой. Он понимал, что это у него получилось, как будто воды напился, нечаянно, автоматически, от усталости и от того, что грозная Ання, доминирующая львица, не допустила к лакомству. Он тогда не знал о волшебной капле, подлитой женой в его чай. Давайте всё же оставим эмоции и будем реалистами.

Рано утром он сел на трактор, к которому была прикреплена сеялка, по пути взял своего подсобника. Хотя и было прохладно, на одном из участков он сеял гречиху. Поработав, к обеду подсобника отпустил. Прямо на дороге, возле поля, сидя в кабинке трактора, стал пространно размышлять о своей жизни. Шахида затмевала все его думы. При представлении её он ощутил прилив чувств, по-народному, возбудился, понимаете, телесно возбудился. Однако долгое время не мог

чётко решить, что предпринять. Он знал, что беспредел Ання надо остановить и вырвать любимую из рук матери. Точнее, из её лап, другого слова он не мог подобрать. Поехал в аул. Остановил трактор возле дома Бориса. Друг оказался дома. И он сознался ему:

— Ну не могу я без неё!

— Ты о детях подумал?

— Я хочу быть только с ней! А детей я не потеряю!

Эдик никаких возражений слушать не хотел. Они вместе стали думать, что предпринять.

— Надо её тебе похитить! — то ли всерьёз, то ли с подколом сказал Борис.

— Как?! — удивился Эдик, подкола он не понял.

— Нападаем на дом Информации, её заворачиваем в бурку, несём в машину. И ты с ней в Сибирь! Матушка Россия велика!

Эдик понял иронию:

— Я тебе серьёзно, а ты туфту гонишь!

— Я-то чем тебе в этом могу помочь?! Это дело личное, индивидуальное, — развёл руками Борис. — Ты хочешь семью бросить?

— Нет.

— Тогда живи, как жилось.

— Это тяжело.

— Всем нелегко. О людях думай. Как говорила бабушка: лишь бы войны не было, — у Бориса иногда звучали мотивы юмора.

Эдик хотел обидеться, но в это время увидел чистый конверт на столе.

— Надо ей послать письмо!

Стали обдумывать, как это сделать. Дело в том, что известная Зоя Анварова, начальник почтового отделения, из-за отсутствия средств должность почтальёна сократила. На кой фиг он ей. Но почта осталась. Пенсии за определённую плату от райсобеса она разносила сама. Посылок и переводов почти не было, а если бы были, то она могла бы разнести сама. Почта без почтальёна — не странно ли? А ничего странного: люди не писали друг другу. Что толку рассказывать о своих неприятностях? Неприятности всюду одинаковые: от Магадана до Май-тогая нет жрачки, только об этом и думают. Не носили и газет. Разнос газет стоил дороже их выпуска. Зато

яхта миллиардера стоила больше годового бюджета целой республики. О газете никто не думал, зато об яхте мечтал каждый. Красиво жить не запретишь. Газеты выходили по необходимости, какое-нибудь разовое издание разносили волонтеры во время выборов. И тогда молодые люди решили, что почтальоном должен стать Борис. Эдик, желая написать любовное письмо, на листочке из школьной тетради написал те же слова, которые писали в его положении: «Я тебя люблю!» — слава богу, что и на это хватило воображения, — и вложил листок в конверт. На лицевой стороне написал: «Кельдиевой Саманте». Самое важное надо было передать на словах.

— В руки Ання конверт не давать. Скажешь, что передали люди, приехавшие из Новосибирска. После скажешь, что я за углом буду её ждать на машине в 7 часов вечера.

Они на «Оке» поехали к дому Информации. Эдик остался в машине, а Борис под видом почтальона, в серой куртке, нахлобучив старую кепку-аэродром, которую держал в машине на случай появления на похоронах (в этих краях на похоронах без головного убора нельзя показываться), пошёл к дому.

Ання в эти дни не отпускала Шахиду на улицу, если девушка всё же выходила, то всюду её сопровождала и вместе с ней возвращалась домой. Сарыгыз её сильно достала своим посещением. И она ожидала очередного подвоха. Эдика она хотела огреть вилами или ещё чем-то тяжелым. Борис свистнул и подёргал ручку калитки. Ання вышла и с большим подозрением посмотрела на почтальона. Она его толком не знала.

- Чего тебе? — зло сказала она.
- Тут Саманте Кельдиевой письмо передали.
- Какое письмо? Откуда? — с недоверием спросила Ання.
- Вот! С Колымы передали.
- Какой Колымы?!

Борис понял свою ошибку и от волнения сказал:

— Тьфу! С Сибири, — опять понял, что спорол ерунду и опять поправился: — Из Новосибирска.

— Это, наверное, хууда прислала? — сказала она сама себе и протянула руку: — Давай, я передам!

— Нет! Велено передать из рук в руки.

— Что за дела? Я мать! — с подозрением сказала она, но сразу поняла, что будет лучше, если позовёт дочь.

Она пошла, позвала Шахиду. Шахида обрадовалась Борису, а тот незаметно для матери моргнул и показал письмо:

— Это тебе из Новосибирска, — он взглядом показал на Анню, давая понять, что присутствие матери излишнее.

— Мама, иди! Дай поговорить людям.

— Я что, не человек, что ли? Пожалуйста! — дёрнула головой Ання, но ушла.

Борис отвёл в сторону Шахиду: если мать подслушивает за воротами, чтобы ничего не услышала. Наша молодёжь стала очень предусмотрительной, особенно в отношении родителей. Это родителям, как говорится, сюрприз. Прут на всех, как большевики в бронепоезде.

— Это Эдик послал. Он к тебе вчера подъезжал, но мать погнала. Сегодня он в семь часов будет ждать тебя за углом. Письмо порви — оно для отвода глаз.

Шахида прямо расцвела от этих слов. Затем, зайдя во двор, раскрыла конверт и, достав листок, прочитала написанное. От счастья она прижала конверт с листком к груди.

— От худобы, что ли? — спросила Ання, стоящая на ступеньках кухни.

— Да, — ответила девушка.

— Что пишет?

— Извиняется. Привет шлёт. Говорит, что скоро приедет.

— А что ты радуешься? Лучше бы деньги прислала! Дай почитать!

— Тебе лучше о таких вещах не знать! — Шахида порвала письмо на куски, чем очень сильно разочаровала Анню.

— Вообще меня никто за человека не считает! — обиделась мать и ушла.

В этот вечер мать продолжала сторожить дочь. Она смотрела в окна. В одно, смотрящее во двор, и в другое, из которого были видны ворота. Какая мать может создать преграду такому чувству, как любовь? Где это видано?! Ання видела, как Шахида с кумганом повернула за дом. Она пошла в туалет, который находился за домом. Он стоял в конце огорода, где заканчивался кирпичный забор вдоль улицы. С торца огород был огражден сеткой. Изобретательности нашим девушкам не занимать! Дойдя до туалета, Шахида оглянулась в

сторону дома. Увидев, что никого нет, оставила кумган за туалетом и, подбежав к забору и отвернув сетку, оказалась на пустыре. Лазейку она приготовила заранее, кусачками отвернув гвозди, прикрепляющие сетку к столбику.

Когда наступили сумерки, Ання пошла поглядеть в доме дочь. Она была в шоке от того, что её не было. Она просмотрела все четыре комнаты, обследовала и двор, и пристройки. Всё тщетно. Хоть вешайся! Когда наступила темнота, она снова зашла домой. Включив свет, осмотрела все комнаты. Выключив, вышла. Уставшая от поисков, вернулась на кухню и уснула. Раньше она всегда просыпалась, когда под утро при скрежете железной калитки возвращалась дочь. Но в этот раз Шахида вернулась тайной тропой. Утром мать опять пошла в дом. Удивлению её не было предела. Дочь, укрытая одеялом, лежала на диване и спала крепким сном. И тогда Ання поняла, что надо принимать кардинальные меры.

Исчезновение Шахиды повторилось через несколько дней. Теперь любимый посылал кого-нибудь из друзей и они, подходя к дому, делали три свистка. Девушка знала, что Эдик в засаде.

Куваныш нашёл компанию на берегу за полевым дастарханом. На берегу было холодно, все сидели в куртках и головных уборах. На одеяле стояли бутылки, на пластмассовой тарелке была разломанная на части курица. Создав круг, на траве сидели Эдик, Шахида, Борис, его подсобник и футболист Рыжий. Футболист был так прозван не из-за того, что у него были рыжие волосы, напротив, он был черноволосый, смуглый, с узкими глазами и курносый. Так вот, у него было любимое выражение: «Что я вам, рыжий, что ли?». Это выражение пришло из города и употреблялось в разных случаях. Особенно когда человеку казалось, что его унижают, обделяют или дают нежелательное поручение. Когда Куваныш подошёл к сидящим, никто с ним не заговорил. Подсобник Эдика и Рыжий просто раздвинулись, давая понять, что не гонят его, а если он хочет, то может присоединиться. Куваныш был старше их, но при виде его о возрасте все обычно забывали. Уважение с их стороны было не ахти какое. Да и сам он знал своё положение. Он был не отпетый нахал, чтобы садится за их застолье, поэтому он просто лёг на траву ничком и стал слушать сидящих молодых людей. Борис рассказывал байку:

— На Севере у Юмали умерла супруга, оставив двоих маленьких детей. После этого он долго искал себе жену. И на Севере, где много наших, искал, и часто приезжал в аул. Найти было трудно. Переживал за это. Обычно наши летают из аэропорта в городе Минеральные Воды. Так вот. Сильно расстроенный от неудачи в ауле, чтобы улететь на работу в Уренгой, Юмали приехал в этот аэропорт. Стал ожидать регистрацию. Затем ему захотелось в туалет. Пока не пройдёшь регистрацию, в том аэропорту это всегда проблематично. Он стал спрашивать, кто-то из пассажиров показал, где находится заведение. Юмали забежал в туалет и с лёту раскрыл дверцу кабинки. Оказалось, что он забежал в женский туалет. Он ошалел. Там сидела женщина на корточках. Она при виде его заорала: «А-а-а!». Юмали, испугавшись, вылетел обратно. За дверью его как будто озарило, он заскочил обратно в туалет и дёрнул дверцу той же кабинки. Женщина была в ужасе от повторной наглости мужика. А он ей выпалил: «Слушай, а ты, кажется, из нашего аула?!» — Борис рассказал это и под смех друзей добавил: — Оказалось, что они летели в одном самолёте. Так Юмали нашёл свою Кенжехан. Теперь вместе живут. Она ему ещё двоих детей родила.

Когда смех утих, Куваныш глубокомысленно сказал:

— Божье провидение! — Все опять засмеялись и посмотрели на подобравшегося к ним Куваныша.

— Как хорошо сказано! — восторженно проговорила Шахида, сидевшая рядом с Эдиком.

— А вы не думайте, что Куваныш такой. У него неоконченное высшее образование. Сколько тебе оставалось до диплома? — спросил Эдик.

— Один год. Я простудился и заболел. Голова стала кружиться. Пришлось академический отпуск взять и бросить вуз, — подтвердил Куваныш.

— Так ты же и учителем работал? — спросил Эдик.

— Тоже один год. Отец в школу устроил, я истории учил. Одному мальчику за то, что на моём уроке баловался, я ухо оторвал. За это выгнали. Я в жизни многое перенёс, — сказал Куваныш, входя в роль страдальца.

Эдик хорошо знал привычки Куваныша. Взяв бумажный стакан, он налил ему его дозу — полстакана — и протянул. Куваныш, сказав «спасибо!», выпил. После он на четвереньках перебрался к Шахиде и пристроился между ней и подсобником.

— Налейте, пожалуйста, мне лимонада! — учтиво произнёс он девушке.

Шахида протянула свой стакан. Парни продолжали беседу. Куваныш, сидя прямо, повернулся спиной ко всем, и, вытащив из кармана куртки пузырёк, подлил с чайную ложку жидкости в лимонад. Затем поставил стакан перед девушкой.

— Я не дотронулся, сама пей. — Закусив кусочком сыра, пробормотал: — Это напиток разлуки. Все любовные отношения скоротечны. Ты хорошая девушка и ещё найдёшь парня. Людям скажешь, что выпила.

— Ничего не поняла, — засмеялась Шахида.

— Эй, Куваныш, ты что, клеишь нашу девушку? — подковырнул Эдик.

— Нет. Я глупостями никогда не занимаюсь. Вы отдыхайте! Пусть ваш стол ломится от удовольствия, а кровать — от удовольствия!

Все засмеялись, хватаясь за животы. Куваныш встал и ушёл.

Где-то через полчаса он добрался до дома Сарыгыз. Женщина вышла навстречу.

— Я совершил преступление! — заявил Куваныш.

— Какое преступление? Расскажи!

— Налил Шахиде в лимонад. Чтобы твой бл...н отстал от неё!

— Прошу не выражаться! Моего сына не оскорблять! Молодец, что сделал! — Сарыгыз угрожающе посмотрела на Куваныша.

— А вознаграждение?

— Это после того, как произойдёт эффект.

— Не, не! Мы так не договаривались. Доживу ли я до этого? Да и с тобой может что-то произойти.

— Ничего со мной и с тобой не произойдёт! — с испугом перебила Сарыгыз.

— Ты не представляешь, что мне стоило это сделать! Я по-пластунски весь берег прополз. Дикие звери нападали, змеи покушались. Я должен был налить — я налил, а вы гоните бутылку. Всему аулу могу рассказать, чем вы тут занимаетесь! Подпольная база шарлатанов!

— Не выражайся и не обзывайся! Знаешь, какая я! Вмажу в твою наглуую рожу, мало места покажется! А если не

будет должного эффекта? — Сарыгыз, прищурившись, посмотрела на него.

— Это меня не касается! Все претензии к достопочтимой Гульнаре. Я причём?!

— Пойдём, налью!

— Нет! Я свою дозу выпил с твоим бл...ном.

— По морде получишь! За то, что так говоришь о моём сыне! — разлилась Сарыгыз. Но за водкой пошла и вскоре вернулась. — Жалко! — сказала она, отдавая бутылку.

— Жалко скажешь, когда узнаешь, что Шахида была лучшей кандидатурой для твоего бл...на.

— Что ты плетёшь? Сейчас заберу бутылку!

Куваныш быстро ушёл домой.

Информация в эти дни стал работать во дворе фермера Махмуда. Они с бригадой строили зернохранилище. У Махмуда было два участка земли. На одном стоял дом, в котором он жил с семьей, а другой, ранее предназначавшийся для старшего сына, Махмуд превратил в хозяйственный двор. Здесь он ставил грузовую машину, трактор и другой сельхозинвентарь: плуг, сеялку, бороны для рыхления почвы. Сын был на Севере. Махмуд, подумав, что в случае возвращения сына он приобретёт новый участок, на том, что ранее предназначался ему, стал строить зернохранилище — здание с фундаментом 30 на 12 метров. Принимая Информацию на работу, Махмуд объяснил, что люди, которые ему должны, не вовремя платят, а потому с оплатой будут задержки. Работающие в бригаде получали муку, подсолнечное масло, зерно, крупы. Фермер показал тетрадку, в которой он записывал, кому сколько положено заработной платы. Никакого оформления не было. Пенсионный фонд, соцстрах, налоговая инспекция могли только мечтать о таком налогоплательщике. Если бы Махмуд по справедливости заботился о судьбе рядового человека, то каждому бы платил, а так — занимался вымогательством. Работа на будущую пенсию Информации не влияла. У него был оборван трудовой стаж. Волноваться за будущее было нечего. Настоящее было иллюзорным, прошлое легко стиралось. Минимальный размер пенсии был гарантирован. А кому какое дело до остального...

В тот день, когда Шахида исчезла, мать опять не поняла, как это произошло. Тем же способом: девушка пошла в туалет с кумганом — и всё, нет её. Тогда мать с дочерью с самого восхода солнца занимались прополкой картофеля. К жару они закончили работу, решили отдохнуть, полежать в тени. Шахида зашла в дом, а Ання на кухню. Вечером мать подоила корову, принесла молоко в пластмассовом ведре, поставила возле плиты. Решила позвать дочь, чтобы она помогла перебрать пшено. Работа мелкая и нудная, потому в этом деле надо было прикладывать совместные усилия. В доме Шахиды не было. Мать обошла все комнаты. В ванной было ещё мокро. Она поняла, что дочь принимала душ. Ання обошла пристройки за домом. Информация, недавно вернувшийся с работы, с вилами в руках копнил раскинутое сушиться сено.

— Что, уже вернулся? — спросила она у него.

— Фронта работы нет. Махмуд кирпич не может привезти. Зря просидели до трёх часов, — сказал Информация.

— Пусть неустойку платит!

— Скажи лучше, пусть он заработанное отдаст. Там есть мужики, которые за целый год ни копейки не получили.

— Ничего, зато заняты. Люди на вас с уважением будут смотреть. Я уже на тебя с уважением смотрю. Авторитет ты наш! — с иронией сказала Ання. Спросила: — А ты нашу дочь не видел?

— Нет, не видел.

— Куда же она могла деться?

— Наверное, вышла на улицу прогуляться!

— Я же слежу из кухни, не выходила. Испарилась, что ли?

— Часа два назад свистели с улицы, — проговорил Информация.

— А кто мог свистеть? — удивилась Ання, сама же догадывалась, кто.

— Поди, узнай!

— Что ты такой равнодушный? Дочь же твоя! — разозлилась Ання.

— А я что? Что я могу поделывать? Девка и так не знает, что делать. Раньше хоть работа была.

— Отцы трудоустраивают детей. Сидишь тут! — махнула рукой Ання.

— О чём ты?! Отцов бы кто трудоустроил, — кинул Информация вслед уходящей жене.

Дочери не было и позже. В темноте Ання всегда входила в дом с опаской: для неё это были большие пространства, пустые комнаты навевали тревогу. Поэтому она зажгла свет и быстро обошла все комнаты. Увидев кошку на диване, прикрикнула на неё:

— У-у, зараза!

Она диву давалась от повторного исчезновения дочери. Предчувствовала, что она уйдет, но заранее не хотела закатывать ей скандал. Все эти дни Ання ощущала какую-то тяжесть и поэтому решила действовать убедительными методами: словесно сдерживать, не отставать от неё ни на шаг.

Одновременно мать чувствовала свою вину за то, что не могла предложить какую-то перспективу нормальной жизни. Хотя бы обеспечить её занятием, делом. Ничего дельного не мог предложить и отец. Они не могли дать денег, чтобы дочь поехала куда-нибудь и попробовала жить своей жизнью. Сама Шахида не могла предпринять решительный шаг, чтобы устроить свою жизнь. За спиной у неё, как дракон, копошилось прошлое, такое, что никому из детей не пожелаешь. Страшилку из этого никто не строит. Такое часто случается в нашей жизни с девочками из сельской местности, да даже из городской. Не у всех есть киношный «ворошиловский стрелок», который бы выстрелил между ног похабному юнцу, чтобы тот был не похож на остальных и тем самым сохранил в сердце внучки хотя бы веру в справедливость. Шахида за прошлое винила только себя, но дракон копошился за спиной.

Родители, как уже говорилось, догадывались, но не знали точно, что произошло с их дочерью. А она, прошедшая через это, не рассказывала никому о том, что испытала. Жизнь шла своим чередом.

Ання зашла на кухню, где проходила её повседневная жизнь. Села за пшено и стала его перебирать. Кухня представляла собой переделанное помещение тридцатилетней давности. Это был их старый саманный дом с большой и малой комнатами. От него остались только стены и старая труба от печи, которую давно не использовали по назначению, но на всякий случай сохраняли. Здание теперь было соединено стеной пристройки для ванной, но дверного прохода не имелось, отсюда в дом проходили через двор. Когда делали отопление,

на кухню из пристройки пробрили отверстие и провели отопительную трубу. Вместо батареи у неё был сваренный металлический змеевик. Вместо старого глиняного пола сбили чёрный пол и застелили линолеумом, недавно крыша кухни тоже была соединена с домом. Ання здесь было уютно, кухня выглядела приветливо. В доме она за всё время его существования ночевала пару раз. На кухне была газовая плита, возле неё стоял сепаратор и малый стол сыпра для приготовления пицци, но и Информация, и Ання обычно кушали за ним. Шахида за него тоже садилась, но предпочитала стол, что стоял посередине комнаты. Возле одной стены был топчан, на него садились, а зимой, когда становилось холодно, на нем спал Информация. Возле противоположной стены возвышалась большая двуспальная кровать. С годами кровати неоднократно менялись, изначально на том месте стояла железная кровать с сеткой. В этом месте спала Ання. Иногда вместе с ней ночевал Информация, но это было сугубо её владение.

Пшено мелкое, в нём есть соринки, и чтобы очистить его, требовалось острое зрение. Для этого нужна была дочь, она быстро управлялась с делом. У Ання за этим занятием стали смыкаться глаза. Она оставила всё на сыпре, разделась, оставшись в длинной до пят серой ночной рубашке, потушила свет и легла спать.

Ночью к ней в постель пришёл Юсуф. Он был голый, склонял к сближению, а ей хотелось проверить, закрыта ли на щеколду наружная дверь. Он своим повелевающим молчанием не отпускал её. Ання чувствовала его тело, живот, круглые плечи. С этим страхом она проснулась. Она была одна в постели. Хотела успокоиться. «Это невозможно!» — произнесла про себя.

Вставала она рано. Проснулась, как только стало рассветать. Подоила корову. Информация тоже рано вставал. Он погнал корову к стаду, благо, оно собиралось недалеко от них. Ання зашла в дом и опять застала дочь спящей на диване. Вернулась на кухню и прокрутила на сепараторе молоко. Вместе с накрученным перед этим она собрала полуторалитровую банку сметаны. Вернулся Информация. Она вскипятила воду и стала делать ногайский чай.

— Что, пришла? — спросил Информация.

— Пришла. Во сколько, где, с кем была? Хоть бы что. Ни мы не знаем, ни она не говорит. — Ання половником в казане стала мешать чай, затем, перелив через сито в кастрюлю, обильно заправила его свежими сливками. На стол поставила масло, сыр, варёные яйца. — Сам возьми, что надо, на работу. Некогда мне за тобой ухаживать.

— А что так? — спросил Информация.

— Сначала ты мне выбери гуся и утку, пока птица не ушла на берег, и зарежь.

— А что так? — снова спросил Информация и стал деревянной ложкой хлебать из пиалы чай, закусывая хлебом и сыром.

— К Гульнаре пойдём.

— А гусь и утка — это взятка? Как ей хорошо живётся!

— Да не говори! Хоть бы была польза. Пока очищу от перьев, дочка тоже проснётся. Это для её благополучия!

— Я не верю этим басням.

— Ну что-то надо делать?! Нельзя так сидеть.

— И то правда, — согласился Информация. Собрал в пакет яйца, сыр, хлеб.

— Возьми айран в банке. Или давай чай налью в термос!

— Лучше айран. Я там не ем, а айраном можно жажду утолить, — Информация положил в пакет к продуктам литровую банку айрана и вышел.

Когда Шахида проснулась, Ання успела общипать птиц и собраться. После она зашла к дочери и спросила:

— Где ты вчера была?

— Оно тебя волнует? — проговорила дочь.

— Волнует. Твоё поведение на нас всех отражается.

— Я могу уехать, — спокойно ответила Шахида, поворачиваясь к спинке дивана и укутываясь в простынь.

— Куда ты уедешь?! Бомжевать пойдёшь?! Сиди уже! — попрекнула Ання и, повернув лицом к себе дочь, посмотрела ей в глаза.

Девушка боялась любого напоминания о прошлом, мать об этом знала и хотела пронять её. Шахиде было обидно, но это было правда. Она сама сколько раз представляла себя, как стояла с попрошайничавшим Русланом. Ведь тогда ей осталось совсем немного, чтобы протянуть свою руку.

— Мама, я посплю, — дочь хотела на корню оборвать неприятный разговор.

— Иди, ешь! И пойдём к Гульнаре, — проговорила мать.

— Зачем? Ты ей веришь? — удивилась Шахида.

— Верить некому! Только она одна и осталась в этом мире. Может, путь покажет?

Когда дочка попила чай на кухне, Ання вручила ей пакет с гусем.

— Один пакет ты носи, а другой, с уткой и сметаной, я понесу, — сказала она.

— Мама, зачем Гульнаре твой гусь и твоя утка? Что ей, есть нечего? — спросила Шахида, рассматривая содержимое пакетов.

— Доча, если бы в наш дом принесли хотя бы цыплёнка, я знаешь, как обрадовалась бы. Говорят, что она берёт деньги, но денег у нас нет. Других подарков тоже нет. Что есть, то и несу! — высказалась Ання, одеваясь в чёрную юбку и новую коричневую кофту.

Они отправились к ворожейке. Вышли на центральную улицу. По пути Ання пыталась сосредоточиться, думала, с чего начать разговор. Кроме разговора о дочери, она хотела кое-что расспросить о себе. Её мучило ночное посещение Юсуфа, ей казалось, что это произошло наяву. Во дворе стояли женщины. Одна была высокого роста, с лицом землистого цвета, в сером платье до пят, другая поменьше ростом, в бордовом платье, из-под тёмного платка выбивались седые волосы. Они держались друг друга. Вдали от них стояла третья, небольшого роста старушка, в коричневом вязаном шерстяном платке. На зелёное платье у неё был накинута чёрный национальный кафтан, лицо было очень опечаленное, и она, не отворачиваясь, смотрела на окно целительницы. Это были постоянные посетительницы, их часто можно было увидеть в этом дворе. Они с другими женщинами стояли здесь и во время посещения Сарыгыз. Целительнице они порядком надоели, но всё равно настырно стояли, чтобы она решила их дела. К Гульнаре ходили разные категории людей. Кто-то приходил узнать будущее своё или близких. Но чаще всего приходили с жалобой на своё здоровье, приходили после таких конфликтов, как у Ання с Сарыгыз, а также сделать кому-то приворот. Были и такие, что приходили из любопытства, желая узнать хоть что-то. Ання, поздоровавшись, заняла очередь. Стоящих она знала, но беседовать не сочла

нужным. Вскоре на высоком крыльце появилась целительница всё в том же белом брючном костюме, с белой шапкой на голове, с белыми кроссовками на ногах. Она из очереди тотчас выделила вновь прибывших:

— Ання с дочерью, заходите, я давно вас жду.

Ання удивилась тому, что целительница зовёт её по имени. Сама она видела её только один раз, когда та приезжала с участковым Салим-Гиреем, но толком не запомнила. Тогда Гульнара посоветовала, чтобы дочь поменяла имя, но никто не придавал значения её совету, а дочь от аульчан получила новое прозвище. Совпадение или чары целительницы? Трудно сказать. Зайдя, Ання показала рукой в сторону окна. Спросила:

— А они? — Но тут же поняла, что задала нелепый вопрос. (Будь благодарна тому, что тебя позвали, — нет, полезла восстанавливать справедливость. Глупость такая обычная, часто возникающая среди сельских людей).

Гульнару в глубине души покорило от этого вопроса, но она хорошо знала психологию сельчан, поэтому спокойным голосом сказала:

— Они пусть подождут. Некоторым я сказала, чтобы в ближайшее время вовсе не приходили. — После этого Гульнара обратилась к ним. — Садитесь. Расскажите, что вас привело ко мне?

Но Ання не унималась, её несло куда-то:

— Что же это вы их так унижаете? Всё же пожилые люди!

Гульнара опять не подала виду, что вопрос посетительницы её раздражает, а напротив, показывая в сторону окна, опять спокойным тоном сказала:

— Вот эта большая и рядом с ней другая, седая, приходят ко мне, чтобы остановить своих стариков. По рассказам этих женщин, их мужья ходят на сторону.

— Что? — рассмеялась Ання.

— Да, да. Может, и ходят! Говорят, что кто-то привозит девок в районную гостиницу. Грешат, что это дело Карасолтана. Девки живут в гостинице. Мужики со всего района прут к ним. Кто-то стариков этих женщин видел возле гостиницы. Тем более у мужиков по непонятным причинам последнее время сократился размер пенсии. А по стране всё время поднимается. Они решили, что не всю они приносят домой. Вот! Примитивно всё.

— Ну и дела! А ты не можешь приворожить стариков?

— Для меня это семечки. Пусть только сами разберутся дома. Они боятся своих мужей. Хотят тайно приворотить, а сами в стороне остаться. А мне душевные силы тратить надо. Их старики никуда не уйдут. Женщины при желании и сами их остановят. Всё это игры.

— Действительно! Если бы мой такое сделал, я бы ему в лоб дала! — поддержала Ання. Она показала на маленькую старушку: — Кажется, её Сапият зовут. А у неё что?

— О-о! У неё вообще трагедия! Месяц назад козлёнок пропал. Эта скотина на одном месте никогда не сидит. Откуда я могу знать, в какой огород козлёнок сунулся. Может, поддох? Может, у кого-то в сарае? Вместо того чтобы искать, ко мне каждый день приходит. Я говорю: напиши заявление Салим-Гирею. Она не хочет. Я должна козлёнка искать... У всех людей есть проблемы. Я помогаю остро нуждающимся, где они сами не могут справиться. А у вас что? — она пристально посмотрела на Шахиду и сказала: — Дочка вроде выздоровела?

— Выздоровела. Только вот замуж ей надо. А никого нет! — Ання вытащила из пакетов гуся, утку, полуторалитровую банку сметаны и положила на один из пустых стульев.

— Найти жениха не очень просто. Все молодые люди на Севере или в Москве. Надо ждать, когда приедут в летние отпуска. — Гульнара встала и, подойдя к Шахиде, провела ладонью над головой и вокруг лица. — У неё скоро жизнь изменится. На её пути успех. Преграды она преодолееет, а девушка она сильная! — похвалила целительница и села на место.

— Всё бы ничего. Беда с ней творится. Пристал к ней один с тремя детьми, проходу не даёт. Если парни даже есть, то не посмотрят. Он всем дорогу заслонил.

— Мама! — вскрикнув, Шахида вскочила. — Что ты, из-за этого меня привела?!

— Ання, не беспокойся! У неё неурядицы временные. Это мелочи жизни! А что ты дочери перед приходом ко мне сказала?

— Сказала, что жениха будем искать, её жизнь поправлять.

Шахида выскочила из комнаты и вмиг оказавшись во дворе, побежала на улицу.

— Куда ты? — встала Ання и хотела догнать дочь.

— Сидите, Ання. Может, к лучшему, что она покинула нас. Кого бы ты хотела приворожить? — Гульнара пристально посмотрела в глаза посетительницы.

— Не знаю, — вскинула плечами она.

— Он скоро сам придёт. Только ты не вмешивайся. Не держи её, ничего не запрещай. Твоя дочь очень сильна в возмущении. Она из-за тебя может навредить себе.

— Я что? Я её не трогаю, — хотела успокоиться Ання.

Гульнара посмотрела мимо неё куда-то вдаль.

— У тебя самой что-то не так? Ты случайно не болеешь? — спросила она.

— Как ты догадалась? — удивилась Ання и с подозрением посмотрела на целительницу.

— Я вижу. Ты о чем-то сильно кручинишься! Расскажи мне!

— Не могу! — Ання собралась с духом и замолчала.

— Тебе надо рассказать! Ты никому не рассказывала?

— Как об этом расскажешь? Мужу, ей? — она кивнула в сторону окна, имея в виду Шахиду, и прослезилась. — Вторая дочь далеко. Замуж вышла!

— Расскажи мне! — требовательно проговорила Гульнара.

— Не могу! Об этом не расскажешь! — Ання протерла кулаком под глазами.

— Ты посмотри, какая упёртая! — ворожейка со стола подняла за нитку шарик и стала сама смотреть. Затем подняла голову и, оглядывая пространством взглядом потолок, сомкнула губы. Потом с печальным выражением лица опустила голову и опять посмотрела на Анню. — Ты что-то в себе держишь и не отпускаешь!

— Да, держу, — всхлипнула Ання.

Гульнара встала и за руку подняла её на ноги. Повела за собой в соседнюю затемнённую комнату, где окно было занавешено плотной тканью. Зажгла ночник.

— Ложись, — показала она рукой на медицинскую кушетку.

Ання легла.

— Опустит руки к бокам. Успокойся. — Целительница провела рукой над лицом и на некоторое время остановила ладонь над лбом. — Не бойся. Чувствуй себя раскованно. Ты очень устала, бедная.

— Да, я устала, — тихо проговорила Ання.
— Рассказывай! — потребовала целительница, нагнувшись к лицу женщины.

— Вчера ночью он приходил. Он был живой! Рядом со мной спал. Я его чувствовала, а он торопился быть со мной.

— Он с тобой разговаривал?

— Нет.

— До этого ты о нём плохо думала?

— Нет.

— Ты раньше что-то о нём говорила другим?

— Нет. Ни одной душе.

— Ты чем-то его обидела? Ты сделала то, что могло его обидеть? Случайно?

— Я прогнала его сына.

— Сын что-то плохое сделал тебе?

— Нет. Он напоминал мне его. Я не хотела, чтобы сын околачивался возле моей дочери.

— Ты думаешь, что твоя дочь от него?

— Нет. Я точно уверена, что дочь не от него.

— Тогда не бойся. Что ещё у тебя произошло?

— Больше ничего. А вчера он приходил и лежал со мной в постели, — Ання сомкнула глаза.

Целительница провела ладонью вокруг её лица.

— Открой глаза! — приказала она.

Ання пришла в себя. Гульнара подняла её за руку и повела в комнату, где она начала приём.

— Упрямая ты, Ання. Тебе тяжело будет. Тебе надо с кем-то поговорить! — сказала целительница, усадив посетительницу на стул. — У тебя клубок чёрной энергии. Так нельзя! Её надо излить. Собака есть?

— Нет! Гуси, утки, куры, корова из скотины. С кем поговоришь? Муж да дочь? А как я им про это расскажу.

— Собаке расскажи! — повторила Гульнара.

— Нет же. У дочки кошка есть!

— Попробуй кошке. Только она предана своему покровителю. Может не послушать. Попробуй! Мы все ошибаемся, надо уметь покаяться. Если что, вызовите «Скорую помощь».

Ання сразу не обратила внимания на последние слова и покинула целительницу.

Она вышла из её дома. Во дворе по-прежнему стояли женщины, среди них дочери не было. Шахида стояла на ули-

це, держа скрещённые ладони на животе. Матери показалось, что стоит управляющий. Подойдя, она сказала:

— Юсуф, чего ты на виду у всех стоишь? Нам в обратную сторону, пошли.

— Мама, я не поняла, как ты меня сейчас назвала? — последовав за матерью, спросила Шахида.

— Никак! Пошли быстрее. На нас вся улица смотрит.

— Мама, на улице никого нет. Как ты меня сейчас назвала?

— Никак! Отстань! Пошли быстрее, все на нас смотрят.

— Улица пустая! Ты что-то плохое сделала? Чего ты людей боишься? — спросила Шахида.

Вернувшись домой, Ання не находила себе места. Она металась по кухне, потом что-то вспомнила и зашла к дочери попросить у неё кошку. Сначала Шахида не могла её поймать. Но когда кошка забилась под диван, Шахида вытащила её. Погладив, она протянула белое существо матери. Ання тоже хотела её погладить, но кошка с мяуканьем спрыгнула и стала убегать.

— Шайтан проклятый! — закричала Ання и, поняв, что бесполезно её ловить, махнула рукой.

На кухне она сняла с себя выходную одежду и надела синий халат. Сев на кровать, хотела прилечь, но у неё закружилась голова. Она вышла во двор, хотела снова зайти в дом, но передумала. Её потянуло к огороду. В левой части огорода в углу был колодец, откуда они набирали воду для скотины. Сруб у колодца был деревянный. Ання подошла к нему, и нагнувшись над срубом, заглянула внутрь колодца.

— Юсуф! Юсуф! Юсуф! — закричала она. Оглянувшись по сторонам и никого не увидев, продолжила: — Прости! Я не хотела! Ты не виноват! Это я сама-а-а! — И она с криком упала на землю.

На крик прибежала Шахида, стала её тормошить:

— Что с тобой, мама?

Ання встала и обняла за плечи дочь. Они вместе пошли на кухню.

— Гульнара сказала, если что — вызывайте «Скорую помощь». У меня в груди накопилось чёрное зло, — шёпотом пробормотала Ання.

На кухне Ання прилегла на кровать и закрыла глаза. Шахида побежала к Информации на работу, к счастью, дом

фермера был недалеко. Она сказала отцу, чтобы вызывал «Скорую помощь», а сама бегом вернулась домой, к матери.

Через час из райцентра приехала «Скорая помощь». Врач сначала выслушал Шахиду, после подошёл к кровати Анны. Измерил давление, посчитал пульс, послушал, заглянул в рот и сделал укол.

— Не нравится мне то, что она потеряла сознание. Вы вовремя успели положить на кровать. Многие вот так ходят, а после падают — и внезапная смерть. Её надо положить в больницу. — Пожилой седовласый мужчина поправил очки и вопросительно посмотрел на Шахиду.

Анна после укола то открывала, то закрывала глаза, в разговор не вникала.

— Мама, будем тебя в больницу класть. Давай оденемся! — нагнувшись, сказала дочь.

— Я дома буду! Никуда не поеду! — вдруг поняв сказанное, буркнула Анна.

— Мама, надо, ты можешь умереть! — проговорила дочь.

— Если умру, так умру! Умру дома! На своей постели! Кому я там нужна? — она бросила острый взгляд на врача и на дочь.

— Успокойтесь, уважаемая! Вам надо спокойно лежать. Смотрите, если что с ней случится, то мы не несём ответственности. Мы предлагаем вам её госпитализировать, — проговорил врач.

— Я хочу дома умереть! — охрипшим голосом произнесла Анна и с мольбой посмотрела на врача и на дочь.

— Она не дастся. И лежать спокойно не будет, — проговорила Шахида, опуская руки.

Диагноз был гипертонический криз. Врач сел и стал писать назначение.

— У вас есть, кому делать уколы? — спросил он.

— Попросим медсестру, она недалеко живёт, — сказала Шахида.

— Вот! — сказал мужчина и протянул листок с назначением. — Три дня лежать, не вставая. Десять дней прокалитесь. Пейте назначенные таблетки. Ещё раз повторяю: лежать и соблюдать покой! Не волноваться! Запишитесь в поликлинику к терапевту. Как начнёт ходить, вы её повезите на обследование. Обычно таких больных мы госпитализируем. Не знаю, что с вами делать? — покачал головой врач.

«Скорая помощь» уехала. Ання лежала спокойно, то открывала, то закрывала глаза. Зашёл Информация, который всё это время сидел во дворе, чтобы на кухне не было тесно.

— Прописали лекарства, уколы назначили, — сказала Шахида отцу.

— Надо лекарства привезти. Я с Гондурасом съезжу в райцентр. Сейчас к нему пойду, — с готовностью сказал отец.

— У нас в магазине тоже аптечный отдел есть. Говорят, что все лекарства есть и цены, как в городе.

— Тогда мы не поедем, а здесь и возьмём.

Ання со стоном открыла глаза и посмотрела на дочь:

— Когда я упала, у меня изнутри что-то чёрное, как змея, выпрыгнуло. Потом ты подошла. Мне кажется, что я выздоравливаю.

— Надо лежать три дня и не вставать! Так врач сказал! — приказным тоном проговорила Шахида.

— Но я всё равно зайду к брату, возьму у него денег на лекарство. Интересно, сколько оно стоит? — спросил Информация.

— Никуда не надо идти, — проговорила Ання. — Там в духовке старой печи я оставила деньги с продажи уток, — она моргнула обеими глазами дочери, — тебе на одежду. Хотела в подходящий момент тебе вручить. Возьмите их на лекарство и на всё, что нужно.

Ання три дня лежала в постели, не вставая. Приходила медсестра Люба с соседней улицы. Это была русская из Тюмени за ногайцем замужем, она говорила по-ногайски. Днём работала в райцентре, а в свободное время помогала сельчанам. Сначала Люба сама делала уколы, но после научила делать Шахиду. Ей, видимо, особо не хотелось ходить в вечернее время, да и как раз в эти дни надо было ехать в гости в соседний аул. Когда Ання стала ходить, на «Жигулях» Гондураса её повезли в райцентр. Записались к врачу, сделали кардиограмму, сдали кровь на анализы. Оказалось, что у неё был микроинсульт. Врач сделал новые назначения. Ання почти два месяца лечилась. Шахида была рядом с ней, ночевала на кухне. Эдик посылал своих друзей, они свистели, Шахида выскакивала на улицу и объясняла возникшие обстоятельства. Свидания стали возможны, только когда Ання смогла, как раньше, сама всё де-

лать. Чтобы не нервировать мать, Шахида старалась отлучаться не более, чем на час.

Информация продолжал ходить к фермеру, но работали аврально, когда поступал материал. Когда прошёл месяц, Информация остановил фермера.

— Махмуд, деньги нужны. Тут моя жена заболела, — сказал он.

Махмуд был младше Информации и поэтому с ним обращался учтиво.

— Я понимаю, у вас семья. Вам надо жить, а мне долги не отдают мои деньги. Поэтому пошли! — он завёл Информацию в сарай. — Бери мешок муки и пятилитровую банку подсолнечного масла.

Так он расплачивался со всеми. Так же расплатился и на следующий месяц. Осенью, когда сахарный завод расплачивался с фермерами сахаром, Махмуд выдал мешок сахара. На зернохранилище работали два каменщика и пять разнорабочих. Иногда фермер давал задания, не относящиеся к стройке, вся бригада участвовала и в уборке свеклы, и в разных земляных работах, и на погрузке и разгрузке сельхозпродукции. Последние месяцы Махмуд рассчитывался отрубями и водкой. Отруби шли на корм птице, для пойла скотины, а для водки всегда было применение. Информации очень не хотелось заниматься физическим трудом. И его желание исполнилось.

Махмуд привёз откуда-то десять узбеков. Как и во всей России, в ауле узбеки и таджики жили и до этого. Они делали ремонты, строили, занимались всей чёрной работой. Их появление в ауле значительно изменило жизнь в ауле. До них и во время их прибытия аульская молодёжь семьями и поодиночке уезжала на Север. Там ногайцы не чурались тяжёлой работы, устраивались подсобниками, каменщиками и штукатурами на стройках, водителями, трактористами, слесарями, трубоукладчиками и сторожами. Женщины нанимались дворниками, уборщицами и посудомойками в столовых, больницах и других учреждениях. Оставшиеся в ауле ногайцы с появлением среднеазиатских гастарбайтеров вдруг перестали заниматься чёрной работой. До их появления в аулах всё делалось своими руками. Это была и занятость, и поддержание организованности, и приучение к трудовой деятельности. Теперь среднеазиаты, в основном узбеки (таджики куда-

то исчезли из этих мест) строили, делали ремонты, занимались земляными работами, а некоторые фермеры стали их привлекать и к сельскохозяйственному труду. Среди узбеков были ладные парни, которые сожительствовали с одинокими женщинами. Некоторые из них женились и стали увозить ногаек на свою далёкую родину. Отвыкшие или не приученные к физическому труду, молодые ногайки очень часто возвращались в Россию, разочарованные тамошней действительностью. Здесь же узбеки быстро освоились и прижились среди ногайцев. Их язык был сходен с ногайским, да и вера была одна. В аулах они уже ходили по домам, имели друзей, посещали мечеть. Махмуд был вынужден избавиться от всех местных и нанять узбеков, он им платил в два раза меньше, чем своим. Только непонятно, если он и своим почти не платил, то что же он платил гастарбайтерам? Хоть об стенку бейся, а ничего не поймёшь. Век учись, а дураком умрёшь.

IX

Загадочный гость

Антя была недовольна увольнением мужа, хотя она была очень недовольна и его заработной платой. В конце зимы к дому Информации подъехала крытая грузовая «Газель». Из неё вышел сухощавый среднего роста парень в коричневой замшевой куртке, в мусульманской зелёной шапочке и велел водителю дать сигнал. Водитель просигналил. Вышла Антя с накинутым на плечи пальто и оценила взглядом молодого человека. Парень встретил взгляд улыбкой, пальцем тронул тонкие чёрные усы.

— Уважаемая, чабан здесь живёт? — обратился он к ней на русском языке.

— Какой ещё чабан? — возмущённо ответила вопросом на вопрос Антя.

— Ваш муж кто?

— Мой муж.

— Он работал чабаном?

— Работал. А тебе что?

— Можно его позвать?

— Говори мне, я отвечу на любой вопрос, — Ання свысока посмотрела на парня.

— Нет. Мне надо с мужчиной переговорить.

— Ну, иди через двор. Он в мастерской.

— Нет. Позовите, пожалуйста!

— Это мне надо?! — выразила недовольство Ання, но пошла.

Через некоторое время она привела мужа. Сама вернулась во двор и оставила неприкрытой калитку, чтобы ей был слышен разговор.

Поздоровавшись, они стали разговаривать.

— Уважаемый, вы можете смотреть за овцами?

— Как это? Я всегда за овцами смотрел.

— Я привёз овец, — парень кивнул головой в сторону «Газели».

— Пойдём, посмотрим, — сказал Информация и направился к машине. Через низкий борт автомобиля посмотрел в кузов. — Хорошие овцы! — похвалил он.

— Будешь их смотреть? — спросил парень.

— Как? У меня, что ли? — удивился Информация.

— Да.

— За деньги?

— Нет.

— Я что, бесплатно буду смотреть за овцами? Нашёл дурака! — выразил протест Информация.

— Восемь из двенадцати должны окотиться. Весь приплод твой. Ты мне сохрани мои двенадцать, — сказал парень.

— Интересное предложение! Только если приплод весь умрёт?

— Если так рассуждать, то может и человек умереть, — засмеялся парень.

— Может. Потому это опасная затея.

В это время из-за калитки вышла Ання. Она по-деловому прошла к машине и со знанием дела заглянула в кузов.

— Овцы очень даже хорошие! — похвалила она. — А откуда они у тебя? Может, они ворованные?

— Уважаемая, я их получил за работу, целый год работал в соседнем ауле. Хозяин часть работы оплатил деньгами, а другую часть овцами. Деньги у него кончились.

— Окот когда? — спросил Информация.

— Даст Аллах, к лету должен закончиться.

— Тогда это выгодно. А когда ты заберёшь своих?

— Даст Аллах, через год. Мне в Краснодарском крае на целый год предложили работу, — парень посмотрел в сторону Кубани. — У вас тут для овец выгодное расположение, пастбище прямо со двора начинается.

— За ними надо следить. Ходить за ними, да и до травы надо кормить. У меня были свои овцы и кобыла, продал, деньги нужны были. Очень жалею!

— В машине два тюка сена. Да и у вас через месяц уже трава пойдёт.

— Это когда как! — засомневался Информация.

— Чего ты голову морочишь?! Всё равно дома без дела сидишь! — сказала решающее слово Ання.

С помощью водителя овец разгрузили с машины и загнали в огород. Затем скатили тюки и покатали тоже через двор в сторону, где был стог самого Информации.

— Меня Курман зовут, — сказал по-ногайски парень, отряхивая руки.

— Меня Умар. Так ты ногаец? — спросил Информация.

— Я вообще-то с Узбекистана. Мы дома говорим так же, как и вы.

— Подайте кумган с водой. Полейте, пусть помоеет руки, — Информация посмотрел в сторону Ання и вышедшей посмотреть Шахиды.

Информация ушёл к своей мастерской. Шахида быстро пошла за кумганом и вскоре вернулась, захватив полотенце. Курман с удивлением посмотрел на девушку, улыбнулся, в ответ тоже был одарен улыбкой.

— Ого! Замужем? — спросил он у матери.

— Пока нет, — Ання сомкнула губы и настороженно посмотрела на гостя. Её смущало то, что он говорит на ногайском языке. — А ты, наверное, пятерых детей имеешь?

— Я неженатый.

— Это ты сейчас говоришь, а на поверку совсем по-другому выйдет. Имей в виду, что наши девушки за чужих не выходят.

— Ох, ты?! Я сам из ташкентских ногайцев. В поисках невесты у вас оказался.

— Врёшь ты! У тебя и гражданства нет?

— Женюсь — будет.

— Откуда в Ташкенте ногайцы? Я об этом впервые слы-

шу, — с любопытством рассматривая Курмана, спросила Шахида.

— Есть у нас несколько сёл. Давно, ещё со времён Тамерлана живут, — парень подошёл ближе и, нагнувшись, подставил руки.

Шахида полила воду, Курман обмыл руки, затем и лицо. Девушка протянула полотенце, он вытерся и довольно произнёс:

— Рахмет!

— А у нас так не говорят, — как бы обрадовалась Шахида, будто услышала сказанное не к месту слово.

— Конечно, разница в произношении есть, но со мной все на ногайском разговаривают. Этот год я прожил в комнате хозяина, с его детьми. Всех, даже семилетнего мальчика научил намаз делать. Хозяин очень доволен остался.

— Мой отец умел намаз делать, а нас никто не научил, — в их разговор встряла Ання перед тем, как пойти за Информацией.

Пользуясь отсутствием матери, Курман негромко сказал:

— Эти овцы могут стать калымом за тебя. Так что думай! Дело за тобой!

Шахида смутилась, ничего не ответила. Подошла мать. Она поняла смущение дочери.

— Что он там болтает? Такой разговорчивый! — сказала она.

— Я говорю, что намаз делать не трудно. Я могу всех научить. — Курман улыбнулся Ання.

Она, жеманясь, отмахнулась рукой. Информация подошёл ближе.

— Чай попейте с нами, и давайте поговорим. Мы тут с женой перебросились... Мы сейчас курочку зарежем, — сказал Информация.

— Мне некогда, Умар. Хорошо, что мы быстро договорились. Нам ещё сто двадцать километров ехать.

— А договор будем писать? Всё же ценность оставляешь! — сказал Информация.

— Какой договор? У нас всё на честном слове. Вот и дочь ваша свидетельница. Как её зовут?

— Её Самантой зовут, но все называют Шахидой, — ответила мать.

— Я буду называть Самантой. Мне настоящее имя нравится! — сказал Курман, посмотрев в глаза девушки. — Я

буду через год. Если будет возможность, то и раньше посету вас. Мне вы понравились, — проговорил парень.

— И ты нам понравился. Будем живы-здоровы — увидимся, — сказал Информация.

Парень уехал. Информация с Ання ещё раз оглядели овец.

— Прямо на глаз видно, что упитанные! — похвалила Ання.

— Надо делать загон с навесом. Позову брата. Вот и мне работа нашлась, — проговорил Информация.

— Без работы ты уже дуреешь. Если не будешь работать, то совсем дураком станешь! — Ання хотелось отчитать мужа: ей не нравилось, что он ушёл от фермера. Она посмотрела в сторону дочери, повесившей на бельевую верёвку полотенце. — Слушай, доча. Мне кажется, что он может жениться!

— Я что за него, прямо бегом пойду?!

— Хотя бы за него. Парень он симпатичный, работага. Хотя бы один жених ступил в наш двор. Первый шаг сделал!

Вечером Информация сходил к брату, и они договорились на следующий день соорудить загон для овец.

С утра они стали работать. Информация с молодости очень бережливо относился к лесоматериалам, собирал с тех пор, как работал в совхозе. Кое-что оставалось ещё со строительства дома, иногда менял на картошку и зерно у проезжих шабашников. Любил и столярное дело. Для загона и навеса у него был и кругляк, и необрезанные доски, и порезанные рейки. Он не выкинул и старый шифер с крыши дома. Загон решили делать на огороде вдоль кирпичного забора. До обеда вкопали в землю кругляк, соорудили остов, оббили боковины и переднюю часть необрезанной доской до пояса, чтобы овцы не могли убежать. После принялись за навес. Скат крыши вывели на улицу и стали накрывать шифером. К вечеру навес был готов.

— Хочешь, для питья и корма корыта из доски сделаем? — предложил Гондурас.

— Не надо. Что там для двенадцати овец надо? Можно и из тастика напоить. Сено есть, пусть жуют.

— Когда узбек заберёт овец, навес можешь для коровы оставить. Восточный ветер забор не пропускает, под навесом будет тепло.

— В большой холод скотину всё равно надо в сарай завести, а в тёплые дни пусть под навесом. Корове и сейчас место там есть, я об этом подумал, — сказал Информация.

После они сидели в мастерской. Шахида принесла варёную картошку с жареной курицей, тузлук с чесноком и айран. Информация из голенища резинового сапога, стоящего в углу мастерской, вытащил бутылку водки. Стали есть и пить. Когда утолили голод, Гондурас сказал:

— Повезло тебе! Считай, что в месяц по овце. Так баи в старину за пастбу целой отары не платили.

— Говоришь, как будто знаешь. Смотреть за овцами надо каждый день, — не согласился старший брат.

— А что за ними смотреть? Выгнал со двора и отпустил. Лежи на пригорке и наблюдай.

— Это тебе так кажется. За ними ходить надо.

— А то я не ходил, всё детство наших овец пас. Нечего за ними ходить.

— Если они забредут в кустарник, в рощу, потом ищисвищи, вылавливай их по всему берегу.

— Даже Ання может за ними глядеть, — стоял на своём Гондурас.

— Ага! Посмотрит Ання! За ней самой надо смотреть. Она тут нам устроила лёгкую жизнь!

— Она же уже выздоровела?

— Не совсем. Ходит, шатается.

— Тогда пусть дочка смотрит!

— Тоже мне придумал. Как ты взрослому девушку отправишь за овцами смотреть? — возмутился Информация.

— Смотрела же, когда в школе училась!

— Это когда было? Теперь не пойдёт.

— Ты ещё не говорил, а делаешь вывод.

— Как я скажу взрослой девушке? Подумай своей головой, брат!

— Она с сыном Сарыгыз продолжает встречаться?

— Откуда я знаю? — не желая отвечать, сказал Информация.

— Ты должен знать!

— Наверное, встречается!

— Какой позор! — произнёс Гондурас.

— Ещё какой! Тут у нас такая драка была жены с Сарыгыз! Упаси бог!

— Весь аул об этом знает! Разве можно так?! У него уже четверо детей! И куда дочка полезла! Я бы своей за такое ноги поломал бы, чтобы из дому не выходила!

— Попробуй, сломай! Ты видел, какая она! Поругаешь — грозитя, что уедет. А куда, что она там будет делать?!

— Пусть лучше уезжает, чем так нас позорить! — гневно проговорил Гондурас.

— Легко сказать. Не выгонишь родную дочь! Ладно, хватит об этом, — Информация поменял тему разговора. — Я вот что думаю. Позову я муллу Якуба и в честь выздоровления Ання и против других невзгод курманлык (жертвоприношение) сделаю.

— Что с тобой, брат? Молчал, молчал и на тебе! Она у тебя когда выздоровела? Или из-за того, что халява появилась, решил? Чудишь ты!

— Она, бедная, очень болела. Чтобы не повторилось, думаю, что надо делать!

— Не знаю. Это твоё личное дело. Я с удовольствием поем свежей баранины. Чтобы мулла не видел, потихоньку выпьем. Делай. У тебя всё складно получается. И овцы кстати появились! — поддержал брат.

Они допили бутылку и окончательно решили, что в субботу сделают курманлык.

Жертвоприношение

Ання не ожидала от мужа такого предложения, Информация сразил её и положил на обе лопатки. В честь неё курманлык! Ання познала себе цену. Она ощутила, что он её настоящий хозяин, что любит и уважает как истинную хозяйку! (Такое сравнение для ценителей народных традиций, литературоведов оно может возмутить.) Вот что значит достаток, он приносит в дом согласие, мечту о всеобщем человеческом равенстве и счастье. Всего одна овца, а как круто может изменить жизнь!

Информация перед тем как резать животное, положил ему в рот соль.

— Зачем ты так делаешь? — спросил Гондурас, держащий овцу за связанные ноги.

— Это чтобы она нас не прокляла за доставляемую боль. Курманлык же делаем, — объяснил брат и чиркнул ножом по горлу овцы.

— Чего только ни придумают?! Отец никогда ничего подобного не делал. Всё у вас с головы на ноги перевернуто, — проговорил лишённый всякой религиозности и суеверия Гондурас.

— То отец! А теперешние на свой лад всё выдумывают, — Информация протёр лезвие ножа о ногу трепыхающегося животного.

Гондурас на своих красных «Жигулях» привёз жену, детей и эфенди Якуба. Информация разделал тушу по частям и на кусочки. Брат развёл костёр возле колодца. На огонь поставил треногу для казана. Положив мясо, они залили его водой и подняли казан на треногу. Дома обычно еду готовили женщины, но в походных условиях готовили и мужчины. Гондурас без всяких договорённостей занялся поварским занятием. Он хотел показать своё особое уважение Ання. Во двор вытащили стол, стулья. Женщины накрыли стол скатертью. Жена Гондураса села рядом с Ання. Хозяйка была в новом пальто, в белом вязаном платке, голову держала горделиво, смотрела на всех по-барски. На жене Гондураса была чёрная шуба из козьей шкуры, на голове цветастый платок. Она сидела молча, надув щёки. Чувствовалась, что она завидует Ання. Шахида на большом подносе принесла остывшую и порезанную на куски мамалыгу, поставила маленькие пиалы с чесночным тузлуком. Дети торжественно принесли лимонад, нарзан в бутылках, сок в бумажных пакетах. Якуб, вытащив из внутреннего кармана коран, положил его на стол. Из дома вышел, переодевшись, Информация. На нём был новый костюм и новое пальто. Он сел рядом с Якубом.

— Если вы не возражаете, я начну читать писание! — сказал Якуб.

Эфенди стал читать. Подсел и смотрящий за казаном Гондурас. Детям велели не шуметь. Когда эфенди перестал читать, Гондурас вернулся к казану, попробовал мясо. Оно было готово. Шахида принесла на подносе лучшие куски, отобранные дядей. Детей она увела на кухню, где был накрыт для них стол. Эфенди, поднеся раскрытые ладони к лицу, прочитал молитву «Фатиха». Завершив чтение, он сказал:

— Аминь!

— Аминь! — повторили все за столом.

Ели молча. Баранина была вкусная. Любимая еда любого ногайца. Куски мяса макали в тузлук. Когда наелись, эфенди сказал:

— Почитайте Аллаха, и он будет ко всем вам милосерден! — Он опять прочитал короткую молитву. — Аминь! — сказав так, он закончил благословение и погладил ладонями лицо.

— Аминь! — повторили все сидящие и погладили свои лица.

Якубу положили лучшие куски варёного мяса в пакет, чтобы он угостил своих домашних. Гондурас отвёз его домой. Вернувшись, он поправил угли, нанизал мясо на шампуры и стал жарить. Когда шашлык был готов, ко всеобщему удовольствию он усадил детей вместе со взрослыми, и все закусили шашлыком. Часть шашлыка Гондурас оставил на закуску для мастерской. Он отвез жену и детей домой, вернулся, и они с Информацией уединились в мастерской. Водка была под запретом в этом случае, но мужчины махнули на это рукой.

— Не при них же пьём! — успокоил брата Гондурас. Но и тот особо не смущался этого, а напротив, весь день с нетерпением ожидал посиделок в мастерской.

Анния была довольна. После благословения она была уверена, что у неё началась новая жизнь. Но надо было почистить старые хвосты. Зная, что в воскресенье у ворожейки большое скопление посетителей, она решила идти к ней в понедельник. Взяла переднюю ножку баранины и полуторалитровую банку сметаны, оделась так же, как в день жертвоприношения, и направилась к ворожейке. Во дворе у Гульнары никого не было. Анния зашла в дом.

— Не дадут отдохнуть! Что за бесцеремонность? — раздался недовольный голос целительницы. Она высунула голову, сделала недовольное лицо. — В понедельник я не принимаю! — сказала она.

— Гульнара, это я, Анния, на минутку. Принесла тебе мясо с курманлыка и сметану!

— Подожди, Анния! Я оденусь, — сказала хозяйка.

Вскоре Гульнара вышла в чёрных блестящих штанах спортивного покроя, в синем свитере и без головного убора. Крашенные чёрные волосы на голове были подстрижены в

короткую мужскую причёску на манер некоторых городских женщин.

— Здравствуй, Ання! Проходи, садись! Как здоровье? — сказала она, указывая место за столом.

Ання села:

— Я коротко, много времени не займу.

— Говори, раз уж пришла. Как дела?

— После того случая я заболела. Как ты предсказала, пришлось «Скорую помощь» вызывать. Два месяца таблетки пила, уколы мне делали. Кардиограмму прошла, меня слушали, проверяли. Сказали, что был микроинсульт.

— Хорошо, что так. Я думала, хуже будет, на ноги не встанешь. У тебя всё внутри было закупорено. Видения прекратились?

— Слава Аллаху! — сказала Ання, разглаживая лицо. — Когда от тебя вернулась, я ещё бредила. Потом, как ты сказала, крикнула обо всём в колодец, так из меня что-то чёрное выпрыгнуло. Я сознание потеряла.

— Я тебе сказала не в колодец, а кому-либо расскажи. Ладно, что сама не упала в колодец. Дальше что?

— Видения прекратились. Душа успокоилась. Муж в честь выздоровления зарезал овцу! Тебе тоже принесла долю! — Ання вытащила из пакета мясо и сметану, показала и положила на стул вместе с пакетом.

— Спасибо, дорогая! Как дочка? Что с ней?

— Ах! — махнула Ання рукой.

— Встречается?

— Встречаются. Я посчитала, в неделю два раза. Она выходит к нему. Как раньше, до утра не уходит, но час, два отсутствует.

— Этого достаточно для их дела.

— Я тоже об этом, — Ання, опечалившись, зажала рукой рот и закачала головой.

— Интересно. Но этого не должно было быть. Что-то не так! Они должны были по-доброму разойтись!

— Пусть он бросит её! На что это похоже?! Что она ему, всю жизнь подстилкой будет?! Ни на неё никто не может взглянуть, ни она ни на кого! Был у нас в ауле Амырбий. Гулял с соседкой. Жена умерла, а он всё к соседке ходил. Так и не женился. И она умерла! Всю жизнь одна была. Без детей, без

никого!

— Можно разорвать силой!

— Давай силой! Она не поймет без силы! Она думает, что это простое времяпровождение!

— Хорошо, Ання! Я подумаю. Только ты не лезь!

— Я что? Лишь бы она была счастлива, — Ання встала.

Гульнара вышла провожать на крыльцо. Когда Ання, выйдя со двора, сворачивала направо к своей улице, в левой стороне тротуара показалась невестка Сарыгыз. Она была в арабской одежде: на длинном, типа пальто, широком чёрном платье — чёрная замшевая тужурка безрукавка, на голове длинный коричневый платок. Увидев выходящую Ання, она приостановилась, хотела убежать в обратном направлении.

— Стой! Ты мне нужна! — закричала Гульнара.

Невестка остановилась, но отвернулась, поглядывая, как удаляется Ання. Потом, нагнувшись, она пробежала вдоль забора и забежала во двор.

— Я тебя больше года жду! — недовольно прикрикнула Гульнара.

— Я к вам тоже стремлюсь. Никак не найду. У вас всё время люди, а я хотела незаметно, — проговорила невестка Сарыгыз.

— Ты такая тихая, как будто тебя в природе не существует. Люди и имя твоё не спрашивают!

— Меня Айшат зовут.

Гульнара зашла и завела за собой женщину.

— Айшат, садись! Что-то ты в новой одежде?

— В ауле говорят, что верные женщины должны одеваться по-мусульмански...

— Ну, если от этого появляется верность, то конечно. Садись! — велела она. Чуть подумав, произнесла: — От вас ни слуху, ни духу, а я ради вас старалась.

— Знаю, уважаемая Гульнара! Я же родила, сейчас малышка смотрю. Еле уложила спать. Слышала, что вы свалили ту, которая сейчас заходила.

— Айшат, давай не сочинять, не домысливать, не надо всё в кучу валить! У меня дела тайные. Никому и никогда нельзя о них говорить, тем более давать оценку. Ання у меня лечится, а не наоборот. И у вас свои дела, хотя вы связаны между собой. Я ни к кому враждебно не настроена. Моя

профессия людям делать добро. Зла я никому не желаю, по- няла?! Ребёнка родила?

— Да, Гульнара! Мальчика.

— Это хорошо.

— Я знаю, что ты всеильная! Я давно хочу попасть к вам, да вот никак не удаётся. Ваше лекарство мне помогло. Подействовало. Муж лёг в свою постель. Но только один раз. Всю зиму не подходил. Отворачивался.

— А что так: один раз? Ты ему не подливала больше?

— Я имела глупость поделиться радостью со свекровью. Сказала о том, что ночью у нас получилось.

— Ну и что?

— Она забрала у меня волшебный изумрудный пузырёк! — сообщила Айшат с ужасом. — И не отдаёт!

— Её какое дело?! Это же во благо, по её просьбе?

— Она не хочет, чтобы я ему подливала в еду. Боится, что я отравлю мужа.

— Почему ты ей рассказала?! Я же сказала, чтобы никто не знал!

— Я нечаянно, хотела её обрадовать. А она положила пузырёк себе сюда, — Айшат показала на грудь, — и не даёт.

— Может, забыла? Ты сказала, что это средство, пред- назначенное тебе? — возмутилась ворожейка.

— Недавно, когда убирала постель свекрови, я обнаружила пузырёк под подушкой. Хотела забрать, а она увидела и отобра- ла. Опять себе положила сюда, — она показала на грудь.

— А зачем ей?! — поразилась Гульнара.

— Не знаю! — с большим испугом сказала Айшат и вы- тащила из сумочки деньги. Пересчитала их и протянула три купюры по сто рублей. — Вы бы мне ещё один пузырёк дали!

Гульнара недовольно посмотрела на деньги.

— Это лекарство дороже стоит! — сказала она, сделала вид, что не хочет исполнять просьбу. Однако, взяв деньги, отложила их в сторону. После за нитку подняла шарик и уг- лубилась в свои мысли. Наконец её как бы осенило: — И что дальше? — спросила она.

— А теперь всё насмарку пошло. Он со мной не спит. К той, что у боевиков была, ходит, — сказала невестка, вся пронизанная страхом.

— Надо было быть порасторопней! Дурёха! — Она прон- зительно посмотрела на посетительницу. — А к свекрови кто приходит? — задала она неожиданный вопрос.

— Никто.

— Ты подумай!

— Иногда приезжает бывший директор школы Айдемир Саламбекович!

— Давно?

— С тех пор, как он был у нас во время выборов.

— Что он делает?

— Сидят, чай пьют. Я их вдвоём оставляю в доме, а сама на кухне делами занимаюсь.

— Долго он бывает?

— Когда как. Последнее время он в райцентр возил её на своей машине.

— А то как же?! Всевышний ему машину дал не для воспитания детей, а для маленьких старческих радостей. Я тут горбатилась, мосты наводила, а Карасолтан ему ни за что, ни про что машину подарил, — проговорила Гульнара с иронией. — Будем думать, что делать. Дам тебе снадобье, — она достала из-под стола не как тот, изумрудного цвета, а обыкновенный аптечный пузырёк для лекарств. — Помни, по капле. Если подольёшь больше, то может быть обратный эффект. Совсем может отсохнуть. Тогда радости никому не будет: ни тебе, ни сопернице.

— Спасибо, благодетельница! — обрадовалась Айшат.

— У меня к тебе главный вопрос: из того, другого пузырька, что я дала Сарыгыз, вы подливали сопернице?

— Конечно! — проговорила невестка Сарыгыз, находясь в эйфории.

— А как?

— Когда муж с друзьями и с нею сидел на берегу, Куваныш ходил и подлил ей в стакан.

— Куваныш?! Или вы чокнутые, или я от вас чокнусь! Вы видели, как он подливал?!

— Он сказал, что подлил! И ещё бутылку водки взял.

— Какой ужас! Куваныш мог забыть, зачем этот пузырёк, и сам выпить содержимое. Вас надо в психушку! Как он может подлить, если руки у него дрожат?! Точно вы сумасшедшие!

— Мы очень полагались на Куваныша. Он же с ними на берегу пьёт!

— А я тут хожу переживаю, что снадобье не действует! Вот так дела! Иди зови ко мне Сарыгыз! — приказала Гульнара.

— Уважаемая, может, не надо? Она не знает, что я к тебе пришла. Узнает — она меня съест!

— Пусть лучше съест такую дуру! — Гульнара подняла за нитку шарик и стала смотреть. — От вас толку нет! И ты, и свекровь, и муж только о похоти думаете. Будем разрывать! Будет больно!

Айшат, если бы и хотела, то не поняла бы слова ворожейки. Она взяла своё чудодейственное снадобье и тихо ушла. Проходя мимо соседнего дома, она увидела Куваныша. Оглянулась по сторонам и, увидев, что никого нет, шмыгнула во двор.

— О-о-о! Какие люди! Какой прикид! Арабустан, Бруней, Эмираты! Женщина из гарема нефтяного шейха Эдика! Какими судьбами вы посетили наш сити? — восторженно, что говорится, по одежке, встретил неожиданную посетительницу хозяин дома.

— Куваныш, а у тебя случайно наш пузырьрёк не сохранился? — спросила она.

— Сейчас спрошу у нашего скромного олигарха! — Куваныш прошёл к двери дома и крикнул: — Уважаемый, у нас пузырьрёк не сохранился?

В двери показался Уважаемый, посмотрел на Айшат:

— Нет! Мы всё выпили. Ей-то зачем? Что она, из наших? Для нас в нашем положении это неуместный вопрос, — сказал он, разводя руками.

— Он принял тебя за наших, ты очень близка ему по духу. Слышала? — развёл руками и Куваныш.

Бердази

Дни наступления бердази связывают с фактическим приходом весны. В эти дни старый год приветствует новый, новый прощается со старым, и приходят несколько дней, когда старое уже осталось в прошлом, а новое еще только вызревает в будущем. Даже природа в эти дни изменчива. Поэтому ногайцы под бердази понимают сумятицу, непостоянство,

ожидание ясности. Когда человек не знает, что делать, душой овладевают сомнения, тревога, то говорят, что «началось бердази души».

Как раз в дни бердази в аул приехала Алина. Официально она приехала для проверки работы сельской библиотеки, которая из-за отсутствия помещения была временно (вот уже более пятнадцати лет) размещена в школе. Библиотеку, хотя она почти не работала, закрыть не могли. Очаг просвещения! Святыня бывшего строя, надежда будущих поколений. Алина проверила наличие книг, формуляры читателей. Всё было в порядке, но ничему нельзя было верить, так как Алина хорошо знала состояние остальных библиотек в республике и отношение к книге. В библиотеку почти никто не ходил. Её мог посетить лишь отпетый бездельник или страдающий от любопытства своеобразный пенсионер. Но, конечно, если бы библиотекарша была предупреждена о проверке, то она могла бы устроить аншлаг, пригласив всех своих родственников и знакомых. Она должна была угостить проверяющего обедом и задобрить памятным сувениром. И тогда последовал бы вывод, что библиотека в Май-тогае не самая худшая в республике. Это устроило бы и саму библиотеку, и всю централизованную библиотечную систему, и администрацию района, и министерство культуры республики. Алина была девушка честная, поэтому прибыла без предупреждения. Оценка деятельности учреждения была удовлетворительной, обед не было, сувенира не последовало. Однако дело в том, что у девушки в Май-тогае была своя цель. Она на переменах встречалась с учительницами с глазу глаз. Энергично говорила им о необходимости создания ячейки женской организации «Сююмбийке». К концу вечера она собрала всех желающих в актовом зале, раздавала газеты, объяснила устав и рассказала об основных задачах организации. Зная, что женская организация была в блоке с правящей партией «Единая Россия», образованные учительницы против создания ячейки не возражали, но и в восторге не были. Им было жалко потраченного впустую времени и умственных способностей. На собрании договорились, что педагоги проведут агитационную работу среди населения и привлекут к участию в организации работниц всех учреждений и домохозяек. К концу лета они должны были провести учредительное собрание и выборы депутатов в мест-

ные органы самоуправления. Алина всем понравилась и внешним видом, и внутренней собранностью, и целеустремлённостью. Все пришли к однозначному заключению: «Таковыми не становятся, такими рождаются».

Когда окончилось собрание, Алина попросила одну из учительниц показать дом, в котором живёт Саманта Кельдиева. Погода была пасмурной, земля сырой. Трудно было катить сумку на колёсиках по такой почве. Но девушка шла привычно, как будто по городскому бульвару. В этом чувствовался упёртый, стойкий характер. Она шла прямо и ни разу не согнулась. Учительница исполнила её просьбу, оставив девушку перед воротами, и поторопилась покинуть. Торопилась она, конечно, для того, чтобы рассказать о том, что городская проверяющая посетила дом бывшей боевички, одной из главных пособниц нашего парня. Действительно, днём позже это посещение подверглось скрупулёзному обсуждению.

Алина, закатив свою сумку на колёсиках во двор, остановилась возле ступенек кухни. Ання вышла и с интересом посмотрела на неё.

— Здравствуйте! Саманта Кельдиева здесь живёт? — спросила девушка.

— Здравствуйте! А что случилось?

— Мне Саманту! Она дома? — требовательно спросила Алина.

— Дома. Ты кто? — Ання захотела поубавить прыть молодой незнакомки.

— Меня зовут Алина. Я её знакомая, — девушка проговорила это чётко и без лишних комментариев. И стала рассматривать дом и двор.

Ання хотела засмеяться от того, что девушка даже не попросила, а будто потребовала позвать дочь. Покачав головой, она пошла за ней в дом. Для Шахиды появление Алины тоже было неожиданным. Она узнала её по прежней одежде: синей куртке, джинсам, заправленным в сапоги с высокими голенищами.

— Ты меня узнала? — спросила Алина.

— Конечно. Но только ты появилась так неожиданно. Ты городская — и в нашем ауле, в нашем доме!

— Я приезжала в вашу библиотеку, была в школе, встречалась с учителями. Дай, думаю, найду. Я тебя всё время вспоминала. Здравствуй! — сказала она.

— Здравствуй! И я тебя вспоминала, — сказала Шахида и приветливо посмотрела на знакомую.

— Проходите в дом, — сказала Ання. — Чего на улице стоять?

— Погода портится, — Алина посмотрела на собравшиеся в небе чёрные тучи. — Вот думаю, смогу ли я сегодня уехать?

— А чего ты? К нам редко кто заходит. Посиди, чай попей. Можешь и переночевать! Что тебе торопиться? — сказала Ання.

— Вы так думаете? Я подумаю, — глубокомысленно проговорила Алина, чем рассмешила и мать, и дочь.

Ання пошла следом за девушками. В прихожей гостья сняла сапоги и вытащила из сумки тапочки. Ання хотела сказать, чтобы она не снимала обувь, но девушка переобулась. Она была меньше ростом не только рослой Шахиды, но и среднего роста Ання. Мать с ещё большим любопытством оглядела и гостью, и её сумку.

— Что ты с такой большой сумкой ходишь? Она больше, чем ты сама! — сказала она.

— Это по привычке. Я так всегда езжу в командировки. Компьютер, книги, одежда, на всякий случай туфли, зонт беру. В общем, все, что может понадобиться.

Алина прошла в зал и огляделась.

— А у вас в доме тепло, уютно, — довольно сказала она.

— Топим. Газ подают. Легко, приятно топить! — сказала Ання. Она понимала, что не стоит задерживаться среди молодых девушек, но ей не хотелось уходить, хотелось поболтать с ними. — Ты одна ездешь? Не боишься?

— А чего бояться? — повысив голос, придавая себе большую уверенность, проговорила Алина.

— А если украдут? — с подколом спросила Ання.

— Меня не украдут! Ещё не родился такой! — хвастливо сказала гостья, чем опять рассмешила мать и дочь.

— Мама, иди! Чего ты пристала? Дай нам поговорить! — недовольно сказала Шахида.

— Наговоритесь ещё. К нам никогда такая гостья не приходила. Прямо как ласточка во время непогоды залетела! — слова матери оказали впечатление на обеих девушек, они с

восхищением посмотрели на неё. — Давай угостим нашу ласточку. Достань мне мясо! — обратилась мать к дочери.

Шахида поторопилась к холодильнику. Раскрыв его морозильную камеру, достала мясо в пакете и протянула матери.

— Ой, что вы? Я не очень хочу есть! — зажеманилась Алина.

— Поешь нашего хинкала, до этого я вам чай подам. Надеюсь, ласточка ногоайский чай пьёт? — спросила Ання.

— Конечно! Сама готовлю! — сказала Алина. Она села на диван. Тотчас к ней на колени запрыгнула белая кошка и заурчала.

— Она ни к кому не садилась. От мамы так и вовсе шарахается, а к тебе сразу прильнула, — сказала Шахида.

— Как её зовут? — спросила Алина.

— Белый шайтан! — процедила сквозь зубы Ання.

— Юмсак (Пушок), — сказала Шахида.

Ання ушла. Задражали стёкла. За окном поднялся ветер. Тучи то превращались во мглу, то неслись по небу. Единичные тяжёлые капли стали стучать по стёклам, предупреждая о предстоящем ненастье. Алина посмотрела в окно.

— Непогода усиливается. Тебе, подруга, придётся у нас переночевать, — сказала Шахида.

— Непогоду не мы придумали, — вскинула плечами Алина. Она посмотрела на Шахиду. — Мы, наверное, с тобой ровесницы? — спросила она.

— Я 1983 года рождения, а ты?

— Представляешь, я на год моложе. Ты, конечно, солидно выглядишь! У тебя и какая-то женская стать есть. Я не такая.

— Ты красивая! — сказала Шахида.

— Нет. Дурнушкой себя я не назову, красавицей тоже. Что-то среднее. Я такая во всём. Но стараюсь не отставать от своего поколения. Замнём эту тему.

— Родом ты откуда? — спросила Шахида.

— Вообще-то я родилась здесь, в райцентре. Даже в школу там пошла. После отец с матерью уехали в Якутск на заработки. Там окончила школу. Затем училась в училище культуры на библиотечном отделе, после окончания приехала сюда и стала работать в республиканской библиотеке. Папа ушёл жить к другой. Мама с двумя моими братьями переехала жить

в Уренгой.

— А в городе где ты живёшь?

— Мама мне и себе квартиру купила. Это после того, как я развелась.

— Ты была замужем?! — поразились Шахида.

— Да! Неудачное замужество!

— Что так?

— Я только после училища была, жила на съёмной квартире. Встречались с будущим женихом. Он мне показался нормальным, да и я надеялась, что будет заботиться. С этой надеждой вышла за него. Мои родители приезжали. Такую свадьбу отгрохали! В самом лучшем ресторане, с эскортом проехали по всем нашим аулам, танцы, салют. Всем понравилось. У него семья с достатком, у них свой магазин в городе, дом двухэтажный. Когда поженились, они хотели, чтобы я из их дома не выходила. А мы так не договаривались. Моя мама мне всегда говорила, чтобы я работу не бросала. У меня зарплата маленькая, но жить можно. Я и сама знаю, что если работу бросишь, то после ни за что не найдёшь. А семья мужа — родители и он сам — заперли меня в своём двухэтажном доме, как домработницу. Моя мама сказала им, что я не смогу за таким домом смотреть. Муж же, до женитьбы обещавший всё со мной согласовывать, стал на сторону родителей, мы начали ссориться. И он меня побил. Представь себе, я вон какая, и он — девяносто килограммов веса. Что от меня останется?!

— И?

— Я сбежала! И ни шагу назад! Никогда! Тогда мама купила мне квартиру и сказала, что я ещё найду достойного жениха.

— Ты теперь довольна?

— Всякое бывает. Только обида не проходит! Хуже всего, когда попирают твоё достоинство! Если он на меня в самом начале совместной жизни поднял руку, то дальше жизнь превратится в ад. Теперь живу! Правда, мама помогает, за квартиру платит. Отец иногда деньги присылает.

— Есть кому помогать — это хорошо. От одиночества не тяжко?

— Ты знаешь, нет. Один преследует. Симпатичный! Но я ему повода не даю. Пусть созреет. А ты как? — спросила Алина.

— С одним встречаюсь. Но только он никогда не созреет.

— Только не повтори мою ошибку. Нам нельзя попадать в кабалу. Если не хотят равноправия, пусть лучше они под нашим каблуком сидят.

Затем Алина рассказала о цели своего приезда и что ей удалось сделать в школе.

— Сказали, что всё лето будут работать с женщинами в ауле, а осенью или в конце лета проведём собрание и создадим ячейку.

— На наших женщин полагаться трудно. Многие говорят так, для красного словца.

— Надо верить. Верой их будем убеждать, — сказала Алина.

Пришла Ання и принесла с собой чайник с ногайским чаем и тарелку с локумами. Водрузила это всё на стол.

— Красавицы, попейте чай! Дочка, вытащи пиалы. Я мясо разморозила, сейчас на огонь поставлю. — Она пошла к холодильнику и, вытащив пиалу с мёдом, поставила на стол. — Кажется, бердази начался? Дождь с ветром вместе хлещут. Похоже на бердази. Когда я была маленькая, говорили: «И там можешь быть, и здесь, — в бердази сиди дома!»

— Что это? Впервые от тебя такое слышу! — удивилась Шахида.

— Такие дни. Сумятица. Неразбериха в природе. Старый год кончился, а новый ещё не настал, — объяснила Алина.

— Новый год у нас в конце декабря же? — спросила Шахида.

— Это по европейскому календарю, а по нашему, народному, в конце марта — в апреле.

— Будем ждать, пока мурза не выдаст свою дочь замуж, — сказала Ання.

Шахида понятия не имела об этом явлении. Алина читала про это в книгах по ногайской обрядности. И она рассказала Шахиде и Ання древнюю легенду. Легенда вот такая.

«Когда закончился старый год, вернулась стужа на ногайские земли, подули холодные восточные ветра, для скота началась бескормица. Один богатый мурза стал метаться по своим кошам, но никак не мог остановить начавшийся падёж животных. Мурза согнал оставшуюся в живых скотину к аулу и стал думать, что предпринять, чтобы спасти свое богатство. Прослышал он, что у одного джигита в

его ауле есть шесть стогов сена. Скоту нужен был корм, и мурза, хоть мог вызвать к себе простолюдина, чтобы рассказать о своем бедственном положении, сам отправился к нему на коне.

— Джигит, что хочешь проси, но дай мне свое сено! У меня скот на глазах пропадает!

— Что хочешь, говоришь? — улыбаясь, переспросил джигит.

— Да! — сказал мурза.

— Отдай мне свою дочь, и все шесть стогов сена твои.

У мурзы была красавица дочь на выданье, к ней сватались многие знатные люди, но мурза отказывал всем, ожидая лучшей партии.

— Думай, прежде чем говорить! Ты что, мне ровня, что ли?! — вырвалось у мурзы, он даже камчой погрозил. И вернулся домой ни с чем.

Но на следующий день выпал снег, и скот мурзы оказался еще в худшем положении. Коровы мычали, овцы блеяли, животные валялись с ног и умирали. Мурза опять отправился к джигиту, стал умолять его дать взаймы или продать шесть стогов сена.

— Ничего мне не надо, кроме твоей дочери!

Опять мурза вернулся домой несолоно хлебавши. Ночью ударил мороз. Из-за сильного холода животные продолжали погибать.

— Какой я мурза без богатства?! — сказал мурза самому себе. Он вновь поскакал к джигиту и дал согласие отдать ему в жены свою дочь.

Скот мурзы был спасен. А через день наконец пригрело солнце, тотчас растаял снег и стала всходить зеленая трава. Соседи ногайцев, горские народы, называют это явление «временем ногайского мурзы». Когда ненастные дни затягиваются, то говорят: «Когда же ногаец выдаст дочку замуж?», подразумевая, что после этого наступят солнечные дни.

Антя, дослушав легенду, ушла. Шахида разлила чай по пиалам. Девушки в прихожей помыли руки. Вернулись в зал, сели за стол и принялись за чаепитие.

— Мать у тебя, похоже, хорошо знает старину? — сказала Алина, отпивая из пиалы чай.

— Откуда?! Это для неё тёмный лес! Очень редко наплывёт что-нибудь, тогда вспоминает. И отец, и она даже ни одной молитвы не знают. Атеисты чистой воды. — Шахида показала на локумы. — Попробуй наши локумы!

— Я тоже мало знаю, но тянет узнать, — девушка взяла локум и откусила. — Правда хорошие! — похвалила она. — Я росла вдали от родины, поэтому мне всё интересно про народ знать. Меня этому никто не учил, я сама тянусь.

— Меня тоже ничему не учили. Мне это и неинтересно. Я мечтаю выбраться отсюда, но не могу.

— А я хочу знать про обычаи, предания, песни хочу послушать. Мне бы и бабок встретить, которые могут рассказать про старину. Я читаю книги о прошлом — мне всегда интересно. А ты что читаешь? — спросила Алина.

— Я только в школе читала, из библиотеки брала книжки. Сейчас в основном телик смотрю. Люблю хорошие фильмы про любовь, про жизнь, — ответила Шахида.

Девушки закончили пить чай, вытерли замасленные руки полотенчиками.

— А мне, честно говоря, телик порядком надоел. Одни фильмы про убийства, как будто другой жизни нет. — Алина вытащила из сумки книги. — Это тебе. Будет время — прочтёшь. Вот «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте — очень интересная книга, я её ещё в школе прочитала. Хорошая книга! Её, кстати, женщина написала. Ну, «Анну Каренину» ты наверняка читала?

— Нет. Учили мы отрывки. А за книгу я никак не могла сесть. В школе читала «Повести Белкина» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Как закалялась сталь» Островского, ну, ещё несколько книг.

— А я люблю читать. Мне стали приносить и домой книги, потому что знают, что я читаю. Если будет интересно, то я и тебе принесу, — сказала Алина. Вытащила из сумки ноутбук. — Саманта, тебе обязательно надо овладеть компьютером, сейчас без него никуда. Приезжай ко мне, я тебя стану учить. Научиться нетрудно. Много интересного можно прочитать и узнать о современном мире.

— Я бы с удовольствием научилась. Только сейчас не могу. Мне деньги должны за работу. Как получу, смогу ездить в город, — Шахида встала, положила пиалы одна на

другую, взяла чайник. — Пойду отнесу и помою пиалы. Ты не скучай, — и она вышла.

Анния с улыбкой встретила дочь.

— Ты знаешь, этот ребёнок мне понравился. В ней есть какая-то живая искра! — сказала она.

— Мама, «этот ребёнок» уже замужем побывал.

— Неужели?! — удивилась Анния. — Она мне понравилась. От неё веет добротой. У меня предчувствие, что она поправит наше положение. Оставь её ночевать. Тебе с ней надо подружиться, её бог послал.

— Посмотрим. Для меня неожиданно её появление.

— Неси тузлук. Скоро я хинкал с мясом принесу. Возьми из холодильника сок и поставь на стол.

Шахида помыла пиалы, забрала тузлук и вместе с пиалами понесла в дом.

Через некоторое время Анния занесла хинкал в кастрюле и мясо на тарелке. Аромат баранины заблагоухал в зале. Поставив на стол, Анния вышла и вскоре вернулась в выходной одежде: чёрной юбке и коричневой кофте, на прибранные волосы была повязана косынка в красный горошек. Она принесла чайник с горячей водой для чая. Девушки оглядели внешний вид хозяйки.

— У тебя новая косынка? — с удивлением проговорила дочь.

— Информация, — Анния посмотрела на Алину, — так мы отца нашего зовём, так вот, его брата жена, жена деверя, подарила на курманлык, который мы недавно делали в честь моего выздоровления, — сияя от радости, хвастливо сказала она.

— Вы болели? А что с вами было, если не секрет? — спросила Алина.

— От нервного расстройства у меня инфаркт был.

— Не инфаркт, а микроинсульт, — поправила Шахида.

— Какая разница! Ешьте, на меня не смотрите, — мать показала на еду. — Я чай попью. Мне врач сказал, чтобы я диету соблюдала. Дочка, ухаживай за гостьей.

Шахида разложила по тарелкам хинкал и мясо. Анния заварила в маленьком чайнике чай и расставила для него маленькие чашки. Обратилась к Алине:

— Кушай, хорошая, макай хинкал и мясо в тузлук, так лучше естся. У вас делают хинкал?

— Я сама не делаю. Когда мама приезжает, то специально ходит на базар за мясом. Она тоже любит эту еду, — ответила гостья.

— А ты почему не делаешь? — удивилась Ання.

— Я всё по-быстрому готовлю. Чтобы не заморачивать голову, полуфабрикаты покупаю. Конечно, иногда леплю пельмени, делаю котлеты, голубцы, люблю готовить курицу с национальной тортой (мучной подливой из бульона и сливочно-го масла).

— Да ты, Алина, многое умеешь. То, что ты перечислила, сложнее готовить, чем хинкал.

— По настроению делаю. — Алина попробовала еду. — У вас мясо вкусное. Совершенно другой вкус, не тот, что в магазине!

— Мать часто приезжает? Где она, кем работает?

— Мама живёт в Уренгое, работает в «Газпроме» бухгалтером. Раз в год обязательно приезжает.

— А кто у тебя ещё есть из родных?

— С мамой живут два неженатых брата. А папа живёт с другой женщиной. И там есть тоже два маленьких брата.

— Ну вы даёте! Как же это так?! Ты из многодетной семьи. Все вместе не хотели бы жить? — с подвохом спросила Ання.

— Как? — рассмеялась гостья. — Мама папиных новых родных не хочет видеть. Она даже отца в дом не пускает. И с нами ругается, когда мы о нём что-нибудь говорим.

— Вы же дети своего отца! — проговорила Ання.

— Отец меня видит, когда на родину приезжает. Его близкие у вас в райцентре живут. При встрече обязательно деньги подкидывает. Своих сыновей, моих братьев, видит в институте, на улице. Им тоже даёт деньги.

— А что так?

— Гордая она! Развод тяжело пережила, нас может побить, если мы о нём что-нибудь хорошее скажем. Мы это от мамы скрываем. — Алина неторопливо стала есть хинкал.

Ання отпила чай и подождала, пока девушка кушает, но недолго. Увидев, что гостья выбирает мясо, она показала ей на тарелке:

— Кушай это, кусок от грудинки. Мама ваша хорошо зарабатывает?

— Как я за год в библиотеке, она за один месяц получает.
— Эх, если бы я училась, то я бы тоже бухгалтером работала! — мечтательно произнесла Ання.

— Чего же ты не выучилась? — спросила Шахида.

— У нас времена были тяжелые, не до учёбы было. А насчёт отца мать права. Я бы тоже побила вас, если бы у Информации были дети на стороне.

— Начинается! Ты ещё пофантазируй! Бухгалтером захотела стать! Может, тебе должность директора предоставить? — возмутилась дочь.

— У меня должность — мать!

— Дай нам нормально поесть. Думаешь, нам интересно тебя слушать?

— Кушайте, ешьте. Меня всегда волнуют житейские дела. Дай поговорить, что Алина, каждый день приезжает? В деньгах сколько мама получает? — продолжала свой разговор Ання.

— Иногда у неё в месяц больше пятидесяти тысяч выходит.

— С ума можно сойти! — Ання посмотрела на дочь. — Если бы я столько получала, то плевала бы на вашего отца. Самостоятельно барыней бы жила! Всё дело в деньгах, из-за них родину предавали!

— Что, теперь, на старости лет, в тюрьму потянуло? Не позорься! Оставь при себе свои умные мысли! — с сарказмом проговорила Шахида.

Чем-то надо было ответить. Ання посмотрела на заснеженное окно:

— Молчала бы! Вон за окном метёт. Мурза готовится замуж отдать, а у тебя даже жениха нет! — сказала она.

— Мама садится на своего конька! — сделала выпад Шахида.

— На нашего Байтала. Байталом нашу кобылу звали, такая умная была! — пытаюсь ответить тем же, отреагировала Ання и снова посмотрела в сторону окна. — Такая снежная круговерть!

— Этот мурза навряд ли спрашивал у дочери, хочет она замуж или нет! — подхватила Алина ранее начатый матерью Шахиды разговор.

— Не надо ни у кого ничего спрашивать. Девок надо гнать в дом жениха, пусть как топор в древесину вклиниваются и живут, делают свою семью! — сказала Ання.

— Не-е-е. Я так не согласна. Я обманулась и вышла за одного. Так он и свекровь меня в половую тряпку хотели превратить, — возразила Алина.

— Ты была замужем?! — хотя от дочери уже слышала об этом, притворно удивилась Ання.

— Была. Развелась. Я сама ушла, — Алина отложила вилку и посмотрела на реакцию хозяйки.

— Моя бы тоже, хотя бы ушла. Мы бы и тому радовались, — Ання посмотрела на дочь.

— Ей бы только услышать о замужестве. Хлебом не корми! — с безразличием сказала Шахида.

— А то! Испокон веков принято считать, что счастье девушки в замужестве, — убедительно для себя сказала Ання.

— Вы прекращайте свою демагогию! — совершенно серьёзным тоном возразила Алина. Её возражение вызвало смех у сидящих. Девушка вытерла полотенчиком рот и, смотря в лицо Ання, с особым чувством правоты сказала: — Вы что думаете, эта дочь мурзы, которую отец продал за шесть стогов сена, была счастлива?!

— А ты откуда знаешь, может, и была! — сказала Ання.

— Не могла она такой быть, идя за первого встречного! — убеждённо сказала Алина.

— Ты же не знаешь! Мне думается, что она в доме не могла выразить своё мнение и вполне могла быть рада тому, что хоть такого мужика обретает.

— Я так не думаю! — отрезала Алина. И опять своим тоном рассмешила сидящих.

Но Ання не отступала:

— Было бы хуже, если бы она осталась дома. Кто бы её выпустил, чтобы она встретила суженого?

— Вот! — обрадовалась девушка. — Не я! Вы сами сказали, что кто бы её выпустил. Девушка была невольницей в семье. Ладно, оставим прошлое, там была своя обусловленность, обычаи не давали освободиться. С этим бесправием надо кончать. Домашнее рабство у нас прививают с детства. А девушка должна быть свободной.

— Не так просто выпустить девушку. Выпусти на улицу дочь, а она по рукам пойдёт, забудет, что и замуж надо. Вы девушки взрослые, мне стыдно говорить об этом, но блуд никто не отменял. Если не смотреть, заблудит ещё как!

— Вы воспитайте, чтобы не блудила! — отреагировала гостья.

— На всё у тебя ответы есть. Мне такие люди нравятся! Только очень трудно внедрить в жизнь то, что ты говоришь.

— Поэтому я вхожу в организацию, которая занимается защитой прав женщин. Мы против насилия в семье, обществе, государстве.

— Ох, как! Ты меня удивляешь, Алина!

— Первое! Принять такие законы, которые обеспечивают свободу женщине в реальных условиях. Второе! Требовать у власти работу законов. Ужесточить наказание за насилие, а также за разврат, распущенность. Третье! С населением работать методом убеждения. Снять все ограничения, попирающие права женщин.

— Это слова. Красивые слова. А как всё это осуществлять?

— Конечно, если вы будете стоять в стороне, то трудно обеспечить эти условия. Вы приходите на собрание. Мы создаём ячейку нашей организации в Май-тогае.

— А мне что там делать? Какая выгода? У нас все безработные.

— Если вы захотите, то будем обращаться во все органы власти и требовать работу.

— Только не это! Чего это нам позориться?

— Опять-таки это предубеждение. Надо их, предубеждения то есть, ломать. Участие в организации только принесёт пользу. Например, мы вас могли бы выдвинуть в депутаты местного совета, а также помогать на выборах.

Анния засмеялась:

— Меня, что ли? Нет. Дочь ещё можно.

— А что сидеть без дела? Вы бы могли внести свою лепту в воспитание детей. Мы за наши обычаи, а вы их хорошо знаете. Мы хотим, чтобы детей воспитывали в лучших традициях, добропорядочными, совестливыми, честными. Чтобы осуждали родителей, которые уклоняются от своих родительских обязанностей, вели бы трезвый образ жизни, были от-

ветственными за воспитание детей, не учили детей плохому: воровать, нарушать порядок. Иногда доходит до безобразия. Мы недавно разбирали одно дело. В городе, в одном детском саду, один хмырь не то, что за своими словами не следит, он ради забавы маленькую свою девочку учил матерным словам. Окружающие просто посмеивались над ним и даже журили. Вместо того, чтобы похабного отца привлечь к уголовной ответственности.

— О-о! Ты, дорогая, далеко пошла! Тогда надо центральное телевидение закрывать! Да и кто полезет в чужие семьи. Есть, которые кроме мата, и слов других не знают. Один у нас в ауле так говорит про своего ребёнка: пусть знает матерные слова, когда от хулигана услышит, чтобы в штаны не наложил, — возразила ей Ання.

— Удивляюсь! Я лично против нецензурных выражений. Или вот. Раньше наши люди заступались друг за друга, особенно, когда кто-то обижал слабого, ребёнка. Сейчас это исчезает. Дерётся какой-нибудь дебошир — мимо проходят. Разве нет?! Наши сейчас оставляют без всякой реакции, когда умыкают девушек. Говорят, что сами разберутся. Вместо того, чтобы противостоять этому!

— В наше время сажали за такое. Скольким людям судьбы сломали. Даже похищенная жалела, что так произошло. А сейчас есть такие девушки, которые только радуются, что таким образом замуж вышли. А есть и такие, что поневоле выходят, а после радуются, что попали к хорошим людям, — не согласилась Ання.

— Чаще бывает, что все скопом начинают уговаривать родителей похищенной, чтобы девушка дала согласие, и идут на сделку с совестью, — проговорила Алина.

— Бывает и так. Но последнее время похищение происходит по сговору жениха и невесты, когда их родители против брака, — объяснила Ання.

— Я категорически против такого отношения к браку. Легче и справедливее договориться, — сказала Алина.

— В нашем ауле, дорогая моя, тебя люди могут не понять. В жизни часто всё утрясается само собой. Бывает, что по некоторым обстоятельствам лучше молчать. Но ты молодец! Храбрая девушка! Я и не знала, что такие бывают среди молодых! — восторженно проговорила Ання. Она оглядела

стол и по-матерински сказала: — Чего-то ты мало съела! Ты шустрая, а для поддержания энергии надо есть. Ешь, чай пей. Я пойду. Вы смотрите телевизор. Отдыхайте. Ещё поговорим.

На следующий день зарядил непрерывный снег. Шахида уговорила гостью остаться. Целый день Алина учила её работать на компьютере. Она заставила Шахиду записывать все действия в отдельную тетрадку, чтобы после по этой записи можно было их вспомнить. На третий день, не останавливаясь, лил дождь. Алина уехала на четвёртый день, когда проснулось новое солнце. Тепло разлилось над Кубанью. Это бердази прошло в классических канонах.

Антя не могла забыть девушку. Каждый раз, когда входила к Шахиде, она смотрела в сторону включённого телевизора:

— Плевать не хотела на этот телевизор? Почему у них нет таких, как Алина? И красивая, и говорит доходчиво. Молодец, наша ласточка!

Шахида после отъезда девушки за несколько дней прочитала «Джейн Эйр» и ходила под впечатлением событий, описанных в книге.

День сменяет ночь

Наша жизнь постоянно сопровождается приобретениями и потерями. Люди рождаются и люди умирают. Рождения радуют, потери огорчают. День сменяет ночь, светлую полосу — чёрная полоса. Мы привыкли к этому. В конце весны во дворе Информации начался окот. Удивительно то, что восемь овец окотились почти одновременно, в течение полумесяца. Это говорит о мастерстве того овцевода, который раньше занимался отарой. Две овцы окотились двойнями, и все ягнята уцелели. Это говорит о достаточно серьёзном опыте Информации. Когда лето вступило в свои окончательные права, десять белых ягнят бляело в загоне. Все они были здоровы и хорошо сосали молоко у овцематок. Информация только успевал вовремя кормить, поить и очищать загон. То, что от стельных овец надо избавляться, он понял сразу, как взялся смотреть

отару. Поэтому одну овцу он зарезал на курманлык жены, вторую тоже пустил на мясо. Куда её ещё кормить, она была достаточно упитанной. Мясо продали в райцентре.

На вырученные деньги отец с матерью решили одеть Шахиду. Девушка за это время поправилась, в старые одежды еле вмещалась. Обновки выбирала она сама. В салоне одежды подобрала себе выходной костюм сиреневого цвета. Современная сшитая юбка выпячивала её округлые телеса, в приталенном пиджаке она выглядела взрослой, стройной. Заметно притягательной была грудь, цвет подходил к её розовощёкому белому лицу. Купили и пару летних цветастых платьев, на ноги — белые туфли на высоких каблуках и модные зелёные босоножки. Когда она стала появляться в обновках на улице, все на неё поглядывали. Особенно мужчины. Пожилые были довольны тем, что в их ауле есть такая пригожая девушка. Молодые знали, что она встречается с Эдиком и, несмотря на это, съедали её взглядами. Девушки видели все превосходства, и им оставалось только бросить колючий взгляд и сжать губы от негодования.

Эдик с Шахидой встречались второе лето. Для парня это была любовь, для Шахиды влечение. Как это ни странно, как охарактеризовала мать у Гульнары, это больше было похоже на времяпрепровождение. Эдик Шахиде нравился, потому что она ему нравилась, но то, что он не мог стать её спутником жизни, она прекрасно понимала. Мечта о суженом в связи с её жизненными обстоятельствами отодвинулась на слишком далёкий план. Ей требовалось стать нужной, а что делать, она не знала. Даже не представляла себя в будущей семье. Как учили в литературе, по телевизору, для становления и выживания ей необходимо было дело.

Выдалось знойное лето. Наступила жара. Тень деревьев не спасала, было просто невыносимо. Информация выходил ягнят, и теперь уже выгонял их вместе со взрослыми овцами. Аульчане обратили внимание на его богатство: столько овец редко кто держал в округе. Десять ягнят с десятью взрослыми овцами издали представлялись небольшой отарой. Информация выгонял их рано утром, сначала особо не следил, удалялся домой, но вскоре шёл назад, так как овцы подходили к зарослям. Когда они исчезали среди кустарника и их не было видно из-за высоких и раскидистых ивовых ветвей, он спускался вниз и возвращал их на открытое место. Но иногда

оставлял в местах с хорошим травостоем, находил себе приличную тень и, лёжа на траве, наблюдал за пастьбой. Ягнята ещё не разбегались, они старались держаться овцематок. До окота Информация не успел постричь взрослых овец, не получалось и после. Теперь, в жару, они ходили в своих тяжелых шубах. Он надеялся на брата, у него была электрическая машинка для стрижки овец. Брат был бережливый, с особым пристрастием относился к инструментам, они у него были на все случаи сельской жизни. Он в своём сарае хранил всевозможные наборы ключей, отверток, стамесок, особой ценностью являлись электрические и механические приборы. Имел мотоблок для вспашки огорода, болгарку, разные электродрели, электросварку, шуруповёрт, работающую на бензине пилу «Дружба». Но не только их, даже обыкновенного молотка он никому не давал. Боялся, что сломают или не вернут — такое часто случалось с соседями. Они, соседи, за спиной его обзывали «Жмот Гондурас». Но в глаза не говорили, боялись, что он непременно возьмётся за своё ружьё. Весной и в начале лета он пропадал на своём поле, поэтому Информация не мог позвать его. А самому стричь ручными ножницами не хотелось, он знал, что это нудная работа. Но в жару понял, что тянуть больше нельзя, так как было необходимо, чтобы за лето шерсть выросла и овцы были готовы к холодам. Он сходил к брату и сказал о своей нужде. Гондурас для вида поломался, но согласился:

— Давай завтра часа в три, чтобы овцы были в загоне. Пока ты одну подстрижешь, я трёх — машинкой. В три захода покончим. Машинка у меня исправная, смазанная лежит. Пусть жена и дочь тоже будут, их помощь понадобится.

К условленному времени Гондурас приехал на машине. Быстро протянул во двор из сети в кухне удлинитель. Вытащили дощатый стол, на который укладывали связанную по ногам овцу, расстелили на земле брезент. Стали приводить овец. Ання и Шахида помогали придерживать животных. Какое-то время Гондурас сам один справлялся, придерживая свободной рукой. Получилось так, как он сказал: пока Информация ножницами подстриг одну овцу, брат справился с тремя. К вечеру процедура была закончена. Овцы, как зеркала, блестели белизной, порезов, клочков не было. Ання и дочь собрали шерсть в кучу, мужчины, завернув шерсть в брезент, унесли в сарай.

— По-хорошему овец надо было бы выкупать в креолине, — сказал Гондурас.

— Да тут паршивых нет, с которыми бы они соприкасались! — ответил Информация.

— Я уже давно не стриг овец, даже устал с непривычки, — сказал Гондурас.

— Не знаю, что делать с шерстью. Раньше её у нас на ура скупали. У меня осталась шерсть с двух зарезанных до этого овец и две шкурки. Теперь заготовители не ездят по аулу. Я в райцентре даже в заготконтору зашёл, а она не работает. Сторож, охраняющий пустое здание, сказал, что всех давно распустили. Представляешь?! — пожаловался Информация. — Буду хранить. Может, кто купит?

— Наверяд ли! Всё с Запада, с Китая везут. Зачем нам своя шерсть, когда от них к нам дешёвые костюмы поступают?! Когда у нас столько своей хорошей земли, овощи и фрукты с Азербайджана и из Турции возят. Им там выращивать выгодно, а нам, видите ли, невыгодно. Сколько у нас было молочно-товарных ферм! Теперь ни одной. Зерно и то откуда-то прибывает! Нефть качают, а после с деньгами убегают в Лондон! Не страна, а Гондурас какой-то!

Слушавшая разговор Ання засмеялась.

— Ты чего своё имя склоняешь?! — засмеялся и Информация.

— Как тут не посмеёшься?! У фермеров ни тракторов, ни комбайнов, ни грузовых машин. Урожай за бесценок продаём. Еле концы с концами сводим.

— Живёшь же? Вот и живи! — сказал Информация на правах старшего поучительным тоном.

— Живём, как в Гондурасе!

— Оставь самокритику! — опять повеселев от сравнения, сказал Информация.

Гондурас отключил машинку для стрижки от сети и унёс в машину. Затем вернулся и помылся под душем. Информация стал мыть руки и лицо, сам себе поливая из кумгана. Потом они удалились в мастерскую.

Ання принесла в большой тарелке варёную молодую картошку, заправленную сметаной, хлеб домашней выпечки и айран в кувшине. Поставила еду на столик.

— Пейте айран, холодный, из холодильника, — она разлила его в чашки.

— Хорошо у вас, своё молоко, а мы корову продали.

— Чего так? — удивилась Ання.

— Не может она подсесть под корову, чтобы доить, — Гондурас имел в виду свою жену.

— Бедная, пополнила. Это болезнь! Разнесло её, — с сочувствием сказала Ання.

— Жрать надо поменьше! — сердито сказал Гондурас.

— Пусть дочь доит. Моя в её возрасте доила, — сказала Ання.

— Дочка за компьютером сидит. Целый день картинки, видео смотрит. С кем-то переписывается.

— Я сам доил, когда Ання с ребёнком в больнице лежала. Сам доил и молоко крутил! — похвастался Информация.

— Ещё чего не хватало?! — возмутился Гондурас. — Там у меня такие соседи, один хуже другого! Пить дать, скажут: «Доярка Гондурас!», пальцем будут тыкать и хохотать. Это ты на отшибе живёшь, а я на виду у всех! Эти соседи и в постель к тебе залезут! Из-за них я кличку получил!

— Ешьте хлеб. Сегодня сделан, ещё тёплый, — улыбаясь словам деверя, сказала Ання.

— Вы и хлеб печёте! Молодцы! — продолжал восхищаться Гондурас.

— А вы чего не печёте? — удивился Информация.

— Мы из магазина носим. Я этот магазинный не могу есть! Как я скучаю по такому хлебу! — он отломил кусочек и понюхал. — Моя ничего не делает! Как жена миллионера! — И добавил: — Никто ничего не делает!

— Не прибедняйся! Старший сын на Севере лопатой гребёт деньги! Вон какой дом отгрохал! Молодец! — Информация хотел успокоить брата.

— Отец — молодец! Если бы это сын делал! Я всё на своём горбу таскал! Если б не этот сука Карасолтан, я бы с магазином жил припеваючи.

— А я слышала, что это его сестра Бекару виновата, — ляпнула Ання.

— Говорят, что ты к ней неравнодушен был? — поддержал Информация.

Ання засмеялась.

— Смешные вы! — махнул рукой Гондурас и замолк.

Этот слух пустила его жена, она хотела оградить сына от неблагоприятного происшествия. Гондурас про сына молчал.

Но разве можно остановить народ! В народе поговаривали, что Гондурас и его сын одновременно были влюблены в Бекару. И в общем-то народ был ближе к истине.

Анния вышла из мастерской очень довольная. Поспешила к дочери, чтобы рассказать о плачевном положении в семье деверя, ну и, конечно, о своих преимуществах перед его женой.

Информация достал бутылку из голенища резинового сапога, стоящего в углу. Не торопясь, выпили бутылку. Когда Гондурас уезжал, Анния вышла с пакетом.

— Это домашний хлеб. Ешьте, — сказала она и положила пакет Гондурасу в машину.

Как-то под вечер Гондурас незапланированно заехал к брату. Скучно ему было, а идти некуда. В ауле, как по городу, по улице не прогуляешься. Тебя никто не поймёт. Да и по двору не разгуляешься. А дома сидеть нудно. Информация встретился за воротами.

— Просто заехал. Думаю, посмотрю, как тебе живётся?

— Я тоже от одиночества страдаю. Давай сходим к берегу, овец пригоним. Потом посидим.

Гондурас оставил машину возле забора и пошёл с братом. Спустились к берегу, среди кустов нашли овец. Гондурас посмотрел на уже курчавых, набирающих вес ягнят.

— Не боишься их одних оставлять? Кто-нибудь может унести ягнёнка! — сказал он.

— Для того, чтобы похитить моего ягнёнка, отважное сердце надо иметь! — хвастливо сказал Информация.

— Особого героизма не надо. Унесут и прямо на берегу шашлык сделают! Они у тебя уже какой-то вес набрали. Что-то смотрю, взрослых овец твоих заметно поубавилось?

— Ещё троих зарезал. Деньги нужны. Дочери хотим компьютер купить, — сказал Информация.

— Чего?! — удивился Гондурас.

— Она научилась на нём работать. Может, работу найдёт!

— Ну и дела! Никакой совести у вас! Узбек вам оставил добро, и притом, на хороших условиях. А вам мало?! Вот неблагодарные!

— Да к его возвращению эти подрастут, — пытался оправдаться Информация.

— Думаешь, что он совсем ненормальный — не сможет отличить годовалых от взрослых?!

— Не твоё дело! — отрезал Информация.

Загнали овец во двор, а затем и в загон. Информация налил воды в старые тазы.

— Вода на солнце нагрелась, пусть пьют, — сказал он.

У них было принято, когда Гондурас работал в их доме, всегда его угощали, а на таких рядовых посиделках никто не беспокоился. Да и сам Информация на обыденные посиделки, да и даже по праздникам не требовал еды. Обходился остатками пищи. И на этот раз на столик положили куски затвердевшего сыра и чёрствого хлеба. Бутылку Информация достал из прежнего места.

— Да что это у тебя, сапог такой безразмерный, что ли? — удивился Гондурас.

— Похоже на то! — с улыбкой сказал Информация.

Водка в дом попадала разными путями. Раньше от Вилена, от фермера вместо зарплаты, на выборах приносили вообще халявную. В девяностые годы иногда в аул заезжали фуры и продавали совсем дешёвую водку. Тогда весь аул её покупал. Экономная Ання сохранила даже ту водку, из шальных времён. Виленовскую водку Информация тогда прибрал, и потратили её по делу на работы по дому. Кроме платы за труд, водка нужна была и для торжеств. Поэтому Ання собирала её в одно место, надеясь, что в будущем водка пригодится для свадьбы. Во время болезни жена сказала дочери, где её деньги лежат, тогда Информация из-за спины дочери заглянул в духовку и увидел горлышки лежащих на боку водочных бутылок. Разве такое может забыться?! Информация не был вором. И пьющим его не назовёшь. Однако водка покоя ему не давала.

В отсутствие жены он доставал бутылку из хранилища и уносил к себе. Всё забывается в этом мире. Ання тоже не исключение, она, естественно, точно не помнила, сколько у неё запасов. По крайней мере, муж на это рассчитывал. Последний раз он принёс две бутылки. Когда закончили бутылку, их молчание перебило пронзительное кошачье мяуканье.

— Это что? — удивился Гондурас.

— А ты пойдй, посмотри! — проговорил Информация.

Гондурас вскочил и выбежал за дверь. Через некоторое время вернулся.

— Там возле колодца ваша белая кошка в угол прижата, а вокруг десять разномастных котов. Два чёрных кота стонут, а после дерутся. Оспаривают вашу! Бордель настоящий! — сказал он, садясь на место.

— Бордель, бордель! — подтвердил Информация.

— А что их столько?! Со всего аула прибежали, что ли? — удивлённо сказал брат.

— А ты подумай!

— Что тут думать? Ваша белая для них необыкновенная. Блондинка! Вот и собрались. Вон, у нас половина аула перекрасилась, даже старухи блондинками стали. На белое, чистое всех тянет!

— Как на Бекару, — подколот Информация.

— Что ты так сразу?! — оторопел Гондурас. Источник всех его несчастий, известная Бекару, была крашеной блондинкой. Они помолчали. — Не ожидал от вашей кошки! Такая тихая была, — засмеялся Гондурас, мотая головой.

— А ты не смейся! По голове стукнут, плакать будешь.

Гондурас не понял сказанного и стал говорить о своих переживаниях.

— Ни работы, ни денег, ни настоящей власти. Все брошенные! Как будто на Марсе живём!

— Ты мне политику брось! Живи и дыши носом! — Информация попытался оборвать постоянно возникающую между ними тему.

— Так-то оно так, — согласился брат.

Информация встал и вытащил из голенища сапога вторую бутылку.

— На, открывай! — сказал он.

— О-о-о! Мы с тобой столько никогда не выпивали. К тому же я на машине.

— Кто тебя в ауле остановит?! Сиди, пей, пока пьётся!

Коты опять застонали. Мужики прислушались.

— Эту кошку, когда она была маленькой, дочка принесла. На руках вырастила. До сих пор с ней спит.

— А теперь? Этот разврат в доме допускать, что ли? Кавалеров очень много! — возмутился Гондурас.

— Вот так! Природа!

Коты опять пронзительно застонали, как будто приготовились к решающей битве.

— Не знаю, как можно с этим жить? Вы же люди! — произнёс Гондурас.

— Я тоже об этом. Согласен с тобой.

Стон котов усилился.

— Ничего не понимаю: почему их так много?! — Гондурас разлил водку по стаканам.

— Спроси! — Информация показал пальцем на потолок.

— Вы на него не скидывайте! Это ваш разврат. Ну, наплодит тебя десять разномастных котят. Что будешь делать? В Кубани по одной будешь топить? Это же ещё худшие страдания для кошки!

— Конечно, до этого лучше не доводить, — согласился хозяин дома.

— Слушай, у меня в багажнике ружьё. Давай пристрелю! — он чокнулся с братом и выпил.

Выпил и Информация. С улицы раздался пронзительный свист.

— Это ещё что такое? — спросил с удивлением Гондурас.

— А ты пойдй, посмотри!

— Кто это прямо под ухом свистит?! — Гондурас выскочил из мастерской.

Он долго отсутствовал. После вернулся удрученный, на цыпочках прошёл на место и сел.

— Что, разобрался? — спросил Информация.

— Что тут разбираться? Я высунул голову из-за забора и плохо разглядел, кто там. Трое парней спрятались за соседним забором. Это они свистели.

— Ну и?

— Ничего, — тихо ответил Гондурас, не решаясь, сказать или промолчать.

— Дочь вышла?

— Да. Одна ушла с тремя в сторону реки. Других девок с ними не было, — смущаясь, проговорил Гондурас.

— Так, брат, и живём. Дома кошка блудит, а дочь с парнями сбегает... — Информация не знал, что парни приходили только для того, чтобы позвать дочь. Того, что её на берегу поджидает Эдик, он не предполагал.

Гондурас тоже подумал, что племянница ушла с тремя парнями развлекаться, но чётко представить их развлечения не мог.

— Надо что-то предпринять! Так нельзя оставлять!

— Что ты предлагаешь?

— Перво-наперво надо кошку застрелить. Это я беру на себя. А с дочкой я прямо и не знаю, что делать! Сам разбирайся. Может, мать поколотит. О том, какая крутая Ання, все знают. Пусть поколотит! — требовательно сказал Гондурас.

— Не поможет. И я, и мать что только ни перепробовали. Боимся. Она на всё готова, может сбежать и наделать глупостей. Мне кажется, она надорванная, на волоске за жизнь держится.

— Что с ней такого случилось? Вон какая цветущая девка!

— Не знаю, — не стал объяснять Информация. Он и на самом деле чётко не знал, лишь догадывался.

— Так тоже нельзя. Одна с тремя взрослыми парнями на Кубань, на ночь глядя... Ты думаешь, они там песенки распевают?!

— Думаю, что распевают, — с иронией проговорил Информация.

— Для начала давай я кошку! — зло проговорил Гондурас и вышел.

Информация вышел следом. Наступили сумерки, начало темнеть. Хозяин включил лампочку, она освещала весь двор. Глаза котов блестели в тёмной части огорода. Недалеко от колодца стоял деревянный столб, к которому была привязана бельевая верёвка. Гондурас, решительно шагая, пришёл с ружьём. Он встал метрах в трёх от кошки.

— Может, не надо? Дочери это не понравится! — проговорил Информация.

— Надо, брат! Зло надо на корню истреблять! А то развели тут бл...во! — Гондурас навёл ружьё и выстрелил. Раздался оглушительный треск. Кошка упала навзничь, она даже не успела мяукнуть. По аулу поднялся лай собак. На выстрел вышла Ання в халате.

— Ой, Аллах, что произошло? — крикнула она.

— Вот пристрелил! — сквозь зубы процедил Гондурас.

Ання подбежала к столбу.

— Это что же? Наша кошечка? За что? — надорванным голосом произнесла она.

— За блуд!

— За блуд разве убивают? — тихо выдавила из себя Ання.

— Конечно! — выпалил деверь.

— Тогда надо пол-аула перестрелять! Вы уберите, чтобы следов не было. А дочке не говорите! Она вас возненавидит!

— Ання пошла, возле двери кухни остановилась и несвязно добавила: — И отец с матерью блудят.

— Что это с ней? Она что-то хочет сказать? — спросил Гондурас у брата.

Информация в ответ неопределённо вскинул плечами.

— Я возьму лопату и выкопаю яму. Ты принеси кошку, закопаем... — сказал он.

— Убивай и убирай для вас! — недовольно проговорил Гондурас.

Юмсак закопали в дальней части огорода, возле сеточной ограды.

Вернулись и, помыв руки, продолжили начатое застолье, стали заканчивать бутылку. После выстрела Гондурас был возбуждён, казалось, что он чувствует себя бесстрашным багиром, его смуглое лицо побелело.

— Брат, а что с узбеком? Год быстро пролетит, — сказал он.

— Откуда я знаю.

— Я насчёт овец. Он же почти годовалых ягнят сможет отличить от взрослых овец. Например, я бы не согласился!

— То ты. Пусть спасибо скажет за то, что я этих сохранию. Кто же так оставляет добро?! Очень несерьёзно. Он появился, как бы испытать нас хотел. А нам деньги на жизнь нужны были.

— Надо слово держать. Это с честью человека связано, — поучительно проговорил Гондурас.

— Заткнулся бы! Слишком ты честный!

— Брат, знаешь, что я думаю об узбеках? Мне думается, что их специально подослали. Чтобы добить нас! Из-за них никто в ауле не хочет работать. Сын у меня уже месяц дома. Надо было залить маленькую часть двора бетоном. Я ему сказал, что мы вдвоём за полдня сделаем. А он не согласился. Позвал махмудских узбеков. Они целый день работали. Обедали у нас. И вдобавок он им заплатил, как будто они весь двор забетонировали. Как это назвать? Все при виде узбеков не хотят работать, а те, кто с Севера, вообще ничего не хотят делать. Чтобы простую яму выкопать, зовут узбеков. Смотри

сам: сначала нас лишили работы, а теперь отбирают рабочие навыки. Так же не бывает. Мы даже не животные, которые приносят пользу. Лишённые всякой воли, навыков существа.

— К чему это ты? — удивлённо спросил Информация.

— Мне кажется, что нас готовят стать человеческими запчастями. На большее мы не годны! Думать не можем, человеческого достоинства не имеем, работать не в состоянии! Копец!

— Остынь! Бросай политику. Прищемят тебе яйца в КГБ!

— Чуть что, сразу КГБ! Его давно переименовали, — сокрушённо сказал Гондурас. — С тобой даже не о чем поговорить.

Шахида пришла домой поздно, ближе к полуночи. Она тихо миновала калитку и проскользнула в дом. После болезни матери свою лазейку в огороде она не использовала. Ання поубавила свой пыл и не следила за дочерью, особенно после того, как Гульнара велела оставить дочь в покое. В доме Шахида свет не зажгла, скинула с себя платье и легла в заранее расстеленную матерью постель. Пропажу Юмсака она обнаружила после того, как утром поела на кухне. Во время завтрака Ання молчала, ничего не спрашивала, она боялась, что обнаружится вчерашнее злодеяние. Она знала, что в этом случае профилактические беседы излишни. Шахида пошла в дом. Юмсак, обычно встречающей её, не было. Она оглядела все комнаты и потайные места, куда иногда забивалась кошка. Последнее время Юмсак стала выходить во двор и исчезать, но в вечернее и утреннее время она всегда была дома. Шахида её кормила, поила молоком с блюдца. Ночью кошка спала у её ног. Но в тот день Шахида не могла вспомнить: спала Юмсак ночью вместе с ней или нет. Молоко в блюдце было не тронуто и уже скисло. Она осмотрела весь двор, зашла в сарай и мастерскую отца, обыскала все закутки во дворе и даже покричала в огороде, надеясь, что если она в кустах, то прибежит на голос. Она прошлась между рядами картофеля до самого конца огорода и обратно. Информация пас овец. Шахида вышла и посмотрела на улице. Потом она зашла на кухню.

— Ты не видела кошку? — спросила она у матери, месившей тесто в большой алюминиевой чаше.

— Нет! — напряжённо ответила Ання, не отрываясь от дела. Она понимала, что наступал кульминационный момент, и не поднимала головы.

— Нигде её не видно! — сказала дочь.

— Она загуляла! Из-за этого на два дня наш двор был превращён в зверинец.

— Не поняла?

— Все аульские коты сюда подтянулись.

— Ну, видела я вчера пару кошек!

— Если бы пара! Вчера их штук десять было. Мяукали все. Кошачья свадьба!

— Куда же она могла деться? — Шахида чувствовала подвох в словах матери, но не захотела её выслушивать.

Ання всю ночь обдумывала, как будет разговаривать по этому поводу. Не торопясь изложила версию.

— Куда? Куда? — передразнила она. — Коты загнали её куда-нибудь. Может, в чей-то двор, может, в пустующее помещение, может, на Кубань. Увели подальше от нашего дома, чтобы она не стеснялась. А там ещё коты появятся, они сразу не отпустят. Когда обрухатят, обессиленную бросят где-нибудь. Она не будет знать, куда деться. Она же комнатная, без опыта. Окотится у кого-нибудь во дворе и будет жить. Кошки пропадают, но некоторые находят дом.

— А что это она так сразу окотиться должна? — удивлённо спросила Шахида.

— Как что? Это же не человек, чтобы девять месяцев ждать! У них это быстро, месяца два — и готово. Десяток котят сразу! — мать специально преувеличивала, число котят доходило до трёх-четырёх, редко больше. — Я думаю, что коты не дадут ей быстро найти дом. Долго будут забавляться. Может и подохнуть. Лучше бы дома подохла! — сказала Ання.

— Мама, о чём ты?! Почему Юмсак должна подохнуть? Не смей так! — оборвала дочь и, прослезившись, произнесла: — Что же делать?

— Ждать. А лучше — забудь! К ним лучше не привязываться.

— А я привязалась! У меня и так никого нет! — всхлипнула дочь.

— Бессовестная! Не говори так! Мы у тебя есть!

— Вы не считаетесь, — Шахида молча стала плакать.

В это время на кухню зашёл Информация. Чтобы дать мужу знать, о чём у них с дочерью был разговор, Ання сказала:

— Загуляла твоя кошка, исчезла с котами!

— Солнце печёт, мутит от жары. Дай айрана, — сказал Информация.

— Мутит не от жары, а от того, что вы пили вчера! Возьми сам со стола, у меня руки в тесте, — проговорила Ання.

Шахида встала и, подняв со стола кастрюлю, налила айран в большую эмалированную кружку. Информация быстро схватил кружку и стал пить.

— Отец, ты кошку не видел? — сдержав плач, спросила дочь.

Информация не ответил. Он не любил говорить неправду, поэтому сделал вид, что не услышал вопроса.

— Отец, ты кошку не видел? — переспросила Шахида.

Информация, поразмышляв, уклонился от ответа и сказал:

— Мы тут с матерью подумали и решили тебе компьютер купить! Только надо ещё одну овцу зарезать и продать.

Дочь не сразу поняла сказанное, но когда до неё дошло, она закружилась от радости.

— Компьютер! Ой! — вскрикнула она.

— Вот заготовлю сена! Затем продадим мясо — и поедем вместе в город.

— Я могу и сама. Вместе с Алиной мы выберем в магазине. Я машину найду! — продолжала радоваться девушка.

Чтобы не отвечать на предыдущий вопрос, Информация ушёл. Ання самодовольно сказала:

— Вот, видишь, и мы что-то можем делать!

— Мама, я рада, что вы так решили.

— Только не с сыном Сарыгыз езжай! Там уже четверо детей. Сарыгыз тебе ноги обломает!

— Мама, о чём ты? Я хоть с фашистом поеду, тебе нечего волноваться. Я найду с кем поехать.

В эти жаркие дни Шахида по несколько раз в день ходила на Кубань. Пару раз окунувшись, она возвращалась. Купалась в заводи, недалеко от аульских детей. Но на берегу не задерживалась. Боялась, что мужики застанут в купальнике. Иногда на Кубань приходили и мужики, и пожилые женщины, но купались они в разных местах. От сообщения отца она

была возбуждена, поэтому решила сходить искупаться. Когда вернулась, ей опять-таки не сиделось дома. Она вспомнила про Юмсака и вышла, чтобы посмотреть её в округе. Через заборы оглядела все близкие дома и не увидела ни одной кошки. Ноги её занесли на центральную улицу. Она ходила и заглядывала во дворы и огороды. Завидев улицу, на которой жили родители Заремы, он прошлась и по ней. Остановилась возле одинокого абрикосового дерева, где год назад подобрала котёнка. Постояла, посмотрела. Вспомнила ураган, град, наполненную дождевой водой улицу. Вдруг она почувствовала чей-то взгляд. Шахида оглянулась и через дорогу перед открытой калиткой увидела маму Заремы. Удивилась: она будто с того места всё это время не сходила. Мать, приставив козырьком ладонь ко лбу, вглядывалась именно в неё. Шахида интуитивно пошла по улице в её сторону. Когда она была против их дома, женщина крикнула:

— Иди сюда!

Шахида подошла и сказала:

— Здравствуйте!

Многие аульские женщины не отвечали тем же на приветствия младших по возрасту.

— Ты дочка Информации? — спросила она.

— Да. Я же к вам приходила!

— Помню. Зарема звонила, сказала, что послала тебе деньги.

— Когда? — Шахида была поражена этим известием.

— Звонила неделю назад. Сказала, что послала тебе десять тысяч.

— Десять тысяч? Это не все деньги! — девушка не знала, радоваться или нет.

— Сказала, что остальное вышлет после, как заработает.

— Это половина. Мне очень нужны мои деньги. Я их давно жду. А как я их получу?

— Не знаю. Наверное, принесёт Зоя. Она же пенсии и переводы приносит, — женщина не желала продолжать разговор и собралась уйти.

— А вы случайно не видели белую кошку?

— Какую ещё кошку? — удивилась мать Заремы. — У соседей есть белая кошка.

— Она у них давно?

— Лет пять.

— Это не та. Моей, наверное, год.

Женщина недоуменно скривила рот и ушла.

Шахида была ошарашена новостью. Прежде чем идти к Зое Анваровой, она решила заглянуть к соседям. Через забор осмотрела двор, заглянула и в огород. Несколько раз кричала: «Юмсак!». Была жара. Хозяева попрятались в доме или отсутствовали. Шахида поняла, что так искать бесполезно, и пошла к почте, которая находилась вместе с медпунктом в здании бывшего управления отделением. Зоя Анварова встретила её настороженно, на её вопрос ответила:

— Из такого далека перевод может месяц идти. Ты приходи на следующей неделе. После обеда я здесь не бываю, заходи домой, — сказала она.

На следующей неделе ближе к вечеру Шахида пошла к дому Зои Анваровой. Выйдя ко двору, она увидела Зою в домашней одежде. Видимо, Зоя тоже её увидела, только она быстро исчезла в летней кухне.

Подойдя к калитке, Шахида прокричала несколько раз:

— Зоя!

Никто на крик не выходил. Девушка настойчиво стояла и периодически выкрикивала имя хозяйки. Она же видела саму Зою. Последний раз она крикнула изо всей силы. Вышла девочка лет четырнадцати и подошла к забору.

— Мамы нет! — сказала она.

— Я её видела, она вошла вот сюда, — Шахида показала на дверь летней кухни.

Девочка ушла. Через некоторое время вышла с недовольным лицом Зоя.

— Чего тебе? — спросила она.

— Зоя, я приходила на той неделе на почту. Не пришли мои деньги?

Зоя всем своим видом показала, что не помнит никакого разговора.

— За что тебе деньги? — спросила она.

— За работу.

— Странно! У тебя работа? Наверное, секретная? О ней никто ничего не знает! Тебе Карасолтан дарит холодильник, практически ни за что! Говорят, ты и на войне была? Больше, чем странно! Да кто ты такая?

Шахида поняла, что женщина не в настроении.

— Я Кельдиева Саманта. Мне перевода не было?

— Людям с таким непонятным именем перевода не было.

Откуда у тебя это имя?

Шахида на непонятный вопрос решила не отвечать. Она также заметила, что Зоя с ней разговаривает пренебрежительным тоном.

— Мне когда прийти? — спросила она.

— Не надо приходить. Как придут деньги, я сама принесу. А сумма большая?

— Десять тысяч.

— Я умираю! Таких переводов у нас никто не получал! За какую работу тебе такие деньги? Может, ты кого убила?

— Никого я не убивала! Я этими руками заработала, — сказав, Шахида показала руки.

— Вообще-то такие переводы проверяются органами. Так просто они не выдаются! — сказала, будто отрезала, Зоя и ушла.

О том, что Зоя Анварова падкая на деньги, все знали. Пенсионеры ей всегда от пенсии оставляли рублей пятьдесят. Долю свою она откладывала себе заранее, до посещения пенсионера на дому. Были такие, кто оспаривал свои кровные деньги. Совершив необдуманный поступок, они и через месяц ничего не получали. А каково это человеку, живущему на одну пенсию! Поэтому все старались угождать Зое Анваровой. В ауле ни копейки не давал только Куваныш и дочь партизана Олеся. В день раздачи пенсии Куваныш стоял на почте и, пока не добивался своего, не отставал от Зои ни на шаг. Иногда, под предлогом, что нет сдачи, она недодавала десятку. Потом горько сожалела. Потому что Куваныш прилюдно обзывал её отпетой мошенницей и что по ней Сибирь плачет. Позорил и перед детьми. Сын Зои, футболист, отбирал у матери деньги и отдавал пропойце. Олеся же аккуратно пересчитывала деньги и, если была недостача, грозилась, что напишет жалобу министру обороны. А она могла так сделать — Зоя об этом знала.

Шахида ушла с дурным предчувствием. Дома она никому не говорила о переводе. Знала, что мать сгоряча поднимет грандиозный скандал. А нужно ли это молодой девушке? И так репутация у неё сомнительная. Да и неизвестно было, как распорядится деньгами мать. Шахида надеялась, что ро-

дители купят ей компьютер, а так, узнав про её деньги, они могли передумать. Она всерьёз планировала начать новую бескомпромиссную жизнь.

X

Кадырбек

Одного из знакомых Эдика звали Кадырбеком. Он был моложе его, и в ауле с самого детства за ним была дурная слава. Сколько его люди знали, он был драчун, и это признание ему нравилось самому. Люди, предпочитавшие нормальное сосуществование, таких не любили. Он дрался с ровесниками, частенько избивал тех, кто был младше, удосуживался драться и со старшими. Дети его сторонились. Имя Кадырбек означало Бек Судьбы, но если исказить всего одну букву, получалось Катырбек, Бек мул, почти то же, что Бек Осёл. Мальчика с детства называли так из-за неприязни. Называли за глаза. В школе как-то один из ровесников за его непомерную наглость назвал его Катырбеком. Услышав это, Кадырбек избил одноклассника до полусмерти. Мальчик долго лежал в больнице, а оправившись, стал неполноценным, заикался и ходил с нервным тиком. После школы Кадырбек за свои борцовские данные каким-то образом поступил в Киевский политехнический институт. Во время учёбы он стал мастером спорта СССР по вольной борьбе. В институте драчливость у него не проходила. В драке он искалечил одного из студентов и, несмотря на спортивные заслуги, его исключили. После этого Кадырбек вернулся на родину. В начале девяностых годов парень бездельничал, пил водку, в конце концов, кроме рэкета, применения себе не нашёл. В основном его и его друзей полевой, как выражаются в криминальной среде, были покупатели сахара на сахарном заводе. Тогда сахаром занимались почти все предприниматели, входящие в бизнес республики. Сахар пускали на бартер и делали невероятные доходы. Рэкетеры останавливали грузовые машины на перекрёстке и, угрожая ножом и приставляя ружья к груди, забирали мешки с сахаром. Водители под страхом смерти отдавали несколько мешков. Рэкетеры даже установили таксу: чтобы всё прохо-

дило без нападения на машины, водители платили им мзду. Но некоторые не хотели платить, старались бежать. Их догоняли или дожидались на трассе. Кадырбек и его друзья в темноте стояли на крутом подъёме и, когда машина замедляла скорость, запрыгивали в открытые грузовики. Прямо на ходу они сбрасывали мешки с сахаром на дорогу. Бывало, таким образом сбрасывалось до двадцати мешков в сутки. Следом за грузовиком следовали легковые машины, они забирали эти мешки. Рэкет был очень выгодным в девяностые годы и продолжался несколько лет. После рэкетиров стали вылавливать. Некоторых посадили. В это время Кадырбек скрылся на Севере, в Уренгое. Здесь тоже занимался разбоем. Он входил в банду, которая занималась вымогательством у продавцов на рынке, похищением успешных бизнесменов с требованием выкупа. Полицейские поймали банду, но Кадырбеку удалось скрыться. Вскоре он появился на родине. В то время в ногайских аулах появился новый вид обогащения: ростовщичество. Люди давали деньги взаймы под проценты. Берущие в большинстве случаев потом жалели, что взяли в долг, так как несвоевременная оплата удваивала проценты, а дающие взаймы неизмеримо обогащались. В аулах было несколько человек, занимающихся ростовщичеством, в том числе и женщины. Занимались этим и крупные акулы. Например, Карасолтан не брезговал таким доходом. Часто возникали случаи, когда занявшие не могли вернуть долгов. Кому-то было нечем расплатиться, и кое-кто сбежал в другие края, в основном на Север или в Москву. В связи с этим возник ещё один вид деятельности. Такие, как Кадырбек, скупали долги по самой дешёвой ставке, а выбивали по полной с более высокими процентами. Эта деятельность приносила немалую выгоду. У Кадырбека была чёрная иномарка «Хонда», он разъезжал по району и навещал должников. Кто был не в состоянии вернуть долги, тот работал на Кадырбека. В основном это были фермеры. У фермеров земля была оформлена в аренду на сорок девять лет, они её продать не могли. Трудно было оформить и под другого хозяина, но кое-кто умудрялся у должников купить право собственности по совсем низким ценам. Бывшие землевладельцы становилось наёмными рабочими и добровольно прощались с частью урожая. Фермеры существовали, а распоряжающиеся долгом богатели. Кадырбек имел помощников, таких же, как он сам, молодых крепких парней.

Он был среднего роста, с короткой борцовской шеей, лицо его было с размытыми конопатыми пятнами, уши поломаны. Короткие чёрные волосы блестели, будто залезанные, мясистый нос с раздутыми ноздрями, как сразу было видно, поломан. Он постоянно прищуривался и смотрел прямо в глаза собеседника, разговаривал грубо, требовательно.

Однажды Кадырбек подъехал на берег Кубани, где сидел Эдик с Шахидой и своими друзьями. Машина остановилась возле сидящей в кружок компании. Эдик и его друзья, узнав водителя, встали и замахали руками, приглашая к застолью. Шахида осталась сидеть на месте. Кадырбек не вышел из машины и, смотря на Эдика исподлобья, поманил его пальцем. Эдик, как был в плавках, подошёл и для приветствия протянул руку в окошко. Кадырбек вяло протянул свою руку, потом кратко сказал:

— Садись! Тема есть!

Эдик обошёл машину спереди и сел рядом.

— Сколько ты должен Карасолтану? — спросил Кадырбек и просверлил его взглядом.

— Я брал пятьдесят тысяч, — ответил Эдик.

— Я не спрашиваю, сколько ты взял, а сколько ты должен?

Эдик замялся:

— А что?

— Под сколько процентов ты брал?

— Под двадцать. У меня в прошлом году все посевы пропали от наводнения.

— Это меня не касается!

— А причём ты? Я брал у Карасолтана!

— А притом, что он весь твой долг продал мне. Ты с ним вовремя не расплатился. Затем пошла неустойка за каждый месяц двадцать процентов от суммы. Правильно?

— Ну да. Карасолтан сказал, чтобы я отдал хотя бы шестьдесят тысяч.

— Ты отдал?

— Нет.

— Короче! Твой долг на сегодняшний день составляет сто пятьдесят тысяч. Деньги отдашь мне! И без объяснений!

— Я не могу! Речь идёт не о такой сумме. Надо урожая дожждаться.

— Хватит трепаться! Если ждать урожая, то долг составит сто шестьдесят тысяч. Понял?!

Эдик растерялся:

— Я пойду к Карасолтану!

— С Карасолтаном твои дела закончились. Теперь ты мне должен.

— Мы с тобой ни о чём не договаривались! — возразил Эдик.

— Не придуряйся! Я купил долг. Я отдал деньги Карасолтану.

— Сколько ты отдал?

— Это уже тебя не касается! Денег не будет после уборки урожая, будешь у меня в зиндане сидеть! Землю твою безвозвратно продадим другим!

— Земля дорогая, её никто за свою цену не купит.

— Это меня не касается! Долг будет расти, а то и землей не сможешь расплатиться.

— Так дела не делаются! Мы же с тобой земляки. Карасолтан пошёл навстречу, а ты не можешь, что ли?

— Он не хочет о тебя марать руки, поэтому и продал долг. Он вернул деньги. А мне придётся заниматься твоей безответственностью. Люди должны держать своё слово. Чего брать в долг, если не можешь вернуть?! — нравоучительно сказал Кадырбек, повысив голос.

Эдик замолчал. Создалась продолжительная пауза.

— Ты меня понял?! — с угрозой сказал Кадырбек. Эдик ничего не ответил. Собеседник повторил: — Надеюсь, что понял! Иди! — приказал он. Эдик, собравшись выходить, открыл дверцу. — А эта девка что, одна на вас всех, что ли?

— Это моя девушка.

— Это та самая соска? Про которую рассказывают?! — спросил Кадырбек. Эдик ничего не сказал. Кадырбек добавил: — Она ничего! Я к тебе наведуясь!

После этого разговора на следующий день Эдик отправился к Карасолтану в райцентр. Парень приехал в надежде, что Карасолтан поправит его положение. Они поздоровались. Эдик без обиняков сказал суть:

— Карасолтан, вчера приезжал Кадырбек и сделал мне несерьёзную предьяву. Он с меня долг требует.

— Долги надо возвращать. Это святое! — сказал Карасолтан.

— Я брал у тебя, а не у него!

— Ты же мне вовремя не отдал, вот я и продал ему твой долг. Такой порядок, — спокойноотреагировал Карасолтан.

— Я тебе немало сделал, ты мог повежливей быть со мной!

— Куда ещё вежливей? Целый год я ждал возврата своих денег и даже поблажку сделал! Когда дело касается денег, друзей не бывает. Всё делается по понятиям. Мои деньги должны работать на меня!

— Я же ради тебя старался! На победу вывел!

— Не надо на себя столько брать! Победу я добывал на свои средства. Я тебя отблагодарил. Ты остался доволен. А теперь что, наш парень должен у тебя в слугах находиться? Дайте мне дышать! — Карасолтан откинулся назад на кресло и внимательно посмотрел на Эдика.

— У нас с тобой и секреты, и тайны были, по важным делам ты делился только со мной!

— Ну и что? Я охреневаю! Только плохие люди говорят, что кому-то что-то дарят, но ты вынуждаешь. Один трактор с ценою городской квартиры!

— Это же ты сам дал. А я исправно выполнял твои поручения. Тут другое. Я думал, что мы как бы друзьями стали!

— Но предел дружбы бывает.

— Карасолтан, я пострадал. Кто знал, что наводнением смоем посевы?!

— Я же тебя выручил, помог, занял тебе деньги до следующего урожая! Ты должен был вернуть их. Вместо этого ты опять попросил отсрочку. Я и в этом случае пошёл навстречу, согласился, чтобы ты по старой цене погасил. А ты? Мои деньги должны работать на меня!

— Кадырбек же требует, чтобы я с нынешнего урожая отдал сто шестьдесят тысяч. Это же грабёж! — крайне возмущённо сказал Эдик.

— Таковы законы бизнеса! — Карасолтан опустил голову. Помолчав, добавил: — От Кадырбека тебе не избавиться! Мне и то теперь пришлось бы своими кровными расплачиваться с ним по полной цене. Тебе от него не сбежать! Поэтому продай землю. Продай мне! Зачем она тебе? Ты не можешь на ней работать!

— За сколько? — удивлённо спросил Эдик.

— Я тебе пол-ляма дам. Вполне справедливо!

— Нет! — твёрдо ответил Эдик и встал.

— Как знаешь, — Карасолтан помрачнел и, скривив лицо, сказал: — Кадырбек с тебя не слезет. Долг будет расти. За бесценок отдашь.

Эдик ушёл от Карасолтана ни с чем. Надежды не оправдались. Он понимал, что ему не вылезти из кабалы. Самое худшее настало, подходил крах всей его деятельности. Домой ему не хотелось, а как позвать Шахиду, чтобы отвести душу, он не знал. У него был сотовый телефон, он смотрел на него, как на бесполезную вещь. «Что это такое? Даже позвонить не могу!» — подумал он. Заехал в универмаг и купил мобильник для Шахиды. К этому времени в Май-тогае была установлена вышка для сотовой связи, и некоторые аульчане пользовались этим благом. Он сразу направился к дому Информации, остановил машину возле дома, взял блестящую коробку с мобильником «Самсунг» и решительно вошёл во двор. Из летней кухни вышла ошарашенная этим появлением Ання.

— Чего тебе? — сдерживая гнев, выкрикнула она.

— Мне Шахиду надо! — требовательно проговорил непрошенный гость.

— А чего так сразу?! Ты к нам никогда не заходил. Это мать да твоя жена с угрозами приходили. Из-за тебя! А ты так просто? Нахал ты! Вот расскажу матери с женой! — Ання никак не могла оправиться от такой наглости парня.

В это время из дома вышла Шахида. Она тоже была поражена приходом любовника.

— Эдик, ты ко мне? — спросила она.

— Да! Я тут тебе сотовый телефон купил. Марки «Самсунг»! — Эдик показал коробку.

— Мне? — удивилась Шахида.

— Телефон?! — поразилась вслух и Ання.

Создалась пауза. Шахида, не зная, как себя вести, растерянно закрыла ладонями глаза. Ання смотрела то на молодого человека, то на дочь, и ничего не понимала. Затем поперхнулась, закашляла и молча ушла на кухню. Ушла, не вспо-

нив современную аульскую поговорку: «Бойтесь ногайцев, дары приносящих».

Эдик подошёл к растерянной Шахиде.

— Заходи в дом, — почти шёпотом произнесла девушка и пропустила его вперёд себя.

— Дома никого нет? — тихо спросил Эдик.

— Нет никого, — ответила Шахида в прихожей и сама зашла в объятья парня. Застенчиво спросила: — Зачем ты мне купил телефон?

— Чтобы мы беспрепятственно связывались каждый день. Я не могу так. Нет ни дома, ни на улице покоя. — Они зашли в зал.

— Да? Ты хочешь каждый день со мной общаться? — мечтательно спросила она.

— Да. Тут и зарядное устройство есть. Его уже подключили к сети, я номер взял, а сейчас объясню, как пользоваться. — Эдик сел за стол.

Шахида, подвинув стул, села рядом. Он стал объяснять действия. Шахида подала тетрадный листок и попросила записать последовательность. Она позвонила на номер Эдика. Послышался гудок, парень вытащил из кармана свой мобильник, и они перекинулись словечками. Шахида в благодарность нежно поцеловала Эдика в губы. После, оставив коробку с телефоном на столе, они прямо от дома поехали на берег Кубани.

Антя, не приходя в себя, опершись руками на колени, сидела на топчане. Услышав шаги дочери и Эдика, она выглянула из кухни, но они уже прошли. Тогда она из окна в открытую калитку увидела, как они сели в машину и уехали. «Вот тебе, Гульнара, и разорвала отношения! Наоборот, привела его прямо домой!» — сокрушённо сделала она вывод. В ногах чувствовала слабость, опять села на топчан. Отдохнув, прошла в дом и на столе увидела коробку с телефоном. Хорошенько разглядела его, посмотрела на ценник, задумалась и села на диван.

Шахида вернулась в темноте. Мать сидела и смотрела телевизор в зале. Она хотела поговорить с дочерью. Шахида вернулась радостная и сразу, взяв со стола телефон, включила его. С Эдиком она только что простилась, он ещё, должно быть, не доехал до дому. Звонить было некому.

— Что? Гульнула?! Никому и не скажешь про эти твои свидания. Плохо это. Надо меру знать.

— Мама, не бойся, ничего плохого.

— А что это? — кивнула головой мать на телефон.

— Подарок!

— С чем это связано?

— Не знаю, мама.

— Это чтобы тебя на привязи держать! Неправильно это: у него жена, дети, их уже четверо, орава целая! Ты что, у него вроде подстилки?

— Мама, он меня любит. И не знает, что делать. Предлагает мне уехать с ним на Север.

— В роли кого? Что ты, поверила, что он семью, детей бросит? Сарыгыз вас обоих придушит. Видела я её. Тот ещё зверь!

— Ну, причём тут его мать? Он хочет со мной жить.

— Не только она, но и я бы придушила такого сына! — Уйдя в раздумья, сказала: — Бывают такие случаи. Бывает, что живут, оставив семью. Но твой случай другой! Он, когда надоест, и тебя бросит, и ринется к следующей юбке. Гулял же он с твоей худобой. И тебя бросит. Это такая порода людей.

— Не знаю, мама. Он меня почти убедил, что надо ехать.

— И ты поедешь?!

— Что мне делать? Я не могу здесь оставаться. Всё мне чуждо! — вспыхнула Шахида.

Мать покивала головой:

— Не верь ты ему! Я по глазам его вижу. Он мне в глаза смотреть не может. Видит, что я его раскусила. Да, он симпатичный. Ну и что? Завтра на него посмотрит какая-нибудь пригожая, он опять ударится в бег. Порода такая!

— Что ты, мама! Всё настроение мне испортила. Я так радовалась.

— Это временная радость...

В это время раздался звонок. Шахида чуть не уронила телефон, замешкалась, нашла нужную кнопку и приставила к уху аппарат. Послушала. Это был Эдик.

— Это я! — радостно сказала она и, воображая, хвастливо показала телефон матери. — Сижу, телевизор смотрю.

Когда они обменялись фразами, Эдик отключился.

— Что, теперь так и будете? Он же только с тобой простился?

— Соскучился! Целую, сказал! — мечтательно произнесла Шахида.

— Тьфу на тебя! Я твоя мать, не забывай о рамках приличия!

Помолчали. По телевизору шла какая-то местная передача. И вдруг диктор сказал:

— Ногайцы один из древних народов России. У этого народа древняя история, самобытная многовековая культура. Ногайский народ бережно сохраняет свои традиции и обычаи...

— Видишь? Свои обычаи! Мы тебе не Санта-Барбара! Сохраняем свои древние обычаи! Ты мне ещё расскажи, как вы целуетесь! — Ання рассерженно встала.

— У матерей учимся! — вырвалось у Шахиды. Она никогда без серьёзной причины не грубила, а тут так получилось, несвойственно для неё, она напомнила матери об её пороке.

Ання плюнула и ушла.

Измена и насилие

В эти дни Шахида летала от радости. Эдик то и дело звонил, делился своими будничными делами. Она тоже сама звонила и задавала обыкновенные вопросы, лишь бы напомнить о себе. Тогда она ещё не знала, что часто всякая радость сменяется глубоким разочарованием. На той же неделе Кадырбек заехал к Эдику домой. Он внимательно оглядел дом, затем подсобные помещения: гараж, летнюю кухню, навес, сарай, курятник. Эдик пригласил его в дом. Они сели на диван.

— Отопление, вода внутри. Неплохо, неплохо. По аульским ценам на пятьсот штук потянет, — сказал Кадырбек, продолжая рассматривать ковры на стенах.

— А чего это ты прицениваешься? — беспокойно спросил Эдик.

— А то. Деньги срочно нужны! — нахохлившись, проговорил гость.

— Я же сказал, что с урожая.

— Ты ещё урожайними и зерно продай! Это точно до осени протянется, а мне ждать некогда!

— У меня нет денег, — Эдик хотел наругать, но сдержался.

— Это меня не касается! Выставляй дом на продажу! — не в пример ему грубо произнёс Кадырбек.

— А семью куда?! Тут дети, мать! Мать ни за что не согласится!

— Кто у неё что будет спрашивать! Она знает про долг?

— Знает. Но про проценты, про неустойку не знает.

— Расскажи! Расскажи всё как есть! Семью надо готовить и искать покупателей! Долговая расписка у меня, проценты там оговорены.

— Кадырбек, так я не могу! До уборки всего месяца осталось! — жалобно произнёс Эдик.

— Думай! Шевелись! Мне твои друзья сказали, что ты в бега удариться хочешь! На Север собрался? Я тебя не отпущу! Бери кредит в банке под дом. Потому что мне деньги сейчас нужны!

— Ради Аллаха, что я, с маленькими детьми сбегу, что ли? Потерпи! — с мольбой проговорил Эдик.

Кадырбек пристально посмотрел в глаза, скривил лицо и сделал испытывающее выражение лица.

— Слушай, а ты бы не мог свою Шахиду мне продать?

— Как это? — не понял предложения Эдик.

— Продай мне! Или своему Карасолтану! Он ищет баб для сауны, она бы подошла.

— Это невозможно! — возмущённо проговорил парень.

— А что? Она тебе жена, что ли? — требовательно спросил Кадырбек.

— Не жена. Она не захочет!

— А что? Если стесняется, то будет работать в городской сауне. У Карасолтана и там имеется точка!

— Для меня это неожиданно. Я не знаю. Но продать я не смогу, я же ей не хозяин, кто я для неё?

— Тогда оставь мне на один вечер. Я попробую убедить. Она мне нравится.

Эдик с опаской посмотрел на Кадырбека. Сказать ему, что он любит Шахиду, для этого типа выглядело бы смешно. Он промолчал, собеседник понял это как согласие.

— Завтра оставь нас двоих на берегу. И все дела! С долгом тоже попробуем потерпеть до уборки. Короче! Ты меня понял?! — Кадырбек встал, Эдик за ним следом. Кадырбек подошёл к нему и сжал руку выше локтя: — Завтра в шесть я буду на том месте, где вы прошлый раз сидели! Не ссы!

Кадырбек физически был сильнее. Эдик это знал и по внешнему виду, почувствовал и по тому, как он сжал его руку. Кадырбек вышел из дома. Эдик пошёл следом провожать.

Почти всю эту ночь он не спал. Не думал, что дело примет такой оборот. Эдик был не из трусливых, не единожды в ауле давал отпор нахалам и всегда мог постоять за себя и за других. Дрался всегда отчаянно. Но в данном случае у него случился сбой: он понимал, что не сможет справиться. Подумал насчёт друзей и понял, что их не надо вовлекать в это дело. С долгом было ясно, что придётся возвращать его с накрученными процентами. Хотя и это выглядело выше рамок справедливости. Но вот придать огласке, что драться придётся из-за Шахиды — это выглядело бы чересчур. Драка из-за любовницы — это было сугубо личное дело. Даже возникла мысль ударить негодяя ножом. Но он представлял предстоящую стычку и знал, что бандюган не даст это сделать. Думал об огнестрельном оружии. Где его возьмёшь? «Будь что будет, и я умру на поле сражения», — тоже не подходило. Поражение могло опозорить ещё сильнее. Обстановка была для него безвыходной.

После обеда позвонил Кадырбек.

— Ну, ты готов? — спросил он.

— Да, Кадырбек, — ответил Эдик, поняв, что как бы ему ни было тяжело, надо принимать условия кредитора.

— Я в шесть буду. Вы там пораньше подтянитесь. С моей стороны что нужно купить?

— Водку купи. От водки она прибалдеет, — сказал Эдик. Он всё время думал, как он оставит свою девушку Кадырбеку. Не найдя толкового объяснения, спросил: — Ты придумал, как мне вас оставить вдвоём? Скажи что-нибудь толковое!

— Чего ты мнёшься?! Не юли! — налетел в приказном тоне Кадырбек.

Эдик предложил:

— А если скажешь, что меня Карасолтан зовёт?

— Не ссы! Так и скажем.

Эдик и после этого разговора глубоко переживал: «Как я могу своими руками отдать её. Я столько раз клялся в любви! С ней мне так хорошо! И она относится ко мне со всей душой. Как глупо всё получается!». Он знал, что теряет её, и ему было бесконечно обидно. Затем, собравшись с мыслями, стал искать объяснение своему предательству. И как-то совсем легкомысленно и подло сделал для себя заключение: «Кто она мне такая? Никто. И до меня у неё были мужики». Не выдав помыслов, надо было позвонить Шахиде. И он позвонил.

— Сама, сегодня в половине шестого я подъеду к углу. Ты выходи, — сказал он.

— Я выйду. Я буду готова, — ответила его любимая, которая с тех пор, как они сошлись, ни в чём ему не отказывала.

Когда приехали на берег, Эдик вытащил старое одеяло из багажника и разостлал на траве. Кадырбек не заставил себя ждать. Чёрная «Хонда» подъехала, как только они сели.

— Привет, Эдик! Тебя требует к себе Карасолтан! Сказал, чтобы ты мигом к нему нёсся.

— Да, хорошо, — притворно проговорил Эдик.

Он встал и пошёл к своей машине. Шахида тоже встала и пошла за ним.

— Ты куда? Сиди. Я сейчас вернусь, — небрежно сказал Эдик.

— Можно, я с тобой? Я в машине посижу.

— Ты здесь будь. В машине тебя могут увидеть, — сказав, он сел в машину и включил двигатель.

Машина уехала. Шахида, расстроившись, хотела уйти и направилась к тропинке.

— Эй, метёлка, садись! Он же сказал, что подъедет!

— Я пойду домой, — проговорила девушка, обернувшись.

Кадырбек подбежал к ней и, схватив за руку, дёрнул.

— Садись, тебе говорят! — Кадырбек поволок её и усадил на одеяло.

Он вытащил из машины пакет и разложил бутылку водки, бутылку лимонада, колбасу, яблоки, пластмассовые стаканы. Шахида опять встала.

— Я пойду домой! Мне надо! — резко сказала она.

— Сядь, тебе говорят! — Кадырбек схватил за руку.

Девушка стала сопротивляться. Кадырбек скрутил её руку. Послышался хруст. Девушка закричала от боли. Ка-

дырбек сбил её кулаком на траву. Она попыталась встать, он начал её бить ногами...

Когда солнце дошло до горизонта на западе, Куваныш стоял на пригорке. Увидав на берегу между зарослями чёрную машину, долго пребывал в раздумьях. Наконец решившись, он быстро спустился и зашагал своими большими шагами по тропе, которая проходила немного вдали от проезжей дороги. В это время машина отъехала от своего места и пронеслась мимо него. Куваныш машину и водителя узнал. Он хотел вернуться обратно, так как на берегу никого не увидел. Глядя вслед отъезжающему автомобилю, поразмышлял: иногда на местах посиделок оставалась в бутылках водка. Загадав желание, он поторопился к тому месту, где была машина. На берегу он увидел в разорванном белье бездыханную Шахиду. Она лежала на спине, повернув голову на бок. На траве Куваныш увидел закуску, бутылки с водкой и лимонадом. Очень удивился, что бутылки целые, нетронутые. Недолго думая, он собрал добро в лежащий тут же пакет и хотел убежать по той дороге, по которой пришёл сюда. Но потом передумал и быстро направился по тропинке, которая вела к дому Информации.

— Там, на берегу, напротив вас, Шахиду убили. Лежит в изорванной одежде! — выпалил он Ання.

Женщина не сразу поняла.

— О чём ты? — спросила она.

— Дочь ваша мёртвая! На берегу, прямо против вашего дома, — повторил Куваныш. — Пойду, позову Салим-Гирея!

Ання, не поверив, побежала в дом: она не видела, как ушла дочь. Не обнаружив её в доме, побежала к постройкам за Информацией.

Куваныш сначала забежал к себе, оставив пакет, побежал к Салим-Гирею. Он рассказал и ему о том, кого обнаружил на берегу.

— А ты чего там делал? — спросил участковый.

— Я за своей долей ходил, — сказал Куваныш.

— Нашёл?

Куваныш знал, что о пакете нельзя говорить: могут забрать как вещдок, поэтому отрицательно мотнул головой:

— Не!

— Ты чего-то не договариваешь! По глазам вижу, что ты чего-то видел! — с угрозой посмотрел Салим-Гирей.

— Это Кадырбек сделал. Я видел, как машина его отъезжала, — сказал Куваныш. — Только меня не вмешивай!

— Обязательно вмешаю! — припугнул участковый.

— Я откажусь от показаний. Я не могу портить свою жизнь!

— Куда её ещё портить! — усмехнулся Салим-Гирей.

Полицейский на мотоцикле оказался на месте происшествия впереди отца и матери. Он осмотрел тело, прощупал пульс. К тому времени, когда прибежали Информация и рыдающая Ання, Салим-Гирей вызвал «Скорую помощь».

— Еле дышит, но живая. Не подходите, её надо тщательно осмотреть.

Избитая и изнасилованная Шахида была доставлена в районную больницу. Она при смерти пролежала несколько дней в реанимационном отделении. Куваныш никому, кроме Салим-Гирея, про Кадырбека не говорил. Участковый его показания держал в тайне. Куваныш знал, что опасно быть свидетелем в деле, в котором замешан криминал. В милиции сначала допрашивали Эдика. Любовник Шахиды категорически заявил, что в этот день не видел девушку. Затем Шахида пришла в себя и, когда уже могла разговаривать, её допросил следователь. Она назвала имя насильника. Милиция поехала к дому Кадырбека, родители сказали, что сына нет дома. В тот же день Кадырбек из дому уехал в аэропорт, а ночью улетел в Тюмень, оттуда — в Уренгой.

Сначала, первые дня три после избиения, девушка была без памяти. Потом пришла в себя и только слышала голоса людей, среди которых распознавала голос матери. Затем открыла глаза, и прежде всего захотела привести себя в порядок. Теперь она заставляла себя молчать. Мать была рядом целую неделю. Дочь на неё не обращала внимания. Смотрела, как на постороннего человека, и ничего не рассказывала. Следователю отвечала по делу, только на заданные вопросы. Мать думала о том, выживет она или не выживет. Сожалела, сокрушалась. Хотела узнать, как дочь оказалась один на один с Кадырбеком. Она знала, что в ауле обязательно скажут, что дочь сама пошла на свидание, а после сопротивлялась и получила по заслугам. Девушка перестала бояться смерти уже

тогда, когда натренированный спортсмен избивал её. И сейчас она нисколько не думала о смерти. Было только одно желание: выздороветь, походить, подышать воздухом на улице. Врачи сделали медицинское заключение об избиении и изнасиловании. У девушки было сотрясение мозга, на голове рана, на лице, что говорится, не было живого места. Были повреждены внутренние органы, поломано ребро, рука, на ногах болезненные ушибы от побоев. Приходил отец. Она его не узнавала. В день посещения отца приехала и Алина. Девушка только открывала и закрывала глаза. Она не вникала в слова подруги. Врач запретил вставать, двигаться, рекомендовал допускать посетителей только по крайней необходимости. Поэтому Алину допустили только на пару минут. Ання сидела в палате, а ночевала в коридоре. Через неделю она регулярно приезжала после обхода врача и уезжала вечером засветло. Почти месяц интенсивно делали уколы. Молоденькая русская девчонка, медсестра по имени Нина, хотя между ними была небольшая разница в возрасте, называла её Самантой Умаровной. Самантой назвал её и следователь, и Алина. И даже отец, когда пришёл, спросил:

— Как ты, дочка Саманта?

Ання её никогда по имени не называла. В этом нет ничего предосудительного. Для неё она была дочь, одно целое с ней.

Когда вошла в белом халате и белом колпаке щуплая медсестра с кругленьким, беленьким лицом и сказала: — Саманта Умаровна, я принесла вам приятный укольчик! — Ання с восхищением посмотрела на неё. А когда Нина ушла, заявила:

— Вот и ходи под своим именем. А то на что это было похоже?! Теперь они в тебе Шахиду убили!

Ання иногда странно разговаривала. Кто они?! Парни, аульчане, враги? Убили, наверное, образ Шахиды? Совсем невразумительная фраза! Даже не подстрочник с ногайского языка. Никакой лингвист не разберётся! И тем не менее, всё было понятно на телепатическом уровне.

Целый месяц девушка ходила с костылём и в сопровождении матери. После она стала передвигаться, опираясь здоровой рукой то на стену, то на спинки кроватей. И только потом стала тихо ходить, сложив руки впереди себя. Когда выписалась из больницы, гипс на руке ещё оставался, а ребро

продолжало ныть. Из-за боли часто прерывалось дыхание, кашель доставлял нестерпимую боль. Через месяц Кадырбек вернулся домой и пришёл с повинной. Говорят, это Карасолтан уговорил его сдаться. В связи с явкой подозреваемого следователь ускорил работу.

На дополнительные допросы сам приезжал в Май-тогай или же вызывал мать. Дочь научила мать пользоваться мобильником. Ання понимала, что происшествие подмочило репутацию семьи. И, чтобы не показаться раздавленной, уничтоженной, Ання вела себя гордо, опрятно одевалась и всюду брала с собой мобильник. Садясь в маршрутку, она вытаскивала из сумки серебристый сотовый телефон и начинала разговаривать, как будто кто-то ей звонит. Главное, знала, что надо показать мобильник, подчеркивающий её благополучие. Она знала, что всех интересует история с дочерью. В маршрутке разворачивалось представление — это было похоже на импровизированный спектакль одного актёра

— Аллё! — важно произносила она первое слово.

— Да, я еду к вам, в полицию! — было второе предложение.

— Будем сажать убийцу! По всей строгости закона! Мы не отступим! — После третьей фразы она делала вид, что слушает голос на другой стороне, затем строго произносила: — Понятно! Дочь в гипсе, ехать не в состоянии. Допрашивайте меня! — затем она опять слушала противную сторону и в гневе выговаривала: — В Америке таких негодяев кастрируют. Мы тоже требуем такого наказания! Всё, еду! Вмажу ему коленом по яйцам! — Конечно, для профессионального театра необходимо было заняться культурой речи Ання, но для самодельного сойдёт, от этого в Май-тогае не только она одна страдала. Какой зритель — такой и театр!

Ання с телефоном не прощалась и в быту, надеясь, что позвонят из милиции. Но следователь сделал всего пару звонков. Мобильник постоянно лежал у неё на кухонном столе, но когда она выходила на улицу, то брала его с собой. И даже корову с ним доила. Во время дойки несколько раз от сотовой сети приходили СМС. Она, сидя на корточках, вытирала руки о подол халата и, вытащив телефон, просматривала сообщения. Опасно было с телефоном ходить в туалет. Это в Май-тогае все знали хорошо. Как-то в ауле проходили поминки, и на них приехал один родственник — высокопоставленный

чиновник из районной администрации. Тогда в ауле мобильники были в диковинку. Но вот угораздило чиновника пойти в туалет. Во время обычной процедуры ему позвонили, он поторопился вытащить из кармана аппарат, но тот выскользнул из рук и упал в отверстие. Раздосадованный родственник стоял возле плохо оборудованного деревянного сооружения и долго никого не подпускал. Пришедшие на соборезнование несколько часов корчились от хотения по нужде, но терпеливо стояли возле туалета и слушали звонки. Чиновник попросил детей сделать нечто вроде сачка и вызволить из дерьма телефон. Но даже обещанное солидное вознаграждение не возымело действия. Дети побрезговали. Зато теперь весь аул приходит посмотреть на туалет, в котором погряз мобильник. Много баек и всяких анекдотов возникло в тот момент. Обо всём не расскажешь: жизнь течёт, всё изменяется. В связи с тем, что мобильники появлялись один за другим у многих аульчан, происшествие это стало подзабываться. Но только туалет, в котором утонул мобильник, стал неким памятником истории и культуры Май-тогая. Других памятников здесь не было, коммунисты даже Ленина не успели увековечить в этом ауле. Часто фраза: «памятник истории и культуры» употребляется в отношении и истории, и культуры. Насчёт того, что май-тогайский туалет памятник культуры — это, конечно, слишком. Памятником истории он может быть. Истории телефонной сотовой связи. Сам Билл Гейтс мог бы позавидовать этому факту. Сотик в дерьме соединил Май-тогай со всем остальным миром, аул стал заметной частью глобализации. Про туалетную историю Ання хорошо знала, поэтому она принесла кирпич и поставила перед входом в своё заведение, мобильник она оставляла на нём. Легче было оставлять его на кухне, но она боялась, что упустит звонок из ниоткуда. Телефон врос в её жизнь, и она постепенно стала ощущать себя общественно значимым человеком, связанным со всем миром.

Доводы за и против

Алина дважды навещала Саманту в больнице. Приехала она и после выписки. Привезла с собой фрукты, конфеты, красивый платок — подарок Ання и ноутбук с дисками. Опять она прикатила свою сумку на колёсиках, правда, одета была

по-другому: в чёрной футболке, но в джинсах, теперь уже в рваных.

— Ты, наверное, не видела: они у тебя рваные, — сказала Ання, показывая на колени девушки.

Алина промолчала.

— Это такая сейчас мода! — объяснила Саманта.

— Ничего не понимаю! Я уже видела на девушках такие штаны, и что за мода? Алиночка, не ходи в них, а то подумают, что ты нищевродка! — не успокаивалась Ання.

Девушка, вытащив из сумки гостинцы, развернула свёрток с платком и накинула на плечи женщины.

— Это вам! Кое-что от нас, — сказала она.

— Ой, моя ласточка, какая ты чуткая! — Она стала рассматривать платок из белого прозрачного материала с золотыми нитками.

Алина протянула гостинцы Саманте, посмотрела на её угрюмое лицо. Чтобы изменить её настроение, она стала рассказывать городские новости, о своих буднях, о том, что скоро мать должна приехать в отпуск. Разговор не получался. Тогда она спросила у Анни о состоянии дочери.

— Молчит целыми днями. Никаких желаний. Всё время ищет уединения, — сочувственно сказала Ання.

— Говорят, в район доставили Кадырбека? — спросила Алина.

— Привезли изверга! — подтвердила Ання. — Чтоб его руки отсохли, глаза ослепли!

— Наша организация будет участвовать в судебном процессе. Будем их держать в напряжении, чтобы не смухлевали. Сейчас в наших судах потерпевшие оказываются виновными, преступники отделяются условным лишением свободы. Я была у вашего главы района и сказала о том, что мы намерены защитить Саманту. Он заявил, что возьмёт дело под личный контроль. Тоже возмущался случившимся.

— Надо так сделать, чтобы этот душегуб не вышел из тюрьмы, — сказала Ання.

— Насчёт пожизненного не знаю, но десять лет заключения он получит. В тюрьме за такое преступление могут самого Кадырбека использовать. Я слышала, что там заключённые за это так же поступают, как они поступили бы на воле. Считают, что судебное наказание недостаточное, и

наказывают по понятиям. Сами насилуют негодяя. Справедливо же?!

Аня помолчала, кивком головы поддержала сказанное. А потом высказала свою просьбу:

— Алина, мы тут деньги собрали. Ты бы купила дочке компьютер, как у тебя?

— Легко! Хотите сегодня, ходите завтра куплю и привезу. Прямо здесь в райцентре и купим. Поедем вместе? — сказала она.

— Давайте завтра втроём и поедем, — обрадовалась Аня.

Алина целый вечер показывала Саманте диски. Кратко рассказывала о героях. На дисках были фильмы об известных женщинах: Клеопатре, Индире Ганди, шпионке Никите, о президенте Аргентины Кристине Фернандес де Киршнер.

На следующее утро Саманта отказалась ехать.

— Вы сами езжайте. Я что-то плохо себя чувствую, — пожаловалась она. За ночь осмыслив своё положение, она стыдилась людей, которые узнали бы её.

Алина и Аня поехали в районный универмаг и выбрали точно такой же, как у Алины, ноутбук марки «Интель». Он оказался дешевле других, чем понравился и экономной Аня.

В маршрутке аульчане с интересом смотрели на Алину. Их привлекала городская внешность девушки и разбирало любопытство.

— Это твоя младшая дочь? — спросила попутчица из Май-тогая.

Аня засмеялась, глядя на Алину.

— Самая младшая дочь на Севере, а это средняя!

— А я думала, у тебя две дочери! — недоумевала попутчица.

— Это самая любимая! — весело похвасталась Аня.

За совместную поездку и за дни пребывания Алины в гостях они с Аней как-то сблизились и откровенно разговаривали друг другом. И в больнице, и дома после выписки ни мать, ни Алина не спрашивали Саманту, как произошло насилие. Не хотели доставлять излишнюю боль воспоминанием о страшном происшествии. Медицинское заключение было налицо, было ясно, что увечья — следы побоев. Мать не могла понять, как дочь оказалась один на один с Кадырбеком. Да и следователь вразумительного ответа от пострадавшей не получил. Тогда Саманта сказала, что часто приходила на берег и

что Кадырбек, которого она знала и раньше, застал её одну. Потребовал, чтобы она отдалась, а за то, что она сопротивлялась, насильник подверг её избиению. Саманта никаким боком не хотела вмешивать Эдика. Не для того, чтобы его оградить от соучастия. Его предательство ей было вдвойне обидно. Она хотела вычеркнуть его из памяти. Ведь она последнее время как за соломинку держалась за отношения с ним. Как за последнюю нить жизни. Теперь все последствия, все старания матери ей казались бесполезными.

Алина гостила три дня. За это время Саманта освоила компьютер. Алина в следующий раз обещала привезти устройство, которое подключало к интернету через сотовую связь.

В последнюю ночь пребывания, когда они легли, потушив свет, Алина всё же спросила:

— Саманта, а как получилось, что ты с Кадырбеком оказалась на берегу?

— Я там часто бываю, это же прямо напротив нашего дома. Я там то овец смотрю, то купаться хожу. А он подъехал и поймал меня, — сказала лежащая на диване Саманта.

— Как-то легко у него получилось. Говорят, что тебя под Кадырбека подставил парень, который встречался с тобой!

— Пусть говорят! Пусть все насытятся от своих разговоров! — с возмущением проговорила Саманта.

— На суде тебе потребуется давать показания. А врать там нельзя!

— Я никуда не пойду! Пусть что хотят, то и делают, — прошептала Саманта.

— Тогда они могут так повернуть, что ты спровоцировала избиение. Это будут для преступника смягчающие обстоятельства. Мы будем настаивать на суровости наказания.

— Как хотите, — выдавила из себя безразличие Саманта.

Этот разговор Алина провела по просьбе Анны. Утром, оставив Саманту в доме, она зашла на кухню и доложила матери о разговоре. И высказала свои соображения.

— В связи с её неявкой суд могут отложить. Если она откажется от показаний, то следователь сможет потребовать условного срока. Что-то это мне не нравится! Кроме того, мне кажется, что она кого-то огораживает. С ними ещё кто-то был?

Анния догадывалась об этом, но никому ничего не говорила. Не сказала и Алине. Та уехала ни с чем.

Ближе к завершению следствия обстановка очень сильно изменилась. По аулу прошёл слух, что Кадырбек был не один, а вместе с ним был и сын Сарыгыз. Как известно, хабар на земле не лежит, тайну от народа нельзя сохранить ни в каком сундуке, тайна пролезает через любую щель. Участие двух мужчин в изнасиловании меняло представления аульчан. Чем хуже, тем лучше для их воображения. Они с утра до вечера только и представляли, как разыгралась трагедия на берегу Кубани. Народ добивался истины. Ему больше верилось в то, что преступление совершалось двумя молодыми людьми. И в общем-то, это было ближе к истине. Пошёл слухок и о деньгах. Заговорили о крупной сумме. Кто-то подкинул версию о том, что молодые люди пытали боевичку, чтобы выведать о схроне, где лежат доллары империалистов. Не было художественной литературы, детектив писать было некому, а образцы мировой литературы не подходили для Май-тогая. Народ созидал свои произведения в устной форме. Но реальность никто не отменял. Следователь вёл следствие. Защита Кадырбека зашевелилась.

Анния рано утром увидела в окно, как перед калиткой остановился пожилой мужчина в новом стального цвета костюме, голубой сорочке и серой шляпе. Это был Таубий, отец Кадырбека. Мужчина старше и Анния, и Информации был пенсионером. Таубий поправил на голове шляпу, потеревил кончики седых усов и сделал сердитое выражение лица. Анния сразу поняла, по какому поводу он явился, и решила встретить мужчину как подобает. В дом, во двор она пускать не собиралась, поэтому на всякий случай схватила палку, которой выгоняли со двора скотину. Но уверенность её пропала, когда она подошла к другой стороны запертой калитки. Анния застыла перед выходом, хотя её не было видно.

— Открывай! Азраил спустился с небес! — произнёс мужчина, интуитивно почувствовав дыхание женщины.

Таубий слыл своеобразным человеком. В каких-то вещах он был категоричен до неприличия. Он отстаивал идеалы непорочности, нравственной, да и физической чистоты. В молодости, когда всюду работали предприятия общественного пи-

тания, он поехал в райцентр, чтобы пообедать в кафе. В те времена это было в моде среди уважаемых аульчан. Он заказал еду. Сердобольная раздатчица предложила свои услуги культурно одетому мужчине:

— Вы садитесь за стол, а я сейчас принесу борщ! — сказала она.

Надо заметить, что май-тогаевцы любили борщ. В те ещё далёкие времена, лет тридцать назад, дома аульчане обходились без этого экзотического блюда. Тогда почему-то считали это обременительным занятием. Кто будет сидеть и нарезать капусту, морковь, искать бурак — его не сажали в своих огородах — и делать специальную поджарку? В те времена появилась и поговорка: «Интересен русский борщ!» — так говорили о загадочных явлениях, о сенсационных происшествиях. Поесть борща — было одно из существенных намерений тогдашних мужиков для поездки в город. Конечно, эти вылазки мужчин подталкивали женщин быстрее обучиться кулинарному искусству. Они вскоре научились, стали готовить это блюдо и у себя дома. Если обезьяна стала человеком, научившись ходить, то почему бы ногайским женщинам не научиться готовить русский борщ?!

Бедная женщина, чтобы придать большую торжественность посещению клиента, сама принесла тарелку горячего борща. Но когда несла, обожгла налитым до краёв варевом большой палец. Поставив тарелку на стол, она стала дуть и облизывать его. Всё равно она была довольна! С чувством исполненного долга она удовлетворенно посмотрела на аккуратно одетого мужчину.

— Кушайте на здоровье! — сказала она, желая услышать благодарственные слова.

Но лицо Таубия побагровело, пронзив взглядом дувшую на палец женщину, он, показав рукой на тарелку, на весь зал крикнул:

— Убери это!

— А что случилось?! — испугалась женщина.

— До того, как сунула свой палец в борщ, неизвестно, в какое непотребное место ты его совала!

— Да никуда я его не совала, а обожглась! Я хотела понравиться! — вскрикнула она.

— Убери со стола! — требовательно прикрикнул он и заставил женщину нести тарелку обратно.

Недовольный Таубий поел второе и ушёл. Происшествие осталось в неписаной истории Май-тогая. В зале находились и его аульчане, а такие вещи обычно имеют воздействие на обывателей. По этой части за ним ещё числилось несколько сальных рассказиков. В молодости, точнее, когда ему было лет сорок, поехал он с одноклассником отдохнуть в город. Тогда была такая мода, форма отдыха. Его одноклассник был человек с поэтическим настроением души, тогда он ещё и стихи писал. Аульчане часто собирались на такой отдых, с которого возвращались усталыми и измождёнными. Им хотелось посидеть в кафе, покушать, выпить вина, которое тогда везде продавали. Таубий с другом поели, выпили, поглазели на сидящих в помещении. Отдохнули. В завершение такого уикенда они решили пройтись по городскому парку. Когда прогуливались, мимо них прошла красивая блондинка в облегающем тело ярком светлом платье, с добротной грудью и точёными ножками. Как говорят, всё было при ней! Молодые люди восхищённо посмотрели вслед. Тогда одноклассник мечтательно сказал:

— Мне бы её часть выше пояса! А тебе — всё то, что ниже!

Если бы он знал, какие последствия возымеет его высказывание!

Когда они отошли на некоторое расстояние от того места, Таубий схватил друга за грудки:

— Ты почему забираешь себе хорошую часть, а мне даёшь часть с мокрым местом?! Да кто ты такой?!

Между ними завязалась драка. Известно, что в городе не везде можно драться. Люди вызвали милицию. Драчунов забрали в участок. Боялись даже отпустить их вместе, поэтому сделали так, чтобы они отправились домой в разное время, на разных автобусах. О драке и на работу сообщили: в то время аульчане состояли в рабочих коллективах, и со всеми велась воспитательная работа. Таубий с одноклассником после этого отдыха так и не помирились.

Антя замерла за калиткой. До этого, после посещения Сарыгыз, она задавалась вопросом: «Как Аллах допускает появление на свет таких женщин?!». Про Таубия она слышала, но по жизни не сталкивалась. Разговоры доходили и до неё. Когда она узнала, что Кадырбек сын Таубия, она как-то не задумывалась о том, кто у него отец. «Как это: Азраил

спустился с небес? Себя, что ли, он называет ангелом смерти?». Она сжала покрепче палку в руке и, открыв калитку, воинственно стала в проходе.

Таубий требовательно посмотрел на хозяйку:

— Может, в доме поговорим?

— Мне с тобой не о чем говорить! — категорически произнесла Ання.

В это время Саманта вышла из дома. Услышав голоса, она подошла к углу кухни так, чтобы её не было видно.

— Ах так! — Старик поднял свою трость и, будто угрожая, сказал повышенным тоном: — Надо, чтобы мой сын и твоя дочь помирились!

— Ещё чего?! — выпалила Ання.

— За что ему десять лет сидеть в тюрьме?

— Как за что? Он чуть не убил мою дочь!

— Чтобы ты знала: сын Сарыгыз продал твою дочь за свои долги! — с насмешкой проговорил мужчина.

— Что?! Моя дочь вещь, что ли?! Чтобы её брали и так продавали?!

— Продажная она! Но учти, мой сын не собирается на ней жениться.

— Ещё чего не хватало! За твоего душегуба, что ли?! Мах! — она показала дулю.

— Веди себя прилично, а не то мозги вышибу! — угрожающе произнёс Таубий и успокоенным голосом закончил: — Мне сказали, что это единственный шанс к примирению. Следовательно сказал. Однако я не допущу, чтобы он женился на продажной девке!

— Ты поменьше оскорбляй! А то и тебя вместе с сыном посадят! — вспылила Ання.

— Твоя дочь с сыном Сарыгыз второй год развратом занимаются. Притом на глазах всего аула. Все об этом знают. И как после этого мой сын на ней может жениться? От этого наши предки в могилах перевернутся!

— Что за разговор? Это надо доказать!

— Доказывать нечего! Спроси у сына Сарыгыз! — проговорил Таубий.

— И что?!

— За такие вещи и твою дочь, и сына Сарыгыз надо выселить из аула!

— Это что-то новенькое! — Ання перехватила палку из одной руки в другую.

— Не новенькое! — Таубий, угрожая, поднял палку. — Ты тоже с Юсуфом сношалась! — мужчина не матерился, но выбирал самые уничижительные слова.

— Иди ты к ...матери! — выругалась Ання и замахнулась палкой.

Таубий выбил её палку из рук, потом развернулся и сказал угрожающе:

— Если дойдёт до суда, то я буду давать показания! Я вам покажу французскую любовь! Здесь люди живут, а не б...ди!

Таубий ушёл. Ання была сконфужена: она предчувствовала, что разговор в таком ключе должен состояться, но не знала, с кем. Саманта убежала в дом. Она всё услышала. До этого она постоянно думала об Эдике. Теперь все её прежние домыслы оправдались. Произошло самое худшее из предвиденного. Она подумала, что самое лучшее в её положении — повеситься. Она плюхнулась на диван и ни о чём не хотела думать. Ання побежала в дом и подняла лежащую дочь.

— Приходил Таубий, отец этого подлеца! Прямо слов не нахожу! — выпалила она.

— И что он? — притворно спросила дочь.

— Говорит о том, что ты с сыном Сарыгыз делала.

— Мама, успокойся! Что я делала?

— Очень нехорошее. И якобы он, сын Сарыгыз, продал тебя!

— Что теперь? Наши глубоко религиозные предки тоже продавали дочерей незнакомым людям. А незнакомые люди что делали с их дочерьми? Гладили их по головкам, конфетами угощали? Вы что-то об этом помалкиваете! — спокойно сказала Саманта.

— О чём ты? Причём тут предки?

— Вы же на предков ссылаетесь? На их безукоризненное поведение? То, что я делала, касается меня! Это никого не должно волновать. Я могу распорядиться своей жизнью на своё усмотрение.

— Ты это брось! Бог дал жизнь, бог её и заберёт! — с испугом сказала мать. — Не говори такие вещи! — с расширенными от ужаса глазами продолжала она. С ещё большей боязнью сказала: — Таубий сказал, что выступит на суде!

— Ну и пусть.

— Мне кажется, что Алина права: они могут тебя обвинить во всех преступлениях. Слушай, а как ты оказалась один на один с этим Кадырбеком? Как он встретился с тобой на берегу? Свидание, что ли, назначали? — Ання села рядом с дочерью. Саманта не ответила. Мать собралась с мыслями и, как будто размышляя вслух, проговорила: — Этот Таубий ещё тот орешек! С ним будет непросто. Я боюсь его.

— А что он сделает?

— Ославит на всю округу!

— Будь спокойна, дальше уже некуда славить! — проговорила Саманта.

В эти дни Ання ходила в магазин. Там постоянно находилась аульская сплетница по имени Зарбийке. Она была одной из разносчиц сплетен и одновременно выдумщицей клеветнических слухов. Зарбийке, как будто у неё нет дел дома, могла простоять в магазине целый день. Разговаривала со всеми. Глубоко не разбирающиеся во всём люди считали её ходячей энциклопедией. Только знания её были конкретно про жизнь Май-тогая. Салим-Гирей и Гульнара каждый по своему фильтровал эти знания, по мере пригодности для дела. Ання вошла в магазин без шума. Женщины стояли в кругу, спиной ко входу была Зарбийке. Она вещала:

— В городе есть мужики, которые занимаются тем, что продают в сексуальное рабство. Сын Таубия Кадырбек тоже оказался из этих сутенёров. Хотел Информации дочку за границу, в город Дубай продать. Там сейчас женщины в большой цене. Говорят, что за ночь пять тысяч долларов дают, то есть почти полмиллиона нашими. — Для успокоения Зарбийке гладила ладонью руку стоящей рядом женщины.

— Что же они так цены подняли? Мёдом, что ли, намазаны у них? — вмешалась другая женщина. Но её тотчас, приставив палец к губам, остановила иная, стоящая лицом ко входу. Она увидела жену Информации.

Ання услышала болтовню о своей дочери, но решила поставить себя выше этих женщин. Она вытащила из кармана халата мобильник и, хотя гудка не было, стала вглядываться в телефон, потом нажала кнопку и ответила:

— Аллё! — затем подождала, делая вид, что слушает, потом сказала: — Мне некогда. Что нам от ваших ста тысяч?

Моя дочка сама вяжет и продаёт свою продукцию. Здоровье ничем не вернёшь. Позвоните завтра.

Женщины приуныли. Мобильник оказывал магическое воздействие, с ним легко было пустить любую дезинформацию. Ання купила всё необходимое и вышла на улицу. Она хотела уже идти к себе, но услышала, как её окликнули:

— Ання, постой!

Женщина обернулась на голос и увидела торопящегося с палкой эфенди Якуба.

— Чего это я ему понадобилась? — спросила она вслух себя и терпеливо дождалась прихода религиозного служителя, который недавно делал благословение на её курманлыке.

— Ання, я сам хотел идти к тебе. Только вы живёте на отшибе, а мне трудно ходить с больными ногами, — старик поправил на голове каракулеву папаху. — Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо. Случилось самое плохое. Осуждаю, как никто другой. Жалко твою дочь. Поведение этого подонка не одобряю. Религия против. За такое в былые времена сажали на арбу и весь аул кидал камнями в прелюбодеев. Учти, не только в насильника, но и в его жертву!

— А в неё за что?

— Она дала повод, соблазнила.

— Ты даёшь, эфенди! Пойдёт твоя дочь по воду, а из кустов выскочит гад и свалит. Соблазнила своей молодостью и красотой, что ли?! — возмутилась Ання.

— Что ты за мою дочь хватаешься?

— А то! Моя дочь ни при чём!

— Мои дочери замужем.

— Могут и на замужних наброситься! Разберитесь вы в своей религии. Нечего всех в один ряд ставить! Моя дочь тоже замуж собиралась!

— Я как раз об этом. За кого она собиралась? — пристально посмотрев на неё, спросил Якуб.

— Извини меня, эфенди. Это не твоё дело.

— Извини меня, Ання! Я хочу, чтобы всё закончилось миром. Чего нам всю округу с ног на голову переворачивать? Ведь это знаешь, как мы ославимся? Бедной девушке всю жизнь испортят!

— И так еле на ноги встала! Из-за этого изверга чуть не стала калекой! — хотела заплакать Ання, но сдержала себя.

— Пусть помиряются. Заберите бумаги с жалобой. И все будем тихо жить. Нам в ауле всем вместе надо быть. Мы — как одна семья.

— Не пойму, что за предложение?

— Давай уговорим сына Таубия жениться на твоей дочери. Позор насилия этим снимется. Дочери будет легче. Потом могут и развестись. Даст Аллах, может, будут жить в согласии! Знаешь, десять лет тюрьмы много!

— Нечего было насильничать! — не выразила Ання своего понимания.

— Ання, это лучший выход, подумай, — сказал эфенди.

Саманта могла ходить, но в сторону самого села не ходила и ходить не хотела. Идти на допрос отказывалась, ссылаясь на свою несостоятельность. Она часто сидела на пригорке, иногда спускалась к реке. Информация даже оставляла овец, чтобы она присматривала. По всем делам милиции была Ання. Когда её вызвали на допрос вместо Саманты, она села в маршрутку. Аул Май-тогай был маленький, но автобус останавливался на трёх остановках. По направлению в райцентр первой остановкой была сторона дома Информации, затем следовал центр аула, и третья остановка была на выезде. Сельчане часто ездили по аулу на маршрутке: кто посещал родственников, кто близких, кто ездил по делам. Маршрутка была полная, и только рядом с Ання пустовало место. На центральной остановке в маршрутку взобралась одна представительная женщина, одетая по лучшему аульскому образцу: в длинной чёрной юбке, серой лайковой куртке, из-под куртки проглядывала темно-зелёная кофта, на голове красовался блестящий платок в клетку. Лицо её было смуглое, она суживала и так узкие глаза и высокомерно оглядывала всех. Она принесла в автобус запах крепких духов. Хотела сесть на свободное место, но увидев сидящую Ання, демонстративно отшатнулась, брезгливо фыркнула и отвернулась. Хотя было неловко стоять, она ухватилась за поручень.

— Остановите! — она сказала это в конце аула и, передав деньги, стала выходить. Сходя, она громко произнесла, чтоб было слышно во всей маршрутке: — Сама тоже была потаскухой! Как вас, таких, земля носит! Гореть вам с дочерью в аду!

Слова эти относились к Ання. Ей стало обидно. Она опознала женщину, которая приходилась роднёй Кадырбеку. С этой бесконечной обидой она предстала перед следователем, который был мастером по таким щепетильным делам. Кстати, это был тот самый следователь, что проводил расследование по делу сына Гондураса. Разглаживая рукой свои залысины, он осторожно сказал ей:

— На стороне подозреваемого известные люди. Они к вам не приходили?

— Что им от нас понадобилось? Мы пострадавшая сторона.

— Видите ли, не совсем понятна мотивировка конфликта. Дочь могла бы прояснить ситуацию, но она не приходит. На наш взгляд, она и вам не говорит правды. Стало проясняться, что в конфликте задействовано ещё одно лицо. Есть подозрения, что ваша дочь дала повод, и происшествие случилось на почве ревности.

— Да хоть на какой почве! Он чуть не убил мою дочь! — распалилась Ання.

— Тише, тише! Я вас понимаю. Вы пострадавшая сторона! Мы, конечно, накажем виновного за совершение преступления. Я думаю, что делать вселенский скандал не в интересах молодой девушки. Тем более известно, что она сожительствовала с ещё одним молодым человеком. Там имеются пикантные подробности. Зачем ей предавать огласке свои взаимоотношения. Люди правильно не поймут её, — следователь говорил в спокойном тоне, придавая значение каждому слову.

Тем более было странно, что в милиции ничего нового не сказали. Зачем надо было вызывать на допрос? По пути домой из состоявшегося разговора Ання поняла, что к ним должны прийти авторитетные люди. Вернувшись, она зашла к дочери. Села на стул и задумчиво стала смотреть на Саманту, разглаживающую утюгом бельё. Она была возмущена высказыванием женщины в маршрутке, определённые сомнения вызывали и слова следователя.

— Они полагают, что ты путалась с обоими. Думаю, что надо мириться, — сказала Ання после долгих раздумий.

— Делайте, что хотите! Мне всё равно, я на суд не пойду! — резко сказала дочь.

В тот же вечер Ання, когда Информация пришёл ужинать, посадила его на топчан и спросила:

— Ты знаешь, что говорят аульчане о нашей дочери?

— Слышал. Мне брат рассказал. Как радостную весть сообщил.

— Ты представляешь, она с ними обоими была?

— Это с ней американское имя делает. В Америке, Европе все так живут, — спокойно ответил Информация.

— О чём ты?! Что ты на капиталистические страны ва-лишь? Наша дочь живёт в Май-тогае! И мы тоже! — возмути-лась жена.

— А я чего? Я знаю, мы все в ауле живём. Я что, учил её так делать?

— Но кто-то учил же?

— Не надо верить слухам! Лучше дай поесть! — Инфор-мация слухам и в молодости не верил.

В эти же дни к воротам дома Информации подъехал бе-лый БМВ. Из него вышел в новом чёрном костюме, бело-снежной сорочке, при красном галстуке Карасолтан. Он ог-ляделся, увидев обрастающий кустарником берег, прошёлся до края пригорка. Остановившись у спуска, стал любоваться пейзажем. Затем прошёлся к концу огорода и внимательно изучил пустырь. Ання приезд машины увидела, Карасолта-на узнала. Быстро переделась в выходную одежду. Когда Карасолтан вернулся к воротам, хозяйка дома стояла возле распахнутой калитки.

— Я к тебе, Ання, — сказал он, опять оглядываясь на берег Кубани.

— Я тебя узнала. Ты точно как портрет на наклейке бу-тылки водки! Цветущий вид! — сделала радостное лицо Ання.

— Приятно слышать! — как бы между прочим произнёс гость. — Место у вас чудесное! Природа! Кубань! Да и участок есть за вашим огородом. Можно построиться.

— Мы не против, — поддержала Ання.

— Да куда же вы денетесь. Я не за этим приехал. Муж дома?

— Дома.

— А дочь?

— Ей некуда ходить, еле приходит в себя.

— Нам бы переговорить.

— Заходите в дом, — позвала Ання и показала рукой в сторону двора.

— Ты и мужа, и дочь позови.

Ання провела Карасолтана в дом, позвала Информацию.

Карасолтан протянул руку для приветствия. Когда поздоровались, он спросил:

— А где дочь?

— Она в своей комнате, — сказала Ання и крикнула: — Дочь, выходи!

Вошла Саманта.

— Хорошо, все в сборе! — Гость оглядел всех. — Я бы рядом с вами участок взял, но это дело времени. Я не за этим пришёл. — Карасолтан оценивающе посмотрел на девушку и стал говорить, обращаясь к ней. — Я понимаю вас, вы такое пережили! Хорошо, что ты, девочка, поправилась! Надо решать дела. Жизнь продолжается. — Он посмотрел в сторону Анни. — Дочке надо замуж. Я не знаю, как там всё произошло, но за такое, я думаю, этому паршивцу Кадырбеку надо было яйца оторвать и выкинуть! — Он сделал паузу.

Ання встряла:

— Выкинуть собакам!

Саманта хотела покинуть комнату, но Карасолтан увидел это.

— Сиди, сестрёнка! — приказал он и поддержал мать: — Да, да, уважаемая Ання!

— Да, да, — непонятно почему поддакнула Ання.

— Что же делать? Пусть бы он отсидел положенные ему десять лет. Я вот думаю: какая от этого польза вам? Удовлетворение от того, что он наказан? Конечно, правильно!

— Аллах его накажет! — поддержала Ання.

— Конечно, Ання! Наказал же! Вон, сколько денег потратил! Весь народ в курсе, все осудили. Материальные потери большие. Может, решить миром и пусть он женится? Он неспроста же напал на неё, наверное, понравилась!

— Кто ему дочку отдаст?! — возмущённо сказал Информация.

— Вот поэтому! — кивнув головой, подхватил Карасолтан и, сделав паузу, стал барабанить пальцами по столу. — Любая вражда ни к чему хорошему не приводит. Я думаю, что лучше помириться. Или хотя бы сделать вид, что помирились. Людей надо успокоить, а то сочиняют всякие бредни. Я вам подсоблю! Дочери помогу устроиться на работу. Хочет — продавцом в мой универмаг, может, и товароведом на базу.

— И всё?! Да её чуть не убили. Надо по закону! — торопливо вмешался Информация.

— Ты слушай гостя! Он дело говорит! — перебила мужа Ання.

— Собственно говоря, я всё! — гость вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт и положил на стол. — Это передали! — Карасолтан встал и, проходя мимо Саманты, подмигнул ей. — Держись, сестрёнка! Всё будет в шоколаде! — Он посмотрел на Информацию. — Проводите меня.

Когда Информация вернулся в дом, Ання, слюнявя пальцы, считала деньги.

— Пятьдесят тысяч бело-зелёненькими тысячными бумажками! — удовлетворённо сказала она. Спросила: — Берём деньгами или щенками?

— Щенок — это сын Таубия, что ли? — спросил Информация.

— На фиг он нам нужен? Речь идёт о нашей дочери. Дочка, что делать? — Ання посмотрела на Саманту. — Стоим до конца и ничего не приобретаем? Или берём деньгами? Это твои деньги. Покупаем тебе пальто, платья, сапоги. Телят для дальнейшего существования. Решай!

— Мне ничего не надо! Я на суд не пойду. Что хотите, то и делайте, — ответила Саманта.

— Как, ты на суд не пойдёшь? Это ты пострадала! — вмешался Информация.

— Я не пойду на суд! — твёрдо повторила дочь.

— Тогда деньгами! — облегчённо вздохнула мать.

— Считаю, что ты дочку продала, — подковырнул отец.

— Тебя никто не спрашивает! Тупица! — махнула рукой Ання на мужа. — Да что это такое?! Тут у вас одна мать сундук несчастий! А вы прямо чистенькие, беленькие пташки! Что я, дочери зла желаю? Пусть судится! Я буду на её стороне. Очевидно, что опозоримся! Опозорили уже — аж некуда!

Ання отнесла письмо от имени Саманты, где говорилось, что к Кадырбеку она претензий не имеет и идёт на примирение. До суда дело не дошло. Кадырбек, кроме возмещения потерпевшей стороне, выплатил и положенный штраф.

В эти дни Алина на один день заехала в Май-Тогай, привезла устройство для подключения интернета через «Мегафон». Из разговоров попутчиц она узнала об освобождении насильника. Потрясённая этим, прямо из маршрутки побежала к дому Информации и, ещё не отдышавшись, набросилась на Саманту с криком:

— Вы что наделали?! Как это так Кадырбек на свободе?! Мы же столько об этом говорили?!

— Мне ничего не надо! Я хочу уехать из аула и желаю только одного: чтобы это закончилось, — невозмутимо ответила Саманта.

Аня в окно увидела бежавшую девушку. Она тотчас поняла, почему та возбуждена, и поспешила за ней.

— Вы что же наделали?! — закричала гостья и на мать.

— Алина, ласточка моя! Во-первых, здравствуй!

Они поздоровались. Алина, обняв женщину и тут же отпрянув от неё, продолжила в том же духе:

— Зачем вы так поступили? Нельзя оставлять преступника безнаказанным! Завтра и он, и ему подобные такое сотворят с другими. Я же всех своих женщин на уши поставила. Они все собирались прибыть на суд. Что я им скажу?!

— Алиночка! Во-вторых, ты подумай сама. Наша дочь пострадала от изверга. Её вызывают на допрос, а она не идёт. Ей же невыносимо каждый раз напоминать о происшедшем. И больше всего она хочет, чтобы люди не вспоминали, не бередили рану. Получается, будто мы месим одну и ту же грязь. Все взбудоражены этой историей, болтают, что угодно. А мы живём с ними со всеми! Как обычно, в таких случаях придумывают самые невообразимые версии. Их сторона сыплет угрозами. Чтобы обелить своего гада, приплетают самые невероятные вещи про мою дочь. Подруга твоя молодая, незамужняя. Каково ей! Она на люди стыдится показаться. В таких случаях лучше, чтобы всё позабылось. Пламя легко раздуть, но погасить трудно. Такое испытание никому не пожелаешь. Думаю, что этого подонка бог обязательно накажет!

— Я вас никак не пойму! Вас будут бить, а вы будете показывать обидчику, как вас бить? Так, что ли?

— Алина, представь себе, что о твоём конфликте с мужем говорил бы весь город. Тебе бы понравилось, чтобы скло-

няли твоё имя?! Тут так же. Мы знаем, что никогда не затихнет боль в нашей душе. Но больше мы хотим, чтобы люди замолчали, забыли эту историю!

— Для этого надо применять устрашающие меры. Народ склоняет голову перед сильными. А таким сейчас оказался этот подонок! Так и знала, что вы всё провалите! — сокрушённо сказала девушка.

Алина целый день обучала Саманту пользоваться устройством. В интернете нашла нужные сайты, сделала закладки. Вечером она уезжала. Ання проводила девушку до остановки. Саманта не захотела идти с ними.

— Мы пойдём другим путём! Так говорил Ленин! Я им покажу Кузькину мать! — сказала Алина на прощанье.

После Ання долго вспоминала эту фразу. Сначала смеялась, но потом...

Кадырбек освобождение из-под стражи праздновал в городе, в ресторане. На празднование был приглашён и Эдик. Люди говорили об этом, но никто не высказывал своего суждения. Знали, что насильник откупился, а потерпевшая сторона простила. «Значит, и её вина была, — думали некоторые. — Ну, и поделом ей! Получила то, что заслужила». Все гадали, какова сумма откупных. Эдик до освобождения отвозил деньги по требованию Кадырбека и передал Карасолтану. В ресторане освобождённый Кадырбек напомнил Эдику обо всём долге. Эдик видел, как они обнимались с Карасолтаном и говорили друг о друге хорошо, он убедился, что они в одной команде, поэтому рассказал обо всём матери. Сарыгыз, узнав об огромном долге сына, взбеленилась не на шутку и тотчас с бывшим директором школы Айдемиром Саламбековичем поехала в офис к родственнику. Она закатила огромный скандал, вспомнила и всех предков, и родство, и прошедшие выборы. Карасолтан пытался всё свалить на Кадырбека. Сарыгыз поклялась, что соберёт народ на митинг и опозорит перед всем аулом и Кадырбека, и Карасолтана за унижение май-тогаевцев. Она дала слово, что не уйдёт из офиса, пока они не снимут долг, и до самого вечера стояла возле входа в здание. Директор Айдемир Саламбекович, прикрыв лицо шляпой, сидел в «Оке». Карасолтан, выйдя, уничижительно произнёс в адрес подбежавшей родственницы:

— Пошла вон!

— Никуда я не уйду отсюда! Буду стоять до посинения!

— Сарыгыз приблизилась к нему лицом к лицу и впиалась глазами в его глаза.

— Пошла! Я тебе говорю! Я уже позвонил твоему ублюдку, сказал, что долги погашены! — грубо проговорил Карасолтан.

— Я пригоню трактор и перед глазами твоих ублюдков его взорву! — закричала Сарыгыз. Ей не понравилось, что он обзывает её сына уничижительным словом.

— Делай, что хочешь! — обозвать «гадиной», как он обозвал её сыну, он побоялся. И ушёл.

Трактор, конечно, она не пригнала. Вопрос с несправедливым долгом решила без суда и следствия. Сын хотел уехать на Север.

— Сиди дома! И смотри за своими детьми, моими внуками! Вон сколько в ауле ещё тёлок бегают! — приструнила она и его.

Об её высказывании невестка Айшат исподтишка рассказывала каждому встречному. Ей не понравилось, что свекровь подталкивает мужа к блуду и, наконец, она поняла старую истину, что добро должно быть с кулаками. Все сочувствовали невестке, но с Сарыгыз аульчане боялись разговаривать. Про отношения с директором Айдемиром Саламбековичем, возможно, выявленным благодаря психологическим выводам Гульнары, в ауле знали, но об этом тоже никто не смел пикнуть.

Пострадавшей осталась Саманта. После случившегося у девушки было единственное желание — покинуть аул. Но она не была готова психологически и физически. Денег у неё не было. Рассчитывала, что принесёт перевод Зоя Анварова, но от неё не было ни слуху, ни духу. На те деньги, что дали за отказ, рассчитывать было нечего. У Ання их надо было забрать, но пойти на это Саманта не могла, из-за этого надо было ссориться с матерью. Не хватало настойчивости. И она не хотела начинать с этих денег, денег, полученных за унижение. Суеверие с май-тогаевцев никто не снимал, они с детства суеверны. Ання, предвидя настроение дочери и боясь, что деньгами распорядятся по-другому, приобрела новый добротный телефон Саманте. Подарок Эдика она оставила себе. Также купила себе дорогое блестящее кожаное пальто, дочери полушубок из норки, осеннюю ярко-зелёную куртку, ей же несколько пар обуви, красивых сумок и платьев. Для дома

купили стиральную машину, новые постельные принадлежности, паласы для полов. Информации — электрообогреватель для мастерской, мотоблок для вспашки огорода, телят, сено, целый бункер зерна для корма птицы и всякую другую мелочь. Деньги из кошелька Ання быстро таяли.

Бордены в головах

Возможно, из-за того, что ложилась рано, Саманта и вставала рано. В конце лета и начале осени она ходила на берег реки. Вместо отца выгоняла овец на пастьбу. Это был предлог. Саманте хотелось побыть одной. Утром, до самого потепления воздуха, на берег никто не приходил. Ближе к обеду прибегали искупаться дети, тогда девушка уходила домой. На берегу она выбрала знакомое с детства место — это была естественная возвышенность, как курган, с которой просматривалось вся эта сторона и всё русло до противоположного берега. В детстве здесь было полноводно, тут заплывали и плыли по течению несколько десятков метров. А сейчас от обрывистого берега начиналась такая мель, что до самой середины реки видна была галька, а дальше до самого противоположного берега, хотя и были небольшие буруны, воды было не выше колена. До болезни она ради любопытства исходила эти места вдоль и поперёк, на той стороне реки собирала ежевику и возвращалась обратно. В детстве в этих местах с боязнью заходили в реку, бурное течение могло унести. Саманта смотрела на мель, но перед глазами стояла полноводная река детства. Наплывали те давнишние страхи. Единственным местом для купания теперь была заводь выше по течению. В начале лета она ходила купаться туда. Теперь возле заводи она не садилась: мог кто-либо прийти, а ей никого не хотелось видеть. Здесь же сохранилось течение, но воды почти не было, как будто её поглотило время. В голову девушки приходили разные мысли. «Почему тогда, в детстве меня не унесло течением? Лучше бы было, если бы это произошло тогда! — рассуждала она. — И не случилось бы всех этих злоключений. Я бы осталась чистой и умерла бы со спокойной душой». Она понимала, что всё произошло тогда, когда она задалась

вопросом: как жить дальше? Ответа она не нашла и попала в непонятный поток времени, принесший только страдания. «Почему я не утонула в детстве? Умирают же гуси, овцы, телята. Вырастают, набирают вес и идут под нож. Они не могут выбрать дальнейшее существование. А меня почему не пустили под нож тогда?» — задавалась она пространным вопросом. Почти все люди перед смертью занимаются самоанализом, и у неё, как будто она умирала, возникла такая потребность. Часто она хотела представить, что бы с ней было, если б она не поехала учиться. Перспектива была одна: дожидаться, когда кто-либо её найдёт, по любви или не по любви, даже не имело значения. Создав семью, она должна была нарожать детей, вырастить их, заняться их обеспечением. А дожив до старости, увидеть благополучие детей и внуков. Но это не каждому дано: одним на этом пути дети приносят только неприятности, другие теряют здоровье. Это не главное. Главное, что этого не произошло. А произошло всё самое плохое. Она не поступила на учёбу, в надежде создать семью встретила с молодым хроническим алкоголиком, а тот из-за своих непоследовательных действий потерял её и передал опущенному безобразнику. Затем, доведённая до крайности, она вернулась домой. Возникло желание делать своё будущее. Она освоила профессию, стала работать. Ради благополучия сама сблизилась с человеком искалеченной судьбы. Готова была потакать ему во всём, лишь бы он был её покровителем. Однако тот появился на короткое время. Предал и исчез, оставив без всяких надежд. В момент этой опустошённости, из-за неутолённой молодости она увлеклась сексуально озабоченным мужчиной, который желал её. А она была не прочь, но была опять коварно предана, подверглась насилию и доведена до отчаяния. На что надеяться? Как Джейн Эйр, просить высшие силы о спасении она не умела, её такому не учили. Здесь в высшие силы никто не верил. Бога, конечно, боялись, но верить начинали из корыстных соображений, чтобы Всевышний увеличил их благосостояние, чтобы сохранил здоровье, чтобы принёс потомство, счастье потомству. О том, что место её пребывания не Англия, где выжила Джейн Эйр, не российское дворянское общество, в котором жила и бросилась под поезд Анна Каренина, она хорошо знала. В той среде она не могла родиться. Она родилась в Май-тогае, в какой-то

непонятной семье, в которой не было места даже обыкновенной мечте, иллюзорное будущее застилало взор всем. Здесь люди жили, чтобы выжить. Они не могли даже приблизительно ответить на вопрос: «А в чём ваше счастье?»

Девушка в эти дни вспоминала и Курмана, парня, оставившего для ухода своих овец. Вспоминала его слова, что он может жениться на ней. «Пусть женится, я согласна», — говорила она себе. Но из-за произошедшего с ней она сильно в этом сомневалась: «Кто же женится на изнасилованной?».

Когда ездила в город и ходила к Темирбеку, бывшему любовнику подруги Заремы, она увидела оранжевый мусоровоз «Камаз». Он погрузил в кузов контейнеры, полные мусора. На железных бортах машины большими белыми буквами было написано: «Будущее в наших руках», а сбоку были пририсованы руки, держащие кучу мусора. Тогда она очень сильно удивилась. «Будущее в наших руках» — вроде понятный текст, написан для того, чтобы люди убирали за собой. Но можно подумать и по-другому. Наше будущее — мусор, и его надо собирать. Почему-то сегодня сама по себе перед глазами всплыла и эта надпись.

Со стороны кустарников за её спиной вышел Куваныш. Он бродил в зарослях, чтобы на местах сиделок что-нибудь найти. Однако желанную водку на дне опустошённых бутылок не нашёл и, немало сконфуженный неудачей, вышел на открытое место, где сидела Саманта.

— Пусто! Обмельчали люди, сами не пируют и другим не дают. В прошлом году как вы пировали! А сейчас — тьфу! Карлики! — плюнул он в сторону.

На Куваныше была вся та же летняя одежда: помятая чёрная куртка, обесцветившиеся брюки, на ногах допотопные кеды. Он поправил на голове свою неизменную кепку и сел напротив девушки. Извинительно улыбнулся, вопросительно кивнул головой.

— Чего?! — удивилась девушка, не выдавая внутреннего волнения.

— Я давно хотел тебе сказать. Когда Кадырбек тебя избивал, я был далеко. Но если бы был рядом, то не смог бы тебя защитить. У меня на волоске держится мочевого пузыря, малейшего удара достаточно, чтобы я откинулся. Меня в детстве избивали парни и повредили этот орган. Поэтому я ушёл. Зато сообщил твоим и Салим-Гирею, что ты лежишь без со-

знания на берегу. Если бы осталась до утра, то вряд ли выжила бы. Во время в больницу отвезли.

— Лучше бы оставил так. Мне надо было умереть! — проговорила Саманта.

— Ты это кончай! Посмотри, какое солнышко светит, радость разносит. Разве можно умирать в такое время?

— Да? — переспросила Саманта, но получилось, будто поддакнула.

— Ты знаешь, я уже умирал. Меня даже похоронили в землю. Когда засыпали могилу, лежу я в алагате (это ниша в могиле для покойника), и мне плохо. Там темно, холодно. Никакого рая. Пить хочется. Саван разорвал, ногами стал по доскам бить. Хорошо, что люди не разошлись! Конец был бы. Раскопали. А там я в разорванном саване. Ты знаешь, как там плохо? Не советую тебе туда попадать!

— О чём ты? Меня вообще за дуру принимаешь, что ли? Не заливай! — Саманта с улыбкой посмотрела на него.

— Вот тут я часто бываю. И такого здесь наслушался, что уши вянут от вранья. Говорят, что мы потомки Чингизхана или потомки Эдиге. Чингиз-хан полмира завоевал, а Эдиге с Москвы дань брал, Польшу и Литву разбил. Где эта наша империя?! Где Золотая Орда?! Где? Нет! Этого не может быть, потому что никак не может быть. Это реальность. Русские — это да! Американцы — непотопляемы! Ну, китаёзы ещё могут всем показать! Не верь ты никому! А наши от карликов, пигмеев появились. Мелких, метр пятьдесят ростом! Я не представляю, чтобы они были народом. Вот мы с тобой народ! Посмотри, какой я! Метр восемьдесят семь сантиметров! И ты рослая, крепкая! Потому что народная. У Батухана была такая, как ты, жена, да и казанская царица Сююмбийке как ты была. Ты — народ! Разве народ бывает без гуляющих красивых женщин? Их бог создал, чтобы гуляли! Остальных — карликовая обезьяна. Извини меня за выражение: без гуляющих красавиц и без пьяниц народа нет! Они за народ первыми погибают и героизм показывают. Карлики, которые бьют себя по груди — от них героизма не дождёшься, за спинами других прячутся: за моей, за твоей. Какой из Эдика народ?! Ему надо отрезать одно место и оставить у жены под подушкой... Да, я пью! Пью из-за большого ума! А ты вон, какая красавица! На твоём месте я плевать бы хотел на весь Май-тогай!

— Всё сказал? — остановила его Саманта. Ей не понравились его ассоциации. И то, что он развратных женщин называет гуляющими красавицами, и то, что он допускает сравнение их с ней.

Куваныш почесал шею, протёр лицо ладонью.

— Можно мне исправиться? — жалобно спросил он. И добавил: — Мне и поговорить не с кем!

— И мне не с кем, — засмеялась Саманта, качая головой.

Куваныш прилёг, перевернулся на спину, стал смотреть в голубое небо.

— Я вижу, ты благородная! Как и я! Мы с тобой попали не в то место и не к тем людям. Твои домашние — это не твои родители! Ты подкидыш, ангел! Сама себе дорогу делаешь. Никакая грязь не прилипнет. Не бойся! Мы для испытания этих людей, этих карликов. — Куваныш замолчал, перевернулся на живот и глубокомысленно сказал: — Я по закону карликов не хочу жить. Только это очень трудно! Тяжёлая действительность. Посмотри на окружение. Салим-Гирей — оборотень в погонах! Он, если ему дадут такую возможность, то и у нашего президента республики взятки будет требовать! Отличное воспитание: брат и брат, ничего не давать. Рядом Гульнара — достояние карликов: всё знает про них! Шарлатанка ещё та! Главный казан аула она варит! Своеобразный райком партии! Все ходят к ней, как будто никогда в школе не учились. Уже начали приворот родителям делать, родительскую любовь прививают. А ты не знаешь, наверное? Все её привороты заряжают мои руки. Она сама сказала, что у меня космическая энергетика. Я лежу у себя дома вдрызг напившийся и на расстоянии заряжаю пузырьки в её доме! Представляешь, какая у меня силища! Карлики все довольны! Поэтому она стирает мне, кормит меня. Людей так просто никто не кормит. Интерес есть во всём. Она Олесю тоже не бесплатно всем снабжает! Старушка на меня стучит и Салим-Гирею, и ей. Такой вот телёночек у двух маток молочко сосёт! О-о-о! У неё сверхъестественное чутьё! Она чувствует, что я инопланетянин. Следит за каждым моим шагом, как спецгент. Только сюда, на Кубань, не может ходить! Здесь наша стихия! Здесь нет места стукачам! Они никак не поймут, что человек не может жить под постоянным надзором. Меня, великана, на свободу тянет. Да и тебя тоже, поэтому ты здесь. — Куваныш остановился и вопросительно посмотрел

рел на девушку: — Ты устала?

— Немного да, — улыбнулась Саманта.

— Первый раз говорим. Научу тебя тому, что знаю. Знания свои надо передавать следующему поколению. Ты радуйся солнцу! Белому свету! Говорят, что конец света скоро. Это случится от того, что солнце сорвётся с орбиты и унесётся к другой планете. К лучшей! А на земле будет холод, мороз, вьюги.

— Я всё поняла. Ты очень складно говоришь, — сказала Саманта и с любопытством посмотрела на его лицо. — Тебя слушаешь, так подумаешь, что ты проповедник, мулла какой-то. Я одного не пойму: почему ты попрошайничаешь? Ты и пенсию получаешь, не то что мои родители!

— Это тяжёлое наследие социализма. Создать семью у меня не получилось. Но ко мне приблудились детки. Это из-за них. Я их люблю!

— Какие у тебя детки? Откуда они?

— Ну как же: То яма, То канава — это старшой. Совсем неприспособленный к нашей действительности Уважаемый. Иногда к ним пристаёт Аспирин, когда в запой уходит и когда жена выгоняет из дому. Детки нигде не работают, средств на существование не имеют. А я, как человек честный, не могу их бросить. Мою пенсию они больше, чем я сам, ждут. А после клянчат и клянчат. Когда всё молоко выпьют — палец сосут, это жуткая картина. Жестокий реализм! Без деток я прожил бы как-нибудь, а на кого их бросишь. Они, кроме стакана, никаких детских игрушек в руках не держали. Мой дом приют для деток. Результат неважен. Никто не уйдёт из этой жизни живым. Поэтому важен метод, сам процесс, как прожить. Людям надо и отдыхать. Когда хожу по аулу, я отдыхаю, очень радуюсь. Интересно же! Иногда Всевышний такое привалит, никогда не поверишь! Рано утром То яма, То канава пошёл в туалет, а там в моём огороде, где одни сорняки, козлёночек ходит. Ну, прямо охотничье угодье у меня огород: то курочка, то уточка забредёт! Ты не представляешь, как обрадовались детки, ну, прямо как в новогодней сказке! Сами резать не умеют, позвали Аспирина. Тот одомашненный, а мои первобытные. Аспирин прирезал козлёночка, шкуру содрал. Радости много! Часть туши обменяли у аульчан на бутылки. Часть сварили, шашлыки сделали. Ёлочки не было, вокруг ёлочки танцевали бы! Много ли надо дет-

кам?!

— Пстой, я про этого козлёнка знаю! — проговорила Саманта.

— Как ты можешь знать про этого козлёнка? Детки его при мне съели! А шкуру с ножками закопали на границе моего огорода и Гульнары! Не-е, ты его не знаешь!

— Как раз у Гульнары я о нём слышала: какая-то бабка своего козлёнка у неё искала.

— Категорически заявляю. Это не тот козлёнок. Нашего козлёнка имя Балакай (Дитё) было, а вашего?

— Дурак! Разве у козлят имя бывает?

— Разные козлята бывают... — Куваныш сделал глубокомысленное выражение лица, а затем продолжил начатую речь. — Детки мои тихие, не драчливые, простые люди. А какой впечатлительный Уважаемый! Как-то по небу летал журавль, возможно, что от стаи отстал. Уважаемый задрал голову и следит за птицей. Губы его трепетно произносят: «Журавушка! Журавушка!». Я подумал, ну чем не мужик, ведущий телепередачи «В мире животных». Я у него спросил: «Тебе так нравится птица?». «Да, — сказал он жалобно. — Поймать бы, скрутить головушку журавушке и в казан бросить!». Поэтическая душа! Чудо! Из таких деток морпехов, десантников можно лепить. Сам Рейган позавидовал бы! Необходимо, чтобы государство как-то финансировало такие, подобные моему учебные заведения. Слышал, что в Америке для таких детских приютов пиво бесплатное раздают!

Саманта безудержно стала смеяться, но потом, поняв, что в её положении нельзя так радоваться, взяв себя в руки, сказала:

— Браки это всё! Толком так и не ответил.

— Вот только что-то неладное происходит со старшим...

— Куваныш запнулся и внимательно посмотрел на девушку, оценил её настроение. События, о которых хотел поведать, касались собеседницы.

История всё с тем же пузырьком, содержимое которого предназначалось Саманте. Оставшийся в куртке Куваныша, он пропал в те дни. Пропойца поначалу обыскался, но затем, не найдя, забыл о нём. Действительно: зачем он ему? Но последствия были совершенно непредсказуемые. То яма, То канава имел привычку шарить по разным местам, при случае тайно и приворовывал. Утром, проснувшись рано, он как все-

гда почувствовал себя тяжело. Пока Куваныш спал, он дотронулся до его висящей на вешалке куртки, обнаружил пузырёк и долго его не рассматривая, раскрыл крышку и сделал глоток. Сразу почувствовал, что содержимое ни то, на что он надеялся. Он закрыл крышку и взял с собой пузырёк. Поняв, что обломилась мечта, прилёг на свой матрац. Уснул, что редко с ним бывало в такое время. Мало того проспал целый день, чему сильно удивились кореша, но ничего не сказали. Во сне То яма, То канава видел что-то невероятное: цветные облака, райские кущи, щебечущих птичек, ощущал неземную благодать. Проснувшись, опять помыкался по комнате. Друзья спали. Электроэнергия за неуплату давно была отключена. В темноте он рукой опять ощутил пузырёк и жадно выпил до самого дна. И опять, как говорят, поймал кайф. Проснулся он, когда утром Куваныш, под будущую пенсию выклянчив бутылку у знакомых, вернулся с добычей. Добрые молодцы Куваныш и Уважаемый позвали его к столу. Он же, сомкнув губы, замотал головой и отказался. Такое очень редко случалось. Но в жизни всякое бывает, решили они и это их позабавило. Каждый из них всегда думал о себе, о своей дозе. Конечно, несколько дней они не знали, что делает друг. Однако, где-то через неделю Уважаемый заметил, как Япончик ползает среди бурьяна и движется в направлении огорода Гульнары. Уважаемый подполз к нему, и они вместе почти час, боясь выдать себя, наблюдали, как Олеся стоит возле летней печи, отапливаемой кизяком, и варит что-то в казанке. Когда женщина отлила отвар в трёхлитровую банку и унесла в дом, Япончик побежал к оставленному на земле казанку, несмотря на то, что он ещё не остыл, взяв его в руки обтирая стенки пальцами, с жадностью стал облизывать их. Уважаемый даже сам потёр пальцем мокрую стенку казанка и попробовал на вкус, но ничего не понял. Олеся постоянно что-то варила на летней печи. То яма, То канава стал пропадать на огороде соседей. Друзей очень удивило, когда они увидели, как он работает на грядках ворожейки. Разве что в детстве у него была тяпка в руках. А после он стал появляться и на огороде Олеси, во дворе через улицу. Потом постоянно ходящий в грязнущей одежде Япончик надел на себя белую украинскую рубаху с вышитым орнаментом на груди, которую несколько лет назад похитил у пьяно-

го рыбака. На голову стал надевать узбекскую тюбетейку, которая тоже у него оказалась незаконным образом. В такой экзотической одежде он ходил с Олесей в магазин, носил воду из-под крана, собирал кизяк для печи, подметал дворы и у Гульнары, и у Олеси. Он больше водку не пил, зато приносил еду с барского стола Гульнары и обязательно маленький пузырёк с какой-то жидкостью, которую отпивал на ночь. Постоянно ворчащий То яма, То канава стал очень смирным и спокойным человеком.

Среди людей всегда имеются болтливые индивидуумы, Куваныш принадлежал к такому типу. Он немного подумал, но после махнул рукой.

— Кстати! Я слово дал никому не говорить, но тебе по секрету вынужден об этом рассказать. Зелье, которое мне дала Сарыгыз, чтобы я подлил тебе, всё же большую разрушительную силу имеет. Я тебе в лимонад совсем чуть-чуть подлил...

— Чего? — перебила Саманта. — А ну-ка с этого места подробнее!

— Конечно, оно и на тебя воздействие имело: ты вон порвала с Эдиком.

— Чего ты на зелье валишь?! У нас должно было так случиться! К этому всё шло! — возмущилась девушка.

— Не скажи! Это мне Сарыгыз за бутылку дала, а ей ворожейка, чтобы порвать ваши отношения с Эдиком, — Куваныш сделал на лице заумное выражение. — У этой истории есть и другое продолжение. После того, как я подлил тебе в лимонад, оставшийся у меня в куртке пузырёк пропал. Оказывается, у меня его стащил То яма, То канава. Он выпил его, сменил образ жизни. Ты представляешь? В то, что Япончик не хочет пить, поверить было невозможно! Но это произошло на наших глазах. Пропал наш верный соратник! Он теперь Олесю называет только «ангелом во плоти». У меня чутьё зверское, я и раньше говорил, что Олеся наркотой занимается, и в этот раз Япончику сказал. А он, гад, меня Гульнаре заложил. Она встретила меня и припугнула, что, если я буду злоупотреблять её расположением, в психушку отправит. Как будто я боюсь её психушки! В ней самые умные люди обитают! Вот такое ЧП у нас! Пропал То яма, То канава! Общественно-полезным трудом занялся братан! Боюсь, что он повлияет и на Уважаемого...

— Не поняла. А из чего они зелье делают?

— Мак точно присутствует! Его Олеся у себя разводит, а в маке наркота имеется. Видишь, какие шарлатаны! — кивнул самому себе Куваныш.

— Да ты ничем не лучше! — упрекнула Саманта.

Создалась неловкая пауза. Куваныш понял, что надо сменить тему разговора:

— Да, ещё, — его осенило, как будто вспомнил что-то очень важное. Он встал. — Ты в воду не лезь. Не вздумай здесь утонуть. Это не вода. Это саки. Представь себе, выше по реке три города и двадцать аулов, там везде ссут. Саки должны куда-то стекать из домашних туалетов, а очистительных сооружений нигде нет. Это сотни, тысячи цистерн мочи. И всё идёт в Кубань, в море к отдыхающим на курортах. Поэтому я на курорты не езжу и не купаюсь тут. И ты не вздумай утонуть. Это плохая мысль. Говорят, что надо убирать мусор за собой, а не ссать в реку. Кстати, этим и занялся наш братан То яма, То канава. Для тебя очень правильный подход к жизни — бери пример. Ты умная! Ты уберёшь за собой мусор. Да и не так много ты намусорила. Сначала убери вокруг себя, а после можно и весь двор подмести. Это тоже моё изречение! Так легче жить.

— Иди! — Саманта сделала вид, что рассердилась: понимала, что разговор затянулся и трудно было следить за ходом мысли собеседника.

В голове у Куваныша было много разного. Вот интересное слово: бордель. О том, что они у нас существовали и в очень древнее, и существуют в настоящее время, говорить кощунственно. Но как бы это сильно не осуждали, тайно всё равно кто-то принимал, а кто-то тайно ходил в такие дома. Май-тогай, конечно, не исключение. В простонародье такое место называли «Кирдим-шыктым» («Вошёл-вышел»), в других местах — «Келдим-кеттим» («Пришёл-ушёл») или сокращённо — «Келдим» («Пришёл»). Язык не обманешь, он отображение нашей действительности, и по нему узнаешь все тайны. В данном случае не об этом речь. Голову Куваныша посещали сомнительные мысли. Можно сказать, что в голове у него был настоящий «Кирдим-шыктым». Такой вот философский бордель!

— Я пойду по миру. Дома дитя в ожидании чуда, — притворно сделав печальное лицо, Куваныш ушёл.

Хотя сообщением о привороте он вызвал возмущение у Саманты, удивительно другое, то, что Куваныш своими речами рассеял все тучи, собравшиеся в её душе. «Надо почиститься», — решила она и улыбнулась тому, что эту идею навеял май-тогайский философ.

Знаковая встреча

В начале осени Ання позвали на свадьбу племянницы, она была дочерью младшей сестры. У Ання из близких был ещё брат. С ними она почти не поддерживала отношения. Брат и сестра с советских времён жили зажиточно и чурались бедного дома Информации. Их дети были чуть другие, сами сторонились детей Ання. Но никто не напрашивался в близкие отношения: ни дети, ни родители. Ання бывала у них на торжествах и траурных событиях: похоронах, поминках.

— Пригласили нас: отца, тебя и меня. Все близкие едут на сватовство к жениху, предложили и нам ехать с ними. Надо идти. В народе говорят, что если не пойдёшь на приглашение, то кто к тебе придёт. Чувствую, что они пригодятся для чего-нибудь, — Ання намекала на изменения в жизни дочери.

Саманта не смотрела в лицо матери. После того, как мать пошла на сделку, особенно из-за того, что та пошла на соглашение с её ненавистным обидчиком, в отношении к ней у Саманты появился холодок.

— Я бы не хотела участвовать там. Скопление людей меня раздражает. Мне хочется побыть одной.

— Нет, дочка! Надо быть на людях. Это старая истина. Когда появляешься среди людей, они прекращают обсуждать тебя. Поэтому надень всё самое лучшее — и порази их своим благополучным видом. Ты там будешь лучше всех! Пусть видят, что ты не повержена. Пусть заткнутся!

— Зачем мне это? — отмахнулась дочь.

— Надо идти! Я тебе говорю — это важно. Покажи, что мы не умерли!

Ання настояла, и Саманта с трудом согласилась.

Сперва пошли в дом, где с мужем живёт сестра. Там собирали делегацию в автобус. Ання с Самантой было поручено

передать семье жениха подарки: ковёр, сервиз, платки и сундук со сладостями — это одна из важных миссий в свадебных торжествах. Третьим с ними был мальчик с капшыком (мешком с особыми подарками личного характера для сватов). В автобус посадили около тридцати человек. Родители невесты на таком мероприятии не показываются. В основном были родственники старшего поколения, большей частью мужчины. Из женщин была гармонистка и несколько поющих молодых. Автобус встретили радостной толпой со своей гармонисткой и со своими танцующими. Когда остановилась встречающая сторона, со своей музыкой и песнями вышли гости. Приехавших проводили к столу под навес, где сидели родственники жениха. Ання, Саманта и мальчик с капшыком пошли в дом на женскую сторону, чтобы показать подарки. Для них было подготовлено угощение. Под навесом застолье затянулось. Положено было сидеть час, в крайнем случае полтора, но так никогда не бывает. Встречающая сторона старалась угодить новым родственникам, да и прибывшие не прочь были ещё угощаться. Ання несколько раз пробиралась к старшему делегации и дёргала его за руку, объясняя, что пора и меру знать. Перед навесом была открытая площадка для танцев, в углу сидели гармонистки и доулист с барабаном. После каждого тоста человека с приглашённой стороны в честь сказанного кто-нибудь пел или танцевал, приглашая кого-либо из группы поддержки — девушек, хлопающих в ладоши. Саманта стала среди них и хлопала, когда хлопали остальные. В группе девушек она выделялась в своей ярко-зелёной куртке, надетой на сиреневый костюм. Люди не могли обойти вниманием её ладную фигуру и симпатичное лицо. Поэтому, смущаясь, она хотела спрятаться за спины других, но девушки принимающей стороны, желая выказать уважение, всё время пропускали её вперёд. Поддерживающие веселье парни несколько раз пытались пригласить её на танец, но она тактично отказывала и, отходя со своего места, показывала на других девушек. Никто не обижался. Девушки охотно танцевали. Танцы всегда оставались первым атрибутом знакомства молодых людей.

В начале стола, где обычно сидели старшие, она увидела знакомое лицо. Темирбек был в чёрной шляпе, из под расстёгнутого коричневого плаща был виден дорогой тёмный костюм с сорочкой салатного цвета. Выбритое лицо с красными прожилками блестело, на людей он смотрел с прищуром.

Она его видела дважды, и оба раза в домашней обстановке, в спортивном костюме. Саманте показалось, что и Темирбек её заметил. Когда гости вставали, им навстречу выходили встречавшие за столом и доводили до площадки. Здесь должно было проходить радостное веселье, показательные танцы пригласивших с приглашёнными. Стали тактично выталкивать гостей на танец. Зазвучала старинная мелодия, особо нравившаяся пожилым людям. Стали танцевать старшие из гостей с девушками принимающей стороны. Когда одна гармонистка уставала, её игру подхватывала другая, барабан бил нескончаемо. Когда число танцующих поубавилось, хотели остановить музыку. В это время в круг вышел Темирбек с тростью в руках:

— Хей, ямагат! Тут Темирбек Адемеевич на торжестве любимого племянника хочет свой рост показать. Мы скрепили родство некахом, посредством божьей благодати, угощения, а теперь надо подкрепить всеобщей радостью и весельем. Приглашаю на танец девушку из наших вновь обретенных близких! — Он поставил трость на стол с музыкальной аппаратурой и вышел в круг.

Вскинул голову и метнул взгляд на собравшихся девушек. Потом дал знак гармонистке. Она заиграла старинную мелодию парного танца. Темирбек горделиво прошёлся по кругу, потом подошёл к Саманте, стоящей среди девушек. Резко кивнул головой, увлекая, показал рукой, чтобы выходила, и сделал несколько шагов назад. Саманта растерялась: она не ожидала, что выбор падёт на неё. Темирбек напористо подошёл вплотную и, взяв за руку, вывел её в середину круга. Застучал барабан, заиграла призывная мелодия. Темирбек, подняв голову, принял соответствующее выражение лица и начал танцевать. Девушка сделала движение, что вынуждена подчиниться. И начался сам танец. Темирбек делал круги, а затем останавливался перед девушкой, изощрялся в резких движениях: топал лакированными чёрными туфлями, гордо вскидывал и опускал голову. Все стали хлопать, свистеть и кричать:

— Карс! Карс!

Темирбек не останавливался. Подгонял напарницу напором движений, а затем преграждал путь прямо перед ней, делал вид, что не пропустит, а после снисходительно пропускал, кружился и давал возможность кружиться девушке. Все

были в восхищении от движений Темирбека и поддерживали их хлопками. Люди видели, что Темирбек в пожилом возрасте, и думали, что он устал и вот-вот остановится, а он не останавливался. Саманта танцевала невозмутимо. Смотрела в сторону, но напарника понимала и подчинялась всем его требованиям. Наконец, Темирбек подскочил сбоку и согласно кивнул головой, выказывая благодарность. После этого он проводил девушку к прежнему месту. Оба дышали прерывисто. Подождав, пока они оба отдышатся, Темирбек кивком головы вывел девушку из толпы. Зазвенела гармонь другой гармонистки. Кто-то запел старинную свадебную песню. Они стали так, что можно было слышать друг друга.

— Ты что-то совсем исчезла из поля зрения! Слушай, прошлый раз, когда ты приходила в квартиру, я вёл себя, может быть, неприлично. Это из-за твоей подруги. Я подумал, что и ты такая же, как она. Извини! Кстати, ты свои деньги не вернула?

— Я их не получила, — сказала Саманта.

— Странно! Мои люди нашли её в Новосибирске. Я простил ей свой долг, но потребовал, чтобы она вернула твои деньги. Она обещала. Я думал, что ты ещё раз проведает! Наверное, ты на меня в обиде?

— Нет. Что вы? Я болела, — стеснительно сказала Саманта.

— Я слышал твою историю. Говорят, что вы на мировую пошли с этим отморозком? — Темирбек пытливо посмотрел на девушку.

— Это родители. Я не вмешивалась.

— А что?

— Не знаю!.. — неопределённо ответила девушка.

— Позора бояться? Так оставить — это ещё хуже. Раньше тоже были случаи, когда кто-то издевался над слабым человеком. Тогда весь аул возмущался и стоял на стороне девушки. Что бы ты хотела, чтобы сделали с Кадырбеком? Чего он заслуживает?

Саманта стала серьёзной и с ненавистью посмотрела в сторону.

— Понял! Я сам знаю, чего он заслуживает! Удивляюсь, что в ауле мужики перевелись! Ладно, разберёмся!

Создалась пауза.

— Я вас задерживаю, Темирбек Адемеевич? — Саманта хотела отойти.

— Зови меня по имени, можешь и просто Тимой. В нашем народе отчество никогда не называли, до имени отца надо дорасти, — поправил её мужчина. Потом что-то вспомнил. — Да, постой! — Он, пройдя к музыкантам, забрал со стола свою трость, открутил её металлическую ручку и, вытащив, показал находящийся в трости нож. — Я езжу без охраны, хотя в моём положении так не положено. А это у меня для защиты. Бывает, что шпана делает наезд, так что я сам себя защищаю. И тебя, дорогую аульчанку, защищу. Кстати, какая у тебя фамилия?

— Кельдиева.

Темирбек сильно удивился:

— Так твоё имя Шахида же?

— Нет, по паспорту я Саманта.

— Ах, вон в чём дело! Саманта? — с улыбкой произнёс Темирбек и весь изменился, многозначительно посмотрел на девушку. — А ты работаешь?

— У меня нет работы.

— А кем ты хотела бы работать?

— Хоть уборщицей.

— Зачем же так? Такая красавица должна украшать учреждение. Кому-то бог даёт сообразительность, споровку, послушание, а кому-то красоту. Это тоже качество человека! Мне нужны верные люди. Ты же верный человек? — улыбнулся Темирбек и внимательно посмотрел в лицо девушки.

— Не знаю... Я смогу быть верной, — сказала Саманта и, смутившись, посмотрела в сторону. Вопросы показались ей странными.

— Учти! Верность, благодарность — высокие качества. — Он достал из кармана портмоне и, раскрыв его, вытащил оттуда визитку. — Позвони. Я проверю кое-что. У меня к тебе есть серьёзный разговор. Не стесняйся! Я могу стать тебе за старшего брата. У тебя есть телефон?

— Есть, — ответила Саманта.

— Может, мне тебя довезти?

— Что вы! Я же с матерью в процессии участвую.

— Да, конечно! Иди! — велел мужчина. Он мотнул головой в сторону людей, которые торопились к автобусу.

Саманта хотела позвонить, но робость одолевала, она не знала, как начать разговор. Шло время. После свадебных торжеств прошло около десяти дней. И в эти дни произошло неожиданное незаурядное событие.

Кадырбек ехал из города на своём автомобиле. Он не заметил, как за ним поехали два чёрных джипа марки «Лэнд крузер». Перед мостом на Малом Зеленчуке один джип обогнал «Хонду» Кадырбека и заслонил въезд на мост. На мосту обгон делать запрещалось. Когда он остановился, второй джип подъехал сзади. Разъярённый Кадырбек выскочил из машины, чтобы узнать, кто это делает. Из машин вышли мужчины в масках с прорезями для глаз, они за спинами прятали бейсбольные биты. Один из них ударом биты оглушил спортсмена. Затем эти люди затащили Кадырбека под мост. Избили, раздробили кости на ногах, повредили позвоночник и оставили спортсмена, потерявшего сознание, под мостом. Машину Кадырбека отогнали ниже по течению и сбросили с обрыва, где когда-то стояла крепость Ажи-кала. Через несколько часов в милицию поступил звонок. Женский голос сообщил, что под мостом лежит избитый человек.

Ближе к вечеру к дому Информации подъехала милицейская машина. Из неё с портфелем в руках вышел пожилой следователь, который до этого вёл дело Саманты, и вошёл во двор.

- Здравствуйте! — с поклоном его встретила Ання.
- Ваша дочь дома? — спросил он.
- А куда ей деваться? Конечно, дома.
- Проведите меня к ней, — сказал следователь.

Ання завела мужчину домой. В доме следователь осмотрелся. Увидев девушку, он подозрительно улыбнулся и внимательно посмотрел в глаза Саманты. Девушка, ничуть не смутившись, прошла к окну и остановилась.

— Дочка, это твой следователь, — сказала Ання и подвинула стул мужчине. — Садитесь, пожалуйста.

Следователь сел и достал из портфеля бумаги, положил их на стол.

— И вы садитесь, — проговорил он и, просматривая свои бумаги, сказал: — Итак! Саманта Умаровна, где вы были сегодня?

— Как где? Дома, — поспешно встряла Ання.

— У вас не спрашивают. Помолчите! И к вам будут вопросы, тогда будете отвечать.

— Дома, — сказала Саманта.

— Весь день?

— Да, — ничего не понимая, девушка повела плечами.

— А вчера?

— Она всё время дома. С тех пор как я у вас была, — поторопилась ответить Ання.

— У вас не спрашивают. Помолчите! Вы куда-нибудь отлучались в последнее время?

— Никуда, — недоумевала Саманта.

— Смотрите! Если кто-нибудь даст показания, что видел вас где-то, то вы будете привлечены к уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Итак, повторяю вопрос: где вы сегодня были?

— Дома, — твёрдо ответила девушка.

— В последнее время куда вы отлучались из Май-тогая?

— Были на свадебных торжествах у двоюродной сестры, но только они прошли в нашем ауле. За пределы аула никуда не ездила.

— Вы отвечаете за свои слова? — но не стал дожидаться ответа и снова спросил: — К вам никто не приезжал сегодня, в ближайшиe дни?

— Никто! К нам никто не приезжает! — не сдержалась Ання.

Следователь неодобрительно посмотрел на мать, но задал следующий вопрос:

— У вас есть телефон?

— И у меня, и у неё! — с гордостью ответила Ання.

— Я же сказал, чтобы сохраняли дисциплину. Но вас не разделишь, отвечаете в один голос. Кто вам звонил и кому вы звонили?

— Я никому не звонила и мне никто не звонил, — ответила Саманта.

— А вам? — спросил следователь у Ання.

— Дайте подумать, — кокетливо проговорила мать и, сделав вид, что никого не вспомнила, проговорила: — И мне никто не звонил, и я никому не звонила.

— Вы отвечаете за свои слова? — следователь вопросительно посмотрел на Саманту, а после на мать.

— Да, — в один голос ответили мать и дочь.

— Так и запишем, — следователь стал писать протокол допроса. Написав на специальном бланке, он протянул его Саманте. — Под протоколом напишите: «С моих слов записано верно» и распишитесь.

— Дочь, прочти вслух, что там написано?

Саманта, прочитав, расписалась.

— В сотовой сети мы проверим все ваши звонки, — следователь забрал бланк.

— А что проверять? Вот мой телефон! — сказав это хвастливо, Ання вытащила из кармана халата аппарат и положила перед следователем. — Дочь, и ты покажи свой! — сказала она.

Саманта достала телефон из своей сумочки и тоже положила на стол.

— Ого! У тебя крутой телефон! — сказав, следователь поднял аппарат Саманты, затем посмотрел телефон Ання и на всякий случай удостоверился в точности показаний: просмотрел входящие и отправленные звонки. — Да. В эти дни никто не звонил, и вы никому не звонили. Уточним через операторов. Вы мне запишите ваши номера, — он протянул Саманте чистый лист бумаги.

Саманта записала свой и материн номера.

— А что, звонки записываются? — удивилась Ання.

— И разговоры тоже записываются, — следователь с подозрением посмотрел на женщину.

— А я, дура, болтаю всякую чепуху! — сказала она сама себе.

— Есть что скрывать, да? — подхватил мужчина и требовательно посмотрел на мать.

— Нет ничего такого. Вы скажите, в чём дело? Что случилось? Вроде наше дело закрыто?

— Далеко нет. Боюсь, что ваше дело только начинается, — улыбнулся он. Но сразу поправился: — Я пошутил. Дело вот в чём. Сегодня в больницу в тяжёлом состоянии доставлен Кадырбек. Его избили, зверски избили. Хорошо, если выживет!

У Ання и Саманты глаза расширились, они ошарашенно поглядели на следователя.

— Мы причём?! Саманта не могла, она мухи не обидит. Да и я, кроме коровы, которая не всегда даёт доить, никого не

ударил. Ну, в соседскую собаку камень кину, чтобы не лезла в наш огород, — и все! А он, Кадырбек, совсем не кудахчет, то есть, ничего не говорит?

— В том-то и дело, что не кудахчет. Мы проверяем всех по свежим следам. — Следователь сунул бумаги в портфель. — Проверяем версию: не для того ли вызволили его на свободу, чтобы подвергнуть наказанию.

— Мы? Он же сам нашу Саманту чуть не убил, изверг! Вам надо искать мужчину.

— Ищем, — ответил следователь и направился к выходу.

Анния проводила его и, дождавшись, когда машина уехала, с нетерпением поторопилась в дом.

— Бог всё видит! Видишь, как произошло! Аллах наказал изверга! — воскликнула она с порога.

— Мама, радоваться рано.

— А ты как будто не рада?! Что молчишь?

— Буду рада, если люди как ты подумают. Если опять не придумают что-нибудь! Рада я!

— Ты знаешь, что я думаю? — загадочно спросила Анния.

— Что?

— Это ласточка!

— О чём ты?

— Это дело рук Алины!

— Мама, ты с ума сошла! Алина весит килограммов сорок, а Кадырбек почти сто. У него руки как кувалды! Он мизинцем положит твою ласточку на землю!

— Я не об этом. Я думаю, что это она организовала. Когда от нас уезжала, ласточка так нахохлилась — Анния опёрлась руками о свои бока — и сказала: «Я ему покажу Кузькину мать!». Это она! Сто процентов она!

От её показа Саманта рассмеялась:

— А как? Я даже не представляю, чтобы она имела такие связи!

— Это она! Зря ты мне не веришь! — Анния заприплясывала от радости.

— Наверяд ли! Ты не вздумай кому-либо сказать. А то прицепятся к ней. Видишь, они ищут. Кадырбек не может дать показания.

— Ты что?! Чтобы я ласточку продала?! Это я тебе говорю, другим — ни слова!

Вечером, когда осталась одна, Саманта достала визитку Темирбека и набрала на мобильнике его номер. На другом конце провода женский голос ответил по-английски, что абонент недоступен. Саманта в школе изучала английский язык, плохо, но знала некоторые слова. Ночью раздался звонок. Саманта не спала, она быстро подняла мобильник и нажала кнопку.

— Вы мне звонили? — раздался знакомый голос.

— Да. Это Темирбек Адемеевич?

— Он самый.

— Я Саманта. Вы сказали позвонить, вот я и позвонила.

— Очень хорошо сделала, Саманта. Я сейчас в Германии на лечении. Буду дома через пару недель. У меня к тебе разговор есть. Я сам позвоню по приезде.

— Я хотела сказать спасибо!

— Давай, по приезде! Всех благ! — разговор оборвался.

Вообще-то Саманта звонила, чтобы выразить благодарность Темирбеку. Она была уверена, что месть осуществил он. Анализируя как прошлую, так и эту беседу, она заострила внимание на том, что мужчина дважды сказал, что у него есть разговор к ней. Так говорят обычно, когда есть заинтересованность. «Неужели он совершил услугу для того, чтобы я добровольно сожительствовала с ним?» — единственное, что приходило ей в голову. В бескорыстную доброту мало кто верил в этом краю. Её смущало и то, что он сказал: «Я могу стать тебе за старшего брата».

Жизнь только начинается

До приезда Темирбека у Саманты произошли интересные события. Сначала приехала Алина. Она как обычно прямо направилась к подружке домой, а зайдя и увидев Саманту, с порога выпалила:

— Вот так! Получил гад по заслугам! Этого следовало ожидать!

— А ты не причастна к этому? — осторожно спросила Саманта.

— Конечно, причастна! — хвастливо сказала Алина. — Следователь ко мне приезжал из вашей районной полиции, записал голос на диктофон, расспрашивал, где я была в день происшествия.

— А как он про тебя узнал?

— Саманта, я, когда ты болела, и в полицию, и в администрацию ходила. Все уши им прожужжала, чтобы посадили мерзавца. Они знали, что я заинтересованное лицо, вот и нашли. Они подумали, что это я по телефону позвонила и сообщила о том, что Кадырбек избит. Думали, что это я от злорадства сделала.

— А ты не звонила?

— Нет, конечно! Я от следователя узнала о происшествии. Зашла Ання.

— Ты, как пуля, пролетела мимо! Здравствуй, Алина! — сказала она.

— Здравствуйте! — ответила девушка и, подойдя, обняла женщину.

Ання без обиняков выложила свои предположения. Девушки посмеялись.

— Если бы я была мужиком, то обязательно обучилась бы карате, показала бы подонку Кузькину мать! — она нахохлилась и, сжав кулачки обеих рук, потрясла перед собой.

Ання и Саманта посмеялись над её словами и движениями.

— Ласточка, ты чай не хочешь? Я только заварила! — сказала Ання.

— Не до чаёв нам! Надо действовать! — энергично проговорила Алина. Обратилась к Саманте: — Ты знаешь, ещё что произошло? Приезжала директор вашей школы Галина Асхатовна, мы её включили в состав совета нашего женского движения. Она выступила и сказала, что женщины в вашем ауле в шоке от тебя. Они думают, что это ты отомстила Кадырбеку.

— Но как? — удивилась Саманта.

— Это детали! Пусть так думают! Это в твою пользу. Мы сказали Галине Асхатовне, что хотели бы тебя выдвинуть в депутаты местного совета. Она не сразу врубилась. Видимо,

хотела сама выдвигаться. Но наши сказали, что нужна молодёжь. Тем более, это с твоим происшествием связано — тебя надо защитить, выдвигая в депутаты.

— Может, не надо на этом заострять внимание? — спросила Саманта.

— Надо! Мы хотим тебя защитить! Пусть знают, что нельзя терпеть издевательства над женщинами!

— Правильно! — вмешалась Ання. — И ходи с высоко поднятой головой! Как будто ничего не было! Не надо показывать себя оскорблённой. Главное свершилось! Пусть изверг на коленках ползает!

— Мама правильно говорит! Наши уже переговорили с «Единой Россией» и получили одобрение. Ты пойдёшь по спискам партии. Завтра мы с тобой съездим на заседание нашего совета, привезём уведомление о том, что ты в списках. Нам нельзя сидеть, сложа руки. Мама, чай распивать некогда!

Назвав Ання дважды мамой, девушка привела её в изумление. Сомкнув рот, женщина покачала головой.

— Алина, скажи нам, пожалуйста! Кто же наказал Кадырбека?

— Мама! — опять повторилась Алина, чем опять изумила женщину. — Нам даже неинтересно это! Неважен метод, важен результат! Как говорят: «Собаке собачье наказание!» Мы же делаем своё дело! Это будет нашим ответным ходом!

— Алина, я робею. Может, мне в это дело не соваться? — сказала Саманта.

— Хватить робеть! Своим поведением ты довела себя до того, что тебя чуть в овцу не превратили. Извини за эти слова! Мы только своей смелостью и отвагой возьмём ситуацию в свои руки. Отказом ты подведёшь всех женщин. Меня подведёшь! Главное, что себя подведёшь! Я тебе верна, так и ты будь мне верна! Сейчас идём к Галине Асхатовне, а завтра с утра едем в город. Ничего, если я у вас переночую? — девушка посмотрела на Анню.

— Дочка, ты такие вещи даже не спрашивай, — ответила Ання.

По дороге к школе им навстречу вышла Зоя Анварова. Она была в своём брючном костюме, в белой шапочке, из-под которой на лоб спадала чёрная чёлка. Она остановилась метров за десять до них. Алину она не знала, а Саманту призна-

ла и хотела повернуть обратно. Но было уже поздно, и она в растерянности остановилась. Когда они подошли, испуг с её лица не сходил.

— Шахида, это ты? — пытаюсь улыбнуться, спросила она дрожащим голосом.

— Её зовут Самантой Умаровной! — поправила Алина и представилась сама: — Вы, кажется, старше меня, зовите меня просто Алина. Я представляю женское объединение «Сююмбийке».

— Саманта Умаровна, — машинально подхватила Зоя, — я ждала вас, но вы не явились.

— Зоя, зови меня на ты, зачем ты отчество говоришь? Когда мы виделись, ты сказала, что сама зайдёшь! Да что-то не пришла!

— Я не помню, что говорила. Деньги твои пришли. Ты их получи.

— Должны были ещё столько же перевести!

— Да. На твоё имя два перевода по десять тысяч. Таких больших переводов в ауле никто не получал. Ты заходи домой, я тебе выдам, — сказала Зоя.

— Что за деньги? — как-то строго спросила Алина.

— Это те деньги, которые мне должны были за свитера. Деньги кстати, — ответила Саманта Алине. А Зое сказала:

— Хорошо. Я зайду после школы.

— Я слышала, что партия «Единая Россия» тебя включила в свой список кандидатов в депутаты? — осторожно спросила Зоя.

— Одобрели кандидатуру по предложению женского объединения. Надо голосовать за Саманту Умаровну, — сказала Алина.

— Я думаю, что все будут за неё голосовать. Особенно после того, как с Кадырбеком этакое случилось, её все хвалят, — Зоя с подозрением, изучающе посмотрела на Саманту.

— Пусть катается в инвалидной коляске. Кто же виноват, что он не мог с людьми по-человечески сосуществовать?! — Алина потянула Саманту за руку: — Идём, а то могут без нас начать.

— Я тоже хотела что-нибудь сделать! — сказала Зоя.

— Вы можете войти в группу поддержки, — оборачиваясь, ответила Алина.

— Я запишусь, — сказала Зоя Анварова.

Зоя Анварова, да Зоя Анварова... Почему её все так называли, сочетанием имени и фамилии? Так уж получилось по жизни. Она должна была именоваться Зоей Крым-Гиреевой. Однако она сама имя отца игнорировала. Из-за того, что отец бросил её ещё в грудном возрасте и не участвовал в воспитании. Ей было очень обидно расти сиротой при живом отце. Её отец Крым-Гирей был женат десять раз. Начало 60-х годов было временем появления матерей-одиночек. Возникло это стихийно или по негласной указке КПСС, сейчас трудно сказать. Тогда боролись с пережитками прошлого, но заодно крушили все старые устои, да и семейные традиции тоже. Мужикам с особыми данными по женской части было чересчур вольготно. Конечно, многие и тогда женились и до самой кончины жили с одной женщиной, но о них не так интересно рассказывать. Отец Зои был симпатичным мужиком, уверенным в себе. Он мог заключить брак и в том же году развестись с женщиной. Оправданием служила поговорка, ходившая по всей стране: не сошлись характерами. Если в Магадане это было существенным оправданием, то для Май-тогая оно было несколько странноватым. Как-то, когда Крым-Гирей очередной раз женился и развёлся на той же неделе, сильно переживавшая за сына, что он не может создать нормальную семью, бедная его мать сказала ему: «Сыночек, ну ты сначала узнал бы её характер, а потом женился!», Крым-Гирей ответил ей: «Мама, если не ляжешь с ней в постель, как ты узнаешь её характер?». Это выражение стало хрестоматийным для май-тогаевцев. Крым-Гирея нет в живых, но часто вспоминают нравоучительную беседу матери с сыном. Вопреки всем устоям и традициям все хотят сперва лечь, а потом жениться. Когда Зоя получила паспорт, — а тогда с этим документом было сложно, должны были быть точные сведения, — её записали Зоей Крым-Гиреевой. Она, как было принято, на радостях первый документ, удостоверяющий её личность, показала подруге. «Так твоего отца звали Крым-Гиреем?» — спросила подруга. Тогда Зоя придумала любопытную версию. Она сказала, что отцом у неё был некий комиссар Самуил, он у них прожил всего несколько недель и уехал, но никогда её

не забывал и даже присылал ей на день рождения подарки. Эта гипотеза, как говорят некоторые телеведущие, никем не была отвергнута, но и не подтверждена. Откуда она нашла это имя, почему комиссар? Её мать ещё не родилась, когда были красные командиры и комиссары, возможно, что Зоя была под впечатлением фильмов о гражданской войне. Ну, конечно, не имя же всеми признанного детского поэта Маршака она выбрала! А кто знает? По этой части курьёзных вещей немало. Исходя из нашего повествования, можно подумать, что сакральное значение придаётся имени только в Май-тогае. Но такое, на наш взгляд, характерно и для всей страны. В России очень часто люди скрывают имя, отчество, фамилию, место рождения, очень часто национальность. Поддельваются под среду обитания. Например, едет ногаец по имени Басыр в Москву устраиваться на работу. Он обязательно среди новых знакомых, особенно среди женщин, представится Басиком, Васиком, а там недалеко и Василий. Говорят, что среди собак и лисица может тьявкнуть. Пословица означает, что лисица тьявкает перед человеком, чтобы выдать себя за собаку. Сложная пословица, но кому как нравится! Ну, а в Тюмени, Самаре, Магадане сколько наших Магометов, козыряющих под именем Михаил, Анваров — под Антонами, а Салманов — под Семёнами! А сколько ногайцев, для устрашения соперников выдающих себя за чеченцев, да и называющих себя дагестанцами немало — это ладно, некоторые ногайцы в Дагестане укоренились. Россия велика, всех не пересчитаешь, а если и пересчитаешь, то всё равно ничего не поймешь. Это что касается демографической ситуации. А по части Зои Анваровой, конечно, мы тут касаемся скользкой темы. Лучше замаять для ясности. Замаяли! Но иногда сгоряча кто-то вспоминает, что она Зоя Самуиловна. Например, Куваныш, когда обнаружит недочёт в пенсии. Поэтому в ауле, чтобы ей жилось комфортно, все стали звать её Зоей Анваровой: имя и фамилия сошли за имя и отчество. Но всё правильно, никакой фальсификации. Люди всегда придумывали что-нибудь заново, а народ в Май-тогае чуткий: так и тянет на новшество.

Зоя Анварова была женщина с аналитическим мышлением. До случая с предполагаемым возмездием Саманты Ка-

дырбеку она зажала деньги, пришедшие на имя Саманты Кельдиевой. Хотела их использовать на свои нужды, как будто получила беспроцентный заём. Присвоить побаивалась, но решила, чтобы девушка походила за ней. Однако избиение Кадырбека испугало её, она дорожила своим местом на почте, и изменила планы. Зоя поняла, что с возвратом денег придётся поторопиться. С другой стороны, её разбирало страшное женское любопытство, что же кроется за всеми происшествиями с этой девушкой? Странная история со слухами о прошлом, мудрёное участие в выборах, весомый подарок Карасолтана в виде холодильника, значительный перевод денег из Новосибирска... А последнее и в голову не вмещается: пойти на примирение, взяв откупные деньги, а после совершить страшную месть!.. — Все это подчеркивало неординарность Саманты. Но женщинам это нравилось, особенно последнее: месть насильнику. «Кипит наш разум возмущённый. И в смертный бой вести готов!»

Директору школы Галине Асхатовне было за пятьдесят лет. На ней был чёрный строгий костюм, кучерявые волосы были покрашены чёрной краской. Лицо продолговатое, скуластое, нос с горбинкой. На ушах её висели массивные серебряные серьги, на всех она смотрела, расширив чёрные глаза. Алину она обняла при встрече.

— Я очень рада вашему приезду. Учителей я подготовила. Никто против Шахиды не настроен, — продемонстрировала она свою исполнительность.

— Не Шахиды, а Саманты Умаровны, — поправила Алина.

— Мы так привыкли её называть. Она моя ученица. Математику учила у меня. Примерная, скромная. Она мне всегда нравилась. Правда, Саманта Умаровна?

— Зовите меня просто Самантой. Я вас хорошо помню и всегда благодарна вам!

— У тебя теперь новая жизнь. Будь всегда с нами. В единстве мы сила! — Галина Асхатовна строго посмотрела на девушку.

Видно было, что женщина умеет диктовать свою волю.

— Вы собрали людей, как мы договаривались? — спросила Алина.

— Все на перемене соберутся в учительской.

— Нам хватит и десяти минут. Главное сделать объявление. Дискутировать будем после, на следующей неделе.

В учительской собралось более десяти учительниц. Одни из них обучали Саманту в школе, другие, недавно пришедшие на работу, тоже знали девушку в лицо. Все они с любопытством смотрели на неё, на её статную фигуру, на подходящую одежду, на манеру держать себя. Происшествие с изнасилованием на них произвело впечатление, но тогда они не могли войти в её положение, так что смотрели со стороны: мало ли что происходит в жизни аула. Считали, что девушки должны сторониться сомнительного общества, их смущало, что она оказалась в неполюбованном месте. Недавнее событие с избиением Кадырбека и попаданием его в больницу взбудоражило не меньше. Если до того примирение в глазах аульчан подтверждало виновность девушки, то теперь жестокое наказание перевернуло взгляды педагогов. Они стали понимать, что девушка невинно пострадала, что защищая себя, она адекватно расправилась с обидчиком. Как говорилось, этот приписываемый ей поступок вызвал всеобщее уважение у всех май-тогайских женщин. Это было согласно национальной традиции. Такие негодяи должны быть наказаны.

Повела собрание Галина Асхатовна.

— В этом году наш коллектив стал участвовать в женском движении «Сююмбийке». На днях меня, вашего руководителя, включили в высший совет объединения. К нам в гости приехала куратор нашего объединения Алина Ажмуратова. Я даю ей слово.

В это время в учительскую зашла Зоя Анварова. Она тихо извинилась и села на свободный стул.

— Дорогие женщины! В начале года мы вместе создали у вас ячейку нашего объединения. Пора нам действовать. Наше движение ведёт активную работу в республике. Оно работает вместе с ведущей партией страны «Единой Россией». Партия поддерживает нас во всех начинаниях. Мы считаем, что правовая и социальная защита наших соотечественниц недостаточная. Наш лозунг «Права женщины — права человека» соответствует требованиям программы партии. Отстаивая свои права, мы ничего не боимся. Нашим женщинам предостав-

ляется возможность выбора своего завтрашнего, будущего в жизни. Поэтому мы идём на выборы всех уровней власти. Предлагаю вам поддержать кандидатуру Саманты Умаровны Кельдиевой. Она девушка работающая, справедливая, ответственная. Мы надеемся, что она станет достойной избрания в депутаты нашего муниципального образования, — Алина села и подтолкнула локтем Саманту, давая ей понять, чтобы она не робела.

Ведущая взяла слово:

— На совете объединения женщин произошёл разговор о возможном кандидате в депутаты. Я от имени вас сказала, что мы поддержим нашу односельчанку, выпускницу нашей школы, — Галина Асхатовна показала на Саманту. — Саманта Умаровна, несмотря на молодость, перенесла много страданий. Давайте предоставим ей слово.

Саманта встала и обеими руками разгладила выше пояса бока сиреневого костюма.

— Дорогие женщины, мои учителя и мои земляки! Мне очень неловко говорить в данной обстановке. Неловко из-за того, что я младше вас. Обычно при старших мы мало говорим. Вы дали слово. Спасибо за то, что поддерживаете. Обещаю вас не подвести, буду выполнять ваши поручения, буду защищать женщин, старых и больных, детей. Хочу пожелать нашему аулу хорошей жизни!

— Спасибо! — сказала Галина Асхатовна. По договорённости с Алиной они должны были закончить собрание, но тут руку подняла Зоя Анварова. Ведущая удивилась вмешательству и недовольно сказала: — Говорите!

— Я тоже хочу сказать в поддержку кандидатуры Саманты Умаровны. Я её знаю по совместной работе в участковой комиссии. Порядочная, исполнительная, принципиальная. Думаю, что аульчане поддержат её кандидатуру.

На этом собрание закончилось. Зоя Анварова подошла и обняла Саманту и, чтобы никто не слышал, приглушённым голосом проговорила:

— Я принесла деньги и извещения. Надо расписаться, да впиши паспортные данные, и я отдам тебе твои деньги. — Она отвела девушку к пустующему в углу помещения стулу и дала бланки извещения для подписи. Саманта села за стол, достала паспорт, и вписав данные, расписалась на бланках.

После Зоя отсчитала деньги и вручила в руки девушки. — Пусть деньги принесут тебе удачу! — сказала она традиционное пожелание.

Учительницы пошли на уроки. Зоя с нарочитым восхищением смотрела на Саманту, ей явно что-то было нужно. Когда подошла разговаривавшая с директором Алина, женщина спросила:

— А мне можно в женское объединение записаться?

— Можно. Приезжай в республиканскую библиотеку, мы там собираемся. Как раз завтра в одиннадцать часов у нас должен состояться совет. Твоё заявление будет нужно, — сказала Алина.

— Я могу с сыном на машине поехать? — заискивая, спросила Зоя.

— Заодно и нас с собой возьми! — сказала Алина.

Так они договорились. Зоя Анваровой было за сорок лет, хотя все перспективы были туманны, она думала о карьере, надеялась, как говорится, на случай, на счастливую лотерею. Ею руководило, кроме женского любопытства — кто же стоит за мезью Кадырбеку? — интуитивное понимание, что у Алины и Саманты есть что-то необъяснимое, какая-то харизма, и ей должно с ними повезти. В случае везения объединение могло понадобиться для трамплина, она это предчувствовала.

Утром она приехала с сыном. Её по поданному заявлению включили в состав объединения. На совете руководство объединения познакомилось с Самантой. Женщинам импонировало поведение девушки, и они помогли заполнить все необходимые документы. Алина летала от счастья от того, что её планы сбываются. Она договорилась с подругой, что прибудет в аул на следующей неделе для проведения предвыборной кампании. Главное было сделано: для избрания в депутаты муниципального совета достаточно было просто включения в списки ведущей партии. Партия крепко стала на ноги. Но Алина, чтобы не возникло осложнений, решила достойно провести кампанию, это ей нужно было и для поднятия статуса объединения, и вообще она в силу своей молодости жаждала деятельности, хотела поверить в свои силы.

Обратно в аул Саманта возвращалась с Зоей Анваровой.

По пути Зоя остановила машину и попросила сына оставить их одних для разговора. Сын вышел и пошёл в сторону лесополосы.

— Про некоторые вещи сыну лучше не слышать. Саманта, вот в чём дело. Расслабляться нельзя. До конца надо быть начеку. Всякое может быть. Кандидатом от КПРФ регистрируется Айдемир Саламбекович, бывший директор школы. Этому прохвосту на что выборы дались на старости лет, непонятно! Иногда бывает, что от коммунистов такой подъём случается. Его сторонники будут в нашем ауле, в основном пожилые люди, в школе, наверное, учителя есть. Я поговорю с Галиной Асхатовной. Пусть своих припрёт. Она — женщина ответственная, сможет. Однако есть одна загвоздка. Это Эдик. Он будет на его стороне. Он представляет опасность. Ты же с Эдиком порвала? — спросила Зоя, поправляя чёлку на голове и внимательно глядя в глаза попутчицы.

— Ну да, — ответила Саманта

— Совсем? Женщины часто возвращаются к своим бывшим!

— В моём случае возврата не будет! А что это Эдик должен быть на стороне директора?

— Как? Ты не знаешь? Мать Эдика Сарыгыз «вась-вась» с директором.

— Как это понять? — рассмеялась Саманта.

— А вот так! Мы тут, молодые, прозябаем, а наши блюстители высоких нравов нежатся в теплых постельках. Все знают. Я думала, что и ты знаешь!

— Я не слышала, — недоуменно сказала Саманта.

— Думаю, что Эдик не знает про мать. Обычно близкие о таких делах узнают последними. Интересно, как он себя поведёт, если узнает? Ему не должно понравиться! Не совсем же пропащий! Однако всякое может быть. Сейчас время подлых и беспринципных людей.

— Не знаю, Зоя. Можно его и в стороне оставить!

— Ты же видела его пацанов на выборах Карасолтана. Он ещё тот перчик! Людей запросто за собой поведёт. Его необходимо нейтрализовать. Попробую сначала сама переговорить. Если не совсем идиот, то он не должен афишировать порочную связь матери.

Саманта ничего не сказала. Зоя стала действовать. Она переговорила с Галиной Асхатовной. А затем поймала Эдика возле магазина.

— Что у вас там, семейный подряд, говорят? — весело сказала она.

— О чём ты? — удивился Эдик.

— Ты собираешься агитировать за бывшего директора школы?

— Хотя бы так! А что? — невозмутимо ответил Эдик.

— Тебя же на ноги отец поставил, что за отчима цепляться?

— Какого отчима?! — вознегодовал Эдик.

— А я думала, что вы в одном доме вместе живёте! Извини, если обидела, — лукаво проговорила Зоя.

Эдик уехал с испорченным настроением. Слова Зои, как змеи, заползли в самую душу. До встречи с Зоей у него был разговор с Айдемиром Саламбековичем. Они заключили устное соглашение о том, что Эдик с друзьями будут работать на бывшего директора. Он не стал говорить с матерью, понимал, что это не принесёт эффекта. Да и неудобно было, тема очень щепетильная. В семье доминирующей была мать, но и Эдик был с характером.

На следующий день рано утром к их воротам подъехал Айдемир Саламбекович. Эдик, в окно увидев его машину, поспешно вышел навстречу и преградил проход к калитке. Для Айдемира Саламбековича это была большая неожиданность:

— Эдик, я к вам.

— Я уезжаю, — сказал Эдик.

— Я с матерью поговорю, — сказал Айдемир Саламбекович и хотел пройти мимо.

— Мать занята. Вы, пожалуйста, в моём доме с ней не встречайтесь. Зовите к себе! — сказал Эдик.

Айдемир Саламбекович всё понял и быстро отошёл к своей машине. Эдик демонстративно стоял в проходе и явно дожидался отъезда машины. «Ока» отъехала. В доме приведшая себя в порядок мать спросила:

— Айдемир Саламбекович приехал?

— Ему у нас делать нечего! — категорично ответил Эдик.

Сарыгыз тоже всё поняла без слов, она в ответ недовольно скривилась.

Бывший директор не знал, как ему увидеть Сарыгыз. Он уже не мог без встреч с ней. Он остановился на центральной улице так, чтобы было видно выезд машины Эдика, а когда он выедет, чтобы заехать и увидеть свою желанную. С молодецкой настырностью он прождал до самого обеда. Когда собрался уехать, то увидел выезжающие из проулка белые «Жигули». Выезжающий Эдик тоже увидел стоящую на трассе белую «Оку». Айдемир Саламбекович убрал руки с руля, а Эдик, поняв маневр, остановился прямо на выезде. Более часа обе машины стояли и глядели друг на друга. Наконец, не выдержала малогабаритная «Ока», она с мысленным белым флагом проехала мимо «Жигулей».

Оба водителя потеряли весь день. К вечеру Эдик заехал к Борису Картакаеву.

— Отбой! — сказал Эдик. — За Айдемира Саламбековича не агитируем. Пусть сам разбирается со своей карьерой.

— А мы за кого? — спросил Борис.

— У всех есть свобода выбора. Голосуйте за того, к кому лежит душа.

— Будем голосовать за Шахиду.

— Лучше за неё.

Айдемир Саламбекович попал в удручающее положение. Ему далеко за шестьдесят, но из-за своей неуёмности и некоторых обстоятельств он пошёл на выборы. Коммунисты его не звали, аульчане не признавали, особенно, после высказывания собственного сына. Ему народ, мягко говоря, был до лампочки. Когда он потерпел фиаско с директорством, единственным человеком, которому надо было показать свою профпригодность, была Сарыгыз. Она для него была как родник, утоляющий жажду. Бывает такое на старости лет. Депутатство ему было нужно, как костыль одноногому. Самому агитировать за себя как-то не принято. Бывшие подчинённые по школе откровенно заявили, что боятся Галины Асхатовны. Эдик с друзьями разорвали отношения. Да и с Сарыгыз невозможно было встретиться: он каждую ночь перед сном посылал телепатические сигналы, но она не отвечала. Решил купить два мобильника. Но человек он был жадный, так как до сих пор не купил даже себе сотик. Поэтому он ездил к аульскому магазину в надежде, что любимая придёт за продуктами. Её не было. Как ножом по сердцу! Собственная жена,

в результате начавшихся всеаульских уличных дебатов всё же узнала о связи мужа с Сарыгыз. Она дала обет молчания, решила не разговаривать с ним до самой смерти, и перебралась в летнюю кухню. А так как там было холодновато, в это время года спала в шерстяном платке, укрывшись двумя стёгаными одеялами. А ему хотелось женской ласки, хотя бы своей жены. Ну, что ей стоило лечь, положить свою мягкую ручку ему на поясницу?! Или, как он делал с самого начала семейной жизни, поспать с рукой, положенной на мягкую грудь?! Большого ему не нужно было. После того, как стал встречаться с Сарыгыз, он с женой глупостями не занимался. А теперь, когда и Сарыгыз попала в удалёнку? Прямо беда! Как жесток и несправедлив этот мир!

В эти трудные дни он обратился к старому коммунисту, орденоносцу, бывшему соратнику по выборам Карасолтана Шарапутдину Бакаеву:

— Положено же агитировать. Давай соберёмся со старыми коммунистами и проведём встречу. Компартия может потерять место в муниципальном совете!

— Ты чего про коммунистов вспомнил?! Ты себя не пугай с партией. Ты делаешь опрометчивые шаги. С сыном у тебя вышла ужасная история. Как это так: сын пожелал скорейшей смерти отцу?! Думать надо! Кто же так воспитывает детей?! А с Сарыгыз вообще... В твоём возрасте таким порочным быть – ты меня извини! Ты думаешь, что мы не хотим вдовушек?! Хотим, но стесняемся людей. Надо честь беречь! И меру знать! – сказал Шарапутдин.

Айдемир Саламбекович, вспомнив, что со всеми пенсионерами на короткой ноге эфенди Якуб, обратился к нему за поддержкой.

— Мы не за красных и не за белых. Религия отделена от государства. Вмешиваться в дела, касающиеся власти, мы не имеем права! – политически подкованно ответил Якуб.

Айдемир Саламбекович был человек упёртый и напористый. Стечение обстоятельств, временные неудачи его не смущали. Он знал, что если ввязался в бой, то надо стоять до последнего.

Агитацию за Саманту проводили несколько женщин. Галина Асхатовна каждый день прессовала своих учительниц.

Педагоги из окружения бывшего директора находились под угрозой увольнения. Но каждый раз беседы с коллективом она заканчивала словами, что чёрный список может увеличиться. Зоя Анварова работала с теми, кто получал пенсию. Она говорила, что если они не проголосуют за Саманту, то им отменят пенсию. В это можно было не поверить. Ну, а если это всё-таки произойдёт? Они и так каждый божий день просыпаются под страхом, что пенсию отменят. Удивительно активно проходил подворный обход. Так получилось, что это движение возглавляла старушка Татлихан. В Май-тогае редко что происходит стихийно, всегда есть причина или, как говорят, объективная обусловленность. У неё, несмотря на возраст, была острая интуиция. Она в результате анализа поняла, что Саманта отмечена судьбой и непременно должна победить. Но её вдохновила идея самоутверждения в жизни. А что, она зря ходила долгие годы по аулу с палочкой в руках? Не для физкультуры же! Ей же что-то нужно было? В первый день агитации, когда Алина собрала активистов и рассказала об объединении женщин, она сразу оценила обстановку, даже возбудилась. Она беспрепятственно заходила в каждый дом и говорила Алинины слова: «Будем голосовать за себя, за защиту женщин, мы изберём Саманту от лица всех женщин!». Слова были обыкновенные, но как—то магически действовали на аульчанок: почти все они вытирали руки, надевали выходные одежды и шли за Татлихан. В конце концов в ауле организовалась своего рода агитбригада. Обойдя аул, эта агитбригада возвращалась к магазину, где работа не прекращалась с момента открытия и до самого закрытия. Сплетница Зарбийке изощрялась в красноречии. Как-то женщин собралось так много, что даже Айдемир Саламбекович, решив, что настал его час показать свой рост, вышел и стал на камень, чтобы все его видели. Зарбийке громогласно сказала: «В больнице лечащий врач сделал заключение, что Кадырбек на всю оставшуюся жизнь останется прикованным к постели». Женщины не закричали ура, бога они всё-таки боялись, но одобрительно стали говорить друг другу, что произошло справедливое наказание. Татлихан, подняв палку и таким образом очищая себе коридор, прошлась в сторону, где на пьедестале стоял Айдемир Саламбекович. Она, указав палкой на мужчину, сказала: «Такое может произойти с каж-

дым, кто будет насильничать над женщиной!». Толпа обомлела, все внимательно смотрели за выражением лица Айдемира Саламбековича. Мечтавший использовать стихийное собрание для своего митинга, бывший директор слез с камня и пошёл к своей машине. Но голову он не опускал, ему хотелось показать себя активным участником кампании. Или думал, что его перепутают с Самантой и по неграмотности проголосят за него, или удовлетворял личные амбиции. Что поделаешь, странностей у людей много.

Как-то агибригада остановилась возле дома Гульнары. Им хотелось узнать мнение ворожейки. Гульнара удовлетворила запрос. Со своего крыльца она сказала: «Было видение! У Саманты были крылья и она летала над нашим аулом!». Толпа женщин радостно захлопала в ладоши. Недалеко от толпы стоял Куваныш.

— Саманта у нас как Долорес Ибаррури! — сказал он, непонятно почему посмеиваясь.

— Заткнись! Не тебе, недоумку, сравнивать нашу Саманту! — закричала Татлихан, сотрясая воздух палкой.

— Я похвалил, — хотел оправдаться Куваныш.

— Не стой рядом с женщинами! У нас равноправие! — прикрикнула одна из участниц агитбригады.

Все засмеялись над нелогичными словами соотечественницы. Куваныш закрыл уши руками и ушел в свои владения.

Алина приезжала и была довольна агитацией. Сама же готовила встречу кандидата с избирателями, так называемую официальную встречу. Она даже приготовила десять афиш и развесила в центре, в школе и на всех трёх магазинах Майтогая. В тот пасмурный день она привезла из города знаковую поэтессу из республиканского Союза писателей, скрипачку и певицу из филармонии. Актный зал в школе был переполнен. Примечательно то, что столько женщин вместе никогда в ауле не собиралось. В первых рядах сидели ветераны труда, затем просто женщины старшего поколения, они за свою жизнь нигде на концертах не были, далее сидели женщины среднего возраста. С обеих сторон рядов стояла молодёжь — молодые девушки, без юношей, среди них стоял и Айдемир Саламбекович. Мужчина был в чёрном костюме, в чёрной шляпе, с плащом в руке. Проходить в зал он побоял-

ся, занял позицию поближе к сцене: ему во чтобы то ни стало хотелось выступить перед таким скоплением народа. Он про себя думал, что настал его звёздный час и вот-вот он должен покори́ть сердца аудитории своим красноречием. Выступила поэтесса Фатима Акырзаманова. Она была маленького роста, на ней было фиолетовое платье до пят и высокая причёска. Она читала проникновенные стихи о родине, чести и долге. Прочитала стихотворения о плакучей иве и о воробушке. Женщины плохо понимали такие стихи, но зато горячо аплодировали. Минут десять пиликала на скрипке скрипачка Сюзанна Байгельдиева в платье вишнёвого цвета с огромным декольте на спине. Бетховен, Бах, Глинка (пусть извинят нас ценители классики за такой пример) были для аульчанок на одно лицо, музыку без слов они выключали даже по радио, но выступлением скрипачки тоже все были удовлетворены. Главное, что она не успела надоест. Затем вышла в блестящей мини-юбке, серебристой кофточке и с оголённым пузом местная певица Анжелика, по моде последних лет отчества и фамилии не имевшая. Диск со своим сопровождением она вставила в музыкальный центр и запрыгала в разные стороны сцены. Это были песни под танцевальные мелодии. Все стали в такт хлопать. Старушке Татлихан с палочкой в руках очень хотелось танцевать, но её вовремя удержали сверстницы и вернули на место. Концерт закончился. Галина Асхатовна поблагодарила артистов. Затем она рассказала о школе, достижениях, чуть-чуть коснулась своей биографии, но о Саманте забыла сказать. И после она очень сожалела о случившемся. Так бывает, не все могут построить своё выступление в нужном русле. Странно выступила Зоя Анварова. Она, видимо, хотела выступить на тему равноправия полов, и в то же время желала показать себя политически подкованной. Поэтому стала рассказывать о правах женщин в Европе и Америке. Зачем-то приплела историю Билла Клинтона с Моникой Левински. Особенно заострила внимание на пятнышке, оставленном Биллом на выходном платье Моника — главной детали, подтверждающей порочную связь главы государства со своей помощницей. Девушки в зале не совсем поняли эту пикантную подробность. Но старшие, причём каждая из них, подумали о своей предусмотрительности, о том, что правильно делали, смывая разные пятна со своих простыней.

Зачем нужна была пошлая история для этой аудитории, непонятно. А впрочем, если весь мир обсуждал её, почему нельзя было об этом порассуждать и в Май-тогае?

Хотя речь и была непонятна, но когда Зоя Анварова завершила выступление, первые ряды горячо аплодировали, так как все они помнили её изречения об отмене пенсий. Затем не по согласованному списку выступающих всё же выскочила на сцену старушка Татлихан. Очень трогательно она рассказывала о своём тяжёлом детстве. Она помнила, как советские деятели уместно говорили о мытарствах народа, поэтому заострила внимание на теме войны. Татлихан в войну была малолетней девочкой, но рассказывала она как женщина, трудившаяся в тылу. Говорила о том, что в их многодетной семье надевать было нечего, есть было нечего, из-за неимения чая делали его из чабреца и душицы (надо сказать, что сегодня можно только мечтать о таком чае), что босая по снегу носила воду с Кубани. Она рассказывала умело, с яркими сравнениями. Прослезилась сама. Прослезились слушательницы в первых рядах, печально слушали остальные. Одна седовласая женщина, которая родилась после войны (её разоблачили после собрания) заплакала навзрыд.

— Я тоже это пережила! — заголосила она.

В советское время было выражение: «Прятаться за женскими юбками». Так говорили фронтовики на труженников тыла (что, конечно, не совсем справедливо), так говорили и на трусоватых мужчин. Это выражение употреблялось и в соседних аулах. Да что аулы, говорилось оно от Май-Тогае до Магадана. Это выражение втемяшилось в сознание Татлихан ещё в юности. На данном мероприятии ей хотелось выступить по теме, о равноправии женщин и мужчин. В выступлении она импровизировала и решила как-то объяснить соратникам суть выражения, ну, не прямо, а на примерах. После слёз седовласой женщины, сделав заумное выражение, она стала говорить:

— Как сейчас помню, во время войны по центральной улице немцы вели наших пленных солдат. Мы стояли вдоль дороги, смотрели... так было больно смотреть. Они же наши! И тогда один солдат сбежал из колонны, а одна из наших аульчанок спрятала его себе под юбку, — Татлихан осеклась и сделала паузу. Женщины в зале замерли от этих слов, воп-

росительно стали смотреть друг на друга. Сами подумайте: солдат под юбкой, как это возможно? Нереально же. Старушка запуталась: хотела по-хорошему, но получилось как всегда. Поэтому решила исправиться: — Тогда юбки были не такие, и солдатик был маленький, не нашей национальности. — Женщины, поняв её, снисходительно зааплодировали и не дали Татлихан правильно закончить своё выступление.

После слово взяла Алина. Она стала пламенно говорить о своих воззрениях, требовать защиты политических, семейных, экономических прав:

— Права женщины – это права человека во всех сферах жизни. Нам предоставлена возможность выбирать! Поэтому изберём в депутаты нашу односельчанку Саманту Умаровну Кельдиеву!

Зал с удвоенной силой, продолжительно захлопал в ладоши. Стоявшего у стены Айдемира Саламбековича это единомушие задело за живое, и он решил действовать. Он поднял руку и стал расчищать себе дорогу. Сидящие в зале, увидев его, возмутились:

— У-у-у, — заулюлюкали и стар и млад, показывая, что его на сцене никто не желает видеть.

Это он понял. Когда подошёл к ступенькам на сцену, побоялся подыматься и стал говорить, стоя в зале.

— Дорогие мои избиратели! — сказав это, он остановился. Он хотел, чтобы и на него посмотрели и поняли, что он их настоящий избранник.

В зале были разные женщины. Были и злые, они ненавидели мужчин и давно с ними не общались. Одна из таких выкрикнула:

— Болтун вырвался! Не нагулялся ещё!

Но женщины не все одинаковые. Известная широколикая, как баурсак (размером во всю сковородку жареная лепёшка) Маржан была с юмором — это она была инициатором улюлюканья — поддержала:

— Ампутировать! — все обернулись к ней, стараясь понять предмет ампутации. Она не оправдала их ожиданий, потому что добавила: — Язык ему ампутировать!

Многие в зале облегчённо вздохнули. Но все понимали, что не это имела в виду кровожадная Маржан.

Айдемир Саламбекович понял, что должного эффекта не последовало, но среди женщин он не унывал, у него был большой опыт в педагогическом коллективе. Он стал говорить:

— Наша партия всё делала, чтобы было равноправие. Труд женщин был уравнен с мужским. Они имели право на труд и получали достойную заработную плату. Я не буду называть фамилии, но женщины у нас становились депутатами аульского совета, а некоторые были депутатами областного и Верховного совета СССР. Наши женщины руководили большими коллективами в школах, банках, институтах. У нас даже были женщины секретари райкомов и обкомов. Выдвигались и в делегаты партийных съездов. Многие наши соотечественницы были поэтессами, учёными, певицами, композиторами, судьями, адвокатами, милицейскими работниками. Я хотел поговорить о другом. Хочу, чтобы равноправие вы понимали правильно. Сейчас женщины, уподобляясь мужчинам, стали одеваться как они, обрели их вредные привычки. Есть такие, что хлещут водку, курят табак, ведут разгульный образ жизни.

— Стоп! — закричала Галина Асхатовна. Ей не нравилось присутствие бывшего директора, а заумная речь вывела из равновесия. — Вы о чём, Айдемир Саламбекович? Возьмём наши свадьбы. Насколько я помню, в пору вашей молодости у нас женщины и мужчины сидели в разных помещениях. Потом вы, мужчины, коммунисты, несмотря на протесты женщин, стали сажать всех вместе за стол. Сидел ряд женщин, другой ряд был из мужчин. Но вам, партократам, показалось этого мало. Называя комсомольской свадьбой, вы стали сажать женщин вперемежку с мужчинами. Вы их уравнивали. Затем стали уравнивать в питье. Сначала вместо вина был лимонад, затем вместо лимонада вино, а после стали заставлять пить водку. Это же ваших рук дело! Так что не умничайте, Айдемир Саламбекович!

— Что вы так, Галина Асхатовна? Я пила! — встала бывшая библиотекаряша в опрятном, но ветхом лавсановом костюме старого образца, на груди её красовался старый значок ГТО. Пенсионерка почему-то захотела показать себя передовой женщиной. Наверное, на неё подействовала аудитория, и ей хотелось блеснуть перед отсталыми женщинами.

— Рассказывай, раз встала, — недовольно проговорила Галина Асхатовна.

— Например, мы часто сидели в одной кампании с парторгом совхоза Алимурзаевичем. Он меня очень ценил. Когда приезжали гости, я отвечала за стол. И меня всегда усаживали рядом с гостями. И я была до тех пор, пока гостей не спровадим. Один раз даже с секретарём райкома пила. Он чокался со мной и похвалил: «Ты, Нурият, очень грамотная в политическом отношении. Если будешь ещё умной, мы тебя в райцентр в отдел культуры переведём».

— Ну, и перевёл? — Галина Асхатовна знала, что не перевёл, но в связи с чем секретарь райкома давал обещания, понимала. Нурият, сделав умное выражение на лице, посмотрела в сторону окна:

— Алимурзаевич умер, а вместо него молодой стал. Тогда появилась эта молодая дрянь Сакинат, её перевели в отдел культуры, потом взяли на работу Зулейху, она распоряжалась застольями. Но я пила... — она желала быть искренней, ничего предосудительного в употреблении спиртного не видела.

Сидящие в зале даже подумали о пользе алкоголя. Директор задала ещё вопрос:

— А в детстве, в школе ты пила? Кто первый заставил тебя выпить водку?

— Первый — муж, сразу после свадьбы. «Пей, весело будет» — сказал, протянув мне рюмку водки. После парторг Алимурзаевич. Он сказал: «Пей, Нурият! А не то работу потеряешь!»

— Ну, и весело было?

Женщины рассмеялись. Нурият замолчала. Она, как её отправили на пенсию, не пила, поэтому боялась, что проболтается. Такое происходит с людьми, которые бросили пить: воспоминания о водке пьянят их.

— Тяжёлый случай, — прокомментировала молчание женщины Галина Асхатовна и снова посмотрела на бывшего директора. — Всё равно партократы виноваты. Понял, Айдемир Саламбекович?

— Я... — что-то хотел сказать коммунист, но его обрвали.

Это Татлихан встала и палкой указала на него:

— А что он делает среди несушек квочек?!

Сначала зал замер. Подразумевающегося прозвища: «Петух» не прозвучало, вышло очень обдуманно и тактично. Всё же нельзя прямо оскорблять мужчин. Национальный этикет никто не отменял. Но в зале была группа поддержки, широколицая Маржан невозмутимо громко спросила:

— Несушки квочки — это мы?

Зал дружно и весело захлопал в ладоши.

— Э-э! — махнул рукой Айдемир Саламбекович и вернулся на прежнее место.

Женщины весело друг другу шептали на ухо: «Петушок среди несушек».

Непонятно зачем опять встала Нурият, она оглядела сидящих в зале. Ей показалось, что предыдущее её выступление было недостаточным, и ей хотелось дополнить его. Но не тут-то было. Два раза в одну реку не вступают. Странное выражение, но в данном случае оно подходило. Широколицая, как баурсак, Маржан выкрикнула в её адрес:

— Что ты встала? Горе ты наше! Тяжело, когда не допьёшь?!

Но Нурият на этом не успокоилась. Ей хотелось быть в горниле сегодняшней встречи.

— Я хотела спросить у Зои Анваровой.

— Спрашивай! — разозлилась Галина Асхатовна.

— Зоя Анварова, вы за Билла Клинтона или за Монику Левински?

Зоя Анварова встала и хорошенько подумала: собрание проходит под лозунгом за равноправие женщин. Потому ответ созрел такой:

— Конечно, за Монику Левински.

Зал хотел заплодировать, но раздался крик Айдемира Саламбековича:

— Не поддерживайте её. Она совратительница!

Кого её? Зою Анварову или Монику Левински? Зал притих. Сидящие в президиуме Галина Асхатовна и Алина переглянулись и, не одобряя реплику бывшего директора, единодушно скривились. Неожиданно из зала раздался возглас неизвестной женщины:

— Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала!

Это было сказано по адресу. Зал удовлетворённо стал рукоплескать. Прения надо было заканчивать. Алина встала. Чтобы все на неё смотрели, она громко три раза кашлянула и добавила всего одну фразу:

— Из этой дискуссии следует, что мы будем добиваться равноправия, не унижая прав мужчин!

Женщины не поняли смысла сказанного, но знали, что надо аплодировать, и дружно захлопали ладошами. Кто-то из женщин хотел разобраться в Алинином высказывании, но Галина Асхатовна властным поднятием правой руки вверх всех остановила и дала слово Саманте.

— Спасибо всем за поддержку и доверие! Постараюсь оправдать ваши надежды. Буду слушать ваши советы, буду исполнять ваши поручения, — как по заученному тексту прошлась кандидат в депутаты.

Это была характерная для выборной кампании встреча. В день выборов женщины повели мужей, детей, невесток к избирательному участку. Против Саманты проголосовало три человека. Так как это не разглашается, можно предположить, что против были Сарыгыз и её невестка Айшат. Третий голос, наверное, был Айдемир Саламбекович.

Алина от счастья летала. Утром, когда девушки лежали в постели, Ання на подносе принесла две пиалы чая.

— Это за победу! Сейчас баурсаки принесу. Ты, ласточка, пей и ешь! Я тебе домой гуся ощипала, — сказала она.

Когда встала Саманта, Алина, надев джинсы и кофту, подняла обе руки со сжатыми кулачками и, как футбольный фанат, крикнула:

— Саманта, мы победили! Ты депутат! Теперь всё у тебя изменится в жизни. Ты будешь большим человеком!

— Мне бы работу. Поеду в город, у меня есть деньги на первое время, сниму квартиру и буду искать работу. Надо наладить связи.

— Некоторое время можешь пожить у меня! — сказала Алина.

Ближе к обеду Саманта проводила подругу до маршрутки. Вернувшись обратно, она застала у ворот синие «Жигу-

ли» 99-ой модели. Это за овцами приехал Курман.

Благодать у порога

Курман, закончив работу в Краснодарском крае, заработал денег и купил подержанную машину. Всё время работы он думал о Саманте. По приезде от работающих в ауле гастарбайтеров он узнал о том, что произошло за год. Этого, конечно, он не мог и вообразить себе. Он узнал о несчастье, узнал о том, что Саманта стала депутатом. Думал, размышлял, как быть. За время его отсутствия девушка уже вжилась в его сознание. Теперь бросить её даже мысленно он не мог, но как себя вести, не определился.

Когда девушка вернулась с остановки, проводив Алину, во дворе стояли Курман, отец и мать. Курман был в прежней коричневой замшевой куртке, на голове у него была зелёная матерчатая шапочка. Он увидел девушку и весь воспрянул, хотел идти навстречу. Но остановился: совестно стало перед родителями.

— Дочка, Курман приехал! — радостно произнесла Ання, как будто о совсем родном человеке.

У Саманты тоже ёкнуло сердце, но она сдержала свой порыв и, подойдя уверенными шагами, поздоровалась с парнем обеими руками. Курман с нежностью посмотрел на девушку и стеснительно сказал:

— Здравствуй, Саманта! — Он робко посмотрел на родителей. — Вы извините меня, но у вас прекрасная дочь!

— А что извиняться, если это так. Мы только рады! — отреагировала Ання.

— Я так торопился в ваш аул! Мне хотелось всех вас увидеть! — парень говорил отстранённо, но слова эти были обращены к Саманте.

— Тебе понравился наш аул? Я думаю, что там, где ты был, лучше, — фыркнула Ання.

Курман посмотрел на девушку:

— Саманта, я приехал, чтобы работать у вас в ауле. Фермер один пригласил.

— Это не Махмуд? — спросил Информация.

— Да, он. Видно, что деловой человек.

Информация промолчал, ему не хотелось разочаровывать гостя. Только Ання не сдержалась:

— Может, и деловой. Но он ничего не платит. Людей за дураков считает.

Курману понравилась заботливость Ання. Он улыбнулся:

— Я тоже об этом слышал. Мои земляки кое-что рассказали. Но мне не важно. Мне надо быть у вас в ауле. Мы тоже умеем забирать заработанное.

— Нам надо побольше хороших людей, — с глубоким смыслом сказала Ання и посмотрела на Саманту, ища поддержки.

Саманта машинально кивнула головой, но разгадав, о чём сказала мать, рассмеялась. Информация серьёзно сказал:

— Чего это вы смеётесь? Ничего смешного. Мы ходим с гостем пригоним овец, а вы приготовьте обед.

Они ушли.

— Дочь, а он парень на славу! И фигура, и рост, и слова обдуманые. Он на тебя смотрит!

— Чего теперь? — засмушалась Саманта.

— Дочь, ты принеси мясо из холодильника. Давай быстро разморозим. Вот только думаю, что нам готовить?

— Сделаем плов. Это у них лучшее блюдо!

— Можно и плов, — согласилась Ання. Но ей хотелось развить предыдущую тему. — Он так на тебя смотрит! — и она опять вопросительно посмотрела на дочь.

— Что мне теперь делать? Будем тоже смотреть?

— Улыбнись мило ему, — засмеялась Ання.

Саманта поставила размораживаться мясо, замочила рис, потом стала чистить морковь. Ання вытащила из подвала лук. Вдруг они услышали тарахтенье мотоцикла и выглянули в окно. Это был участковый Салим-Гирей в полицейской форме и чёрной меховой куртке с погонами.

— Чего это ему понадобилось? — Ання вытерла руки и вышла ему навстречу.

Саманта продолжала работу, но через некоторое время услышала, что её окликают мать:

— Дочка, это к тебе!

Саманта обтерла тряпкой руки и вышла. Салим-Гирей подошёл к ней и как-то по-отечески обнял.

— Поздравляю тебя с депутатством! — сказал он.

— Спасибо! — ответила Саманта.

— А что это за машина перед домом? — спросил у них участковый.

— Ты за этим пришёл? Узнать, чья машина? — спросила Ання.

— Нет. У меня другое дело. Ну? А это я должен знать!

— Это гость, строитель, который овец оставлял. Он за ними приехал.

— А-а! Узбек. А я думаю, что это за незнакомая машина по аулу разъезжает? — и он стал оглядывать двор.

— Салим-Гирей, он не узбек, он узбекский ногаец. А ты или заходи в дом, или скажи своё дело, а то мы обед готовим для гостя, — поторопила Ання.

— Саманта, звонили из города. Нотариус Джанбиев. Просили тебя явиться завтра после обеда.

— А что ему нужно от Саманты? — удивилась Ання.

— Я откуда знаю! Меня просили передать, вот я и передаю.

— А кто такой нотариус? — спросила мать у Саманты.

— Юрист. По правовым делам, — ответила девушка.

— А что ему нужно? — опять спросила Ання.

— Откуда мы знаем. Вот адрес: улица Ломоносова, 75. Если позвонят, то скажу, что передал, — он отдал записку с адресом в руки Саманты и попрощался.

Когда он уходил, не зная зачем, Ання проявила гостеприимство:

— Ты бы с нами плов поел!

Участковый, понимая, что сказано это из соображений такта, тоже ответил приветливо:

— Пусть угощение создаст благодать на свадьбу!

Салим-Гирей улыбнулся и ушёл. Ання сказала:

— Вот и первый поздравляющий был! Дай Аллах, чтобы таких поздравлений много было! — Она сама рассмеялась и рассмешила этими словами дочь. — А зачем ты понадобилась нотариусу?

— Не знаю, мама. Может, по делам бывшей работы? А так меня с городом ничего не связывает!

— Я тоже об этом думаю! — беспокойно проговорила мать. Через некоторое время Информация с Курманом пригнали овец. Саманта с матерью увидели их в окно кухни. Парень был явно расстроен.

— Не понравилось, — отметила Ання.

— А что не понравилось? — спросила Саманта.

— Овцы. Всех хороших мы съели.

— А как договаривались?

— Сохранить ему хороших, а за работу должны были взять ягнят.

— А почему мы так сделали?

— Спроси у отца. — Ання, как обычно, вину свалила на Информацию, хотя в большей степени это она подстрекала резать хороших овец.

Информация загнал овец в загон. Курман с унынием смотрел на животных. Информация виновато отворачивался.

— Отец, — обратился Курман, — это не овцы.

— А что же? — спросил Информация.

— Ягнята. Хурда-мурда. Из прежних только два нормальных осталось.

— Что я поделаю? — развел руками Информация.

— Мы так не договаривались!

— Обстоятельства. Деньги были нужны. Саманта в больницу попала. Я же не мог ягнят резать. Они были совсем маленькие.

— Отец, ты много зарезал!

— Что мне делать? — опять развёл руками Информация.

— Мне теперь их и не продать, и на мясо не зарезать.

— Давай ещё год посмотрю?

— Тогда их совсем не останется, — проговорил Курман с горечью.

— Я мог бы тебе купить, но сейчас у меня денег нет, — рассудительно сказал Информация.

— Я на вас рассчитывал. Думал, что вы правильно делаете. А вы так поступили... — с сожалением сказал парень.

Информация молча стал подливать из вёдер воду в поставленные поилки — тазики. Появилась Ання. Она чувствовала, что будет разборка и надо поддержать мужа.

— Курман, сейчас мясо разморозится, и начнём делать плов. Ты пообедай с нами, — мягко сказала она гостю.

— Я с удовольствием, — не отходя от разочарования, ответил Курман. Но потом его как будто осенило: — А давайте я вам плов сделаю!

— У нас мужчины не готовят, — сказала Ання.

— А у нас плов сугубо за мужчинами. Наши не хотят доверять такой тяжёлый труд женщине.

— Ох ты! Чем же он такой тяжёлый? Давай посмотрим, какой «тяжёлый» плов сделаешь ты!

— Давайте! — совсем повеселел Курман. — Где вы делаете? Огонь есть?

— На кухне. Там же газовая плита.

— Плов надо делать во дворе, на костре. Нужен небольшой казан и дрова.

— Почему небольшой?

— Большой на свадьбу используют, для многих людей. А небольшой — вот для нас, — пояснил Курман.

— У меня небольшой, а большой за тобой, — с намёком весело проговорила Ання.

— Как-то сложно говоришь, мама! Но я тебя понял, — с пониманием отреагировал и Курман.

— Есть всё, что ты скажешь, покажи своё мастерство! — Она повернулась к мужу: — Дрова — это по его части.

— Я мигом дрова соберу, — Информация обрадовался тому, что отвлеклись от неприятного разговора об овцах.

— Вон там, — Курман показал в сторону сруба колодца, — у вас ещё зола осталась. Огонь надо там развести. А я сейчас посмотрю морковь, мясо, рис.

— Иди на кухню. Там Саманта. А мы с мужем сейчас огонь разожжём.

Курман ушёл.

Информация поспешно принёс из мастерской наколотые дрова.

— Ты слышала, он меня отцом назвал? — сказал Информация.

— Ну, слышала. А меня — мамой. Будем ему отцом и матерью, ты же мечтал о сыне, — весело проговорила Ання.

Курман очень обрадовался, что наконец сможет поговорить с девушкой.

— Саманта, у нас девушка выбирает жениха по вкусу плова, приготовленного в доме. Для этого дела приглашают

много гостей, — сказал он, подойдя близко к ней.

— А у нас еду готовят только женщины. Мужчина не подходит к кухне.

— Это мы сейчас исправим, — Курман подошёл к помывочному kazanу, тронул его рукой. Затем взял у неё нож, свободной рукой коснулся её запястья. Девушка почувствовала прикосновение тепла, хотела отдернуть руку, но парень, прежде чем отпустить её, сказал: — Тут такое дело. Я за тебя отдал калым. Теперь дело за нами!

— У нас не дают калыма. Наши девушки не продаются, — ответила она и отвела руку.

— Мы не покупаем, а уважаем и ценим.

— А не дёшево ли вы оцениваете?

— Это задаток. Основная оценка после, — улыбнулся Курман и влюблённо посмотрел в глаза девушки.

Саманта опустила глаза. Курман посмотрел на размораживающееся мясо:

— Хорошая баранина! Включи две горелки, мы мясо в кастрюле возле включённого газа подержим. Можно и на огне чуть подержать, оно быстрее разморозится. Было бы хлопковое масло, хорошо бы получилось.

— У нас только подсолнечное. Мы про хлопковое даже не слышали.

Вскоре мясо разморозилось. Во дворе Курман поставил kazan на треногу и стал, мешая, жарить мясо.

Антя, посмотрев, на него сказала:

— Ты бы передник надел, а то одежду забрызгаешь маслом!

— У меня одежда изнасилась. Завтра поеду в город, там надо кое-что из инструментов и новую одежду купить.

Его слова услышала подошедшая Саманта:

— Курман, и мне надо в город!

— Поехали. Я поеду рано, часов в восемь. Если тебя устраивает, поедem вместе.

— Договорились! — удовлетворённо сказала девушка.

Плов был такой, что слюнки сами текли. Оказывается, Курман на этот случай возил в машине кое-какие специи,

красный перец, сушёный укроп. После того, как блюдо было одобрено специями и укропом, аромат стал расстилаться по всему двору. Казан с готовым пловом занесли в дом. За стол в зале сели Информация с Курманом, перед ними на подносе благоухала пицца. Ання с Самантой стали наполнять пиалы пловом и хотели есть отдельно. Курман это заметил и понял их намерение.

— Садитесь с нами! — сказал он.

— У нас не принято сидеть вместе с мужчинами, — ответила Саманта.

— У нас тоже. Но с позволения старших в особых случаях можно. Плохого в этом нет. Правильно, отец? — спросил Курман.

— Да, да! Очень вкусно! — сказал Информация, пробуя ложкой плов.

— У нас плов едят руками, — сказал Курман.

— А не переехать ли нам в Узбекистан? — сказала Ання, подсаживаясь с Самантой к мужскому столу.

— Я бы из-за такого плова переехал! — жуя, с восторгом проговорил Информация.

— Что мы будем делать без тебя, родимый?! — подколола Ання.

Ання, Информация, Саманта ели ложкой. Они с удивлением смотрели, как Курман ест руками. Закончив с едой, Курман помыл руки. Затем стали пить чай. Хотя Информация и Ання уговаривали Курмана остаться ночевать в их доме, он уехал к друзьям. Курман умел стесняться. Это было хорошее качество, которое ценили все ногайцы.

Вечером Саманта позвонила Темирбеку и договорилась о встрече. Он давно приглашал её, но Саманта из-за выборов не могла выехать в город. Прежде чем идти к нотариусу, она решила побывать в банке, в котором работал Темирбек.

В жизни человека часто бывает, что несчастья следуют одно за другим. Но бывает, что и радостные события сваливаются на голову в одни и те же дни. Получилось так, будто они с неба упали.

Утром Курман с Самантой поехали в город. Когда проехали мост, Курман свернул на просёлочную дорогу и остано-

вил машину возле лесополосы, тянущейся вдоль трассы.

— Приехали, что ли? — засмеялась Саманта. Несмотря на расположение к парню, в неё даже закрались сомнения в его намерениях. Она сжалась: насмотрелась фильмов по телику, да и сама испытала все ужасы. Она знала: времена такие, что никому нельзя довериться.

Курман это понял.

— Не бойся! Я не из таких. Нам надо поговорить, — сказал он.

— Ну и говорили бы в пути! Что в укромные места заезжать?

— Разговор серьёзный. Я действительно хочу тебе сделать предложение. Вот, должен спросить твоего согласия.

— Курман, прежде чем делать предложение, надо хотя бы немного друг друга знать. Я о тебе ничего не знаю, и ты обо мне! — проговорила Саманта.

— Поэтому я и остановил машину. У нас не было возможности разговаривать. Сперва о себе. Мне за тридцать лет...

— Точнее! Это засидевшиеся девушки так приблизительно говорят о своём возрасте, — перебила она парня.

— Точнее, тридцать два года. Родился я в Узбекистане. Учился в экономическом институте в Ташкенте, получил диплом. Немного работал по специальности. После по воле старших в семье женился.

— Это уже ближе к правде, — проговорила Саманта, будто обрадовалась.

— Женился и развёлся через год. Детей нет.

— Из-за чего развёлся?

— Она была разбалованная. Не уважала моих старших. Стала уходить к своим. Я узнал, что ведёт себя неправильно. Больше у меня серьёзных связей с девушками не было.

— А несерьёзных?

— Тоже. Затем уехал вместе со знакомыми в Россию. Научился делать все работы по строительству дома, могу своими руками построить дом. Я это и собираюсь сделать.

— Я буду тебе помощницей! Вообще-то я работы не боюсь. А кто у тебя имеется из родных?

— У меня есть отец, мать, два старших брата и младшая сестра, все семейные. У них есть дети, мои племянники.

Живём дружно. Они меня любят. После моей неудачной женитьбы они сказали, чтобы я женился. Мама сказала, что хотя бы на разведённой женщине. Боится, что я останусь один.

— Так ты хочешь жениться и увезти меня с собой?

— Я мог бы остаться на Кавказе, но надо иметь гражданство. Это уже на твоё усмотрение.

— Может, ты хочешь жениться ради гражданства?

— Я же говорю, ты можешь поехать со мной и жить со мной в Узбекистане. Ты мне нравишься! — проговорил Курман и посмотрел ей в глаза, будто хотел узнать всё, что есть что на душе.

— Ты меня совсем не знаешь!

— Я тебя вижу и чувствую. Я знаю о том, что недавно случилось с тобой. Если бы я был рядом, то этого не произошло бы. Хорошо, что твои родственники отомстили за тебя.

Замолчали. Саманта не думала, что парень знает о происшествии, она всё время думала, как рассказать.

— Я ещё плохо себя чувствую. Не думаю, что после того, что случилось, я могу выйти замуж. Мне бы отойти от того, что я пережила, — Саманта посмотрела на Курмана так, как будто хотела передать все те страдания, которые перенесла. Парень уловил этот взгляд и глянул на неё понимающе. Она добавила: — Ты будешь упрекать меня за то, что это произошло.

— Я не буду упрекать. То, что было до меня, не станет предметом упрека. Но после женитьбы необходима верность.

— А если ты изменишь?

— Я думаю, что этого не произойдёт. У нас в Узбекистане такое не поощряется, считается равноценным женской измене. На свадьбу поедем в Ташкент. Мои готовятся к ней.

— Боюсь, что я никуда далеко от дома не поеду. Мне надо прийти в себя.

— Приходи в себя. Можем свадьбу и здесь сделать, пригласим наших и познакомим с твоими родителями. Поженимся, и я буду смотреть за тобой, — Курман, испытывая, ждал, какой будет ответ.

— Я смотрю, у тебя прямо проработанный план. А мне тяжело на это ответить. Я даже не верю в то, что мы говорим о реально осуществимых вещах! Всё думаю о подвохе. Ты не пожалей потом.

— Поехали! — резко сказал Курман и включил двигатель. — Это реально! И никакого подвоха! Нас связывают нити

Всевышнего. Я считаю, что сделал правильный выбор!

Луч света сквозь тьму

Акционерно-коммерческий банк располагался в старинном доме в центре города. Перед зданием росли пирамидальные туи. Вокруг цветника парковались машины. Среди солидных иномарок разных моделей нашлось место и для синих «Жигулей». Саманта поднялась на второй этаж, где размещалась приёмная генерального директора банка. Об её приходе пожилая секретарша сообщила по телефону. Получив ответ, она завела Саманту в помещение. С одной стороны были высокие окна, с противоположной — белая стенка, в которой были шкафы и полки с телевизором, стопками папок и сувенирами. В передней части за Т-образным столом в кресле сидел Темирбек. Над его местом, на торцовой стене висел огромный портрет президента страны. Когда Саманта вошла, Темирбек встал из-за стола, обойдя его, встретил девушку, по-отцовски чуть приобнял и усадил её за стоящий перпендикулярно стол. Сам сел напротив. На нём был отдающий блеском тёмно-коричневый костюм с чёрными клетками и белая сорочка с галстуком. Девушка удивилась румянному лицу, оно было значительно моложе, чем раньше. Он манерно склонил голову на бок и сказал:

— Здравствуй, моя аульчанка! Моя красивая землячка!

— Здравствуйте, Темирбек Адемеевич!

— Мы же договорились, что ты меня будешь звать по имени. Не старь меня! Я чувствую себя молодым! Как твоё здоровье? — спросил, вальяжно вскидывая голову, мужчина.

— Спасибо! Боль почти не ощущаю. Вам спасибо!

— За что? — удивился Темирбек.

— Как за что? Из больницы он не скоро выйдет.

— Об этом помолчи. Хорошо, что не убили подонка, тогда был бы не тот эффект. Меня там не было, — двусмысленно проговорил мужчина.

— Тогда кто же? — удивилась Саманта.

— Тебе этого не надо знать. Главное, что он получил то, что заслужил!

— А я гадаю!.. — недоуменно сказала Саманта.

— Не гадай! Ты знаешь, я против всякой несправедливости. В молодости получил прозвище Павлик Морозов. И ты знаешь, за что? Мой отец напивался и избивал не только мать, но и на меня руку подымал. Я думал, что делать? Не драться же с отцом на кулаках? Так ещё неизвестно, кто одолеет. Он здоровый был мужик. Тогда я взял и на первом собрании, проводимом мной, призвал, чтобы коллектив осудил отца за систематическое пьянство. Резонанс был оглушительный. Вот и дали мне прозвище. Я как-то должен был защитить себя и мать от произвола, творимого отцом! Разве не прав я? Скажи, если я не прав!

— Не знаю. Конечно, правы. Мужчина не должен избивать женщин и детей, — понимающе сказала она.

— Надо всегда правоту доказывать. Правота во многих случаях зависит от тебя. Не надо смотреть на то, что говорит и делает окружение. Не каждый вникает в суть вопроса... Хватит об этом. Ты лучше скажи, с кем ты приехала? Я видел из окна, как ты из машины вышла. Он ждёт тебя.

— Это так. Из аула парень, — стыдясь, ответила Саманта.

— Жених? — Темирбек посмотрел на неё. Она опустила голову. — Если жених, то хорошо! Тебе замуж надо. У женщины очень важное предназначение — это создание семейного очага. Если есть способности, то будьте докторами, политиками, экономистами. Ты бы посмотрела, какие девушки у меня в банке финансистами работают. Как торпеды летают! А так дети необходимы. Да и защитник нужен.

— Он только делает предложение. Я не знаю, как быть?

— Делай так, как подсказывает сердце. Если парень хороший, то не надо долго раздумывать.

— Не знаю, — сказала она, не желая развивать эту тему.

Темирбек понял состояние девушки и приступил к своим делам.

— У меня к тебе вопросы есть!

— Спрашивайте! — сама удивляясь тому, какие вопросы к ней у столь могущественного человека, проговорила Саманта.

— Скажи, пожалуйста, ты знала Сакаева Вилена Алибасовича?

- Да. Я у него работала. А что?
- Ты его хорошо знала? Он тебе не родственник?
- Зачем вы спрашиваете? Что-то с ним случилось?
- Он умер в тюрьме.
- Как?! Что с ним было? — опечалилась Саманта.

— Подожди, — Темирбек вышел из кабинета и через некоторое время вернулся. — Послал машину за нотариусом. Сейчас чай принесут, — он сунул руки в карманы, прошёлся к окну и оттуда произнёс: — Приедет нотариус, тогда и поговорим. А пока попьём чай. — Он перешёл к мебельной стенке и из встроенного бара вытащил бутылку коньяка. Спросил: — Ты не пьёшь?

— Нет, — ответила Саманта.

— Правильно! Женщина и это несовместимо! — сказал Темирбек.

Зашла секретарша с подносом, на котором стояли чашки с чаем и рассыпанными на блюде сладостями. Она поставила поднос перед девушкой и вышла.

— А я выпью! — он подошёл к столу, взял маленькую стопку, налил себе коньяк и одним махом выпил. — Врачи даже рекомендовали в небольших количествах. Мне сейчас надо тонус поднять. Итак. Саманта, у меня очень важный разговор личного характера. Другой вопрос деловой, о нём поговорим, когда явится нотариус. Ты единственная подруга Заремы. По крайней мере, так я понял из наших с ней бесед. Она всё время вспоминала тебя и говорила о твоём хорошем характере, искренности, понятливости. Она к тебе относилась с большой теплотой. Я человек в возрасте. У меня есть дети. Жена умерла. После, когда мне одиночество стало в тягость, я встретил Зарему, она украсила мою жизнь. Она относилась ко мне с пониманием, и мы неплохо жили вместе. Однако возникло недопонимание. Она молода, возможно, стеснялась моего возраста. Ведь я старше её отца. О нашем совместном проживании она родителям не говорила, а о том, чтобы узнали знакомые в ауле, и говорить нечего. Это было неправильно, но я соглашался с её доводами, так как был счастлив. Человек сам выбирает личную жизнь, и в неё нельзя никого допускать, особенно в интимную часть. Поэтому я соглашался с ней. Она хотела со мной жить, переехала, сделала ремонт в квартире. Но часть её души была у родителей, так как там

был её сын. Хотя я предлагал перевезти ребёнка. И я бы тоже занимался воспитанием: могли бы приобрести жилплощадь побольше, отдать в лучшую школу. Да и в ауле у меня огромный дом, где всё есть. Но она там и вовсе боялась показаться со мной. Двоякость в отношениях усугублялась. Я тоже человек не совсем покладистый, умею показать характер. У меня полным-полно своих заморочек. Главное в том, что я ограничивал её свободу. Не любил её отлучек и требовал во всём искренности. И мы многое недоговаривали, развивались подозрения. Извини меня за то, что я так подробно говорю, — Темирбек посмотрел на Саманту, она молча дала знать, что понимает, и кивнула. — Мне больше некому рассказывать. Из-за нервных стрессов, в первую очередь от того, что она стала скрытной, у меня начались проблемы со здоровьем. Я очень переживал и боялся, что это на всю оставшуюся жизнь. Оказалось, что это не так. Врачи в Германии после лечения сказали, что у меня проблем по мужской части нет. Но тогда, когда она была со мной, это повлияло на отношения. Она не хотела законного брака, но хотела получить квартиру, её вполне устраивала роль любовницы. Однако такое меня не устраивало. Любовниц я мог найти. Мне нужна была спутница жизни. В конце концов она сбежала. Как сбежала, ты знаешь. Я ей простил её обман. И даже послал людей. Моя ошибка в том, что я послал мужчин. Надо было послать с ними и тебя, но мы тогда плохо знали друг друга. Как ты поняла, при встрече на квартире я с предубеждением относился и к тебе. На свадьбе, где мы виделись, я понял, что ты единственный человек, который поможет. И мне нужно было заслужить твоё доверие, тем более представилась такая возможность, — мужчина прищурил глаза и пристально посмотрел, чтобы узнать её мнение

— И вы наказали моего обидчика, — тихо проговорила она.

— Саманта, за деньги можно многое совершить. За деньги можно купить здоровье, построить дом, обрести положение. Но ни за какие деньги не купишь душевную расположенность. Когда я услышал, что с тобой произошло, я был возмущён до предела. Мне тогда стало обидно не только за свой аул, но и за себя. Я тогда подумал, как же мне людям говорить, что я родился и вырос в Май-тогае, где творятся

такие безобразия?! Но я не ожидал от тебя за это что-то в отместку. И сейчас не жду. Надеюсь, что можно попробовать попросить тебя!

— Я понимаю. Но ваш рассказ для меня неожиданный! Что я должна сделать?

— Я мог бы найти другую женщину вместо неё. Только у меня к ней появились настоящие душевные чувства. Мне надо её вернуть. Я осознал свою вину. Я здоров. Надо, чтобы ты передала это ей и уговорила вернуться. Квартиру я отпишу сразу по заключению брака, законного брака. Пусть она общается с родителями. Если они захотят, и я буду общаться с ними. Ответственность за обучение ребёнка я беру на себя. Летом будем согласовывать, как и куда поедем отдыхать. Я надеюсь, что ещё лет десять продержусь в банке, так что будет и совместно нажитое добро.

— Мне всё это рассказать ей? У меня нет её телефона.

— Телефон я дам. Я думаю, что лучше поехать в Новосибирск и уговорить её.

— Я не уверена в том, что получится! — засомневалась Саманта.

— Получится! Ты вживись в это дело, обмозгуй.

Раздался звонок. Темирбек взял трубку с аппарата.

— Пусть войдёт, — проговорил он. Затем сказал Саманте: — Нотариус пришёл.

Вошёл мужчина в чёрной кожаной куртке, надетой на белую сорочку с красным галстуком. Мужчина был среднего роста, подтянутый, спортивного телосложения. Он улыбнулся девушке, но подошёл с приветствием к хозяину кабинета.

— Здравствуй, Темирбек! — учтиво сказал он.

— Заходи, Алибек. Садись, — он показал на место рядом с девушкой и на поднос. — Попьём чай вместе.

— Некогда, Темирбек. Меня в офисе клиенты ожидают. Еле сорвался. Из-за тебя приехал. Там тоже важные люди, — расторопно отчеканил он.

— Ну, не важнее нас. Это Кельдиева Саманта! — представил Темирбек девушку, показав рукой.

— Прекрасно! Я сразу зачитаю завещание, — сказал он.

Текст завещания был такой, приводим его слово в слово:

Завещание

Город Н-ск.

Первое августа две тысячи
четвёртого года

Я, Сакаев Вилен Алибасович, проживающий в городе Н-ске, по улице Перомайская, в д. 49, кв. 5, настоящим завещанием делаю следующее распоряжение:

1. Все мое имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чем бы таковое ни заключалось и где бы оно ни находилось, я завещаю Кельдиевой Саманте Умаровне, 1983 года рождения, проживающей в ауле Май-тогай, Эр-Шахарского района. Паспорт 9101 № 273 077.

2. Содержание статьи 1149 Гражданского кодекса РФ мне нотариусом разъяснено.

3. Текст завещания записан нотариусом с моих слов и ввиду моего слабого зрения до его подписания оглашен для меня нотариусом вслух.

4. Настоящее завещание составлено в двух экземплярах, каждый из которых собственноручно подписан завещателем. Один экземпляр завещания хранится в делах нотариуса города Н-ск Джанбиева Алибека Шамильевича, а другой экземпляр выдается завещателю Сакаеву Вилену Алибасовичу.

Подпись завещателя:

Сакаев Вилен Алибасович

Нотариус с восхищением, Темирбек пытливо посмотрели на девушку. Саманта была поражена, смотрела расширенными глазами.

— Вы ничего не перепутали? А что за имущество?

— Сейчас скажу, — нотариус достал из папки бумагу. — Это мы уточнили недавно. Квартира на улице Первомайская, дом 49, квартира 5, двухкомнатная, общей площадью 51 квадратный метр, здание дома быта на улице Горького, дом 12, общей площадью 400 квадратных метров вместе с цокольным помещением, земельный участок, на котором расположено здание, общей площадью 2,5 гектара. Учтите, участок в центре города — это особая цена. Также автомобиль марки «БМВ», машина находится в гараже частного домостроения по улице

Казачья, дом 18, принадлежащего гражданину Ибрагимову Р. И. Других наследников не имеется.

— У него была жива мать! — сказала Саманта, не веря услышанному.

— Наводили справку о матери, его мать недавно умерла, но её имя даже не упоминается в завещании. Только вы являетесь наследником имущества. Это неоспоримо. У завещателя должна была быть заверенная копия завещания. Вы ничего об этом не знаете?

Саманта промолчала, она напряжённо думала о сообщении нотариуса и не верила в его правдивость. Темирбек встал и, порывшись в бумагах на столе, взял образцы свидетельств. Показал их девушке:

— Вот такие документы должны были быть у него!

— Я не знаю. Он что-то оставлял. Я их не рассматривала и не помню, где они. — На самом деле она помнила, что пакет спрятала в подвале, не рассмотрев бумаги внутри, и решила не говорить об этом. Потом спросила, — А что с ним?

— У него была онкология. Умер в тюремной больнице, — ответил Темирбек.

— Документы, завещание можно восстановить. У вас паспорт с собой? — спросил нотариус.

— Да, — Саманта вытащила из сумочки паспорт и отдала нотариусу.

Нотариус сверил данные.

— Всё верно! — он вернул документы.

— Тут одно здание можно продать за 17 миллионов рублей. Оно в отличном состоянии. Я ездил, смотрел. У земли тоже приличная цена, — сказал Темирбек.

Саманта была поражена ещё больше. Схватившись за голову, она произнесла:

— Мамочки!

— При определённом вознаграждении мы поможем с исполнением права на наследство! — Нотариус вопрошающе посмотрел на девушку.

— Алибек, мы об этом потом переговорим. Нам надо выработать весь план действий. А сейчас девушка не может прийти в себя. Ты свободен.

Нотариус, оставив визитку Саманте, откланялся.

— Как, Саманта? — с улыбкой спросил Темирбек.

— Дайте мне отдышаться! Можно чай? У меня во рту пересохло, — проговорила девушка.

Темирбек пододвинул ей чашку.

— Я вот что думаю. Ты, видимо, девушка с особой судьбой. Я не думаю, что ты такая хитрая. Хитрым не выпадает такая удача!

— Честное слово, я ничего не знала. Последний раз Вилен приезжал перед арестом и оставил какие-то бумаги. Я и не думала, что там может быть такое!

— Я у тебя не спрашиваю, как да что. Но что-то надо делать!

— Я и не знаю. Для меня это совсем неожиданно. Я боюсь об этом думать! — искренне сказала Саманта.

— Подумай дома. На мой взгляд, у тебя два варианта. Первый: использовать здание под что-нибудь. Второй — продать здание с землей. В квартире будешь жить, на машине ездить. Смотри, деньги сейчас пыль, они быстро улетучатся. Поэтому лучше, чтобы здание сгодилось для того, что приносит деньги. Ты только за аренду помещений будешь обеспечена на всю жизнь. Я бы мог купить у тебя прилегающую землю, а на деньги ты строй, что тебе заблагорассудится.

— Вы так говорите, как будто я в этом что-то смыслю! Пойдите! А Вилен говорил, что хотел бы открыть универмаг и назвать его «Саманта».

— С чего это он?

— Не знаю! Ему моё имя нравилось.

— Действительно! Откуда у тебя такое имя?! И мне оно нравится. Ты посмотри: универмаг «Саманта»! — мечтательно произнёс мужчина. А после мягкосердечной интонацией внёс предложение: — За часть прилегающей к зданию земли я займусь благоустройством универмага.

Темирбек и Саманта договорились о совместном бизнесе. Когда Саманта вышла из банка, она была как оглушённая. Выйдя на мороз, она отдышалась, посмотрела в чистое небо. Ей так и хотелось что-нибудь крикнуть в небо, но удержалась. В произошедшее она верила с трудом, не могла понять: как такое возможно?! Такое у неё возникало, когда она не могла понять, как случилась какая-то напасть, беда, несчастье, вроде её злоклучений в городе, или наводнение в ауле, или встреча с Кадырбеком. Тогда не было объяснений, и сей-

час их нет. Судя по дате написания завещания, Вилен к такому решению пришёл до заключения в тюрьму. Саманта стала вспоминать, как последний раз он заезжал к ним домой, как попросил паспорт, как сказал: «Мне надо на тебя оформить бумаги». Откуда она могла знать, какие бумаги оформлял её шеф? Затем вспомнилась последняя встреча, когда его допрашивал следователь, как Вилен настоятельно говорил, чтобы она забрала вещи, и несколько раз подчеркнул про подушку. Она запомнила выражение лица Вилена: он на неё смотрел как на последнюю надежду, как на последнюю зацепку в жизни. Теперь и она смотрела в небо и спрашивала объяснений, но так и не нашла.

Саманта решила, что до тех пор, пока не вступит в силу завещание, о случившемся никому не говорить. Суеверный страх, что она не может быть благополучным человеком, не отпускал её. Ей нужен был человек для поддержки, и она позвонила Алине, чтобы подруга подошла к банку. Затем сама пошла к машине Курмана.

— Ну как? Всё получилось? — загадочно улыбался Курман, стоящий возле синих «Жигулей».

Саманта, не пришедшая в себя, даже подумала, что, может, такое происходит с ней из-за встречи с ним.

— Лучше и не может быть! — похвасталась она. И тут же ощутила, что за последнее время она ничем не хвасталась.

— Теперь надо мне одежду купить, — сказал парень, проникновенно глядя в глаза девушки.

— Сейчас подойдёт Алина, и мы вместе тебе подберём одежду...

Они заметили Алину издали. Она шла, выпрямившись, на манер марширующего солдата вытягивала носки сапог и делала быстрые короткие шаги. На ней была всё та же синяя куртка, джинсы, заправленные в голенища сапог, а на голове была белая вязанная шапочка с бубенчиком на макушке. Она остановилась возле Саманты и, кивнув головой на Курмана, спросила:

— Пристаёт?!

— Нет, Алина. Он из нашего аула, меня привёз, — Саманта обняла подругу.

— С виду не плохо выглядит. Кажется, слишком молодой? — пренебрежительно она сказала Саманте, но так чтобы слышал молодой человек.

— Здравствуйте! — прижав ладони друг к другу, поклонился парень. — Мне тридцать лет. Меня зовут Курман.

— Имя наше, а манеры чужие, — проговорила Алина менторским тоном.

— А что с манерами? — удивился Курман.

— Наши перед женщинами не кланяются. Это походит на подхалимство. Мы не любим неискренних мужчин.

— Хорошеньким можно и поклонится, — сказал Курман.

— Ну, никак индийский рикша радже. Нет. Ты совсем не наш. Акцент тоже чувствуется!

— Он из Узбекистана. Из тамошних ногайцев, — с попыткой зацелить проговорила Саманта.

— Вон как? А я всё мечтала ташкентских ногайцев увидеть. Я где-то читала о том, что такие есть! — проговорила Алина.

— А я знать не знала, что такие есть! — сказала Саманта.

— Вот я перед вами, можете пощупать, — протянул руку Курман.

— Ещё чего?! Тебя надо нашим делать! А то понаехали! — строго пошутила Алина.

— Сначала, Алина, ему подберём одежду, — поторопилась сменить тему Саманта.

— Вот это дела! Нам его ещё и одевать надо. Не слишком ли жирно, нас кто оденет? — продолжала в том же духе Алина.

Саманта шутку подруги поняла, но не стала реагировать и вопросительно посмотрела на Курмана.

— Мне надо костюм, короткое пальто, сорочки, обувь, — улыбнулся Курман.

— Сразу говори: дорогие приличные вещи или дешёвые, с оптового рынка?

— Праздничную, чтобы можно было в ресторан сходить.

— Тогда готовь деньги! Идём! Здесь недалеко солидный салон мужской одежды, — сказала Алина.

В магазине Алина командовала:

— Костюм надо брать из хорошей дорогой ткани. Фасон

европейский, чтобы ты себя чувствовал лёгким, — говорила она и щупала ткань, рассматривала у окна. Затем висящий на плечиках костюм приставляла к фигуре парня, глядела, как он смотрится на фоне лица, иногда возвращалась к уже осмотренному.

Так же она подбирала сорочки, галстук, туфли. Когда парень расплатился и за обувь, смотря свысока, она спросила:

— Доволен?

— Конечно, ханум! — Курман стал подыгрывать командному тону девушки.

— Ты со мной не шути. Разговаривай серьёзно! И всё время разрешения у нас с Самантой спрашивай! Понаехали! — отреагировала она.

— Всё купили? — чтобы сгладить задиристый тон, поторопилась спросить Саманта.

— Из одежды всё. Мне надо и на склад попасть, кое-что из инструментов приобрести.

— Склад знаешь где? — спросила Алина.

— Да, конечно, — ответил парень.

— Ты тогда езжай, а мы с Самантой зайдём ко мне в библиотеку. После к нам подъедешь!

— Постараюсь! Саманту я вам не оставлю!

— Только попробуй! Через Скотланд-ярд достанем! Собаками затравим! Ты ниггер наш! — пригрозила Алина.

Курман высадил девушек возле библиотеки и уехал.

— У нас в отделе много девушек, не дадут поговорить. Давай зайдём в кофейню, кофе попьём, заодно поговорим.

Они зашли в кофейню. Там оказались несколько посетителей. Взяв по чашке кофе, сели в уголке.

— Слушай, а этот Курман внешне выглядит неплохо и на тебя преданно смотрит! — сказала Алина.

— Он мне сделал сегодня предложение, — смущаясь, ответила Саманта.

— Ничего себе! Он знает о том, что с тобой произошло?

— Знает. Он и сам разведённый. Правда, детей нет.

— Это же к лучшему. Ты его давно знаешь?

— Почти год знаю. Он сразу пристал с женьитьбой. А после уехал.

— Да, если бы год назад вы женились... Всё было бы по-другому! Главное, он тебе нравится? — спросила Алина.

— Честно скажу, нравится. Но я в семейном счастье разuverилась. Я столько всего пережила.

— Он не будет упрекать? — пытливо спросила Алина.

— Сказал, что было до этого, его не будет волновать.

— Тогда бери быка за рога. С самого начала никаких уступок! Не показывай себя ущербной. Пусть ценит тебя! Такую красавицу судьба ему подкинула! Делай его нашим. От женщины зависит будущее семьи.

— Я бы гордилась им, если у нас всё получится! — с мольбой проговорила Саманта.

— Ты это ему не показывай! Чувства женщины должны быть внутри. Ньюни не распускай. Ты его нашим делай!

— Как это?

— У тебя должна стоять такая задача! Живи для народа! В переписи шестидесятых годов ташкентских ногайцев было несколько тысяч. А сейчас их, кажется, прибрали к себе. Они в переписи не указываются. Узбеков около пятидесяти миллионов. Зачем им эти несколько тысяч? Пусть возвращают! Раз живут у нас, пусть становятся россиянами! Так уж случилось: зверь сам в капкан полез!

Саманта рассмеялась:

— Ты чего его так? Со зверем сравниваешь?! — подумав, она оставила смех. Добавила: — Ты глубоко копаешь! Детей я могу по нашему воспитать, а как ты со взрослым мужчиной справишься? Пусть сам решает.

— Я о том же. Детей делай ногайцами! Дети будут расти с тобой и пусть выбирают материнскую нацию. Нас мало!

— Это как получится! — неопределённо сказала Саманта.

— Пусть получится!

— Сначала детей надо родить и воспитать. Да и выйти замуж надо, — рассмеялась Саманта.

— В общем, я тебя поздравляю! Я в тебя верю! Слушай меня! — патетически проговорила Алина. После осторожно спросила: — Саманта, а что ты делала в банке?

— Ой, подруга, не спрашивай даже. Не знаю, что тебе сказать! На днях будет ясно, тогда и расскажу.

— Не хочешь — не рассказывай. — Помолчав, девушка добавила: — Кажется, я тоже замуж выхожу. Второй год Тимур за мной бегаёт, а вчера признание сделал. И сказал, что женится.

— Как я рада за тебя! — воскликнула Саманта.

— Всё дело в нас. Многие наши мужчины ни денег в дом не приносили, ни жён не умели любить, да и защищать не хотели. Блудили направо, беспробудно пили, без конца шашлыки на природе ели, а дома при удобном случае топтали ногами, издевались. Обычаями прикрывались. Это, когда женщина была в рабстве патриархальной семьи, мужчина всё брал на себя, содержал и жену, и детей. Сейчас дошло до того, что в некоторых семьях женщина одна зарабатывала деньги, всё делала по дому, да ещё от изверга терпела побои и издевательства. Нагулялись джигиты! Я своего ни на море, никуда на отдых одного не отправлю. Где он, там и мы с детьми. Или пусть катится ко всем чертям. Я не потерплю их самодеятельности! Я так и сказала Тимуру!

— Ты сможешь! Я верю! — улыбнулась Саманта, подумав, добавила, — Алина, я не доросла до твоих мыслей, но я обязательно в этом разберусь. Человеку сначала надо сделать свою жизнь достойной, а после думать об остальных...

На обратном пути как-то само по себе вышло. Курман специально уменьшил бег машины и сам поднял тему, на которой была зациклена Алина:

— Я что думаю, — начал он, — твоя Алина права, когда сказала, что меня надо делать своим. Я действительно намереваюсь получить гражданство здесь, — он вопросительно посмотрел на Саманту.

— Это так важно? — спросила девушка.

— Во-первых, мне нравится страна; во-вторых, узбеки нахлынули в Россию не от хорошей жизни, в Узбекистане нет работы, люди там очень хотят работать и даже на рабскую работу согласны. Наши едут и из-за того, что здесь в стране можем общаться на русском языке. В-третьих, здесь ты и я решили связать свою судьбу. Я понимаю, что ты боишься уезжать на неведомую землю, а я не боюсь здесь оставаться.

— Тогда принимай гражданство, — понимающе согласилась Саманта.

— Как твоя фамилия? — спросил Курман.

— Кельдиева.

— При оформлении брака ты не прочь, если я стану Кельдиевым Курманом Баймуратовичем?

— С чего бы это? А после как? — удивилась девушка.

— Так и останется. Дети будут Кельдиевыми, только Курмановичами, то есть моими. Как сказала Алина: вот я и стану вашим.

— Мне сложно это понять! А какой в этом другой смысл? Твои не обидятся, если ты поменяешь отцовскую фамилию?

— Ещё совсем недавно у нас фамилии записывались по имени отца. Новое поколение с новой фамилией. Мы, как у вас, не придаём большое значение этому, — проговорил Курман.

— А зачем так усложнять?

— Наши, чтобы остаться в России, берут фамилии россиян, на которых женятся. В Москве узбеки берут русские фамилии, чтобы быстрее узаконить гражданство. А я беру фамилию девушки своей национальности. Ты не против?

— Неожиданно. После чтобы не пожалел. Я тебя к этому не принуждаю.

Вместо эпилога

Наш рассказ подходит к завершению. Странные явления происходят в художественной литературе, пространные описания стали скучными и назойливыми. Сопереживание, изливания чувств и их мотивация становятся сентиментальными и банальными. Авторам зачастую приходится быть краткими, излагать всё, как говорится, «по диагонали». То есть, поддельваясь под читателя, одолевающего книгу за несколько часов.

Но как всё это бывает несправедливо, когда касается такой героини, как Саманта! Изначально всю её жизнь можно было рассказать в двух словах. Например: Саманта явилась. Однако это означало бы, что о ней ничего не рассказали. Тогда мы попробовали отобразить это в десяти плоско-

стях жизненного пространства – онкамер. Цифра десять знаковая для рода человеческого. Напомним хотя бы о десяти заповедях. Поэтому поведали о том, где родилась девушка, рассказали об её родных и соотечественниках, маленьком ауле, об её испытаниях. Делалось это ради того, что нам же интересно узнать о девушке из высоких гор Перу, или дочери фермера из небольшой страны Исландия, или о знойной красавице из деревушки, затерянной в джунглях Таиланда. Так и вам, подумали мы, интересно будет узнать о девушке из небольшого, непонятого на первый взгляд аула Май-тогай. Мир интересен своим разнообразием.

Итак, в двух словах о том, какие события произошли в ближайшие годы с нашими героями. Саманта с Курманом поженились. Жених поменял фамилию на фамилию невесты. После съездили в Новосибирск. Зарема немало намыкалась во время отлучки. Она познакомилась с жизнью чужого города, оценила реальность и поняла, что никто её там не ждёт с распростёртыми объятиями. Всюду жизнь зависит от собственных усилий, и успех даётся тогда, когда к нему стремишься. От материальных благ зависело не только её будущее, но и будущее сына. А ей повезло, и нельзя было упускать шанс. Саманта уговорила подругу вернуться.

Через некоторое время после изложенных событий в городе Н-ске заработал универмаг «Саманта». Рядом с универмагом Темирбек и Зарема стали строить развлекательный центр с кинотеатром и бассейном.

Главная героиня нашего повествования Саманта развивала бизнес с Курманом. Она получила диплом о высшем образовании, родила мальчика и девочку и стала в городе довольно известным человеком. Универмаг стал приносить ощутимую прибыль. К моменту завершения описания (2020-му году) Саманта с мужем купили пансионат в Турции. Теперь туда, на побережье Средиземного моря, как будто в аул, ездили Саманта с детьми и её подруги: Алина и Зарема с семьями. Информация и Ання, ставшие пенсионерами, тоже съездили на курорт. Только каждый в отдельности, потому что кому-то надо было смотреть за домом, птицей и коровой. Ання, хотя из окна было видно, как плещется море, ни разу не сходила на пляж. Она все дни пребывания думала о том, как там муж справляется с дойкой, даёт ли он вовремя корм прожорливым уткам. В пансионате ей было интересно. Все отдыхающие были из России. Она никого не знала, но

всё время садилась в фойе в кресло, прислушивалась к разговору и скучала по своей стране. Молча дождалась она возвращения домой и, когда Курман на внедорожнике довёз её до аула, она, как утка с распластанными крыльями, с радостью влетела в свой двор.

С Информацией было хуже. И он не больно-то стремился к пляжу, который был в двухстах метрах от пансионата. Очень стеснялся он тамошней публики. Особенно после того, как в день приезда поспешил к морю и увидел загорелую тётку без всякого белья. Тётка была в стрингах, но он её одеяние за бельё не посчитал.

К пансионату был подсоединён российский канал телевидения. Он сидел, днём и ночью смотрел телевизор. Все двенадцать дней. Купался под душем. А ещё спускался в столовую и употреблял стаканчик водки. Водку давали бесплатно. Информация возмущался расточительством дочери, но стаканчик пропускал. Всё то, что он видел и перепробовал, можно было спокойно испытать, не улетая из своей страны. Вернувшись домой, он с восторгом рассказывал Гондурасу, как удивительна заграница.

Умудрённый большим жизненным опытом читатель может заключить, что факт приобретения наследства весьма необоснованный, в нём слишком поверхностна мотивация. Даже могут обвинить нашу героиню в противозаконном обогащении. Но что такое закон? Не зря у русских есть пословица: закон что дышло, куда поворотил, так и вышло. Обретение богатства по завещанию, как ни поворачивай, законно. Выяснить, как получил своё богатство завещатель, равносильно объяснению того, каким образом наши доморощенные олигархи приобрели нефтяные, газовые, никелевые, энергетические и другие кампании. Провести ревизию закон не позволит. По понятиям приобретают эти кампании наиболее удачливые. В литературе есть уникальный герой Чичиков, скупавший мёртвые души; наши современники назвали бы его торговцем воздухом. Он вышел из бедноты, но сумел благодаря этакой вот торговле стать значительной величиной. Современные Чичиковы стали олигархами. Да, могут сказать, что Саманта получила наследство не по понятиям. Но подумайте сами, кому мог оставить свою собственность наследный принц всемогущей партии Вилен Сакаев? Партия, из которой росли ноги обогащения, потеряла свою самобытность, перестала быть

такой, как прежде. Детей Вилен не имел, родная мать отказалась от него, а передавать собственность бандюганам и отпетым мошенникам он не желал. Вот и оставалось распределить то, что он имел, по понятиям. Саманта могла отказаться от наследства? Это было бы тоже по понятиям. Но такое возможно только в коммунистических сказках. От счастья, от добра не отказываются. Богатство ей подарила сама жизнь. Сверху упало. Миллионы, миллиарды людей на планете жаждут такого чуда. И оно случилось. Для Виленна на небосклоне горела единственная звезда — Саманта. Для нас она тоже горит ярким светом во мгле.

Многие наши повествования начинались с того, как мальчик, сирота неизвестного рода и племени, шёл за арбой и выходил в новую жизнь, где становился повелителем страны и нового порядка. Что-то похожее случилось и в родословной нашей Саманты. Её дедушка был таким, доведённым властью до самой крайности, до потери человеческого обличья. Он и явился в аул. Но сама Саманта — не народная, не типичная, поэтому не надо сравнивать, негодовать и сокрушаться. Это говорится для блюстителей махровых традиций, которые постараются изобличить нас в недостоверности. Девушка не имеет отношения к вашим сёстрам и мамам, бабушкам и дочерям. Чтобы рассказать о становлении Саманты, использован небольшой период её жизни. Сначала она была у края пропасти, могла так упасть, что никогда не выбралась бы. За этот короткий срок она должна была пройти путь предков. И она как-то по-женски его прошла! А могла бы столько раз погибнуть, и не осталось бы от неё никакого следа...

Что такое жизнь? За секунду остановится дыхание — и тебя нет. Упал неудачно — и тебя нет. Налетела машина — и нет тебя. Это может произойти в любой момент. В самое мирное время. Девушка жила, как кажется, весьма спонтанно. Но если присмотреться, существовали какие-то нити, о которых никто не знал, и сама она не догадывалась. За нами всё время кто-то стоит, кто-то наблюдает. Некоторых, целеустремлённых, поддерживает, ошибающихся поправляет, а безвольных оставляет на расправу небесным грифам и земным шакалам. Саманта — левой цветок, выживший на неухоженной грядке. Он в любое время мог зарости бурьяном, попасть под тяпку земледельца или под плуг пахаря, под ядовитые ядохимикаты или под кислотный дождь. Но этого не случилось. Благодаря чему? Это трудно установить. Для многих жизнь бессмысленна. Смысл существования у Саманты был — выжить. Она выжила. Может быть, это и есть главное предназначение человека? Выживет один — не умрёт человечество, погибнет он — вымрет последний из рода человеческого. Выживет женщина — народ останется жить в этом мире. В том-то всё и дело!

ПРИМЕЧАНИЯ:

Онкамер — форма, модель современных изысканий. Время деформирует и размывает действительность, онкамер с помощью проецирования её на условных плоскостях создаёт новую реальность. В онкамере для достижения цели использованы различные контрастные точки обзора, разные стили повествования, повторения, лоскутки ассоциативного мышления.

В философском смысле это произведение о том, как молодая ногайская девушка выбирается из трущоб прошлого.

Иса Суюнович Капаев

Саманта

Роман онкамер

Оформление, художественное редактирование,
компьютерная графика и вёрстка — *А. Я. Алимовой*
Технический редактор *А. Я. Унежова*

Подписано к печати 27.08.2020.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «SchoolBooCTT». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,8. Усл. кр.-отт.33,2. Уч.-изд. л. 32, 9.
Тираж 300 экз. Заказ №

К 70

И.С. Капаев. Саманта. Москва, 2020.—504 с.

ISBN 978-5-7117-0839-1

В новом романе «Саманта» писатель рассматривает жизнь современного аула и города, его волнует соотношение традиционного и нового в жизни, интересует тема преемственности поколений и сбережения национальной культуры.

84 (2Рос-Ног)6-4